

Лев ЛУРЬЕ
Леонид МАЛЯРОВ

ОКНО
ИСТОРИЮ

Лаврентий
Берия
Кровавый
прагматик

bhv®

Окно в историю

Лев Лурье

**Лаврентий Берия.
Кровавый прагматик**

«БХВ-Петербург»

2015

УДК 94
ББК 63.3(2)

Лурье Л. Я.

Лаврентий Берия. Кровавый прагматик / Л. Я. Лурье — «БХВ-Петербург», 2015 — (Окно в историю)

ISBN 978-5-9775-0753-0

Эта книга – объективный и взвешенный взгляд на неоднозначную фигуру Лаврентия Павловича Берии, человека по-своему выдающегося, но исключительно неприятного, сделавшего Грузию процветающей республикой, возглавлявшего атомный проект, и в то же время приказавшего запытать тысячи невинных заключенных. В основе книги – большое количество неопубликованных документов грузинского НКВД-КГБ и ЦК компартии Грузии; десятки интервью исследователей и очевидцев событий, в том числе и тех, кто лично знал Берию. А также любопытные интригующие детали биографии Берии, на которые обычно не обращали внимания историки. Книгу иллюстрируют архивные снимки и оригинальные фотографии с мест событий, сделанные авторами и их коллегами. Для широкого круга читателей

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9775-0753-0

© Лурье Л. Я., 2015
© БХВ-Петербург, 2015

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Мальчик из Мерхеули	9
Малая родина	10
Семейные тайны	14
Сухуми	18
Баку	23
В мусаватистской контрразведке	32
Азербайджанский чекист	42
Первый успех	44
Между ГПУ и институтом	47
Глава 2. Из шашек в дамки	51
Лихое прошлое Кобы	52
Коммунисты, не любившие Сталина	55
Грузинский инцидент	57
Проблема меньшевиков	61
Восстание 1924 года	64
Главный чекист Грузии	72
Рывок к власти	77
Орджоникидзе теряет Кавказ	81
Во главе Закавказья	87
Глава 3. Первый секретарь	91
На хозяйстве	92
Берия пишет Сталину	99
Первый секретарь в повседневной жизни	105
Берия и сталинизм	118
Гори	125
Глава 4. Мечь благодетелям	129
Уничтожение Орджоникидзе	131
Разгром Абхазии	141
Глава 5. Большой террор в Грузии	159
1937 год	160
Апогей террора	175
Мамия Орахелашвили	182
Берия – Сталину. 1937	186
Бериевцы за работой	188
Смерть поэтов	193
Глава 6. Провинциал в Москве	205
Первопрестольная	206
Конфликт с Ежовым	209
Бериевцы	216
Бериевский поток	220
Предвоенная чистка	222
Завершая дела Ежова	226
Ликвидаторы	233
Дело о военном заговоре 1941 года	239
Глава 7. Нарком на войне	242

Начало Великой Отечественной	243
Полководец Берия	246
Мятежи и депортации	256
Польша	260
Глава 8. Атомная бомба	262
Взгляд из Лондона	263
На пороге атомной эры	275
Специальный комитет	280
Немецкий уран для советской бомбы	289
У самого Черного моря	300
ЦРУ против Берии	312
Золотая клетка и ее обитатели	325
Большой взрыв	334
Глава 9. После войны	338
Бес в ребро?	339
«Я Берии не доверяю...»	347
«Ленинградское дело»	350
«Мегрельское дело»	358
Глава 10. 112 дней Лаврентия Берии	366
«Я убрал его очень вовремя...»	367
Советы без коммунистов	375
Июньский путч	385
Палач под следствием	387
Избранная литература	396

Л. Я. Лурье, Л. И. Маляров
Лаврентий Берия. Кровавый прагматик

© Лурье Л. Я., Маляров Л. И., 2015

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2015

Предисловие

В 2008 году, незадолго до русско-грузинской войны, телевизионная группа петербургского Пятого канала, в которую входили оба автора этой книги, совершила продолжительную поездку по местам жизни и деятельности Лаврентия Берии. Целью путешествия была съемка четырехсерийного документального фильма «Подсудимый Берия». Мы побывали в Сухуми, Мерхеули, Тбилиси, Гори, Баку, Балаханах, Сарове, Берлине, в Нижней Саксонии и, конечно, в Москве. Группа взяла интервью у немногих оставшихся в живых современников нашего героя и тех, кто знал о Лаврентии Берии по рассказам родителей, бабушек и дедушек. Мы изучили опубликованные к этому моменту документы, побывали в грузинских архивах, поговорили с экспертами. Чем дольше продолжалось наше путешествие, чем больше мы узнавали и видели, тем рельефнее и грандиознее представляли дела нашего героя и тем неоднозначнее и загадочнее становился он сам – Лаврентий Павлович Берия.

Фильм «Подсудимый Берия» прошел на Пятом канале с высоким рейтингом. Зрительский интерес мы объясняем великолепной работой режиссера-постановщика Левана Адамии, завораживающей, «атмосферной» музыкой композитора Георгия Дзодзуашвили; к тому же это оказался первый большой документальный фильм о Берии, в котором его личность и дела показаны с разных сторон с максимальной объективностью.

И все-таки в рамках четырехсерийного фильма невозможно было рассказать все, что мы узнали и успели понять. Остались за кадром наши впечатления от городов, стран и встреч с замечательными людьми. Наконец, осталась загадка исторической личности и его великой страшной эпохи, которую мы попытаемся разгадать, мысленно вновь отправившись в это путешествие сквозь время, города и страны. Надеемся, что этот вояж окажется занимательным и познавательным для нашего уважаемого читателя.

Всякий добросовестный биограф Лаврентия Берии сталкивается с немалыми трудностями. Личный архив героя этой книги то ли уничтожен, то ли недоступен исследователям. Пока Лаврентий Павлович был в силе, в печати время от времени появлялись короткие биографические заметки, прежде всего перед выборами в Верховные Советы Грузинской ССР и СССР. Есть несколько льстивых брошюр, как всегда в коммунистический период более напоминающих житие святого, чем описание действительного жизненного пути партийного лидера.

После же 1953 года про Берию было достаточно знать, что он английский шпион и враг народа. Именно ему приписывалась вина и за сталинские репрессии, и за военные неудачи.

Со времен горбачевской перестройки опубликовано множество важных источников, посвященных жизни и деятельности одного из ярчайших политических деятелей сталинского периода. Были изданы сборники документов о деятельности Берии на Лубянке, о системе ГУЛага, Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС 1953 года и сборник материалов следственных дел Берии и бериевцев. Огромную работу проделали историки общества «Мемориал» по изучению ГУЛага, кадрового состава НКВД и репрессий 1930–1950-х годов.

Сегодня в каждом книжном магазине можно найти множество сочинений о Лаврентии Берии. Но, к сожалению, большинство из них – апологетическая сталинистская халтура. Авторы придумывают несуществующие дневники Лаврентия Павловича, рассказывают о его таинственных двойниках, обеляют очевидные зверства нашего героя.

Есть, конечно, и исключения. Например, вполне добросовестная, легко написанная книга Бориса Соколова. Основанная на изучении следственного дела Берии (до сих пор полностью недоступного историкам) книга Андрея Сухомлинова «Кто вы, Лаврентий Берия?». Научной биографии Берии на русском языке, подобной книге Никиты Петрова о Ежове, увы, пока нет. Похожую биографию тесно связанного с Лаврентием Павловичем главы Советского Азербайджана, Мир Джафара Багирова написал на базе документов ЦК компартии Азербайджана док-

тор наук Эльдар Исмаилов, наш добрый знакомый, который дал нам превосходное интервью в Баку. К сожалению, недавно он ушел из жизни.

На английском языке биографию Берии выпустила американка Эмми Найт. Работа ее вышла в 1993 году и не переведена на русский язык. К тому же с тех пор было опубликовано множество новых источников.

Что же нового найдет читатель в нашей книге? Во-первых, благодаря помощи архивных работников Грузии удалось познакомиться с большим количеством неопубликованных документов грузинского НКВД-КГБ и ЦК компартии Грузии. Нами были просмотрены подшивки тбилисских газет «Коммунист» и «Заря Востока» за 1920–1930-е годы (некоторые из газетных материалов представлены в качестве иллюстрации к книге). Записаны, а теперь и опубликованы десятки интервью исследователей и очевидцев событий, в том числе и тех, кто лично знал, видел Лаврентия Берию. Кроме того, исследуя и анализируя документы, нам удалось обнаружить ряд любопытных интригующих деталей биографии Берии, на которые обычно не обращали внимания историки. И наконец, книгу иллюстрируют оригинальные фотографии с мест событий, сделанные авторами и членами съемочной группы во время нашего кинопутешествия. Мы выражаем искреннюю благодарность своим коллегам по командировкам и авторам части фотографий – продюсеру Вере Огурцовой, режиссеру Елене Тихоновой, оператору-постановщику Игорю Юрову, видеоинженеру Ивану Николаеву, администраторам Екатерине Бердниковой и Алене Маркиной.

Мы старались быть максимально объективными, не романтизируя, но и не демонизируя нашего героя. Человек он был по-своему выдающийся, но исключительно неприятный. Представить без него историю России XX столетия невозможно. Перед вами не сухая научная монография, во многом она основана на наших личных впечатлениях, полученных в результате бесед с разными людьми, каждый из которых имел свой взгляд на Лаврентия Берию. Мы постарались учесть все доступные источники и исследования.

Книга предназначена для широкого круга читателей; надеемся, она будет интересна и специалистам.

Глава 1. Мальчик из Мерхеули

Если считать, что всякая биография – это роман воспитания, то нас интересует прежде всего детство и юность нашего героя. Что в маленьком мальчике из села Мерхеули предсказало и обусловило его дальнейшую головокружительную карьеру?

Свое путешествие для съемок фильма мы начали с Абхазии. На тот момент страна, еще не восстановившаяся после войны за независимость с Грузией, лежала в руинах. В центре Сухуми и окрестных селах множество разрушенных и пустых домов, принадлежавших грузинам и людям других национальностей, покинувшим этот благодатный край. Принимали нас, впрочем, с искренним радушием и кавказским гостеприимством. Может, отчасти это было связано с тем, что один из членов нашей съемочной группы Алексей Чачба – выходец из знатного абхазского рода. Абхазия – страна маленькая, здесь всех все знают. Президент пьет кофе на набережной, обмениваясь последними новостями с горожанами. Здесь не встретишь кричащего богатства или вопиющей нищеты. Всё выглядит одинаково скромно. Купюра в 500 рублей приводила продавцов магазинов в замешательство. Самыми ходовыми были 10- и 50-рублевые.

Казалось, война прошла не годы назад, а совсем недавно. И все готовы в любой момент, если понадобится, взяться за оружие. Обязательные тосты абхазского застолья – за победу, за погибших, за мир. Когда деликатно интересуешься, почему центр столицы остается в руинах даже через десять лет после войны, абхазы лишь посмеиваются над своей ленью. Они не самые деятельные строители и коммерсанты, но никому не придет в голову усомниться в их храбрости и благородстве. Любой разговор, интервью, с чего бы ни начинались, обязательно сворачивают на абхазо-грузинские отношения. Речь не только о жестокостях войны. Рассказывают об обидах, унижениях, связанных с насильственной грузинизацией Абхазии в советское мирное время. Немалую роль в тех событиях играл герой нашей книги Лаврентий Берия.

На Кавказе мы не встречали поклонников Лаврентия Берии, но степень ненависти к нему в Абхазии зашкаливает. Услышать о нем хоть одно хорошее слово практически невозможно. Берия для абхазов – дьявол во плоти. Причины тому просты и связаны с деятельностью нашего героя в 1930-е годы. О них мы еще расскажем в нашей книге.

Малая родина

Согласно официальным биографиям, Лаврентий Павлович Берия родился в 1899 году в селе Мерхеули, по-абхазски Мерхеул. Он явился на свет на пороге XX века. Его жизнь будет перерезана революцией. Для его сверстников из привилегированных сословий события 1917 года имели обычно роковое значение, они становились «лишенцами», изгоями, часто подвергались политическим репрессиям. Напротив, для наиболее способных и имевших хоть какое-то образование выходцев из крестьян, рабочих и низовой интеллигенции родиться в конце 1890-х – хороший шанс устроить при большевиках стремительную карьеру. Именно на них делает ставку Иосиф Сталин. Сверстниками Берии были Никита Хрущев (1894), Николай Булганин (1895), Георгий Жуков (1896), Андрей Жданов (1896), Георгий Маленков (1901), Николай Вознесенский (1903).

Сухуми с ранами войны

Набережная Сухуми – любимое место променада горожан

Абхазский историк Роин Агрба и редактор Алексей Чачба

Село Мерхеули

Но, конечно, когда Лаврентий Павлович явился на свет, никто не предполагал, как могут сложиться его жизненные обстоятельства. Иосифу Сталину в этот год исполнился двадцать один. До Первой русской революции оставалось шесть лет. Мировая война разразится через пятнадцать. Октябрьская революция произойдет через восемнадцать лет.

Некогда по-преимуществу грузинское село Мерхеули лежит на левом берегу реки Мачара, впадающей в Черное море. Расположено неподалеку от Кодорского ущелья, где в августе 2008-го начались боевые действия. Даже сегодня полупустынное, частью разрушенное село чрезвычайно живописно. От него открывается великолепный вид на долину.

В 1878 году закончилась Русско-турецкая война, которая привела к освобождению Болгарии. Большинство адыгских народов, к которым относятся и абхазы, по предположению русского правительства тайно или явно сочувствовали туркам. В результате часть абхазского населения подверглась той же участи, что за несколько десятков лет до этого их соседи черкесы. Они стали «мухаджирами» – с огромными жертвами были насильно выселены или бежали добровольно в Турцию. Опустело много земли, которую заселил считавшийся дружественным России народ – мегрелы. Мегрелия – ныне часть Грузии, с административным центром в Зугдиди. Она соседствует с Абхазией через реку Ингури.

Эта далекая история имела для Лаврентия Берии некоторые биографические последствия. Абхазы считали и считают себя никак не связанными с Грузией; постепенное заселение их земель мегрелами им казалось ползучей агрессией. С абхазской точки зрения изгнание грузин в середине 1990-х – это расплата за то, что они расселились в опустевших абхазских селах, таких как Мерхеули.

Вражда между соседними народами существовала всегда и не приводила к кровавым столкновениям только потому, что и Абхазия, и Грузия были сначала частью Российской империи, а затем СССР. Но Лаврентию Берии, долгое время возглавлявшему Грузию, а потом «шефствовавшему» над ней из Москвы, постоянно приходилось разбираться в этой вековой распре.

По данным переписи населения 1886 года в селении Мерхеули проживало православных христиан – 446 человек, мусульман-суннитов – 20 человек. По сословному делению в Мерхеули имелось 5 князей, 15 дворян, 5 представителей православного духовенства и 436 крестьян. Представителей «городских» сословий в Мерхеули не проживало. В Мерхеули, согласно данным переписи 1886 года, осталось лишь семь дворов абхазов с общим населением 20 человек: все они являлись представителями высших сословий и мусульманами по вероисповеданию.

Семья Берии происходила из мегрельских выходцев. После распада единого грузинского государства в XV веке Мегрелия почти 400 лет была самостоятельной до того, как в 1803 году последний царь Мегрелии Григорий Дадияни отдался под власть русского государя. И только в 1867 году Мегрелия окончательно объединилась с Россией и вошла в состав Кутаисской губернии. Вплоть до Великой Отечественной войны мегрельский язык считался самостоятельным, хотя и близким грузинскому. На нем издавались газеты, велось делопроизводство. Даже сейчас в независимой Грузии каждый знает, кто он – картлинец, кахетинец, имеретинец, гуриец или мегрел. Любое нарушение баланса между этими группами во власти вызывает ревность тех, кто считает своих земляков обиженными.

Семейные тайны

Согласно канонической биографии Лаврентия Берии, его отец, Павле (Павел) Хухаевич Берия, бежал из Мегрелии в Абхазию в 1857 году. В Мегрелии крепостное право было исключительно жестоким и мало отличалось от рабства. Даже священники считались крепостными. После вступления на престол русского царя Александра II в Мегрелии началось крестьянское восстание против землевладельцев – тавади и археулов. В Зугдиди и его окрестности были введены русские войска. Начались повальные аресты. Официальные биографы Лаврентия Павловича пытались выдать Павле за вожака крестьянского восстания, бежавшего от преследования жандармов. Так биография героя выглядела романтичнее. На самом же деле Павел Берия перебрался в Мерхеули не раньше середины 1890-х годов, то есть вряд ли участвовал в каком бы то ни было мятеже.

Вообще, семья, в которой прошло детство Лаврентия Берии, весьма загадочна. Внимательное изучение документов заставляет по-новому взглянуть на первые годы жизни нашего героя и вызывает немало вопросов. Например, заглянем в официальный документ «Список членов семей и близких родственников осужденных врагов народа Берия, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика, Влодзимирского». В списке четырнадцать близких родственников Лаврентия Павловича. Скажем сразу, даже став одним из главных руководителей СССР, Берия не использовал служебное положение для помощи родне. Одна его сестра работала портнихой, две были колхозницами, две – уже пенсионерками. Обращает на себя внимание очень странное обстоятельство, которого почему-то не касаются биографы Берии. Все родные братья и сестры Лаврентия кроме Анны (Аннеты), как сказано в документе, – от разных отцов.

Самое таинственное и непонятное, как переплелись судьбы отца Лаврентия – Павле Берии – и двух других мужчин или мужей его матери Марты Джакели – Дмитрия и Андрея Кварацхелия. Согласно упомянутому документу, первым у Марты родился Кварацхелия Капитон Дмитриевич. Год рождения его неизвестен, но на его старшинство указывает тот факт, что уже в 1916 году у него появилась дочь Сусанна, племянница Лаврентия. Затем Марта родила девочку – Тамару Дмитриевну Кварацхелия (1898), которая указывается в списке как родная сестра Л. Берии. Можно было бы предположить, что отец детей некий Дмитрий Кварацхелия вскоре умер, так как в следующем, 1899, году родился сам Лаврентий Павлович (не Дмитриевич). Однако прошел еще один год и на свет появилась Кварацхелия-Антадзе Елена Дмитриевна (!), обозначенная в списке как сестра Лаврентия по матери. Получается, что отец Лаврентия Павел Берия к ней отношения не имеет, но имеет отношение первый муж, все тот же Дмитрий Кварацхелия. Который, согласно официальной биографии Берии, к тому времени давно умер. О том, что Марта была вдовой, свидетельствует в своей книге сын Лаврентия Берия Серго: «Бабушка, Марта Джакели, была очень бедной женщиной. Первый муж ее умер, и она, имея сына и дочь, вышла замуж за Павле».

Столь таинственным и кратковременным воскрешением Дмитрия Кварацхелии история не заканчивается. Вскоре на супружеском ложе Марты появляется новый персонаж, но все с той же фамилией Кварацхелия. В 1902 году рождаются сын Ной и дочь Паша Андреевичи (!) Кварацхелия. Невесть откуда взявшийся Андрей спустя время опять проявит себя.

Получается весьма сложная и даже абсурдная картина. Марта Джакели рождает от Дмитрия Кварацхелия сына Капитона и дочь Тамару, затем уходит к Павлу Берия, в результате чего родился Лаврентий. После возвращается к Дмитрию Кварацхелия и рождает дочь Елену. Затем возникает новый персонаж – Андрей Кварацхелия, от которого являются на свет близнецы Паша и Ной. После чего беспокойная Марта возвращается к Павлу Берия и рождает в 1905 году глухонемую Анну, к которой единственной из братьев и сестер Берия относился как к

родной. Но через три года снова всплывает имя Андрея Кварацхелия. От которого появляется сын Лука, родившийся в 1908 году. И все это происходит не в каком-нибудь мегаполисе, а в небольшой кавказской деревне со строгими патриархальными нравами.

По свидетельствам знавших Марту людей, она была женщиной благонравной и набожной. Добросердечную и отзывчивую соседку до сих пор поминают добрым словом в родном селе. Еще более весомым является документ – справка, предоставленная чекистами в ЦК КПСС: «Мать Берия, Берия Марта глубоко верующая женщина, систематически посещает церкви, имеет обширные связи с верующими лицами как в Тбилиси, так и в других районах Грузии». С этим образом никак не вяжутся три одновременно сосуществующих мужа.

Единственное разумное объяснение, которое приходит в голову: уезжая из Мерхеули с сыном Лаврентием и дочерью Анной, Марта доверила остальных своих детей не мужу Павле, а неким своим родственникам, быть может, просто односельчанам Андрею и Дмитрию Кварацхелия, которые их усыновили и дали свои фамилии и отчества.

Из шестерых детей Марта забрала с собою всего двоих – Лаврентия и глухонемую Анну. Взяла, вероятно, самого способного, на кого надеялась, и самую немощную, которую больше жалела, которую трудно было куда-либо пристроить. Из остальных четверых детей к 1953 году трое оставались в Абхазии, одна проживала в Тбилиси. Именно отъезд Марты из Мерхеули объясняет такую путаницу с тремя разными отчествами ее дочерей и сыновей. Про ее мужа Павле мы знаем только из воспоминаний Серго Берия: «Своего деда по отцу Павле я помню смутно. Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном». Был ли Павел именно таким образцовым главой семейства и видел ли на самом деле своего деда Серго, можно только догадываться. Все последующие события показывают, что Марта фактически порвала с ним отношения. И даже не доверила ему своих детей.

Она пристроила их в семьи Дмитрия и Андрея Кварацхелия, которые усыновили их и дали свою фамилию и отцовские имена в качестве отчества. Видимо, и учитель Лаврентия Николай Кварацхелия принадлежал к тому же семейству. Эта версия представляется авторам наиболее правдоподобной.

В любом случае эти сведения дают возможность лучше понять личность и поступки Берии. Становится более объяснимым странное для грузина невнимание и даже пренебрежение к близким родственникам. В большинстве своем они остались жить там, где родились, и были простыми рабочими, колхозниками.

Есть два исключения. Мать Марта проживала в большой квартире в одном из лучших домов Тбилиси. А глухонемой сестре Аннете устроили благополучную семейную жизнь. Выдали замуж за инженера коммерческой службы Управления Закавказской железной дороги Ливана Луладзе, который был на 6 лет моложе супруги. Впрочем, даже этих самых близких родных людей Лаврентий не баловал вниманием. Как показала на допросе его мать Марта (жила с дочерью, внучкой и зятем в Тбилиси на улице Саджая, дом 5/7, принадлежавший МВД), «в течение 17 лет после перевода из Тбилиси своего сына Л. П. Берию я видела всего три раза». Надо сказать, что точно также к своим родственникам относился и грузин Иосиф Сталин.

Вахтанг Капитонович Кварацхелия, сын старшего брата Берии Капитона Дмитриевича, писал в 1953 году в следственную комиссию по делу своего дяди:

Несмотря на такое близкое родство, наша семья никогда не имела связи с Л. П. Берия и его семьей. В 1937 году я и моя трехлетняя племянница (дочь сестры) в первый и последний раз за нашу жизнь увидели Л. П. Берию у него дома в Тбилиси. Встреча продолжалась всего несколько минут, причем мне был задан один вопрос: «В каком классе я учусь?»... В 1950 году мой отец в результате несчастного случая после тяжелых мучений скончался. На наши отчаянные призывы о помощи опытным хирургам для операции Л. П.

Берия даже не ответил. Более того, во время похорон моего отца в Сухуми сам Берия тоже находился в Сухуми, но он не только не оказал никакой материальной помощи, но даже не прислал телеграммы с соболезнованием... Вполне естественно, что в нашей семье часто возникали вопросы и недоумения о причинах такого наплевательского отношения к нам со стороны Л. П. Берии. Но они так и остались загадкой.¹

Единственной, кто однажды помог Вахтангу Кварацхелии, была супруга Лаврентия Нина. В 1947 году он тяжело заболел туберкулезом и был по рекомендации Нины Теймуразовны устроен в туберкулезный санаторий, и, «когда процесс стал катастрофически развиваться, мне после операции достали стрептомицин». Впрочем, все эти берущие за душу признания не спасли Вахтанга Кварацхелию от ссылки в Красноярский край.

Павле и Марта Берии жили в Мерхеули обычной крестьянской жизнью. Занимались тем же, чем и другие земледельцы Сухумского округа – выращивали табак, виноград, разводили пчел. Рядом с Мерхеули прекрасные альпийские луга, что способствовало животноводству, особенно молочному. Марта, в отличие от своего мужа, находилась в свойстве с главным мегрельским аристократическим родом – Дадзани. Впрочем, разорившихся дворян в Грузии было так много, что в России и на Кавказе грузин даже дразнили «князьями».

У Павле и Марты формально было трое общих детей, но судьба двоих сложилась трагично. Один мальчик прожил всего два года и, заболев оспой, умер. Стала глухонемой после перенесенного заболевания Анна. Вся надежда оставалась на Лаврентия. Согласно официальной биографии Берии, Павле и Марта очень хотели, чтобы их сын получил образование.

Нико Кварацхелия, местный учитель, обнаружил, что Лаврентий очень способный мальчик: замечательно учится устному счету и русскому языку. И он посоветовал Марте и Павле отдать Лаврентия учиться в Сухуми. Документов той поры не существует, абхазские архивы целиком сгорели во время штурма Сухуми. Но в селе Мерхеули немногие оставшиеся земляки помнят рассказы родителей о детстве Берии, его учителе и о том, каким почетом было окружено село Мерхеули, благодаря его знаменитому выходцу.

Нелли Гвинджилия, жительница села Мерхеули:

С детства Берия учился грамоте. Его воспитатель Нико Кварацхелия рассказывал, что он был способный на учебу, очень способный. Он еще дерзкий был на характер, но на учебу был способный. И три километра в школу он ходил босиком по грязи. Не на что было купить обуви, беднота была. А вот все равно выучился, закончил на «отлично» школу и так дальше пошел учиться. Он был из бедной семьи, и его воспитатель был очень бедный. Очень уважали мы мать Лаврентия Марту, и родственники и соседи очень уважали. Она была отзывчива. Кто к ней обращался за помощью, сколько могла, она помогала всем, до самой своей смерти. К ней обращались. А к Берии не обращались. Говорили, что он не подаст руку помощи никому и всем отказывал. Несколько раз приезжал Берия в Сухуми и в Пицунду, где он на Черном море отдыхал, но ни разу в нашу деревню не приехал. Очень обижался воспитатель, Нико Кварацхелия, что он его не проводывал. Для грузин это позорно. Быть где-то близко и воспитателя, можно сказать родственника, не навестить, не подойти, не спросить «как ты?», «надо ли что»? У этого старика-воспитателя была на него обида. А так, когда отдыхали пионеры со всего Советского Союза у нас на Черном море, то они приезжали на грузовых машинах с песнями, цветами к этому воспитателю прямо домой. И там пели,

¹ В цитатах документов сохранена орфография того времени. – *Ред.*

выступали, танцевали и уезжали. Вот такой почет был Нико Кварацхелии из-за Берии. У школы памятник Берии стоял, высокий, в полный рост. Нико очень добрый был, он умер, когда ему сто лет было. Я его хорошо помню.

От памятника Берии не осталось и следа. На месте родового дома – поросшие лесом руины. Время стерло почти все следы этого человека на абхазской земле. Впрочем, как мы можем понять из документов и воспоминаний односельчан, сам Лаврентий не испытывал ностальгии по родным местам. И сам будто старался стереть Мерхеули из памяти. Словно и не было того нищего унижительного детства, не было родных и не очень братьев и сестер, не было отца Павле. Отношение к отцу, как покажут последующие события, быть может, одна из ключевых загадок в понимании нашего героя. Он будет еще не раз искать и находить «отцов», а потом предавать и губить их.

А пока Лаврентий навсегда оставил своего родного отца Павле и село Мерхеули, чтобы выучиться и вырваться из нищенской крестьянской жизни.

Сухуми

Подавляющее большинство крестьян в Грузии были безграмотны. Во многом потому что обучение велось на русском языке. Да и школ немного. Единственный выход – это поступить в училище. В духовное, как это сделал Сталин в Гори. Или в высшее начальное в Сухуми (его еще называли – горским). Высшие начальные училища состояли из четырех классов с годичным курсом в каждом. В них принимались дети 10–13 лет, окончившие начальную школу. Выпускники высших начальных училищ обычно поступали в учительские семинарии или технические училища.

Сухуми в начале XX века – модный российский курорт. Роскошный бульвар вдоль моря, клубы, хорошая библиотека, несколько купальных заведений. От пристани отходят пароходы на Батум и в Одессу. Три больших сада, в том числе Ботанический. Именно в то время, когда Берия учится в Сухуми, в Российской империи возник интерес к этой так называемой русской Ривьере. Крым уже освоен, там – летние императорские резиденции. Теперь наступает время Кавказа.

В начале XX века в России появляется многочисленный средний класс. У этих людей нет наследственных имений, они не могут позволить себе частые поездки на заграничные курорты. А Сухуми относительно дешев и привлекает людей, страдающих разными недугами, особенно поздней осенью и зимой. Город бурно строится. Великолепные дома, дачи, виллы, отели, рестораны. Сюда с удовольствием едет русская интеллигенция: врачи, педагоги, инженеры, строители.

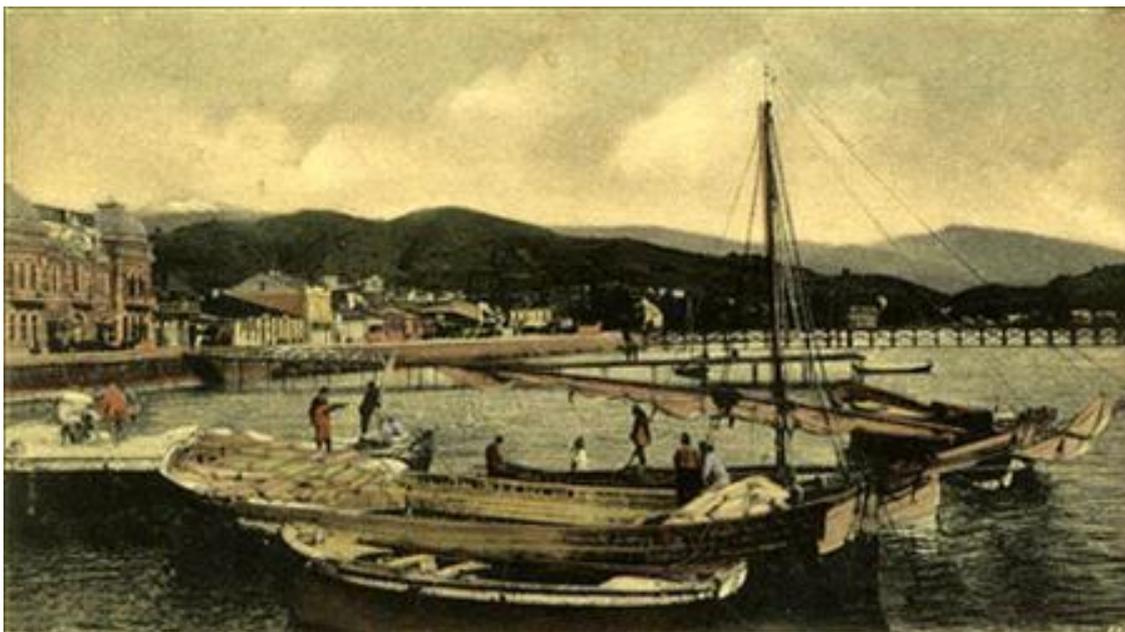
Тогдашний путеводитель пишет: «Привлекая каждый год все больше и больше больных, Сухум тем не менее не отличается благоустройством, улицы довольно грязны, освещение плохое, удобных помещений для больных почти вовсе нет».

Для маленького деревенского мальчика, впервые попавшего в город, важна его многонациональность, как сейчас бы сказали – мультикультурность. В тогдашнем Сухуми живут грузины, абхазы, армяне, греки, русские. Среди портовых рабочих много турок и персов.

Писатель Фазиль Искандер рассказал нам о том, каким помнит Сухуми во времена его детства:

Сухумчане это люди всех национальностей. Абхазцы, грузины, мингрельцы, армяне. Тогда еще турков было достаточно много. Такие типичные жители южного города с достаточно типичными для них страстями. Кроме работы, конечно, они увлекались застольем. Выпивкой. Компании отличались довольно высоким уровнем интернационального сообщества. В застолье, это насколько я его помню, совершенно не интересовались национальным происхождением человека. Просто, если он им казался интересным, приятным, он был застольцем, и все. Я не помню жалоб на какую-либо нацию.

Берия был толковым мальчиком, но чтобы поступить в городское училище – одних способностей недостаточно. Жизнь в городе стоила дорого, в училище был большой конкурс. Считается, что свою роль в успешном поступлении сыграли родственные связи Марты Берия. Тем не менее, без материальных жертв не обошлось. Согласно книге Серго Берии, Павле и Марте, чтобы содержать сына в Сухуми, пришлось продать половину своего дома.

Сухуми, начало XX века. Вид на Чернявскую гору

Сухуми, начало XX века. Уличные чистильщики сапог

Марта могла зарабатывать на жизнь самостоятельно, она была портнихой и, видимо, умелой. Готовой одежды в магазинах и лавках в те времена практически не было, и бедные и богатые шили наряды из купленной ткани. Например, в Санкт-Петербурге портные-надомники занимали целую улицу – Апраксин переулок.

Здание высшего городского училища находится в центре Сухуми. До Абхазо-грузинской войны это было импозантное трехэтажное строение в стиле модерн. Сейчас – благородные руины.

Документов об успеваемости Лаврентия Берии в Сухумском училище не сохранилось. В Абхазии его по понятным причинам не любят. Любящий сын Серго писал, что отец окончил

училище с отличием. Местный писатель и журналист Виталий Шария интересовался личностью Берии и собирал о нем материал еще в 1980-х годах, когда абхазские архивы не были уничтожены и оставались живы люди, слышавшие о Берии из первых уст. Ему удалось узнать любопытные детали о жизни и личности юного Лаврентия.

Виталий Шария, журналист, писатель:

Я заинтересовался этой темой в годы горбачевской перестройки. Поскольку до этого эта тема была под таким полузапретом. Нигде в прессе об этом не писалось. Люди знали, что Берия родился в селе Мерхеули. Под Сухумом. Учился потом здесь, в школе. Вот это было известно. Что? Как? Где? Это все было покрыто уже мраком неизвестности.

Когда я загорелся идеей написать рассказ именно о том периоде, как формировалась эта личность, то начал искать какие-то достоверные данные. Начал спрашивать у пожилых людей, у наших историков. И мне, например, удалось выйти только на одного человека, который учился в том же самом сухумском городском училище, в котором учился Лаврентий Берия. Не в одном классе, а немножко он был помладше. Кое-что он мне рассказал. И жил у нас писатель Иван Гагуа. Он рассказывал, что его отец учился вместе с Берией. И у Лаврентия было прозвище «головастик». Скорее всего, так и было. Показали мне дом, где жил, якобы, Лаврентий, когда учился в этом училище. Он сохранился. Сейчас по улице Обозинская, 100, одноэтажный домик. О том, каким был он в детстве. Говорят, что играл роль такого сыщика школьного. Причем иногда прятал чьи-то вещи, чтобы потом их найти. Чтобы у него такая слава была – Пинкертона.

Я пошел в Государственный архив Абхазии, который, к сожалению, потом, во время Грузино-абхазской войны, был сожжен. А вот тогда все эти хранились документы. В том числе все классные журналы, где была фамилия Л. Берии. И очень интересно было посмотреть, все эти годы учебы его проследить. Учился он, скажем так, неровно. То есть один раз остался на второй год, в 4-м классе. Ну, это были такие порядки, как я понял, в то время, когда до трети, до четверти класса оставляли на второй год. Так что особо удивительным не было это. А в других классах, уже постарше, у него преобладали «четверки», «пятерки». Еще интересный был такой момент. Я обратил внимание, что в некоторых классных журналах фамилия Л. Берии была тщательно вымарана. Это, видно, уже после 1953 года. Нашлись такие люди, которые считали, что надо это вымарать. Но все это было смешно. Потому что в других журналах он значился. Меня еще насмешила тогда директор этой школы. Я просто поинтересовался у нее – вы знаете, что в этом здании когда-то учился Л. Берия? Знаете, она так была возмущена, перепугана. Нет, ничего подобного я не знаю! Как-будто я пришел с каким-то обвинением в ее адрес.

В этой школе учились самые разные представители тех национальностей, которые тогда жили в Абхазии. То есть было и коренное население абхазское. К тому времени уже много было грузин, мегрелов, к которым относился и Лаврентий Павлович. Армяне, русские. Я бы не сказал, что там был состав из семей привилегированных. Обычно попадались мне какие-то прошения от родителей. В силу бедности семьи, просим что-то...

Среди учителей этого училища, потом он стал директором, был А. М. Чочо. Очень известный в Абхазии человек. Учитель, просветитель, ученый. Который потом был министром просвещения. И уже в советские времена я

слышал, был такой эпизод. Был кто-то у него репрессирован. И он попытался пожаловаться Берии как своему бывшему ученику. Но тот так небрежно ответил, что, мол, хочет этот старик? Но это недокументально. А то, что мне доводилось слышать.

Единственный сохранившийся документ о детстве Берии – фотография сухумского периода. Щуплый, но бойкий мальчик в заливчатски заломленной фуражке, в окружении трех своих сверстников. Даже на фотографии видно, что Лаврентий лидер этой компании. Известно, что с детства он увлекался подвижными играми, не любил художественную литературу, но имел талант к естественным наукам и рисованию.

Также мы знаем, что уже с двенадцати лет Лаврентий подрабатывал репетиторством. Прежде всего, обучал местных «митрофанушек» математике. Курс горского училища соответствовал российским прогимназиям. Но этого образования было достаточно, чтобы поступить на государственную службу. Грамотных, знающих русский язык людей на Кавказе не хватало. Его выпускник мог бы пойти на государственную или частную службу, начать помогать родителям, стать самостоятельным человеком.

Но Берия, и вероятно в этом случае на его стороне была мать, решил продолжить образование дальше. Высших учебных заведений в Закавказье не было, ближайший университет – в Харькове. Чтобы получить высшее образование, необходимо было еще два года проучиться в гимназии или реальном училище. В Сухуми было реальное училище. Но семья Берии выбрала другой путь – более короткий. Как раз в это время в Баку открылось «Алексеевское среднее механико-строительное техническое училище с ремесленной и скульптурно-каменотесной при нем школами и курсами практикантов».

Л. Берия (на фото – в центре, сидит) в горском училище

Сухуми. Здание бывшего горского училища

Специальность, которую мог получить Лаврентий по окончании училища, называлась техник-строитель. Такая квалификация позволяла самостоятельно проектировать и строить практически любые сооружения. В те времена в Российской империи высшее архитектурное образование можно было получить только в Академии художеств и Институте гражданских инженеров в Петербурге или Строгановском училище в Москве. Поэтому техники-строители являлись в современном понимании архитекторами и были невероятно востребованы. Например, в Петербурге техник-строитель Павел Мульханов построил 83 доходных дома. А техник Михаил Андреев – 96. Так что Берия рассчитывал получить престижную и очень денежную специальность.

Баку в это время самый бурно развивающийся город Кавказа, потребность в инженерах и техниках огромная. Такая, что большинство из них составляют иностранцы. Поэтому образование, полученное в училище, практически гарантировало постоянную работу и высокое жалованье. Решение поехать в Баку окончательно раскололо семью Берии. Оставшуюся половину дома пришлось продать. Отец переселился в хибару из дранки, не пожелав покидать родное Мерхеули.

Баку

Мы посетили столицу независимого Азербайджана в 2008 году. Тогда еще и в проекте не значился концертный дворец Baku Crystal Hall, построенный к Евровидению-2012, не были возведены светящиеся огненные небоскребы Flame Towers, и самого высокого флагштока в мире с самым большим знаменем тоже не было. Со стороны моря город казался плоским, ему явно не хватало архитектурных доминант. Таковыми служили разве что многочисленные элитные, но маловыразительные высотки, бурно растущие, как грибы, в разных районах города. Баку напоминал Москву времен Лужкова, город распирало от богатства, но выразиться в чем-то подобном храму Христа Спасителя здешнее изобилие не спешило. Для столицы исламской страны тут совсем немного мечетей, а таких грандиозных современных мусульманских храмов нового времени, какие построены в Казани, Уфе, Грозном, мы не встретили ни одной. Видимо, тем самым подчеркивается светский характер общества и его столицы. Эдакий Стамбул на Каспии, только без его великих мечетей. В бытовом разрезе тоже есть различия со Стамбулом. Например, в Баку очень много доступных чайных заведений, но нелегко найти место, где можно выпить хорошо сваренный кофе. Везде простодушно предлагают растворимый Nescafe. Сами местные предпочитают чай. Современный Азербайджан своей демонстративной светскостью ориентируется скорее на Турцию, чем на соседний Иран. Впрочем, ислам здесь чтут многие, и чтут истово. В часы молений площадь перед небольшой мечетью в Старом городе густо заполнена верующими.

Теснота и уют Старого города с первых шагов уносят в далекое Средневековье. Сразу за его границами открывается роскошь дворцов и особняков XIX века, времен первого нефтяного бума. И техническое училище, в котором учился Лаврентий Павлович, и бывшее здание ЧК, где он после служил, своей добротной архитектурой легко вписались бы в исторический центр любой европейской столицы.

Из роскошных современных строений поразил ультрамодернистскими формами и размахом Центр Гейдара Алиева. На огромной площади перед ним бьют фонтаны, подземные переходы оборудованы эскалаторами. Культ первого лидера независимого Азербайджана поддерживается также многочисленными рекламными баннерами с портретом Гейдара или его на тот момент президентствующего сына Ильхама. Впрочем, такая по-восточному броская авторитарность лишь добавляет городу своеобразия. Конечно, в адрес высокого начальства в Баку лучше не шутить, местных это настораживает. В остальном бакинцы очень приветливы, гостеприимны и все, стар и млад, охотно говорят по-русски. Город чист, ухожен, переполнен дорогими автомобилями, звенит фонтанами, манит многочисленными кафе и ресторанами, впрочем, цены в Баку кусаются по-московски.

Чтобы своими глазами увидеть источник бакинского богатства, достаточно проехать 9 километров до поселка Балаханы. Вся территория здесь густо утыкана нефтяными качалками. Местами разливаются даже небольшие озера нефти, так что в них можно при желании искупаться или зачерпнуть ведро на память. Мрачноватый индустриальный пейзаж, каменистая безжизненная пустыня, щедро напитанная черной жирной субстанцией, давшей невиданный рост и расцвет Баку.

Сонный приморский городок на Апшеронском полуострове решительно преобразился в 1871 году, когда поблизости пробурили первую нефтяную скважину. Не забудем, что на рубеже XIX–XX веков происходит так называемая вторая научно-техническая революция. Появляются двигатель внутреннего сгорания, теплоходы, автомашины, самолеты, тепловые электростанции. Если раньше нефть использовалась в основном на изготовление керосина для нужд освещения, то теперь в огромных количествах нужны бензин и мазут. В 1899–1901 годах Баку,

дав более половины всей мировой добычи нефти, вывел Россию на первое место в мире, оставив позади США.

Город Баку, как и Сухуми, был многонациональным. Преобладали русские – 76 229 человек, или 36 %, татары кавказские (так тогда именовали азербайджанцев) – 45 972 человек, или 21,3 %, армяне – 41 685 человек, или 19,5 %. А всего в городе жило примерно 250 тысяч человек, и он рос невероятными темпами.

В 1872 году было добыто 1,5 миллиона пудов нефти, в 1900 году город давал уже более половины мировой добычи (661 миллион пудов) и 95 % нефти, добываемой в Российской империи. Выработка керосина в 1873 году составляла 15 000 тонн, а в 1901 году уже 2 500 000 тонн. В 1904 году в России было 150 нефтеперерабатывающих заводов, из них 72 находились в Баку.

Закономерно, что город рос как на дрожжах, привлекая мигрантов не только с Кавказа, но и со всех концов России. У Ротшильдов и Нобелей работало множество специалистов из Западной Европы. Роскошные дворцы Тагиевых, Манташевых, дорогие рестораны, яхт-клубы, особняки в стиле модерн, столичного вида жилые дома соседствовали с так называемым Черным городом, где в ужасающей грязи и бедности жили промысловые рабочие. Баку в начале XX века – беспокойный город.

В ноябре 1904 года в Баку приехал 25-летний большевик Иосиф Сталин. Под его руководством в декабре того же года состоялась грандиозная стачка бакинских рабочих, которая продолжалась с 13 по 31 декабря и закончилась заключением первого в истории рабочего движения России коллективного договора с нефтепромышленниками.

Сталин вспоминал:

Три года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических местных руководителей... Я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение.

Здесь Иосиф Сталин и Сурен Спандарян руководили большевистскими боевиками, «крышевавшими» армянских нефтепромышленников во время знаменитой армяно-татарской резни. Здесь Коба устроил налет на одну из контор нефтепромышленной фирмы братьев Нобель, где украл 50 тысяч рублей. Для этого Сталин договорился с «гочи» (хулиганами), нанятыми фирмой для охраны от террористов. Сталин стоял и за похищением местного миллионера Мусы Нагиева, выпущенного за огромное вознаграждение.

Старый Баку

Авторы в Баку у Каспийского моря

Нефтяной район Балаханы

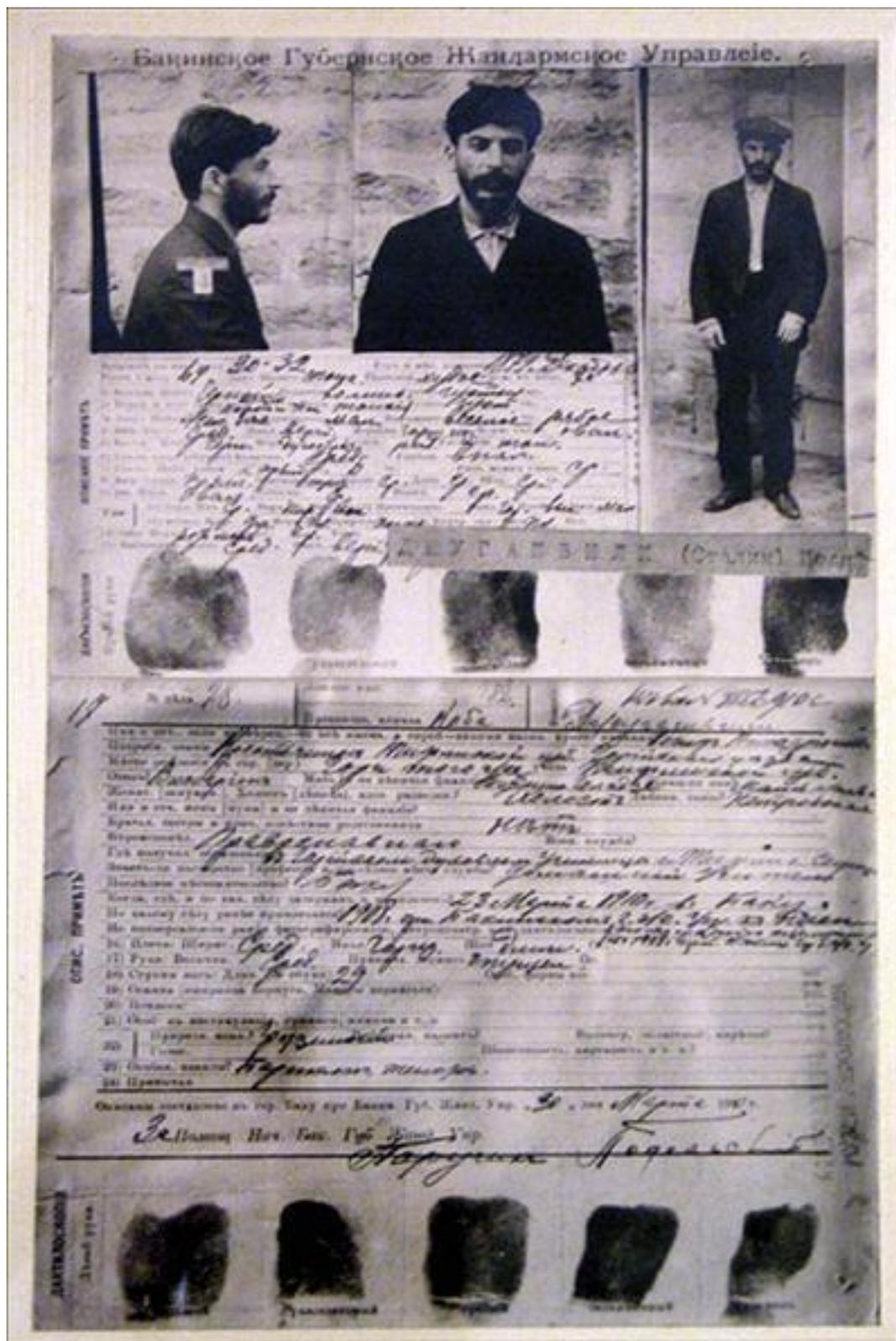
В Баку были сильные подпольные эсеровская и меньшевистская организации – дашнаки и мусаватисты. Действовали «анархисты-коммунисты», «Красная сотня», «Черные вороны», «Террор» и другие террористические группы. Кроме того, богатеющий на глазах город при-

влекал уголовников со всех концов империи. За два года, 1907 и 1908, в Баку было совершено свыше одной тысячи убийств и столько же случаев разбойных нападений.

Именно в бакинских тюрьмах Иосиф Сталин, арестованный под именем Гайоза Нижегородце закалил свой характер в общении с убийцами и разбойниками. Среди них был знаменитый киллер Мешади Кязым, который пытался убить будущего вождя народов. Когда злодей уже прижал Сталина к стене и собирался нанести удар ножом, его остановил соратник Сталина Расул-заде. Он стал уговаривать киллера, чтобы тот не убивал, предлагал ему денег. Позже Расул-заде вспоминал: «Я привык общаться с политиками, поэтому я впервые в жизни испугался, отговаривал Мешади Кязыма от преступления. У него горели глаза, и пахло от него трупам». В Баиловской тюрьме будущий генсек познакомился и с сыном аптекаря Андреем Вышинским, тогда меньшевистским боевиком, впоследствии Генеральным прокурором СССР.

Заняв пост генерального секретаря, Сталин тщательно скрывал бурные кавказские, особенно бакинские, страницы своей биографии. Лаврентий Берия еще не знает, что именно ему придется переписывать жизнь Сталина на Кавказе. Пока он принят в Бакинское среднее механико-строительное техническое училище, внушительное здание которого до сих пор располагается в центре Баку.

Бакинское среднее механико-строительное техническое училище, куда поступил Лаврентий Берия, было 4-классным. Обучение велось на двух отделениях: механическом и строительном. Общими дисциплинами для обоих отделений были Закон Божий, русский язык, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия, физика, термодинамика, химия. Из профилирующих предметов, преподававшихся на строительном отделении, – сопротивление материалов, детали машин, паровые котлы, электромеханика, геология физическая и историческая, палеонтология, геодезия, строительное искусство, технология нефти, буровое дело.

Учетная карточка Бакинского жандармского управления на политического преступника Иосифа Джугашвили

На строительном отделении училища изучались также графическая статистика, история архитектуры, архитектурные формы; велись отдельные занятия по частям зданий, производству строительных работ, отоплению и вентиляции, строительству дорог, мостов, гидротехнических сооружений, водопроводов и водосточков.

С 1910 года выпускники строительного отделения училища официально получали право самостоятельного производства строительных работ, что ставило их на одну ступень с архитекторами и гражданскими инженерами.

10 мая 1920 года Бакинское Александровское среднее механико-строительное техническое училище наряду с другими дореволюционными учебными заведениями было ликвидировано декретом Наркомпроса Азербайджанской ССР. В том же самом здании, выросшем в советское время еще на два этажа, появился Азербайджанский индустриальный институт, преобразованный затем в Институт нефти и химии.

Быт Лаврентия Берии того времени нам мало известен. В 1922 году в своей автобиографии Берия писал: «В 1915 г. я переехал в Баку; с этого момента и начинается моя самостоятельная жизнь. Уже с этих пор, учась в техническом училище, я имею на своем обеспечении старуху мать, глухонемую сестру и племянницу 5 лет».

Впрочем, в 1915 году Марте было всего 37 лет и она была вполне трудоспособна. Племянница Сусанна появилась в Баку только в 1921 году, когда Берия уже служил в ЧК. Ее отец Капитон Дмитриевич в это время работал на КВЖД в Маньчжурии, содержал стационарный буфет.

Здание бывшего Бакинского технического училища

Берия – студент

Лаврентий был способным студентом, сложностей с учебой у него не возникало. По некоторым сведениям, он подрабатывал почтальоном, разнося письма до занятий в училище. А летом 1916 года Берия уже начал работать по специальности в главной конторе Нобеля в Балаханах. Для студента, только что окончившего 1-й курс, 17-летнего молодого человека – весьма многообещающее начало карьеры. Из всех соучеников Берии широко известен только Борис Ванников, будущий нарком вооружений, правая рука Лаврентия Павловича в атомном проекте. Свой партийный стаж Лаврентий Берия отсчитывает с 1915 года. Вот что он писал об этом в своей автобиографии в 1922 году:

В 1915 г. начинается впервые и мое участие в партийной жизни, тогда еще в зачаточной форме. В октябре этого года нами – группой учащихся Бакинского технического училища – был организован нелегальный марксистский кружок, куда вошли учащиеся из других учебных заведений. Кружок просуществовал до февраля 1917 г. В этом кружке я состоял казначеем. Мотивами создания кружка были: организация учащихся, взаимно материальная поддержка и самообразование в марксистском духе (чтение рефератов), разбор книг, получаемых от рабочих организаций, и прочее. Одновременно был избран старостой своего класса (нелегально).

Интересные новые детали приводил Берия и на допросе 16 июля 1953 года: «В партию вступил в марте 1917 года при следующих обстоятельствах: незадолго до Февральской революции 1917 года в техническом училище была забастовка студентов против педагога Некрасова за то, что он давал неправильные оценки при зачетах и очень плохо относился к учащимся. Вскоре после этой забастовки, уже после Февральской революции, в марте месяце 1917 года, группа учащихся этой забастовки в количестве 3–5 человек, в том числе и я, решили записаться в партию большевиков. Запись проводил учащийся техникума Цуринов-Аванесов. Никаких удостоверений о вступлении в партию не выдавалось».

Что случилось с Цуриновым-Аванесовым и другими товарищами Лаврентия Берии по ячейке техников – неизвестно. На следствие их не вызывали. Для советских руководителей, особенно в 1920-е годы, дореволюционный партийный стаж – огромное карьерное преимущество. Между тем, начиная с 1921 года, о Берии ходили не слишком приятные слухи. И конечно, для их опровержения всякое лыко было бы ему в строку. Но никаких свидетельств его со товарищей по марксистскому кружку он так и не предъявил. Если бы они были, он непременно ими бы воспользовался. Возможно, что в каком-то кружке, созданном в целях самообразования, Берия был казначеем. Но то, что этот кружок был подпольный, марксистский, вызывает глубокие сомнения. Тому противоречит и поведение Берии в революционном 1917 году. С одной стороны, он утверждает, что организовывал и состоял в бюро большевистской студенческой ячейки. С другой стороны, летом 1917-го уезжает в Одессу, затем Румынию, работая техником-практикантом в гидротехнической организации. А ведь это тот самый момент, когда в Баку вершилась история. Из тюрем и ссылок в город возвращаются большевики, а Степан Шаумян создает одну из самых сильных в стране партийных организаций, которая вскоре возьмет власть и будет известна как Бакинская коммуна.

После Октябрьской революции Азербайджан фактически оказался независимым. Баку контролировал местный Совет, в котором преобладали не большевики, а эсеры. Туда же входили армянские националисты дашнаки и азербайджанские националисты – мусаватисты. В январе 1918 года вернувшийся из Румынии Лаврентий Берия поступил на работу в секретариат Совета техническим работником.

Баку 1918 года необычайно политизированный город. Происходят кровавые столкновения между армянами и азербайджанцами. Затем власть переходит к основанной большевиками и левыми эсерами Бакинской коммуне. Но в августе город оккупируют английские войска, и под их протекторатом создается независимая Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) под руководством партии Мусават. Ни о какой политической активности Лаврентия Павловича до прихода англичан нам неизвестно. Между тем, Бакинская коммуна часть будущего коммунистического мифа. Двадцать шесть бакинских комиссаров, убитых белыми, стали большевистскими святыми. Именем Степана Шаумяна называли города, колхозы и улицы. Выжил и сделал блестящую карьеру только один из комиссаров, 27-й, – Анастас Микоян. Чем занимался Берия в эти месяцы – неизвестно. Думается, как обычно, выживал, не хотел рисковать, выбирать стороны. «Что вы делали во время террора?» – «Я оставался жив» – сказал один из самых ярких деятелей Великой Французской революции аббат Сийес.

Надо было работать, содержать мать и сестру. Совета, в секретариате которого прежде служил Берия, больше не было.

В мусаватистской контрразведке

В своей автобиографии Лаврентий Павлович писал: «В первое время турецкой оккупации я работал в Белом городе на заводе „Каспийское товарищество“ в качестве конторщика. Осенью того же 1919 года от партии „Гуммет“ поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 года, после убийства товарища Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможене». Одновременно Берия продолжал свои занятия в Техническом училище, которое закончил в 1919 году.

Работа в мусаватистской контрразведке – самый темный эпизод в биографии Лаврентия Берии. Вероятно, устроиться в разведку Берии помог его однокурсник по училищу и сверстник Мирзабала Мамедзаде, член правящей в Азербайджане партии Мусават. В октябре 1919 года он входил в Бакинский комитет этой партии.

На допросе в 1953 году Лаврентий Павлович показал:

Задание получил от одного из руководителей «Гуммет» Мирзадауда Гуссейнова. Контрразведка эта находилась при мусаватистском правительстве и состояла из левых элементов коммунистов и мусаватистов и в начале своей деятельности должна была вести борьбу с белогвардейцами.

Действительно, до начала 1920 года главными врагами независимого Азербайджана были Армения, с которой шла война за Карабах, и Деникин с его лозунгом «Единой и неделимой России».

В «Очерках русской смуты» Деникин писал:

Все в Азербайджанской республике было искусственным, «ненастоящим», начиная с названия, взятого взаимобразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарскую Бакинскую и Елисаветпольскую (Гянджа) губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма на Кавказе.

Азербайджан активно поддерживал так называемую Горскую республику, с которой Белая армия вела непримиримую борьбу.

Правительство Азербайджанской республики заявило представителям союзных держав на Парижской мирной конференции:

«Кроме этих спорных территориальных вопросов (с Грузией и Арменией), имеется еще один, а именно – о судьбе Горской Республики, на независимость которой было неоднократное покушение со стороны Добровольческой армии ген. Деникина. Азербайджанская Республика твердо стоит на той точке зрения, что Горская Республика, в состав которой входят Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабарда, Осетия и т. д. со сплошным мусульманским населением, по праву принципа свободного самоопределения, должна составить самостоятельную государственную единицу, на которую Азербайджан не имеет никаких притязаний».

У большевиков выступить против Бакинского правительства долгое время просто рук не хватало. Ситуация изменилась лишь весной 1920 года, когда красные разбили деникинцев и начали поход на Закавказье.

Мусульманская социал-демократическая партия «Гуммет», которая якобы и послала Берию служить в мусаватистскую контрразведку, – это азербайджанские социал-демократы.

Хотя большевики были категорически против образования партий по национальному признаку, создание единой партийной организации из армян и азербайджанцев сталкивалось с трудностями. Поэтому, помимо большевистской и меньшевистской партий в Баку с 1904 года существовала отдельная мусульманская социал-демократическая организация. В ней сосуществовали как ленинцы, так и сторонники Плеханова и Мартова. «Гуммет» не был запрещен в независимом Азербайджане, те из членов партии, которые не входили в число комиссаров Бакинской коммуны, входили в социалистическую фракцию азербайджанского парламента.

Мирза Давуд Багир оглы Гуссейнов действительно был одним из руководителей «Гуммета». После того как в 1920 году Азербайджан стал частью Советской России, он занимал высокие партийные должности в Баку, Москве, Душанбе (Сталинабаде) и Тбилиси. Но в 1937 году был арестован и расстрелян. Так что свидетельствовать в пользу Берии в 1953 году не мог. Тогда же расстреляли еще одного бывшего представителя «Гуммета» в азербайджанской контрразведке, непосредственного начальника Лаврентия Касума Измайлова. А другие агенты-«двойники» Муссеви и Ошум Алиев – погибли в Баку еще в 1920-м.

Свой уход из разведки осенью 1919 года Берия на допросе объяснил так:

По совету Гуссейнова я подал заявление начальнику контрразведки об увольнении с работы и был уволен беспрепятственно. Истинной причиной моего ухода из контрразведки являлось то, что эта контрразведка стала полностью мусаватистской. При помощи Гуссейнова я поступил на работу в Бакинскую таможню счетным сотрудником. Гуссейнов в то время был вроде директора департамента. Министерство финансов мусаватистского правительства и, как мне кажется, таможня находилась в его ведении.

Есть и несколько иная версия событий, бывший начальник азербайджанской контрразведки Наги Шеймазанов, будучи уже в эмиграции, писал:

Жил Берия в Баку с матерью. Очень нуждался. Берию я принял оперативным работником ОБК по настоянию партии «Гуммет». Двадцатилетний сотрудник отличался работоспособностью и ответственностью... Он не однажды сетовал, что у него только мать – ни отца, ни братьев, и она в бедственном положении. Я назначил его начальником цензурного отдела. Уже тогда он отличался жестокостью и жадной кровью. Он не мог никого прощать. Помню, в его отдел попало письмо семнадцатилетнего русского мальчика... Он писал своей матери, что познакомился с большевиками, что они порядочные люди, что он примкнул к ним...

Когда я узнал, что автора письма привели на допрос, пригласил его к себе и посоветовал ему вообще уехать из Баку, прервать связи с большевиками и впредь быть осторожным... Жалко было мальчишку, попавшего под подозрение только по своей наивности и откровенности. В это время зашел Берия и буквально задохнулся от возмущения:

– Вы очень мягкосердечны. Как можно отпускать врага? Его надо расстрелять.

– Послушай, но он же ребенок.

– Это не важно. Он – большевик.

– Лаврентий, я слышал, как ты говоришь своим друзьям, что мечтаешь уехать в Америку и стать гангстером... Наша работа – не гангстерство. Нам нельзя убивать людей...

...В один из дней, незадолго до падения АДР, Берия попросту исчез. Его не было ни на работе, ни дома. Жалостливый сын вдруг уехал из Азербайджана,

оставив свою мать без средств к существованию. Два месяца я посылал его жалованье этой несчастной женщине. При этом нарушал закон, потому что человек, ушедший из организации без предупреждения и разрешения, лишается и места работы, и жалованья...

Думается, при всем богатстве красок история с приговоренным Берией мальчишкой – довольно банальная барбчная завитушка на антисоветских мемуарах. Никакого особого вреда, как и пользы, Берия не приносил и не мог принести. Он занимался прежде всего перлюстрацией писем бакинцев, а результаты докладывал Измайлову. «Муссеви давал задание Измайлову, а через него мне, ознакомливаться с письмами и при надобности ориентировать его, Муссеви, о письмах, заслуживающих внимание». Впрочем, одними письмами деятельность молодого контрразведчика не ограничивалась. Следствие 1953 года документально установило факты участия Лаврентия в более серьезных мероприятиях. Вот отрывок из протокола допроса Берии:

Вам предъявляется одно из дел мусаватистской контрразведки: письмо за № 1095, адресованное «господину приставу 5 участка г. Баку», и в нем сказано: «Прошу произвести обыск совместно с агентом Берия в редакции газеты „Искра“».

Признаете теперь, что являлись активным агентом мусаватистской контрразведки и, в частности, участвовали в обысках?

ОТВЕТ: Признаю, что участвовал в обыске. Об этом раньше не говорил, потому что забыл. Газета «Искра» была революционного направления.

ВОПРОС: Фамилию Фоталеева вы помните?

ОТВЕТ: Сейчас не могу вспомнить, может быть, и знал такого.

ВОПРОС: Вместе с Фоталеевым вы производили обыск не только в редакции, но и в типографии газеты «Искра»?

ОТВЕТ: Может быть. Не помню.

ВОПРОС: Вам предъявляется другое письмо, адресованное приставу 5-го участка Бакинского полицмейстерства. В этом письме вам и агенту Фоталееву поручается произвести обыск в типографии газеты «Искра». Признаете теперь этот факт?

ОТВЕТ: Подтверждаю, что мне предъявлено письмо на имя пристава 5-го участка о производстве мной обыска вместе с Фоталеевым в типографии газеты «Искра». Производил ли я обыск – не помню.

Кроме того, следствие получило показания об активном участии Берии в арестах и допросах коммунистов. Свидетель Г. Тер-Саркисов рассказал в 1953-м:

В 1919 году я работал политкомиссаром особого отряда продармии в г. Киеве. В середине сентября, примерно, меня вызвали в Москву, где в ЦК партии тов. Стасова объявила мне, что я должен ехать на Кавказ для подпольной работы. Вместе со мной в распоряжение подпольного крайкома в Баку из Москвы выехало 25–28 человек. На станции в Баку нас неожиданно арестовали. Всего было арестовано 14 или 15 человек, причем арестовывали работники жандармерии, которые через некоторое время направили нас в контрразведку; она помещалась на набережной Губанова. Ночью этого же дня нас поочередно стали вызывать на допрос. Меня вызвали днем на следующий день. Допрашивал меня Берия (как я узнал впоследствии), который был одет в форму мусаватистской разведки с погонами, и называл он себя заместителем начальника контрразведки. Допрос заключался в том, чтобы установить, кто я, зачем приехал и не дашнак ли я. Берия особо тщательно интересовался –

не являюсь ли я дашнаком. Никакого насилия к нам не было применено, хотя пытались установить – нет ли среди нас большевиков. Держали нас дня три или четыре. Перед освобождением Берия вызвал нас и очень грубо предложил в течение 24 часов оставить Азербайджан. Я уехал в Карабахскую область и больше Берию не видел и ничего о нем не слышал. В 1920 году в Азербайджане установилась советская власть, а в 1921 году я по делам службы был в Баку и встретил Берию в ЧК – он был заместителем Багирова. Как получилось, что бывший контрразведчик мусаватистского правительства Берия попал на работу в органы ЧК, мне было совершенно непонятно.

Ему вторил свидетель М. Предит, добавляя пикантные подробности о взяточничестве агента Берии:

В 1919 г., в августе месяце, из Астрахани была направлена на подпольную работу в Закавказье и в тыл к Деникину группа в составе 10 коммунистов. В эту группу входил и я. В Астрахани нашу отправку готовил Киров. До окрестностей Баку мы добирались на парусных лодках. При высадке на берег часть товарищей задержали местные жители. Среди задержанных был и я. Нас через полицию передали в мусаватистскую контрразведку. Однако там нас раскрыть не смогли и отпустили с обязательством через три дня выехать из пределов Баку. Я и мой товарищ Канделаки в Бакинский подпольный ЦК партии явки не имели, а имели явку к представителю ЦК КП Грузии в Баку тов. Кваталиани. На третьи сутки после освобождения из контрразведки утром при выходе из гостиницы на моих глазах неизвестный тогда мне молодой грузин задержал Канделаки и повел его в город, где была контрразведка. Я тут же поднялся в гостиницу, чтобы забрать свои вещи, но вслед за мной пришел другой агент, задержал меня и отвел в мусаватистскую контрразведку. Там меня арестовали и направили под конвоем в распоряжение английских оккупационных войск в Батуми. Однако по дороге мне удалось сбежать, пользуясь опьяненным состоянием конвоя.

По явке, которую мы успели получить в Баку у Кваталиани, я в Тбилиси встретился с Канделаки, который мне рассказал, что после того, как его в Баку задержал агент мусаватистской и английской контрразведок по имени Берия, он дал ему крупную взятку и был им освобожден и бежал в Грузию. Канделаки в 1920 г. рассказывал об этом и другим нашим товарищам.

В 1921 г. Канделаки работал секретарем Тбилисского комитета партии, и через год он умер. Я же с 1921 г. стал работать в органах ВЧК – ОГПУ Грузии в Тбилиси. В 1923 г. на должность начальника секретно-оперативной части ОГПУ Грузии прибыл Берия, который начал перемещать работников. На должность начальника экономотдела, где я тогда работал, был назначен Куропаткин. В это время я поинтересовался, не был ли Берия в Баку в 1919 г. и не он ли арестовал моего товарища Канделаки. Выяснилось, что Берия Л. П. в это время был в Баку, и он был похож на того молодого грузина, которого я сам видел и который задержал Канделаки. После этого я написал заявление о службе Берии в Баку в мусаватистской контрразведке в 1919 г. и о задержании им нашего подпольщика Канделаки. Куропаткин обещал мое заявление передать председателю Закавказского ГПУ Панкратову, но не передал. Вскоре я разоблачил Куропаткина как вымогателя взяток от семей арестованных. Куропаткин был арестован, и при нем было обнаружено мое заявление о Берии. Таким путем мое заявление попало в руки к Берии, и он вызвал меня к себе.

Во время нашего разговора, в присутствия Новицкого, Берия признал, что он работал в 1919 г. в Баку в мусаватистской контрразведке, но что якобы он это делал по заданию партийной организации. О том, почему же он вымогал и взял взятку от Канделаки, мы тогда с Берией не говорили. Заместитель начальника СОЧ Новицкий предложил мне написать объяснение. Я это сделал, но что с ним стало, не знаю. Через несколько дней Новицкий мне предложил написать рапорт об уходе из органов ОГПУ. Такой рапорт я вынужден был написать, и меня освободили от работы.

Из этих показаний остается странным, почему при разборе заявления Предита разговор о взяточничестве даже не зашел. Видимо, сам автор не был вполне уверен в этом эпизоде или вообще выдумал его гораздо позже. Если агент Берия отпустил большевика Канделаки без всякой взятки, это свидетельствует только в пользу Лаврентия. В любом случае, в результате описанного разбирательства из органов уволили не Берию, а Предита. Добавим, что подобных внутренних расследований службы Лаврентия в азербайджанской разведке было немало.

Например, об этом свидетельствует заявление коммуниста В. М. Познера, написанное в сентябре 1953 года:

В 1919 г. в гор. Баку имел место такой случай: однажды вечером мусаватистской полицией было оцеплено здание центрального рабочего клуба, и все находившиеся там были задержаны. Их стали проверять по одному человеку, при этом одних выпускали, а других задерживали. Последних набралось несколько десятков человек, среди которых оказался и я. Проверку находившихся в клубе и распределение их на первую и вторую группы проводил молодой парень в форменной фуражке ученика Бакинского технического училища... Все задержанные были под конвоем доставлены в контрразведку. Через некоторое время здесь все задержанные были вновь подвергнуты фильтровке: одних выпустили, других задержали. Этой операцией опять руководил тот же «техник». В 1920–1922 гг. я работал в аппарате Азербайджанской КП(б). В ЦК подал заявление секретарь коллегии ЧК Берия, в котором он просил послать его на подпольную работу в меньшевистскую тогда Грузию. Я присутствовал при том, когда Берия подал заявление секретарю ЦК (последним тогда был Григорий Каминский). Берию, секретаря коллегии ЧК, я тогда увидел в лицо впервые и узнал в нем того «техника», который проводил операцию в рабочем клубе и в контрразведке. Я рассказал об этом Каминскому. При наведении справок выяснилось, что «техник» из контрразведки и Берия – это действительно одно и то же лицо. Была выделена тройка членов ЦК... которым было поручено выяснить этот вопрос... Когда рассматривалось заявление Берии, было принято решение об отказе в посылке его на подпольную работу. Вопрос же о работе Берии в мусаватистской контрразведке был оставлен открытым, и комиссия должна была продолжить свою работу. Больше к этому вопросу, насколько помню, в ЦК не возвращались.

Удивляет, что, разбираясь в таком серьезном обвинении, комиссия могла оставить вопрос «открытым». Тем более, в тот момент все свидетели были живы и опросить их не составляло труда. Поэтому более правдоподобным выглядит рассказ об этом эпизоде самого Берии: «В 1920 году в адрес бывшего в то время секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Каминского поступило заявление о моем сотрудничестве в контрразведке в пользу мусаватистов. Это заявление было предметом специального разбора на Президиуме ЦК АКП(б), и я был реабилитирован».

Однако слухи продолжали распространяться. По этому же обвинению – «мусаватистский шпион» – Берия судили и в 1953 году.

Обратимся к воспоминаниям Ольги Григорьевны Шатуновской, бывшей политической заключенной, привлеченной Никитой Хрущевым для проведения реабилитации. Берия она всей душой ненавидела. Мемуары ее написаны в 1956-м, события, в них описанные, относятся к 1919 году:

Секретарем Кавказского бюро РСДРП был тогда в Баку старый подпольщик Виктор Нанейшвили, опытный конспиратор. Подпольное бюро находилось в Баку на Телефонной улице, около кирхи.

Однажды в бюро пришли молодые члены партийной ячейки технического училища. Они привели с собой еще одного студента – невзрачного, прыщавого. Неизвестный назвался Лаврентием Берией и сказал, что ему нужно увидеться с товарищем Нанейшвили.

Ольга Шатуновская ответила, что секретарь бюро здесь не бывает.

Прошло несколько дней, Шатуновская спросила Нанейшвили:

- Зачем приходил тот человек?
- Он работает в мусаватистской охранке и просит принять его в нашу партию. Обещает давать ценную информацию.
- Но у нас ведь есть уже свои люди в мусаватистской охранке – Муссеви и Ошум Алиев. Мы их туда специально послали.
- Яйца курицу не учат! – закончил этот спор старший.

То есть даже Шатуновская показывает: Виктор Нанейшвили, глава бакинских большевиков, Берия вполне доверял. Проверить этого свидетеля в 1953-м было невозможно. В декабре 1939-го, когда Берия уже возглавлял Наркомат внутренних дел СССР, ректор Всесоюзной торговой академии в Москве В. Нанейшвили был расстрелян.

На допросе 16 июля 1953 года Лаврентий Павлович показал: «Бывший секретарь ЦК Азербайджана Каминский, желая устроить на должность управделами ЦК свою жену, поднял материалы о моей работе в мусаватистской контрразведке. Так как Вирап (Вирап Вирапович Вирап – член РСДРП(б) с 1915 года. – *Авт.*) знал меня по партийной работе примерно с осени 1919 года и ему была известна моя работа в контрразведке, и что в Бакинском комитете знали о моей работе в контрразведке, я и обратился к Вирапу с просьбой выдать мне характеристику о моей работе».

Однако и много лет спустя слухи продолжали ходить. В 1933-м Берия вынужден написать своему многолетнему покровителю Орджоникидзе:

Дорогой Серго!

В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе. По рассказам т. Лакоба и ряда других товарищей, т. Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в мусават[ист]ской контрразведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает.

Между тем, Вам хорошо известно, что в мусават[ист]скую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Давуд Гуссейнова, Нариманова, Саркиса, Рухуллы Ахундова, Буниатзаде и друг. (В 1925 г. я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован, т. к. факт моей работы в

контрразведке с ведома партии был подтвержден заявлениями тт. Мирза Давуд Гуссейнова, Касум Измайлова и др.).

Берия не мог лгать Орджоникидзе в глаза. Значит действительно, многие видные бакинские коммунисты публично сняли с него обвинение в предательстве еще в 1920 году. Их тогда еще никто не уничтожал, они входили в состав правящей номенклатуры.

В 1937 году заместитель Орджоникидзе по Наркоматтяжстрою Иван Павлуновский докладывал Сталину о том, что в 1926 году при назначении на пост руководителя Закавказским ГПУ его пригласил к себе председатель ОГПУ Дзержинский и подробно ознакомил с обстановкой в Закавказье.

Тут же т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при мусаватистах работал в мусаватистской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т. Берии, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных товарищей закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский, и т. Серго Орджоникидзе.

По словам Павлуновского, когда он приехал в Тифлис и встретился с Орджоникидзе, тот сообщил ему, что действительно Берия работал в мусаватистской контрразведке по поручению партии и что об этом хорошо известно Кирову, Микояну и Назаретяну. Далее Павлуновский написал:

Года два тому назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне: а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытается использовать в борьбе с т. Берией тот факт, что он работал в мусаватистской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет. Я спросил у Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом он т. Сталину говорил.

Здесь странно только одно, зачем Сталину в 1937 году нужно было лишнее подтверждение анкетной чистоты Лаврентия Берии. Тем не менее, 7 октября 1938 года Лаврентий Берия был еще раз вызван к Сталину с этими документами и составленной Берией, при помощи Всеволода Меркулова, объяснительной запиской. Никаких последствий этот вызов для Берии не имел.

В результате у следствия в 1953-м не было никаких доказательств шпионажа Берии в пользу Азербайджана и Англии. Все обнаруженные свидетели хаяли Берию, но как-то неубедительно.

Надо сказать, что Лаврентий Павлович на всякий случай держал документы о событиях 1919–1920 годов в своем личном сейфе. Ближайший помощник Берии Меркулов показал в 1953 году, что где-то между 1932–1934 годами тогда уже Первый секретарь компартии Грузии Лаврентий Берия отправил его в Баку, в тамошние архивы, и он перевез дела, связанные с Берией в Тбилиси. «Меня вызвал Берия и сказал, – показывал Всеволод Меркулов, – что о нем распространяют враги слухи, якобы он работал в 1919–1920 гг. в Баку в мусаватистской контрразведке. При этом Берия указал на то, что враги его могут изъять документы из архива и тогда ему нечем будет защищаться... Эти две папки с документами я привез Берии, он их посмотрел и остался ими доволен. Документы, вшитые в папки, Берия положил в свой сейф». Лаврентий понимал: несмотря на то, что он реабилитирован, слухи все равно будут.

Невиновность Берии перед большевиками доказывают и последующие события. После того как 11-я армия вошла в Баку и была провозглашена Азербайджанская Советская Социалистическая Республика, Лаврентий Берия потерял работу на тамошне. При этом он перешел из технического училища в организованный на его же базе Бакинский политехнический

институт, не оставляя надежды получить диплом инженера. Однако в том же 1920 году его мобилизовали красные. В 11-й армии, как и в других армиях РККА, существовал Регистрационный отдел, говоря нынешним языком, – военная разведка. В мае 1920 года Берия поступает на работу в Регистрод Кавказского фронта. Очевидно, устроиться в секретную службу помогли серьезные рекомендации и опыт разведчика. Помогло и то, что местных кадров для дальнейшего установления советской власти здесь почти не было: армяне-коммунисты разбежались после погромов, руководство большевиков погибло во время расправы с бакинскими комиссарами. Грамотных коммунистов осталось мало, брали любого, кто хоть что-то умел. По словам Лаврентия Берии: «С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане краевым комитетом компартии (большевиков) от Регистрода 11-го Кавказского фронта при РВС 11-й армии командируюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного». С этого момента чекистская карьера Берии шла только по восходящей. При том, что о службе Лаврентия в мусаватистской контрразведке было хорошо известно.

Впрочем, стоит прислушаться к аргументам Иосифа Нечаева, резидента Разведуправления Кавказского фронта. В письме Георгию Маленкову 10 июля 1953 года Нечаев писал:

Должен сказать, что прием в число работников в Регистроде 11-й армии не был строго критическим и мог быть еще более простым для человека грузинской национальности, на которых был у наших органов большой «спрос».

Почему был такой спрос на грузинов-разведчиков – легко объяснимо. Главной потенциальной задачей 11-й армии были захват и советизация оставшихся еще независимыми Грузии и Армении. Присоединение этих республик должно было происходить по хорошо отработанной большевиками схеме: организация силами местных большевиков восстания. Создание революционного комитета (Ревкома), представляющего якобы волю рабочих и крестьян и обращение Ревкома за помощью к Красной армии.

В Грузии коммунистическая партия была легализована, но при этом активно проводилась хорошо организованная подпольная подрывная работа, которой руководил Амаяк Назаретян, в прошлом красный командир. В автобиографии Берия так описывает свою новую грузинскую деятельность:

В Тифлисе я раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в Регистрод города Баку.

Видимо, тут Берия сильно преувеличивает значение своей грузинской миссии. На допросе в 1953 году он показал:

Я никогда не заявлял, что по линии Регистрода 11-й армии имел задание связываться с подпольными партийными организациями. Но я имел при выезде в Тифлис первый раз задание передать пакет нелегальному ЦК – Назаретяну. Это и было мною выполнено. Задание мне было дано Микояном А. И.

Назаретяна к тому времени было уже не допросить, т. к. он был расстрелян в 1937 году. А Микоян эти показания не отрицал. На июльском пленуме 1953 года он заявил: «Я впервые встретился с Берией в 1920 году в Баку после установления Советской власти, когда он был подобран Бакинским комитетом партии для посылки в Грузию в качестве курьера для секретного письма. До этого я его не знал».

Тогда же случилось первое задержание Берии грузинскими меньшевиками. На допросе в 1953 году он показал: «В 1920 году в Тифлисе был задержан в здании ЦК большевиков, куда был вызван Назаретяном. Особый отряд меньшевистский еще до моего прихода оцепил здание

ЦК. Вход туда был свободным, а выход – нет. Всех нас задержали в этом здании около суток, а затем всех освободили. Части из задержанных предложили покинуть Тифлис».

В это время резко поменялась внешнеполитическая ситуация в Советской России. Началась война с Польшей. Поэтому с советизацией Грузии решили не торопиться. 7 мая 1920 года был заключен мирный договор между РСФСР и Грузией, по которому грузинская коммунистическая партия окончательно легализовывалась, а Россия признавала независимость Грузии. В Тбилиси появилось советское посольство во главе с Сергеем Кировым. Берия возвращается в Азербайджан, получает новые директивы. Теперь он отправляется в Грузию в качестве дипломата. И уже на границе становится причиной международного скандала.

Берию задерживают грузинские пограничники, обыскивают и находят при нем секретное удостоверение на шелку о том, что он сотрудник Регистрада 11-й армии. На удостоверении подпись начальника Регистрада Пунке. Эта история известна со слов бывшего резидента Разведуправления Кавказского фронта Иосифа Нечаева. Нечаев считал это происшествие на границе крайне подозрительным: «Материалы об аресте Берии появились в грузинских газетах. Это было актом политической диверсии, рассчитанной на компрометацию Советской России, которая, только недавно установив дипломатические отношения с правительством Грузии, одновременно ведет против него подрывную работу, засылая в Грузию своих военных агентов. Учитывая, что других подобных случаев широкого оповещения поимки советского агента тогда не было, хотя фактически в руки грузинской разведки попадали наши товарищи, можно с основанием предположить, что все это имело явно преднамеренный характер. И в этом случае такая полная расшифровка могла иметь место только со „своим“ для меньшевистской разведки человеком».

После ареста Берия попал в Кутаисскую тюрьму. Но пробыл он там недолго. Все же Лаврентий числился советским дипломатическим сотрудником. В Кутаиси Берия, по его словам, принял участие в голодовке протеста, что опровергалось показаниями других заключенных коммунистов. В 1953 году Берия уверял, что в голодовке он участвовал активно, но до окончания ее он заболел, и его перевели в тюремную больницу.

Грузия не хотела портить отношения с могущественной Россией и в конце концов Лаврентий Павлович был освобожден и выслан обратно в Азербайджан. Любопытно, что по прибытии в Баку органы военной разведки он покинул навсегда. Однако очевидно, что сомнительные итоги деятельности разведчика Берии за кордоном никак не подорвали его репутацию. Он тут же устроился на важный пост управляющего делами ЦК Азербайджана. Впрочем, тогда же, в 1920 году, Берия был задержан Азербайджанской ЧК, но провел в тюрьме только несколько часов, выйдя по ходатайству видного большевика Ваню Стурюа. Причины ареста не ясны, Берия объяснял его случайностью, сказав, что чекисты перед ним извинились.

Удержаться долго на работе в ЦК Берии не удалось. Как сетовал Лаврентий Павлович на допросе, секретарь Азербайджанской компартии Георгий Каминский желал освободить это место для своей супруги и подселел его. В результате Берия назначен был ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Подобные комиссии были созданы во всех крупных городах бывшей Российской империи и призваны были заниматься «уплотнением» – т. е. переселять трудящихся в буржуазные квартиры. Как писал Берия в автобиографии, эту работу он и председатель комиссии проводили в ударном порядке.

Все эти кратковременные случайные работы скорее всего не были связаны с идеологическими убеждениями 22-летнего Лаврентия Берии. Он с завистью смотрел, как его бывшие соученики продолжали высшее образование в Бакинском политехе. Ему это было труднее других. На руках – трое иждивенцев.

В результате Берия добивается материальной помощи от Азербайджанского ЦК. В своей автобиографии он писал:

С окончанием работы в Комиссии мне удастся упросить Центральный Комитет дать возможность продолжать образование в институте, где к тому времени я числился студентом (со дня его открытия в 1920 г.). Согласно моим просьбам, ЦК меня посылает в институт, дав стипендию через Бакинский Совет.

Однако на студенческой скамье Берия не задержался. Время диктовало иные дела и резоны, а Лаврентий всегда чувствовал, куда дует ветер перемен.

Азербайджанский чекист

В апреле 1921 года партия отзывает Берия из института и дает новую работу, на этот раз в ЧК Азербайджана. Ленинская партия – структура с железной дисциплиной. Отказ от выполнения приказа автоматически означает изгнание из партийных рядов и обрекает на социальную изоляцию. Тем более – на дворе НЭП. Резко сокращаются государственный аппарат и армия. Стремительно растет безработица и больше всего среди госслужащих. Партийный билет уже не гарантирует трудоустройства. Печальный герой того времени – бывший красный комиссар-орденоносец, униженно торгующий на улице папиросами.

Но и высшее инженерное образование также не гарантирует сытую жизнь. Промышленность и нефтяные промыслы в полуразрушенном состоянии, на восстановление денег в казне нет, западных инвестиций тоже не предвидится. Сельское хозяйство, которое всегда было главным источником внутренних инвестиций, разорено политикой военного коммунизма. В стране голод. В нефтехимии, добывающих отраслях правительство предпочитает опираться на старых опытных инженеров, так называемых буржуазных спецов. Студенчество влачит нищенское существование. В это тяжелое время главное не попасть на обочину жизни.

Мир Джафар Багиров, глава Азербайджанского ЧК

Работа в Азербайджанской ЧК сулит заманчивые карьерные перспективы. Даже человеку с улицы здесь есть шанс выдвинуться. ЧК Азербайджана существует меньше года, но за это время сменилось уже четыре начальника. 10 февраля 1921 года председателем ЧК Азербайджанской ССР становится Мир Джафар Багиров. Он всего на три года старше Лаврентия

Берии. Их биографии тесно переплетутся до конца дней: будут в них одновременные и взлет, и падение. Это единственные руководители союзных республик, которые не попадут в жернова большого террора.

Багиров, в отличие от Берии, провел Гражданскую войну в рядах Красной армии, где обратил на себя внимание исполнительностью и особой жестокостью. Есть свидетельства, что при подавлении Астраханского восстания эсеров в 1919 году он лично расстреливал из револьвера пленных мальчишек-гимназистов. Именно такой человек нужен был во главе Азербайджанского ЧК. Председателем ЧК он был назначен, несомненно, по предложению Сергея Кирова, руководившего подавлением Астраханского восстания, а затем возглавившего компартию Азербайджана.

В 1921 году Азербайджан объят крестьянскими мятежами. Только что подавлено анти-советское восстание в Гяндже. Партизанские отряды противников советской власти действуют сразу в нескольких уездах. Как всегда, неспокойно в Карабахе. ЧК – карающий меч революции, не знающий жалости; закрытый, внушающий трепет орден. Ни Багиров, ни Берия не являются старыми идейными коммунистами. Оба они стали большевиками после установления советской власти. Им легко понимать друг друга, они схожи и по возрасту, и по психотипу.

ЦК Азербайджанской компартии назначает Лаврентия Берия заместителем начальника секретно-оперативного отдела. Этот отдел в чекистской структуре, можно сказать, самый главный. Здесь не следователи и не каратели, а те, кто вербуют агентуру, собирают и анализируют информацию об идейных противниках советской власти. Секретно-оперативная часть – мозг ЧК.

Среди сотрудников Берия не мог не выделяться своей трудоспособностью, тщеславием и относительной образованностью. Вскоре Лаврентий становится начальником секретно-оперативного отдела, заместителем председателя Азербайджанской ЧК.

Уже в декабре 1921 года на заседании Центральной комиссии по проверке, пересмотру и очистке личного состава Азербайджанской ЧК Багиров заявил: Берия «строг, требовательный, во время экспроприации выказывал стойкость, не давал никому поблажек, прямой, искренний, сам требовательный, и любит, чтобы с него тоже требовали».

Отзыв Багирова, впрочем, отличается от мнений некоторых других чекистов, которые уличали Берия в приставании к сотрудницам аппарата ЧК и присвоении бриллиантового кольца, изъятого на обыске. Берия в ответ на обвинения позже пояснил: «Это были интриги Шахбазова и его семьи, в то время работавшего начальником административного управления ЧК».

Первый успех

В 1921–1922 годах советская власть предпринимает мощное наступление на остатки эсеровского и меньшевистского подполья. В ходе Гражданской войны большинство населения России предпочло белым – красным. И крестьяне, и матросы, и рабочие были «виноваты» перед старой властью – и царской и Временного правительства. Возвращение прежнего начальства означало бы неминуемые репрессии. После окончания открытого противостояния с монархистами и капиталистами поддержка большевиков значительно ослабла. Крестьянские восстания, Кронштадтский мятеж, забастовки в Москве и Петрограде показали – рабочие, крестьяне, красноармейцы и краснофлотцы советской властью недовольны, они были готовы мириться с ней как с меньшим злом, пока шла война. Теперь бояться было некого, а безраздельное «комиссародержавие» – надоело.

Меньшевики и эсеры считали, что могут использовать это недовольство, возглавить его. К тому же, при переходе к НЭПу у антисоветского движения могла появиться экономическая база. Однако в Кремле и на Лубянке думали иначе. Как раз тогда Николай Бухарин с присутствующим ему зловещим юмором сформулировал основной принцип политики коммунистов: «У нас только две партии: одна в Кремле, другая в тюрьме».

Наступление начинается репрессиями против «правых» эсеров. Летом 1922 года в Москве проходит громкий политический процесс, где их обвиняют в убийстве Урицкого и Володарского, покушении на Ленина. Процесс заканчивается двенадцатью приговорами к смертной казни. Впрочем, из-за резко негативной реакции зарубежной общественности, включая коммунистов, протестов Ромена Роллана, Максима Горького, расстрелы были «отсрочены».

Главная задача, поставленная ГПУ (так переименовали ЧК в 1922 году) в Азербайджане, заключалась в ликвидации Закавказской организации эсеров, особенно сильных в Баку. Эсеровская ячейка не была разгромлена жандармами даже во времена Столыпина. Теперь этим делом занялись чекисты и лично Берия.

1, 7, 9, 10 и 16 апреля 1922 года на Сурханских нефтяных промыслах (под Баку) произошли возгорания бездействующих нефтяных вышек. По подозрению в поджоге арестовали рабочего Михаила Голомазова. Ни в каких партиях он не состоял, но в рабочем движении до революции, видимо, участвовал. Голомазов был знаком с эсером Федором Плетневым.

В итоге чекисты разработали следующую версию: этот самый Плетнев, выполняя указания другого эсера Михаила Зайцева, убедил Голомазова совершить диверсию. Зайцев же получил приказ от члена Оргбюро Бакинского комитета партии социалистов-революционеров Ольги Сухоруковой-Спектор. В начале апреля 1922 года она передала Зайцеву сообщение о предстоящих арестах эсеров и «директиву Бакинского комитета ПСР организовать поджог Сурханских нефтяных промыслов» в ответ на эти аресты. Зайцев «передал эту директиву Ф. Плетневу, тот – М. Голомазову». После ареста Плетнева 7 апреля Голомазов 9 апреля поджег бездействующую буровую в Раманах, был арестован, а 10 и 16 апреля загорелись еще три вышки.

Всего арестовали и предали суду 32 человека. Обвиняли эсеров не только в поджогах, но и в антисоветской деятельности, даже в сотрудничестве с англичанами при казни 26 бакинских комиссаров.

Впрочем, убедительная доказательная база не складывалась. Время пыток еще не наступило. Секретно-политический отдел ГПУ во главе с Берией старался как мог. Одним из немногих вещественных доказательств была эффектная фотография Ольги Сухоруковой-Спектор на фоне горящей нефтяной вышки. Происхождение фотографии неизвестно. По версии следствия, преступница, подобно Герострату, гордилась своим злодеянием настолько, что запе-

чатлелась на его фоне в момент преступления. Понятно, что такое вещественное доказательство не могло не вызывать у профессиональных юристов скепсиса и сарказма. Еще сложнее для следствия было объяснить, как загорелись вышки после ареста «поджигателя» Голомазова органами ГПУ. Кроме того, только он один «признал свою вину полностью», Плетнев и Зайцев «частично», остальные заявляли о невинности и фальсификации следствия.

Власть пребывала в некотором смущении. Киров, возглавлявший Азербайджан, 6 июля телеграфировал в Москву:

Дело закавказских эсеров еще не слушалось. Задерживалось необходимостью добиться сознания членов Бакинской организации в поджоге нефтяных промыслов. Сейчас сознались в этом два члена партии эсеров. Сейчас работаем по организации процесса. Создали чрезвычайный трибунал. Задержка за обвинителем, которого не можем найти. Эсеры организуют хорошую защиту, которая будет подражать Муравьеву, компании. Начале процесса сообщим.

Председатель Политического Красного Креста, известный адвокат Николай Муравьев, возглавлял защиту правых эсеров на московском процессе правых эсеров в 1922 году. И создал тогда для обвинителя Николая Крыленко очень серьезные проблемы.

Бакинский процесс должен был стать образцово-показательным. Еще 15 сентября 1922 года комиссия при Агитпропе ЦК РКП(б) в смешанном «партийно-чекистском составе» (К. Б. Радек, А. С. Бубнов, Н. Н. Попов, В. Р. Менжинский, Т. Д. Дерibas), обсудив вопрос «О постановке новых процессов», вынесла резолюцию: «Признать постановку процессов принципиально целесообразной; поручить ГПУ представить к следующему заседанию комиссии свои соображения по отдельным делам».

Процессу предшествовала масштабная политическая подготовка. На нефтепромыслах и фабриках проводились митинги. Поддержать обвинение из Москвы прибыл заместитель Ленина Алексей Рыков. В отличие от московского процесса, Бакинский решено было сделать фактически закрытым. Ход суда власти не интересовал, приговоры были утверждены заранее.

7 декабря 1922 года из Баку за подписями Кирова, главного обвинителя Васильева, председателя трибунала Полуяна была прислана в Москву и передана в Политбюро на голосование телеграмма следующего содержания:

Начавшийся утром 1-го декабря процесс с.р. заканчивается. Приговор будет 9-го утром. Из 32 обвиняемых высшая мера наказания без какой бы то ни было замены намечается следующим: ГОЛОМАЗОВУ – непосредственному поджигателю, ПЛЕТНЕВУ, ЗАЙЦЕВУ и САМОРОДОВУ – бывшим членам Комитета, давшим директиву о поджоге, ОСИНЦЕВУ – члену областного Комитета, имевшему тесную связь с врангелевцами, КЛЕШАПОВУ – совслужащему, снабжавшему организации оружием, деньгами, документами, КАРАШАРЛИ – бывшему ЗамНачГлавмилиции, снабжавшему организации документами, деньгами, использовавшему советский аппарат в контрреволюционных целях, ИВАНОВУ – белогвардейцу. Пятерым – оправдание. Четверых – условному заключению. ТАРХАНОВУ, СПЕКТОРУ – членам областного Кта – по три года. СУНДУК'ЯНЦ – один год с зачетом предварительного заключения. Остальные – к разным срокам максимум на пять лет. Замену высшей меры наказания считаем совершенно невозможной, особенно в силу последних событий: пожар станции Насосны, главных мастерских, крушение поездов. Приговор должен войти в силу через 48 часов после вынесения.

«За» проголосовали Сталин, Молотов, Троцкий и Ленин. Процесс проходил с 1 по 9 декабря и напоминал театрализованное представление. Обвиняемых везли по городу под усиленным конвоем красных кавалеристов с шашками наголо. Скамью подсудимых окружала вооруженная охрана, дабы показать особую опасность преступников. Зал был наполнен специально подобранными людьми, которые встречали показания обвиняемых свистом и гневными выкриками. Подсудимым не разрешалось общаться с заключенными по другим процессам.

Большинство подсудимых решительно отрицали свою вину, утверждали, что следствие фальсифицировало факты. Эпизод с поджогом доказать удалось не полностью, что признал даже обвинитель Васильев. Как и было предложено азербайджанским руководством, обвинитель потребовал расстрелять шесть человек – трех исполнителей и трех морально ответственных. И все же обвинительное заключение выглядело так неубедительно, что суд признал вину трех «морально ответственных в принятии решения о поджоге промысла» недоказанной и расстрел заменил на тюремное заключение.

Бакинский процесс даже на фоне других политических дел 1920-х годов представлял грубой инсценировкой и скорее напоминал показательные суды времен «большого террора». Вероятно поэтому вплоть до 1928 года («шахтинское дело») постановочные процессы, подобные Московскому и Бакинскому, более не практиковались.

Однако старания чекистов были оценены высоко. Итогом трудов Берии стало награждение его золотыми часами с монограммой и денежной премией в сумме 500 миллионов рублей. Обосновал эту награду Багиров так: «Умелое руководство блестяще выполненного в государственном масштабе дела по ликвидации Закавказской организации партии эсеров, положившего все свои силы, энергию на выполнение столь серьезной задачи на внутреннем фронте». А Феликс Дзержинский 6 февраля 1923 года издал приказ о награждении Лаврентия Берии револьвером браунинг «за энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации партии социалистов-революционеров». Участвовал Берия и в разгроме сторонников мусульманской партии «Итихат». Молодой чекист не только удержался на весьма высоких должностях, но добился значительных успехов. Казалось бы, карьера и судьба Берии предрешена. Но у Лаврентия были собственные планы на будущее.

Между ГПУ и институтом

Если Красная армия с окончанием Гражданской войны теряла свое прежнее значение и престиж, то роль ГПУ только возрастала. Всех представителей оппозиционных политических партий, даже «разоружившихся», следовало арестовывать. Правых – монархистов, участников белого движения – расстреливать. А левых – социалистов, эсеров, меньшевиков, анархистов – отправлять в ссылку и в концлагерь на Соловки. Борьба за единомыслие и диктат одной партии будут вестись еще не одно десятилетие, и у чекистов всегда будет много работы. Ответственный сотрудник секретной службы обладал немалой властью и влиянием.

На всех местах работы Берия создавал вокруг себя окружение лично преданных ему людей, которых потом не забывал и способствовал их продвижению по службе. Багиров, который в Баку руководил Берией, со временем фактически станет его подчиненным. Лаврентий Павлович составит ему протекцию при назначении его главой Азербайджана, а затем и избранию в высший партийный орган – Президиум ЦК КПСС. Еще один человек из Баку, прошедший с Берией несколько десятков лет, Ювельян Сумбатов-Топуридзе, занимавшийся руководством азербайджанской агентурой, станет начальником хозяйственного управления НКВД СССР, а под закат карьеры заместителем Председателя Совета министров Азербайджанской ССР.

В декабре 1922 года Берия покидает Азербайджан. Его назначают начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК Грузии. Переезд на родину был тем более кстати, что в 1922 году Лаврентий Павлович женился на Нине Теймуразовне Гегечкори. Семья Гегечкори старинного, но обедневшего дворянского рода. Нина родилась в 1905 году, она на шесть лет моложе Лаврентия, рано лишилась отца, ее воспитывал сначала сводный брат-бухгалтер. А в 1921 году Нину взял на воспитание двоюродный брат – Александр Гегечкори – большевик, министр внутренних дел Грузии. В своих показаниях в 1953 году Нина Берия сообщала: «В 1922 году, когда я училась в 7 классе, я познакомилась с Берией Л. П., который приехал из Баку по служебным делам. Берии я до этого не знала и познакомилась с ним через своего родственника Биркая Давида, который был сын железнодорожника, у которого, как говорил Берия, он скрывался во время своей работы в подполье». Есть и другая, романтическая версия знакомства, изложенная сыном Лаврентия Серго: «Отец сидел в одной камере Кутаисской тюрьмы вместе с Сашей Гегечкори. Моя мама навещала дядю. Так и познакомились».

В начале 1990-х Нина Теймуразовна так рассказывала об этом тюремном эпизоде:

Жили мы тогда в Кутаиси, где я училась в начальной женской школе. За участие в революционной деятельности Саша часто сидел в тюрьме, и его жена Вера ходила встречаться с ним. Я была еще маленькая, мне все было интересно, и я всегда бегала с Верой в тюрьму на эти свидания. Между прочим, тогда с заключенными обращались хорошо. Я не сказала, естественно, что мой будущий муж сидел в одной камере вместе с Сашей, откуда я могла его знать. А он, оказывается, запомнил меня.

Хотя Нина была сиротой без средств, но по своему происхождению Лаврентий был ей неровня. Из знатного рода Гегечкори вышло немало известных в Грузии людей. Например, один из родственников, Евгений Гегечкори, был министром иностранных дел независимой Грузии, потом он эмигрировал. Поэтому появление такого ухажера, как Лаврентий, несмотря на его высокую чекистскую должность, не вызвало у родственников Нины восторга.

Нина Гегечкори. Жена Лаврентия Берии

Алексей Гегечкори (Саша), двоюродный брат Нины Гегечкори, большевик, в 1922–1923 гг. министр внутренних дел Грузии

Среди семейных преданий семьи Гегечкори есть забавная история, которую нам рассказал в Тбилиси правнук Алексея Гегечкори Шавлег Гегечкори:

Нина Гегечкори была племянницей моего прадеда, она приехала в Тбилиси из Мартвили и жила у своего дяди, достаточно в хороших условиях, так как он был народным комиссаром. И однажды, когда они с Берией уже были влюблены, он довольно поздно проводил ее домой. Дверь им открыла жена Саши Гегечкори Вера Эрнестовна Глокер. И она, рассердившись, что он

так поздно задержался с Ниной, а у нее болела нога и она ходила с тростью, вот эту трость она сломала об спину Лаврентия Берии. Самое удивительное то, что никаких плохих последствий из-за этого случая не было. Наоборот, Берия очень любил Веру Эрнестовну, и у нас даже есть дома книга, это известная книга «История большевистских организаций в Закавказье», она и после 50-х годов сохранилась в достаточно хорошем состоянии, и на ней стоит дарственная надпись, сделанная карандашом: «Дорогой Вере от Лаврентия».

Нина Теймуразовна рассказывала о причинах своего замужества довольно прозаически:

К тому времени я была уже взрослой женщиной, отношения с матерью (имеется в виду приемная мать – жена Саши Вера. – Ред.) у меня не сложились. Помню, у меня была единственная пара хороших туфель, но Вера не разрешала мне их надевать каждый день, чтобы они подольше носились. Так что в школу я ходила в старых обносках, старалась не ходить по людным улицам – так было стыдно своей бедной одежды... Однажды по дороге в школу меня встретил Лаврентий. После установления советской власти в Грузии он часто ходил к Саше, и я его уже неплохо знала. Он начал приставать ко мне с разговором и сказал: «Хочешь не хочешь, но мы обязательно должны встретиться и поговорить». Я согласилась, и позже мы встретились в тбилисском парке Недзаладеви. В том районе жили моя сестра и зять, и я хорошо знала парк. Сели мы на скамеечку. На Лаврентии было черное пальто и студенческая фуражка. Он сказал, что уже давно наблюдает за мной и что я ему очень нравлюсь. А потом сказал, что любит меня и хочет, чтобы я вышла за него замуж. Тогда мне было шестнадцать с половиной лет. Лаврентию же исполнилось двадцать два года. Он объяснил, что новая власть посылает его в Бельгию изучать опыт переработки нефти. Однако было выдвинуто единственное требование – Лаврентий должен жениться. Я подумала и согласилась – чем жить в чужом доме, пусть даже с родственниками, лучше выйти замуж, создать собственную семью. Так, никому ничего не сказав, я вышла замуж за Лаврентия. И сразу же поползли слухи, будто Лаврентий похитил меня. Нет, ничего подобного не было. Я вышла за него по собственному желанию.

Брак Лаврентия с Ниной не мог не вызвать разнообразные толки. Никому неизвестный чекист из Баку, деревенский парень и внешностью – не Аполлон, увел из семьи Наркома внутренних дел, представителя знаменитого княжеского рода, племянницу, которая помимо всего была писаная красавица. Отсюда и слухи о похищении невесты, которые, вполне возможно, распространяли сами родственники Саши Гегечкори. Это известная на Кавказе средневековая традиция – выдавать неравный брак за похищение невесты. Родственники обеих сторон о «похищении» договаривались заранее. После того как невеста благополучно исчезла из дома с женихом, «безутешным» родителям ничего не оставалось, как дать согласие на брак. Иначе на девушку и весь род ложилось пятно позора. Добавим, что, насколько нам известно, никто и никогда не сказал о Нине Теймуразовне ни одного худого слова. Так что, помимо всего прочего, с женой Лаврентию Берии повезло.

Интересно, что рассказ Нины Гегечкори позволяет увидеть чекиста Берия с неожиданной стороны. Едва появляется возможность перейти с чекистской работы на хозяйственную, отправиться на стажировку на предприятия Бельгии, Берия проявляет недюжинную энергию для достижения этой цели, вплоть до немедленной женитьбы. И даже год спустя, будучи начальником секретно-политического отдела ГПУ Грузии, он напишет заявление в ЦК ВКПб с просьбой освободить его от чекистской работы.

За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование. Имея к этой области знаний призвание, потратив много времени и сил, просил бы ЦК предоставить мне возможность продолжения этого образования для быстрее его завершения. Законченное специальное образование даст мне возможность отдать свой опыт и знания в этой области советскому строительству, а партии – использовать меня так, как она это найдет нужным. 1923 г. 22/Х

В начале 1920-х годов судьба Берии еще не определена окончательно. Высокая чекистская должность, как ни странно, не слишком его привлекала. Он хотел перейти на хозяйственную работу. Из дальнейшей судьбы Берии известно, что, как только у него появлялась возможность оставить карательные органы, он проявлял всяческое старание, чтобы сделать это. У него действительно был вкус к руководству крупными экономическими объектами. Ненависть к классовому врагу не была ему свойственна изначально. Человек он был глубоко прагматический. Напоминал в этом смысле знаменитого смотрителя Алексеевского рavelина Петропавловской крепости Матвея Соколова по прозвищу Ирод, служебная философия которого выражалась так: «Если прикажут говорить заключенному „ваше сиятельство“ – буду говорить „ваше сиятельство“; если прикажут задушить – задушю». В общем, ничего личного, все – по делу.

Но тогда, в 1923 году, соскочить с крючка чекистской работы не удалось. Берия считался хорошим работником, к тому же был грузином, а ситуация в Закавказье оставалась политически сложной и имела огромное личное значение для набравшего силу Генерального секретаря коммунистической партии Иосифа Сталина.

Глава 2. Из шашек в дамки

Первые тридцать восемь лет своей жизни Лаврентий Берия проведет в Закавказье. Как и остальные советские деятели, пережившие Большой террор, карьере он будет обязан лично Иосифу Сталину. В отношении своей родины, Кавказа, вождь был особенно подозрителен, Генеральный секретарь ВКП(б) Иосиф Сталин очень не хотел, чтобы некоторые детали его боевой кавказской молодости стали достоянием общественности. Карьерный взлет Лаврентия Берии отчасти именно этим и объясняется: уничтожить свидетельства и свидетелей он умел как никто иной.

Лихое прошлое Кобы

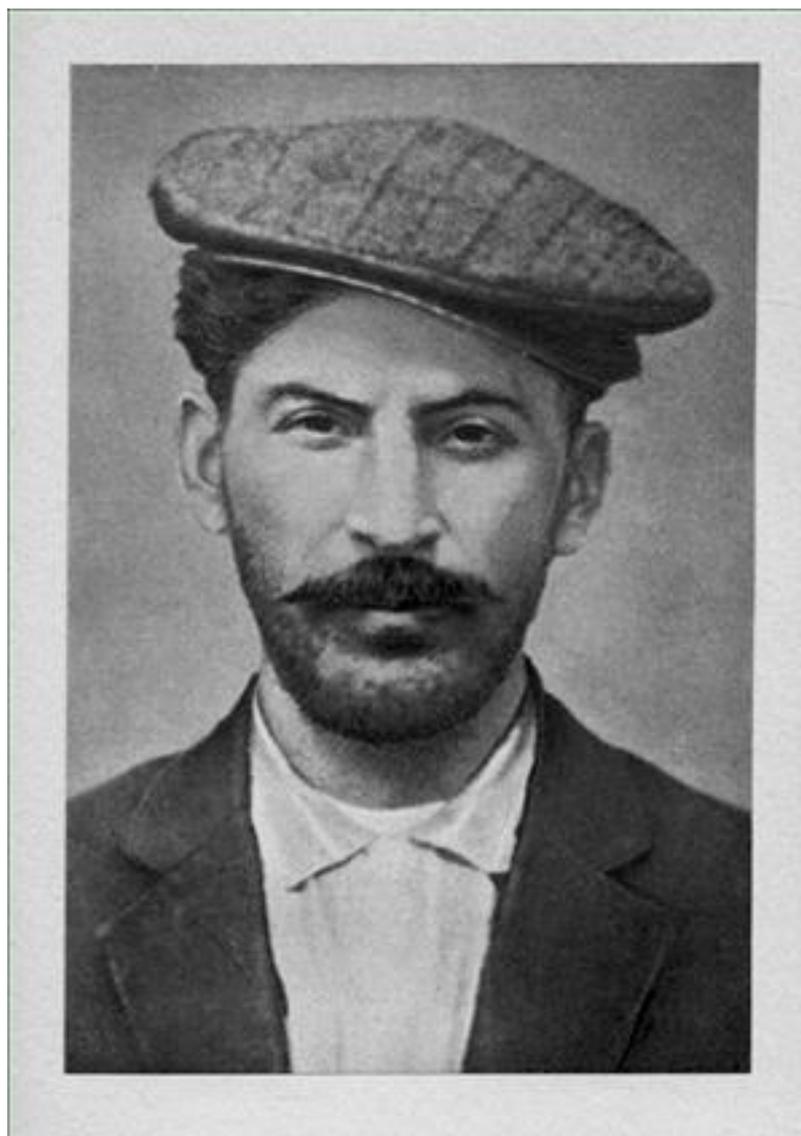
Тоталитарный режим подразумевает многократное исправление прошлого. История должна служить государственным целям. Иосиф Виссарионович не зря учился в семинарии. Сталинский миф напоминает миф христианский. Есть Иоанны Предтечи – Маркс и Энгельс, Бог-Отец – Ленин и живое божество – сам Вождь. В официальной биографии Сталина он был безгрешен. Согласно советской историографии, Сталин всегда был вождем. Ленин называл его – «горный орел». Соперников у него не было и не могло быть. Подлинная бурная кавказская карьера Сталина поэтому нуждалась в исправлении. Вождю не нужны были свидетели и свидетельств.

А скрывать было что. На Кавказе далеко не все считали Сталина признанным лидером. В Баку был свой герой – Степан Шаумян, в Тифлисе – Буду Мдивани и Лев Каменев. Своей карьере внутри большевистской партии Сталин был обязан Ленину, который ценил его выдающуюся способность пополнять кассу партии. С 1905 по 1908 год Иосиф Виссарионович по существу возглавлял грузинских и бакинских боевиков, методами своей деятельности мало отличавшихся от уголовников. Кровавые экспроприации, захват кораблей, киднэппинг, рэкет. Помимо того, убийство товарищей по партии, обвиненных в провокациях, без всяких доказательств. Коварство, жестокость, сомнительные знакомства.

Большевики не любили вспоминать, откуда они получали средства. Ни о деньгах Саввы Морозова, ни об ограбленных банках и казначействах, ни о переводах от немецкого генерального штаба. На V съезде РСДРП в 1907 году экспроприации были поставлены вне закона, виновные в них подлежали исключению из партии. Сталина едва не исключили, но именно в этом году мастерство экспроприации было доведено до виртуозности.

Еще в Батуми, а потом в Чиатуре Коба предлагал владельцам заводов, шахт и имений откупиться от забастовок и поджогов. Он организовывал кровавые рейды против казачьих подразделений.

13 июня 1907 года в Тифлисе в 11 часов транспорт казначейства при проезде через Эриванскую площадь подвергся нападению бомбометателей, и все деньги были похищены. При ограблении было убито двое городских и трое казаков, ранены двое казаков, шестнадцать прохожих и стражник. Все участники ограбления сумели скрыться. Даже в страшные революционные годы кровавое преступление в Тифлисе вызвало всероссийский шок, о нем в подробностях писали все газеты империи. Дерзкое ограбление в центре Тифлиса организовал Иосиф Джугашвили. Украдено было 241 тысяча рублей. Большая часть из них досталась Ленину.

Иосиф Сталин. 1908

Вершиной криминально-политической деятельности Кобы стало ограбление парохода «Император Николай Первый» в 1908 году. Перед самым отходом почтового судна на пристани появились люди в полицейской форме. Они поднялись на борт под предлогом поимки опасных преступников. Затем раздался крик: «Бросай оружие, это налет!» Охрану загнали в каюту, захватили сейф. Медвежатник Ахмед вскрыл его. Добыча составила 1 200 000 рублей. Сталин вместе с Ахмедом пересели на быстроходный катер и скрылись.

За свои преступления в Баку – «экссы», рэкет, убийства заподозренных в сношениях с полицией – Сталин получил поразительно мягкое наказание: его выслали на два года в Сольвычегодск. Но уже через несколько месяцев он совершил побег из ссылки и возвратился в Баку. Тогда впервые у соратников-революционеров возникли серьезные подозрения, что Сталин – агент охранки. Уж очень легко он бежал из ссылок, уж очень спокойно действовал на воле. Подозрения возникали не только у меньшевиков, но и у товарищей по партии. И эти слухи, скорее всего несправедливые, в 1930-е годы должны были быть окончательно пресечены. Этим займется Лаврентий Павлович Берия.

Безупречная революционная биография в 1920-е годы стала важнейшим карьерным условием. В борьбе за командные высоты коммунистические вожди забрасывали друг друга компроматом. Про Троцкого было известно, что до 1917 года он был меньшевиком, Зиновьев

и Каменев выступали против организации Октябрьского переворота, Бухарин голосовал против Брестского мира. Про Сталина ходили только темные слухи, ничего конкретного. Он умел уничтожать свидетелей и документы.

Коммунисты, не любившие Сталина

Если в период Октябрьского переворота и Гражданской войны Сталин казался несомненным крупным руководителем, но без определенной, яркой индивидуальности, то в 1921 году, став Генеральным секретарем ЦК РКП(б), быстро проявил свое властолюбие. Это привело к ссоре с Владимиром Лениным и чуть не стоило Сталину поста генсека. Конфликт этот обычно называют «грузинским инцидентом». Он имел важнейшее значение в дальнейшей судьбе Лаврентия Берии.

Советизация Грузии произошла в Закавказье последней. Первыми красные захватили Азербайджан, потом Армению. В Грузии в 1918–1921 годах существовала демократическая республика с хорошо развитыми партийными структурами. Правила – грузинские социал-демократы (меньшевики), оппозицию им составляли коммунисты, социалисты-федералисты и национальные демократы. Грузия была признана большинством стран Европы, Советской Россией и пользовалась широкой поддержкой влиятельной в мире социал-демократии.

Поэтому, уже захватив большую часть Закавказья, Ленин медлил с оккупацией Грузии. Только 12 февраля 1921 года, после того как большевикам удалось поднять мятежи в населенных по преимуществу армянами Борчалинском и Ахалкалакском уездах, советская 11-я армия вторгается в Грузию. 16 февраля ревком Грузии, состоящий из коммунистов, объявляет себя правительством самопровозглашенной Грузинской Советской Республики. 25 февраля 1921 года советские войска вошли в Тифлис. Тем не менее, Владимир Ленин 2 марта телеграфировал Орджоникидзе: «Гигантски важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои ещё до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях».

Со свойственной ему тактической гибкостью Ленин понимал, что в Грузии установление сколько-нибудь стабильной советской власти под руководством коммунистов невозможно. Он, вероятно, хотел создать нечто вроде будущей Дальневосточной республики – буферное, вассальное государство. Так сказать, «финляндизировать» Грузию.

В конце июня 1921 года впервые за пятнадцать лет в Тифлис приехал Сталин. Во время митинга в железнодорожных мастерских он был освистан рабочими. Слушатели кричали: «проклятый!», «предатель!», «изменник!». Овацию устроили давнему злейшему врагу Сталина (он один из первых называл Кобу полицейским агентом) меньшевику Исидору Рамишвили. Его внесли на трибуну на руках. А другой меньшевик Александр Дгебуадзе вопрошал Сталина: «Почему вы разрушили Грузию? Что вы можете предложить взамен?». Сталин вынужден был под свист собравшихся практически бежать с митинга, а человек он был злопамятный.

Грузинские коммунисты, чтобы удержаться у власти, объективно нуждались в гораздо большей независимости. На родине их считали русскими наймитами, они опирались на штыки красноармейцев. Чтобы завоевать хоть какой-то престиж и уважение у населения, коммунистам надо было отстаивать национальные грузинские интересы, максимально дистанцироваться от московского руководства.

Руководители Грузинской Советской Республики были люди с незапятнанной большевистской репутацией. Троцкий писал: они «были строителями, сперва большевистской партии, позже советской власти на Кавказе. Испытанные революционеры, члены партии со дня ее возникновения, бывшие каторжане – это были лучшие представители старого большевизма».

Буду Мдивани – председатель Революционного комитета Грузии, председатель Союзного Совета Закавказья, председатель Совнаркома Грузии. Член РСДРП с 1903 года. Близкий приятель Сталина. С Кобой они в Тифлисе создавали боевые организации большевиков. Мдивани – один из участников ограбления Тифлисского казначейства. Сидел одновременно со Стали-

ным в Баиловской тюрьме. Во времена Гражданской войны, будучи в Москве, останавливался у Сталиных в Кремле.

Сергей Кавтарадзе – заместитель председателя Ревкома Грузии и нарком юстиции, председатель Совнаркома Грузии. С 1903 года – в РСДРП. Активнейший деятель Первой русской революции в Грузии, приятель Сталина по временам подполья.

Константин (Котэ) Цинцадзе – председатель ЧК-ОГПУ Грузии. В РСДРП с 1904-го. Участвовал в большинстве «боевых» операций большевиков на Кавказе (убийство генерала Федора Грязнова, грабежи банков, почтовых отделений, железных дорог, кораблей). Был шафером у Сталина на свадьбе; помогал в его побеге из тюрьмы в Тифлисе.

Михаил Окуджава – член РСДРП с 1903 года. Заместитель председателя СНК ССР Грузии, ответственный секретарь ЦК КП(б) Грузии. Дядя знаменитого поэта Булата Окуджавы.

Филипп Махарадзе – член РСДРП с 1903 года. Принимал Сталина в марксистский кружок семинаристов. Неоднократно арестовывался, долгие годы находился на нелегальном положении. 16 февраля 1921 года в качестве председателя грузинского ревкома провозгласил «Грузинскую Советскую Республику» и обратился с просьбой о военной помощи к правительству РСФСР.

Все эти люди знали Иосифа Сталина много лет и не испытывали к нему никакого особого пиетета. Напротив, для них Сталин и другие московские грузины были даже предателями, позволявшими себе грубо вмешиваться в дела своей родины. И вскоре они чуть не добились снятия Сталина с поста Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

Грузинский инцидент

В августе 1922 года в Москве была создана комиссия для подготовки объединения формально независимых советских республик – РСФСР, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Грузии. Председатель комиссии Иосиф Сталин предложил включить национальные республики в РСФСР в качестве автономий. Но против сталинского проекта выступил ЦК КП Грузии. Несмотря на мнение грузин, комиссия приняла проект Сталина. Материалы обсуждения направили Ленину в Горки.

27 сентября 1922 года уже тяжело больной Ленин принял Буду Мдивани, а 30 сентября – Михаила Окуджаву, Владимира Думбадзе и Котэ Цинцадзе. Тогда вождь и предложил формулу: не Федерация, а Союз. Это никого не оскорбляло – грузины вернулись в Тифлис окрыленными.

На грузинском партийном пленуме Мдивани и Окуджава говорили: «Мы – по Ленину, они (Сталин и Орджоникидзе) за военный коммунизм». Пленум принял решение, что Грузия вступит в Союз, но на правах самостоятельной республики.

Иосиф Виссарионович, пользуясь болезнью Ленина, неожиданно восстал и обвинил вождя партии в «национальном либерализме». Каменеву Сталин писал: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича».

Но противодействовать Ленину пленум ЦК РКП(б) не мог и проголосовал за равноправный Союз Республик (будущий СССР). Впрочем, Грузия должна была войти в состав Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР).

Сталин отправил в Тифлис своего верного соратника Серго Орджоникидзе с тем, чтобы он унял местное руководство. Серго действовал грубо, высокомерно, товарищей своих называл «социал-духанщиками». На коммунистической вечеринке старый большевик Акакий Кабахидзе обозвал Серго «сталинским ишаком», а тот ударил его кулаком по лицу. В ответ 19 октября 1922 года ЦК компартии Грузии заявил, что он все же будет ходатайствовать о вхождении в Союз не в составе Закавказской Федерации (как решил пленум РКП), а отдельной республикой. То есть статус Грузии и, скажем, Украины должен быть равным.

Сталин и Орджоникидзе, возглавлявшие Закавказский краевой комитет РКП(б), в тот же день сняли с должности секретаря ЦК КП Грузии М. Окуджаву. В ответ весь состав грузинского ЦК ушел в отставку, сославшись на созданный Орджоникидзе «держимордовский режим».

Секретариат ЦК послал в Грузию комиссию под председательством Дзержинского для срочного исправления ситуации. Политбюро утвердило это решение, причем Ленин при голосовании воздержался, считая, что надо опять пойти на уступки грузинам. Комиссия, однако, одобрила линию Орджоникидзе (фактически – Сталина) и признала необходимым отозвать из Грузии на работу в Россию всех лидеров оппозиционеров. О результатах работы комиссии Дзержинский доложил Ленину.

В ответ Ленин в декабре 1922 года надиктовал текст под названием «К вопросу о национальностях или об „автономизации“». В «грузинском деле», с его точки зрения, сыграли «роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского», и предлагал «примерно наказать тов. Орджоникидзе».

Ленин потребовал «доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского» для «исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются».

16 декабря 1922 года состояние здоровья Ленина вновь резко ухудшилось. Пользуясь болезнью Ильича, решение комиссии Дзержинского одобрили Оргбюро и Политбюро, поста-

новившие отозвать из Грузии четырех главных лидеров грузинской оппозиции – Мдивани, Окуджаву, Кавтарадзе, Цинцадзе.

Но расслабляться Сталину было рано. Прикованный к постели Ленин делал все, чтобы использовать грузинский политический инцидент. Он видел усиливавшуюся власть Сталина и решил использовать свои с ним разногласия, чтобы сместить того с должности Генерального секретаря.

Весной 1923 года предстоял очередной XII съезд партии. Именно на нем и должно было состояться падение Генсека. Ленин надиктовал секретарям письмо к съезду «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», в котором обвинял Сталина в грубейших политических ошибках. Понимая, что Сталин и его союзники контролируют Политбюро, Ильич решил обратиться за помощью к Троцкому и написал ему:

Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом Ленин

«Намерения Ленина, – вспоминал Троцкий, – стали мне совершенно ясны: на примере политики Сталина он хотел вскрыть перед партией, и притом беспощадно, опасность бюрократического перерождения диктатуры». Троцкий объяснял настойчивое внимание Ленина к «грузинскому делу» тем, что «в национальном вопросе, где Ленин требовал особой гибкости, все откровеннее выступали клыки имперского централизма».

Тогда же Ленин продиктовал записку, адресованную Мдивани и Махарадзе, главным противникам сталинской политики в Грузии:

Уважаемые товарищи!

Всею душой слежу за Вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

Судьба Сталина была фактически предрешена. Пойти против воли Ленина партийные вожди боялись. Иосиф Виссарионович должен был лишиться поста генсека. Но 10 марта 1923 года Ленин перенес третий инсульт и окончательно прекратил политическую деятельность. На XII съезд партии, состоявшийся 18–19 апреля 1923 года, он уже не попал. Троцкий не проявил достаточной активности, и Сталин со своими тогдашними союзниками Зиновьевым и Каменевым «замотали» дело.

Итак, на рубеже 1922 и 1923 годов между Лениным и Сталиным возник конфликт. Причины его в том, что, по словам Ленина, «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Ленину необходимо было обвинить набирающего силу Сталина в узурпации власти и, пользуясь этим, сместить его с поста. Повод нашелся: «грузинский инцидент». Если бы не болезнь Ленина, на XII съезде ВКП(б) он скорее всего разбил бы Сталина идейно и добился бы его падения.

Но Ленин умер, а Сталин полностью заменил высшее руководство Грузии. Теперь председателем ЦИК (сейчас бы сказали – спикером) назначили Миха Цхакая, председателем Совета народных комиссаров Мамию Орахелашвили, 1-м секретарем ЦК КП(б) Грузии стал Лаврентий Картвелишвили, его заместителем Виссарион Ломинадзе, секретарем Тифлисского комитета КП(б) Грузии Михаил Кахиани.

Все это были люди лояльные Сталину, но у них, с его точки зрения, был важнейший недостаток – они были старые большевики и обладали поэтому определенной степенью независимости. Иосиф Виссарионович не мог им вполне доверять. Сталин руководил Грузией через курировавшего Закавказье Серго Орджоникидзе, Сергея Кирова и руководителя Абхазии Нестора Лакобу.

Сергей Киров и Серго Орджоникидзе. 1922 г.

Нестор Лакоба. 1920-е годы

Лаврентию Берии предстояло физически уничтожить и первое антисталинское руководство, и пришедший к нему на смену второй состав руководства Грузии. Но когда в ноябре 1922 года Лаврентий Берия занял второй по значению пост в грузинском ГПУ, исход борьбы между Лениным и Сталиным еще не был очевиден. Все кадровые изменения, низвержения вчерашних кумиров происходили на глазах Лаврентия. И было ясно, что это только начало. У Берии в этой кадровой чехарде появился свой шанс.

Проблема меньшевиков

В ноябре 1922 года Берия переводят в Тифлис начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК Грузинской ССР, в 1926-м переименованного в ГПУ (Государственное политическое управление).

Вероятнее всего, перевод Берии из Азербайджана был связан со сменой руководства грузинского ЧК. В декабре 1922 года ее начальник Константин Цинцадзе, находившийся в оппозиции Сталину и Орджоникидзе, был снят с работы, а на его место назначили Епифана Кванталиани – бакинского большевика с дореволюционным стажем. Во время Гражданской войны он служил в 11-й армии и руководил в 1920 году подавлением антисоветского восстания в Гяндже – втором по численности городе Азербайджана. Чекистские операции там возглавлял Лаврентий Берия. Так что они были хорошо знакомы, что называется, по работе. Берия стал протеже и правой рукой нового начальника ЧК.

Закавказскую ЧК в это время возглавлял Соломон Могилевский, знаменитый своей деятельностью в центральных чекистских органах человек Дзержинского. Берия стал его заместителем на посту командующего пограничными и внутренними войсками Закавказской Федерации.

Работа в Тифлисе имела свою специфику. Три года Грузия была независимым государством. Тогда социал-демократы (их коммунисты называли «меньшевиками») были правящей партией, пользовавшейся огромным авторитетом. Новая же власть рассматривалась большинством грузин как чужая, русская, колониальная.

Меньшевицкое правительство Грузии практически в полном составе в 1921 году эмигрировало и продолжало считать себя правительством Грузинской Демократической Республики в изгнании. Руководил грузинской эмиграцией бывший премьер-министр Ной Жордания, высоко ценимый в социал-демократических кругах Европы. Даже в советской грузинской прессе его порой называли «почтенный Ной Жордания». Эмигранты координировали деятельность меньшевицкого подполья в Советской Грузии, засылали своих эмиссаров, финансировали и снабжали литературой. Разгром огромного и влиятельного социал-демократического подполья – главная задача грузинского ЧК. С этой задачей должен был справляться в первую очередь секретно-оперативный отдел во главе с Лаврентием Берией. И он не жалел для этого сил.

Вот как описывал работу Берии в ЧК подчиненный ему тогда Меркулов:

При Берии в ЧК-ГПУ я занимал должности: начальника ЭКО (1923–1927 гг.), начальника Инфаго и политконтроля (1927–1929 гг.), заместителя председателя и нач[альника] СОЧ ГПУ Аджаристана (1929–1931 гг.) и начальника секретного отдела Закавказского ГПУ (май-октябрь 1931 г.).

Должен сказать, что на работу руководимых мною отделов (за исключением ГПУ Аджаристана) Берия не обращал почти никакого внимания. Все свое внимание он сосредоточил на работе двух основных отделов – СО (борьба с антисоветскими партиями и антипартийными группировками) и КРО (борьба с шпионажем и бандитизмом).

Я мог в любое время без доклада зайти в кабинет Берии (этим правом, впрочем, пользовались тогда и другие начальники отделов), но доложить дела руководимых мною отделов мне удавалось относительно редко и наспех, так как Берия, не обращая на меня внимания, вызывал к себе сотрудников других, «своих», отделов и с ними занимался. Я должен был уходить, а когда наступал конец занятиям, Берия вызывал меня и говорил: «Давай твои дела отложим на завтра, а сейчас пойдем постреляем». Тут же он вызывал по телефону

коменданта с патронами, еще двух-трех сотрудников-стрелков, и мы шли в тир стрелять.

Часто и на другой день повторялась та же история. Лишь когда истекали сроки отсылки информационных донесений в ОГПУ, Берия наспех просматривал мои информации, и они отсылались. Работой же отделов КРО и СО Берия занимался лично, вплотную и подолгу.

Всеволод Меркулов писал свои письма в ЦК КПСС в июле 1953 года, когда Лаврентия уже арестовали и судьба его была предрешена. Поэтому его показания о Берии должны были подтвердить правильность ареста и добавить доказательную базу для изобличения и осуждения. Меркулов старается придерживаться изобличительного тона, но сквозь него прорываются объективные детали, отражающие стиль и методы работы Берии. Меркулов писал:

По характеру своему Берия был очень крутым, жестким, грубым и властным человеком, не любившим делить власть с кем-нибудь. Хотя при решении оперативных вопросов он обычно собирал совещания начальников соответствующих отделов, вызывал часто и рядовых работников, непосредственно занятых той или иной разработкой, но это делалось только для того, чтобы разобраться в деле, а затем самому принять решение.

Из этого описания мы видим нашего героя как лидера команды, прислушивающегося к мнению подчиненных вплоть до рядовых работников, при этом человека решительного, берущего на себя полную ответственность. Более того, из письма Меркулова мы узнаем о Лаврентии и вовсе неожиданные вещи:

Когда Берия хотел или это было ему нужно, он мог быть любезным, гостеприимным хозяином, показать себя хорошим товарищем, внимательным и чутким. Берия старался это делать в отношении своего ближайшего окружения, понимая, что от того, как будет работать его окружение, зависит его собственная судьба.

Другое дело – люди, занимавшие официальные посты, люди, которым он должен был подчиняться по работе. Обычно он старался осторожно дискредитировать их в разговорах с подчиненными ему работниками, делал о них колкие замечания, а то и просто нецензурно ругал. Никогда не упускал он случая какой-либо фразой умалить человека, принизить его.

Удивительная картина. Лаврентий презрителен к начальникам, но любезен, внимателен и чуток к подчиненным, потому что именно от них зависит его судьба. Казалось бы, должно быть наоборот. Но Берия – особый случай. Он не связан с местными грузинскими элитами, и рассчитывать на милость непосредственного начальства, на стабильное служебное продвижение по родству или знакомству ему не приходится. Столь честолюбивому властному человеку быть замеченным и подняться вверх можно только незаурядными, выдающимися делами. Поэтому Лаврентий работает на самых трудных, заведомо провальных участках работы, куда ни один здравомыслящий чиновник не сунется. Берия рассчитывает на результат, на громкий успех, а добиться его он может, опираясь только на собственные силы и на верную команду подчиненных. И сколько бы в дальнейшем не обвиняли Лаврентия в интригах, подсиживании и всяческих подлостях (часто вполне обоснованно), пытаясь объяснить взлеты его карьеры, он еще не раз будет браться за дела, которые большинству обвинителей были бы не под силу. Он безжалостен, жесток, эффективен. И всегда добивается успеха, будь то социалистическое строительство, Большой террор, оборона Кавказа или атомный проект. А сейчас Лаврентию предстояла одна из самых трудных задач – дискредитировать и уничтожить популярных в народе грузинских меньшевиков и окончательно разделаться с ними.

Газетные заголовки 1923–1924 годов свидетельствуют о том значении, которое советская власть придавала опасности со стороны социал-демократов: «Не сумеете скрыть кровавых следов своих преступлений», «От меньшевизма к фашизму», «На меньшевистский террор ответим более страшным террором», «Остаться в партии меньшевиков позорно» и т. д.

Необходимо было демонизировать противника, представить его в глазах общественности бандой убийц. Как говорил Лаврентий Берия в интервью газете «Рабочая правда»: «Меньшевики намерены путем создания банд устроить вооруженное восстание при помощи империалистов Запада».

Чекисты постарались разложить меньшевистскую организацию, заставить видных деятелей социал-демократии покаяться и перейти на сторону новой власти. В газетах регулярно печатались открытые письма раскаявшегося меньшевика Ивана Хнинадзе, призывавшего бывших однопартийцев перейти на сторону советской власти. По словам тогдашних корреспондентов газет, под влиянием этих писем из партии меньшевиков вышли 12 тысяч человек. Чекистам удалось переманить на свою сторону члена ЦК Сеида Девдариани. Был организован съезд бывших меньшевиков, на котором выступил Серго Орджоникидзе.

К трехлетию Советской Грузии Лаврентий Берия и его начальник Епифан Кванталиани были награждены республиканскими орденами Красного Знамени. Как писала тифлисская газета «Рабочая правда», среди достижений Берии: «...полные составы ЦК меньшевиков перевидали подвалы ЧК. Раскрыты типография, склады оружия, выловлены Ной Хамерики, Сеид Девдариани, Гогита Почава – прибывшие из эмиграции меньшевистские эмиссары». В феврале 1923 года ЧК Грузии арестовала ЦК «молодых марксистов» (меньшевистского комсомола) и тифлиссский комитет меньшевиков.

Надо сказать, что до лета 1924 года карательная политика советской власти по отношению к членам социалистических партий – меньшевикам, эсерам, анархистам – была значительно мягче, чем к так называемым контрреволюционерам (кадетам, монархистам, церковным иерархам). Например, в октябре 1922 года 60 меньшевиков были арестованы и – высланы в Германию.

Расстреливали до восстания 1924 года только «классовых врагов». Так, 19 мая 1923 года закрытое совещание коллегии Закавказской и Грузинской чрезвычайных комиссий, в котором участвовал и Лаврентий Берия, судила бывших офицеров грузинской армии. Прения были недолгими и коллегия постановила:

Константина Николаевича Абхази, 55 лет, высшее образование, бывший дворянин, бывший генерал, бывший глава дворянства, глава центрального комитета грузинской национально-демократической партии, который вошел в военный центр и который участвовал в руководстве подготовки восстания против советской власти, в рассмотрении в национально-демократической партии вопроса о восстании, и, как он сам в этом признался, проголосовавшем за немедленное вооруженное восстание – расстрелять. Приговор привести в исполнение в течение 24 часов.

На следующий день Константин Абхази был расстрелян. Согласно легенде, перед казнью генерал сказал: «Моя смерть принесет победу Грузии». В тот же день, 20 мая, было расстреляно еще пятнадцать человек, из них четыре генерала и четыре полковника.

Восстание 1924 года

Грузинская эмиграция и подполье возлагали надежды на общественное мнение Запада и европейскую социал-демократию. Ной Жордания особенно рассчитывал на Генуэзскую конференцию 1922 года. Там решался вопрос о признании Советской России странами Европы. Меншевики требовали, чтобы такое признание было взаимоувязано с выводом Красной армии из Грузии и проведением там свободных, демократических выборов. Генуэзская конференция, однако, закончилась провалом. Советскую Россию официально не признали. Зато большевикам удалось договориться о дипломатических отношениях с Германией. Впрочем, Германия, погруженная в кризис, ничуть не собиралась отстаивать независимость Грузии: не до жиру, быть бы живу.

Это преопределило решение эмигрантов: в Грузии необходимо организовать вооруженное восстание. Ной Жордания надеялся, что оно будет поддержано горцами Северного Кавказа:

Выступление в закавказском масштабе обязательно приведет к победе, если это выступление будет производиться общими силами. Русские цари только с Дагестаном вели борьбу более тридцати лет. А сколько лет понадобится большевикам, чтобы вести борьбу не с одним Дагестаном, а с целым Закавказьем, легко представить. Перенос военной базы на Кавказский хребет и укрепление там всеми нашими вооруженными силами – залог нашей победы. Только в этом случае Европа обратит на вас серьезное внимание и окажет помощь.

Для осуществления восстания меньшевики заключили союз с национал-демократами, социалистами-федералистами, независимыми социал-демократами и эсерами. Партии организовали «паритетный комитет», или «Комитет независимости Грузии» – штаб будущего восстания. В Грузию тайно вернулись видные эмигранты-меньшевики: Ной Хомерики и бывший командир Национальной гвардии Валико Джугели. Но 6 августа 1924 года оба они были арестованы Грузинской ЧК. В те же дни чекисты задержали социалиста-федералиста Михаила Когошвили и соратника Джугели Норчо Микеладзе.

Валико Джугели начинал как большевик в 1905 году. В Ленинской партии он состоял и в 1917-м. Как вспоминал сотоварищ по партии, укрывшийся под газетным псевдонимом Знакомый, арестовав в феврале 1917 года жандармского полковника Пострумина, Валико его по дороге в тюрьму собственноручно застрелил. Автор называет этот поступок следствием «невыдержанности». В это время Джугели возглавлял Народную гвардию, аналог Российской Красной гвардии. К меньшевикам от большевиков Валико перешел в результате личной ссоры с каким-то большевистским лидером, оставшимся неизвестным. Ближайшим его другом среди меньшевиков был дядя Нины Берия – Евгений Гегечкори.

Валико Джугели

В независимой Грузии Валико Джугели прославился захватом Тифлисского арсенала у большевиков в 1918 году, разоружением полков бывшей царской армии в Гори, Кутаиси, Душети, Телави, кровавыми походами в Южную Осетию и Абхазию, подавлением большевистских мятежей в Мегрелии и в Душети.

Сразу же после ареста бериевскими чекистами, в ночь с 7 на 8 августа 1924 года, в своей камере Джугели пытался покончить с собой, вскрыв вены. Тюремщики успели спасти ему жизнь. Тогда Джугели объявил сухую смертельную голодовку. Он сразу дал понять, что ему не страшны ни пытки, ни казнь. Тогда чекисты начали действовать не таской, а лаской. Они использовали много раз проверенный тайной полицией прием. Как бы всерьез вели переговоры с подследственным, предлагали широкий политический компромисс, старались, чтобы Джугели чувствовал себя одной из высоких договаривающихся сторон. Допрашивал его сам руководитель грузинских чекистов Елифан Кванталиани. Было сделано все, чтобы Валико чувствовал себя не узником, а партнером. Ему разрешили поговорить с другими арестованными меньшевиками, к щедрому столу подавали вино.

Предлагался следующий компромисс. Меньшевики отказываются от восстания, признают советскую власть, взамен объявляется широкая политическая амнистия и меньшевикам предоставляются посты в правительстве Грузии. Разумеется, мозгом этой хитроумной операции был глава секретно-политической части Лаврентий Берия. Именно он внедрил в меньшевистскую верхушку своих агентов, чтобы перевербовать слабых и колеблющихся, получить

информацию и для ареста Джугели, и для дальнейшей с ним работы. Чекистам удалось переиграть несгибаемого меньшевика.

Уже 12 августа Джугели написал письма в ЦК партии меньшевиков и Комитет Независимой Грузии. Он считал эти письма началом переговоров, обещанных чекистами. И писал их для узкого круга товарищей. Понятно было, что меньшевики не слишком доверялись этим запискам, справедливо считая, что они сочинены под давлением. Поэтому Джугели обещал чекистам лично уговорить подпольщиков отказаться от мятежа, просил временно освободить его. А как гарантию того, что он не скроется, готов был принять медленно действующий яд. Вождь меньшевиков искренне верил в возможность договориться с большевиками и решить дело миром. Джугели писал:

Мой арест носил исключительный характер, ибо я еще не успел втянуться в работу и о моем нахождении в Тифлисе знали очень немногие. Я соприкасался с очень ограниченным кругом лиц. И для меня стало очевидно, что кто-то именно из этого «ограниченного круга» и удружил мне.

Берия сумел убедить знаменитого подпольщика, что меньшевики по существу являются марионетками чекистов, благодаря хорошо развитой агентурной сети и малодушию уже арестованных подпольщиков. ЧК обладает полной информацией и о готовящемся восстании, и о его руководителях. Обращались с Джугели, по его словам, мягко. Узник напомнил своим товарищам – время начала восстания выбрано не случайно, как раз тогда в Лондоне шли переговоры между советской и английской сторонами о дипломатическом признании Великобританией СССР. Как и в случае с Гаагой, меньшевики надеялись, что англичане поставят независимость Грузии одним из условий признания Советского Союза и восстание станет веским аргументом. Но англичане признали СССР без всяких оговорок.

Джугели писал коллегам по Комитету о безнадежности задуманного предприятия и сделал своеобразный комплимент секретно-оперативной части ЧК во главе с Лаврентием Берией: «Я испытал на себе, – писал он, – страшное влияние воздуха Чека. И я понял, что вся сила этого воздуха состоит в том, что именно здесь ближе знакомишься с обратной стороной нашей работы, со всеми теневыми ее сторонами».

Джугели писал о том, что задача полной независимости Грузии сейчас несбыточна, между тем в нынешнем своем состоянии Грузия получила гораздо больше национально-культурной автономии, чем это было при царе. Поэтому необходимо не воевать, а сотрудничать с большевиками. Он просил снять вопрос о восстании, ссылаясь на слова Августа Бебеля: «Я оппортунист, ибо не намерен лбом пробивать стенку».

Чекисты обещали Джугели, что эти письма останутся в тайне и будут переданы адресатам. Сделать им это было легко, так как подполье было пронизано агентурой Берии. Но ни передавать письма, ни вести переговоры большевики изначально не собирались. Послания такого всем известного рыцаря без страха и упрека с призывом не поднимать восстание нужны были исключительно для демонстрации силы ЧК и деморализации других меньшевиков. Незадолго до назначенной даты восстания чекисты выложили эту свою козырную карту.

26 августа 1924 года в нескольких ведущих грузинских газетах публикуются на грузинском и русском языках «записки» Валико Джугели из камеры № 19 ГрузЧК. Личные письма тут же стали известны всей Грузии и произвели на готовящихся к выступлению повстанцев ошеломляющее впечатление. Руководитель восстания предлагает его отменить.

30 августа грузинские газеты опубликовали письмо еще одного подпольщика – Михаила Когуашвили. Это меньшевистский боевик из рабочей среды, специалист по убийству провокаторов. Террорист описывает, как он последовательно убил пятерых человек, в том числе члена ЦК меньшевистской партии Бендилиани, который, будучи разоблаченным, «удрал и скрывался на квартире чекиста Берии». Там же нашел убежище и другой меньшевик Мурат Хитаров. В

письме содержится указание на то, что сотрудником ЧК оказался и бывший меньшевик Николай Гегечкори.

В газетах письма Джугели и Когуашвили соседствовали с описанием ареста и раскаяния знаменитого эсеровского боевика Бориса Савинкова. Все вместе это создавало впечатление безраздельного могущества советских чекистов. Берия обезглавил и деморализовал восстание.

Впрочем, объективно вооруженный мятеж был даже на руку чекистам. Он выводил все грузинское подполье на поверхность и позволял одним махом расправиться с ним без всяких сантиментов и партийных ограничений. Но и меньшевикам отступать было некуда: подпольная борьба себя исчерпала, власть большевиков укреплялась и рано или поздно их всех ждал неминуемый арест.

Вооруженные отряды у заговорщиков имелись. В труднодоступных горных районах Грузии уже три года действовали так называемые банды, по сути отряды антисоветских повстанцев. Самым сильным из них был отряд под командованием князя Константина (Какуца) Чолокашвили, действовавший в Душетском уезде Кахетии.

Как говорил в своем последнем слове на процессе 1925 года член паритетного комитета Яков Джавахишвили, «обвинитель попытался представить Чолокашвили как грабителя и убийцу, вспомнил его прошлое: раньше он был адъютантом и поверенным продовольственной комиссии. Мой моральный долг заявить, что Какуца Чолокашвили в течение трех лет был только бойцом за национальную независимость и лучшим партизаном». В Горийском уезде воевал с большевиками отряд Касрадзе, а в лесах Боржоми партизанили повстанцы Шакро Кумеритошвили. По данным чекистов, они собирались похитить какого-нибудь видного большевика – то ли Буду Мдивани, то ли Филиппа Махарадзе, ограбить скорый московский поезд из Москвы, убить находящихся на отдыхе в Боржоми заместителей Троцкого по Реввоенсовету Клим Ворошилова и Эфраима Склианского.

Однако решительно настроенных боевых отрядов было не слишком много. На успех можно было рассчитывать только при широкой поддержке населения.

Восстание началось, как и планировалось, 28 августа 1924 года. Несмотря на попытки Комитета координировать действия разных групп повстанцев, мятеж развивался хаотично. Поэтому советское руководство Грузией имело возможность маневрировать, наносить быстрые и эффективные ответные удары.

Первым городом, захваченным мятежниками, стала Чиатура в Имеретии. Здесь добывали марганец, было много шахтеров, проявивших себя еще во время революции 1905–1907 годов, кстати, под руководством Иосифа Сталина.

28 августа 1924 года на рассвете мятежники во главе с князем Георгием Церетели захватили Чиатуру и образовали «Временное правительство Грузии». Но уже через два дня красноармейцы вытеснили восставших из города. Непродолжительным было и восстание в Мегрелии, центр которого находился в Сенаки. Последним городом, захваченным мятежниками, стал кахетинский Душет.

Руководил подавлением восстания приехавший из Москвы Серго Орджоникидзе. 31 августа 1924 года Коллегия Чрезвычайной комиссии Грузии объявила:

...События последних дней, когда меньшевистские бандиты совместно с князьками, дворянами, генералами и купцами произвели вооруженное выступление в Чиатурах и в некоторых других пунктах Грузии, показывают, что нет границы поползновениям контрреволюционеров и что самая суровая расправа со стороны органов пролетарской власти с преступниками, ввергающими трудовые массы в кровавую авантюру, способна предотвратить страну от повторения этих безумных попыток. Поэтому Чрезвычайная Комиссия Грузии постановляет... организаторов восстания

против пролетариата и непримиримых врагов рабоче-крестьянской власти предать высшей мере наказания – расстрелу.

На основании этого и последующего постановлений были «расстреляны на месте 44 активиста заговора, в том числе 17 бывших князей и помещиков и 18 участников банды Чолокашвили, занимавшихся убийствами и грабежами».

2 сентября ЧК Грузии известила в газетах о расстреле 24 арестованных по обвинению в подготовке восстания. Среди них члены ЦК меньшевистской партии Хомерики, Чхинкашвили, Агава и Джугели, а также член ЦК партии народных демократов Цинамджгваришвили. 4 сентября объявили о расстреле еще 12 человек в Аджарии.

В Мцхете чекистам удалось задержать руководство «Комитета независимости Грузии»: председателя князя К. Андроникашвили, членов ЦК национал-демократов Я. Джавахишвили и М. Ишхнели, члена ЦК СДПГ(м) Ж. Джинорию, члена КНГ от партии грузинских эсеров М. Бочоришвили. Уже 5 сентября они обратились к повстанцам с призывом сложить оружие. Только князю Константину Чолокашвили удалось спастись: в конце 1924 года он вместе с частью своих бойцов бежал через Турцию во Францию.

Параллельно шла антименьшевистская кампания по отработанной схеме: митинги на заводах с требованием расстрела всех причастных к мятежу, в прессе публиковались письма трудящихся с подобными признаниями: «при меньшевиках жилось не то, что теперь, свободы не было никакой». Сообщалось, что 17 тысяч рабочих и крестьян с проклятиями покинули предательские ряды партии меньшевиков. Собрали совещание делегатов всегрузинского съезда бывших меньшевиков. Хотя среди участников восстания большинство составляли рабочие Чиатуры и крестьяне Мегрелии, пресса указывала, что все это интриги бывших помещиков. Как говорил секретарь Аджарского обкома партии Леван Гогоберидзе:

Вы знаете, товарищи, что в Грузии дворянство составляет 6 процентов населения. Это необыкновенный процент, которого нет ни в одной другой стране. Даже в Польше, стране панов, число дворян достигает 4 процентов. Мы должны сократить в Грузии процент дворянства.

Особую жестокость проявляли красноармейцы и чекисты в первые дни подавления восстания. Рассказывают о сотнях и тысячах жертв, расстрелянных без суда и следствия. В грузинском эмигрантском журнале «Кавкасион» в 1964 году описывался такой эпизод:

В Чиатуре хватали всех, кто попадет под руку, даже тех, кто не участвовал в восстании, загрузили в эшелон, как будто для отправки в Тифлис, но у станции Квирила расстреляли из пулеметов запертых в вагонах людей. Никто из них не смог выжить.

Эта история широко известна в Грузии, и даже полноразмерный макет изрешеченного пулями вагона был выставлен при президенте Михаиле Саакашвили в Музее оккупации в Тбилиси. Но никакими архивными материалами, впрочем, этот случай не подтвержден, а столь странный способ казни вызывает сомнения.

Победители не только не скрывали, что расправились с восставшими жестко и кроваво, но этим бравовали. «Эти господа, эти „герои восстания“, дали нам возможность немного прочистить свои ружья», – говорил Серго Орджоникидзе. Ему вторил еще один видный грузинский секретарь ЦК КП(б) Грузии Михаил Кипиани: «Наше ЦК уничтожило меньшевистское ЦК. Сейчас они либо в холодной земле, либо в составе нашего ЦК».

Репрессии продолжались и после поражения восстания. В своем выступлении в Москве Серго Орджоникидзе заявил: «В массовых расстрелах мы немного переборщили, но с этим уже ничего не поделаешь». Сотни меньшевиков оказались на Соловках и в сибирской ссылке.

Есть основания полагать, что позиция Берии в вопросе о репрессиях была чуть более взвешенной, чем у его начальников. Об этом свидетельствует письмо Берии к Орджоникидзе в 1932 году, где он оправдывается за якобы произнесенные им при коммунистическом вожде Абхазии Несторе Лакобе весьма неллицеприятные для Орджоникидзе слова:

Дорогой Серго, как могли Вы хоть на минуту допустить мысль о том, что я когда-либо где-либо или кому-либо, в том числе и Н. Лакоба, мог говорить столь нелепые, фантастические и даже контрреволюционные вещи вроде: «Серго в 24 году в Грузии перестрелял бы всех грузин, если бы не я».

Вне зависимости от того, правильно ли передал Лакоба слова Берии, они вполне могли соответствовать истине. О кровожадности и горячности Орджоникидзе в 1924 году было широко известно. Берия же до начала Большого террора предпочитал пользоваться «острыми методами» избирательно. Лаврентий Павлович как человек в душе беспартийный и циничный не любил делать лишних движений. Да и в ОГПУ времен Дзержинского ценилась не только кровожадность, но и умение вести тонкую оперативную игру, которой массовые казни противопоставлены.

Берия победил меньшевиков раньше, чем прозвучали первые выстрелы. Он сумел обезглавить и морально обезоружить восстание еще до его начала и не сомневался в его провале. Потому Лаврентий Берия писал о мятежниках, решившихся в этой ситуации поднять оружие, с некоторым снисхождением и сожалением:

В истории очень часто можно встретить людей, которые в своем ослеплении политической борьбой теряют всякую перспективу и из революционных деятелей превращаются в политических авантюристов.

В начале марта 1925 года председатель Всесоюзного Исполнительного комитета Михаил Калинин, находившийся в Грузии, призвал к амнистии участников восстания. И тех, кого не расстреляли, в том же году выпустили. Впрочем, всех их в дальнейшем ожидала одинаковая судьба – во время Большого террора 1930-х их расстреляют практически поголовно. Под руководством Лаврентия Берии.

Расследование дел главарей восстания длилось почти целый год. 16 июля 1925 года в Тбилиси начинается открытый процесс над Паритетным комитетом руководителей восстания. Перед Верховным судом Грузии предстало 47 подсудимых, 57 свидетелей. Судьями были известные грузинские большевики Г. Вашадзе, И. Стуруа, К. Цинцадзе. Главным обвинителем выступил М. Окуджава, общественным обвинителем – С. Кавтарадзе.

Подсудимым инкриминировалась организация восстания, связь с заграницей, теракты, шпионаж, измена Родине. Если первый пункт обвинения был очевидным, то шпионаж и измена Родине выглядели малоубедительно. Теракты же вообще носили скорее опереточный характер. Планировалось ограбление казино, подпольного картежного притона, налет на почтовый вагон, уже упомянутые покушения на Ворошилова и Склянского, организация крушения поезда с курсантами, похищение Мдивани и Махарадзе и даже убийство Дзержинского. Реально удалось только ограбление поезда на станции Бослеви 4 января 1923 года. Добыча составила 2 миллиона рублей. Попытка ограбления скорого поезда Батуми – Москва, предпринятая 2 сентября 1923 года, была пресечена чекистами. Все экспроприаторы были арестованы на станции Чина еще до прихода поезда.

Отдельно рассматривалась деятельность так называемых банд. Самой многочисленной – 600 человек – была банда Константина Челокаева. Она действовала в Хевсуретии и Кахетии. В Горийском уезде действовали два отряда: Лашкорашвили со своими людьми подчинялся партии федералистов, а Касрадзе – меньшевикам. В Гурии орудовала банда Гогии Глонти. Впрочем, в убийстве коммунистов обвинялись только абреки Касрадзе. 10 февраля 1923 года в селе Лихаури они застрелили военкома Оболадзе и красных командиров Саникадзе и Чубунидзе.

Важный сюжет – попытка установить связь с Северным Кавказом. Рассчитывали организовать там армию из 90 тысяч вооруженных горцев. Член ЦК партии национальных демократов Циннамдгаришвили встретился в Грозном с чеченским полевым командиром Али Митаевым и казацким атаманом Мидюшкиным. С последним у национал-демократа вышел горячий спор о будущих границах между Россией и Грузией. В результате атаман примирительно заметил: «Сначала убьем медведя, потом будем делить его шкуру». Но все равно армии горцев, желающих «убить медведя», Грузия так и не увидела.

Хотя методы следствия были значительно более «либеральными», чем будут в 1930-е годы, чекистам под руководством Берии удалось сломить волю арестованных, запутать их, заставить давать показания друг на друга. Все это позволило сделать судебный процесс образцово-показательным. В отличие от Московского и Бакинского процессов правых эсеров, здесь все прошло без сучка и задоринки.

Подавляющее большинство подсудимых, за исключением Ясона Джавахишвили, активно сотрудничали со следствием, раскаивались, задним числом считали восстание плохо подготовленной авантюрой. Среди оппозиционеров, особенно меньшевиков, шла непрерывная дискуссия о том, не надо ли сотрудничать с грузинскими большевиками и пытаться расширить автономии Грузии легальным путем. Они понимали, что с 1922 года находились под колпаком у чекистов, которые раз за разом арестовывали их вожakov.

Приговор был относительно мягким. Прокурор Михаил Окуджава требовал расстрелять семь человек. Приговорили к смертной казни четверых и тут же заменили расстрел на десятилетнее заключение. Подавляющее большинство обвиняемых получили три года заключения, двое – пять лет, двое – восемь.

Победить меньшевиков одним ударом не удалось. Об этом свидетельствует подписанная Л. Берией докладная записка о положении в Грузии по данным ГрузГПУ от 30 июня 1927 года:

В мае 1925 года в подполье проходит четвертый грузинский нелегальный съезд меньшевиков. Сильнее всего позиции подполья в Гурии. Тамошняя организация партии состоит из 3000 человек во главе с Милосием Сихуралидзе. 40–50 из гурийцев вооружены и состоят в союзе с «немногочисленной, но великолепно вооруженной бандой Гунтайшвили».

С грустью глава ГПУ констатирует:

Гурийские меньшевики популярны, их охотно укрывает население.

Второй по численности чекисты считали кутаисскую организацию – 1450 человек и две типографии. В Тифлисе меньшевиков в подполье более пятисот. В 1926 году было арестовано 910 подпольщиков, 280 из них высланы за пределы Грузии.

Эмигрантское правительство постоянно засылало через турецкую границу своих эмиссаров. В июне 1927 года пограничники задержали при переходе советско-турецкой границы Ивана Карцивадзе. Он оказался ответственным эмиссаром заграничного парижского бюро ЦК меньшевиков. У Карцивадзе изъяли сумку писем для передачи деятелям подпольных организаций меньшевиков. Это были новые директивы, написанные Ноем Жордания и Ноем Рамишвили по подготовке нового восстания. Но этому восстанию не суждено будет даже начаться.

Режиссер театра Руставели Сандро Ахметели возглавлял по оперативным данным националистическую организацию. Власти провели чистки тифлисского учительства и студентов консерватории. С работы были выгнаны 50 учителей и исключены 20 студентов. Удалось провести удачную операцию по перевыборам каталикоса – 26 мая 1927 года этот сан получил вполне лояльный к власти Христофор.

Продолжалось разоружение населения. В 1927 году было сдано или изъято 7503 винтовки и 275 револьверов. Свою записку Берия заканчивает предложением позволить ГПУ Грузии

иметь собственную резидентуру в Париже, для того чтобы иметь возможность контролировать грузинскую эмиграцию.

В 1930-е годы закавказским чекистам удалось обзавестись мощной агентурой в кругах грузинской эмиграции. В немалой степени именно эти успешные операции привлекли внимание Серго Орджоникидзе к руководителю секретно-политической части ОГПУ Л. Берии, и именно в этом контексте о Лаврентии Павловиче узнал и Иосиф Сталин.

9 сентября 1925 года руководитель коммунистов Закавказья С. Орджоникидзе писал Сталину:

Дорогой Сосо... Ты, наверное, помнишь Коцию Сулаквелидзе, несколько месяцев тому назад он нелегально вернулся из Берлина для работы. Но скоро был арестован в Батуми. Побыв около двух месяцев в «институте» Берии, разрешился замечательным письмом. Впечатление от него хорошее. Заявил, что всемерно будет работать с нами против меньшевиков.

Завтра будет письмо председателя Кутаисского уездного комитета и члена ЦК (меньшевиков) Чеишвили, результаты «благодетельного» влияния Берии.

Из этого письма совершенно очевидно, что уже в 1925 году Сталин прекрасно знал о существовании Лаврентия Берия, иначе Орджоникидзе написал бы о нем подробнее.

Главный чекист Грузии

С самого начала у Берии в Грузии был ряд карьерных преимуществ. Подавляющее большинство руководителей связей с Кавказом до этого не имели и прибыли из России с 11-й армией. Именно на основе особого отдела этой армии и была сформирована Грузинская ЧК. Лаврентий Берия был грузином, кроме того, знал и азербайджанский язык. С другой стороны, он не был обременен связями с руководством Грузии. Вся грузинская партийная номенклатура состояла из людей, знакомых еще с дореволюционных времен, прошедших тюрьмы, подполья, часто породнившихся друг с другом. На Кавказе вообще очень важны дружеские и родственные отношения. Предать человека своего круга невозможно.

В 1920-е годы сначала московское руководство ЧК, а затем и руководство страны видят в Берии объективного, не связанного обязательствами с местной элитой представителя центральной власти. В январе 1924 года он выполняет важнейшее распоряжение, исходящее наверняка от самого Генсека Иосифа Сталина.

21 января 1924 года умер Ленин. Между тем еще во время его тяжелой болезни в партии несколько лет шла борьба между сторонниками самого известного после Ленина коммунистического вождя Льва Троцкого и большинством номенклатуры, вождями которой были Иосиф Сталин, Лев Каменев и Григорий Зиновьев. Вопрос о том, кого видел своим наследником Ленин, кто является самым правоверным ленинцем, становится важнейшим политическим вопросом внутрипартийной борьбы. Как раз в это время у Троцкого обострилась хроническая малярия, и по решению ЦК он отправился на лечение в Сухуми. Когда Лев Давыдович узнал о смерти Ленина, он, несмотря на болезнь, хотел вернуться в Москву, чтобы принять участие в похоронах. Но, согласно его воспоминаниям, был обманут.

21 января застигло нас на вокзале в Тифлисе, по пути в Сухум... Я соединился прямым проводом с Кремлем. На свой запрос я получил ответ: «Похороны в субботу, все равно не поспеете, советуем продолжать лечение». Выбора, следовательно, не было. На самом деле похороны состоялись только в воскресенье, и я вполне мог бы поспеть в Москву. Как это ни кажется невероятным, но меня обманули насчет дня похорон.

Троцкий продолжил свое лечение. И уже на следующий день в Сухуми его посетил Лаврентий Берия. Любопытно, что Москва выбрала в качестве информатора и даже доверенного лица не кого-то из местных руководителей, например старого большевика Могилевского или главу Грузинского ЧК Кванталиани, а мало кому известного чекиста. И рапортует о результатах встречи с Троцким Берия не своему непосредственному начальству, а через их головы прямо в Москву.

Лев Троцкий в тот момент смертельно опасный для партийной верхушки человек. Наркомвоенмор, председатель Реввоенсовета – за ним Красная армия и флот. Кроме того, он знаменитый оратор, способный поднять массы, самый известный в мире после Ленина российский коммунист. Донесение Берии – очень осторожный текст. В нем содержится исключительно важная информация, при этом Берия не позволяет себе выказывать личного отношения к Троцкому. Ведь кто его знает, чем закончится внутрипартийная борьба и кто в итоге победит.

Телеграмма

зам. председателя Грузинской ЧК Берии

Ягоде о посещении Троцкого в связи с кончиной Ленина.

Передать тов. Ягоде для срочной передачи

тов. Сталину или Орджоникидзе

22 января посетили тов. Троцкого и сообщили ему наше мнение о том, что ему в какой бы то ни было форме необходимо высказаться в связи со смертью Ильича. Болезнь не дала возможность ему выступить на открытом собрании. Написал статью, которую мы передали по радио. В беседе с нами т. Троцкий, между прочим, сказал следующее: он не верит в возможность какого бы ни было раскола в нашей партии. Политический уровень нашей партии даже молодой ее части высок. Во всяком случае, если что-либо и было возможно, это не будет с его стороны. Последние слова он повторил 4 раза. В общем, он не мыслит раскола партии. По его мнению, предстоящий партийный съезд разрешит все насущные вопросы нашего хозяйства и практические вопросы смычки с крестьянами. По его мнению, предстоящая весна будет решающая в вопросе о взаимоотношениях с крестьянами.

Международное положение он считает формально благоприятным, однако этот вопрос ставит в зависимости от внутреннего положения нашего Союза. Тов. Троцкий считает, что его последняя брошюра подверглась незаслуженным нападкам, ему приписывается то, о чем по существу он не писал. Смерть Ильича сильно подействовала на него. Он считает, что в данный момент особенно необходима сплоченность. Он считает, что партия окажется достойной того, кто эту партию создал. Ленина может заменить только коллектив. Чувствует себя т. Троцкий неважно.

23/1-24 г. Зампредчека Берия

Любопытно, что это донесение адресовано не председателю ОГПУ Феликсу Дзержинскому, а второму его заместителю Генриху Ягоде, доверенному человеку Сталина. Это означает, что уже в начале 1924 года Берия был человеком Сталина на Кавказе. Обращает также на себя внимание наблюдение Берии, что Троцкий четыре раза повторил слова о том, что раскол в партии не будет инициирован с его стороны. С одной стороны, чекистский профессионализм, с другой – демонстрация служебной старательности. Если Троцкий четыре раза что-то повторил, значит, четыре раза об этом заводили речь. Москва может спать спокойно, задание выполнено со всей серьезностью.

Множество версий существует по поводу карьерного взлета Берии, который уже в 1926 году в возрасте 27 лет стал главой Грузинского ОГПУ. Например, говорили о подстроенной им авиакатастрофе, в которой погиб председатель Закавказского ЧК Могилевский. Но, во-первых, эта смерть никак не повлияла на служебное положение Берии, формально он так и оставался второстепенной фигурой. Во-вторых, так могут рассуждать только люди, не понимающие реалий 1920-х годов. Можно предположить, что Сталин уже тогда начал устранять некоторых своих противников, хоть это и не доказано. Но представить, чтобы Берия принял решение такого уровня, просто невозможно.

Еще один сюжет связан со смещением Епифана Кванталиани, непосредственного начальника Берии, с его поста председателя Грузинского ОГПУ. Многие авторы рассказывают забавную историю с грузинско-турецким колоритом. В Тбилиси прибыла важная делегация из Анкары. Грузинские чекисты тут же развернули операцию по вербовке турков. Якобы на одном из застолий грузинские огепаушники настолько увлеклись вербовкой и напились вина, что подрались с упрямыми турецкими дипломатами. Все, конечно, возможно: грузины любят застолье, турки, как мусульмане, пьют мало.

Надо сказать, Турция времен Ататюрка была одной из немногих дружественных СССР стран. Поэтому случившееся стало причиной серьезного разбирательства в Москве. Вопрос касался дипломатического престижа и жесткие оргвыводы были неизбежны. Епифана Кванталиани сняли с должности. Его место занял заместитель – Лаврентий Берия.

Сын Кванталиани утверждает, что Лаврентий Берия сознательно подставил его отца. Но никаких доказательств тому нет. В любом случае, в этой ситуации Берия оказался сильнее своего шефа и как чекист, и как политик. Тем более, даже враги замечали: Лаврентий Павлович никогда не напивался вдрызг. Дело этого не любило.

Карьера Елифана Кванталиани была навсегда разрушена. Он занимал незначительные номенклатурные позиции в руководстве Грузии, работал в ЦКК, заведовал почтой и телеграфом, служил заместителем начальника Закавказской железной дороги. В 1937 году его арестовали и расстреляли.

Между тем сама по себе должность председателя Грузинского ОГПУ не означала полную самостоятельность даже в пределах Грузинской Республики. Местные чекисты подчинялись Закавказскому ОГПУ во главе с Зиновием Кацнельсоном, человеком Ягоды, палачом Архангельска в 1921–1922 годах².

Так или иначе, с декабря 1926 года, после скандала с Кванталиани, Лаврентий Берия возглавил ОГПУ Грузии. Карьера Берии в партийных органах была не такой блестящей. На VI съезде КП(б) Грузинской ССР, в июле 1929 года, Берия еще не входил даже в ЦК партии Республики, хотя в Президиум съезда его выбрали. Примечательно, что в Президиуме он заседал вместе со своим бывшим начальником Кванталиани. Среди сюжетов, которые рассматривались на съезде, – борьба с троцкистами. Как известно, с 1927 года внутривластными оппозиционерами стала заниматься ГПУ. По словам ораторов, вождями троцкизма Грузии в это время являлись давно высланные за пределы Республики старые большевики Михаил Окуджава, Катэ Цинцадзе. Среди коммунистов Грузии троцкизм был относительно популярен. Если во всех партийных организациях СССР за тезисы Троцкого проголосовало только полпроцента присутствующих на партийных собраниях, то в Грузии в пять раз больше – 2,5 %. За полтора года правоохранители арестовали шесть троцкистских центров, а седьмой, как сообщалось на съезде, не смогли. Он остался существовать нелегально. Так что чекистам работы оставался непечатый край.

Съезд закончился для Берии большим кадровым успехом. 20 декабря 1930 года его наконец выбирают членом бюро республиканского ЦК.

Тут как раз подоспело новое громкое дело. С 1928 года начинается борьба против недобитой буржуазной интеллигенции. Вероятно, старые инженеры, экономисты, профессора были не слишком довольны советским строем и свое недовольство осмеливались открыто выражать, не понимая специфики текущего политического момента. 1929 год – начало «сталинской революции». Одним из ее результатов должно было стать создание людей, готовых выполнить любой приказ партии не раздумывая. Между тем научно-техническая интеллигенция, доставшаяся стране еще с дореволюционного времени, была в значительной степени настроена скептически к советской штурмовщине, перевыполнению планов и резкому падению уровня жизни. Для того чтобы запугать эту очень важную для индустриализации прослойку общества, заставить ее лояльно работать на пятилетку, было проведено несколько показательных политических процессов. Первым стало «шахтинское дело» 1928 года. Остальные шли под копирку.

Процессы отличаются полным отсутствием правдоподобия, как в мотивировке вменяемых преступлений, так и самих деяний. Заслуженных высококвалифицированных инженеров и ученых, цвет русской интеллигенции обвиняли в том, что они сознательно устраивали аварии, тормозили развитие своих отраслей, получали деньги от бывших хозяев из-за границы, устраивали завалы шахт, крушения поездов, пожары на предприятиях, ломали все, что могли. При этом главными доказательствами были признания самих обвиняемых. В этом и состояла

² Весь март – апрель 1921 года в Архангельске шли непрерывные расстрелы... Чекистская «тройка» во главе с Зиновием Кацнельсоном один за другим штамповала списки на расстрел: 14 марта – 34 человека. 19 марта – 65 человек. 28 марта – 82 человека. 5 апреля – 66 человек. 15 апреля – 107 человек. 29 апреля – 70 человек. 424 человека за шесть заседаний.

новая трудная задача для чекистов. пытки в те времена еще массово не практиковались. Тем не менее, шантажом, запугиванием, запутыванием, стравливанием одних подсудимых с другими, обещаниями не трогать близких, «скостить» сроки надо было получить признательные показания. Выходило это далеко не всегда. Даже на открытых показательных процессах, проходивших в Москве, обвиняемые публично отказывались от своих показаний, данных на предварительном следствии, – концы не сходились с концами.

7 декабря 1930 года в Москве закончился знаменитый судебный процесс по делу Промпартии. Пятеро были приговорены к расстрелу, трое – к 10 годам заключения. На процессе миру была предъявлена такая картина: восемь руководителей Промпартии протянули свои щупальца во все важнейшие отрасли промышленности, иницируя там вредительство. В том числе называлась и нефтяная промышленность. А это автоматически предвещало судебные процессы над вредителями в Азербайджане и Закавказье. Готовить такие процессы – прямая задача Лаврентия Берии.

15 декабря 1930 года главная коммунистическая газета «Заря Востока» печатает статью с заголовком «Вредительство в нефтяной промышленности». А 22 декабря публикует список 15 инженеров, арестованных за это самое вредительство. Наиболее известные из арестованных – инженеры Иван Стрижов и Иван Покровский – до революции управляли промыслами Нобеля в Грозном и Баку. Другие обвиняемые тоже ранее служили в частных нефтедобывающих компаниях. По версии следствия, с целью экономического подрыва советской нефтяной промышленности они задерживали разведку новых месторождений, препятствовали ассигнованиям на развитие промыслов, нерационально распределяли добытую нефть, сдерживали технический прогресс на заводах по переработке.

Арестам предшествовала большая работа чекистов. В письме Амаяка Кабулова от 8 октября 1954 года говорится:

В 1929 году Берия с группой работников ГПУ Закавказья, 7–8 человек, выехал в Баку для ликвидации филиала «Промпартии» в Азербайджанской нефтяной промышленности, возглавляемой главным инженером Азнефти Татианосовым. Я был в этой группе. Допрашивал крупного вредителя бывшего начальника строительства Баку-Батумского нефтепровода Булгакова, в последующем осужденного.

По иронии судьбы Берия лично руководил арестами и допросами тех, кто учил его инженерному делу, под чьим руководством он так мечтал работать. Вряд ли он хоть на минуту верил в виновность арестованных. Но для него дело бакинских вредителей было важной ступенькой в карьере, он впервые вел крупное общественно значимое расследование за пределами Грузии. Фактически он вышел на уровень полномочий всего Закавказского ОГПУ. И это не могло быть не замечено в Москве.

Следствие продолжалось более полугодом и находилось под внимательным присмотром московского руководства. Очевидно, публикации в центральной газете Закавказья должны были предварять громкий показательный процесс нефтяников, естественное продолжение процесса Промпартии. Но что-то у Лаврентия Павловича и его подчиненных не сложилось. Ни в декабре, ни в январе чекисты так и не смогли подготовить арестованных к выступлениям на показательном процессе. Только к февралю появились первые успехи. Ягода доложил Сталину, Орджоникидзе, Ворошилову о том, что «„основной вредитель в нефтяной промышленности“ профессор Горной академии, бывший старший директор нефтяного директората ВСНХ СССР и председатель научно-технического совета нефтяной промышленности Стрижов Иван Николаевич, арестованный 1 июня 1929 года по обвинению во вредительстве, сознался 5 февраля 1930 года в руководстве контрреволюционной организации в нефтяной промышленности».

Однако открытого показательного процесса так и не получилось. Без лишней публичности судило обвиняемых той же весной Особое Совецание ОГПУ. Иван Стрижов был осужден по статье 58, п. 6 и 7 на 10 лет лагерей. Впрочем, подконвойным эком он не стал, его заключение скорее напоминало ссылку. С октября 1931 года Иван Николаевич работал геологом в системе Ухтпечлага в Коми ССР по своей основной специальности без права смены места жительства. До 1938 года занимал должность старшего геолога промыслов, преподавал в техникуме. Ровно через 10 лет, в 1940 году, был освобожден, получил место профессора Московского нефтяного института им. И. М. Губкина.

Подобная судьба ожидала практически всех специалистов, осужденных за вредительство. Очевидно, с самого начала сталинское руководство рассматривало эти процессы как постановку некой фантастической шпионской пьесы. Всерьез никто не рассматривал виновность этих почтенных интеллигентов в поджогах, крушениях, диверсиях. Задача была не уничтожить, но хорошенько напугать. А заодно заполучить труд высококлассных дорогостоящих специалистов за лагерную пайку. Тем более такие подневольные специалисты были незаменимы для освоения труднодоступных необжитых районов Севера, куда по своей воле они вряд ли бы поехали даже за большие деньги. И совершенно естественно, что 15 мая 1930 года ВСНХ СССР и ОГПУ издали секретный циркуляр «Об использовании на производстве специалистов, осужденных за вредительство». Он предписывал использовать «инженеров-вредителей» для «ликвидации последствий вредительства» и снабдить их для этого «необходимой литературой, материалами и приспособлениями».

Рывок к власти

Итак, с 1926 года Лаврентий Берия возглавлял ОГПУ Грузии, что даже в те времена быстрых карьер для молодого человека 27 лет – высокое достижение. Но в реалиях властных структур его положение не было слишком высоким. До 1930 года он не входил в Президиум ЦК Грузии, не входил в закавказскую правящую элиту. К тому же, Грузинская ОГПУ была структурным подразделением Закавказского ОГПУ, которым руководил после Кацнельсона, назначенный из Москвы, в том же 1926 году крупный чекист Иван Павлуновский. Он большевик с 1905 года, чекист с 1918-го, знаменит расследованием дел о мятежах на фортах Красная Горка и Серая Лошадь в 1919 году, а затем чистками в отвоеванной у колчаковцев Сибири. Знаменитая его операция – пленение барона Романа Унгерна, скрывавшегося со своей армией в Монголии, одного из самых опасных и жестоких противников советской власти. Иван Павлуновский, как сейчас бы сказали, фигура федерального масштаба, человек известный, с безупречной большевистской репутацией.

Однако Лаврентий Берия не побоялся вступить с ним в конфликт, который мог бы ему дорого обойтись. Как свидетельствовал в 1953 году бывший работник Закавказского ГПУ Георгий Цатуров, «Берия упорно добивался поста председателя Закавказского ГПУ. К Павлуновскому он относился недоброжелательно и вел против него различные интриги. По слухам я знал, что по инициативе Берии на Павлуновского было подано заявление в крайком ВКП(б), которое было подписано приближенными к Берии лицами... что Павлуновский не считается с местными кадрами, не знает местных условий работы».

В ответ Иван Павлуновский написал письмо председателю ОГПУ Вячеславу Менжинскому, оно хранится в архиве ЦК компартии Грузии и публикуется впервые. Павлуновский в письме жалуется на «бесконечно склочное отношение с замом». Лаврентий Берия повсюду рассказывает, что Павлуновский не дает «работать по меньшевикам, стесняет в работе». Между тем в работе его случаются недопустимые ошибки. Например, в апреле 1927 года провел обыски среди всех портных Тифлиса. Случился скандал, и когда по этому поводу секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) и председатель Центральной контрольной комиссии Амаяк Назаретян вызвал Берию на ковер, тот «перевел стрелки на самого Павлуновского».

Борьбу за отвоевание себе руководящей роли в Закавказье Берия ведет не только со мной. Он вел ее с Могилевским и Кацнельсоном и с Кванталиани. Являясь приличным средним работником, Берия страдает еще и большой манией величия.

Глава представительства ГПУ резюмирует: «Недопустимое интриганское поведение товарища Берии привело к тому, что я ни одному из его заверений, а таких было много, верить не могу». В итоге Павлуновский требует снять его самого и Берию с работы или заменить Лаврентия старым большевиком Сергеем Кавтарадзе.

Однако далеко не все грузинские чекисты были настроены против Берии. В найденном нами в архиве ЦК Грузии письме председателя ОГПУ Аджарской АССР Алексея Саджая положение в ОГПУ Грузии описывается следующим образом:

Перед отъездом из Москвы меня товарищи предупреждали, что в Тифлисе такие товарищи сидят, что или ты должен съесть их, или же тебя они съедят.

По словам Саджая, Берию обвиняют в том, что он искусственно противопоставляет чекистов грузин чекистам русским, уверяя, что приезжие плохо разбираются в оперативной обстановке в республике. Благодаря этому вокруг Берии группируются верные ему кавказцы. Саджая свидетельствует совсем о другом:

Вокруг тов. Берии группируются не только грузины, а все без различия национальности и сотрудники. То по делу оперработы, то по делу культуры, то по делу стрельбы, то по делу футбола.

Саджая также одобряет изданный Берией приказ, запрещающий посещение чекистами ресторанов-столовых.

В результате неравного конфликта между Берией и Павлуновским верх, как обычно, взял наш герой.

Как показал в 1953 году Владимир Деканозов:

Я помню, что Павлуновский изобличал Берию в интриганстве против него, причем Павлуновский объявил об этом Берии прямо на совещании начальников отделов, на котором присутствовал и я. За интриганскую деятельность против председателя ГПУ Закавказья решением ЦК ВКП(б) на Берию было наложено партийное взыскание. Несмотря на то, что Павлуновский был хорошим работником, он все же был отозван, и Берия был назначен председателем ГПУ Закавказской Федерации. Он добился своего. Удалось это Берии потому, что он умел втираться в доверие руководящим работникам. В частности, он сумел расположить к себе секретаря Закавказского крайкома партии Орджоникидзе. В последующие годы, когда Орджоникидзе находился в Москве, Берия всегда обращался к нему и находил поддержку.

Впрочем, надо сказать, что Орджоникидзе не принял однозначно сторону Берии, он просто развел конфликтующие стороны, взяв к себе в Москву Павлуновского на высокую должность заместителя председателя Рабоче-крестьянской инспекции. И полной победы у Берии сразу не получилось. На место Павлуновского был назначен еще более влиятельный человек Станислав Реденс.

Он большевик с 1914 года, а с 1920 года сват самого Сталина, женат на родной сестре Надежды Аллилуевой Анне. Его чекистская карьера складывалась блестяще. Он проводил красный террор в Одессе, в Крыму, а потом и по всей Украине. Здесь у большевиков реально существовали вооруженные мотивированные противники и борьба с петлюровцами, махновцами, участниками так называемых банд несомненно требовала личного мужества. Реденс был любимцем Дзержинского. И в середине 1920-х стал его главным помощником и в ГПУ, и в ВСНХ. После смерти Дзержинского Реденс еще три года прослужил в Рабоче-крестьянской инспекции, которую возглавлял с 1926 года Серго Орджоникидзе. В это время РКИ очень важная политическая структура, именно она отвечала за борьбу с внутрипартийной оппозицией, прежде всего с троцкистами и зиновьевцами. Очевидно, что к 1928 году Реденс член команды Орджоникидзе.

По всей вероятности, взаимоотношения Берии с Реденсом также не сложились. Но сдвинуть столь могущественного человека было невозможно. Чекистская карьера Лаврентия в Закавказье заходит в тупик. В мае 1930 года Берия обращается к своему покровителю Орджоникидзе с письмом:

Дорогой Серго, не один раз я ставил перед Вами вопрос о моей учебе. Время проходит, кругом люди растут, развиваются, и те, которые еще вчера были далеко от меня, сегодня ушли вперед. Известно, что безбожно отстаю. Ведь при нашей чекистской работе не успеваем зачастую даже газету прочесть, не то, что самообразованием заниматься...

Дорогой Серго! Я знаю, Вы скажете, что теперь не время поднимать вопрос об учебе. Но что же делать. Чувствую, что я больше не могу...

...Я думаю, что мой уход из Закавказья даже послужит к лучшему. Ведь за десять лет работы в органах ГПУ в условиях Закавказья я достаточно намозолил глаза не только всяким антисоветским и контрреволюционным элементам, но и кое-кому из наших товарищей. Сколько людей будут прямо-таки приветствовать мой уход, настолько я им приелся своим постоянным будированием и вскрыванием имеющихся недочетов. Им хотелось, чтобы все было шито-крыто, а тут, извольте радоваться, кругом недочеты и ляпсусы.

Уже начинают прорабатывать, а что дальше будет – не знаю. Со мной начинают связывать все истории, которые когда-либо были в Грузии и вообще в Закавказье. Ушел тов. Л. Картвелишвили (член ЦК КП Грузии) – винили меня. Ушел тов. Мамия (1-й секретарь Заккрайкома) – указывали на меня. Сняли бакинских товарищей – опять я тут. В умах многих товарищей я являюсь первопричиной всех тех неприятностей, которые постигли товарищей за последнее время, и фигурирую чуть ли не как доносчик.

Кажется, что Берия сдается и готов оставить власть, высокие посты ради учебы. Но на самом деле содержание письма куда сложнее. С одной стороны, в нем жалоба на конкретных грузинских руководителей, которые «прорабатывают» Берия за то, что он мешает им бездельничать. Берия откровенно хвастает своими достижениями и принципиальной позицией: вдруг Орджоникидзе проявит сочувствие и уберет карьерные препятствия. С другой стороны, стремление учиться вовсе не означало конец карьеры, скорее наоборот. Учеба в одном из коммунистических вузов – своеобразный тайм-аут. С 1929 года идет «сталинская революция». Новый порядок, создаваемый Генеральным секретарем, требует новых людей. Внутрипартийная борьба снова обостряется и еще неизвестно, победит ли Сталин. Учеба в Москве в такой момент открывает новые перспективы в масштабе всего Советского Союза, не только Закавказья. И дает Берии шанс перейти на хозяйственную работу с чекистской, которой он всегда тяготился. Именно в это время в московских вузах учатся те, кто позже разделят с Берией коллективное руководство страной: Никита Хрущев в Академии народного хозяйства, Георгий Маленков в Баумановском училище.

Желание Берии учиться было горячо поддержано руководством Закавказья, в том числе и его непосредственным начальником Станиславом Реденсом. Они давно хотели от него избавиться. По многочисленным свидетельствам Берия к тому времени начал откровенно наглеть. Он посылал свои сообщения в Москву через голову местного руководства и демонстрировал оному высокомерное презрение. И, по-видимому, открыто выражал желание оставить Закавказье. Об этом свидетельствует записка его преданного подчиненного Всеволода Меркулова:

Здесь у нас распространились слухи о якобы предстоящем твоём уходе из Тифлиса... В связи с ними у меня к тебе глубокая просьба: не забыть меня. В случае, если ты действительно решил уехать из Закавказья, я очень прошу тебя взять меня с собой туда, где ты будешь работать. Город и должность меня не интересуют: я согласен работать где угодно...

В результате Закавказское руководство легко добилось снятия Берии с его поста и даже согласовало решение с Лубянкой. И вдруг уже одобренное во всех инстанциях кадровое перемещение было отменено. Подробности этой истории можно обнаружить в недавно рассекреченном письме председателя Закавказского ГПУ Станислава Реденса Генеральному секретарю Иосифу Сталину.

МОСКВА ПРЕДОГПУ тов. МЕНЖИНСКОМУ

=====

для Секретаря ЦК ВКП(б) ТОВ. СТАЛИНА.

14-го ноября получена Ваша шифровка, смысл которой говорит: До сведения ЦК дошло, что ходят слухи об отзыве т. БЕРИЯ из Закавказья с переводом на работу Туркестан и что это не соответствует действительности. Автором этих слухов в Тифлисе являюсь я, поэтому считаю необходимым дать ЦК настоящее объяснение. 10.XI ночью т. ЯГОДА передал мне по телефону: Пред. ОГПУ т. МЕНЖИНСКИЙ и он решил отозвать БЕРИЯ из Закавказья, что новый секретарь Заккрайкома т. КАРТВЕЛАШВИЛИ поставил вопрос об отзыве БЕРИЯ в ЦК ВКП(б), по поручению Пред. ОГПУ, ЯГОДА предложил дать ему мое мнение по этому вопросу. 11.XI запиской по проводу на имя Пред. ОГПУ и ЯГОДЫ я согласился на отзыв БЕРИЯ. В записке я также просил разрешить мне выезд в Москву для решения оргвопросов. 12.XI ЯГОДА по телефону передал мне директиву Пред. ОГПУ для передачи БЕРИЯ: БЕРИЯ отзывается из Закавказья, ОГПУ ему предлагает на выбор ПП Казахстан, ПП Нижней Волги, или учебу. На мой вопрос будет ли эта директива подтверждена телеграфом, т. ЯГОДА ответил, что это не требуется, а потому не будет. 13.XI я вышеуказанную директиву передал БЕРИЯ. Днем 13.XI на мое имя поступило приказание выехать мне в Москву. В 16 ч. 13.XI ВОРОНЦОВ от имени Пред. ОГПУ передал мне новую директиву: БЕРИЯ отзывается из Закавказья для назначения ПП Средней Азии, мне предложено передать эту директиву БЕРИЯ и предложить ему выехать в Москву, на мою просьбу дать телеграфно это распоряжение ВОРОНЦОВ ответил – МЕНЖИНСКИЙ распорядился выполнить, согласно телефонного разговора. Я передал это распоряжение БЕРИЯ об его отзыве и назначении ПП Средней Азии. Вечером 13.XI т. МЕНЖИНСКИЙ телеграфно мне сообщил: вопрос об отзыве БЕРИЯ из Закавказья снять, поэтому мой приезд в Москву не требуется. Вот история вопроса. Исполняя приказ Пред. ОГПУ, я был уверен, что данный вопрос т. МЕНЖИНСКИМ согласован с ЦК ВКП(б).

Реденс, 14.XI–30 г.

Обращает на себя оправдательный тон письма. Свойка Сталина, видимо, понял, что попал в чрезвычайно неприятную ситуацию. Вождь даже не захотел встретиться с ним в Москве и выслушать лично. Очевидно, что решение о судьбе Берии, в одночасье, вопреки воле закавказского и чекистского руководства, мог принять только Сталин. А уже через полгода, в июле 1931 года, Реденса снимут с должности и на его место назначат Лаврентия Берия.

Во многих фольклорных историях, гуляющих по популярным монографиям, рассказывается о том, что коварный Берия подпоил своего шефа. В результате чего Реденс разгуливал нагишом по Тбилиси, чем и вызвал гнев Сталина. Но документ свидетельствует: история замены Реденса Берией имеет куда более глубокие корни. Речь на самом деле шла о постепенном отстранении от власти на Кавказе клана Серго Орджоникидзе.

Орджоникидзе теряет Кавказ

В 1920-е годы Серго Орджоникидзе становился влиятельнейшим человеком. Он никогда не расходился в принципиальных вопросах со Сталиным, знал его еще со времен Баиловской тюрьмы в Баку и один из немногих называл на «ты». Серго, Молотов, Киров, Ворошилов – вот те, на кого опирался Сталин в 1920-е. Орджоникидзе обладал высокой работоспособностью. Подчиненные его любили. Это был человек определенных принципов, с чувством собственного достоинства, взрывным темпераментом, рыцарской верностью к своим друзьям и соратникам. В политбюро Орджоникидзе отвечал за борьбу с оппозициями и за Кавказ.

К середине 1920-х годов руководство Грузии практически целиком состояло из ставленников Орджоникидзе, тех, кто вместе с ним боролся в 1921–1922 годах с «национал-уклонистами». Перечислим главных из них, входивших в республиканскую элиту.

Мамия Орахелашвили – в 1926–1929 годах 1-й секретарь Закавказского краевого комитета ВКП(б), эту должность прежде занимал сам Орджоникидзе. Герман Мгалоблишвили – председатель Совета народных комиссаров Грузии, по нынешним понятиям – премьер-министр. Лаврентий Картвелишвили (псевдоним Лаврентьев) с 1923 года – 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии, 2-й секретарь Заккрайкома ВКП. Шалва Элиава – с 1927 года председатель СНК Закавказской СФСР. Тенгиз Жгенти, секретарь Всегрузинского Центрального Исполнительного комитета партии, говоря нынешним языком, – президент Грузии. Виссарион Ломинадзе – 1-й секретарь Заккрайкома ВКП(б). В Москве «группа Орджоникидзе» опиралась еще и на Авеля Енукидзе, соратника Сталина со времен первой русской революции, секретаря ЦИК СССР.

Вплоть до начала 1930-х годов, пока у Сталина были серьезные открытые идейные противники внутри партии, такая групповщина могла считаться терпимой, так как сторонники Серго всегда поддерживали генеральную линию. Но теперь линия Сталина победила и единовластие вождя должно стать несомненным. Поэтому всякая клановость начала представлять опасность. Тем более, у других близких в это время вождю людей (Каганович, Молотов, Ворошилов, Киров) таких лично преданных им команд не было.

Вспомним, что говорил Сталин о кадровой политике на историческом февральско-мартовском 1937 года пленуме ВКП(б):

...Люди иногда подбираются не по политическому и деловому принципу, а с точки зрения личного знакомства, личной преданности, приятельских отношений. Взять товарища Мирзояна. Работает он в Казахстане, работал он раньше в Азербайджане долго, а после Азербайджана работал на Урале. Я его несколько раз предупреждал, не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, а выдвигай людей в Казахстане, не отгораживайся от местных людей в Казахстане, потому что – что значит таскать с собой целую группу приятелей, дружков из Азербайджана, которые коренным образом не связаны с Казахстаном? Что значит таскать с собой целую группу приятелей с Урала, которые также коренным образом не связаны с Казахстаном? Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы... Ну на что это похоже? Разве можно так подбирать людей? К чему это ведет, что тут хорошего может быть, я вас спрашиваю? Я ведь предупреждал товарища Мирзояна, что нельзя так вести себя, что надо из местных людей подбирать кадры. А он, видите ли, свою

группу создал лично ему преданных людей, подобрал не по большевистскому принципу людей, а среди них имеются и троцкисты.

На том же пленуме Сталин приоткрывает причины опалы Орджоникидзе, к тому моменту покойного:

Вот тоже товарищ Серго, он был у нас одним из первых, из лучших членов Политбюро, руководитель хозяйства высшего типа, я бы сказал, он тоже страдал такой болезнью: привяжется к кому-нибудь, объявит людям лично ему преданными и носится с ними, вопреки предупреждениям со стороны партии, со стороны ЦК. Сколько крови он себе испортил на то, чтобы цацкаться с Ломинадзе. Сколько крови он себе испортил, все надеялся, что он может выправить Ломинадзе, а он его надувал, подводил на каждом шагу. Сколько крови он испортил на то, чтобы отстаивать против всех таких, как видно теперь, мерзавцев, как Варданян, Гогоберидзе, Меликсетов, Окуджава – теперь на Урале раскрыт. Сколько он крови себе испортил и нам сколько крови испортил, и он ошибся на этом, потому что он больше всех нас страдал и переживал, что эти люди, которым он больше всех доверял и которых считал лично себе преданными, оказались последними мерзавцами. Опыт человека, руководителя высшего типа показывает, что метод личного подбора людей гибелен.

Неслучайно в этой речи Сталин вложил столько злости в слова о Виссарионе Ломинадзе. В 1930 году этот 32-летний высокий партийный чин, возглавляя коммунистов Закавказья, проявил себя с точки зрения вождя как опасный заговорщик. Сталину донесли, что Ломинадзе в компании с одним из основателей комсомола, членом редколлегии «Правды» Лазарем Шацкиным и старым большевиком, председателем Совнаркома РСФСР Сергеем Сырцовым договариваются совместно выступить на осеннем пленуме ЦК ВКП(б) с критикой сталинской экономической политики и требованием сместить его с должности Генерального секретаря. При этом, например, Сырцов называл Генсека «тупоголовым человеком, который ведет страну к гибели». Взгляды оппозиционеров разделяли ряд знакомых им партийных и комсомольских работников.

Получив информацию об этих встречах, Сталин добился изгнания троих главных заговорщиков из ЦК, публичного разоблачения их как «право-левацкого блока» и покаяния. В Закавказской газете «Заря Востока» целый месяц продолжалась кампания по осуждению «ломинадзовщины».

При этом Сталин не смог выгнать заговорщиков из партии и возбудить уголовные дела, как это уже было с троцкистами, зиновьевцами, частью рабочей оппозиции и т. д. из-за молчаливого сопротивления большинства тогдашнего Политбюро, в том числе Серго Орджоникидзе. Вероятно, с этого момента у Сталина и возникла идея о необходимости смены коммунистического руководства Закавказья. Людей Орджоникидзе должны были заменить люди Сталина.

После дела Ломинадзе Сталин искал новых руководителей Грузинской партийной организации. Видимо, он хорошо понимал, что Лаврентий Берия не может быть своим для старых большевиков, возглавлявших Грузию. Они видели в нем беспринципного карьериста, с которым нельзя иметь близких отношений, а только формальные служебные. Конечно, своей карьере Лаврентий Берия был обязан все тому же Орджоникидзе и, как мог, демонстрировал свою прямо-таки собачью преданность хозяину. В честь Орджоникидзе Берия назвал своего сына – Серго. Письма Берии к своему покровителю порою напоминали любовную поэму:

Мой дорогой Серго!

Ваше отношение и доверие ко мне давало и дает энергию, инициативу и умение работать. Серго, кроме Вас, у меня нет никого, Вы для меня

больше чем отец, брат. Я Вами дышу и живу. И чтобы подвести Вас, – я не способен, я скорее пулю пушу себе в голову, чем не оправдать Вашего ко мне отношения. Насколько в силах и насколько позволяло умение и знание, я самым добросовестнейшим образом работал, если были и есть ошибки, то не по умыслу.

Крепко жму руку и целую.

Ваш Лаврентий Берия.

Но эта собачья преданность, с точки зрения Сталина, человека пронизательного и в высшей степени циничного, не много значила. Понятно, что только таким образом, с помощью всемогущего тогда на Кавказе Серго, Лаврентий мог сделать карьеру. В начале 1930-х годов Берии придется отказаться от сыновьего отношения к Орджоникидзе.

После дела Ломинадзе Сталин все более охладевает к Серго. Начинается чистка Закавказья от назначенных Орджоникидзе людей; она сопровождается кадровой чехардой. Менее чем за два года сменились четыре первых секретаря Закавказского комитета партии, четыре первых секретаря республиканской компартии, три председателя правительства Грузии.

Такое впечатление, что Сталину на своей родине просто не на кого было опереться. В Москве он черпал новые кадры из своего секретариата, кого выдвигать в Тбилиси – не понимал. Сталину приходилось находить надежные кадры через голову Орджоникидзе. Одним из таких людей был, по-видимому, глава Абхазии Нестор Лакоба.

Нестора Лакобу Иосиф Сталин знал еще со времен Гражданской войны и ежегодно встречался с ним во время летнего отдыха, который предпочитал проводить в Абхазии. Сближали вояка с Нестором и схожие детали их биографий: тот тоже рос без отца и учился в Тифлисской духовной семинарии. Нестор Лакоба – характерный для 1920 года лидер небольшого народа, старавшийся совместить коммунистическую идеологию и верность национальным традициям. Исключительно обаятельный, гостеприимный, отважный и умный человек, он пользовался популярностью среди верхушки партии. Сталин так полюбил отдыхать в Абхазии, что для него было построено в общей сложности пять дач: у Холодной Речки, в Новом Афоне, у озера Рица, в поселке Мюссера и на территории дендропарка в Сухуми.

Отношение Сталина к Лакобе иллюстрируют письма 1929 года. В этот момент в Абхазии велось так называемое цебельдинское дело. В ходе коллективизации жители села Цебельда под руководством Маркоса Топчияна отказались создавать колхоз и попросту убили присланного из Сухуми организатора колхозного движения. Нестор Лакоба сопротивлялся аресту Топчияна Абхазским ГПУ, а потом, когда все же арест и суд состоялись, не позволил его расстрелять, потребовав заменить казнь десятилетним заключением. Руководство Абхазского ГПУ пожаловалось в Москву Менжинскому и в Тбилиси – Берии: «Лакоба дискредитирует ГПУ гнуснейшим методом и спасает целый ряд преступников, выгораживая себя от новых заслуженных ударов».

В Сухуми послали комиссию, которая пришла к сугубо отрицательным выводам о деятельности Лакобы: «Парторганизация Абхазии все еще не перестроила свою работу... Явно недостаточное выдвижение рабочих, бедняков и батраков на руководящую работу. Необходимо усилить борьбу с абхазским национализмом». Речь шла о смещении Нестора Лакобы с его должности. Резолюция ЦК КП(б) Грузии была отправлена в Москву. Одновременно к руководству партией апеллировал и Лакоба, недовольный работой комиссии.

19 октября 1929 года Сталин ответил Лакобе, а копию письма отослал секретарю Грузинского ЦК Михаилу Кахиани и в Абхазский обком партии Петру Меладзе.

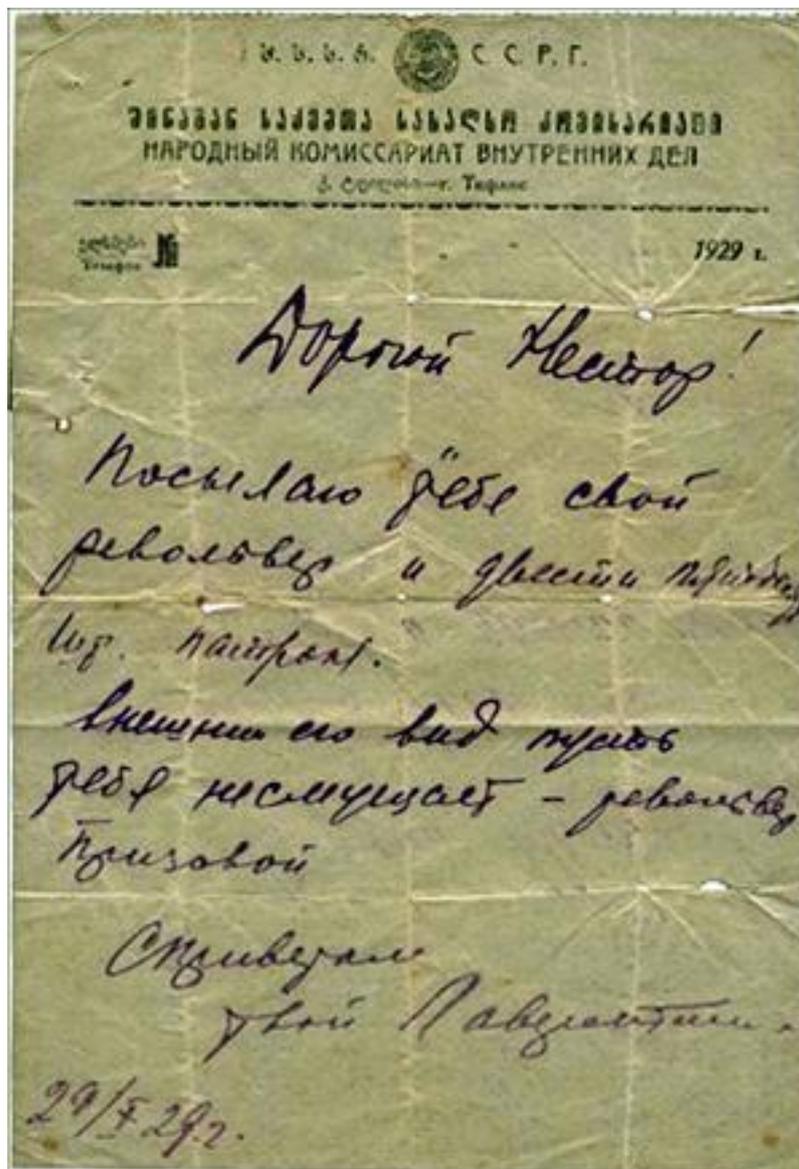
Нелишне будет, мне кажется, высказать вам открыто и честно свое мнение об абхазских делах. Я считаю, что комиссия товарища Цейтлина, несмотря на несомненно положительные стороны ее работы, допустила ряд

непозволительных ошибок. Это не только мое личное мнение. Таково же мнение и товарища Серго. Ошибка Абхазского обкома состоит в том, что он не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву. Я думаю, что товарищ Лакоба может и должен освободиться от ошибок. Я думаю, что обком должен помочь т. Лакобе в этом деле, а т. Лакоба должен признать без оговорок руководящую роль обкома во всех делах абхазской жизни.

В критической ситуации Сталин отстоял Лакобу. Взаимоотношения Нестора с Тбилиси были довольно сложными. Поэтому Сталин и рассматривал его как возможного альтернативного руководителя всего Закавказья и важный независимый источник информации.

Конечно, Лаврентий Берия мечтал попасть на глаза хозяину и знал, что легче всего это сделать через Абхазию. Об этом свидетельствует подхалимский тон его письма Нестору Лакобе от октября 1929 года:

Дорогой Нестор! Посылаю тебе свой револьвер и двести пятьдесят шт. патрон. Внешний его вид пусть тебя не смущает – револьвер призовой. С приветом твой Лаврентий.

Письмо Лаврентия Берии Нестору Лакобе. 1929

Достоверно неизвестно, когда Лаврентий Берия впервые лично встретился со Сталиным. Вполне вероятно, что это произошло в 1930 году, когда Сталин, по обыкновению, отдыхал в Абхазии. Это объясняет столь энергичное участие Сталина в судьбе Берии в ноябре 1930 года и последующее его назначение вместо Реденса начальником ОГПУ Закавказья.

Но в следующем, 1931, году они встречались несомненно. В качестве главы Грузинского ОГПУ Берия нес ответственность за безопасность Иосифа Сталина, проводившего часть своего отпуска в Цхалтубо под Кутаиси, в Грузии. Сохранилось и письмо Берии к главе Абхазии Нестору Лакобе, написанное в сентябре 1931 года.

Дорогой т. Нестор! Шлю тебе привет и наилучшие пожелания. Спасибо за письмо. Очень хотелось бы увидеться с т. Коба перед его отъездом. При случае было бы хорошо, если бы ты ему напомнил об этом. Тов. Нодарая приказал отозвать. Взамен приедет хороший чекист. Привет. Твой Лаврентий Берия. 27.09.31 г.

Очевидно, что Сталин и Берия уже знакомы и даже достаточно неформально, поскольку Лаврентий осмеливается называть Генсека дореволюционной партийной кличкой – Коба.

В письмах ко второму на тот момент человеку в партии Лазарю Кагановичу Сталин не скрывает своего раздражения и даже возмущения кадровой политикой Орджоникидзе. 1931 год решающий, критический год коллективизации: на Украине и в Кубани голод, время от времени вспыхивают «кулацкие» бунты, часть партийного аппарата находится в молчаливой оппозиции Сталину. Поэтому, находясь в своей родной Грузии, вождь крайне обеспокоен положением в сельском хозяйстве. Он считает: партийный аппарат с коллективизацией не справляется. В положительном контексте упоминается только Лаврентий Берия.

7 августа 1931 года Сталин писал:

...Теперь для меня ясно, что Картвелишвили и секретариат ГрузЧека своей безрассудной «политикой хлебозаготовок» довели ряд районов Западной Грузии до голода. Не понимают, что украинские методы хлебозаготовок, необходимые и целесообразные в хлебных районах, нецелесообразны и вредны в районах нехлебных, не имеющих к тому же никакого промышленного пролетариата.

А еще через два дня, 19 августа, Сталин следующее письмо заканчивает так:

...Предлагаю все дело строительства новых складов зерна для чаеводов, табакочудов на западе Грузии поставить под контроль РККИ, послать людей на места, привлечь к работе Закчека, в частности, Берию, и добиться того, чтобы все новые склады были выстроены и сданы в эксплуатацию не позднее начала ноября.

И, наконец, 26 августа Сталин приступает к решительной чистке руководящей верхушки Закавказья от ставленников Серго:

Пишу о закавказских делах. На днях побывали у меня члены Заккрайкома, секретари ЦК Грузии, некоторые работники Азербайджана (в том числе Полонский). Склока у них невероятная, и она у них, видимо, не скоро кончится... Я их помирил кое-как, и дело пока что уладилось, но ненадолго. Лгут и хитрят почти все, начиная с Картвелишвили. Не лгут Берия, Полонский, Орахелашвили. Но зато Полонский допускает ряд бестактностей, ошибок. Самое неприятное впечатление производит Мамулия (секретарь ЦК Грузии)... Комическое впечатление производит предСНК Грузии Сухишвили

– безнадежный балбес... Если не вмешаться в дело, эти люди могут по глупости загубить дело. Они уже испортили дело с крестьянством в Грузии, в Азербайджане. Без серьезного вмешательства ЦК ВКП Картвелишвили и вообще Заккрайком бессильны улучшить дело, если считать, что они захотят улучшить дело.

Как быть. Надо:

- 1) Назначить... на конец сентября (к моему приезду) доклад в Оргбюро... о положении дел;
- 2) Прочистить их хорошенько на заседании Оргбюро и снять ряд лиц типа Мамулия...

Обращает на себя внимание, что среди первых партийных лиц Грузии, встречавшихся со Сталиным, присутствует и Лаврентий Берия, в тот момент простой член ЦК. В сентябре-октябре 1931 года совещание, о котором писал Сталин, видимо, состоялось. По свидетельству старого большевика заведующего орготделом Закавказского крайкома А. Снегова, все участники встречи обратили внимание на отсутствие на ней Орджоникидзе. «Улучив удобную минуту, – рассказывал Снегов, – я спросил у сидевшего рядом Микояна: „Почему нет Серго?“ Тот ответил мне на ухо: „Да с какой стати Серго будет участвовать в коронации Берии? Он его хорошо знает“. Так вот в чем дело! Я, таким образом, первым из приехавших узнал, что нам предстоит».

Итоги совещания, обсуждавшего хозяйственные вопросы, подвел Сталин, который, завершая свое выступление, неожиданно для всех спросил: «А что, если мы так сформируем новое руководство крайкома: первый секретарь – Картвелишвили, второй секретарь – Берия?» Тогдашний первый секретарь Заккрайкома Картвелишвили на это предложение сразу жеотреагировал словами: «Я с этим шарлатаном работать не буду!» Председатель Совнаркома Закавказской Федерации Орахелашвили спросил: «Коба, что ты сказал, может, я ослышался?» Тогда Сталин заявил: «Ну, что ж, значит, будем решать вопрос в рабочем порядке».

В рабочем порядке вопрос решился через две недели. Картвелишвили лишился поста главы коммунистов Закавказья и отправился в Западную Сибирь, его место занял бывший первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Орахелашвили. А пост последнего с 14 ноября 1931 года занял Лаврентий Берия. При этом он остался председателем ОГПУ Закавказья. Назначение Берии главой грузинских коммунистов стало полной неожиданностью. По словам близкого Берии Деканозова, «все, кто хорошо его знал, были буквально ошеломлены его назначением на эту должность». Но для самого Берии даже должность первого секретаря республиканской партийной организации – не предел мечтаний.

Во главе Закавказья

Трио Орахелашвили, Берия, Полонский по определению не могло петь хором. Мамия Орахелашвили с 1926 года член ЦК ВКП(б), он заменил в составе партийного руководства самого покойного Феликса Дзержинского. В партии – с 1903 года. Имеет высшее образование (врач), настоящий представитель «ленинской гвардии». В Грузии у него множество приверженцев, его жена Мария – нарком просвещения республики. Зять – Евгений Микеладзе – знаменитый музыкант, главный дирижер Тбилисского оперного театра. Для Мамии и его окружения Берия – чужой человек, незаслуженно пользующийся доверием Орджоникидзе и Сталина.

Между тем у Лаврентия есть свой кадровый резерв. Это такие же, как он, молодые карьеристы, коллеги по ЧК Азербайджана и ОГПУ Грузии. Он теперь упорно продвигает их по партийной линии. Чекист Владимир Деканозов становится секретарем по транспорту и снабжению, заведующим отделом советской торговли. Всеволод Меркулов назначен помощником секретаря Закавказского краевого комитета ВКП(б) и первого секретаря ЦК КП(б) Грузии, т. е. Лаврентия Берии. Таким же помощником Берии стал и Соломон Мильштейн, бывший секретарь Секретно-оперативного управления полпредства ОГПУ по ЗСФСР.

Все эти люди, как и Берия, вступили в партию после революции, их мало кто знал, и доверия они не вызывали. Но понимая, что симпатии Сталина на его стороне, Лаврентий вел себя самоуверенно и даже нагло. Что называется, нарывался на конфликт.

Он очень грамотно выбрал предлог для скандала. Мария Орахелашвили, жена руководителя Закавказья по партийной линии, формально подчинена Лаврентию Берии. Он глава компартии Грузии, она – член ЦК. У тбилисской большевистской гранд-дамы грубый нахрапистый мегрельский крестьянин не мог не вызывать раздражения и брезгливости. Она и не скрывала своих чувств, беседуя с партийными товарищами: открыто поносила выскочку, случайно возглавившего грузинскую парторганизацию. Разумеется, Лаврентий был в курсе этих разговоров. Он добился от членов ЦК Грузии письменных заявлений, что наркомпросвет клеветет на первого секретаря ЦК.

Из архивов Грузинского ЦК следует: 10 июня 1932 года Бюро ЦК разбирало вопрос о М. Орахелашвили, К. Горделадзе и Н. Бахтрадзе, «которые путем распространения ложных слухов пытались противопоставить ЦК Грузии Заккрайкому и дискредитировать отдельных руководителей ЦК и Тифлисского комитета (в частности, тов. Берию)». Мария Орахелашвили получила выговор и была освобождена от занимаемой должности.

Котэ Горделадзе пытался оспорить решение Бюро ЦК:

Берия и Меладзе стремились противопоставить ЦК КП(б) Грузии Заккрайкому в форме беспринципной групповой закулисной борьбы против первого секретаря Заккрайкома тов. Мамия Орахелашвили.

Горделадзе утверждает, что Берия приходил к нему домой, вызывал к себе и настойчиво требовал у него «придумать наличие групповой работы со стороны товарищей Марии Орахелашвили и Н. Бахтрадзе» против Берии. Горделадзе в резкой форме отказался и именно это посчитал причиной вынесенного ему выговора.

Вообще, далеко не все грузинские коммунисты были на стороне Берии в его конфликте с супругами Орахелашвили. Лаврентию даже пришлось снять первого секретаря горкома Кутаиси Квирикадзе, который писал в своей объяснительной записке: «Для меня не было понятно, почему так грубо Берия задевает Мамия Орахелашвили».

Мамия Орахелашвили

Мамия Орахелашвили, естественно, не мог стерпеть такого оскорбления и отправил Сталину письмо с просьбой об отставке. Скорее всего он думал, что его, уважаемого всеми старого большевика, оставят, а в отставку уйдет Лаврентий Берия. Однако Сталин считал по-другому. 20 июня 1932 года он пишет Кагановичу, Постышеву и Орджоникидзе:

Ну, дорогие друзья, опять склока. Я говорю о Берии и Орахелашвили... Мое мнение: при всей угловатости в «действиях» Берии – не прав в этом деле все же Орахелашвили. В просьбе Орахелашвили надо отказать. Если Орахелашвили не согласен с решением ЦК Грузии, он может апеллировать в Заккрайком, наконец – в ЦК ВКЛ. А уходить ему незачем. Боюсь, что у Орахелашвили на первом плане самолюбие (расклевали «его» людей), а не интересы дела и положительной работы. Все говорят, что положительная работа идет в Грузии хорошо, настроение у крестьян стало хорошее. А это главное в работе.

Привет. И. Сталин

Сталинское окружение прекрасно поняло смысл письма. Судьба Орахелашвили предрешена. Вопрос только во времени. Лазарь Каганович, ловивший на лету любые, даже скрытые сталинские желания, немедленно ответил:

В Закавказье действительно загорается новая склака. Вы безусловно правы, что здоровое начало, особенно в деловом отношении, на стороне Берии, Орахелашвили отражает ноющие, не деловые круги актива...

Однако Сталин не любил рубить с плеча. Он давал ситуации дозреть, а будущей жертве время помучиться, посомневаться и даже успокоиться. И только тогда наносил решающий удар. Летом 1932 года Иосиф Сталин опять отдыхал в Абхазии. Нестор Лакоба не только находился с Берией в дружеских отношениях, но к этому времени был ему как бы должен. Годом ранее Лаврентий сильно выручил Нестора: в Абхазии в селе Лыхны вспыхнуло восстание против коллективизации. Руководитель мятежа Ахмед Гицба заявил перед толпой восставших: «Одно из двух: или мы добьемся своего, или умрем. Но не допустим издевательств над собой». Для ликвидации чрезвычайной ситуации ввели части Красной армии и ГПУ. Из Тбилиси приехал сам Лаврентий Берия. Нестор Лакоба предложил восставшим выбрать своих уполномоченных и произнес перед ними речь. Он обещал крестьянам значительные уступки, в результате чего мятежники разошлись по домам. А Лакоба поклялся не только не наказывать крестьянских уполномоченных, но и воздал им почести: «их нужно хвалить за то, что они своим умелым подходом и руководством таким огромным сходом дали хороший исход». Комиссия из Москвы требовала отозвать Лакобу из Абхазии и провести массовые аресты. Берия сумел спустить дело на тормозах. Восставшие остались до поры до времени гулять на воле. Лакоба остался руководителем Абхазии.

И теперь, в 1932 году, поддержка Лакобы стала чрезвычайно важна, так как именно с ним, Орджоникидзе и Ворошиловым Сталин обсуждал конфликт в руководстве Закавказья. О ходе беседы Нестор немедленно сообщил Лаврентию. Черновик письма, написанный карандашом, сохранился в архиве Принстонского университета (США).

Дорогой Лаврентий! Пишу кратко о том, на что, по-моему, необходимо тебе обратить свое внимание.

12 июля я застал Кобу, Серго и Ворошилова. Произошел следующий разговор (диалог):

Серго: Что, вышибаете Мамию? (Орахелашвили)

Я: Нет, мы его не вышибаем.

Серго: А кто его вышибает?

Я: Он сам себя вышибает.

Серго: Как это он себя вышибает?

Я: Мамия никого и ничего не организует, никого не призовет к порядку, он хочет, чтобы все делалось само по себе. [...]

Коба – обращаясь ко мне, спросил (указывая на Серго): Говорит, что надо Полонского посадить секретарем ЗК Крайкома. Как вы понимаете?

Я: Это было бы грубейшей ошибкой, – и, обращаясь к Серго, – Серго, неужели вы серьезно Полонского предлагаете секретарем Заккрайкома?

Коба: Не он (Серго) предлагает это, а такое мнение существует в Москве.

Я: Откуда бы взялось такое мнение, ничего не поймешь?

Коба: А Берия подойдет? В Закавказье?

Я: Единственный человек, который работает по-настоящему, – это Берия. Мы можем быть пристрастны к нему. Это вам виднее. Я могу сказать только одно.

Серго: Берия молодец, работает.

Мамия Орахелашвили и сам понимал, что с Берией ему не справиться. 1 августа 1932 года он жалуется Серго Орджоникидзе на своего заместителя:

Товарищ Берия не бывает у меня, между нами нет даже общения по телефону. Это не значит, конечно, что он не занимается Заккрайкомовскими делами. Иногда наоборот, держит себя как некий комиссар Лиги Наций в подмандатной стране.

Я писал т. Сталину с месяц тому назад, просил освободить меня, так как я не смогу обеспечить выполнение минимального долга перед ЦК. Он не реагировал никак на письмо, не вызвал... Все равно, Серго, вы меня снимете потому, что не добился твердого режима в работе. Не лучше ли теперь освободить меня.

Окончательно вопрос решили 9 октября 1932 года. Политбюро удовлетворило просьбу Орахелашвили об освобождении его от обязанностей первого секретаря Заккрайкома и рекомендовало первым секретарем Лаврентия Берия с оставлением его первым секретарем ЦК компартии Грузии. Мамия Орахелашвили получил унижительное для его статуса назначение – заместителем директора в Институт Маркса – Энгельса – Ленина в Москве. А Лаврентий Берия стал безраздельным вождем Закавказья. То есть обрел статус, который еще недавно принадлежал Серго Орджоникидзе.

Глава 3. Первый секретарь

Лаврентий Берия – один из самых эффективных хозяйственных руководителей в истории СССР. С 1936 года Армения и Азербайджан стали самостоятельными союзными республиками, Закавказская парторганизация была распущена, и Берия остался первым секретарем ЦК компартии Грузии. Одновременно за ним оставался пост главы тбилисской партийной организации. Грузинская ССР за время его правления, за какой-нибудь десяток лет, из беднейшей республики превратилась в едва ли не самую богатую.

На хозяйстве

Визуальный образ грузинских городов, прежде всего Тбилиси, прямо связан с деятельностью Лаврентия Берии. Пышный сталинский ампиризм нигде не выглядит так органично, как на юге бывшего СССР – в Севастополе, Сочи, Абхазии и, конечно, в столице Грузии. Тбилиси был преобразен Берией примерно в такой же степени, как Кагановичем перестроена Москва. Московский эксперимент вызывает смешанные чувства, слишком жаль старой Москвы, которая была почти полностью уничтожена. Что же касается Тбилиси, то все построенное в 1930-е топографически удивительно уместно расположено.

Рельеф Тбилиси представляет собой каньон, на дне которого, параллельно Куре, тянется главное вместилище сталинской архитектуры – проспект Руставели. В результате шпили и колонны этих зданий не доминируют в панораме старого города, к ним спускаются кривые улочки Ваке, Салалаки, Верийского квартала, оставшихся в полной сохранности.

В Грузии эта, можно сказать бериевская, архитектура сегодня крайне недооценена, что, видимо, связано с господствующей национальной мифологией, в которой история Грузии прерывается после правления царицы Тамары и возобновляется провозглашением национальной независимости в 1990-м. К сожалению, в истории человечества самые мощные архитектурные сооружения почти всегда связаны с деспотическими режимами. Однако глупо было бы не ценить красоту Петропавловского собора в Санкт-Петербурге из-за того, что рядом с ним был замучен царевич Алексей, или не ценить красоту собора Василия Блаженного потому, что он был построен при Иване Грозном. Тбилиси должен показывать гостям архитектуру 1930-х годов с той же гордостью, как показывает средневековое зодчество.

Для Грузии долгожданный выход из Советского Союза стал событием весьма драматичным. Возможно, этот переход произошел болезненнее, чем в любой другой бывшей республике СССР. В значительной степени благодаря экономическому фундаменту, заложенному еще Лаврентием Берией, жизненный уровень грузин при советской власти был сравнительно очень высоким, прежде всего за счет дифференциальной ренты по плодородию. С обретением независимости и резко ухудшившимися отношениями с Россией северный рынок был потерян. Россию и Грузию больше не объединяла таможенная граница, рыночная экономика привела к появлению на российском рынке часто более качественных и дешевых вин, чая, табака, фруктов, цветов, чем те, которые шли из Грузии. На западный рынок грузинская продукция выходит с большим трудом.

В последние годы заметен прогресс в сравнении с чудовищно-нищими 1990-ми: в значительной степени изжиты коррупция, построены хорошие дороги, активно идет жилищное строительство, создана инфраструктура для туристов. Тем не менее, память о зажиточных советских годах до сих пор существует. Думается, что здесь проблема не столько абсолютного обнищания, сколько обнищания относительного. В анекдотах, кинематографе советских времен грузин – это персонаж сказочно богатый, широкий, с чувством собственного достоинства, порой преувеличенным. Характерный анекдот тех лет: грузин, уходя из ресторана, протягивает гардеробщику номерок и пять рублей и говорит: «Пальто не надо!» Это ощущение у грузин сегодня пропало.

На Сухом мосту в Тбилиси действует гигантская барахолка. Еще несколько лет назад здесь распродавали грузинский товар. То, что в свое время зажиточные жители республики скупали в комиссионных магазинах Москвы, Ленинграда и Киева. Массивные фарфоровые вазы, люстры с хрустальными подвесками, садовую скульптуру. Практически все это богатство уже продано. Сегодня здесь в ассортименте остатки фарфоровых фигурок ленинградского ЛФЗ, старые пластинки, подержанные русские книги.

Одно из замечательных качеств грузинского народа, и, кстати, с этим связана всеобщая неприязнь к Берии, – свободолюбие. Недаром после 1990 года грузины выгнали последовательно трех своих президентов – Гамсахурдию, Шеварднадзе, Саакашвили. В грузинской политике не забалуешь. Силу Грузии представляет то, с чем боролись и Лаврентий Берия, и Михаил Саакашвили, – вольномыслие, сила дружеских связей, предпочтение частного общему. И если отношения России и Грузии улучшатся, то именно эта левантийская мягкость станет главным экспортным товаром, вместе с «Боржоми», «Цинандали» и хинкали. Россиян всегда будет притягивать красота архитектуры и рельефа на фоне доброжелательности, гостеприимства и чувства собственного достоинства, свойственных грузинам.

Старый Тбилиси

Улочки старого Тбилиси

В былой зажиточной грузинской жизни заслуга не только Лаврентия Берии, но и сложившейся в СССР новой экономической модели. Сталинский социализм – это автаркия, опора на собственные силы. Все, что можно произвести и вырастить в стране, – не импортируется. Пусть ценой потери качества, но всегда находится свой национальный аналог. Главной задачей трех первых пятилеток было повышение обороноспособности страны, развитие тяжелой индустрии. Значительную часть оборудования для полутора тысяч предприятий, заложенных в эти годы, вывозили с Запада, прежде всего из Германии и США. Платить надо было валютой. Это и стало основной причиной невероятных бедствий советского крестьянства. Даже необходимое для простого выживания зерно шло на экспорт. Заключение и бежавших от коллективизации использовали на лесозаготовках. Конечно, вывозили лен, золото, пушнину и картины Эрмитажа, ювелирные изделия Фаберже. Но именно зерно и древесина оставались главными экспортными товарами.

В дореволюционной России существовал такой термин – «колониальные товары». То, что не могло быть произведено в пределах своей империи, ввозилось из колоний иностранных империй. В 1913 году Россия ввезла 170 000 тонн хлопка, 36 тонн шелка, 378 тонн табака, 75 813 тонн чая, 132 575 тонн фруктов и 8765 тонн вина. Прямо сказать, массовыми товарами из

всего этого были только хлопок, из которого делали знаменитый ивановский ситец, и постепенно проникавший не только в городской, но и крестьянский быт – чай.

Основная масса населения носила холст, ситец, овчину, а шелк знала только по названию. Табак – удел городского среднего класса. Мужик курит махорку. Главным фруктом для русского человека является яблоко, и пьет он не вино, а водку. Но Россия – страна «демонстративного потребления», поэтому магазины Елисеевых процветали, шампанское лилось рекой, дымили гаванские сигары и поэт Маяковский призывал капиталистов в последний раз есть ананасы.

С почти полным уничтожением «эксплуататорских классов» поток колониальных товаров в СССР резко сократился. К концу НЭПа в 1926 году в Россию ввозили 162 080 тонн хлопка, 22 000 тонн табака, 22 545 тонн чая, 32 689 тонн фруктов и всего 1000 тонн вина. Только шелка почему-то ввезли больше, чем до революции, – 168 000 тонн. Быть может, на знамена и транспаранты?

Советская жизнь 1930-х годов противоречива. С одной стороны, сверхэксплуатация крестьянства, с другой – ликвидация безграмотности, введение всеобщего неполного среднего образования, появление множества новых вузов, масштабные инфраструктурные проекты и постепенное внедрение в обиход советских людей новых товаров. Это время микояновской революции быта. Постепенная замена махорки табаком, советское шампанское на Новый год, мандарины под елку. На столах советского «среднего класса» появляются невиданные ранее полуфабрикаты, сосиски, макароны, сгущенное молоко и т. д. Увеличивается производство тканей и готовой одежды.

Этого можно было достигнуть только за счет производства бывших колониальных товаров в Советском Союзе. И во всей огромной стране существовала только одна географически небольшая зона, где практически все эти товары могли производиться – влажные субтропики Грузии. Хлопок стали выращивать в Азербайджане и Средней Азии.

И мегрел Берия, и картлиец Сталин прекрасно знали грузинское крестьянство и сумели создать такой хозяйственный механизм, который, в отличие от других республик, гарантировал и экономический рост, и повышение уровня жизни колхозников. Одной из записок Берии, способствующей его карьере, стала жалоба Сталину на Кварталешвили, допустившего перегибы в темпах коллективизации. В результате объем обобществленных крестьянских хозяйств в Грузии к концу 1930-х годов был самым низким в СССР. Были введены высокие закупочные цены на технические культуры, а также фрукты и виноград. Крестьянам оставили вполне приличные по размерам приусадебные участки. Если вологодский земледелец мог продать на колхозном рынке разве что картошку, то колхозники Грузии постепенно заполняли советские колхозные рынки дорожными фруктами и цветами.

Еще одна важная предпосылка бериевских успехов – создание «черноморской Ривьеры». Выезд за границу на настоящую Ривьеру даже для высших советских каст был фактически закрыт. С другой стороны, как сказал генеральный секретарь, «жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи». Рабочие стахановцы, красные командиры, чекисты, академическая и художественная интеллигенция проводили свои законные отпуска в санаториях и домах отдыха, построенных между Пицундой и Батуми, пользовались целебными источниками Цхалтубы и Боржоми. Вслед за ними в Грузию ринулись и те, кому профсоюзные путевки не достались: «дикари». У жителей прибрежных населенных пунктов появился сезонный доход от сдачи жилья.

Грузия была для России со времен Лермонтова неким аналогом европейского Средиземноморья – теплого, свободного, уютного и далекого. Все побывавшие в Грузии отзывались о ней восторженно: и родившийся в селе Багдати Кутаисской губернии Владимир Маяковский, и переводивший грузинских поэтов Борис Пастернак, и артисты лучших московских театров, радушно принимавшиеся тбилисскими зрителями. Грузия казалась в наименьшей сте-

пени затронутой общим обеднением советской жизни. Гостей встречали непрерывные пиры, получастные духаны, открытые церкви. Сталинский ампи́р, казавшийся не слишком уместным на фоне московских куполов и имперского Петербурга, в Гаграх, Сухуми, Батуми и Тбилиси выглядел естественно и нарядно.

Одноклассник Серго Берии Роберт Саакян рассказывал нам:

Довоенный Тбилиси имел шикарный вид, вот это был Тбилиси! Сейчас не поймешь, это какой-то хаос. Добротно строили, это не хрущевские дома. Если пройдете по Плеханова, по центру, очень много строили замечательно, цирк построили. Раньше, я помню, там на бериевском спуске был цирк деревянный. Когда канатоходцы под куполом ходили, весь он скрипел и качался. А потом построили такой цирк! Много новых хороших домов построили, очень много. Праздники 1 мая, 7 ноября колоссально проводили. На каждом шагу сосиски горячие продавали, эти праздники были очень на высоком уровне.

Манана Андриадзе, доктор наук, профессор Тбилисской консерватории, рассказала:

Вы знаете, Тбилиси – это восточный город с типичными балконами, с маленькими извилистыми улицами, и для того, чтобы сохранить этот стиль, очень важно было строить не очень выделяющиеся по своему облику дома, и этот стиль был как-то найден. Эти дома никогда не выбивались из стиля города. Поэтому мне кажется, что это удачное было решение. И выстраивались дома прочные, хорошо подходящие к тому ландшафту, где они воздвигались.

Выполняя сталинскую программу импортозамещения, Берия не только увеличил объемы производства традиционных грузинских продуктов, таких как вино и фрукты, но с присущим ему масштабом освоил выращивание экзотических заморских культур – цитрусовых, табака и, стратегически важного, – чая.

Чай еще к началу XX века стал главным русским напитком. Пик чайного импорта дореволюционной России пришелся на 1907 год, когда импортировали почти 90 000 тонн чая. В следующее десятилетие закупалось 70–80 000 тонн ежегодно. В эталонном 1913 году в Россию поступило 75 813 тонн чая на сумму 216 664 000 руб. Это в полтора раза больше, чем было потрачено в 1913 году, например, на систему образования в Российской империи.

На территории Российской империи первые опыты разведения чайного дерева связаны с весьма романтической историей. Во время Крымской войны в 1854 году близ Поти потерпело аварию британское военное судно. Его экипаж попал в русский плен. В 1856 году война закончилась, но один из членов экипажа, шотландец Джекоб Макнамарра, на родину не вернулся. Немолодой офицер страстно влюбился в юную грузинскую княжну Агафию Магулярия. Женился и остался жить в Озургети (Мегрелия). Выпускник Эдинбургского университета, Макнамарра (в России он предпочитал называться Марром) был выдающимся ботаником и, между прочим, основал Кутаисский ботанический сад. Его сын Николай Марр станет впоследствии знаменитым лингвистом, академиком, а после его смерти сам Сталин посвятит его трудам целую статью «О некоторых ошибках в языкознании».

Но это к слову. Важно то, что Макнамарра не мог обойтись без традиционного британского чаепития. Найти чай в закавказском захолустье было невозможно, и деятельный шотландец решил заняться самоснабжением. В районе Озургети и Чаквы он заложил небольшие чайные плантации, и уже в 1864 году произведенный им продукт демонстрировался на одной из торгово-промышленных выставок России под названием «кавказский чай». Впрочем, вплоть до начала 1930-х годов ни качество, ни количество производимого в Грузии чая не позволяли ему занимать хоть сколько-нибудь значительную часть рынка. Его в основном покупало военное ведомство для солдат, почему он и назывался презрительно «солдатским чаем».

Между тем к началу XX века было доказано, что грузинский чайный куст, при правильном сборе и обработке, может давать высококачественный чай. Одним из лучших считался «Русский чай Дядюшкина», который по качеству превосходил обычные китайские чаи. Этот сорт получил золотую медаль на Парижской выставке 1899 года. Около Батуми построили первую в России чаеразвесочную фабрику.

По объемам производства грузинский чай не мог составить реальной конкуренции привозному. В основном в России продолжали пить импортный чай. По окончании Гражданской войны начинается ежегодный рост чайного импорта. В 1921 году закупили 629 тонн, а в 1924 году – уже свыше 7000 тонн. Пик импорта приходится на 1928 год, когда закупили свыше 28 000 тонн.

Перелом начал происходить с середины 1920-х годов, когда была принята государственная программа развития чайного дела. Прежде всего, внимание было уделено Грузии. Чайные плантации были созданы не только в причерноморских районах Аджарии и Гурии, но и почти во всех других частях Грузии: в Абхазии, Имеретии, Мегрелии и даже в далекой от Черноморского побережья Кахетии. В 1926 году было изготовлено 196 600 килограммов чая. В 1930 году в Анасеули (вблизи Озургети) был создан Научно-исследовательский институт чая и субтропических культур, который занимался агротехникой и селекцией новых сортов чая.

Высококачественный чайный куст добывали всеми возможными способами. В Грузии нам рассказали такую историю. Однажды разведчики ночью привезли Берии несколько чемоданов. Это были саженцы цейлонского чая, украденные у англичан. Наутро Берия собрал совещание руководителей чаеводческих хозяйств, раздал саженцы и сказал: если хоть один из них засохнет, я тому руководителю голову засушу.

На XVII съезде партии Лаврентий Берия рапортовал:

Разводимый главным образом на колхозных полях, чай стал основным источником поднятия благосостояния массы колхозников. Уже в прошлом 1933 г. ЦК ВКП(б) констатировал, что положено начало независимости Советского Союза от заграницы в деле производства чая. В дальнейшем развитии чайной культуры мы делаем упор на поднятие урожайности. Уже теперь, товарищи, мы имеем в отдельных колхозах сбор с гектара примерно 1200–2300 кг. Это, товарищи, является большим достижением, но все еще пока мы отстаем по урожайности от цейлонских и других районов, в особенности от Японии. Япония сама собирает в 2–3 раза больший урожай, чем Цейлон, Ява и др.

Будущее сельского хозяйства Грузии Берия видит радужно:

Районы влажных субтропиков в Грузии после окончания развернутых сейчас работ по осушению Колхидской низменности – а эта низменность не маленькая, примерно 214 тыс. га – превратятся в огромный сплошной массив, где будут развиваться субтропические сады.

Манана Андриадзе:

Вся Западная Грузия при Берии была высажена чаем. Это культура чая, культура цитрусов, осушение Колхидской долины, это было действительно великое дело. Не только для того, чтобы посадить и выращивать цитрусовые, а для того, чтобы сохранить то население, которое там было, потому что это было очень вредно и плохо для здоровья. Вот поэт Тициан Табидзе жил как раз в Колхиде и малярия замучила очень многих его близких уже на берегу

Орбери – так что это была реальная опасность для здоровья людей. Это было таким благородным решением.

Как обещал первый секретарь ЦК компартии Закавказья 28 мая 1933 года в газете «Правда»: «В 1933–1937 годах Грузия построит 40 новых чаеразвесочных фабрик». И это обещание Берия выполнил. В 1932 году в Грузии было выращено 1200 тонн байхового чая, в 1940-м – 45 000 тонн. То есть производство чая возросло в 42 раза.

К 1939 году Советский Союз почти не зависел от ввоза чайного листа из-за границы. Импорт составлял только одну треть от уровня 1934 года. Вплоть до развала Советского Союза именно Грузия производила большую часть чая, потреблявшегося на внутреннем рынке.

Главное достоинство советского хозяйственного руководителя заключалось в том, чтобы уменьшить спускаемый сверху план и увеличить количество фондов, выделяемых Республике Москвой. Конечно, Лаврентий Берия был талантливым «толкачом». Его просьбы почти не встречали отказа, он всегда добивался своего.

Берия пишет Сталину

В 2013 году Государственный архив Грузии издал письма Лаврентия Берии Сталину за 1937 год. К сожалению, этот труд вышел на грузинском и английском языках. Коллеги из национального архива Грузии любезно предоставили нам подлинники писем, написанные Берией, разумеется, по-русски. Из них виден объем работы первого секретаря компартии Закавказья и ее разнообразие.

Открывает письма совершенно секретный, напечатанный в единственном экземпляре, проект постановления Совета Труда и Оборона СССР «О плане и объеме строительства базы флота НКО (наркомат обороны) в г. Потти». Для создания новой базы Черноморского флота необходимо было провести целый ряд береговых работ: насыпку территории, укрепление берега, дноуглубление, постройку канала, строительство мола, реконструкцию судоремонтных мастерских, постройку ограждения, переустройство трех разводных мостов на реке Рион (всем этим должен был заниматься наркомат водного транспорта СССР). Другие задачи возлагались на наркомат тяжелой промышленности: строительство линии электропередач, чтобы обеспечить подачу электроэнергии в Потти. Наркомат путей сообщения должен спрямить железную дорогу и построить объединенный железнодорожный и морской вокзал. Наркомат связи строил телефонную станцию, наркомат земледелия осушал территорию вокруг базы и строил дорогу Потти – Синаки. В свою очередь СНК Грузии брался построить водопровод и канализацию. Для того чтобы за три года справиться с этим заданием, было решено начать строительство до утверждения технического проекта и немедленно выделить на это средства.

В результате в 1939 году в Потти должны были базироваться 6 эсминцев, 16 подводных лодок, 18 торпедных катеров, 3 истребителя и 3 гидросамолета.

Спустя некоторое время Берия с тревогой писал, что проект основных работ по строительству базы до сих пор не утвержден. Работы не начаты.

5 января 1937 года Берия отправил совместную с Микояном телеграмму Сталину и Молотову, в которой перечислил общесоюзные предприятия пищевой промышленности, которые должны перейти в подчинение Грузии – знаменитый Самтрест, Трест Грузминвод, Тбилисская бумажная фабрика, литография в Тбилиси.

Из другого письма Берии от 4 февраля 1937 года следует, что острым вопросом для Грузии стал дефицит автопокрышек. План по их поставкам выполнялся всего на одну треть, при этом часть из них была вовсе забракована, а другая оказалась некондиционной и вскоре вышла из строя, не выдержав гарантийного срока. В результате в республике простаивало 2000 автомашин. Берия просит немедленно отгрузить 10 000 автопокрышек.

14 ноября того же года Берия снова вернулся к теме дефицита автопокрышек, прося Сталина ускорить их поставку. За три первых квартала из 2000 штук прислали только 890. Подавляющее большинство машин в Грузии стоит, урожай мандаринов гибнет.

В телеграмме Сталину и Ворошилову Берия сообщает о прискорбном происшествии в Кутаиси 17 января 1937 года. Большая группа красноармейцев и младших командиров 9-го артполка отправилась в клуб шелкоткацкой фабрики. Тринадцать из шестидесяти военнослужащих пришли на танцы пьяными. Двое из них «без особого повода» стали избивать проходящего по двору фабрики рабочего. Вскоре красноармейцы и рабочие пошли стенка на стенку. Преимущество оказалось на стороне военных. Рабочих били, в окна фабрики бросали камни. Была вызвана милиция, дежурный по полку, охрана фабрики стала стрелять в воздух. В результате через полчаса буянов удалось угомонить, но шесть рабочих оказались сильно избиты. Командование Закавказского военного округа предало зачинщиков драки суду Военного трибунала, командира полка и помполита отправили на семь суток на гауптвахту. Вопрос обсуждался на Бюро ЦК компартии Грузии, которое в дополнение к наложенным взысканиям решило

перевести командира и замполита в другой полк. Наряду с этим Бюро ЦК «отметило неудовлетворительное состояние партийно-массовой политической работы также и среди рабочих шелкоткацкой фабрики».

В письме Сталину и Молотову от 15 февраля 1937 года Лаврентий Павлович предлагает введение премий-надбавок за сдачу колхозами и единоличниками табачного листа вне плана. Берия считает последние объяснения союзного Совета заготовок, урезающие премии, неправильными. Поправляет центр Берия и в другом вопросе. В письме от 17 февраля 1937 года он считает неверным решение Оргбюро ЦК, обязывающее ЦК компартии Грузии предоставлять наверх письменный отчет шесть раз в год. С его точки зрения, такие отчеты только дублируют другие документы, отправляемые в Москву.

ЦК КП(б) Грузии не уверен в том, что такого рода отчетность может принести какую-либо пользу: вместо совершенно необходимой постоянной живой связи между ниже- и вышестоящими партийными организациями устанавливается письменная, бумажная связь, которая к тому же отнимает очень много времени у партийных организаций.

В 1936 году в Западной Грузии из-за дождей и наводнения погиб урожай кукурузы – основной зерновой культуры в этом регионе. Между тем фонды муки, зерна, выделяемые Грузии, совершенно недостаточны. Просьба предоставить зерно вне лимитов была отвергнута. И Лаврентий Павлович повторно обращается теперь уже к самому Сталину с просьбой помочь Западной Грузии. 5 мая 1937 года Берия снова напоминает о необходимости увеличения поставок муки в Западную Грузию. Но муку в нужных количествах так и не прислали. И 22 мая Берия пишет в Москву, что «в Кутаиси, Сухуми, Батуми, Самтредиа, Джугели, Чиатури и Потии имеют место большие очереди за хлебом в связи с тем, что крестьяне из-за недостатка своей кукурузы приезжают в районные центры и города для покупки печеного хлеба». Берия снова просит увеличить поставки муки и заканчивает письмо словами: «Мы не обращались бы вновь в ЦК ВКП(б), если бы создавшееся положение со снабжением населения хлебом не было столь напряженным».

Еще одно письмо от 27 апреля 1937 года в Москву касалось подготовки агрономов. Сюжет этот Берия хорошо знал лично, так как его жена была студенткой сельхозинститута. В Грузии специалистов по субтропикам учили на субтропическом факультете Грузинского сельскохозяйственного института в Тбилиси и в Сухумском субтропическом институте. Качество подготовки кадров в Сухуми, пишет Берия, «стоит на весьма низком уровне». Базы нет, собственные педагогические кадры слабые, «основные предметы читаются профессорами и доцентами, наезжающими из Тбилиси и других городов Союза ССР». В результате Грузинский ЦК просит ликвидировать Сухумский субтропический институт, увеличив одновременно прием на субтропический факультет Грузинского сельскохозяйственного института.

Специальное письмо Сталину и Молотову Берия посвятил молочным заготовкам в Западной Грузии. Коровы там молока дают мало. Доставлять его из горных Сванетии и Хевсуретии тяжело. «Затраты средств на организацию сбора молока и молочных продуктов и переброска продукции в центральные склады обходится дороже, чем стоимость самих заготовленных продуктов». Берия просит освободить горные ограниченные районы Грузии от обязательных молокопоставок.

В письме от 9 мая Берия поднимает вопрос о добыче каменного угля в Тквибули, имеющее решающее значение для всей промышленности Закавказья. Берия пишет, что потребность в угле будет только увеличиваться, а работают только две шахты – имени Ленина и имени Сталина. Эксплуатируются они с 1929 года, и запасы их уже подходят к концу. Несмотря на то, что в свое время Орджоникидзе поручил Главуглю начать закладку новых шахт, даже проектов их пока нет. Существующее положение грозит катастрофой для промышленности. ЦК Грузии

просит прислать компетентную комиссию, которая изучит вопрос о состоянии строительства и наметит конкретные мероприятия по его форсированию.

21 мая 1937 года Лаврентий обращается к Сталину с льстивым личным письмом. Он просит разрешить опубликовать в газетах стихотворения товарища Сталина, впервые напечатанные в 1895 и 1896 годах. Эта публикация должна быть приурочена к 100-летию со дня рождения классика грузинской литературы Ильи Чавчавадзе, некогда отметившего таланты юного Джугашвили.

В том же 1937 году отмечали 750-летний юбилей Шота Руставели. Берия отправляет 31 мая на рассмотрение Сталина план будущих торжеств. Предполагалось установить памятник величайшему грузинскому поэту в Тбилиси, открыть выставку в Государственном музее Грузии, переиздать поэму «Витязь в тигровой шкуре» с академическими комментариями и переводы поэмы на английский и французский языки, издать сборники научных работ о Руставели, организовать торжественное заседание в Тбилиси, созвать научную конференцию, посвященную юбилею, и специальный руставелиевский пленум Союза писателей СССР.

7 июля Берия отправляет телеграмму Сталину и Молотову, посвященную дефициту хлопчатобумажных и шерстяных тканей и кожаной обуви в Грузии.

Такое положение приводит к тому, что с появлением этих товаров в торговой сети они раскупаются за несколько дней, образуя очереди.

Берия предлагает следующее. Во-первых, «приравнять Тбилиси по шести планируемым товарам к четырем городам Союза – Москва, Ленинград, Киев и Минск, снабжающимся этими товарами в первую очередь». Во-вторых, увеличить план поставок тканей и обуви специально для Тбилиси. В-третьих, открыть специализированные магазины по продаже тканей и обуви в столице Грузии.

27 июля Берия телеграфирует о причинах срыва плана по выращиванию люцерны, важной кормовой составляющей животноводства:

В результате вредительства со стороны бывших руководителей наркомзема фактическая площадь люцерны меньше плановой. Также в многих колхозах посевы люцерны сильно запущены и засорены сорняками. Решением ЦК Грузии в целях обеспечения выполнения плана заготовки семян люцерны приняты меры. Отчистка от сорняков, междурядные обработки, своевременный полив.

31 июля Берия пишет Сталину и Молотову о проблемах, возникших при строительстве теплоэлектростанции в Тбилиси. Поставщики запаздывают с изготовлением турбин, котлов, барабанов, труб, электротехнического оборудования. В результате план строительства ТЭЦ почти наверняка будет сорван и стройка остановится. Берия просит Кремль воздействовать на смежников.

4 августа Лаврентий обращается к Сталину с просьбой назначить начальником строительства Кутаисского азотно-тукового комбината Абесалом Априашвили, так как предыдущий начальник снят с должности и арестован.

6 августа в письме к Сталину Берия отвечает на запрос об объемах изучения русского языка в грузинских и армянских школах. Грузия, по его уверениям, укладывается во все нормативы; кроме того, русский язык преподается три года во всех вузах.

16 августа Берия бьет тревогу: в Картли градобитие и ливни, посевы пострадали, посевного материала нет. Просит выделить семенную ссуду. В тот же день Лаврентий просит Сталина утвердить новых первых секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии вместо арестованных их предшественников. Всего в списке десять человек. Также просит утвердить освобождение от должности двух вторых секретарей райкомов (видимо, их тоже посадят). В тот же день Берия снова пишет на ту же тему: разоблачены и арестованы НКВД как враги

народа бывшие секретари Зугдидского и Сигнахского райкомов партии. В связи с чем предлагается своеобразная рокировка: в Сигнахи поедет первый секретарь Сталинского райкома партии из Тбилиси, а на его место назначается товарищ, только что окончивший высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП(б). А в Зугдиди отправится человек из Гегечкореvского района. Также Берия просит освободить от работы первого секретаря Кутаисского горкома и Боржомского райкома.

1 сентября Берия и глава правительства Бакрадзе сообщают, что «катастрофическое наводнение 9, 10, 11, 29 августа, вызванное большими ливнями, причинило разрушения и убытки Юго-Осетии, Казбекскому и Онскому районам Грузинской ССР. Вышли из берегов и затопили значительную площадь реки Рион, Терек, Лиахва». Затоплены посеы и сенокосы, пострадали гидроэлектростанции, мосты, дороги, дамбы, мельницы, дома. Погибли семь человек. Смыто полотно Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог. Руководство Грузии просит срочно отпустить 3 000 000 рублей для работ по восстановлению разрушенного наводнением.

4 сентября Берия ставит перед центром вопрос о керосине. В Тбилиси большие очереди. Срывается уборка табака – колхозники работают вечерами и плантации приходится освещать. «Это создает недовольство среди населения, нарекания на торгово-завозящие организации, разговоры о том, что Тбилиси, мол, находится под боком у нефтяного района Баку, а между тем в Тбилиси нельзя достать керосина, и т. д.»

26 сентября Лаврентий просит ввести специальный режим на границе с Турцией. Провести там паспортизацию населения (напомним – колхозники паспортов не имели), внутри районов разрешать свободное перемещение только тем, кто там постоянно живет, въезд извне только по специальным пропускам.

28 сентября Берия поднимает актуальный вопрос об исключении из рядов партии некоторых железнодорожников. Для этого необходимо общее собрание парторганизации. На узловой станции Тбилиси работают 1300 коммунистов, собирать их часто невозможно. Поэтому Берия просит разрешить исключать их из партии решениями райкома или горкома.

5 октября Берия сообщает Сталину, что школьный учебник «Краткий курс истории СССР» был переведен тремя лучшими переводчиками на грузинский язык. Первый тираж выпустили, а после наступила пауза. Оказалось, что необходимо изъять одну из географических карт, в которой была допущена ошибка. В то же время общий тираж для Грузии Берия считает заниженным и просит дать разрешение вместо 175 000 учебников напечатать 350 000.

15 октября Берия жалуется Сталину и Молотову на систематическое невыполнение плана по завозу в Грузию бензина. Вместо Грузии из Баку бензин отправляется на север. В результате в ближайшее время приостановится уличное движение в Тбилиси. Берия просит обязать нефтяников и железнодорожников срочно исправить положение.

21 октября Берия предлагает утвердить председателем ЦИК Абхазии Авксентия Рапаву, председателем ЦИК Южной Осетии Владимира Хубаева, председателем ЦИК Аджарии Исмаила Гуткарадзе. Все эти люди выдвигаются на места репрессированных руководителей.

22 октября ЦК компартии Грузии посылает в Москву на утверждение списки кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Кроме того, сообщались списки кандидатов в Верховный Совет Грузии.

В тот же день Берия и глава республиканского правительства Бакрадзе просят у Сталина и Молотова разрешение на использование резервного фонда бюджета для ряда неотложных нужд. Недофинансированы: Центральный совет воинствующих безбожников Грузии, Музей Ленина в Тбилиси, выставка грузинских художников в Москве, Всегрузинская олимпиада народных песен и плясок. Невозможно организовать детские симфонический оркестр и хоровую капеллу, издать антологию грузинской поэзии, а также купить правительству Грузии пять легковых машин «ЗИС» и даже отремонтировать помещения ЦК компартии Грузии.

9 ноября 1937 года Берия докладывает Сталину об успехах. Он отмечает, что до 1937 года «закладка плантаций герани производилась исключительно в основных субтропических районах Западной Грузии». В текущем году плантации герани заложены в шести новых районах Грузии – Телахском, Лагодехском, Кварельском, Борчалинском, Зестафонском и Кутаисском. Приятный сюрприз. Урожайность там оказалась выше, чем в субтропиках, а масло, полученное из герани, более высокого качества. В связи с этим Берия предлагает резко увеличить посевные площади под герань, обещая повысить среднюю урожайность с 17,2 тонн зеленой массы с одного гектара до 23,5 тонн.

Берия просит увеличить завоз химических удобрений и ядохимикатов, средств на строительство новых заводов для переработки герани. Действующие гераневые заводы он считает целесообразным передать из системы наркомзема в ведение наркомпищепрома, где работала Полина Жемчужина – влиятельная супруга председателя Совнаркома Вячеслава Молотова. Она курировала производство парфюмерии, которая традиционно завозилась из-за границы. Масло герани являлось важнейшим сырьем для создания советских духов и одеколонов. Рассказывают, что исходным материалом для этого сырья стал куст комнатного растения, случайно найденный в 1924 году научным сотрудником Абхазской опытной станции В. М. Козловым в одной из сухумских чайных. Так или иначе, в 1929 году выращивание герани было поставлено на промышленную основу. В 1932 году в Грузии были выработаны первые тонны гераниевого масла, а уже в 1940 году его производство в республике достигло примерно 20 тонн в год.

23 декабря 1937 года Берия обращается к Сталину с просьбой поддержать овцеводов. В двух совхозах директора продавали своим рабочим зерно по низкой цене. Однако затем продажа зерна была запрещена, что «вызвало недовольство среди пастухов и тенденцию уйти из совхоза». Между тем «уход пастухов из совхозов создает угрозу оставления без соответствующего присмотра свыше 100 тысяч голов овец». Поэтому Берия просит Сталина и ЦК в порядке исключения разрешить продавать зерно по низкой цене грузинским пастухам.

Специальное письмо Лаврентий посвятил подготовке к переписи населения СССР. Ему не нравится перечень национальностей, существующих в приписных листах. Берия считает, что «аджарцы те же грузины, с той лишь разницей, что они были омусульманены в прошлом». Перепись населения 1926 года делила грузин на собственно грузин, мегрел, чан, сванов и бацбий. В 1937 году к этому перечню добавились лазы и аджарцы. Берия настаивает на том, чтобы аджарцев включили в состав грузин, упрекая учреждения Академии наук в «великодержавническом духе в вопросах классификации грузинской национальности».

Уже под новый год, 30 декабря, Берия пишет Сталину и Молотову о проверке органов Заготзерна Грузии по вопросам приемки, складирования, очистки и хранения сортового зерна. За антигосударственные действия, допущение неправильного заполнения документов, включения рядовых посевов в сортовые, смешение различных сортов семенного зерна сняты с работы и привлечены к уголовной ответственности семь человек.

В этом обзоре посланий Берии мы почти не упоминаем тему репрессий, об этих письмах будет рассказано в следующих главах. Но, как ни странно, даже в 1937 году, в разгар Большого террора, Берия большую часть переписки посвящал не репрессиям, а хозяйственным вопросам. Механизм его писем в центр почти всегда одинаков: Лаврентий описывает проблему в Грузии, которая возникает обычно от недостаточного тщания центральных правительственных и партийных учреждений. Описывает далее чудовищные последствия, которые недоработки Москвы могут вызвать в республике, недовольство населения, невыполнение плана. При этом тон Берии не заискивающий, а скорее требовательный. Он радеет за дело и уверен в своей правоте.

Степан Микоян, сын Анастаса Микояна, рассказал нам:

Что интересно, Берия, как и все другие секретари, тогда добивался главным образом строительства предприятий тяжелой промышленности,

потому что выгодно было строить только предприятия тяжелой промышленности. Предприятия легкой промышленности снабжались во вторую очередь, а вся их продукция потом изымалась с республики и отправлялась на снабжение тех городов и республик, где строились предприятия тяжелой промышленности. То есть для того чтобы выбить себе фонды, снабжение, выгодно было строить предприятия тяжелой промышленности.

Из писем видно, насколько республиканские руководители даже в мелких вопросах зависели от союзных властей и самого Сталина. Генеральный секретарь должен лично дать разрешение на продажу зерна по низкой цене пастухам двух грузинских совхозов. Без участия Сталина не получить необходимых автопокрышек, бензина, зерна, не открыть обувной магазин в Тбилиси, не организовать детский хор, не отремонтировать помещения ЦК компартии.

Как известно, в социалистической системе деньги заменяются административным ресурсом, который является главной валютой. И заметно, что этого символического капитала у Берии достаточно. В длинной очереди просителей он никогда не был на последнем месте.

Первый секретарь в повседневной жизни

В 1931 году, когда Лаврентий Павлович по существу возглавил Закавказье, ему исполнилось тридцать два года.

Уже десять лет он был женат. Очаровательная Нина Теймуразовна, как тогда и полагалось женам партийных начальников, получала высшее образование в Сельскохозяйственном институте. Сын Серго учился в Тифлисе в знаменитой немецкой школе. В семье жила немка-гувернантка. Серго Берия так вспоминал о ней в своей книге:

На правах члена семьи многие годы, а точнее до самой смерти отца, жила в нашем доме замечательная женщина Элла Эммануиловна Альмедингер. Учительница, немка по национальности. Мы, и оказавшись в ссылке, не теряли с ней связь. Когда началась война, всех немцев начали переселять, а наша немка никуда не собирается. Кто-то доложил Сталину, что, мол, в доме Берии проживает немка и тому подобное. Как-то приезжает Сталин (а у нас заведено было обедать всем вместе), и прелюбопытнейшая вышла картина. Сидят за одним столом Иосиф Виссарионович и Элла Эммануиловна. Сталин и спрашивает:

– Так это вы и есть тот самый представитель Гитлера? Странно, никогда не думал, что вы немка.

А Элла Эммануиловна онемела: чем то обернется для нее этот визит. Обошлось. Сталин рассмеялся, тут же начал вспоминать Австрию, тем дело и закончилось.

Серго Берия также рассказывает о том, как его воспитывал Лаврентий Павлович:

Отец с детства приучал меня к работе, за что я ему благодарен и по сей день. Принесет стопку иностранных журналов и просит сделать перевод каких-то статей или обзор тех или иных материалов. Теперь-то я понимаю: если бы дело было серьезным, неужели не поручил бы такую работу профессиональным переводчикам? Просто заставлял таким «хитрым» образом трудиться. И отец, и мать моему воспитанию уделяли много внимания, хотя свободного времени у обоих было, понятно, маловато. Заставляли серьезно заниматься языками, музыкой, собственным примером приобщали к спорту.

О характере юного Серго и школе, в которой он учился, нам рассказал в Тбилиси его одноклассник Роберт Саакян:

Серго Берия был очень такой живой. Способный. Но шаловливый. Любил выкидывать всякие трюки. Вот девочка сидела впереди на первой парте. А он взял ножницы и обрезал косички под корень, немного длиннее. Она начала плакать, ну кое-как утихомирили. Но мать, конечно, очень дала жару сыну за это. Нина Теймуразовна очень часто бывала в школе, и дети очень ее любили. Умела подходить к детям.

У Серго была нянька, которую почему-то звали бонна. Вот это Танте Роза. Она в такое учебное время была библиотекаршей в школьной библиотеке. А затем она, может, с ними жила или нет, это уже я не знаю, она была с ними как бы воспитательница. Очень такая строгая, но отзывчивая была женщина.

Кстати, в немецкой школе не только немцы были, там и грузины, и армяне, и русские, всяких национальностей дети учились. Все предметы были на немецком языке, а такие предметы, как грузинский и русский языки, это отдельно проходили. А, например, арифметика там, естествознание – все-все на немецком языке. Там были и мастерские, занимались трудом. Конечно, физкультура тоже была.

Степан Микоян нам говорил:

Серго, кстати, вспоминал очень интересный эпизод, как он, Серго, порвал икону, на которую молилась его бабушка, мать Берии. А Лаврентий Павлович его отругал и вместо разорванной иконы нарисовал новую. Это, кстати, доказывает, что Берия был верующим человеком, как вы понимаете. О чем должна была знать его мать, иначе икона, которая нарисована неверующим человеком, она никакой силы, никакого значения не имеет.

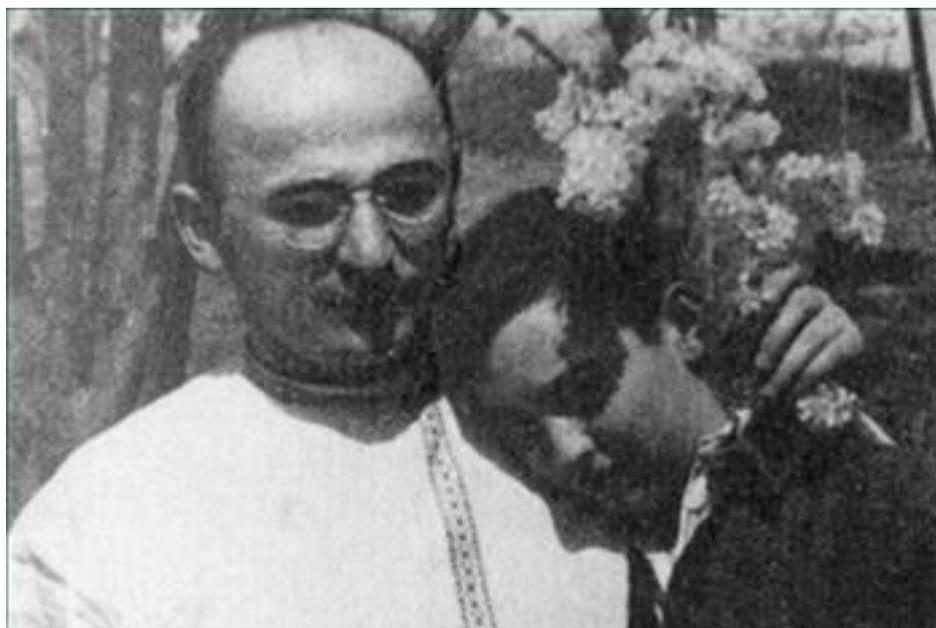
Просторная квартира Берии занимала пол-этажа в доме на улице Лиа Киачели в центре Тифлиса, над рекой Курой. Здание было построено в начале 1930-х годов для грузинского партийного истэблишмента. Как было тогда принято, «для освобождения женщины от домашнего рабства», в том же здании на первом этаже находились детский сад и фабрика-кухня, где большинство жильцов обедали или брали еду себе в квартиры. Впрочем, Лаврентий не любил публичности и ему накрывали отдельно. До конца жизни он сохранил приверженность к мегрельской кухне, считающейся острой даже в Грузии. Особенно любил маленькие острые перцы, которые забрасывал в рот, как семечки, утверждая (в мужской компании), что они способствуют потенции. Пил Берия очень умеренно даже в 1940-е годы, когда пьянство в окружении Сталина стало нормой.

Лаврентий Берия. Грузия. 1930-е годы

Берия с матерью и женой Ниной

Берия с сыном Серго

В этом доме в начале 1930-х годов жили семьи Лаврентия Берии и Папулия Орджоникидзе

Сама старинная улица была заселена грузинской творческой и технической интеллигенцией. К дому примыкает большой зеленый двор. Лаврентий Берия, любитель подвижных игр, играл здесь в волейбол и футбол с соседями и сослуживцами. Посторонних сюда не пускали. Двор и дом охранялись чекистами.

Некоторые детали быта жильцов номенклатурного дома и семьи Лаврентия нам рассказали в Тбилиси его соседи – дочь и внучка Папулии Орджоникидзе, старшего брата покровителя Берии – Серго Орджоникидзе.

Этери Орджоникидзе, дочь Папулии Орджоникидзе:

Знаете что, тогда таких вещей не было, как сейчас, – обстановка. Берия занимал две квартиры – в одной жила мама и глухая у него была сестра Аннета, в другой он сам. Вот так, соединил квартиры. Сын его, Серго Берия, очень хороший был парень. Он очень красивый был парень. Берия его не воспитывал, у него три женщины воспитательницы было: английский, немецкий – это все были женщины там дома у него. Берия и бывал дома один час. Что вы! Воспитал хорошего сына. Я плохого про Серго ничего не могу сказать. Он очень дружил с соседскими детьми. Охраны было много очень. У нас в подъезде была такая будочка, где они сидели, телефон, наверх, туда, сюда – докладывали.

Берия приходил внизу во дворе и в волейбол играл. Никакой сетки не было, но он хорошо играл. С нашими соседями, детей было там много. Это я помню. Я тоже была там, внизу, и мне было... сколько? Лет шестнадцать.

Инга Джибути, внучка Папулии Орджоникидзе:

Этот дом построили, как я помню, в 1931 году, и дедушка работал уже на Закавказской железной дороге. Замначальника был и партийную организацию еще возглавлял. А Берия уже был знаменитым чекистом, и этот дом был ЧК. Внизу была бильярдная, там же большая столовая для всего дома, были повара, которые готовили очень вкусно. Для Берии отдельная была кухня, и, когда он кончал обедать, потом все другие соседи могли спуститься в столовую.

Берия предложил бабушке перейти на эту квартиру, они жили до этого на улице Ленина. А Берия потом переехал на улицу Мачабели. Там с садом великолепным большущий дом, он все это здание занимал.

Журналист Шавлег Гегечкори, внучатый племянник супруги Лаврентия Берии Нины Гегечкори, рассказал нам в Тбилиси:

Я знаю, что Берия любил спорт. Знаю, что он очень любил бильярд. У него был стол на даче, и они часто играли там. Обычно на пари: проигравший должен был пролезть под столом. Папа рассказывал, что он пару раз с ним сыграл, а потом всегда отказывался. Он отказывался, объясняя Лаврентию: «Если ты выиграешь, то я обязательно пролезу под столом, но если я тебя обыграю, ты ни за что этого не сделаешь. И поэтому я с тобой играть не хочу».

Знаю, что он очень хорошо стрелял из ружья. И Берия, и Нина Гегечкори, они оба хорошо стреляли. Еще в Тбилиси, из окна своего дома, которое выходило на террасу, они стреляли в бутылку, которую ставили на террасе, и попадали в нее таким образом, что у бутылки вылетало дно, но сама она не разбивалась. То есть они попадали пулей в горлышко бутылки. И Лаврентий, и Нина. Расстояние было примерно 50–60 метров. Естественно, они стреляли из мелкокалиберного ружья.

Теперь Лаврентий часто бывает в Москве, на XVII съезде партии его выбирают членом ЦК. Судя по обращению «Коба» в письмах к вождю, со Сталиным их связывают достаточно близкие товарищеские отношения и он бывает дома у Генсека. В Москве у него служебная квартира, и соседи порой жаловались на бурную жизнь, там кипевшую: рассказывали про пирушки и навешавших Лаврентия дам.

Вполне симпатичный портрет Берии того времени рисует его будущий злейший враг Никита Хрущев:

После первой встречи с Берией я сблизился с ним. Мне Берия понравился: простой и остроумный человек. Поэтому на пленумах Центрального Комитета мы чаще всего сидели рядом, обмениваясь мнениями, а другой раз и зубоскалили в адрес ораторов. Берия так мне понравился, что в 1934 г., впервые отдыхая во время отпуска в Сочи, я поехал к нему в Грузию. Приехал в Батум на пароходе (железной дороги тогда там не было), из Батума в Тифлис – поездом. Воскресенье провел у Берии на даче. Там у него было все грузинское руководство. На горе стояли дачи Совнаркома и ЦК партии. Начало моего знакомства с этим коварным человеком носило мирный характер. В то время я смотрел на вещи идеалистически: если человек с партийным билетом и настоящий коммунист, то это мой брат, и даже больше, чем брат.

Из этих воспоминаний видно, что именно тогда, в 1930-е, Берия установил близкие отношения с ближайшим окружением Сталина – Николаем Ежовым, Георгием Маленковым, Николаем Булганиным, Лазарем Кагановичем.

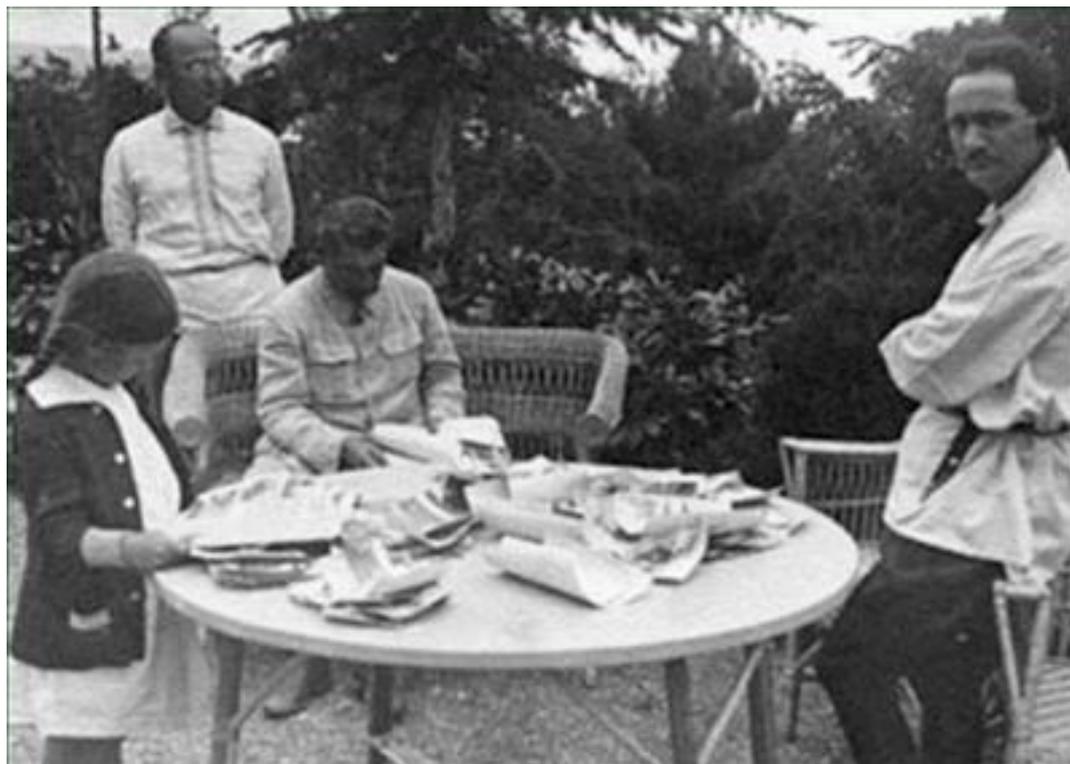
С современной точки зрения ничего роскошного в быту Берии не было. Среди товарищей он не считался «барахольщиком». Даже следствие 1953 года не обнаружило ни одного настоящего крупного случая стяжательства – хотя нечто подобное, понятное дело, методично искали. И у подельников Берии такие вещи находили. Единственное, что смогли поставить Берии в вину, – дачный быт его супруги.

Иосиф Сталин, Лаврентий Берия и дочь Сталина Светлана на даче

Берия и Сталин на государственной даче, 1933

Лаврентий Берия, Иосиф Сталин, Нестор Лакоба

Летом семья Берии выезжала на дачу в Гагры. Сохранившееся здание выглядит удивительно гармонично и вместе с тем скромно, напоминая западноевропейские коттеджи в стиле ар-деко. Дача, как и другие будущие резиденции Берии, построена знаменитым архитектором Мироном Мержановым. Именно он там же строил сталинские дачи – Холодная Речка, Бочаров Ручей, Зеленая Роща. Понятно, что местоположение своей дачи по соседству с вождем Берия выбрал неслучайно. Отсюда и целая серия знаменитых фотографий Лаврентия с дочкой генсека на руках.

Так вот, следствие получило показания соратника Берии Рухадзе:

Мне известно, что в бытность мною министром государственной безопасности Грузии жена Берии ежегодно приезжала на дачу в Грузию. Хочу отметить, что приезд ее в Грузию ежегодно сопровождался обязательными встречами ее с ответственными работниками Грузии.

Приезжала она всегда в отдельном салон-вагоне. Точно так же уезжала она из Тбилиси на одну из принадлежавших им дач в салон-вагоне. Как правило, в связи с ее приездом, ей выделялись на дачу – повар, массажистка, инструктор по теннису, охрана, обслуживающий персонал. Обязательно на дачу ставился телефон «ВЧ». Выделялись специальные лошади для прогулок.

Впрочем, свою личную причастность к таким излишествах Берия на следствии отрицал. А согласно показаниям Нины Теймуразовны роскошества были не столь вызывающими:

Никаких встреч и проводов я для себя не требовала, а даже стеснялась, когда кто-либо приходил меня встречать. Повар, когда со мной на дачу ездили дети, приезжал со мной из Москвы. И инструктора по теннису не было, но я просила нач. охраны отпустить для игры со мной кого-либо из охраны, играющего в теннис.

Даже если какие-то «элементы сладкой жизни» в дачном обиходе семьи Берии и присутствовали, скорее всего это была инициатива местных начальников, желающих услужить первому лицу республики. Многое из того, что не имеют простые смертные, полагалось Берии просто по должности и роскошью даже в те строгие времена не считалось.

Невестка Анастаса Микояна, дочь заместителя председателя Совнаркома Грузии Артема Геуркова Нами, вспоминала, как она встречалась с Лаврентием, будучи еще дошкольницей, подругой детства сына Берии Серго:

Берия привлекал всех тогда своей внутренней силой, каким-то неясным магнетизмом, обаянием личности. Он был некрасив, носил пенсне – тогда это было редкостью. Его взгляд был пронзительным, ястребиным. Бросалось в глаза его лидерство, смелость, уверенность в себе, сильный мегрельский акцент. Даже я, 5–6-летняя девочка, тогда с восторгом смотрела, как он заплывал дальше всех в бурное море. Как лучше всех играл в волейбол. Он много со мной разговаривал, часто как бы всерьез обсуждал серьезные философские вопросы и книги. Берия в домашнем кругу был спокойный и строгий. К нам, детям, всегда приветливый. По-видимому, им всегда двигало тщеславное желание выдвинуться. Но откуда у него было чувство красоты и хороший вкус, проявлявшийся в стиле жизни, сдержанной элегантности, комфорта? У Берии была большая двухэтажная дача. Комнаты были красиво обставлены. К столу все подавалось обслугой. Как правило, по воскресеньям Берия собирал коллег-соседей играть в волейбол.

К обеду Берия, как всегда, ждал гостей. Еда готовилась в основном его родная, мегрельская: гоми – горячая каша из кукурузной муки с ломтями молодого сыра – стояла у каждого прибора. На первое был суп-лобио, помню, иногда борщ. Все это сам Берия сильно перчил и заставлял гостей есть маленький зеленый огненный перчик. Особенно тех, кто не привык к острому. Видя испуганное красное лицо, он удовлетворенно смеялся.

В середине 1930-х годов семья Берии получила в свое распоряжение трехэтажный особняк в центре Тифлиса на улице Мачабели. Сейчас там располагается Олимпийский комитет Грузии. В этом тоже не было ничего экстраординарного для руководителя такого уровня. Тут прежде всего думали не о комфорте, а о безопасности: отдельный дом легче охранять.

Особняк на улице Мачабели, где с середины 1930-х жила семья Берии

Внешний вид Лаврентия Павловича, запечатленный на множестве фотографий, подчеркнуто скромный даже на фоне общего аскетизма тогдашних вождей.

Многолетний соратник Берии Всеволод Меркулов в своем письме Никите Хрущеву в 1953 году так описывал культурно-образовательный уровень своего шефа:

Общая культурность и грамотность Берии, особенно в период его работы в Тбилиси, была невысокой. Берия тогда буквально не мог написать стилистически грамотно несколько строк. Я никогда или почти никогда не видел, чтобы Берия читал что-нибудь, кроме газет. Уже будучи в Москве и видя Берию в составе руководства партии и страны, я подумывал иногда, неужели он не работает над собой? Может быть, Берия в Москве и занимался, я этого не знаю, но что касается Тбилиси, то там он книг в руки не брал. Разумеется, доклады на пленумах Заккрайкома и ЦК КП(б) Грузии, на съездах грузинской компартии в основном составлялись для него его помощниками, в том числе и мною.

Меркулову вторили и другие бериевские помощники. Из протокола допроса Степана Мамулова от 8 июля 1953 года:

Я лично убедился в том, что Берия – человек с чрезвычайно низким интеллектуальным и культурным уровнем. Отдельные партийные работники уверяли, что Берия за всю свою жизнь не прочитал ни одной книги. Думаю, что это соответствует действительности, я сам убедился в том, что Берия не способен к умственному труду. Он никогда по-настоящему не работал, был не в состоянии просидеть хотя бы час за серьезным делом. За него работали другие.

Секретарь Берии Борис Людвигов дополнял картину, рассказывая, что, требуя от него достать какую-нибудь книгу, Берия не умел назвать ни автора, ни заглавия книги, ни о чем она, а описывал ее цвет, формат, толщину, у кого в руках видел.

Берия, конечно, посещал юбилейные спектакли и премьеры советских драматургов и композиторов в знаменитой Тбилисской опере и Театре Руставели. В отличие от Сталина, общавшегося с писателями и не пропускавшего ни одного номера толстых художественных журналов, Берия с работниками искусств неформальных контактов не поддерживал и в тонкости литературных течений не вникал.

Интересовался Лаврентий прежде всего техникой. Годы, проведенные в строительном училище в Баку, не прошли даром. Он быстро понимал суть технологических процессов, легко выстраивал последовательность действий при возведении крупных хозяйственных объектов, имел вкус к архитектуре. Лаврентий Павлович действительно был очень хорошим менеджером. Не будь Октябрьской революции, вероятно, занимал бы важные руководящие посты, например, в той же компании Нобеля.

Берия несомненно был трудоголиком. По документам, сохранившимся в архивах ЦК компартии Грузии и частично нами публикуемых, видно, что он держал руку на пульсе всех, даже мелких вопросов, касающихся хозяйства, строительства и безопасности.

В биографии нашего героя важен принцип расстановки кадров, который он всегда соблюдал. Он верил только тем, с кем долго работал, кого видел насквозь. Поэтому в 1930-е годы происходит постепенная замена заслуженных кадровых партийных работников с дореволюционным стажем на бывших подчиненных Берии. В основном это чекисты, которых он подбирает со времен работы в Баку. Почти все они переходят на партийную службу. Деканозов отвечает за транспорт, Меркулов за торговлю, Шария за пропаганду и агитацию, Мамулов – за сельское хозяйство, Мильштейн – за физкультуру и спорт. В НКВД остались Сергей Гоглидзе, Богдан и Амаяк Кобуловы. Характерно, что все они переживут 1937 год – очень немногие из грузинского руководства.

Впрочем, судя по воспоминаниям, семья Берии жила довольно замкнуто. Близких друзей среди подчиненных у Лаврентия не было. Для открытой хлебосольной Грузии это казалось несколько странным.

Самый общеизвестный порок Берии – неудержимая тяга к противоположному полу. Об этом мы знаем довольно много, так как следователи в 1953 году сделали немало для разоблачения морального падения Берии. А опытный Лаврентий, понимая, что сей грех с точки зрения уголовного кодекса не смертельный, не отрицал очевидного и даже каялся. Правда, стоял насмерть, отпираясь от обвинений в изнасилованиях и совершении несовершеннолетних.

Первое свидетельство о том, что Лаврентий был юбочник, относится к бакинскому периоду, где товарищи публично ему ставили в вину приставание к девушкам на чекистской службе. В Грузии, с ее довольно строгими патриархальными нравами и мгновенно распространяющимися сплетнями, дать себе полной воли Лаврентий Павлович не мог. Хотя и не упускал любой возможности. По слухам, любовницей Берии была двоюродная сестра его супруги Александра Накашидзе, которую он внедрил в семью Сталина в качестве бонны Светланы Аллилуевой.

Сохранился удивительный дневник профессора, специалиста по марксизму-ленинизму Александра Соловьева, у которого был обширный партийный стаж и широкие знакомства на периферии ЦК. Ежедневно он записывал сплетни, ходившие в партийных кругах. В 1936 году Соловьев записал рассказ Жбанкова, бывшего чекиста, который жил в доме НКВД в Троицком переулке в Москве.

Под ним квартира, закрепленная за Берией для проживания во время приездов в Москву. Приезжает он часто. Говорят, любимец т. Сталина. Но в быту ведет себя очень распушено. Жбанков жалуется, когда приезжает Берия, нет никакого покоя. Пьянка, крики, женщины, песни, танцы, дым коромыслом. Раз Жбанков позвонил, чтобы я пришел к нему. Поднимаясь по лестнице, я был оглушен. С обеих сторон двери в квартиры открыты, Берия занимал обе

квартиры. Пьяные мужики и женщины оралы, не обращая никакого внимания. Впечатление очень тяжелое.

Наконец, мы лично в Тбилиси общались со свидетельницей аморальных деяний Берии: Этери Орджоникидзе, племянницей Серго Орджоникидзе. Она, будучи еще ребенком, ехала от своего знаменитого дяди из Москвы вместе с Берией и своими глазами видела, что творилось в номенклатурном поезде:

Очень Берия был, знаете, ухажер большой. Я что знаю: когда он меня вез из Москвы, через Баку тогда ехали пять дней. Поезд отдельный, с поваром, всё так готовили, что дома не можешь так, кухня у него была, что вы говорите! И все менгрельцы – то мамалыгу готовят, то кто что хотел. По дороге заведут одну женщину, на следующей станции сбросят, потом вторую, третью. Первый день она у Берии, а потом чекисты – там рядом его обслуживали – он передавал по рукам. И когда мы подъехали уже к Тбилиси, жена должна была его встретить, одна женщина не хотела сойти. И вот тайком, тайком – а курчавая такая женщина была, черноглазая, так эту женщину выгнали насильно, она кричала, орала, да что там... Испорченный был человек.

В Сухуми мы записали интервью с Адиле Аббас-оглы, вдовой шурина Нестора Лакобы. Она лично общалась с Берией в доме Лакобы в 1936 году. Дело в том, что отец Адиле был против ее раннего брака и написал жалобу Берии. Первый секретарь заинтересовался этой историей, вероятно, как компрометирующей семью Лакобы. Сразу скажем, дальнейшего развития дело не получило. Но этот простодушный рассказ деревенской девушки дает нам интересный поведенческий портрет Лаврентия Павловича. Кроме того, он отражает репутацию нашего героя в Абхазии, несомненно, навеянную слухами о его эротических похождениях.

Итак, Адиле Аббас-оглы:

2-го мая Берия приехал в Сухум. И когда он приезжал, он останавливался на даче, и приходил в гости к Нестору, как друг. И как-то появился у Нестора в доме и захотел меня увидеть, кто я. Сария прибежала к нам и сказала: «Диленька, быстро одевайся прилично и приходи, у нас очень большой гость». Сказала, что он хочет меня увидеть, потому что к нему попало письмо моего отца, в котором тот жалуется на Сарию – якобы она обманом выдала его несовершеннолетнюю единственную дочь за своего брата Гамида Джих-оглы. Сария просила меня сказать, что мне уже семнадцать и в дом Лакоба я вошла по собственной воле.

Я уже была напряжена, потому что я о нем столько слышала, перепуганная, быстро поднялась. Между Нестором и Сарией посадили меня. Когда я зашла, не знала, как себя вести, потому что я при Несторе стеснялась разговаривать, молодая еще была. А он мне шепнул по-абхазски: «Подойди и поздоровайся по абхазскому обычаю». Но абхазский обычай, знаете, гостя обнимают, целуют. И я перепуганная подошла, только я не смогла его в щеку, я пиджак поцеловала и уже меня дрожь пронзила, а он меня крепко обнял.

Сария видела мое замешательство, быстро говорит: «Иди, садись с нами». А я при Несторе рядом никогда не сидела. Ну, 16 лет, сами знаете. Выпили за Сталина, стоя все. Это у Нестора было обязательно. Первый бокал за Сталина. Второй тост Берия поднял и сказал: «За двух красивых женщин, Сария и Адиле». Я совсем растерялась. Покушали немножко, Берия отодвинул свой стул и глазами впился в меня, насквозь. Я такой страх испытала! Даже когда вспоминаю – дрожь берет меня. «Сколько Вам лет?». Я говорю: «17». «17?», так он удивленно на меня посмотрел. «Почему Ваш отец написал

письмо?». «Потому что я была молодая очень. Он не хотел, чтоб я так рано вышла замуж». А он губу выпятил и прямо кушает меня. Сверлит глазами, что он хотел, не знаю. Страх такой навел. Сария видит, что я не могу собой овладеть, она завела патефон, лезгинку и шепнула мне на ухо: «Танцуй, и держи себя свободно». А я рада была вскочить, что угодно, только бы не смотреть на его глаза страшные. И я танцую, и уже устала, а патефон продолжает, а он хлопает в ладоши. «Молодец, – говорит, – как танцует хорошо!»

В это время открывается дверь, появляется мой муж. Он узнал, что я у Сарии, там Берия. А он его же знал хорошо. Он зашел, поздоровался вежливо со всеми, а потом сказал: «Дили, ты забыла, нас ждут в гостях». Обманул. Я сейчас же выскочила, рада была, куда угодно, только бы не видеть его. Пошли домой, он мне сказал: «Я тебя прошу, когда этот человек приезжает – не показывайся».

Больше я его не видела. Только слышала, что он после Сухума поехал в Гагры, и тихо ехал, все поглядывал и увидел одну красивую девушку. А эта девушка, между прочим, родственница теперешнего нашего президента Багапша. Она очень красивая. Она знала, о нем слышала. Бедная, спряталась в мандариновые кусты и потом рассказывала: «Я так перепугалась, когда он на меня посмотрел». Вот какой человек был, понимаете? И морально, и физически, наглый, грязный человек, но он чувствовал, что он со Сталиным сблизился.

Сталин не считал «бабничество» сколько-нибудь существенным пороком. Не осуждал он и потребление алкогольных напитков. Пьянство и разврат, с его точки зрения, были пороки не смертельные, а слабости подчиненных позволяли лучше ими управлять и держать в узде.

Лаврентий Берия умел играть роль Аракчеева, «без лести преданного» слуги вождя. Он готов был выполнить любой приказ без какой-либо рефлексии. У Берии не было никаких высоких покровителей, кроме самого Сталина. Он вечно конфликтовал со своими непосредственными руководителями (позже как на подбор оказавшимися врагами народа), в нужный момент без колебаний предавая бывших друзей.

Берия и сталинизм

Идеологией первый секретарь партии на самом деле не интересовался. Мы не знаем ни одного сказанного им свежего слова в коммунистической теории. Даже зануда и бюрократ Молотов представляется гением марксизма по сравнению с Берией. Презрение к идеологии чувствуется во всей жизни и деятельности нашего героя. Внутри себя он считал, что руководствоваться следует здравым смыслом, а не отвлеченными теориями.

С другой стороны, глава закавказских коммунистов ловко ориентировался в идеологической конъюнктуре. С октября 1931 года, после того как в журнале «Пролетарская революция» было опубликовано письмо Сталина историку А. Г. Слущкому, стало очевидно: создается новая история коммунистической партии, в которой оба ее вождя – покойный Ленин и правящий Сталин – должны представлять совершенно безгрешными. Любое дело, в котором они участвовали, именно ими и возглавлялось. У них не было равных.

Как мы уже говорили, наиболее сложным для официальной биографии Сталина был закавказский период. Еще оставалось много живых свидетелей, знавших и о тех, кто совершал не меньшие революционные подвиги, чем Иосиф Виссарионович, и о «сомнительном» взаимодействии вождя с меньшевиками и дашнаками и об участии в кровавых экспроприациях.

Борьбу за «правильную» сталинскую биографию грузинская партийная печать начинает в 1932 году, как раз тогда, когда руководителем Закавказья был назначен Лаврентий Берия. В марте 1932-го «Заря Востока» перепечатывает появившуюся в «Правде» критическую статью, направленную против директора Тифлисского института истории партии Тенгиза Жгенти. Он в своей статье «Некоторые эпизоды из партийной работы после 1905 г.» якобы исповедовал «националистическую антибольшевистскую точку зрения на историю Грузии 1917–1927 года». В примечании редакция «Зари Востока» выражает удивление и возмущение тем, что грузинская печать не заметила ошибок Жгенти немедленно. Впрочем, в газете говорится, что руководитель компартии Грузии Берия уже подверг критике работу Жгенти на VIII съезде партии в январе 1932 года. После статьи в «Правде» Жгенти сняли с должности, а его работу изъяли из библиотек.

В апреле 1932 года «Заря Востока» на первой полосе перепечатывает одно из сталинских писем с Кавказа, написанное еще в 1909 году. Оно посвящено критике меньшевиков. Берия настаивает, ввиду острого политического значения этого письма, Центральному комитету Грузинской компартии следует принять специальную резолюцию, с тем чтобы все грузинские коммунисты посвятили один день на изучение этого важнейшего документа. А Институт марксизма-ленинизма за месяц должен просмотреть все исторические работы и привести их в соответствие с указаниями, данными Сталиным в письме. Через месяц в «Заре Востока» появляется и второе письмо Сталина с Кавказа, которое также следовало изучать и внедрять в современную практику.

В январе 1934 года Берия выступает с отчетным докладом на IX съезде Грузинской компартии. Он говорит о необходимости создать научно выверенную историю партии и революционного движения в Грузии. Лаврентий Павлович подвергает критике работы ветерана революционного движения Филиппа Махарадзе. Особенно его «Очерки революционного движения в Закавказье», вышедшие в 1927 году. Цитируя отрывки из книги Махарадзе, Берия обвиняет его в преуменьшении роли Сталина как вождя большевиков Грузии и борца с меньшевиками. Критике на съезде подвергается и другой старый большевик Мамия Орахелашвили. Он на съезде отсутствует, и поэтому ответить не может. А вот Махарадзе ответил. После дежурных комплиментов съезду он довольно иронически заметил, что в 1927 году «выдающаяся роль Сталина в революционном движении еще не была окончательно известна».

В 1935 году резкой критике сначала в «Правде», а затем в «Заре Востока» подверглась много раз переиздававшаяся книга Авеля Енукидзе «Большевистские нелегальные типографии». Известно, что именно Берия редактировал эту статью в «Правде». В июне того же 1935 года состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором Енукидзе исключили из партии. Возвратившись в Тбилиси, Берия пересказывает в отчете в «Заре Востока» содержание доклада секретаря ВКП(б) Николая Ежова, считая наказание Авеля Енукидзе недостаточным, прямо заявляя, что это враг нашей страны, который заслуживает самого жестокого наказания.

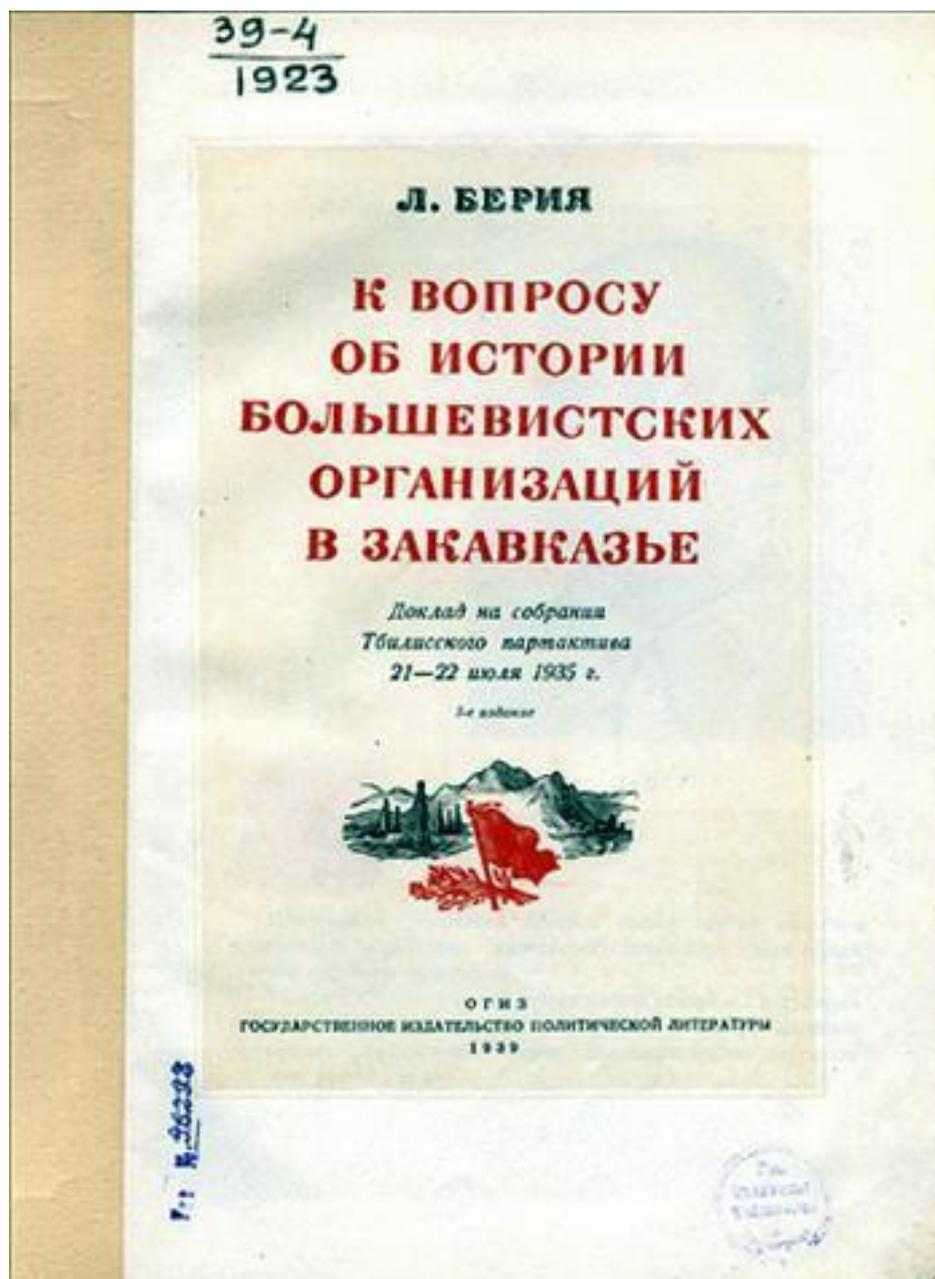
Судя по более поздним показаниям Берии, в июне 1934 года он созвал группу из двух хорошо известных ему историков партии – редактора газеты «Коммунист» Э. Бедия и ректора Тифлисского университета М. Торошелидзе, а также своего ближайшего помощника Всеволода Меркулова – и поручил им написать работу «Из истории большевистских организаций в Закавказье».

21–22 июля 1935 года Берия выступил с чтением этого труда в виде собственного доклада на Тифлисском партактиве. Доклад под авторством Берии полностью публикуется в нескольких номерах «Зари Востока», а затем «Правды». Выходит тиражом 100 000 экземпляров одноименная книга, которая выдержала затем восемь изданий. В августе 1935 года «Заря Востока» публикует инструкцию по изучению книги в каждой коммунистической организации. Выходит восторженная рецензия в главном партийном журнале «Пролетарская Революция». Официальный биограф Сталина Емельян Ярославский пишет в «Заре Востока» апологетический отклик на труд Берии под названием «Заполнен большой пробел в изучении истории большевизма».

Смысл книги Берии – показать ведущую роль Сталина в революционном движении Закавказья. Тех историков, кто это не делает, Берия обвиняет в «ошибках»:

Что же касается освещения борьбы закавказских большевиков в работах отдельных товарищей, как, например, работы тт. Ф. Махарадзе («История рабочего движения в Грузии», «О 1905 годе в Закавказье», «К 30-летию существования тифлисской организации», «Очерки революционного движения в Закавказье» и др.), А. Енукидзе («Наши подпольные типографии на Кавказе»), М. Орахелашвили («Закавказские большевистские организации в 1917 г.», Хрестоматия по истории РКП, «25 лет борьбы за социализм», под редакцией М. Орахелашвили), изд. ЗКК ВКП(б) и другие, то они содержат в себе ряд ошибок принципиального и исторического характера, допускают извращения отдельных исторических фактов и событий и недобросовестно передают отдельные моменты из истории партии.

Книга Берии начинается с изложения истории первой грузинской социал-демократической группы «Месаме-даси». В нее в 1898-м вступил И. Сталин, «внеся новое, революционное в жизнь группы». Берия с горечью замечает, что «большинство „Месаме-даси“, во главе с Н. Жорданием, не пошло дальше мирной легальной пропаганды идей марксизма и узко-пропагандистской кружковой работы с рабочими». Большинство «Месаме-даси» не признавало необходимости легальной революционной прессы, массовой политической агитации и организации политической революционной борьбы рабочего класса против царизма и буржуазии.

Титульный лист монографии Лаврентия Берии. Издание 1939 года

Внутри «Месаме-даси» в 1898 году зародилась и оформилась революционная марксистская группа – Д. Цулукидзе, Л. Кецохели и И. Сталин. Эта группа представляла меньшинство «Месаме-даси», которое по целому ряду основных вопросов расходилось с большинством «Месаме-даси».

Однако, к счастью, «меньшинству (т.т. Сталину, Кецохели, Цулукидзе) в решительней борьбе с большинством „Месаме-даси“, расширяя свое влияние в рабочих социал-демократических кружках в 1899–1900 гг., удается перевести тифлисскую социал-демократическую организацию на массовую агитацию и политическую борьбу против самодержавия». Из чего Берия делает вывод: «Эта группа (меньшинство „Месаме-даси“) послужила зародышем революционной социал-демократии».

К моменту выхода книги Берии и Ладо Кецохели, и Серго Цулукидзе давно уже лежали в земле сырой. Филипп Махарадзе, который был одним из вождей «Месаме-даси» и написал об этом мемуары, ничего не сообщал о расколе внутри группы. Да и другие старые грузин-

ские социал-демократы никогда не замечали никакого революционного триумvirата, объединенного вокруг Сталина. Довольно рискованным выглядит и утверждение Берии, что к 1898 году 20-летний Иосиф Сталин руководил восемью подпольными рабочими кружками и организовал стачку на железной дороге. Сам Сталин вспоминал об одном рабочем кружке, где он получил свое революционное крещение, но даже это представляется сомнительным, потому что в Тифлисской семинарии существовал казарменный режим, практиковались тотальный шпионаж и наушничество. Так что такая активность семинариста Джугашвили была бы сразу замечена его начальством.

Отрицали многие дожившие до 1935 года социал-демократы утверждение Берии, что именно «по инициативе товарища Сталина была созвана 11 ноября 1901 г. первая тифлисская конференция социал-демократической организации, на которой были представлены почти все социал-демократические кружки в составе 25 делегатов. Конференция избрала первый Тифлисский комитет РСДРП, в который вошли 9 членов и несколько кандидатов к ним». Например, старый меньшевик Р. Арсенидзе, состоявший членом комитета, не припомнил, чтобы Сталин был в этот комитет избран.

Самую большую сенсацию вызвало утверждение Берии о том, что Сталин совместно с Ладом Кецховели руководил подпольной типографией в Баку, печатавшей газету «Искра» и работу «Что делать?» Ленина. Это полностью противоречит появившимся до этого воспоминаниям Авеля Енукидзе и печатников Ваню Болквадзе, Виктора Цуладзе, которые вовсе не упоминали Сталина и считали своим руководителем исключительно Ладом Кецховели.

Вся концепция Лаврентия Берии о том, как молодой Сталин вначале возглавляет грузинскую социал-демократию, затем идейно громит оппортунистов-меньшевиков, становится во главе большевиков Закавказья, выглядит сомнительно. Меньшевики Грузии были боевой партией, пользовавшейся огромной популярностью у рабочих и крестьян, они сыграли огромную роль в революции 1905 года. Большевистская организация была гораздо слабее.

Книга Берии сразу стала канонической версией истории Закавказской коммунистической организации. Именно в ней впервые сформулирована идея о двух центрах большевизма – эмигрантском, который возглавлял Ленин, и внутрироссийском, где главным изначально был Сталин. Эта версия была безоговорочно принята к руководству и полностью вошла в «Краткий курс истории ВКП(б)» – единственную сакральную историю СССР.

После выхода и ошеломляющего успеха книги Берия стал позиционироваться как видный специалист по истории партии, транслирующий новую официальную доктрину. 26 октября 1935 года центральная «Правда» печатает новую статью Берии с важными теоретическими посылами.

Дело заключалось в том, что, согласно официальной истории ВКП(б), существовавшей до середины 1930-х годов, большевистская партия возникла в ходе раскола социал-демократии на II съезде РСДРП в 1903 году. В ходе голосования за устав ленинская резолюция получила большинство, поэтому его сторонники, порвавшие с теми, кто голосовал за Мартова и Плеханова, стали называться большевиками. И в скором времени на месте единой российской социал-демократии образовались две партии, большевиков и меньшевиков, одна хорошая, другая – плохая. Но в 1906 году проходят IV, а в 1907-м V съезды РСДРП, где большевики и меньшевики снова были вместе, объединившись в одну партию. И хотя настоящей дружбы между вождями русской социал-демократии так и не возникло, вплоть до 1912 года формально они составляли единую организацию.

К 1935 году такая концепция истории партии играла, что называется, на руку врагам. Почему большевики сотрудничали и, более того, состояли в одних партийных ячейках с меньшевиками, уже признанными лакеями мировой буржуазии, злейшими врагами СССР и просто кровавыми убийцами? В середине 1930-х меньшевики в глазах массового читателя должны были превратиться из политической организации в контрреволюционное отребье, с которым

большевики никогда не могли иметь дела. Важнейшую роль в исторической пропаганде уже играли меньшевистское восстание 1924 года в Грузии и приговор открытого процесса 1931 года над меньшевиками. В обоих случаях партию меньшевиков обвиняли в прямых связях с империалистическими державами, согласии на их интервенцию в СССР. Не забудем и то, что поношение Троцкого, главного врага сталинизма, основывалось на его пребывании до 1917 года в меньшевистской партии.

Теперь официально утвердилась такая точка зрения – большевики стали настоящей партией в 1912 году, когда окончательно порвали с меньшевиками.

Второй вопрос, поднимавшийся в работе Берии, – роль Сталина в руководстве большевиками. Согласно теории Лаврентия Павловича, несомненно, рожденной не в Тбилиси, а в Москве, повторимся, еще до первой русской революции образовалось два главных партийных центра: заграничный, во главе с Лениным, и российский, где верховодил Сталин. У пытливых молодых партийцев, слушателей курсов по истории ВКП(б), естественно, возникал вопрос: почему же тогда товарищ Сталин вплоть до 1912 года не входил в руководящие органы партии, в отличие от тех, кто потом замарали себя участием в разного рода оппозициях? Вот на такие вопросы и отвечает статья Берии в «Правде», делая ключевым моментом образования большевизма Пражскую конференцию 1912 года, в которой участвовали только большевики, а Сталин наконец-то был кооптирован в состав ЦК. Столь неожиданная идея не могла не вызвать недоумения среди партийцев, и понятно, что статья Берии – это не только большая честь, но трансляция точки зрения самого Сталина. Она написана в любимом сталинском жанре – ответ на письма товарищей. Статья так и называется – «К вопросу о Пражской конференции. Ответ товарищам».

Кто эти товарищи, мы узнаем из первых строк: «Ряд товарищей: Г. Демченко (Москва), И. Юновер (Ленинград), Сахаров (Баку), Лихачев (Кировабад), Мшвениерадзе (Тифлис), Акопов (Иджеван) и др., обратился ко мне с просьбой разъяснить это место моего доклада». Речь о значении Пражской конференции. Так, отдыхающий в Абхазии партийный пропагандист т. Юновер выражает свои сомнения:

Уважаемый товарищ Берия! Находясь в санатории им. 4 марта № 4 в Сухуме, прочел Ваш яркий, насыщенный глубиной доклад. Обращаюсь к Вам именно потому, что одно место в докладе читал с некоторым недоумением. В 3-м разделе доклада «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» можно прочесть следующее: «Как известно, в истории большевизма Пражская конференция большевиков является поворотным пунктом, ибо она оформила раскол с меньшевиками, изгнала из партии ликвидаторов-меньшевиков и положила начало существованию большевистской партии.»

В своей пропагандистской работе я иначе излагал принципиальное существование Пражской конференции. Можно ли утверждать, что «она оформила раскол с меньшевиками»? А самое для меня недоуменное место, что она «положила начало существованию большевистской партии». Не считаете ли Вы возможным уточнить это место, тем более что в учебниках истории партии не всегда даются четкие выводы о значении Пражской конференции. Вашим разъяснением многим мне поможет в дальнейшей работе.

Более того, адресаты прямо полемизируют с Берией, приводя знаменитую цитату Ленина:

Другие товарищи (т. Сахаров, Лихачев, Акопов) считают неправильным высказанное мною положение и находят, что данная формулировка противоречит известному указанию Ленина о том, что «большевизм

существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 г.».

Объяснение Берии таково: между 1906 и 1912 годами большевики, будучи по существу самостоятельной политической силой, «еще не довели этот раскол до полной и окончательной ликвидации формального объединения с меньшевиками».

А вот в 1912 году на Пражской конференции, «оформив раскол с меньшевиками, большевики вышли навсегда из организационных рамок объединенной партии с одним общим ЦК во главе. Тем самым эта конференция оформила большевиков в отдельную социал-демократическую партию. Поэтому с Пражской конференции большевизм стал и формально самостоятельной партией. В этом суть вопроса».

Эта идея Берии позже целиком войдет в знаменитый «Краткий курс истории ВКП(б)», изданный в 1938 году:

Пражская конференция выбрала большевистский Центральный Комитет партии. В состав этого ЦК вошли Ленин, Сталин, Орджоникидзе, Свердлов, Спандарьян и другие (среди этих неупомянутых других – агент департамента полиции Роман Малиновский и Григорий Зиновьев. – *Авт.*). Был создан практический центр для руководства революционной работой в России (Русское бюро ЦК) во главе с тов. Сталиным. Пражская конференция, изгнав меньшевиков из партии, оформила самостоятельное существование большевистской партии.

В том же 1935 году было принято решение об издании полного собрания сочинений Сталина (реально оно появилось только после войны), Лаврентий Берия стал членом редколлегии, ответственным редактором нескольких томов. То есть Берия практически выдвигался на пост идеолога партии, толкователя учения Ленина – Сталина. До него эту позицию занимали Николай Бухарин и Григорий Зиновьев, а с 1929 года Емельян Ярославский, автор льстивой рецензии на брошюру Берии. Конечно, выбор Сталина может показаться причудливым. Только что избранный членом ЦК 35-летний малоизвестный в партии человек без всякого теоретического образования становится голосом Отца народов. При этом, как многим известно, Лаврентий абсолютно был не подготовлен для теоретической работы. Очевидно, доверие генсека связано с некими персональными качествами главы Закавказья, и ему уготован путь наверх. Впрочем, главным теоретиком Берия так и не стал, на эту позицию выдвинулся Андрей Жданов. Но это ничуть не помешало дальнейшей блестящей карьере Берии.

Судьба тех, кто упоминался в труде Берии как фальсификаторы истории, сложилась, конечно, трагически. Авель Енукидзе, Мамия Орахелашвили были расстреляны. Тенгиза Жгенти от расстрела спасло только самоубийство.

А вот Филиппа Махарадзе Сталин неожиданно пощадил. Конечно, ему пришлось показаться, опубликовав статью «В порядке самокритики» («Заря Востока», 4 февраля 1936 года). Берия готовил в 1937-м его арест, но вмешательство Сталина не позволило это сделать. Он получил синекуру в виде ничего не значащей должности председателя Верховного Совета Грузии и умер в своей постели в возрасте 73 лет. В этом случае Сталин оказался милосерднее Берии (подобная история случится и с другим старым большевиком Сергеем Кавтарадзе, о чем мы расскажем позже).

Понятно, что большую часть подобных книг крупные руководители партии обычно сами не писали. Трудно представить, чтобы первый секретарь на месяц-другой бросил все дела и ушел в изучение жандармских архивов и работ молодого Сталина. Поэтому особых упреков в привлечении к работе над политически важной книгой целой команды специалистов Берия ожидать не мог. Однако судьба сложилась так, что вопрос об авторстве книги пытался использовать в своих целях конкурент Берии за место под солнцем Николай Ежов. В результате судьба

авторов, вышедших в свет под коллективным псевдонимом «Лаврентий Берия», в основном также сложилась печально. Об этом мы подробнее расскажем в шестой главе.

Гори

В 1935 году начинается строительство величественного всесоюзного музея Сталина на его родине в Гори. Музейный комплекс в Гори стал признанным официальным местом поклонения уже в 1930-х годах. Это в некотором смысле коммунистический Вифлеем, где скромная хижина, в которой родился вождь, контрастировала с огромным памятником и помпезным зданием музея. Такой грандиозный проект, несомненно, был одобрен Сталиным еще на стадии замысла.

В связи со строительством музея одноэтажный провинциальный Гори был реконструирован для приема правительственных делегаций. Основные положения по данному вопросу нашли отражение в постановлении Заккрайкома (№ 11, от 3/Х–34 г.). Указанным постановлением специалистам поручалось «составить проекты и сметы по постройке театра, кино, гостиницы, дома крестьянина, библиотеки-читальни и по работам реставрации дома, в котором жил тов. Сталин. Одновременно решено построить заводы известковый и кирпичный для данного строительства и отпустить на приступ к работе 300 тыс. рублей...».

В 2008 году, когда наша киногруппа посетила Гори, музей выглядел довольно печально. В главном корпусе не было электричества, везде присутствовали следы запустения и пренебрежения. С другой стороны, там толпилось немало туристов и просталински настроенных ветеранов с красными знаменами, окружавших внука Сталина Евгения Джугашвили, почетного гостя этих мест. Интерес представляет единственный сохранившийся салон-вагон Сталина, в котором он ездил на Потсдамскую конференцию.

Дирекция музея, как и большинство наших грузинских собеседников, приняла нас очень приветливо, хотя и чувствовалась некоторая неуверенность этих людей в исполняемых ими функциях – официальное отношение к Сталину в независимой Грузии – резко отрицательное. В 2010 году памятник Сталину в Гори демонтировали.

В 1930-е годы Берия подчеркивал свое особое преклонение перед Сталиным и близость к нему. Он организовал переезд Екатерины Георгиевны Джугашвили (Кике), матери Сталина, в Тифлис, поселил ее в роскошной квартире на Эреванской площади в самом центре города. Они с супругой часто навещали старушку. В 1934 году Светлана Аллилуева, Василий Сталин и Яков Джугашвили навестили бабушку в столице Советской Грузии. Остановились они в квартире Берии, побывали на его даче, а с бабушкой общались всего полчаса, причем в присутствии Нины Берии. В следующем 1935 году, в октябре месяце, Сталин сам посетил Тифлис, чтобы повидаться с матерью.

31 октября «Заря Востока» публикует интервью с Екатериной Джугашвили, в котором она говорит:

Пришел наш Лаврентий и объявил, что Сосо приехал, уже в городе и сейчас появится. Открылась дверь, и появился он сам. Радость? – говорит она. – Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна испытать я – мать? Мы садимся в просторной светлой комнате, посередине которой – круглый стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья, над кроватью – портрет сына. Вот он с Лениным, вот молодой, в кабинете. – Пришел неожиданно, не предупредив. Открылась дверь – вот эта – и вошел, я вижу – он. Он долго целовал меня, и я тоже. – Как нравится тебе наш новый Тифлис? – спросила я. Он сказал, что хорошо вспомнил о прошлом, как жили тогда. Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь, и было сыро. Питались плохо. Но никогда, никогда

я не помню, чтобы сын плохо относился ко мне. Всегда забота и любовь.
Примерный сын!

Дом, в котором родился Сталин. Гори

Мемориал Сталина в Гори

Лев Лурье на подножке вагона Сталина в Гори

Мать Сталина, Лаврентий Берия, Нестор Лакоба и Иосиф Сталин в тбилисской квартире. 1935

Сталин не был нежным, примерным сыном и даже не приехал на похороны матери в июне 1937 года. В почетном карауле у гроба стояло грузинское руководство во главе с Берией. Похоронена Екатерина Георгиевна была возле церкви Святого Давида на горе Мтацминда в Тбилиси, там, где погребен Грибоедов.

К 1937 году Берия определенно становился кандидатом на повышение. Родная Сталину Грузия под его руководством совершила мощный экономический рывок. Он опекал мать Сталина Кике в Тбилиси, написал важную книгу о начале революционного пути Иосифа Виссарионовича и создал роскошный музей Сталину в Гори. Он никогда не примыкал ни к какой партийной оппозиции. А среди представителей ленинской гвардии у него не было друзей. Берия был человек дельный, безжалостный, готовый в кратчайшие сроки и наилучшим образом выполнить любой приказ вождя. Важнейшим экзаменом для определения будущего Берии станет эпоха Большого террора 1937–1938 годов.

Глава 4. Месть благодетелям

Благодаря следственным делам Лаврентия Берии и бериевцев мы знаем о терроре в Грузии больше, чем в других республиках СССР. Из допросов палачей, которые сами стали обвиняемыми, известны страшные подробности методов следствия и казней. Слово «бериевщина» стало нарицательным как общее обозначение чудовищного произвола и садизма.

Большой террор в Грузии имел свои особенности. Здесь было расстреляно 0,15 % (пятнадцать сотых процента) человек по отношению к численности населения. В лагеря отправлено 0,18 % (восемнадцать сотых процента) населения. То есть всего репрессирована треть процента населения. Сравнительно с другими регионами это относительно немного. Выше цифры репрессий в Армении, Белоруссии, Казахстане, Таджикистане, Туркмении, Украине, Молдавии, в большинстве автономий Российской Федерации. Больше всего в России пострадало население Карелии – 1,1 % населения. Также высоки показатели в Сибири. В Западно-Сибирском крае было репрессировано 0,87 %, в Красноярском крае 0,93 %. На Северном Кавказе серьезным репрессиям подверглись Кабардино-Балкария (0,93 %) и Чечено-Ингушетия (1,03 %). В процентном отношении в среднем по СССР было репрессировано 0,47 %.

В официальных статистических данных фигурируют три категории репрессированных: бывшие кулаки, уголовники и другие контрреволюционные элементы.

В Грузии 74 % – политические, всего 8352 человека, из которых 4990 расстреляли; 8 % осужденных составляли уголовники, 28 % – кулаки. Структура репрессий в Грузии резко отличается от всесоюзной.

По всей стране политические – треть осужденных, 16 % – уголовники, 51 % – кулаки.

Можно предположить, что практически сплошному уничтожению подлежала вся политически активная грузинская часть населения: и коммунисты, и бывшие меньшевики, и национал-демократы, и дашнаки. Что касается «национальных» операций, то они не могли иметь такого размаха, как в других регионах. Немцев, поляков, финнов, корейцев, китайцев в Грузии немного. Подверглись арестам турки, персы, а в Абхазии – эстонцы. Тем больше удивляет процент репрессированных «контрреволюционеров».

Как мы уже писали, коллективизация в Грузии прошла значительно мягче, чем, скажем, на Украине, на Кубани, на Дону. Гораздо меньшим был и процент раскулаченных, а соответственно, и скрывшихся с мест ссылки, которых снова отлавливали в 1937-м. А именно они, как мы видим, составляли в других регионах большинство арестованных.

Можно сказать, террор в Грузии отражал личность и жизненную позицию самого Берии. Он был прагматиком, чуждым любой идеалистической идеологии. Поэтому грузинские политики и интеллигенты казались ему «слишком умными», вызывали подозрение. Когда-то они его презирали, теперь он их уничтожал. Его ненависть можно назвать классовой. Крестьянский сын, получивший на медные деньги образование, не мог не чувствовать неприязнь и ревность к детям князей, врачей, адвокатов, литераторов, учившимся в лучших российских и западных университетах. Мальчик из Мерхеули по своему воспитанию, манерам, языку, культурному багажу никак не мог войти в элитарные круги грузинской столицы, как ни старался. С точки зрения Берии, он работал, поднимал сельское хозяйство, промышленность, строил будущее, а они только болтали. Над Лаврентием иронизировали, рассказывали обидные анекдоты о его грубости и невежестве. А у него была долгая память.

Берия был так политически удачен еще и потому, что его психология была близка сталинской. Кадровая революция, начавшаяся в 1929 году и закончившаяся Большим террором, предполагала замену дореволюционной интеллигенции выпускниками советских рабфаков и вузов и почти полное уничтожение старой партийной элиты. Как и Берия, Сталин долгое время был в тени Троцких, Зиновьевых, Бухариных с их знанием языков, опытом эмиграции и марк-

систской премудростью. Ко всякого рода «умникам» Сталин относился с такой же неприязнью, как Берия. Неслучайно из всех секретарей республиканских компартий на плаву после Большого террора остались только Лаврентий Берия и его ставленник Мир Джафар Багиров.

Уничтожение Орджоникидзе

23 октября 1936 года в Тбилиси арестовали старшего брата Серго Орджоникидзе – заместителя начальника Закавказской железной дороги Папулию Орджоникидзе. Это старый большевик, до революции он работал на железной дороге телеграфистом, дежурным по станции; еще тогда познакомился со Сталиным. Ключевых постов никогда не занимал, известен был как человек общительный, веселый, но также вспыльчивый и порою даже вздорный.

Жил Папулия в одном доме с Лаврентием Берией и никакого почтения к соседу и высокому начальнику не испытывал: наоборот, прилюдно оскорблял. Рассказывали, что он приходил в Закрайком и громко, при всех работниках аппарата, вопрошал: «Этот жулик будет сегодня принимать?» Берии об этом было, конечно, известно.

Мы побывали и в этом доме, и в гостеприимной семье Папулии Орджоникидзе, которая по-прежнему там живет, и услышали несколько семейных историй о быте этого некогда престижного номенклатурного дома и конфликтах Папулии с Лаврентием в 1930-е годы.

Инга Джибути, внучка Папулии Орджоникидзе, рассказала нам:

Этот дом построили, как я помню, в 1931 году, и дедушка работал уже на Закавказской железной дороге. Замначальника был и партийную организацию еще возглавлял. А Берия уже был знаменитым чекистом, и этот дом был ЧК. Берия предложил дедушке перейти на эту квартиру, они жили до этого на улице Ленина.

Застолье здесь, в этом доме, было, и Лаврентий тоже присутствовал среди гостей. И была очень интересная, красивая женщина, за которой он начал непристойным образом ухаживать. Это дедушка заметил, вызвал его в коридор и там ему дал пощечину. И еще раз он дал пощечину, это уже все соседи помнят. Когда из деревни приехали крестьяне с какими-то просьбами и охрана не впускала их, а дедушка услышал в комнате, что там крестьяне. У одних были дети больные, другие хотели куда-то в вуз поступить, он помогал очень многим. Если у кого-нибудь болел ребенок, он давал вагон, говорил, поезжай куда хочешь, на тебе деньги на лечение, вылечи ребенка. Он был очень внимательный к своей родной деревне. И когда узнал, что охрана их не пускает, то сказал:

– Ко мне приехали люди, а вы не пускаете!

Да, говорят, приказано.

– Кто приказал?

– Лаврентий Пальч.

Ой, он начал его ругать. Конечно, Берия слышал наверху, спустился, и дедушка ему дал пощечину, так что тот споткнулся и чуть не упал, там же, при людях, на крыльце. Соседи даже помнят. Они говорили нам, детям, что вы можете гордиться, у вас дедушка был такой бесстрашный, что он даже Берии дал пощечину. После этого Берия решил как-то помириться с ним. На первом этаже была бильярдная, где все соседи собирались, играли в бильярд. Он предложил тоже одну партию, а дедушка не согласился и кием заехал Берии прямо по голове. Так что эта палка, по-моему, даже переломилась. И он лежал, говорят, две недели, но после этого, конечно, он больше не захотел помириться.

Еще до ареста дедушкиного Серго приехал сюда, но не зашел к брату, прямо поднялся наверх к Берии. А когда дедушка вышел и услышал его

голос, то спросил: ты что, не зайдешь к нам? Серго сказал: нет. Ему не нравилось, что брат ему всегда говорил, что настанет время, может быть, меня не будет, но вы все равно поймете, что это большой проходимец, как он Берию называл. Проходимец, именно так. Что он из себя корчит большевика, он не большевик. Он открыто это все говорил, не боялся. Серго был уверен, что Берия – это находка, большая находка для партии. Я даже вот вспомнила еще, мне говорили, что у Серго была пластинка, где записана была речь Берии. Он говорил, ты из меня сделал большевика, спасибо тебе за это. Как будто он был благодарен ему, но он всячески подкапывал землю, чтобы его угробить. Он, оказывается, несколько раз говорил, что между мной и Сталиным ни одного грузина. И он выполнил...

Этери Орджоникидзе, дочь Папулии Орджоникидзе:

Серго Орджоникидзе приезжал сюда и останавливался у Берии. На четвертом этаже, в этом самом доме. Папа очень обиделся. «Что ему надо, – говорит, – Берии? Берия, – говорит, – дашнак был в Баку». Потому Берия преследовал его. Папа знал, какой он был человек, а Серго не верил. Он говорил: «Папулия, Берия не враг нашей семьи».

Как известно, Лаврентий был человеком злопамятным и мстительным, но самостоятельно разделаться с Папулией Орджоникидзе он не мог. В то же время, став главным человеком в Закавказье, Берия заметно поменял свое отношение к Серго, которому был обязан карьерой. Изменился даже тон писем с подобострастного на суховато-деловой. Тем более, Берия понимал, что скандально известный Папулия – ахиллесова пята Орджоникидзе в Грузии.

В своем письме от 2 марта 1933 года Лаврентий не скрывает раздражения по поводу поведения старшего брата Серго:

Два слова о Папулии. Говорил с ним несколько раз, даже людей посылал к нему повлиять на него. Предлагал ему самостоятельную работу наркома легкой промышленности, наркома труда, Закжелдорстроя (строительство Черноморки, Джульфинки и пр.). Может быть, правда, с ним несколько угловато вышло, но так уж случилось. Уговаривал его долго, но ничего не помогало: отказывался от всякой работы, дулся, ругался и грозил объявить голодовку.

Сегодня говорил с ним снова, договорился с жел[езной] дорогой (т. Розенцвейгом), и Папулия согласился работать нач[альником] отдела контроля и исполнения Зак[авказских] жел[езных] дорог.

Думаю, что вопрос этим самым исчерпан.

Ваш Лаврентий Берия.

2/III 33 г.

Существует множество свидетельств, что Берия все чаще открыто проявлял неприязненное отношение и к самому своему бывшему шефу.

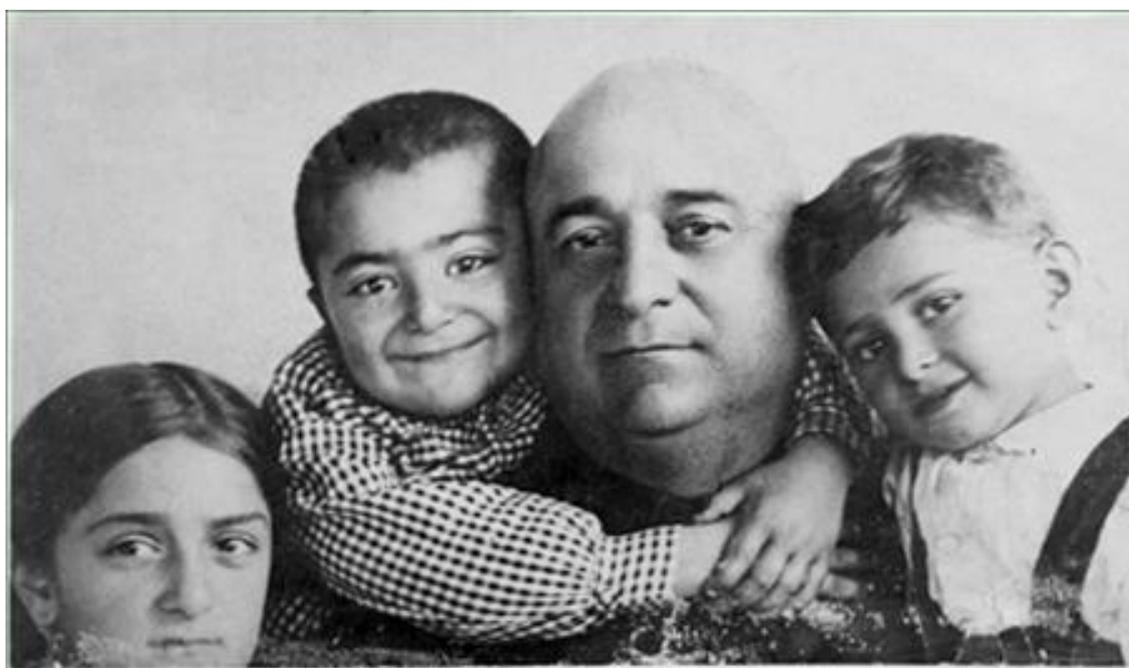
Из показаний подчиненного Берии С. А. Гоглидзе:

Как мне приходилось наблюдать до 1934–1935 гг., Берия, во всяком случае внешне, относился к Орджоникидзе положительно, а затем наступил какой-то резкий перелом, и Берия в присутствии меня и других лиц допускал в отношении Серго Орджоникидзе резкие высказывания пренебрежительного характера. Помню, что Берия обвинял Орджоникидзе в том, что тот навывдвигал негодных людей на ответственные посты, а те ходят к Орджоникидзе, наушничают и сплетничают ему, как бы в отношении Берии,

и что Орджоникидзе этим людям верит. У меня складывалось впечатление, что Берия говорил это в результате какой-то личной злобы на Орджоникидзе и настраивал против него других.

Папулия Орджоникидзе (в центре) с братом Серго и его женой Зинаидой. 1917

Папулия Орджоникидзе с внуками

Этери Орджоникидзе, дочь Папулии Орджоникидзе

Серго и Зинаида Орджоникидзе

О ненависти Берии к Орджоникидзе рассказывали и другие ближайшие люди Берии. «Мне известно, – показал П. А. Шария, – что Берия внешне относился к Серго Орджоникидзе как бы хорошо, а в действительности говорил о нем в кругу приближенных всякие гадости».

Да и сам Орджоникидзе чувствовал враждебность Берии. Бывший первый секретарь компартии Армении Георгий Арутюнов сообщал в письме Никите Хрущеву в августе 1954 года:

Я случайно присутствовал, когда между заседаниями 17-го съезда (1934 год) т. Орджоникидзе упрекал Берию в том, что он преследует всех тех лиц, которые бывают у него, что Берия пытается дискредитировать т. Орджоникидзе в Грузии. При этом Орджоникидзе называл фамилии Кахеани, Торшелидзе и других, которых Берия систематически травит и преследует.

Бывший второй секретарь Кабардино-Балкарского обкома М. Звонцов, арестованный в 1938 году, так рассказывал на допросе о беседе между руководителем партийной организации этой республики Беталом Калмыковым и Орджоникидзе:

Бетал задал вопрос: «Товарищ Серго, до каких пор этот негодяй будет возглавлять закавказскую парторганизацию?» Серго ответил: «Кое-кто ему ещё доверяет. Пройдет время, он сам себя разоблачит».

Во время следствия по делу Берии в 1953 году первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Багиров сообщил, что в 1936 году Орджоникидзе подробно расспрашивал его о Берии и отзывался о последнем резко отрицательно. Из этих разговоров было ясно, что «Орджоникидзе тогда понял уже всю неискренность и вероломство Берии, решившего любым средством очернить Орджоникидзе».

Руководитель Закавказья, Лаврентий Павлович, молодой человек, только что принят в ЦК. Орджоникидзе – живая легенда. Берия никогда бы не стал отзываться о своем бывшем покровителе презрительно, если бы не чувствовал: отношение к Серго меняется и у самого Хозяина. И эта тенденция была ему как нельзя кстати. Он помнил унижения, которые претерпевал от окружения Орджоникидзе в Грузии. Теперь Серго оставался единственным препятствием для расправы над обидчиками.

Сильный удар по окружению Орджоникидзе был нанесен в 1935 году. Был обвинен в потере бдительности по так называемому «кремлевскому делу» Авель Енукидзе, старый друг Сталина и Орджоникидзе, бонвиван и жизнелюб. С высокой должности секретаря ЦК его перевели в Кисловодск руководить кавказскими курортами.

Показательны выводы Сталина, которые отражены в его письме Кагановичу от 8 сентября 1935 года:

Посылаю Вам записку Агранова о группе Енукидзе из «старых большевиков» («старых пердунов», по выражению Ленина). Енукидзе – чуждый нам человек. Странно, что Серго и Орахелашвили продолжают вести дружбу с ним.

Бесило вождя и то, что Орджоникидзе не отмежевался, а покровительствовал Бесо Ломинадзе, откровенно антисталинскому человеку.

Протоколы допросов эпохи Большого террора не слишком надежный источник. Под пытками люди говорят обычно то, что хотят от них добиться следователи. Но показания Мамии Орахелашвили, данные им в тюрьме, ценны именно тем, что они отражают то, что от него хотели услышать об Орджоникидзе (Архив МВД Грузии).

В сентябре 1937 года бывший первый секретарь Заккрайкома М. Д. Орахелашвили, арестованный НКВД, подписал такие показания:

Большое влияние на меня оказал Серго Орджоникидзе, который еще в 1936 году, говоря со мной об отношении Сталина к тогдашним лидерам Ленинградской оппозиции (Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Залуцкий), доказывал, что Сталин своей чрезмерной жестокостью доводит партию до раскола и в конце концов заведет страну в тупик... Будучи очень тесно связан с Серго Орджоникидзе, я был свидетелем его покровительственного и примиренческого отношения к носителям

антипартийных контрреволюционных настроений. Это, главным образом, относится к Бесо Ломинадзе. На квартире у Серго Орджоникидзе Бесо Ломинадзе в моем присутствии после ряда контрреволюционных выпадов по адресу партийного руководства допустил в отношении Сталина исключительно оскорбительный и хулиганский выпад. К моему удивлению, в ответ на эту контрреволюционную наглость Ломинадзе Орджоникидзе с улыбкой, обращаясь ко мне, сказал: «Посмотри ты на него!», – продолжая после этого в мирных тонах беседу с Ломинадзе. Примерно в таком же духе Серго Орджоникидзе относился к Левану Гогоберидзе. Вообще, я должен сказать, что приемная в квартире Серго Орджоникидзе, а по выходным дням его дача (в Воьльнском, а затем в Сосновке), являлись, зачастую, местом сборищ участников нашей контрреволюционной организации, которые, в ожидании Серго Орджоникидзе, вели самые откровенные контрреволюционные разговоры, которые ни в какой мере не прекращались даже при появлении самого Орджоникидзе.

С середины 1930-х годов статус Серго Орджоникидзе в глазах Сталина заметно упал. Но довести близкого товарища по борьбе с троцкистами и правыми до скамьи подсудимых казалось невыносимым. Между тем, Большой террор был неизбежен. Серго же, наряду с Максимом Горьким, являлся последней всесоюзно известной, многократно прославленной фигурой, которая могла помешать пыткам и казням, вступаясь за многочисленных друзей и подчиненных.

Известно, что Сталин часто проверял лояльность своих ближайших помощников, арестовывая близких им людей. Будут ли они выступать против или окончательно смиряться? В разное время в заключении находились жены Молотова и Калинина. Брат Лазаря Кагановича Михаил покончил жизнь самоубийством в ожидании неминуемого ареста. Для Серго таким заложником становится родной брат Папулия.

Лаврентий много лет вынашивал идею мести Папулии Орджоникидзе. И теперь время пришло. Папулия, пользуясь положением своего младшего брата, напомним, постоянно прилюдно оскорблял руководителя коммунистов Грузии. А кроме того вел разговоры, которые в то время расценивались как антисоветские. Дерзость не прощалась никому. Поэтому арест его был произведен в рамках, что называется, обычного права. И приговор Папулии по тем временам был вынесен достаточно мягкий – 5 лет ссылки.

Целей своих Сталин и Берия добились. Арест родного брата стал серьезнейшим ударом по Серго Орджоникидзе. Неслучайно было выбрано время ареста – за день до 50-летнего юбилея Григория Константиновича, который вся страна шумно праздновала 24 октября 1936 года.

Это был удар ниже пояса, которого Серго никак не ожидал. Еще 11 августа 1936 года он получил льстивое письмо Лаврентия:

Дорогой Серго, получил Ваше письмо о сборнике, посвященном Вашему 50-летию. Решение об издании такого сборника в связи с Вашим юбилеем есть твердое решение бюро Заккрайкома ВКП(б) и руководящего коллектива республик. Поэтому убедительно просим Вас не возражать.

Ваши доклады и статьи также обязательно необходимо в сборник включить. Многие в них сохраняют свою полную силу и до сегодняшнего дня. Это необходимо также для воспитания масс молодежи. Просим дать Вашу санкцию на опубликование намеченных докладов и статей в сборник к юбилею.

Родные Папулии так вспоминают о тех событиях. Инга Джибути, внучка Папулии Орджоникидзе:

Когда сын Берии родился, когда он его крестил, родители в честь Серго Орджоникидзе дали ему имя Серго, и после этого он был для всех Серго Берия. Ну, наверно, где-то не в городе крестили, а где-то неподалеку. Но вообще все были крещенные. Потому что у Лаврентия Берии мать была набожная, верующая. Марта была замечательная женщина, как вспоминают все. Когда между Ниной Берией и Лаврентием Берией были разговоры о том, как надо обязательно Папулию арестовать, Марта спустилась и дедушке сказала, ты знаешь, что я слышала разговор, что тебя хотят арестовать, давай уезжай куда-нибудь. А он сказал, куда я должен уехать, везде меня найдут, я ни в чем не виновен, я никуда не уеду. И все, на второй день, как известно, его арестовали на работе.

Этери Орджоникидзе, дочь Папулии Орджоникидзе:

Папу арестовали в тридцать шестом году, двадцать третьего октября. Я помню последний день. Около Оперы, папа шел туда, и он нам дал три рубля и сказал: «Ага, дети мои, купите вы, какие конфеты любите». Называются так: с орехами нуга. И когда я обернулась, он, обернувшись, смотрел на нас, махнул рукой и ушел. Потом нас призвали, когда его выслали, в НКВД, чтоб мы видели его. Вот такая маленькая форточка, и он показался, в белой бороде. «Подсудимый Орджоникидзе, без разговору!» Он махнул рукой и ушел. И ушел от нас из глаз.

Нина Джибути, внучка Папулии Орджоникидзе:

Сталин и Орджоникидзе были близкие друзья очень – так грузины умеют дружить. Серго же работал в Тбилиси с двадцать первого года по двадцать шестой, он был секретарь ЦК трех республик – в Грузии, в Азербайджане и в Армении. Серго был большой человек. А со Сталиным Серго познакомился в девятьсот третьем году, когда еще Серго учился здесь. С девятьсот третьего года. Даже в музее у нас есть письмо, как они друг к другу обращались: «бичо». Бичо – это «парень» на русском языке. Есть у меня фотокопия этого письма. Но Берия только пользовался именем Серго, который был очень популярный человек.

Папулия пострадал из-за Серго, только из-за Серго, ведь именно к дню 50-летия арестовали дедушку. И Серго сказал, дайте я своего брата сам допрошу. Нет, говорят, он враг народа, он хотел убить Сталина и Берию. Чтобы Серго как-то очернить, именно начали с его близких, братьев, двоюродных братьев, однофамильцы тоже пострадали, в деревне многие, те, кто дружили с этой семьей.

Еще до ареста Папулии в наркомате тяжелой промышленности, возглавлявшемся Серго, прокатилась волна арестов. В частности, в сентябре 1936 года в тюрьме оказался первый заместитель Орджоникидзе Георгий Пятаков. Серго оставалось только смириться и открыто отмежеваться от близких людей на ближайшем февральско-мартовском пленуме 1937 года. Орджоникидзе написал проект своего выступления и показал его Сталину, но тот потребовал более жестких формулировок и выводов, настаивал на покаянии в «утере бдительности».

В квартире наркома, пока он находился на службе, произвели обыск. Узнав об этом, Орджоникидзе немедленно позвонил Сталину и выразил свое возмущение. Сталин в ответ заявил: «Это такой орган, что у меня может сделать обыск. Ничего особенного...» Утром следующего дня у Орджоникидзе произошел разговор со Сталиным с глазу на глаз. После возвращения Орджоникидзе домой состоялся телефонный разговор со Сталиным, как писал био-

граф, «безудержно гневный, со взаимными оскорблениями, русской и грузинской бранью». Затем, 18 февраля 1937 года, Серго покончил жизнь самоубийством. В газетах сообщили, что умер он от паралича сердца.

Этери Орджоникидзе рассказала нам:

У Серго Орджоникидзе в доме все было государственное: стулья, посуда – все. У него собственного ничего не было. Серго домой очень поздно приезжал. Он нарком тяжпром. Ему все звонили до утра: соедините там, соедините здесь, соедините – и под утро приходил домой. И дома тоже все время звонили. Знаете, какой Серго был – жизнерадостный очень. Но очень деловой. Он бы не простил капли лжи никому. Мне говорят мои дети: ты настоящая Орджоникидзе. Я не дам в обиду никогда никому сама, и сама я не приму незаслуженную обиду.

О самоубийстве Серго что я знаю. На второй день был Пленум. Его должны вывести были из Политбюро. И он это узнал, под утро он застрелился. Когда туда вошли, Лаврентия была у них домохозяйкой, и она сказала: что-то хозяин не просыпается. И когда Зина вошла, Зинаида Гавриловна Павлуцкая, он лежал внизу, застрелился. Потом мы хотели поехать на похороны. Мама очень хотела, билеты купили, все, и когда мы пришли к поезду, чтоб сесть, нам говорили: ваши билеты неправильны. Отобрали у нас билеты и сдали начальнику. Мы туда пошли, а поезд двинулся и уехал. Не пустили. Так и не попали на похороны.

Теперь у бывшего грузинского руководства не оставалось защитников в Москве. А Берия мог окончательно расправиться и с семьей своего бывшего покровителя. Как сообщал Генеральный прокурор СССР Роман Руденко:

В августе 1937 года Папулия Орджоникидзе по распоряжению Берии был вновь арестован и этапирован с места ссылки в Тбилиси «в связи с тем, что в процессе следствия по делу контрреволюционной троцкистско-террористической организации, совершившей убийство С. М. Кирова, выяснились новые обстоятельства контрреволюционной деятельности Орджоникидзе П. К.». Из показаний арестованных соучастников Берии видно, что дело по обвинению П. Орджоникидзе находилось на особом контроле Берии. После того как П. Орджоникидзе в течение нескольких дней подвергался избиениям, «от него были получены показания, что он состоял членом контрреволюционной организации и намеревался совершить террористический акт в отношении Берии, о чем якобы знал С. Орджоникидзе». Ложность этих показаний очевидна даже из записи протокола допроса П. Орджоникидзе, продолжавшегося неделю. Признав себя виновным в контрреволюционной агитации, П. Орджоникидзе далее заявил: «В чем конкретно выражались эти контрреволюционные высказывания, я постараюсь вспомнить».

10 ноября 1937 года старший брат Орджоникидзе был расстрелян. Подверглась репрессиям вся семья Орджоникидзе. Органы арестовали жену Папулии Нину. 29 марта 1938 года «тройка» приговорила ее к десяти годам лагерей. Но 14 июля ее дело было рассмотрено вторично, и 15 июля 1938 года Нина Орджоникидзе была расстреляна. В 1938 году жену Серго Орджоникидзе – Зинаиду Гавриловну Павлуцкую – приговорили к десяти годам заключения. Тогда же были осуждены к высшей мере наказания другой брат Орджоникидзе Иван и его жена Антонина. В 1941 году арестован третий брат – Константин. Был расстрелян также племянник Орджоникидзе Георгий Гвахария, директор Макеевского металлургического завода.

Бериевец Сергей Гоглидзе показал на следствии в 1953 году:

Я считаю, что Берия к делам Папулии Орджоникидзе, Бедии и Дарахвелидзе проявил личную заинтересованность и мстительность. Нужно иметь в виду, как я уже показывал раньше, Берия по складу характера деспотичен, мстителен и мелочный человек, особенно в тех случаях, когда он стремился достигнуть какой-то цели. Он не терпел никаких возражений, чужого мнения и авторитета других. Везде и всюду он хотел быть первым, добиваясь этого любыми средствами, в которых он не стеснялся, особенно в тех случаях, когда можно было использовать органы НКВД и какие-либо компрометирующие материалы на неугодных ему лиц. Я хочу сообщить еще об одном деле, вызывающем у меня большие сомнения, особенно в связи с разоблачением Берии. В 1941 году по указанию Берии был арестован Орджоникидзе Константин Константинович, который был осужден Особым совещанием НКВД СССР на пять лет тюрьмы за распространение, якобы, клеветы на вождя. В 1945 году ему тем же Особым совещанием был увеличен срок еще на пять лет, но после истечения и этого срока он находился во Владимирской тюрьме. Как мне докладывали, осужденный Орджоникидзе длительное время протестовал против заключения его в тюрьму и его возражения доходили до буйства. С материалами дела его я не знакомился и не знаю, кто непосредственно вел следствие по его делу, но мне это дело представляется сомнительным...

В семье Орджоникидзе в Тбилиси так вспоминают те страшные годы.
Этери Орджоникидзе:

За что папу арестовали? За Берию. Больше ничего. Сидел он очень мало здесь в НКВД. Его выслали в Верхнеуральск, в политизолятор. Потом, когда Серго умер, он привез обратно папу и звонил в свое НКВД, что, когда Папулию будут допрашивать, позовите меня, я буду допрашивать – и он его избивал лично. Пострадали все братья, все трое. Даже соседи из деревни – всех перестреляли. Из нашей семьи пострадало восемнадцать человек – из нашего круга.

Помню суд в Тбилиси над бериевцами. Эта самая тройка: Гоглидзе, Кобулов и третий – Церетели. Эта тройка подписывала на расстрел. Списки такие большие, и когда спрашивали у Церетели: неужели ты не помнишь, как ты подписал? «Я Папулию близко знал, – заплакал он, – я не подписывал». А когда ему показали подпись и целый вот такой список – он заплакал. Вот это я помню, своими глазами видела.

Гоглидзе вину не признавал. Но они очень переживали, что они ошиблись. О, Берия такой хитрый был. Они все ругали его: он нас обманул. Знаете, что он делал? Составлял списки, а подписывала эта тройка. А списки не показывали, потом заполняли. Серго помог Берии. Стать человеком помог. А потом он вот так отплатил.

Инга Джибути, внучка Папулии Орджоникидзе:

Папа мой работал в Гаграх строителем, и мама с папой поехали отдыхать с друзьями. Там был теплоход «Победа», где был очень хороший ресторан. Когда мама с папой туда поехали, вдруг перекрыли дорогу. Говорили, Берия идет, Берия идет! Перекрыли всю дорогу, и охранники никого не впускали на теплоход, ни выпускали, пока Берия не спустился. А у него там была,

оказывается, дача. Мама мне говорила, что было так страшно. Я говорю, почему? Я испугалась, чтобы Берия меня не узнал. Я, говорит, за спиной моего папы пряталась, чтобы Лаврентий меня не узнал и чтоб Нина не узнала меня. Когда они прошли и людям сказали, что уже все, вы можете подняться на теплоход, мы, говорит, с отцом поднялись, и меня все дрожь брала, у меня был все время страх, что он меня увидел и узнал. Я помню, какие они пришли взволнованные. Страх был очень сильный.

Когда маму выслали из этой квартиры, когда мы жили совершенно в другом районе, там соседи спрашивали, вас еще не выселяют? Мама говорит, у меня чемоданы сложенные, чего вы пугаетесь нас? Вы же троцкисты, семья троцкистов, зачем вас переселили сюда. И этот страх всегда был, вы знаете, ночью, если кто-нибудь стучал, мы умирали от страха. Каждый стук и каждый незнакомый голос. Маме уже казалось, что кто-то следит за нами.

Люди, которые не заслуживали такого жестокого обращения, они были уничтожены. Тем более моя бабушка. Когда бабушку арестовали, она была вся в трауре, потому что у нее погиб сын 19-летний, от туберкулеза. Я вот в марте родилась, а ее арестовали в феврале. Ей было сорок два года. Была очень интересная, очень красивая, из хорошей семьи. Арестовали бабушку и расстреляли в 38-м.

Нина Джибути, внучка Папулии Орджоникидзе:

Папулия очень любил семью, своих детей и свою жену. У них старший сын погиб в 34-м или 35-м году, и мама часто говорила, если б он остался живой, Берия его б тоже арестовал, потому что он все время с отцом, даже на фотографиях, везде с отцом. Из-за дедушки еще пострадали его даже друзья из района. Когда дедушка сидел, Берия говорил, что в мой кабинет его вызовите, при мне допрашивайте, и он избивал на допросах, принимал тоже участие в избивании, были люди, которые это рассказывали потом, как он издевался над ним. А бабушке говорили, подпиши, что твой муж враг народа, что он против советской власти, а бабушка не подписывала, поэтому ее расстреляли в 38-м году уже. А про нее никаких документов нигде нету, как будто ее и вообще не было, не существовало.

Едва в газетах закончили публиковать пышные некрологи, соболезнования и отчет о похоронах Орджоникидзе, как появились резко обличительные выступления и статьи в адрес виднейших в прошлом грузинских руководителей: Б. Мдивани, М. Окуджавы, М. Торшелидзе, С. Кавтарадзе, П. Агниашвили и др. При том что арестованы они были в большинстве еще в конце 1936 года, только в феврале, сразу после смерти Серго, началась публичная кампания по их изобличению. В основном это были те, кто примыкал в прошлом к «национал-уклонистам» или участвовал в троцкистской оппозиции. Все они давно раскаялись и занимали скромные должности в партийно-государственном аппарате. Но эти известные на всю республику имена старых заслуженных революционеров нужны были для организации первого большого политического процесса в Грузии.

Хотя судебное разбирательство еще не состоялось, газеты обвиняли этих людей в шпионаже в пользу Германии и Японии, вредительстве на оборонных предприятиях, организации крушения поездов, попытках реставрации капитализма, террористическом заговоре с целью убийства Сталина, Берии, Молотова и уже покойного Орджоникидзе.

Разгром Абхазии

Еще одним человеком на Кавказе, кроме Серго, которого было неудобно уничтожить открыто, являлся глава Советской Абхазии Нестор Лакоба.

Грузино-абхазские отношения никогда не отличались особой теплотой.

Поэтому когда в 1918 году Грузия стала независимой, Абхазия начала добиваться отделения. В годы Гражданской войны меньшевистской национальной гвардии во главе с Валико Джугелией приходилось не раз прибегать к огню и мечу, подавляя сепаратистов. Большевики использовали стремление абхазов к независимости для борьбы сначала с грузинскими меньшевиками, а затем с «национал-уклонистами».

После оккупации Грузии Красной армией, 31 марта 1921 года, создается формально независимая Абхазская ССР, во главе которой стоял Ревком, возглавлявшийся Нестором Лакобой. «Независимая» красная Абхазия просуществовала до 17 февраля 1922 года. Затем Абхазия вошла в состав Грузии, сохранив широкую автономию со своей собственной конституцией. Вероятно, Сталин и Орджоникидзе, отвечавшие в Москве за Кавказ, считали, что такая маленькая республика не может наравне с Закавказской Федерацией, Россией, Украиной и Белоруссией подписывать союзный договор об образовании СССР. Лакоба стал председателем Совнаркома Абхазии, формальным и неформальным лидером республики. В большинстве других регионов главным считался первый секретарь местной компартии, в Абхазии же – глава правительства. Влияние Тбилиси на Сухуми не было определяющим. Вся внутреннюю и кадровую политику в Абхазии проводили Нестор Лакоба и его ближайшее окружение.

Абхазия – маленькая страна с большими традициями горской демократии. Поэтому такой человек, как Нестор Лакоба – желанный гость на всякой свадьбе, опекун сирот, вождь, разрешающий споры, прекращающий кровную вражду, – был здесь очень кстати. При этом он обладал естественной демократичностью, гостеприимством, обаянием. Влияние Нестора Лакобы распространялось далеко за пределы его республики – потому что именно в Абхазии предпочитали отдыхать крупные партийные работники.

Внешне Сталин относился к Лакобе с искренним расположением, абхазский лидер служил для генсека независимым источником информации о кавказских делах. Партийный работник Владимир Ладария писал Лакобе:

Уважаемый и дорогой Нестор!.. Будучи в Сочи, видел Сталина в доме отдыха ЦИКа, расспрашивал все время, где Вы, приедете ли, да здравствует Абхазия, кричал и пел абхазские песни.

В 1934 году вышла книга «Сталин и Хашим (1901–1902 гг.)» с предисловием Н. Лакобы о революционной деятельности Сталина в Батуми. Сталин внимательнейшим образом следил за всеми воспоминаниями о себе. Мемуары Хашима Смырбы, изданные Нестором, ему понравились. 15 марта 1935 года Абхазская АССР была награждена орденом Ленина. Такой же орден получил и Нестор Лакоба. В марте в газетах была опубликована фотография: «Берия и Лакоба на заседании VII съезда Советов СССР». Осенью того же года Лакобу наградили орденом Красного Знамени. Сталин подарил ему свою фотографию со знаменитой трубкой и, как никогда, щедро надписал: «Товарищу и другу Лакобе от И. Сталина. 7.XII.35 г.».

«Однажды, осенью 1935 г., я сам был очевидцем такого факта, – вспоминал Эраст Акшба. – Идя по Кодорскому шоссе к мосту, я случайно встретил прогуливавшихся в этом районе Сталина, Лакобу Нестора, Берия и сопровождавших их лиц. Когда они прошли мост, подошли автомашины, и Сталин вместе с Лакобой сели в один автомобиль, причем Сталин взял под руку Лакобу, посадил его на сиденье, сел с ним рядом, и они уехали, а остальные

на других автомашинах поехали вслед за ними. Во время приездов И. В. Сталина в Абхазию Лакоба Н. организовывал его охрану и отдых и вместе они проводили очень много времени».

Пятнадцатилетию Абхазской АССР была посвящена значительная часть «Правды» от 4 марта 1936 года. На первой странице фотография: «Товарищи Сталин, Орджоникидзе, Микоян и председатель ЦИК Абхазской АССР Н. Лакоба в Сухуме. Снимок сделан в 1927 году, публикуется впервые».

Нестор Лакоба. 1934

Именно Нестор Лакоба (об этом мы писали во второй главе) способствовал сближению Берии и Сталина. Вплоть до 1932 года отношения между Лакобой и Берией были товарищеские, ровные. Как вспоминал знавший Нестора с детства Серго Берия:

По каким-то позициям взгляды отца и Лакобы совпадали, по другим они спорили, но на их дружбе, отношениях между ними это не сказывалось. Отцу, знаю, импонировало, что Лакоба искренне хотел процветания Абхазии. Это был человек дела, пусть и увлекающийся, но последовательный и деятельный.

В 1933 году Лакоба и Берия вместе посещали дачу на Холодной Речке: сохранилась фотография – Лакоба, Сталин, Ворошилов и Берия. В 1935-м – Нестор и семья Берии вместе отдыхали на озере Рица.

Однако и для Сталина, и для Берии настоящих друзей не существовало, были только политические интересы. А они все больше расходились с интересами Лакобы. Лаврентий Павлович ненавидел тех, кому был хоть чем-нибудь обязан. Так было с Орджоникидзе, так будет со Сталиным. Публично Берия говорил про Лакобу с восхищением, за спиной – интриговал.

Отношения между вождями Абхазии и Закавказья начали портиться по мере усиления позиций Лаврентия. По сведениям историка Станислава Лакобы, в декабре 1932 года новый глава Закавказья даже объявил руководителю Абхазии официальный выговор, впрочем, отмененный Сталиным. В 1954 году Серго Берия показывал на допросе:

Берия внешне находился в хороших отношениях с Нестором Лакобой – председателем Совнаркома Абхазии, – а фактически очень плохо относился к Лакобе. Это я знаю потому, что еще при жизни Лакобы Берия в моем присутствии в разговоре с И. В. Сталиным рассказывал ему о Н. Лакобе в плохом освещении. Берия, например, говорил о каком-то восстании абхазцев (Дурипшский сход февраля 1931 г. – *Авт.*) и что впереди вооруженных абхазцев шла мать Н. Лакобы, чтобы в нее и, следовательно, в повстанцев отряды НКВД не стреляли, так как ее знали.

Существовали и реальные противоречия между Берией и Лакобой, между Грузией и Абхазией. Вспоминает М. Х. Гонджау:

Поскольку я находился в течение длительного времени на ответственной партийной работе, то мне известно, как происходила борьба против Н. Лакобы и его сторонников. Должен прежде всего сказать, что центральным вопросом, вокруг которого происходила борьба, – это было открыто не высказываемое нигде мнение о том, что Абхазия должна входить непосредственно в РСФСР, не быть в составе Грузинской ССР. Поэтому прошлое руководство Грузии, и в частности Берия, боялись, как бы Абхазия не вышла из состава Грузинской ССР. Поэтому принимались все меры к тому, чтобы опорочить Нестора Лакобу.

«Мы считали, – показывал на допросе в августе 1937 года один из „лакобовцев“ Д. И. Джергения, – что политика, проводимая ЦК Грузии в Абхазии, есть не что иное, как желание ЦК КП(б) Грузии и его руководителя Берии превратить Абхазию в неотъемлемую часть Грузии и заселить ее грузинами». В протоколе допроса С. С. Туркия от 21 июля 1937 года сказано:

Кажется, в 1935 г. были введены единые номерные знаки для автомашин с надписью «Грузия» для Грузии с автономными республиками. Как только получили эти знаки в Сухуми, Н. Лакоба воспретил автоинспекции их реализовывать, а сам начал телеграфно ставить вопрос перед Тбилиси о введении для Абхазии отдельных номерных знаков с надписью «Абхазия». Этого он добился.

Понятно, что судьбу Лакобы, а значит, и его окружения, решал не Лаврентий, а сам Хозяин. У Сталина, по слухам, был план – перевести Нестора в Москву, в НКВД, чтобы замечать Ягоду. Но Нестор всеми силами этому противился. Он понимал – должность расстрельная. Тем более со многими будущими подсудимыми по большим политическим процессам его связывали дружеские отношения. Если это было так, то отказ Лакобы не мог не вызвать раздражение и подозрение Сталина. В результате на место Ягоды пришел Ежов. А участь Нестора была предreshена.

В последний раз Лакоба встречался со Сталиным в конце 1936 года. Нестор был делегатом VIII Всесоюзного съезда Советов (25 ноября – 5 декабря), принявшего Конституцию СССР. Спустя несколько дней после возвращения из Москвы Нестор был срочно вызван к Берии на партактив. Вечером 26 декабря 1936 года Лакоба выехал в Тбилиси. Остановился в гостинице «Ориант».

Дальнейшие события, как часто бывает на Кавказе, окутаны таким количеством легенд, что точно утверждать, что на самом деле случилось, невозможно. Известно, что вечером 27 декабря Лакоба был приглашен матерью Берии Мартой на семейный ужин. Подавали форель, которую Нестор очень любил. Как всегда бывает за грузинским столом, пили вино, произносили тосты. После этого вождь Абхазии в сопровождении Берии и его супруги Нины отправился в тбилисскую оперу. Накануне декады грузинского искусства в Москве здесь шла постановка первого грузинского балета «Мзечабуки» («Солнце-юноша»).

В театре Лакобе стало плохо. После первого же акта Нестор отбыл в гостиницу, где прошли последние часы его жизни. По дороге Нестор встретил уполномоченного представителя Абхазии в Грузии Анастаса Энгелова. Именно он рассказал супруге Лакобы Сарие важные подробности. По словам Энгелова, в гостинице Нестор сидел у открытого зимнего окна и, задыхаясь, повторял: «Убил меня Лаврентий-змея»... Поэтому в Абхазии все считают, что во время ужина Лаврентий Павлович подсыпал то ли в вино, то ли в рыбу какой-то медленнодействующий яд. Так или иначе, сорокатрехлетний горец, не страдавший никакими серьезными недугами, скоропостижно скончался 28 декабря в 4 часа 20 минут утра. Вскрытие производилось в больнице им. Камо в Тбилиси. Врачами, производившими вскрытие, версия отравления не рассматривалась. В правительственном сообщении говорилось, что Лакоба умер от сердечного приступа.

Хоронили Нестора согласно обычному партийному церемониалу. Тело перенесли из больницы в Дом Красной армии. Проститься с Лакобой пришли тысячи тбилисцев. В почетном карауле у гроба стоял Лаврентий Берия с супругой. Они принесли траурный венок с надписью: «Близкому другу – товарищу Нестору. Нина и Лаврентий Берия». Лаврентий лично помогал нести гроб, что запечатлено на фотографии. Вечером тело Нестора Лакобы было отправлено поездом в Сухуми. От станции гроб несли на руках до дома Лакобы. Похоронили Нестора в Сухумском ботаническом саду со всеми возможными почестями. Первая абхазская женщина-летчица Мери Авидзба совершила над тысячами скорбящих сухумцев несколько кругов на самолете.

Но уже на похоронах стало ясно, что отношение к Лакобе в верхах резко изменилось. Берия на церемонии не присутствовал, Сталин даже не прислал телеграмму с соболезнованиями. В центральной закавказской газете «Заря Востока» не было опубликовано некролога. 3 января 1937 года появилась лишь маленькая заметка о состоявшихся похоронах. Уже в конце месяца в государственных учреждениях начали снимать портреты бывшего абхазского вождя. А в феврале с его телом происходит и вовсе дикая, кошунственная история.

В архиве МВД Грузии сохранились показания на допросе 17 ноября 1954 года бериевца Р. А. Гангии:

Лакоба Нестор был захоронен в Ботаническом саду. Спустя месяц примерно после похорон... было объявлено, что он является врагом народа. По приказанию Пачулии (нарком внутренних дел Абхазской АССР) я лично участвовал в переносе праха Нестора Лакоба из склепа... Останки его были перевезены на Михайловское кладбище, а могила в Ботаническом саду была снесена.

Должен сказать, что когда мы закапывали труп Нестора Лакобы на Михайловском кладбище, то неожиданно к месту нового захоронения прибыли жена Нестора Лакобы и его мать, а также жена Михаила или

Василия Лакобы... Как они могли узнать о том, что останки Нестора Лакобы переносятся, я точно не знаю.

Лаврентий Берия помогает нести гроб Нестора Лакобы

Нестор Лакоба в гробу

Нестора тайно похоронили на Михайловском кладбище в безымянной могиле, которая значилась под № 3672. Естественно, после этого слухи о том, что смерть Лакобы была не случайной, только усилились. Мы никогда точно не узнаем, от чего именно умер руководитель Абхазии. Очевидно только одно: смерть Нестора была на руку Сталину и Берии, сразу после нее в Абхазии развернулись массовые репрессии.

Писатель Фазиль Искандер:

Я смутно помню похороны Лакобы, помню толпы людей на улицах. И помню, что это, конечно, никто не говорил, я во всяком случае этого не слышал, что Берия его отравил. Говорили, что он умер, погиб. Отсюда ну такое очень большое мрачное оживление людей. Вот это я помню. Очень много людей было на улицах. А больше ничего не помню. Возможно, мои родители, близкие, уже из боязни, что я невольно кому-нибудь расскажу, при мне об этом не говорили. Я ничего не знал. Ну, что мне было там 37-й, 38-й год – девять-десять лет.

Адиле Аббас-оглы, вдова шурина Нестора Лакобы:

Лакобу Берия вызвал срочно. А это был конец декабря, холодная погода, даже мелкий снег иногда сыпал. Он тепло оделся, вызвал своего шофера. А шофер был его как бы телохранитель. Свидетель всего. Он боялся ехать в Тбилиси, это чувствовалось. Сария быстро оделась, а мы все стоим, смотрим, мать, я, родственники. А он повернулся и говорит: «Сария, ты сейчас со мной не поедешь». «Как не поеду? Как не поеду, Аполлонович?», она его так называла. «Не поедешь. Все в Тбилиси смеются, когда я с тобой еду. Жену сделал телохранителем. Мне надоело эти упреки слышать. Категорично. Не поедешь и всё!». И даже провожать не разрешил. Только он вышел в коридор, спустился по лестнице и бух! – выстрел. Сария закричала: «Ой, Боже мой! Нестора убили!». Быстро мы все выскочили. Даже вспоминать страшно. А он стоит, дверь парадная открыта, играет с пистолетом. «Это я стрелял. Сария, я теперь понял, что если со мной что-нибудь случится, ты не переживешь». Улыбается. А у нее слезы текут. Зима, холод. Укутали ему ноги, и все. Это последнее было прощание, и машина уехала.

На второй или на третий день Берия его вызвал к себе. О чем они говорили, его шофер не слышал, потому что двери плотно закрыли. Нестор выскочил оттуда ни живой ни мертвый. И за сердце схватился, ему плохо стало. А он остановился в гостинице «Ориант» и шоферу говорит. «Знаешь, ты меня одного не оставляй. Куда бы я ни шел, будешь свидетелем. Этот человек коварный». И прилег отдохнуть. Через некоторое время телефонный звонок. Нестор приподнялся, взял трубку, а разговаривала с ним жена Берии. Она говорит: «Нестор Аполлонович, – это шофер рассказывал потом, – Нестор Аполлонович, кабинетные ссоры пусть не вмешиваются в нашу семейную дружбу. Мы накрыли стол, я вам пожарила любимую рыбу форель. Приезжайте немедленно». А Нестор говорит: «Я очень усталый, мне очень плохо, я не могу приехать». Она опять позвонила, а потом мать Берии, но ему неудобно стало – старуха просит его. И он говорит своему шоферу: «На минутку меня не оставляй». Поехал, конечно. А куда деваться? Сидели только Берия, жена и Нестор. А шофер крутился где-то, потому что Берия не мог его открыто прогнать.

Стол шикарно был накрыт. И Нина говорит: «Нестор Аполлонович, покушайте что-нибудь». Нестор говорит: «Нет, спасибо, я недавно плотно

поужинал». «Ну, хоть рыбу попробуйте, вы же любите форель». Принесла в тарелочке рыбу. А он не прикасается, почему-то у него предчувствие было. «Ну, съешьте хоть немножко». Тогда он взял не голову, а хвостовую часть, немножко поел, как они ни приставали. Берия налил коньяк, выпили за Сталина. Как видно, в этом бокале уже была отравка. Потому что через несколько минут Нестор сказал, повернулся к шоферу: мне, говорит, плохо, поедem в гостиницу. А жена: «Нестор Аполлонович, ну что вы? Вы же гость у нас?». «Я устал. Я должен отдохнуть». В общем Берия свое дело сделал, но, как видно, он мало съел, и на него смертельного действия не было.

Поехали они в гостиницу. Только он лег отдыхать, а уже вечер, Берия звонит: «Нестор, приходи в театр, сегодня новая опера». Нестор встал, по-абхазски выругался и говорит: «Что он ко мне прицепился? Поедем, ты должен быть со мной». Он говорит: «Чего ехать, тут пять шагов». Они спокойно пришли в театр и первый акт посмотрели. А потом они пошли, где сцена, в комнату для больших людей. Берия его пригласил. В это время находилась там жена Шлатэ. А Шлатэ в Сухуми занимал большую должность. Несколько минут прошло – вдруг шум поднялся. Что такое? Нестору плохо! Оказывается, Нестор выпил коньяк, уронил бокал и упал без чувств. Он потерял сознание. Его вначале повезли в гостиницу, а потом Берия ему приставил своих врачей. Он еще живой был, он сказал по-абхазски – «сершид» (убили меня) и потерял сознание. И в 4 часа ночи Нестор был уже покойник. Его анатомировали. «Еще не остыл – анатомировали», – это сказал шофер.

Ночью в Сухуме в квартире звонки. Это было где-то начало седьмого, шесть часов, а мы слышим страшный крик. Выскочила девушка, которую взяла моя свекровь на воспитание. «Ой, вставайте все! Тетя Сария так кричит, что ее держат мужчины. Полный двор народу». Оказывается звонили, что Нестор от сердечного удара скончался. Но они все поняли, в чем дело. Все вошли во двор со слезами, плачут, шапки сняли. «Кто его убил? Кто его убил?»

Теперь Берия, он дальновидный, устроил в Тбилиси похороны. Вот такую пачку фотографий, снимали, как его несли, как его в поезд положили, как народ провожал, как все плакали. И поезду дано указание – на каждой станции останавливаться до Сухума, и чтобы встречали с цветами и с музыкой. В этот день такой снег шел, народу! Все рыдают, все плачут, а я молодая, не пойму в чем дело, почему все люди плачут. Вот так его, оказывается, любили все. Все национальности. Привезли его домой. Но когда шофер ей дал понять, что он не умер собственной смертью, Сария ночью послала своего младшего брата, по телефону не стала, к врачу. Рядом на нашей улице жил Семиржиев, врач, который дружил с ним. Она его вызвала и спросила его: «Я тебя прошу, вскрый его, определи, действительно ли отравлен или от сердца?». Он до рассвета рассматривал всё и нашел в горле. Он говорит, салициловая, или, как его называется, кислота какая-то. Что он действительно отравлен, пятно осталось. И она, видно, поделилась с кем-то, и этот слух дошел до Берии. Мерзавец! Везде шпионы были.

Прошло какое-то время, портреты Нестора стали исчезать. И уже где-то в середине января первый секретарь обкома был, которому Нестор что-то хорошее сделал, или он его хорошо знал, уважал – не знаю, он вызвал Сарию. «Немедленно зайди». Она мне говорит: «Диля, идем со мной, кто его знает, зачем меня зовут». Еще арестов не было. Мы с ней прибежали, он посмотрел и сказал мне: «Вы посидите в приемной, а я с ней должен

поговорить». Секрет. Она зашла. Ну, минут пятнадцать, наверно, разговор шел. А я жду, думаю, зачем он ее вызвал? Вдруг она выскочила, волосы растрепаны, красная, трясется. Извините меня, я подумала, что там роман какой-то был. Оказывается, он ей сказал: «Сария Ахметовна, немедленно выкопай труп, хотят его публично придать оскорблениям и сжечь».

Сария срочно послала вызов матери Нестора, чтобы она немедленно приехала. Вечером уже поздно, темно – мать и она берут сумочки и уходят. И через некоторое время приходят, а в сумочках белые камушки. Оказывается, они ходили на берег, чтобы никто их не видел, белые камушки собирали. Набрали эти сумки и исчезли днем. Куда-то уехали. Как потом выяснилось, они поехали на Михайловское кладбище. Потому что до этого Берия успел выкопать Нестора из могилы в Ботаническом саду и оттуда с позором перевезти его на Михайловку. Сария и мать поехали с камушками на кладбище, а кладбищенский сторож очень уважал Нестора и он знал, где его похоронили ночью. Она ему говорит: «Я тебя прошу, вот эти камни – обложи могилу, потому что ночью мы не сможем найти. И мы придем, его надо выкопать и убрать отсюда». Ночью она, мать и мой муж, еще кто-то – не помню, поехали на кладбище. Нашли могилу. Выкопали Нестора, вытащили с гробом. А машина была «эмочка» называлась. Нестор маленький, маленького роста. Они его положили, прикрыли. Поехали в Гудауты.

В Гудаутах Сария сказала: «Знаешь, дорогой мой брат, ты уезжай. Мы будем хоронить с матерью. Нас, даже если будут истязать, мы никогда не скажем – где. А тебя могут заставить сказать». И он вернулся. Один. Грязный. Под утро пришел. Я слышу разговор в комнате. Я вышла из спальни. А он матери своей все это рассказывает. Как они выкопали, как сторож помог, как они повезли. И когда он повернулся, меня увидел: Адели, ты ничего не слышала. Я говорю – не волнуйтесь. Я нигде это не скажу.

Где похоронили Нестора, никто не знает, но слух разнесся. Как бешеный Берия приехал. Около десяти машин поехали на кладбище. Могила была просто засыпана. Схватил сторожа и сказал – мерзавец. И сторожа убили, и семью уничтожили. Вот как получилось. Это было где-то в конце апреля, может, в начале мая. Мы все убитые сидим. Знаем, что Берия все равно не оставит в покое. Уже открыто говорили: Нестор – враг народа. Нестор – предатель. Первого в семье арестовали младшего брата моего мужа. Который строил дорогу Сухум – Рица. И до августа месяца больше никого не трогали. Но аресты шли. В августе мой муж со своей сестрой Назией поехали в Батум. Прислал письмо, чтобы я поехала к нему в Батум. И я 2 августа пошла на пристань. А навстречу идет мой товарищ. Мавро. Грек. Он меня остановил. Вернись. Почему? Возьми себя в руки, я тебе сейчас страшную вещь скажу. Только что я был в порту. И вижу – с парохода сошли твой муж и брат его. Хаки. Уже арестованы.

А мой муж его знал хорошо, что он мой товарищ. Он ему так знак сделал, что, мол, сообщи. И я в ужасе страшном вернулась домой. Сария говорит: Что случилось? Случилось страшное. Сария, возьми себя в руки. Эмди арестовали, Хаки арестовали. Только что Мавро передал. Сария так кричала, так кричала, так плакала. Она села. И нам говорит: садитесь все. Сейчас расскажу вам сон, какой я видела страшный. И мой сон исполняется. В зале я, говорит, Раусик маленький, держу в руках. И как будто бы метаюсь. Кругом все горит. Не могу найти выход, чтоб спасти ребенка. И, когда я голову

подняла, где меньше огонь, голова Эмди, голова Мечиты, голова Хаки, голова Лутви. Всех братьев, говорит, увидела. Моя мама стала успокаивать. Сария, не надо реагировать. Нет! Что-то с братьями случится. Так кричала, так плакала. И 17 августа пришли за ней. И потом пошли массовые аресты. Моего отца с братом посадили. Они погибли в Магадане. Назию арестовали. Фамилию Берия люди боялись говорить. Боялись. Он пол-Гудауты арестовал. Скажите, где похоронен этот негодяй?!

Станислав Лакоба, историк, родственник Нестора Лакобы, рассказал нам:

Бывший председатель Совнаркома Абхазии, ну, естественно, уже после гибели Лакобы, был такой старей в Тбилиси Михаил Элбар, он перед смертью мне рассказал о том, как происходила его встреча со Сталиным. Как он приехал туда с Мгиладзе и Сталин принял их. И потом неожиданно вдруг спросил: а как Лакоба? Ха, представляете, это был сорок девятый год! Элбар, естественно, стал ругать Лакобу, говорить о том, что Лакоба это не абхазский народ. Сталин повернулся к окну и задумчиво сказал: бедный Нестор, бедный Нестор. И ушел. Причем они очень долго его ждали, потом пришла охрана и сказала уходить. Вот и вся встреча. То есть видите, сорок девятый год. Ну конечно, Сталин мог играть, но вместе с тем он мог и посентиментальничать, может быть, вспоминая, как его принимал Лакоба. И все эти так называемые сталинские дачи – это дачи Лакобы, там Нестор подбирал все эти места. И Холодную Речку, и Рицу, и Мусеру, Афонскую дачу – в общем-то все дачи ему показал Нестор Лакоба. И самый светлый-то период его жизни, он, наверное, был именно с этим временем связан.

Сария и Нестор Лакоба

Сария Лакоба с сыном Рауфом

Тотальная чистка местного руководства касалась не только Абхазии. В 1937–1938 годах руководители автономных республик и их окружение уничтожались практически поголовно. В октябре – ноябре 1937 года прошел судебный процесс над тринадцатью бывшими руководящими работниками Чувашии. В Татарстане тогда же арестовали всех членов и кандидатов в члены бюро обкома партии и почти всех сотрудников аппарата, за исключением нескольких технических работников, почти всех секретарей городских и сельских райкомов. 7 октября 1937 года в Грозном был созван расширенный пленум Чечено-Ингушского областного комитета. На этом пленуме был отдан приказ об аресте всех чеченцев и ингушей, являющихся членами Чечено-Ингушского обкома. Они были арестованы тут же, в зале пленума. В Грузии было уничтожено практически все руководство Аджарии и Южной Осетии. Так что судьба партийной элиты Абхазии была предрешена.

Ордера на аресты ближайших родственников Нестора – Михаила и Василия Лакоба, Меджита Джих-оглы были выданы уже 8 апреля 1937 года, еще до знаменитого оперативного приказа № 00447, одобренного Политбюро 31 июля, с которого принято вести отсчет Большого террора. Возможно, Лаврентий Берия действовал в Абхазии согласно собственной политической имперской доктрине. Он считал, что в Грузии может быть только один руководитель и подчиняющаяся ему беспрекословно властная вертикаль. Всякого рода автономии, имевшие особый статус, мешали его абсолютной власти в республике.

Степан Мамулов, в 1937 году третий секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии, показывал в 1953 году на следствии:

Я наблюдал, что Берия и Лакоба внешне соблюдали хорошие отношения, а после смерти Лакобы Берия на бюро ЦК стал прямо заявлять, что в Абхазию нужно больше посылать работников мингрельцев, так как в Абхазии абхазцев мало и чуть ли не меньшинство. Ранее этого Берия не заявлял.

То же показал и А. М. Деян:

Я хочу отметить, что Н. Лакоба правильно проводил национальную политику в Абхазии. В период его деятельности в СНК Абхазии его заместителями были греки, армяне, мингрельцы. Но после «лакобовского процесса» в 1937 г. стала проводиться со стороны Берии такая политика, что армянин, русский, грек не могли найти работу в Абхазии. Все ответственные посты стали заниматься только грузинами, мингрельцами.

20 июля 1937 года Берия писал Сталину о преступной деятельности Н. Лакобы на основе выбитых на следствии показаний:

Н. Лакоба рассказывал Г. Мгалоблишвили о том, что им ведется активная подрывная диверсионно-вредительская работа в сельском хозяйстве Абхазии в целях свержения советской власти и создания «самостоятельной» Абхазии под протекторатом Англии или Турции.

Лакоба рассчитывал, что в случае провала организации он уйдет в Турцию, где у него приготовлено убежище среди проживающих там лазов и абхазцев...

Считаю необходимым также арестовать и после следствия выслать за пределы Закавказья жену и мать Н. Лакоба, которые тесно были связаны с группой ныне арестованных членов к.р. группы Н. Лакобы и ведут себя очень подозрительно.

30 июля 1937 года состоялся VIII съезд ЦИК Абхазии, который принял новую конституцию автономии. Ее принимал уже на три четверти обновленный состав: тридцать депутатов из сорока одного были арестованы или умерли. 15 августа 1937 в газете «Советская Абхазия» вышла статья М. Делбы «Беспощадно бороться с врагами народа», в которой Нестор Лакоба изобличается как «крупный авантюрист и классовый враг», а также «троцкистский пигмей» и «поганенький, замаскированный троцкистский гад». Лакобе ставилось в вину и руководство «кулацким восстанием» 1930 года, и троцкизм, и особенно абхазский национализм. За национализм досталось и наркомуну просвещения Зантарии:

Питая животную ненависть к грузинскому народу, к грузинской культуре, разнузданный пошляк Зантария, будучи в течение 5-ти лет наркомпросом Абхазии, особенно пытался дезорганизовать учебу и организацию грузинских школ. Но настало время, партия разоблачила мерзавца Зантарию – этого душевно и физически разложившегося дегенерата.

Также одну за другой печатает разоблачительные статьи центральная «Заря Востока». Накануне большого абхазского процесса, 6 октября, публикуется материал «Буржуазные националисты в абхазском государственном издательстве». Главная вина этих националистов в том, что на абхазский язык не был переведен классический труд Лаврентия Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Также не хватает учебников на армянском языке и нет положения о выборах в Верховный Совет на греческом.

9 октября выходит статья «Выкорчевать до конца буржуазное националистическое отребье». Здесь клеймится уже упомянутый наркомпрос Зантария и его подчиненные, которые «держат в детских домах сыновей помещиков, князей и кулаков». Грубые ошибки совершают журналисты газеты «Советская Абхазия», даже Ботанический сад возглавляют очевидные националисты.

28 октября 1937 года в Сухумском театре начинается открытый процесс по делу тринадцати обвиняемых: В. Ладария (секретарь Абхазского обкома), М. Чалмаз (нарком земледелия), М. Лакоба (управляющий трестом «Абхазтабак»), К. Инал-Ипа (директор курорта в Гаграх), В. Лакоба (управляющий трестом «Абхазнефть»), Д. Джингелия (председатель рай-

исполкома в Гаграх), А. Энгелов (представитель Абхазии в Тбилиси), С. Туркия (управделами ЦК), П. Сейсян (райздрав в Гаграх), М. Кишмария (председатель сельсовета), С. Эбжноу (замдиректор совхоза), Х. Чанба (председатель колхоза), К. Ахуба (беспартийный).

Десятеро обвиняемых – абхазы, трое других – представители основных национальностей республики – армянин, грузин, грек. Все они обвинялись в том, что входили в «диверсионно-террористическую группу обер-бандита Н. Лакобы, готовившего покушение на вождя народов Сталина и на его верного соратника тов. Берия». Согласно обвинению, деятельность преступной группы началась с организации выступления в Лыхнах в 1931 году, о котором мы уже писали. Берия тогда помог выгородить Лакобу, спустить дело на тормозах, и шесть лет никто о нем не вспоминал. Теперь следствие обвинило бывшего руководителя Абхазии во всех грехах. Ко всему прочему тут были и встречи с Троцким в середине 1920-х, связь с троцкистским подпольем через Виссариона Ломинадзе.

Данными следствия установлены конфиденциальные встречи с Ломинадзе в Сухуми, совместная «встреча Нового года» в Москве.

Также подсудимым вменялось в вину участие в право-троцкистском центре Георгия Пятакова и Леонида Серебрякова, связи с правыми, бухаринцами (Лившиц, Маталобишвили, Матикашвили, Меладзе, Кулхатлейшвили).

Кроме того, обвиняемые планировали «отторжение Абхазской АССР от Грузинской ССР и Союза ССР путем вооруженного заговора, захвата советской власти и создание особого типа государства под протекторатом капиталистических государств». Нестор Лакоба был объявлен шпионом некоего неназванного государства. Деятельность группы, разумеется, выражалась во вредительстве. Сознательно тормозилось развитие колхозов, заводов и особенно выращивание чая.

Сухумский процесс проходил при живом участии Берии. Он потребовал завершить его до ноябрьских праздников. По словам Станислава Лакобы, историка и родственника Нестора Лакобы, еще за неделю до начала суда первые десять подсудимых в списке были выделены красным карандашом. Напротив стояла резолюция: «Расстрелять. Л. Берия». Накануне процесса в служебном вагоне на станции Келасури Берия принимал ответственных за проведение этого показательного выступления: наркома внутренних дел Абхазии Г. Пачулию, председателя Верховного суда Т. Антию, прокурора Абхазии В. Шонию и общественного обвинителя М. Делбу.

В дни процесса, 1–2 ноября 1937 года, в Сухуми под руководством Берии состоялись пленум Абхазского обкома партии и сессия ЦИК, на которых был пересмотрен организационный вопрос. Почти все абхазы были выведены (всего исключено – 26 человек) из состава обкома партии и ЦИКа Абхазии, а затем уничтожены. В ночь на 4 ноября 1937 года были расстреляны В. и М. Лакобы, М. Чалмаз, П. Сейсян, А. Энгелов, В. Ладария, С. Туркия, Д. Джергения, С. Эбжноу. Только в отношении одного человека, К. Иналипа, приговор был приведен в исполнение позже.

Лакобовский процесс не стал кульминацией репрессий в Абхазии – только их началом. Из документов, опубликованных Станиславом Лакобой, нам известно еще несколько групповых дел, которые не освещались в печати. И решение по ним принимало Особое совещание, так называемые «тройки».

В августе 1937 года был арестован второй по значимости человек Абхазии Алексей Агрба. Долгое время он работал в Азербайджане, занимал должность заместителя председателя ГПУ, как в свое время Л. Берия, с 1934 года – второй секретарь ЦК КП(б) Азербайджана (первым секретарем был старинный друг Берии – Мир Джафар Багиров). В январе 1936-го его перевели в родную Абхазию, где он занял формально главный пост в республике – стал первым секретарем Абхазского областного комитета КП(б) Грузии. Возможно, никак не связанного

с местным руководством абхаза по национальности рассматривали как альтернативу Нестору Лакобе. Берия наверняка имел основания доверять человеку Багирова. Но логика Большого террора требовала уничтожения всех партийных работников, имевших устоявшиеся местные связи. Хотя Агрба не был человеком Лакобы, он принадлежал к гудаутским абхазам и имел здесь множество родственников, некоторые из которых занимали довольно высокие посты. Например Агрба Захар был известный партийный работник, секретарь Гудаутского райкома КП(б) Грузии, заместитель наркома просвещения, заведующий ЦИК, перед арестом директор Абхазского государственного театра.

Алексей Агрба обвинялся в том, что создал «из абхазской интеллигенции контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию, ставящую своей целью свержение советской власти и установление буржуазного капиталистического строя». Вместе с ним под нож попал второй ряд абхазского истеблишмента. Среди участников «организации» – В. Хишба, бывший замсекретаря Сухумского горкома КП Грузии, Д. Чагава, бывший нарком по просвещению, В. Гвалия, бывший нарком земледелия Абхазии, И. Вардания, бывший наркомюста, А. Сазонов – бывший зав ОРПО Абхазского обкома КП Грузии, Н. Случкой – бывший ответственный редактор газеты «Советская Абхазия» и др. Чтобы придать делу объем, Алексея Агрба связали со старым троцкистским оппозиционером Зосимой Кобахией. Поиск абхазских заговорщиков велся не только в республике. 13 марта 1938 года в Москве были расстреляны члены тамошнего абхазского землячества – Иван Аджба, Давид Чагава, Джото Ахуба, Нури Багапш.

Следствие в Абхазии отличалось особой жестокостью даже на фоне общего садизма, царившего в застенках НКВД Грузии. Террор здесь носил сравнительно более массовый характер, уничтожению подлежала практически вся национальная элита, требовалось в короткий срок выбить из невиновных людей, не понимавших часто, что происходит, признания. На Кавказе сильны родственные связи, предательство, по обычаю, смывается только кровью. Тут же приходилось давать показания на близких людей и, конечно, подследственные «раскалывались» не сразу. Для этого требовались нечеловеческие пытки.

Помимо абхазов и мегрелов в республике проживало множество национальностей, и по многим проводились так называемые специальные операции: «греческая», «эстонская», «немецкая», «турецкая» и т. д. Жертвой «персидской» операции стал отец знаменитого писателя Фазиля Искандера – Абдул Ибрагимович Искандер. Он был выслан из СССР в Иран в 1938 году в числе других граждан персидского происхождения.

Писатель Фазиль Искандер рассказал нам:

Я тогда был слишком мал, чтобы в этом разбираться. Но, по каким-то шепоткам, я чувствовал, что в моем окружении взрослым не нравится все, что делается. И потом взяли моего дядю, который, оказывается, учился с Берией в одном учебном заведении. И меня попросили, может, думали, что, читая письмо ребенка, он разжалобится – написать письмо Берии. Я, как сейчас помню, писал что-то вроде того, что «дорогой дядя Берия», но это уже писал в Москву, по-моему. «Вот мой дядя, такой-то с вами учился и так далее, я думаю, он ни в чем не виноват. Пожалуйста, узнайте все и отпустите его». Но, конечно, никакого воздействия мое письмо не могло иметь. И он погиб в лагерях. Помню его адрес последний – бухта Нагаева, Магадан. В общем, конечно, это невероятно страшное время было.

Участники съемочной группы с Фазилем Искандером

В той жестокости, с какой расправились со всей семьей Лакобы, я думаю, что, может, известную роль сыграло потрясающее мужество Сарии – жены Лакобы, потом вдовы, которая должна была на процессе выступить как свидетельница и сказать, что да, он был, кажется, турецким шпионом. Но она с этим не согласилась, несмотря на безумные формы, выпавшие на ее голову, такого жестокого и дурного отношения. Она всегда придерживалась того, что муж ее ни в чем не виноват, а все это клевета. В общем, ее пытками довели до того, что, говорят, она с ума сошла в тюрьме и уже в безумии умерла.

Когда уже начали людей арестовывать, расстреливать. Люди, как бы с подорванным сознанием, с подорванной душой, начали обращать внимание на нацию друг друга. На их разные нации, может быть, в поисках тех, кто в этом виноват. Я так думаю. Ну, это потом усиливалось, усиливалось. И усиливалось главным образом за счет жесткого давления со стороны тбилисского начальства. Они убрали всех негрузин, отогнали от власти. Посадили везде грузинов. Потом, в развитии этого националистического дела, закрыли абхазские школы, что было самым большим преступлением. Под видом того, что абхазский и грузинский язык – это одно и то же, это я помню. Я был маленький, но поражался. Ну, я абхазский знаю как родной язык, и грузинский чуть-чуть знал. Они ничего общего абсолютно не имеют. Это разные языки и с разным формальным развитием. Но это говорилось для того, чтобы оправдать вот эту беспощадную грузинизацию Абхазии.

Из всех материалов, рассказывающих о методах следствия в Абхазии, приведем некоторые документальные свидетельства.

Из письма бывшего секретаря Гудаутского РК КП Грузии В. М. Барциц наркомму ВД Грузии Гоглидзе, сентябрь 1938 года:

Я, Барциц Виктор Мамсирович, был арестован органами НКВД, лично наркомом Пачулия и Абазовым, 4.IV.38 г. В ночь моего ареста, поговорив со мной, Пачулия и Абазов в течение 10–15 минут посадили в карцер без обуви и вещей, оставив на мне нижнюю рубашку, кальсоны и брюки. Находился в этом карцере 16 суток, т. е. до 20 апреля. Из карцера не выпускали, не разрешали руки мыть, только выносил парашу через 2–3 суток. 16 суток провел я в карцере, сидя и стоя, поскольку на цементе лежать было невозможно, как кормили – я не помню. От холода и одиночества у меня все смешалось в голове и, когда привели на допрос к Абазову и спустили в камеру, не знаю, о чем говорил.

С 20 по 25 апреля я не вызывался на допрос, и 25 апреля вызвали меня в кабинет Стрельцова, где присутствовали 3–4 человека, и начали репрессировать и снова били. 26 апреля вызвали в кабинет Абазова, в присутствии Наркома Пачулия репрессия началась ударами по щеке, стояли вокруг меня 3 человека. Потом положили на пол. Двое били резиной и веревкой по ногам, двое стали прижимать пальцы каблуками к полу и один наступил ногой на грудь. В другую ночь вторично через час вызвал Абазов и снова бил по ногам и один раз по голове слегка веревкой. 27 апреля я имел передышку, кроме вызовов, репрессии не применялись до июня месяца, не помню, какого числа, после чего посадили в водяной карцер на 8 суток без еды и питья. Глубина воды в карцере до 15 см, грязно, арестованные там же оправляются. Я, пока был в сознании, стоял, облокотившись к стенке, или ходил по воде. На этот раз я опять почувствовал себя плохо от жажды, я вынужден был пить эту грязную воду с человеческими отходами.

24 августа был вызван в кабинет другого следователя, фамилию которого не знаю. Этот следователь требовал признаться, он предложил встать, принести венский стул с тонкой подстилкой. И повернув спинку стула задом ко мне, предложил лечь, положив на спинку хребет, приподняв одну ногу и руку, что я и выполнил, продержался минут 20–25. В это время подсел близко ко мне и стал плевать в лицо, ударять по животу и губам крышкой от графина и тушить папиросы на лбу. После этого предложил заниматься гимнастикой, т. е. становиться в стойку ногами вверх, что я и пытался сделать, но от бессилия мучился, с переменами, около 1,5 часа. Но встать все же не смог, тем самым не смог стать «чемпионом» по физической культуре, как он выразился после. После пошел и принес «историческую палку», как он ее называл, ножку от венского стула, и, положив меня на пол, стал бить по ногам, рукам и коленям. Посадил за столом другого, он сел возле меня на диван и стал заставлять частыми ударами дать показания. В конце репрессии зашел нарком Пачулия, который дважды ударил по щеке и предложил лицам, репрессировавшим меня, продолжать избиение и избить до бессознания.

Таким образом, я дал показания 24 августа. 25 августа меня посадили в карцер уже с вещами. В карцере просидел до 8 сентября без разрешения врачебной помощи и всякой прогулки...

Дополнительным заданием для чекистов было обеспечить безопасность вождей – Сталина и Берии, у которых в Абхазии были дачи. Поэтому в Гагринском районе, где располагалась Холодная Речка, террор был еще более жестоким и массовым. Городской отдел НКВД в Гаграх последовательно возглавляли два настоящих садиста – Николай Рухадзе и Амаяк Кобу-

лов. Оба они сделали потом блестящую карьеру. Рухадзе закончил свою службу министром государственной безопасности Грузии.

На следствии по делу бериевцев в 1954 году свидетель Свиридов показал:

После указания Рухадзе начались массовые избиения арестованных и применение к ним мер физического воздействия. Били всех арестованных, которые не давали показаний. Каждый сотрудник сделал себе соответствующее «орудие» в виде веревки, обмотанной проволокой, шнуром, палки, самодельные резиновые дубинки из автопокрышек и т. д. Арестованных били днем и ночью. При этом нужно заметить, что крики избиваемых были слышны на улице и жителям примыкавших к горотделу домов.

После избиений арестованных заставляли длительное время стоять на ногах с поднятыми вверх руками. Такие «стояния» продолжались долго, причем у этого арестованного попеременно дежурили сотрудники горотдела. Были случаи, когда арестованные падали от изнеможения, их поднимали, давали немного передохнуть и вновь ставили в такое положение.

Рухадзе лично истязал арестованных, причем делал это в наиболее изощренных и зверских формах. Рухадзе, я это видел лично, бил Леткемана кулаком в живот и по голове, бил его веревочным шнуром, а однажды дошел до того, что привязал к половым органам Леткемана шпагат и стал дергать его, требуя показаний от Леткемана. Я в это время составлял протокол допроса Леткемана и лично видел эту картину.

Бывший сотрудник Гагрского отдела НКВД Н. К. Парцхаладзе подтверждал факты массовых избиений:

В одном помещении находилось по 30–40 и более арестованных, причем арестованные, подвергавшиеся избиению на следствии, возвращались в помещение, где находилось много других арестованных, в том числе и таких, которые проходили по одному делу. Видя избитых на следствии арестованных, другие, боясь применения к ним таких же мер физического воздействия, были готовы давать любые показания, которые требовало следствие.

У нас есть и свидетельство из 1938 года – взгляд на репрессии со стороны чекиста – заместителя начальника Гагринского горотдела НКВД В. Н. Васильева. Это редкий случай для работника органов – принципиальный человек, категорически не принимавший нарушений социалистической законности. В 1937–1938 годах Васильев направил на имя наркома внутренних дел СССР Ежова, его заместителя Фриновского и наркома внутренних дел Грузинской ССР Гоглидзе несколько рапортов, в которых разоблачал нравы и методы следствия, царившие в Гагринском горотделе НКВД.

В рапорте от 6 февраля 1938 года Васильев писал:

19 марта 1937 г. рапортом на имя наркома внутренних дел СССР Ежова... мною было донесено о явном вредительстве в следственных делах Гагринского отдела НКВД... Ответа на свой рапорт я не получил, но вижу и своим партийным чутьем, и чекистским опытом, что вредительство в следработе, в создании заведомо дутых и «липовых» дел продолжается, причем это вредительство осуществляется оперработниками, для которых подхалимство и погоня карьеристического свойства «за орденами» – все...

В другом рапорте 27 марта 1938 года Васильев, говоря о допросе одного из арестованных, сообщал:

Началось с выставления в угол с поднятыми вверх руками и с лишения пищи, питья и возможности оправиться... Второй период – битье: ...раздевали совершенно догола и били по несколько часов подряд по чему попало... Допускались такие «методы» – делалась веревочная петля, которая одевалась на половые органы, а потом эта петля сдавливалась. Били по голове резиновой плетью (не думаю, чтобы от такого воздействия показания были яснее), давили на ноги каблуком сапога и т. д. Словом, в кабинете днем и ночью стоял сплошной вой, крик и стоны...

На допросе в 1953 году Васильев показал:

Однажды я зашел в кабинет оперуполномоченного Серебрякова (осужден), у которого сидел на допросе один из арестованных (эстонец), и на мой вопрос Серебрякову, как дела, он ответил, что арестованный молчит и не отвечает на вопросы. Я посмотрел на арестованного, он был мертв. Тогда я спросил Серебрякова, что он с ним сделал, и он мне показал свернутую проволочную плетть пальца в два толщиной, которой он бил этого арестованного по спине, не заметив того, что тот уже мертв.

На допросах арестованные в результате избиений и истязаний называли целыми списками своих знакомых и родственников, которые в протоколах допроса оговаривали новых лиц. Показания их не проверялись, и производились все новые и новые аресты.

Непосредственный начальник В. Васильева А. Кобулов, на которого он жаловался в Тбилиси, добился исключения своего заместителя из органов и из партии. Пять месяцев Васильев ожидал ареста. Но, по иронии судьбы, спас его Лаврентий Берия, ставший наркомом внутренних дел СССР и остановивший массовый террор. Кобулов уехал на Украину, и ему было уже не до бунтаря Васильева. Принципиальный чекист не только выжил, но и дал в 1954 году на своего бывшего начальника Амаяка Кобулова обширные показания.

...Кобулов Амаяк лично избивал арестованных, фальсифицировал протоколы допросов и допускал другие нарушения закона. При Кобулове в 1937 году у арестованных получались показания путем вымогательства и избиений. Я лично несколько раз видел, как Кобулов А. в своем кабинете в Гагринском горотделе НКВД сам избивал арестованных палкой, предварительно укладывая арестованных на пол...

Генерал-лейтенант Амаяк Кобулов, трижды кавалер ордена Красного Знамени и орденов Кутузова и Трудового Красного Знамени, заслуженный работник МВД, был расстрелян 26 февраля 1955 года по приговору одного из процессов над бериевцами.

Писатель Фазиль Искандер рассказывает:

Все-таки главным виновником репрессий был, конечно, сам Сталин. А Берия, когда управлял Грузией в Тбилиси, он просто старался угодить Сталину. Ну, прежде всего, самому себе, конечно, но и Сталину. И делал, как он полагал, то, что Сталину понравится. Делал, видимо, достаточно последовательно. Потому что Сталин его не убирал, а наоборот, возвысил. Я думаю, он возвысился благодаря совершенно абсолютной беспощадности и отсутствию любого оттенка осторожности, боязни взять или расстрелять невинного человека. Он грубо и прямо шел, насколько понимал. Он понимал, что хочет Сталин. Отсюда его такое огромное возвышение.

Умел, когда это ему было надо, и нравиться людям, потому что он смог каким-то образом же очаровать Лакобу, что тот в какой-то момент посчитал,

что он может его продвигать перед Сталиным. Известно, что Орджоникидзе к нему тепло относился. В конце концов, он расправился и с Лакобой, и с семьей Орджоникидзе.

У него было способностей немало, и особенно способностей к беспощадной жестокости. Это при Сталине как бы была практическая сторона принципиальности. Он так хотел понравиться Сталину. И ему казалось, что его беспощадность – это ближайший путь к сердцу Сталина. И в принципе это оправдалось. Невероятная беспощадность все-таки говорит о том, что для него власть сама по себе уже была абсолютным достижением, выше которой ему ничего и не надо было.

Может, он умел перед какими-то людьми казаться обаятельным. А в человеке, я думаю, знаете, страх и желание любить – где-то очень близки. Чтобы отодвинуть страх, человек подсознательно заставляет себя любить этого человека. Недаром все-таки миллионы и миллионы людей любили Сталина. А что он им дал, что он им делал? Ничего. Это такое свойство человека – страх и любовь близки. В политике особенно. Сталину, чтобы укрепляться в своей власти, оставаться при своей власти, нужен был огромный страх всей страны. И он достиг этого. Этот огромный страх, несмотря на все сложности жизни, этот страх отчасти превращался в любовь. Его в своем роде, конечно, любили миллионы людей. Они считали, что без него все было бы еще хуже. Он был, конечно, невероятно хитрый и в своей политике умел скрывать очень грубые, бросающиеся в глаза ошибки, и это способствовало его огромной популярности. Ну, я уже не говорю о том, что он заставил всю прессу писать о себе, хвалить его и так далее. Это все удалось. Ну, вопрос настолько глубокий. Я даже думаю отчасти сказать, что все-таки победа революции – это была победа черни. К сожалению, все мыслящее, все нравственное, вместе с дворянством было уничтожено. Те, кто остались, они ушли, уехали в Гражданскую войну. И страна осталась без целого класса, который при всех своих, может быть, и ошибках, и дурных сторонах все-таки поддерживал в стране определенную нравственную высоту. Такого падения нравственности, какая была в России после 17-го года и кончая смертью Сталина, я думаю, никогда не было.

Глава 5. Большой террор в Грузии

1937 год начался для Лаврентия Берии триумфально. В январе в Москве с необыкновенной помпой проходит декада грузинского искусства. Артисты из Грузии дают спектакли в лучших залах столицы. На открытии и закрытии присутствует в полном составе Политбюро ЦК ВКП(б). Участников принимают в Большом Кремлевском дворце. Многие деятели искусств получают ордена. Особое внимание своим землякам уделяет Иосиф Сталин, посетивший большинство представлений и концертов. Центральные газеты посвящают свои передовицы этому празднику: декада демонстрирует мощный подъем Грузинской ССР, достигнутый под руководством верного ученика Иосифа Сталина Лаврентия Берия.

1937 год

К этому времени Большой террор уже начался. В августе 1936 года в Москве прошел процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», на котором были осуждены к смертной казни все шестнадцать обвиняемых, среди которых – виднейшие в прошлом партийные лидеры Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Смирнов и др.

«Заря Востока» от 14 января 1937 года

В день начала процесса, 19 августа, в газете «Правда» вышла большая статья Лаврентия Берии «Развезать в прах врагов социализма». Публикация наглядно демонстрирует высокий статус Берии. Лаврентий теперь не только в первых рядах сталинского окружения, не только рьяный исполнитель сталинской воли, он – носитель высшего знания. Берия удостоивается права выступать перед всесоюзной аудиторией. Впрочем, мировых проблем и высоких теорий он не касается. Лаврентий, как хозяин всего Закавказья, отчитывается в хорошо знакомой для него чекистской работе. Перечисляет разоблаченных и арестованных врагов, живописует их зверские преступления:

Это они – троцкисты, зиновьевцы – являются организаторами подлых убийств из-за угла отдельных руководителей и стахановцев передовых

колхозов в деревне. Это они примешивают в пищу яд в отдельных рабочих столовых, чтобы отравлять лучших стахановцев заводов. Это они формируют шпионские диверсионные группы, чтобы помогать фашистам и империалистам в борьбе с Советской властью. Это они создают террористические группы для подготовки покушений на руководителей партии и правительства.

Политический процесс

«Заря Востока» от 20 августа 1936 года

Хотя злые враги изобличены, успокаиваться рано. Берия недвусмысленно предупреждает потерявших бдительность коммунистов и предвещает в своей статье новые аресты:

Немало находится еще таких коммунистов, которые бытовые традиционные отношения ставят выше принципиальных партийных отношений.

Какими традициями гостеприимства можно оправдать поведение отдельных партийцев, организовавших в Тбилиси (Тифлисе) специальную торжественную встречу-банкет в гостинице «Ориант» предателю Ломинадзе, антипартийные взгляды и работа которого уже в тот период были хорошо известны отдельным инициаторам встречи.

В партийных организациях нашлись такие руководители, которые своей недостаточной бдительностью создавали возможность для контрреволюционной работы троцкистско-зиновьевской сволочи. Не до конца еще вычищены из партии и прямые пособники классовых врагов.

На первом же московском процессе некоторые обвиняемые дали показания на других, еще оставшихся на свободе, известных партийных функционеров. Генеральный прокурор СССР Андрей Вышинский заявил, что Прокуратура начала расследование в отношении новых лиц, а Л. П. Серебрякова и Г. Я. Сокольникова уже привлекли к уголовной ответственности. Стало понятно, что все только начинается.

Едва отшумела декада грузинского искусства, как стартовал второй большой московский процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Судили семнадцать видных партийных деятелей, среди которых, кроме уже упомянутых Г. Я. Сокольникова, Л. П. Серебрякова, Г. Л. Пятаков, К. В. Радек и др. Все семнадцать подсудимых были признаны виновными. К смертной казни приговорили тринадцать человек, в том числе Пятакова и Серебрякова. Радек, Сокольников, Арнольд, Строилов получили от 8 до 10 лет тюремного заключения.

18 февраля 1937 года в Москве покончил жизнь самоубийством Серго Орджоникидзе. О причинах его гибели мы уже писали в прошлой главе. 23 февраля начался февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б), посвященный главным образом усилению борьбы с врагами народа, переходу к массовым репрессиям. Поведение Лаврентия Берии на пленуме говорит о его высоком статусе. Держал он себя порою нагло, прерывал ораторов указующими и язвительными репликами. В его собственном выступлении можно выделить три важные темы. Во-первых, рассказ о том, какими ничтожествами были руководители Закавказья до того, как его возглавил Лаврентий Павлович.

...В руководстве партийными организациями и в воспитании кадров в Закавказье были допущены большие извращения, большие перегибы. Если, например, взять руководство Орахелашвили, который с 1927 по 1929 г. был секретарем Заккрайкома, то Заккрайком тогда плохо руководил партийной работой, плохо занимался выдвижением кадров, усилением связи масс с руководством, что было записано в специальном решении ЦК ВКП(б) в 1929 г. Тов. Орахелашвили сменил Криницкий. Т. Кахиани остался секретарем Грузии, который допустил целую серию перегибов в национальной политике, в особенности в национальной политике города и деревни. Руководство не сумело исправить допущенных им ошибок. Возьмем период 1930 г., когда первым секретарем был Ломинадзе, а первым секретарем Грузии – Гогоберидзе, крайкомом руководили двурушники, они не воспитывали кадры,

а развращали их, направляли клеветнические информации ЦК ВКП(б), учили обманывать партию, учили двурушничать...

...Дальше, после снятия Ломинадзе, Закрайкомом руководил Лаврентий Мамулия. В руководстве Лаврентия Мамулии были также допущены серьезные ошибки, в особенности по крестьянскому вопросу.

...Контрреволюционные и никчемные люди, ничего из себя не представляющие как работники, как партийцы, легко находили доступ к руководству и партийному, и советскому. На Оргбюро ЦК ВКП(б) в 1931 г. при обсуждении положения республик Закавказья т. Сталин говорил, что в Закавказье нет единой воли партийной организации, а есть воля отдельных атаманов.

Понятно, что все упомянутые Берией нерадивые коммунистические лидеры Закавказья будут вскоре уничтожены. Вторая тема доклада – необходимость расправиться с вернувшимися из ссылки «недобитыми» меньшевиками, троцкистами, дашнаками и т. д. А лучше, чтобы они из ссылки вообще не возвращались:

За 1936 г. по Грузии было арестовано 1050 человек троцкистов и зиновьевцев, из которых 83 человека уже осуждены и высланы. Среди арестованных бывших троцкистов, национал-уклонистов, которые побывали в ссылке и потом были возвращены, из этой тысячи возвращено из них около 450. 450 человек являются такими, которые были раньше троцкистами и уклонистами. (Жуков: А тысячи нет?) Из тысячи около 500 человек – это бывшие уклонисты и троцкисты, которые побывали в прошлом в ссылке. (Жуков: А 500 человек?) Я русским языком говорю, а вы лучше меня должны знать русский язык³.

В связи с этим я должен затронуть вопрос о возвращающихся из ссылки. В Грузии за последний год вернулось из ссылки бывших членов антисоветских партий – меньшевиков, дашнаков, мусаватистов – около полторы тысячи человек. За исключением отдельных единиц, большинство из возвращающихся остается врагами Советской власти, является лицами, которые организуют контрреволюционную вредительскую, шпионскую, диверсионную работу.

Что с ними делать, это мы знаем, мы знаем, что с ними нужно поступить как с врагами. Но я ставлю этот вопрос в связи с тем, что некоторые политические ссыльные не разоружились. Не надо их возвращать в места их прежнего жительства.

Третья тема доклада Берии – интеллигенция, с которой, как видно, органам придется серьезно поработать:

Товарищи, из политической работы нашей партийной организации я очень коротко хочу остановиться на работе среди интеллигенции, так как этот вопрос для Грузии и, я полагаю, для других национальных республик имеет большое значение. Мы имеем немало фактов, когда двурушнические, предательские троцкисты блокируются с антисоветскими националистическими группами, борющимися против партии и против Советской власти.

³ Берия не зря так хамски пикируется с перебившим его делегатом. Иван Жуков, старый большевик, нарком местной промышленности РСФСР, в прошлом заместитель С. Орджоникидзе в наркомате тяжелой промышленности, через 8 месяцев будет расстрелян.

Хотя Грузия сама по себе невелика, но актив у нее немаленький, и основная масса старой интеллигенции была заражена ядом национализма, довольно значительная часть интеллигенции была антисоветски настроена с западной ориентировкой, ориентировалась на запад, на так называемую европейскую культуру, минуя Советский Союз. ЦК Грузии в прошлом вел работу с интеллигенцией неправильно, неумело, доверял отдельные участки культурного фронта националистическим, а иногда и враждебным элементам, проводил работу не непосредственно, а связывался с интеллигенцией через них. Благодаря этому зачастую не коммунисты влияли на эту интеллигенцию, а враждебно настроенные слои интеллигенции влияли на коммунистов.

Начало Большого террора в Грузии ознаменовалось арестом Буду Мдивани. В 1931-м, после подачи заявления об отказе от оппозиционных взглядов, он был восстановлен в ВКП(б). К лету 1936 года он занимал пост первого заместителя председателя СНК ССР Грузии. Арест Мдивани в августе 1936 года укладывается в логику «антитроцкистской» операции. К апрелю 1936 года в СССР было арестовано 508 бывших оппозиционеров. В середине июля Зиновьев и Каменев были переведены из политизоляторов в московские следственные тюрьмы. Одновременно полная чистка «троцкистов» происходит и с другими заключенными политизоляторов, троцкистов переводят в Москву и из ссылки. Тех, кто был на свободе, – арестовывают на месте. Грузинские троцкисты были реабилитированы только во времена горбачевской перестройки. Следствию по делу бериевцев эти жертвы террора были не слишком интересны. И поэтому документов о деле Мдивани сохранилось меньше, чем о других операциях эпохи Большого террора.

Задумывался первый грузинский «большой процесс» над старейшими грузинскими коммунистами, находившимися в оппозиции к Сталину в 1920-е годы и фактически отстраненными от власти еще Серго Орджоникидзе. Часть из них (Б. Мдивани, М. Окуджава, Г. Элиава) действительно в прошлом были национал-уклонистами, а затем входили в троцкистскую и «новую» оппозицию. К этой же группе относился и арестованный в Москве Сергей Кавтарадзе. Другая часть – вполне лояльные к Орджоникидзе и Сталину люди, самые видные из которых М. Торшелидзе и Г. Курулов. Их арест и показания давали возможность начать чистку в «группе Орахелашвили», то есть среди друзей Орджоникидзе, но врагов Берии. Их обвинение свяжет с «правыми».

Дело Буду Мдивани

Как сказано в решении яковлевской комиссии ЦК по реабилитации:

Весной 1937 г. в Грузии был «раскрыт» т. н. «троцкистский шпионско-вредительский центр», куда входили, по словам Л. П. Берии, «исключительно национал-уклонисты» – Б. Мдивани, М. Окуджава, С. Кавтарадзе, М. Торошелидзе, С. Чхиладзе, Н. Кикнадзе, Б. Квиркелия, П. Меладзе, П. Агниашвили, К. Модебадзе и др. Кроме того, что они, согласно обвинению, ставили своей целью «свержение советской власти и реставрацию капиталистического строя», активную «вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую работу», им ставилось в вину то, что они «болтали о якобы „невыносимом“ режиме в коммунистических

организациях Закавказья и Грузии, о неуживчивости и необъективном отношении к людям со стороны руководства Заккрайкома партии (в то время возглавлявшегося Л. П. Берией) и ЦК Компартии Грузии, о применении каких-то „чекистских“ методов работы, о том, что положение трудящихся в Грузии, якобы, ухудшается, и Грузия идет к гибели.»

Показания на «грузинских троцкистов» были получены во время следствия при подготовке второго большого московского процесса по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Вот что говорил на суде обвиняемый Леонид Серебряков:

В 1934 году в Москву приехал Мдивани и выразил желание встретиться со мной и с Пятаковым. И вот в какой-то рабочий день после службы мы пошли на Тверскую улицу; там против почтамта есть какой-то ресторанчик, где и произошел разговор. Мдивани сообщил, что работа разворачивается, что центр намечен, и просил нашей санкции. Мы трех человек знали – Мдивани, Кавтарадзе и Мишу Окуджаву, а двух – Чихладзе и Кикнадзе Нико – мы совершенно не знали – ни я, ни Пятаков. Мдивани дал нам их характеристики как старых троцкистов и очень боевых людей и просил некоторого доверия. Мы не возражали и этим как бы утвердили центр.

Стоял вопрос о террористическом акте против Берии, но мы с Пятаковым не рекомендовали этого делать, мы поставили вопрос так, что террористический акт против Берии может сорвать террористический акт против Сталина. Мы предложили, если есть силы, взяться за подготовку террористического акта против Сталина, не приостанавливая подготовки террористического акта против Берии.

Было дано задание Мдивани поставить вопрос о возможном объединении с дашнаками в Армении, с муссаватистами в Азербайджане и грузинскими меньшевиками в Грузии. Насчет дашнаков и муссаватистов в конце 1935 года Мдивани мне сообщил, что он нащупал только связь, а с меньшевиками он заключил соглашение. Контакт с меньшевиками у него был установлен на той основе, что Грузии предоставляется преобладающее влияние на территории Закавказья.

Из показаний в 1954 году Тамары Наскидашвили, невестки Буду Мдивани, известно, что с августа 1936 года Буду находился под домашним арестом. Выходит, что следствие над бывшим заместителем председателя Совнаркома Грузии началось параллельно с первым большим московским процессом. 16 сентября Бюро ЦК Компартии Грузии во главе с Л. Берией постановило Б. Мдивани и М. Торшелидзе исключить из состава Бюро и снять с занимаемых должностей. Через месяц, 17 октября, Б. Мдивани изменили меру пресечения и этапировали в тюрьму НКВД в Тбилиси. Через десять дней арестовали сына Мдивани Георгия, работавшего заместителем председателя «Ското-импорта» Грузии. Тогда же были арестованы супруга Мдивани, еще трое его сыновей и дочь.

Тамара Наскидашвили объяснила арест своего тестя так:

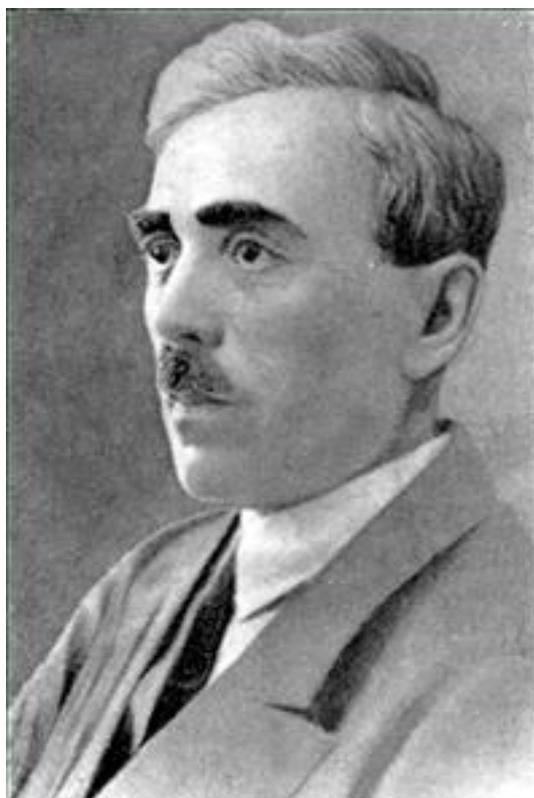
Находился с Л. П. Берией в резко натянутых отношениях, в последнее время принявших явно враждебную форму взаимоотношений, что выражалось со стороны Мдивани Б. Г. в неоднократных докладах и обращениях на имя Вождя и Серго Орджоникидзе, вскрывающих преступное лицо Л. П. Берии.

Одновременно взяли под стражу и ректора Тбилисского университета Малакия Торшелидзе. Его жена на следствии 1954 года показывала:

9 сентября 1936 года враг народа Берия вызывает его (Торошелидзе) и сообщает, что он попал под подозрение. Ввиду того, что мы всегда замечали с мужем внешнее тщательное скрываемое неприязненное и недоверчивое отношение со стороны Берии, вызванное, как мне тогда же казалось, непосредственным общением и близостью Торошелидзе с Иосифом Виссарионовичем, а также явным признанием со стороны партии за Торошелидзе большего авторитета в теоретических вопросах, чем за самим Берией, я предложила мужу сообщить положение дел в Москву. Муж ответил, что все выяснится, партия его знает и не поверит никакой клевете о нем.

Тогда я решила действовать самостоятельно. Я написала письмо моему другу детства и близкому родственнику Серго Орджоникидзе. Получила следующий ответ: «Не волнуйся насчет Торошелидзе, ибо все это выдуманная брехня. Его дело перенесется в Москву, где партия и правительство во всем разберутся. Что же касается тебя, то это еще посмотрим. Мне кажется, он тебя и пальцем не тронет». Он имел в виду Берию, который на заседании сказал следующее: «А жене тоже мы дадим в зубы». На другой день утром звонит председатель партколлегии и сообщает мужу, что принято постановление отобрать у него партбилет.

Уже на VI пленуме ЦК Компартии Грузии в ноябре 1936 года Берия, ссылаясь на показания арестованного известного коммуниста Семена Чихладзе, в своем выступлении доложил о раскрытии обширной троцкистской организации, руководимой Буду Мдивани, Малакией Торошелидзе и Михаилом Окуджавой.

Малакия Торошелидзе

Михаил Окуджава (слева)

По всей видимости, грузинский процесс должен был пройти параллельно со вторым московским процессом Пятакова – Радека в Москве. Проблема заключалась в том, что подготовка открытого политического процесса над невиновными людьми – весьма тонкое дело. Подсудимые должны предстать перед международной общественностью свежими, бодрыми, непокалеченными, бойко и правильно отвечать на вопросы обвинения. Такого не добиться исключительно пытками. Тут нужны и уговоры, и шантаж судьбой близких, и обличающие показания близких людей, и товарищеские беседы с первыми лицами, включая Сталина, призывы к выполнению долга большевика перед партией. Некоторых подсудимых, которые уже неоднократно каялись в своем прошлом участии в оппозиции, удавалось убедить совершить жертвенный подвиг ради родной коммунистической партии и великой социалистической Родины. В результате, например, Зиновьев, Каменев, Радек перевыполнили план, обвиняя себя и своих товарищей еще ярче и убедительнее, чем сам прокурор.

И все-таки эта задача очень рискованная. Оказавшись один на один с непредвзятыми свидетелями, подсудимый может неожиданно «предать», рассказать правду, отказаться от своих показаний. Даже в Москве было несколько очевидных проколов. По крайней мере троим подсудимым удалось дать понять, что на самом деле происходит. Так смогли сделать Николай Крестинский, Николай Бухарин и Генрих Ягода... Как мы понимаем из сохранившихся документов, которые нам показали в грузинском архиве МВД, шедший на процесс главным обвиняемым Буду Мдивани оказался твердым орешком.

Богдан Кобулов докладывал Сергею Гоглидзе из внутреннего изолятора НКВД Грузии:

Сегодня 19.12.1936 Буду Мдивани, вызванный мною на допрос, со слезами на глазах стал спрашивать меня: «Где моя жена, где мои сыновья, живы ли они?» На мой утвердительный ответ он заявил: «Мне показалось, что по тюрьме пронесли гроб с телом моей жены».

Мдивани злобно заявил мне: «У вас ничего нет на меня конкретного, вы хотите оправдать перед кем следует мой арест и добиваетесь, чтобы вы составили протокол о не совершенных мною преступлениях и я подписал слепо. У вас такие случаи практикуются. Я знаю со слов Сталина, что вы фабрикуете обвинения. Так было сделано в Москве с Пугачевым, который после вмешательства Ворошилова был оправдан. То же будет и со мной. Вы покраснеете за то, что держите меня невиновного в таких условиях. Хотел писать т. Берии, но не знаю, здесь ли он. Препровождаю письмо на имя т. Сталина».

В письме от 17 декабря 1936 года Буду Мдивани признавал, что «невоздержанный язык, вспыльчивость, раздражительность и слабость характера» повредили ему во многом. Он напомнил Сталину об их почти сорокалетнем знакомстве и недавнем высказывании вождя – дружественном и, конечно, лукавом:

Я никогда не забывал высокой оценки, данной в присутствии ответственных товарищей в Москве (на даче) в моей искренности и честности. В этой оценке я черпал много сил и старался изо всех сил оправдывать ее. Чиста моя совесть и теперь. Беспредельна преданность и любовь моя к партии и руководству, которое я хорошо знаю много десятков лет. Мой прежний троцкизм объясняется непониманием и ошибкой. Не враг я партии. Я слишком высоко ценю доверие, которым я пользовался. Могу ли я поменять его на величайшую гнусность троцкистских убийц?!

Конечно, у сотрудников НКВД имелся богатый опыт проведения допросов с пристрастием. Но до первой половины 1937 года массовые жестокие избиения с разрешения начальства еще не практиковались. Возможно, этим можно объяснить многомесячную стойкость, проявленную самым старым из обвиняемых Буду Мдивани. Впрочем, грузинские чекисты придумали весьма изощренные способы добиваться показаний, не оставляя следов на теле заключенных. Одним из их ноу-хау были так называемые горячие и холодные камеры.

Из показаний следователя Константина Савицкого от 18 августа 1953 года:

Холодный карцер в НКВД Грузии был. Арестованного вталкивали в камеру, которая не отапливалась, окна ее были открыты, на пол подсыпался снег, арестованный в камере не мог ни сидеть, ни лежать. Иногда арестованных помещали в камеру в брюках и рубашке, не исключено, что их раздевали догола и нагими вталкивали в камеру. Эта камера была организована приблизительно в марте 1937 г. по личному указанию Берии, который лично инструктировал Кобулова Богдана и Гоглидзе, как ее надо сделать. Берия говорил: «Поменьше церемоньтесь с арестованными, создайте специальный холодный карцер, насыпьте туда снега, откройте форточку, посадите арестованного и пусть проветрится».

Показания Тамары Сергеевны Тестовой, фельдшера больницы НКВД, от 8 июня 1954 года:

Для истязания арестованных, получения от них так называемых «признательных показаний», во внутренней тюрьме были созданы горячая и холодная камеры. Холодная камера находилась на нижнем этаже. Арестованного голого помещали в эту камеру, на пол набрасывали снегу, и он там находился до тех пор, пока не начинал давать признательных показаний. Камера, как мне кажется, функционировала только в зимнее время. Горячая камера представляла герметически закрытую комнату, кругом по стенам

проходили трубы с горячим паром. Арестованного в одежде вталкивали в эту камеру и дверь закрывали. Я помню, что ко мне привели для оказания помощи находившегося в этой камере Буду Мдивани. Он был в полубморочном состоянии, пульс у него был чрезвычайно слабый. Я вынуждена была с целью поддержания сердечной деятельности сделать Буду Мдивани укол. Он мне не жаловался, ни о чем со мной не говорил.

Бывший надзиратель Ткачев показывал:

В холодной камере несколько суток содержался старик Буду Мдивани.

Евтихий Сурмаев, бывший надзиратель внутренней тюрьмы НКВД, в 1954 году рассказал на следствии:

В шестиметровых камерах держалось по двенадцать-тринадцать человек заключенных, которые не могли там не только лежать, но и сидя размещались с трудом. Если учесть жару, которая бывает в Тбилиси летом, совершенно ясно, что сколько-нибудь длительное пребывание в такой камере превращалось в пытку. Я помню, что в горячей камере несколько дней находился арестованный Байндуров, работавший, кажется, на железнодорожном транспорте. Его через день-два вызывали на допросы, откуда он возвращался избитым и опять помещался в горячую камеру. Надо заметить, что в этой камере Байндуров содержался абсолютно голым. Байндуров не выдержал этих пыток и в горячей камере скончался. Я сам лично видел его труп в горячей камере. Я хорошо помню, что Байндуров еще до смерти, по-видимому, стесняясь наготы, старался прикрывать руками половые органы. В таком положении он и умер... В горячей камере по нескольку дней находились также арестованные Торошелидзе Малакия и Буду Мдивани. Из числа арестованных, содержавшихся в холодной камере, я помню названного выше Торошелидзе, который в тюрьме сидел долго и побывал как в горячей камере, так и в холодной.

Один из сумевших выжить узников Метехской тюрьмы, подпись которого в архиве КГБ Грузии нам, к сожалению, разобрать не удалось, показал на следствии в 1954 году:

В феврале месяце 1937 года в мою камеру завели Михаила Окуджаву, который был в одном нижнем белье и в носках. Вид у Окуджавы был мертвенно бледный, он весь дрожал, была отнята способность устной речи. Окуджава Михаил сказал: «48 часов меня содержали в холодной камере. Когда завели, сразу меня раздели, сняли обувь и в одном нижнем белье и носках оставили. Причем облили цементный пол водой. Все это делается для того, чтобы я дал признания, что я совместно с Буду Мдивани, профессором Элиавой, Малакией Торошелидзе якобы вел подрывную работу, одновременно состоя в контрреволюционном паритетном центре, который ставит целью свержение советской власти в Грузии. Я дал признание, но знаю, они этим не ограничатся, и знаю, они потребуют назвать людей».

При всем старании и изуверстве следователей получить надежные показания подследственных им не удавалось. Оставался риск, что на открытом судебном процессе они начнут рассказывать правду.

Все тот же узник Грузинского НКВД показывал на следствии:

В мае или июне месяце 1937 года в камеру, где находился я, завели Кавтарадзе Сергея. Кавтарадзе сказал мне: «Меня доставили из Москвы.

В Москве в присутствии наркома НКВД Ежова состоялась у меня очная ставка с Буду Мдивани, который на очной ставке показал, что в последние годы в Грузии был создан как подпольный КР троцкистский центр, так и паритетный комитет от разных антисоветских партий. Я отверг эти показания Буду Мдивани. И последний после раздумья в присутствии Ежова сказал: „Мои показания на Кавтарадзе ложные и не соответствуют действительности. Я Кавтарадзе оговорил“».

Стало окончательно ясно, что открытый процесс провести не получится. А беречь узников незачем. С подследственными перестали церемониться и перешли к зверским избиениям. Из показаний узника Метехской тюрьмы:

В мае месяце я вновь встретился с Окуджавой Михаилом. Я его еле-еле узнал. От систематических избиений он был превращен в скелет, на котором была одна натянувшаяся кожа. Он сказал мне: «Молю Бога, чтобы поскорее наступила смерть, чтобы не повторялись вновь эти расправы. Любое требование следователя я выполняю. Я даже до того дошел, что в протоколе допроса оставляю им свободное место с просьбой, коли вспомнят что-либо, сами записали. Глупо поступают те, которые мучают себя из-за этих показаний. Следствие делает свое дело. Этими расправами они всегда получают желаемые признания. В таком случае зачем мучить себя? Глупо».

В случае, если избиения и пытки не помогали, начинали пытаться родственников подследственных на их глазах. Именно так удалось добиться признательных показаний Буду Мдивани.

Показывает Евтихий Сурмаев, диспетчер гаража Комитета госбезопасности, в 1936–1941 годах надзиратель внутренней тюрьмы НКВД:

В ряде случаев подследственных на допросах убивали насмерть. Я помню, например, что на допросе был убит арестованный Кикиберия. Я сам относил его труп из кабинета. Убил Кикиберия один из братьев Айвазовых. Жестоким пыткам на допросах подвергались арестованные Мамия Орахелашвили, Шалва Элиава, Карвелишвили и сын Буду Мдивани, юноша 23–24 лет. Особенно запомнился мне случай, когда мы относили в камеру на руках сына Мдивани, который от побоев сам не мог идти. Когда мы его несли, он плакал и говорил, что его мучают зря, что, если арестован его отец, это не значит, что должен быть убит и его сын.

Внучка Буду Мдивани Сьюзи Мдивани рассказала нам в Тбилиси:

Мой дедушка со Сталиным были друзья. Эпизоды такие были, если дед приезжал в Москву и он не останавливался у Сталина, тот очень обижался и говорил ему об этом. Ну как ты посмел не остановиться у меня, а остановиться где-то в другом месте. Они давно были знакомы, с начала вступления в партию, еще до революции. А Берия... Мой дед его не любил. Не знаю, у них общение какое было, но знаю, что он его не любил. Неужели можно было без проверки такого близкого друга, каким был мой дед для Сталина, поверить Берии о том, что он враг народа, что он готовит на Сталина теракт. Все, кто знал, удивлялись, как можно верить словам Берии и не поговорить с самим Буду, не расспросить, в чем дело, почему. Как это можно было? Какие методы были тогда в НКВД? Избивали его, и последний метод был, когда ему не то показали, не то он услышал, как пытали его младшего сына. Вот это была последняя капля, после этого он все подписал. До этого он отказывался от всего, говорил,

что все это ложь, что он был верным сыном партии и служил верой и правдой. А вот последняя капля, когда он услышал голос, крик сына своего.

12 июня 1936 года следствие получает признательные показания от Михаила Окуджава о сотрудничестве с французской разведкой. Замечательно, что следователя эта самая разведка нисколько не интересует, вопросов о возможных выходах на французского резидента в Грузии Окуджава не задают, попыток затеять тонкую агентурную игру, обнаружить шпионскую сеть не предпринимают. Достаточно покаянных показаний, которые сохранились в архиве Тбилиси и публикуются впервые:

Я решил признаться во всем. В 1935 году я был на квартире у Буду Мдивани. Мы были вдвоем. Буду Мдивани сообщил мне, что он связан с французской разведкой и предложил мне сотрудничать в пользу французской разведки. Я дал ему согласие. Буду Мдивани спросил меня, какую вредительскую работу я осуществляю. Я ответил, что провожу вредительскую работу в пищевом институте путем разработки научных тем в таком направлении, чтобы принести вред консервной промышленности. В частности я ему говорил, что мы проводим анализы плодов таким путем, чтобы непригодные плоды использовались в консервной промышленности с целью снизить качество консервов и вызвать недовольство населения. Буду Мдивани одобрил мою вредительскую работу и поручил о результатах вредительства сообщить ему для передачи французской разведке.

Окуджава также признал, что стремился подорвать обороноспособность страны:

Выработанные консервными заводами по нашим рецептам консервы должны были вызвать отравление красноармейцев.

С мая 1936 года, как показывал М. Окуджава, он с Мдивани не встречался, так как начались аресты троцкистов и он боялся, что за ними следят.

Не выдержав пыток, Окуджава называет и своих «сообщников» по вредительству: Станислава Шумского, руководителя консервного сектора, и Тамару Джанджиэри, заведующую микробиологической лабораторией. К этой же группе подверстали и племянника Серго Орджоникидзе Георгия Глахарию, директора Макеевского завода. Тот якобы сообщал Михаилу Окуджава, что проводит вредительскую работу на своем заводе.

Фирменным знаком тбилисских чекистов было получение показаний об организации терактов на Сталина и Берия. Поэтому одними признаниями во вредительстве Михаилу Окуджава обойтись не удалось.

6 июля 1935 года я приехал в Тбилиси и, связавшись с Буду Мдивани, в его служебном кабинете Заместителя Председателя Грузинского Совнаркома подробно информировал его о проделанной мною в Сухуми контрреволюционной работе. Буду Мдивани предложил мне немедленно вернуться в Сухуми в связи с ожидавшимся приездом туда Сталина и Берии и подготовить совершение теракта против них. При этом Буду Мдивани предупредил меня, что он, когда будет нужно, даст мне специальную директиву о совершении теракта. Кроме того, Буду Мдивани информировал меня о том, что он намеревается отправить в Абхазию вторую тергруппу, и предупредил меня, чтобы не вышло путаницы и разнобоя в деятельности этих двух тергрупп, т. е. моей и той тергруппы, которую он должен был прислать из Тбилиси.

В ответ на прямой вопрос о составе террористической группы Михаил Окуджава называет имена, среди которых рядовые сотрудники института пищевой промышленности: доценты Иосиф Таргамдзе и Леван Леванидзе, а также аспирант Владимир Чкония.

Вот что показал на допросе 1954 года полковник госбезопасности Константин Савицкий:

Берия, как лично, так и через Гоглидзе, Кобулова давал указания допрашивать лиц, арестованных по подозрению в принадлежности к правотроцкистскому и националистическому подполью в направлении организации подготовки против него теракта. Добытые следователями показания о террористической деятельности против Берии всячески поощрялись. Это приводило к тому, что все следователи стремились добиться у арестованных таких показаний. В результате по всем делам, где шла речь о подготовке террористических актов, указывалось и о подготовке теракта лично против Берии.

Гоглидзе свидетельствовал:

Большинство арестованных и осужденных в те годы обвинялись в террористических высказываниях против Берии, и многие из них признавали себя в этом виновными. Помню, что ни по одному делу не было установлено фактов, свидетельствующих о конкретной подготовке совершения террористического акта на Берию, а все ограничивалось общими рассуждениями по этому вопросу.

1 июля 1937 года Генеральный прокурор СССР Андрей Вышинский послал Сталину и Молотову короткую записку:

Товарищ Берия поставил перед Прокуратурой Союза ССР вопрос о передаче дел Мдивани Б., Торошелидзе М., Окуджавы М., Курулова Г., Чехладзе С., Перумова С., Элиавы Г. и Карцевадзе М. на рассмотрение Верховного суда Грузинской ССР с применением закона 1 октября 1934 года, с опубликованием в местной печати о состоявшемся приговоре и приведении его в исполнение.

Документ пустили по кругу, за предложенный Л. Берией алгоритм проголосовали Сталин, Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович, Калинин, Чубарь и Андреев. Документ решил закрытый характер процесса, судьбу подсудимых и, наконец, место проведения суда и казни. Видных политических заключенных следовало расстрелять на месте, а не везти на Лубянку.

9 июля 1937 года Специальное судебное присутствие Верховного суда республики в закрытом заседании приговорило Б. Мдивани, Н. Торошелидзе, М. Окуджаву, Г. Курулова, С. Чехладзе, Г. Элиаву и Н. Карцевадзе к расстрелу. 10 июля 1937 года газета «Заря Востока» публикует короткую заметку под заголовком «Негодяи получили по заслугам». Как это часто бывало, процесс являлся, как говорили во времена Французской революции, амальгамой: наряду с теми, кто действительно когда-то входил в оппозицию, перед судом предстали и верные сталинцы, которые слишком много знали о прошлом Лаврентия Берии.

Многие обратили внимание на то, что при всей внешней обличительной шумихе устроить открытый процесс над старыми большевиками Берия так и не рискнул. Комментируя итоги тбилисского процесса, сын Л. Троцкого Л. Седов писал в бюллетене оппозиции:

Старые грузинские революционеры в противоположность многим из своих бывших московских друзей не дали себя сломить. Кроме того, Сталин, вероятно, надеется при помощи закрытых «судов» укрепить подорванную исходом московских процессов инквизиторскую технику добычи

признаний. Будущих подсудимых поставят перед альтернативой: тайный суд с непременным расстрелом или ложные признания с надеждой на радековский «шанс».

10 июля 1937 года Лаврентий Берия выступает на активе тбилисской парторганизации, где рассказывает о дальнейшем направлении репрессий. Теперь под ударом – «правые». Прежде всего, люди из окружения Серго Орджоникидзе:

Почти все без исключения, особенно из числа закавказских, которые работали у Серго, оказались, как вы знаете, врагами партии и народа. Им Серго доверял, а они пользовались этим доверием и предавали партию и его самого.

Среди разоблаченных врагов народа были названы наркомзем Грузии Матикашвили, управляющий заготзерном Джавахия, наркомздрав Каминский, бывшие члены ЦК ВКП(б) Назаретян, Павлуновский, Картвелишвили. «Паровозами» должны были идти Орахелашвили и Элиава. Лаврентий Павлович традиционно укорял товарищей в отсутствии бдительности. Приводил пример директора завода Джанашия, который с почтением относился к Орахелашвили:

Всякие поцелуи, объятия, семейные дела, забота о дочери, совместные поездки на охоту. Естественно, Джанашия был завербован в контрреволюционную организацию. Жоржоладзе, начальник политотдела Закавказского ВО, общался с Тухачевским и стал шпионом. Нарком легкой промышленности Георгий Рамишвили устроил на курорт своего дядюшку Исидора Рамишвили, побывавшего в ссылке. Уполномоченный наркомата образования Старк, бывший троцкист, открыто говорил: «Нам не везло здесь с партийным и советским руководством». Кто-нибудь сообщил об этом НКВД?

Впрочем, в этом деле существует одна загадка. Уже неоднократно упомянутый нами «известный уклонист и троцкист» Сергей Кавтарадзе, который вначале рассматривался как потенциальный подсудимый, не был выведен на процесс, а через год вообще выпущен из тюрьмы и восстановлен в партии. Известно, что только что освобожденному из тюрьмы Кавтарадзе неожиданно позвонили в его коммунальную квартиру Сталин с Берией и напросились в гости. Пили, закусывали, пели грузинские песни.

Это не единственный случай. Например, не был посажен в тюрьму Филипп Махарадзе, злобно критиковавшийся Берией за то, что он недостаточно подчеркивал роль Сталина в создании большевистского движения в Закавказье. К тому же Махарадзе наряду с Мдивани и Окуджавой был одним из вожakov грузинских уклонистов.

Пощадил вождь и Миху Цхакая, старейшего грузинского большевика. Не пострадал и отец будущего президента Грузии, знаменитый писатель, бывший активный член партии федералистов Константин Гамсахурдия.

Вероятно, в этом был свой замысел. Сталин, как могущественное божество, мог не только карать, но и миловать. Так должна была думать его паства.

Апогей террора

15 мая 1937 года в Тбилиси открылся X съезд Компартии Грузии. С отчетным докладом ЦК выступил Лаврентий Берия. Большая часть речи посвящена достижениям народного хозяйства республики. Но немало, конечно, говорилось и о врагах народа. Так, Берия рассказал о разоблаченных в Грузии соучастниках подсудимых Пятакова, Серебрякова, Лившица по второму большому московскому процессу, прошедшему в январе 1937 года.

В руководстве Закавказской железной дороги ряд последних лет сидел Розенцвейг, который в свое время, будучи начальником Турксиба, был завербован Лившицем и Серебряковым. Этот негодяй, находясь на посту начальника дороги, проводил вредительскую работу по линии организации крушений, срыва мероприятий по безопасности движения поездов, развала путевого хозяйства, вредительского ремонта паровозов на заводе, развала финансирования хозяйства дороги.

Далее Берия перечислил сообщников Розенцвейга в руководстве дорогой и потребовал «до конца выкорчевать контрреволюционное охвостье Розенцвейга».

О разоблаченном и арестованном в Грузии Розенцвейге еще на февральско-мартовском пленуме 1937 года говорил Лазарь Каганович:

Розенцвейг. Ну, вы знаете его: святоша, деловой работник, старый начальник дорог. Должен вам признаться, что уж по поводу Розенцвейга я никак не ожидал, что он окажется вредителем, но в чем тут ошибка? А вот в чем. Он, оказывается, давнишний приятель Серебрякова, и каждый раз, когда приезжал в Москву, обязательно ходил к Серебрякову. Что отсюда вытекает? А то, что надо устанавливать не слежку, а, так сказать, мы должны знать, кто чей приятель, с кем ты ведешь компанию, чтобы установить, что ты из себя представляешь.

В сущности, в речи Кагановича заключен алгоритм, по которому и раскручивался маховик Большого террора. Сначала брали видных в прошлом оппозиционеров, затем их друзей и приятелей, а после и знакомых их приятелей. Берия действовал по этому же принципу. Он упомянул в докладе уже арестованных Б. Мдивани, М. Торошелидзе, Б. Квирквалию, П. Меладзе, П. Агнишвили, К. Модебадзе и тут же озвучил список новых жертв из грузинского руководства:

Что же касается таких, как Г. Курулов, Т. Жгенти, Ш. Матикашвили, то они не только были в близких дружеских отношениях с отдельными ныне разоблаченными врагами народа, но прямо смыкались с ними и являлись их пособниками... Решением Бюро ЦК КП(б) Грузии Г. Курулов, Т. Жгенти, Ш. Матикашвили сняты с работы и материалы о них переданы в партколлегию.

Вскоре двое из них будут арестованы и расстреляны. А Тенгиз Жгенти этой участи избежит, наложив на себя руки. Мы впервые публикуем письмо Берии Сталину от 25 мая 1937 года:

24 мая около 11 часов утра в своей квартире выстрелом из револьвера в целях самоубийства тяжело ранил себя бывший секретарь ЦИК Грузинской ССР Тенгиз Жгенти. Раненый был доставлен в больницу, где ему была оказана медицинская помощь. Жгенти был известен грузинской парторганизации как человек, разделяющий к-р националистические, шовинистические взгляды.

Он группировал вокруг себя и поддерживал тесные связи с людьми недовольными и обиженными на партию и с националистическими

элементами, вроде ныне арестованных В. Джикии, Б. Бибинейшвили, С. Чехладзе и другими. В процессе следствия по делам арестованных членов грузинского к-р троцкистского центра НКВД Грузии получил материалы, изобличающие Жгентию в к-р работе. Арестованный Б. Мдивани 28 марта т/г показал: «Тенгиз Жгенти, встречаясь со мной, подвергал к-р критике политику ВКП(б) в национальном вопросе. Можно прямо сказать, что Тенгиз Жгенти олицетворял собой националистические устремления грузинского шовинизма.»

Арестованная Л. Гасвиани 27 марта 1937 года показала, что Т. Жгентия входил в руководство контрреволюционной организации грузинского национального центра. Она же 9, 10 апреля показала:

Буду Мдивани сообщил мне, что для к-р работы в Красной армии используются националистические элементы, связанные с Тенгизом Жгенти и Петром Огниашвили.

В показаниях арестованного С. Чехладзе от 11 апреля 1937 года говорится: развертывание контрреволюционной деятельности в армии обеспечивается через Тенгиза Жгенти, который как бывший военный работник имеет обширные связи в грузинских национальных частях Красной армии.

Характеризуя Жгенти, С. Чехладзе показал:

Как Т. Жгенти, так и его ближайшая связь Владимир Джикия, были проникнуты непримиримой ненавистью к Сталину и всему руководству партии и мыслили «счастье грузинского народа» лишь в условиях его «освобождения» и «создания независимой Грузии».

15 мая 1937 года Тенгиза Жгенти вызвали на Бюро ЦК и сняли с работы. Его допрашивала партколлегия. Понимая, что судьба его предрешена, Жгенти оставил два предсмертных письма – Берии и близким.

Берии он писал:

Тов. Лаврентий! Почему и как тебя убедили или ты сам поверил в обвинения против меня, исходящие от арестованных. Никто не затруднится это сказать, что не удивительно. Эти семь месяцев меня так утомили, что я больше не могу. Поэтому не удивляйтесь этому событию. Теперь прошу об одном, пусть посмертно меня не ругают. Всего того, что произошло, достаточно. Какое бы значение имело после этого мое существование. Прошу ни в одном случае, если даже будут говорить 100 арестованных, не верить всем этим ложным и никому не нужным обвинениям. Так как всем будет трудно заходить ко мне домой, прошу вас поддержать семью.

Тенгиз Жгенти

Родным и близким он писал:

Моим Шушане, Коки, Кушуту и Мадлене. Для вас так было лучше. Не мог я выдержать моего несчастья, столь длительного таскания. Умираю не за свою вину, а за унижения и издевательства. Будьте здоровы.

Тенгиз Жгенти

Самоубийством Жгенти спас себя от многомесячных пыток и расстрела.

Те участники съезда, кого Берия не упомянул, облегченно вздохнули. Из 644 делегатов республиканского партсъезда расстреляли или отправили в лагеря 425 человек. В их числе

были 19 из 27 грузинских делегатов знаменитого XVII съезда ВКП(б), так называемого «съезда победителей».

3 июля 1937 года Сталин передает Николаю Ежову, партийным руководителям областей и республик решение Политбюро о начале кампании массовых репрессий. С мест в Москву поступили телеграммы с ориентировочным количеством будущих жертв по двум категориям – расстрел и лагерь. 10 июля Лаврентий Берия получает лимит на расстрел в Грузии 1419 человек, на отправку в лагерь 1562 человек. Позже общий лимит будет расширен до 10 000 и все равно перевыполнен. Всего с лета 1937 до весны 1938 года в республике будет расстреляно 4975 человек, а в лагерь отправлено 6229.

В первых числах июля Лаврентий побывал в Москве, где встречался со Сталиным и Ежовым и, видимо, получил подробные инструкции о проведении массовых репрессий. Вот что показал в 1953 году Сергей Гоглидзе, в 1937-м будучи наркомом внутренних дел Грузии:

...В первой половине 1937 года Берия, возвратившись из Москвы, предложил мне вызвать в ЦК КП Грузии всех начальников районных, областных НКВД и наркомов автономных республик. В своем выступлении Берия указал, что в стране ведется борьба с врагами. Берия тогда указал, что органы НКВД Грузии в этом направлении работают плохо, и потребовал перестройки в работе. Далее Берия заявил, что, если арестованные не дают нужных показаний, их нужно бить. С этого момента в Грузии началось избиение арестованных, стали появляться показания на большие группы лиц. Поскольку Берия дал общую установку на избиение арестованных, естественно, увеличились аресты не только действительных врагов, на которых имелись агентурные материалы в НКВД, но и главным образом лиц, «проходивших» по показаниям арестованных.

Дальнейший террор в Грузии, носивший черты патологического садизма, управлялся непосредственно первым секретарем КП(б) Грузии Лаврентием Берией. Это довольно неординарный случай в истории Большого террора, подобного которому мы не знаем. Как правило, секретари областных, республиканских ЦК передоверяли кровавую грязную работу органам НКВД. Если Сталин считал, что партийный руководитель недостаточно помогает чекистам, на места присылали членов Политбюро или крупных аппаратчиков из Москвы, которые и запускали процесс массовых репрессий. Но Берия не нуждался в указаниях и подсказках. Он не только «чистил» Грузию, но и шефствовал над двумя другими закавказскими республиками – Азербайджаном и Арменией. Расправами в Армении руководил лично. Ретивость Берии можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, карьеризм. Лаврентий понимал, что Грузия находится под пристальным вниманием Сталина. Он должен был учитывать не только прямые указания, но и ловить, предупреждать его скрытые желания. И конечно Берия в этом смысле преуспел. Высшую оценку как чекисту ему даст сам Сталин, назначив в 1938 году наркомом внутренних дел вместо отработавшего свое Николая Ежова.

Во-вторых, по многочисленным свидетельствам его подчиненных, Берия отличался злопамятностью и мстительностью. Недаром он не выполнил план по числу расстрелянных анонимных крестьян, но намного перекрыл плановые цифры по уничтоженным аппаратчикам и деятелям культуры. Как мы уже отмечали выше, наш герой испытывал к интеллигенции почти классовую обиду, которая требовала выхода. Особенно яростно Берия относился к своим бывшим соперникам в борьбе за власть или тем, кто им некогда командовал. Трудно объяснить рационально вендетту, учиненную им клану Орджоникидзе и клану Лакобы. После невероятных мучений были отправлены на тот свет все члены семьи Орахелашвили. Таким же образом погиб Лаврентий Картвелишвили, боровшийся с Берией за пост руководителя Закавказья.

Как и в любом своем деле, Берия считал себя самым компетентным, способным выполнить любую работу лучше подчиненных, потому и в пыточных-расстрельных делах все приходилось держать под личным контролем.

Об этом единодушно рассказывали на следствии 1953 года его бывшие подчиненные чекисты. Из показаний К. Савицкого:

Берия, будучи секретарем ЦК КП(б) Грузии, непосредственно и практически руководил следствием НКВД Грузии. На бланках ЦК КП(б) Грузии Берия писал фамилии лиц, которые должны быть арестованы. Лично сам я видел служебные записки Берии с таким текстом: «Арестовать такого-то и крепко допросить». Слово «крепко» было подчеркнуто. В частности, такую записку я видел у Кобулова в отношении бывшего секретаря комитета комсомола НКВД Грузии Асламазова Михаила. Следствие по его делу вел Ковальчук, который так «крепко» допрашивал Асламазова, что последний, не выдержав избиений, выбросился из окна 5-го этажа и разбился насмерть. Берия неоднократно, я это лично видел и на одном допросе присутствовал сам, приезжал из ЦК и сам допрашивал арестованных. Так им допрашивались бывший секретарь Закавказского крайкома КП(б) Картвелишвили, бывший секретарь КП(б) Грузии Кахиани и др.

С. Гоглидзе на следствии 1954 года показал:

Он все время интересовался делами, и не было дня, чтобы он не поинтересовался ходом следствия. Особенно он проявлял повышенный интерес к делам и показаниям тех лиц, с которыми он работал и близко знал их. Безусловно, на некоторых лиц мы предварительно согласовывали вопрос с Берией и докладывали ему материалы дел в ходе следствия по окончании следствия. Во всяком случае, Берия был подробно информирован по каждому делу, относящемуся к сколько-нибудь ответственным работникам. Более того, Берия неоднократно участвовал сам в допросах арестованных и давал указания по делам.

Богдан Кобулов:

В ряде случаев, допрашивая арестованных, Берия давал указания избивать их в его присутствии. Так, по указанию Берии, я лично принимал участие в избиении арестованного Матикашвили, бывшего наркомзема Грузии.

Попытка провести большой открытый процесс в Тбилиси, как мы знаем, провалилась. Но были устроены четыре более мелких. Об одном из них в Абхазии мы уже рассказывали.

Такой же провели и в Аджарии. 17 июля 1937 года Берия докладывал Сталину:

В Аджарии раскрыта контрреволюционная организация, связанная с турецкой разведкой и ставившая своей целью присоединение Аджарии к Турции. Организация вербовала себе сторонников и последователей в деревнях Аджарии, увязывая свою работу с эмигрантскими элементами, находящимися в Турции. Показаниями почти всех арестованных председатель ЦИКа Аджарии Лордкипанидзе Зекерий изобличается в том, что он является руководителем этой контрреволюционной организации и связан с турецким консулом в Батуми и турецкой разведкой. Прошу санкционировать его арест. В настоящее время Лордкипанидзе находится под наблюдением

для предотвращения возможного бегства за границу. В ближайшие дни представлю кандидатуру аджарца на пост председателя ЦИКа Аджарии.

Известно, что арестованных в Аджарии безжалостно пытали и сумели добиться от них того, что не получилось по процессу Б. Мдивани и других старых коммунистов. Бывшее аджарское руководство судили открыто. Зал Батумского театра заполнили курортники, прибывшие в бархатный сезон, чекисты и ответственные работники. Все подсудимые как один признались в своих неисчислимых преступлениях, в том числе в шпионаже и подготовке покушений на Берию и Сталина. В ходе процесса были получены показания на Михаила Джавахишвили, классика грузинской литературы. Но с ним расправились отдельно.

30 сентября объявили приговор: восемь подсудимых расстреляли, двое получили по десять лет лагерей, один – восемь лет.

Практически во всех районах СССР в 1937–1938 годах происходили процессы над агрономами, зоотехниками и ветеринарами. В сельском хозяйстве хватало проблем, и было очень удобно списать их не на недостатки колхозной системы, а на сознательное вредительство. Как мы писали, в порче консервов был обвинен М. Окуджава и другие сотрудники Института пищевой промышленности. Кроме того, были проведены два громких открытых «сельскохозяйственных» процесса.

23 января 1938 года «Заря Востока» печатает обвинительное заключение по делу о вредительской организации в Грузинском НИИ животноводства в Тбилиси. На скамье подсудимых девять ветеринарных врачей. Следствие выстроило следующую конструкцию. Обвиняемые – ответвление организации «правых», созданной Бухариным, Рыковым, – связаны с наркомземом С. Джугели и его замом В. Гварамией. Директор института Ш. Дадиани вербовал остальных, намекая на покровительство Л. Картвелишвили (бывший председатель СНК Грузии). Подсудимые обвинялись в том, что искажали районирование, метисизацию свиней, племенное дело, подготовку кадров по искусственному осеменению, писали халтурные инструкции. Кроме того, «во вредительских целях Дадиани и Джапаридзе провели изучение лишь мегрельской козы»... 27 января публикуются приговоры. По итогам процесса семь осужденных расстреляны, двое получили по двадцать лет лагерей.

25 августа 1937 года в театре районного центра Сигнахи, в Кахетии, судили 11 участников местной контрреволюционной организации. Среди них оба руководителя района – партийный секретарь и председатель райисполкома. Согласно версии следствия, они создали еще одно ответвление организации «правых» под руководством бывшего председателя совнаркома Германа Мгалоблишвили. Разбирало дело Специальное присутствие Верховного суда Грузии. Непосредственные контакты кахетинские вредители поддерживали с Ш. Элиавой и бывшими руководителями наркомзема Гварихией и Матикашвили. В. Гварихия и дал основные обличающие показания. Согласно им, обвиняемые занимались диверсионно-вредительской деятельностью – готовили покушение на Л. Берию, а кроме того, сознательно нарушали глубину вспашки, портили виноградную лозу, морили свиней голодом, травили овец и вредительски оставляли урожай на полях. В итоге Специальное присутствие Верховного суда Грузии приговорило семерых подсудимых к расстрелу, троих к десяти годам заключения и одного – к восьми.

Лаврентий Берия 27 августа 1937 года отчитывался о результатах процесса в письме Сталину, которое мы публикуем на русском языке впервые:

Районный театр, в котором происходил процесс, был переполнен представителями колхозов, совхозов, МТС и др. организаций Сигнахского района.

Процесс транслировался по радио и телефонной сети во все сельсоветы района. На площади вокруг театра около 6000 съехавшихся со всего района крестьян с огромным вниманием слушали передаваемый по радио ход

процесса. Присутствующие на процессе и слушавшие по радио с огромным возмущением реагировали на показания обвиняемых, рассказывающих о том, как они провоцировали крестьян, вели подрывную работу, извращали налоговую политику партии и советской власти, производили диверсионные и вредительские акты в области животноводства.

На митингах колхозников вынесены решения с требованиями расстрела обвиняемых и обещаниями до конца ликвидировать последствия вредительства. Процесс сыграл исключительно большую роль в деле разьяснения массам трудящихся к-р вредительской, диверсионной, подрывной работы врагов народа.

Если исследовать Большой террор в Грузии только по газетам, мы узнаем о пяти официальных процессах – над Б. Мдивани и старыми коммунистами, а также процессы в Абхазии, Аджарии, Сигнахах и о деле животноводов в Тбилиси. Но подводная часть айсберга куда больше, о ней в газетах не писали. Остались только следственные дела части жертв и некоторых их палачей – «бериевцев». Кроме того в последние годы опубликован значительный массив документов, проливающих свет на замыслы и деятельность Лаврентия Берии в 1937–1938 годах. Особенно важна записка Берии Сталину от 20 июля 1937 года, в которой он подробно описывает продолжение будущей чистки в руководстве Грузии. Это программный документ Большого террора в Грузии, который будет не только в точности выполнен, но и перевыполнен. Понятно, что какие-либо доказательства, улики следствию не понадобятся. Вся работа – добиться показаний, подтверждающих бериевский план.

Обращает на себя внимание, как Берия называет в письме Сталина – «Товарищ Коба». Так вождя называли только старые большевики, товарищи по революционной борьбе с царизмом. Кроме того, записка сохранила реакцию Сталина, крайне заинтересованную. Практически каждый абзац содержит подчеркивания и пометки вождя. Из письма становится известно, что к этому времени уже были арестованы бывшие соперники Лаврентия по руководству Закавказья – Г. Мгалоблишвили, Л. Лаврентьев (Картвелишвили), Ш. Элиава, М. Орахелашвили, С. Лукашин.

Исходя из их показаний Берия конструирует якобы существовавшую в Грузии организацию «правых», созданную еще в 1928 году, «с одной стороны, по директиве Рыкова, привезенной из Москвы Г. Куруловым, а с другой стороны – по указанию Бухарина... В организацию тогда вошли бывший пред. ЗакСНК М. Орахелашвили, бывш. пред. СНК Грузии Ш. Элиава, Г. Мгалоблишвили, Г. Курулов, Н. Лакоба, С. Джугели и Т. Жгенти.

В 1930 году в эту организацию вошел Л. Лаврентьев (Картвелишвили), приехавший в Тбилиси с Украины для работы секретарем ЗКК ВКП(б). Лаврентьев фактически возглавил работу правых в Грузии и Закавказье».

С 1934 года Закавказский центр организации находился в Москве. Ему починались республиканские центры – в Грузии, Армении и Азербайджане. Первым делом организация связалась со всеми противниками советской власти – троцкистами, меньшевиками, дашнаками, мусаватистами. Затем с правительственными кругами капиталистических держав, в частности фашистской Германии, Англии, Франции. А Буду Мдивани через своего человека связал организацию с гестапо и непосредственно с Розенбергом, Герингом и Гессом.

Как писал исполненный праведного гнева Лаврентий:

... Вся эта сволочь представляла из себя чудовищное сплетение шпионов, предателей, вредителей, диверсантов, лиц с самыми разнообразными контрреволюционными взглядами и убеждениями, но объединенных звериной ненавистью к руководству ВКП(б) и гнусным желанием свергнуть Советскую власть.

Не забыл он упомянуть и своего бывшего покровителя Серго Орджоникидзе:

Характерны показания Марии Орахелашвили и Лукашина о том, что Серго Орджоникидзе вольно или невольно оказывал большую моральную и материальную поддержку бывш. грузинским и закавказским работникам, выдворенным из Грузии и Закавказья, и тем самым фактически помогал им в их контрреволюционной работе против партии.

О методах ведения следствия красноречиво говорит одно замечание Лаврентия:

Пока еще молчит этот мерзавец и предатель Орахелашвили Мамия. Боимся крепко брать его в работу, т. к. каждый раз при допросе он падает в обморок и приходится впрыскивать ему камфару. Нет сомнения, что скоро заговорит и он.

Отдельно Берия сообщает о раскрытии контрреволюционных организаций в Абхазии и Аджарии, заканчивая письмо ориентировочным количеством будущих жертв:

Считаю, что придется расстрелять не менее 1000 человек, из числа к.р. правых, троцкистов, шпионов, диверсантов, вредителей и проч. В это число не входят бывшие кулаки и уголовники, вернувшиеся из ссылки и подлежащие расстрелу в административном порядке через тройку, созданную при НКВД Грузии в согласии с решением ЦК ВКП(б).

Мамия Орахелашвили

Упомянутый в записке Берии падающий в обморок, но при этом не дающий показаний пятидесятилетний Мамия Орахелашвили к концу июля 1937 года являлся самым крупным из арестованных грузинских политических деятелей. С 6 июля 1923 года по 21 мая 1925 года он был заместителем председателя СНК СССР, в 1926–1929 годах Орахелашвили – первый секретарь Закавказского краевого комитета ВКП(б), одновременно ответственный редактор газеты «Заря Востока». С января 1931 года председатель СНК ЗСФСР, затем первый секретарь Заккрайкома ВКП(б).

Как мы помним, на рубеже 1920–1930-х годов Орахелашвили был вначале непосредственным начальником Берии, между ними сложились очень непростые отношения. В конце концов победил Лаврентий, а его недавний шеф отправился в Москву, где занимал малозначительный пост заместителя директора Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). Впрочем, он являлся близким другом Серго Орджоникидзе и Авеля Енукидзе и поэтому продолжал оставаться для Берии опасным врагом.

Не любил его и Сталин. В письме Кагановичу 12 августа 1934 года Сталин писал:

«Ученый» Орахелашвили оказался шляпой (который раз!). Где его «ученость»?

После смерти Орджоникидзе, в мае 1937 года, Мамия Орахелашвили был исключен из состава Центральной ревизионной комиссии и из партии. Формальные причины тому изложены в решении Политбюро:

Об Орахелашвили и Элиаве

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК:

На основании имеющихся материалов, в которых член Центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б) Орахелашвили и кандидат в члены ЦК ВКП(б) Элиава обвиняются в том, что они знали о контрреволюционной работе грузинского троцкистского центра, но скрыли это от ЦК, исключить Орахелашвили из состава Центральной Ревизионной Комиссии и из партии и исключить Элиаву из кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии с высылкой обоих из Москвы.

В апреле 1937 года Мамия Орахелашвили был выслан в Астрахань. В сталинских традициях ему дали пару месяцев дозреть, помучиться. 26 июня 1937-го Орахелашвили был арестован. Одновременно посадили его жену Марию Платоновну – бывшего народного комиссара просвещения Грузинской ССР.

Свидетель Ароян, бывший фельдшер внутренней тюрьмы НКВД ГССР, рассказала на следствии в 1954-м о том, как пытали Орахелашвили:

Я оказывала медицинскую помощь арестованному Мамии Орахелашвили. У меня сохранилось в памяти, что на спине у Орахелашвили имелись зияющие кровоточащие раны... и я их смазывала йодом. На ногах у Орахелашвили было множество синяков. Орахелашвили тогда жаловался на сильные боли и испытываемые им мучения. Я, как могла, старалась облегчить его страдания. Должна отметить, что вместе с Орахелашвили в камере сидел один арестованный, который или был сумасшедшим, или притворялся сумасшедшим. Он систематически терзал Орахелашвили в камере, царапал его, бил, не давал никакого жителя. Орахелашвили подолгу вынужден был скрываться от него под кроватью в камере. Когда я оказывала медицинскую

помощь Орахелашвили, он жаловался на издевательства и избиения, которые ему приходится терпеть от сокамерника, высказывал предположение, что такого соседа ему следователь подсадил специально.

На том же следствии 1954 года бывший начальник тюрьмы УГБ НКВД Грузинской ССР Сардион Надарая показал, что «после применения к Орахелашвили избиений и пыток он стал ложно оговаривать значительное число лиц, считая, что таким путем ему удастся затянуть следствие и добиться тщательной проверки правдоподобности своих показаний, во время которой выяснится ложность возведенных против него обвинений. В этот же период Орахелашвили дал показания в отношении С. Орджоникидзе, заявив, что хотя он „очень многим обязан Серго Орджоникидзе“, но „даже чувство благодарности и преданности к нему“ не помешает Орахелашвили „осветить его (Орджоникидзе) действительную роль в событиях, при которых зарождались враждебные ВКП(б) и Советской власти группировки и контрреволюционные организации“.»

На допросе 10 сентября 1937 года Орахелашвили рассказал:

Я хочу дать показания о роли Серго Орджоникидзе в нашей контрреволюционной организации. Прежде всего, будучи очень тесно связан с Серго Орджоникидзе, я был свидетелем его покровительственного и примиренческого отношения к носителям антипартийных и контрреволюционных настроений. Надо со всей откровенностью признать, что Серго Орджоникидзе фактически вдохновлял нашу контрреволюционную борьбу против партийного руководства Грузии и лично Секретаря ЦК КП(б) Грузии – Лаврентия Берии, хотя организационно с нами по контрреволюционной работе связан не был. Он не только поддерживал наши контрреволюционные выпады по адресу Сталина и Секретаря ЦК КП(б) Грузии – Лаврентия Берии, а наоборот, задавал тон этим нашим контрреволюционным разговорам...

Впоследствии мне стало известно, что Серго Орджоникидзе вкупе с Левоном Гогоберидзе, Петре Агниашвили и Нестором Лакобой ведут самую активную борьбу против Секретаря ЦК КП(б) Грузии – Лаврентия Берии, распространяя по его адресу заведомо клеветнические и возмутительные вымыслы.

В связи с 50-летием Серго Орджоникидзе мною была написана и выпущена специальная брошюра его биографии. Все время пока я писал эту биографию, я жил на даче у С. Орджоникидзе, а затем ездил к нему в Кисловодск. Со всей ответственностью должен заявить, что этот документ, составленный мною по непосредственным указаниям С. Орджоникидзе, является сугубо антипартийным. Ибо в нем заведомо сознательно допущены извращения, выражающиеся в том, что слишком раздута роль Орджоникидзе в революционном движении, главным образом за счет роли Ленина и Сталина.

Этот протокол вызвал особый интерес у Лаврентия Берии. Он переслал его Сталину с собственными замечаниями, обращая внимание на пассаж про умаление роли Ленина и Сталина. Берия хорошо понимал истинное отношение Сталина к Орджоникидзе.

Следователем по делу Орахелашвили был даже в те времена выделявшийся жестокостью Никита Крмыан. Несмотря на молодость, ему было всего двадцать четыре года, он вел себя как законченный садист.

Свидетель А. Петросян на допросе 21 января 1954 года показал:

...В августе 1938 г. в Тбилиси я был арестован НКВД по обвинению в подготовке теракта против Берии. В период следствия меня систематически

избивали Крымян и Савицкий. Крымян и Савицкий избивали меня кулаками, ногами, ременной плетью, заставляли меня танцевать и всячески издевались, постоянно истязали, так что я не менее 30–35 раз терял сознание и избитый, в синяках и кровоподтеках, доставлялся во внутреннюю тюрьму. Лично Крымян во время истязаний выбил мне кулаком четыре зуба, он же заставлял меня лизать кровь на полу.

По сведениям американского историка Роберта Такера, «Орахелашвили в присутствии жены, которую заставили смотреть на это, выдавили глаза и порвали барабанные перепонки».

Садизм Крымяна Берию ничуть не смущал. Даже напротив, столь ретивого следователя Лаврентий Павлович ставил в пример другим. В 1954 году бывший следователь Савицкий показывал:

Мне лично Кобулов говорил, что ты не сумел добиться от Орахелашвили признательных показаний, а Крымян их добился... Берия очень высоко оценивает полученные Крымяном от Орахелашвили показания, чрезвычайно ими интересуется, знакомится с каждым протоколом допроса и сам дает указания по делу...

Впрочем, выдающийся садизм Крымяна не укладывался даже в рамки методов НКВД времен Сталина. В 1951 году он будет снят с должности начальника МГБ по Ульяновской области «за применение незаконных методов следствия».

Выбор Берии следователем по делу Орахелашвили именно Никиты Крымяна, конечно, был сознательный. Во-первых, важно было получить показания на Серго Орджоникидзе и подтверждение заговора, в который была вовлечена вся грузинская политическая элита. Во-вторых, прослеживается и мотив личной мести. Неслучайно судьба всей семьи Орахелашвили сложилась трагически. Столь же изощренным пыткам подвергалась жена Мамии Орахелашвили Мария. Как мы помним, в начале 1930-х у нее был серьезный конфликт с Берией, дошедший до ЦК и Сталина, в связи с тем, что она не скрывала неприязнь к подчиненному своего мужа и публично ругала Лаврентия. Берия этого не забыл.

Сокамерница Марии Орахелашвили Васина показала на следствии 1954 года:

Я очнулась, придя в сознание в камере, и увидела Марию Орахелашвили, не похожую на прежнюю Марию. Она была изуродована до неузнаваемости. Однажды, в середине декабря 1937 года, Марию Орахелашвили вызвали на допрос, а через некоторое время ее принесли в камеру на носилках. Она была в таком состоянии, что притронуться к ее телу было нельзя. Она была вся избита, руки у нее были вывернуты, ребра переломаны, и она даже не могла оправиться и нуждалась в нашей помощи, она кричала от боли на всю камеру. Мария мне сказала: «Ты еще молода, крепись и ничего не подписывай, а я все подписала, но прошу, если увидишь дочь мою Кетусю, то передай ей, что я ни в чем не виновата перед партией и Сталиным».

Дочь Марии Кетеван Микеладзе-Орахелашвили была также арестована и получила пятнадцать лет лагерей. А ее муж Евгений Микеладзе – зять Орахелашвили – главный дирижер Тбилисского оперного театра, в начале 1937 года успешно выступивший на декаде грузинского искусства в Москве, создатель государственного симфонического оркестра Грузии, ныне носящего его имя, был расстрелян как враг народа в том же 1937 году.

Нина Джибути, внучка Папулии Орджоникидзе, рассказала нам в Тбилиси:

Очень близкий друг Серго Орджоникидзе был Мамия Орахелашвили, а его жена была комиссар народного просвещения, очень красивая женщина Мария Орахелашвили-Микеладзе. А их зять Евгений Микеладзе был в нашем

оперном театре – очень молодой, красивый, талантливый дирижер. И однажды опера шла Захарии Палиашвили «Даиси», дирижировал Евгений Микеладзе. Начало спектакля, тихо в театре. Вошел Берия в ложи со своими подручниками и охраной, и стало шумно в театре – а в это время музыка уже играла. И дирижер, Евгений Микеладзе, постучал своей палочкой, чтоб тихо было. Призвал народ к тишине. И на другой день его вызвали в НКВД – как он мог осмелиться, чтобы постучать своей палочкой. И арестовали его.

Тогда же, в декабре 1937-го, расстреляли и Мамию Орахелашвили. Как показал свидетель Саркисов, бывший шофер внутренней тюрьмы НКВД, вывозивший Орахелашвили вместе с другими арестованными к месту расстрела, Мамия перед казнью крикнул: «Да здравствует советская власть!».

Берия – Сталину. 1937

Мы уже приводили изданные в Тбилиси на грузинском языке письма Берии Сталину за 1937 год. В третьей главе мы опубликовали отрывки из писем, посвященных хозяйственным вопросам. Но Иосифу Виссарионовичу было не менее интересно, чем занимается грузинский НКВД. И Берия лично писал вождю о животрепещущих вопросах борьбы с недобитыми врагами.

4 февраля 1937 года Берия сообщает о судьбе 445 человек, вернувшихся из лагерей и ссылки и проживающих со своими семьями в пограничных с Турцией районах. Берия пишет:

Большая часть вернувшихся прекратила свою к-р антисоветскую работу и приступила к трудовой жизни. Другая часть в количестве 198 человек продолжает оставаться антисоветски-настроенными и является базой для проявления закордонного и внутреннего бандитизма, объектом вербовки иностранной разведки и ведет антисоветскую подрывную работу...

Бюро ЦК Грузии просит выслать указанные 198 человек за пределы Закавказья вместе с их семьями.

1 октября 1937 года Берия докладывает о самоубийстве бывшего заместителя председателя Совнаркома Грузии и начальника «Колхидстроя» А. Геуркова. С 1932 по 1937 год он возглавлял партийную организацию Аджарии. Так как почти все аджарское руководство было арестовано и осуждено на открытом процессе в Батуми, Бюро ЦК Грузии обсудило вопрос о Геуркове.

Сомнения в политической честности Геуркова возникли у нас, во-первых, потому, что ни один из арестованных контрреволюционеров в Аджарии в своих подробных и развернутых признаниях не дал показаний о том, что Геурков, будучи секретарем обкома, мешал их контрреволюционной работе. Что Геуркова следует тем или иным способом убрать из Аджарии. Если бы Геурков твердо и крепко проводил в Аджарии линию партии, не потворствовал к-р элементам, то безусловно к-р организации в той или иной форме ставили бы у себя вопрос о необходимости или организовать против Геуркова теракт, или скомпрометировать в целях снятия его с работы в Аджарии.

Таким образом, в лучшем случае Геурков «прошляпил» к-р организации в Аджарии и налицо его провал как политического руководителя. С другой стороны, в прошлом он находился в числе кадров Б. Ломинадзе, был связан с участниками группы Ломинадзе и особенно близок был с ныне арестованным врагом народа бывшим наркомлегпрома ГрузССР Тарахвелидзе.

В результате Геуркова решили снять с работы и передать его дело в партколлегию. Геурков хорошо знал, что это первый шаг к неминуемому аресту, пыткам и казни, а потому застрелился, оставив посмертные покаянные письма. Одно руководству Грузии, другое лично Берии.

Геурков признал правильность решений ЦК, писал, что по вине врагов народа вырос в «гнилой и вредной вражеской обстановке» и поэтому не отличался «большой партийной выдержкой и стойкостью».

Письмо Лаврентию Берии он закончил такими словами:

Твое доверие я не оправдал, меня это сильно угнетает. Врагам я дал возможность в нашей цветущей стране творить гнусные дела. Я должен быть наказан. Я это делаю сам, может быть, перебарщиваю.

6 ноября 1937 года Берия сообщает Сталину о раскрытии вредительской организации в Черноморском пароходстве и Потийском порту. Директор пароходства, начальник порта, его заместитель и парторг арестованы. Партийный комитет распущен. Берия предлагает Сталину кандидатуры на освободившиеся должности.

30 октября 1937 года Берия отправляет секретное письмо Сталину. Он сообщает:

За последний год органами НКВД Грузии арестованы свыше 12 тысяч человек. Из общего числа арестованных осуждено 7374 человека. В итоге в тюрьмах НКВД Грузинской ССР в данное время содержится свыше 5 тыс. подследственных, из числа которых в Тбилиси содержится более 2 тыс. заключенных. Создается ряд ненормальностей в условиях содержания. Перегрузка тюремных помещений НКВД ГрузССР объясняется главным образом затяжкой в рассмотрении подготовленных для судебного разбирательства следственных дел.

Берия предлагает передать на рассмотрение специальной «тройки» дел по троцкистам и шпионам. Если же такое решение принято быть не может, он просит разрешить создать специальную коллегия Верховного суда Грузии, чтобы не дожидаться каждый раз выездной коллегии Верховного суда СССР.

Надо сказать, просьба Берии была выполнена и Грузия единственной из союзных республик получила собственную специальную коллегия при Верховном суде Грузии.

Бериевцы за работой

Материалы следствия по делам бериевцев 1953–1954 годов дают нам редкую возможность узнать все подробности методов расправы над заключенными от непосредственных свидетелей и участников происходившего в застенках НКВД Грузии. Жертвы репрессий могут что-то преувеличить, сочинить, выдать слухи за правду. Бывшие сотрудники НКВД на следствии склонны были скорее преуменьшить масштабы садизма и беззакония, так как сами боялись оказаться среди обвиняемых. Тем ценнее их показания. Мы можем не сомневаться, что все было именно так или еще хуже.

Бывший начальник внутренней тюрьмы С. Н. Надарая рассказывал в 1954 году:

Работая начальником внутренней тюрьмы на протяжении почти трех лет, я сам был свидетелем избиений арестованных, содержащихся в тюрьме. Мне известно, что арестованных избивали систематически очень жестоко... избивали ремнями, веревками, палками. При избиениях над арестованными издевались. Во время следствия Мамулию (секретарь ЦК Грузии) жестоко избивали. Я помню, что в течение 7–8 дней его заставляли стоять с привязанным столом с грузом. Когда он падал, его поднимали и снова заставляли стоять. Когда Мамулия с привязанным столом стоял несколько суток в кабинете следователя, почти ежедневно к нему заходили Кобулов и Гоглидзе.

Бывший надзиратель внутренней тюрьмы свидетель С. Г. Ковшов показал:

Особой жестокостью отличались следователи: Хазан, Кримян, Савицкий и Парамонов. От них выводили арестованных сильно избитыми. В кабинете стояли стоны арестованных и ругань следователей. Следователь предлагал мне постоять за дверью, и в это время слышишь, как следователь, сильно матерно ругаясь, называл по-всякому арестованного, кричал: «Подпиши», а арестованный говорил следователю: «Зачем подписывать? Я не виноват», но подписывал, и мы его уводили. Что за документы подписывал арестованный, я не знаю.

Свидетель Гульст:

Савицким, Кримяном, Хазаном в НКВД ГССР широко применялось избиение арестованных резиновыми палками, веревками, применялись карандаши для выкручивания пальцев рук, навешивание на арестованных, стоявших в положении «смирно», различных тяжестей: чемоданов с грузом, столов, стульев и др. предметов. Наряду с этим практиковались допросы «конвейером», в результате которых арестованные не имели отдыха и сна, методы психического воздействия. Вновь арестованных помещали «для наглядного показа» к лицам, уже подвергнутым «обработке». Видя избитых, слушая их рассказы о пытках, отдельные арестованные при вызове к следователю предпочитали сразу же давать «признательные» показания.

Свидетель И. И. Маргиев, работавший надзирателем во внутренней тюрьме:

Хазан начинал бить арестованных сразу, как только заводили их к нему в кабинет. Избиение начиналось с ударов кулаком в область головы еще при надзирателе, а затем продолжалось в течение всего допроса, причем Хазан бил туго скрученным жгутом из веревки, намоченным в воде, резиновыми плетками и пр. Если другие следователи как-то скрывали, что

они бьют арестованных, Хазан, наоборот, делал это никого не стесняясь... С допроса из кабинета Хазана неоднократно приходилось двум надзирателям выносить окровавленных людей, потерявших сознание, которым затем врач тюрьмы оказывал помощь... У меня сложилось впечатление, что он избивал каждого, кто попадал к нему на допрос... Были случаи, когда арестованные после допросов не могли стоять на ногах, так как у них были разбиты в результате избиений ступни ног и представляли из себя кровавую корку, покрывавшую всю ступню. Ноги были опухшие, на теле имелись множественные кровоточащие царапины и кровоподтеки.

Бывший министр госбезопасности Грузии Рухадзе вспоминал:

Бил Хазан по пяткам специальным металлическим никелированным прутком с продолговатым резиновым наконечником.

Свидетель Р. С. Осипова рассказала о том, как следователи Хазан и Кримян пытали ее и ее мужа:

Хазан достал чистый лист бумаги и, не поднимая головы, сказал: «Расскажите о контрреволюционной работе мужа и вашей?» Я от неожиданности и изумления ему ничего не ответила. Тогда он обратился ко мне с вопросом: «Вы что, не слышите?» и стукнул кулаком по столу. Я ответила, что не понимаю вопроса, и переспросила Хазана, не шутит ли он. Хазан сказал: «Какие здесь шутки». Сидевший рядом со мной на диване Кримян кулаком ударил меня по лицу. От удара у меня закружилась голова и потемнело в глазах. Я услышала в это время, как Хазан приказал: «Отправить ее вниз...»

Ночью меня вызвали на допрос. Вахтер провел меня куда-то наверх. Мы долго поднимались и шли по коридору, а потом меня ввели в большой кабинет. Когда я вошла, то ко мне спиной стояло несколько сотрудников. Они расступились, и я увидела Осипова. Он полулежал и имел страшный вид. Лицо у него было все окровавленное, в кровоподтеках, волосы обильно пропитались кровью и стояли дыбом. Одна нога была у него голая, и она совершенно потеряла форму, была страшно опухшей и невероятно большой. Она была вся залита йодом и лежала на галоше.

Осипов имел вид полуживого человека, невероятно слабым голосом, еле еле пошевелив руками и с огромным усилием слегка повернув ко мне голову, которая на чем-то лежала, он каким-то неестественным голосом спросил меня: «Где ребенок?» Я ответила: «Не знаю». После этого он мне сказал: «Я ни в чем не виноват, что происходит, не понимаю».

От ужаса я оцепенела и впала в полуобморочное состояние...

На другой день меня привели ночью на допрос к Кримяну. Последний потребовал от меня признания в контрреволюционной шпионской работе. Не добившись от меня признания, Кримян из чемодана, стоявшего у стены за столом, достал несколько хлыстов, смочил их концы водой, а затем спросил: «Вы подумали?» Я молчала, тогда он подошел ко мне и начал меня избивать.

От избиений я падала со стула, на котором сидела, но он и лежащую продолжал меня бить...

После первого допроса, который кончился через несколько часов, с помощью вахтера я с трудом дошла до камеры. Все мое тело было в рубцах... Допросы Кримян производил в течение месяца.

Бывший начальник тбилисской тюрьмы В. Н. Окрошидзе рассказал о том, как убили командующего 63-й Грузинской горно-стрелковой дивизией Ф. Буачидзе:

В 1937 г., летом, я не помню точно месяца, ко мне прибыл из внутренней тюрьмы бывш[ий] командир дивизии Буачидзе. Он был избит до полумертвого состояния. На ногах он, конечно, не мог стоять. Он не мог говорить, а только стонал...

Я помню, что все тело Буачидзе было покрыто сплошными синяками и кровоподтеками. Он не мог мочиться естественным способом, т. к. у него был поврежден мочевой пузырь, и моча выходила через живот, образуя влажность вокруг низа живота... По существу, Буачидзе был уже в предсмертной агонии. Надо сказать, что Буачидзе был крепкого телосложения, здоровым и поэтому особенно бросалось в глаза его состояние. На следующий день после доставки Буачидзе в тюрьму он скончался.

Смерть на следствии не была редкостью, арестованных забивали насмерть сплошь и рядом. Бывший следователь Александр Хазан (его побаивались даже коллеги-чекисты) рассказывал:

Я лично Арутюнова не избивал, а вызвал для этого двух дюжих вахтеров комендатуры... От Арутюнова добивались признания фактов контрреволюционной деятельности Киладзе. Не отрицаю, что Арутюнов скончался от полученных повреждений при избиении его вахтерами.

Константин Савицкий свидетельствовал:

Во второй половине 1937 г. в НКВД ГССР был доставлен из Москвы зам. постоянного представителя Армянской или Грузинской Республики Вермишев... Арест Вермишева еще не был оформлен в соответствии с законом, как Кримян вызвал его на допрос. Добиваясь признательных показаний от Вермишева, Кримян так его избил, что на следующий день в камере он умер.

Выяснилось также в 1954 году, что следователи Хазан, Кримян, Савицкий и Парамонов занимались мародерством, расхищали ценности, изъятые у арестованных. Например, свидетель Давлианидзе показывал:

Когда я в 1937 г. был назначен заместителем нач[альника] СПО НКВД Грузии, то обратил внимание, что два кабинета в СПО были превращены по указанию Кобулова Б. З. в камеры хранения ценных вещей, изъятых у арестованных при обысках, как то: золото и серебро... охотничьи ружья, отрезки материи, меха, фотоаппараты и проч. Ценности и вещи присваивались Кобуловым, Хазаном, Савицким, Кримяном и Гарибовым.

Несчастных людей избивали даже перед расстрелом. Бывший следователь Константин Савицкий на допросе от 13 августа 1953 года называет заказчиком этого зверства самого Лаврентия Берия:

Должен отметить, что к тем арестованным, которые давали признательные показания, меры физического воздействия в процессе следствия не применялись. Но при приведении приговоров в исполнение их обязательно избивали по указанию Берии, который говорил: «Прежде чем вести их на тот свет, набейте им морду».

Ему вторит сам тогдашний глава НКВД Грузии Гоглидзе:

Берия неоднократно давал указания мне, Кобулову и моим заместителям, в присутствии других начальников отдела, бить арестованных перед расстрелом. Такие указания затем передавались группе, приводившей в исполнение приговоры и решения тройки НКВД Грузии, и те арестованных били.

Большинство приговоренных к смертной казни погибли неподалеку от Тбилиси, на дороге, ведущей в Кахетию. И хотя их казни были окружены тайной, сохранилось множество свидетельств о зловещем обычае предсмертного глумления над узниками.

Показания Тамары Сергеевны Тестовой, фельдшера больницы НКВД, от 8 июня 1954 года:

Расстрелы производились, как правило, ночью. Место расстрела освещалось фарами автомобилей. На расстрелы выводилось большое количество людей, иногда по три или четыре сотни. Вместе с нами очень часто выезжали и следователи Савицкий, Крымян, Хазан, Парамонов. По слухам я знала, что они выезжали для избивания осужденных перед расстрелом...

Свидетель Глонти на вопрос – известны ли ему случаи, когда осужденных к расстрелу перед приведением смертной казни в исполнение избивали, показал:

Да, таких случаев было много. В этих избиваниях принимали участие Крымян, Савицкий, Парамонов, А. Кобулов, Лазарев и др. Я вспоминаю, что однажды Крымян, Савицкий, Гамсахурдия начали избивать осужденного Дзидзигури на глазах других осужденных сразу же, как только все они были размещены в грузовой автомашине, чтобы следовать к месту расстрела. Я лично видел, как Крымян, Савицкий и Гамсахурдия беспощадно били Дзидзигури рукоятками и убили его еще до расстрела. Помню также, что Крымян, Арушанов и еще кто-то так избивали во время следования к месту расстрела осужденного Слободу Константина, что превратили его лицо в сплошную кровавую маску...

Страшно были избиты во время следования к месту расстрела и бывшие сотрудники органов госбезопасности Морковин и Максименко. Били их Савицкий и Крымян. Во время избиваний Морковина Савицкий и Крымян обвиняли его в том, что он не присваивал им очередные специальные звания, и издевательски спрашивали его: «Ну как, теперь ты присвоишь нам звания?»

...Жуткие сцены разыгрывались и непосредственно на месте расстрела. Крымян, Хазан, Савицкий, Парамонов, Амаяк Кобулов... как цепные псы набрасывались на совершенно беспомощных, связанных веревками людей и нещадно избивали их рукоятками пистолетов.

Иногда при таких сценах присутствовал Кобулов Б., который наблюдал все эти дикие картины. У меня отчетливо сохранилось в памяти, что перед расстрелом многие осужденные кричали, что они ни в чем не виноваты, проклинали Берию, Кобулова и Гоглидзе, называли их кровопийцами.

Свидетель М. Г. Гомелаури, работавшая машинисткой тюрьмы № 1 г. Тбилиси, показала об обвиняемом по процессу бериевцев Парамонове следующее:

...Обычно в тюрьму приезжал Парамонов вместе с другими следователями. Все они были, как правило, пьяные и перед выводкой арестованных приступали к избиваниям.

Я помню, что Парамоновым был избит бывший сотрудник Зеленцов, который в прошлом когда-то являлся начальником Парамонова. Перед

вывозом Зеленцова на расстрел Парамонов вызвал его и во дворе тюрьмы (место у нас называлось хозяйственным двором) приступил к избиению Зеленцова. Я слышала удары, стоны и крики Зеленцова. Зеленцов умер во дворе тюрьмы.

Трудно представить себе, зачем Лаврентию Берии нужны были такие фантазмагоричные, босховские сцены. Понятно, что он относился к людям как к скоту, сам на расстрелы не ездил, да и странно было бы представить первого секретаря ЦК КП(б) республики вблизи расстрельной ямы. Но зачем такая совершенно излишняя, ничего формально не дающая жестокость к приговоренным? Возможно, так проявлялась страстная мстительность Берии. Таким образом он передавал последний личный «привет» своим обидчикам. А может, понимая в душе, что осужденные ни в чем не виноваты, Лаврентий не хотел даже представить себе их казнь актом высокого мученичества. Последние минуты жизни несчастных должны были быть втоптаны в кровь и грязь. С расплюснутым лицом и выбитыми зубами мало кто способен кричать перед расстрелом «Да здравствует партия и товарищ Сталин!» Жалкие, униженные жертвы не трогали совесть. Мусор, а не люди.

Впрочем, скорее всего, для прагматика Берии это был своеобразный тимбилдинг – следователи на глазах друг у друга и расстрельной команды совершали очевидные даже по тогдашним законам преступления. В результате их связывала круговая порука. Выражаясь фигурально, каждый мог посадить каждого.

Когда Лаврентий Берия через год начнет чистить НКВД от «ежовцев», он подобный «афункциональный» садизм будет ставить им в вину. Так, например, широко известно дело вологодских чекистов, рубивших своим жертвам головы топором. Палачи не только были расстреляны, уроки этого дела широко обсуждались в чекистской среде и должны были послужить предостережением против излишних зверских паталогий.

Заметим, однако, что своих следователей Берия не сдал. Почти все они пошли на повышение, многие уехали за своим шефом в Москву. К 1939 году Амаяк Кобулов стал заместителем наркома внутренних дел Украины, его брат Богдан – начальником следственной части НКВД СССР. А Константин Савицкий – заместителем Богдана Кобулова в НКВД СССР. Никита Крымян – заместителем начальника Управления НКВД по Львовской области. Николай Рухадзе – ответственным секретарем партколлегии при ЦК КП(б) Грузии.

Единственное исключение – следователь Александр Хазан, который в феврале 1938 года был арестован, но, конечно, не за излишнюю жестокость. Причины ареста объяснил на следствии в 1954 году его начальник Гоглидзе:

В 1937 г. по предложению Кобулова у Хазана были сосредоточены все материалы на сотрудников НКВД Грузии, проходивших по показаниям арестованных. Через несколько месяцев после этого решения стало известно, что Хазан специально собирал провокационным путем материалы на сотрудников НКВД и со многими из них сводит личные счеты, терроризирует аппарат угрозами и запугиванием.

Впрочем, за интриги против своих же товарищей чекистов Хазана не посадили, а лишь убрали с оперативной работы. После чего этот упырь и пыточных дел мастер устроился в межрайонную тбилисскую школу НКВД преподавателем дисциплины «следственное дело». Уже в 1942 году Богдан Кобулов взял его на руководящую работу в центральном аппарате НКВД СССР. В 1948 году вышел в печать труд Александра Хазана под названием «О моральном облике советского человека».

Смерть поэтов

С начала XX века, еще до революции, в Грузии, прежде всего в Тифлисе, образуется божественная среда, состоящая из художников, поэтов, прозаиков, музыкантов, артистов и режиссеров. Все это – крупные имена, известные далеко за пределами Грузии: художники Ладо Гудиашвили и Нико Пиросмани, театральные режиссеры Константин Марджанишвили и Александр Ахметели, поэты братья Галактион и Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, прозаики Михаил Джавахишвили и Константин Гамсахурдия. Тбилиси город маленький, все всех знают. Частые дружеские застолья, духаны Головинского бульвара, театральные спектакли и концерты постоянно сводили этот круг вместе.

Подавляющее большинство грузинской культурной элиты встретило независимость своей страны восторженно. В местной традиции – представление о величии Грузии, идущее от Ильи Чавчавадзе и Важи Пшавелы. В отличие от России, где большевистскую революцию так или иначе приняли Валерий Брюсов, Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Борис Пастернак, грузинская интеллигенция к большевикам отнеслась отрицательно. Местная богема предпочитала ориентироваться не на Россию, а на Западную Европу. Создание Грузинской ССР рассматривалось ими как оккупация. Например, известно резкое открытое письмо, написанное в 1922 году Владимиру Ленину Константином Гамсахурдией.

Грузинские интеллектуалы в 1920–1930-е годы относились к советской власти примерно так же, как деятели культуры Польши и Венгрии в соцлагере в послевоенное время. Необходимо было придерживаться определенных правил, о чем-то умалчивать, но прямое участие в строительстве «социалистической культуры» рассматривали как дурной тон.

Между тем грузинская культура приобрела то значение, которое она до сих пор сохраняет в немалой степени благодаря русской культуре. В годы Гражданской войны в Грузии нашли пристанище те, кому было не по пути ни с белыми, ни с красными, и эти края произвели на них чарующее впечатление. Здесь жили Сергей Городецкий, Юрий Деген, Николай Агнивцев, существовало множество русских литературных групп, выходили стихотворные сборники и альманахи.

Впрочем, Осип Мандельштам (первым переведший Вазу Пшавелу на русский язык) к грузинской богеме относился не без иронии: «Сейчас в Грузии стоном стоит клич: „Прочь от Востока – на Запад! Мы не азиаты – мы европейцы, парижане!“ Как велика наивность грузинской художественной интеллигенции!.. Воспитанные на раболепном преклонении перед французским модернизмом, к тому же воспринятым из вторых рук через русские переводы, они ублажают себя и своих читателей дешевой риторической настойкой на бодлэрианстве, дерзаниях Артура Рэмбо и упрощенном демонизме. Мимо них прошло все огромное цветение русской поэзии за последнее двадцатилетие. Для нас они Пенза или Тамбов... Литературная жизнь необыкновенно шумна и криклива, множество диспутов, ссор, банкетов, расколов. Не покроет всю эту суету сует львиный рык художника: „Вы не Запад и не Восток, не Париж и не Багдад; глубокой воронкой врезалось в историческую землю ваше искусство, ваша художественная традиция. Вино старится – в этом его будущее, культура бродит – в этом ее молодость. Берегите же свое искусство – зарытый в землю узкий глиняный кувшин!“»

По мере того как Советский Союз все более закрывался от Запада, поездки в Грузию, как во времена Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, воспринимались будто заграничные путешествия. Важно и то, что в это время крепнет идея межнациональной советской литературы. Все выдающиеся произведения народов СССР должны быть переведены на языки других народов, стать всеюно известно. Теперь между грузинскими поэтами и их русскими коллегами устанавливаются не только дружеские, но и деловые контакты. Поэтов «Голубых рогов», например, переводят Борис Пастернак, Николай Заболоцкий и Николай Тихонов.

Нина Асатиани, внучка поэта Тициана Табидзе, рассказала нам в Тбилиси:

Паоло Яшвили, самый близкий друг Тициана Табидзе, был в Москве. Там он познакомился с поэтом Борисом Пастернаком. И когда он приехал в Тбилиси, рассказывал, что это необыкновенный человек, рассказывал в лицах, как они встречались, очень интересные истории, и сказал, что обязательно Пастернак приедет в Грузию. В тридцать первом году Пастернак правда приехал в Грузию. Нина, супруга Тициана, и Тициан поспешили домой к Паоло, где должен был быть Пастернак. Когда они туда шли, все время нервничали и думали: неужели он правда такой, как его описывал Паоло. Когда они зашли, увидели Пастернака – это было, ну, что-то необыкновенное, и чувство необыкновенное, вот они посмотрели друг на друга и поняли, что это будет дружба на всю жизнь. И так оно и было. Тициан и Пастернак подружились. Пастернаку показали всю Грузию, возили его, он был в Кобулетах, был в Кодори, полюбил Грузию. Нина, супруга Тициана, помогала ему делать подстрочники для переводов.

Не забудем, что и сам Сталин начинал как грузинский поэт. Его стихотворение было опубликовано Ильей Чавчавадзе в хрестоматии грузинской поэзии. Поэтому у него был личный интерес к тому, что происходит в литературе Грузии. Советские издательства это понимали: грузин переводили и издавали охотнее, чем представителей других республик.

Большой террор и писатели СССР – отдельный сюжет. Все же, по сравнению с другими группами населения, Сталин старался репрессировать деятелей культуры очень выборочно. Как правило, тех из них, кто был связан с оппозицией или приближался к крупным политикам на опасно близкое расстояние. Единственным исключением являлся Осип Мандельштам, которого, по мнению многих исследователей, приговорило к пяти годам лагеря (как говорили тогда – детский срок) местное Калининское областное управление НКВД как социально опасного элемента.

Только когда Берия стал главой НКВД, погибли самые яркие из репрессированных деятелей культуры: Исаак Бабель – постоянный посетитель «салона» Николая Ежова, Всеволод Мейерхольд, чьи контакты с Троцким были широко известны, Михаил Кольцов – крупный номенклатурный работник, редактор «Огонька». Можно назвать сотни имен репрессированных писателей, но статистически художники слова пострадали куда меньше, чем партийные работники, дипломаты, директора крупных заводов и предприятий, чекисты и красные командиры.

В Грузии дело обстояло несколько по-другому. Вполне возможно, что это связано с личностью Лаврентия Берии. Он, как известно, художественной литературой интересовался мало. По словам его ближайшего помощника Всеволода Меркулова, в жизни не прочитал ни одной книги. С другой стороны, ему было известно, что грузинская художественная элита его на дух не переносит. Прошлые коммунистическое руководство Грузии представляли люди с высшим образованием, интеллигенты, с которыми творческим работникам можно было общаться. Между тем, всем было известно об интересе к литературе Сталина, о его дружбе с Горьким, встречах с Шолоховым и Фадеевым, телефонных разговорах с Булгаковым и Пастернаком. Но попытки Берии, подобно Сталину, сблизиться с местной культурной элитой ни к чему не приводили.

Нина Асатиани, внучка поэта Тициана Табидзе, рассказала нам в Тбилиси:

Я думаю, Берия очень плохо себя чувствовал, потому что интеллигенция его не принимала. Он хотел, чтоб все думали, что он такая необыкновенная личность, чтоб все его принимали в семье, но никто не хотел с ним общаться, насколько я знаю. Они не считали его за интересную личность. Насколько я

помню, даже в семье Джавахишвили не хотели его принимать. Берия очень любил роман Михаила Джавахишвили «Арсен из Марабды», и его супруга говорила с супругой Джавахишвили, хотела, чтобы его пригласили на обед, а они его никак не приглашали. Не хотели с ним общаться, ни во что его не ставили. Он считал себя изгоем, наверное, в этой среде.

В январе 1937 года поэт Тициан Табидзе принимал участие в декаде грузинского искусства, выступал в Москве и Ленинграде. Один из переводчиков его стихов, Бенедикт Лившиц, позже показал на допросе в Большом доме:

В 1937 году у меня дома собрались Тихонов, Табидзе, Стенич, Юркун, Л. Эренбург и я. За столом заговорили об арестах, о высылках из Ленинграда, Тициан Табидзе сообщил об аресте Петра Агниашвили, зам. пред. ЦИК Грузии, близко связанного с Табидзе. Далее разговор перешел к аресту Мандельштама, которого Табидзе также хорошо знал. Тихонов сообщил, что Мандельштам скоро должен вернуться из ссылки, так как заканчивается срок, на который он осужден.

Заметим, что четверо из собравшихся за столом в доме Лившица вскоре сгинут в застенках НКВД: сам хозяин, Валентин Стенич, Юрий Юркун и Тициан Табидзе.

Тучи над грузинскими писателями сгустились в мае 1937 года. На уже упомянутом нами X съезде КП(б) Грузии 15 мая 1937 года Лаврентий Берия в своем отчетном докладе специально остановился на положении дел в писательской организации:

В группу «Голубые роги» входили: П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Н. Мицишвили, Г. Леонидзе и другие. Эта группа организовалась еще в 1916 году. Название «Голубые роги» в переносном смысле должно было означать творческое опьянение, но в жизненном быту этот девиз нередко осуществлялся в пьяных кутежах. (Смех в зале.) ...К. Гамсахурдия, мировоззрение которого определялось воинствующим национализмом с ясно выраженной фашистской окраской, в последнем своем произведении «Похищение луны» попытался отойти от этих своих старых идейных позиций и дать большое художественное полотно о нашей социалистической действительности. Но это ему удалось пока что очень слабо.

Если К. Гамсахурдия хочет стать советским писателем, он должен освободиться от своих буржуазно-дворянских националистических идей и настроений, ближе стать к нашей социалистической действительности и свои крупные творческие возможности поставить на службу грузинскому трудовому народу.

В группу «Арифони» входили писатели М. Джавахишвили, Ш. Дадвани, О. Шаншиашвили, Л. Киачели, Г. Кикодзе, И. Мосашвили и другие. Она возникла в 1928 году. «Арифони» по определению одного из участников группы – Г. Кикодзе – это сотрапезник, а арифони – союз подвыпивших людей. (Смех в зале.)

Есть в среде грузинских писателей и работников искусства отдельные лица, которым следует пересмотреть свои связи с врагами грузинского народа... Например, Павле Яшвили, которому уже за 40 лет, пора взяться за ум.

Серьезно подумать над своим поведением не мешало бы также Гамсахурдии, Джавахишвили, Мицишвили, Шеварднадзе и еще кое-кому.

...Перечисленные мною писатели должны знать, что от их дальнейшего поведения, от того, как быстро они перестроятся и осудят свои прошлые дела и связи, зависит отношение к ним нашей партии и советской власти.

В последних словах Берии – прямая угроза и указание к действию: необходимо, как тогда говорили, полностью разоружиться перед партией. А эта процедура включала в себя не только признание собственных ошибок и публичное покаяние, но и перечисление тех врагов, которые дурно влияли на творчество.

В ответ на выступление Берии состоялось собрание писателей Грузии под девизом «До конца вскрыть подрывную работу врагов народа в литературе». Основной докладчик, А. С. Татаришвили, щедро сыпал обвинениями. Бывший руководитель писательской организации Малакия Торошелидзе оказался двурушником и заклятым врагом. Троцкистскими наймитами – Вардин, Нароушвили, Феодосишвили. «Последышами троцкизма» – Б. Бибинейшвили, Р. Каладзе, С. Талаквадзе. Обвинялись и классики литературы – К. Гамсахурдия и М. Джавахишвили. После начались покаяния. В заблуждениях, ошибках и творческих срывах признались Гамсахурдия, Яшвили, Табидзе.

Осенью 1936 года НКВД Грузии арестовал Владимира Джикю, известного коммуниста, управляющего треста «Грузгидроэнергострой» и начальника строительства ХрамГЭС. Видимо, под пытками Джикю признался, что в своей контрреволюционной деятельности был связан с поэтом Паоло Яшвили. Яшвили вызвали в НКВД и провели очную ставку. Хотя Паоло все отрицал, ему стало ясно, что арест неминуем. А вид прошедшего следственные кабинеты Владимира Джикю говорил о тех ужасах, которые ему предстоит пережить перед смертью. Кроме того, он боялся, что под пытками назовет имена ни в чем неповинных друзей.

23 апреля 1937 года Савицкий и Крымян с участием Богдана Кобулова получили от Буду Мдивани показания о вредительстве, которым якобы занимался поэт Яшвили, «воспевая и популяризируя проблему орошения Самгорской степи».

В Тбилиси жена внука поэта Тициана Табидзе Манана Андриадзе поведала нам рассказ своей свекрови Ниты Табидзе, которая была сверстницей и подругой дочери поэта Паоло Яшвили:

Пришли к Паоло Яшвили двое писателей и заставили рассказать какую-то деталь из жизни человека, сотрудника. И Паоло в действительности хотел рассказать, только так, чтоб это не навредило тому человеку. Но все обернулось плохо. Это было для Паоло очень тяжело, и он сам пришел к тому, что все равно его не оставят в покое, что все равно придет время, когда тридцать седьмой год коснется его лично и ему придется еще более тяжелые минуты пережить в своей жизни – и он решил покончить жизнь самоубийством. Он не мог больше сопротивляться, бороться.

21 июля 1937 года Паоло Яшвили взял ружье в местном отделении Союза охотников и отнес его в особняк писателей, на улицу Мачабели. Написал несколько писем – жене, старшему брату Михаилу, дочери, Лаврентию Берии – и отнес на почту. На другой день, 22 июля, он отправился в Дом писателей. Яшвили присутствовал там на заседании, потом поднялся на второй этаж, где накануне припрятал ружье, и выстрелил в себя. Свое решение он объяснил в предсмертной записке:

Мне не стоит больше жить, так как мое имя оскорблено врагами грузинского народа. Об одном прошу Сталина – будьте уверены, уйду с этого света и уношу с собой безграничную ненависть к людям, которые пытались погубить Грузию и зверски вредили ее счастливому процветанию.

Прошу Сталина помочь моей семье: дать возможность моей 13-летней дочери закончить образование и стать полезным человеком для общества.

Вскоре стали приходиться письма Яшвили. Своей дочери он писал:

Если бы я не поступил так, ты была бы более несчастна. Причина моей смерти та, что люди, которые являются настоящими врагами народа, хотели запятнать мое имя...

Гиви Андриадзе, внук поэта Тициана Табидзе, рассказал нам в Тбилиси:

Мама мне говорила, звонит Паоло Яшвили – это ближайший друг Тициана – моей матери – Ните и говорит, что, если меня не станет, я тебя очень прошу, не оставляй мою дочь Медею одну. Такой разговор был. Мама этому очень удивилась, но оказалось, что в Доме Союза писателей Паоло Яшвили выстрелил в себя из охотничьего ружья и так он закончил свою жизнь. Это было для всех очень неожиданно.

Следующим настала очередь Тициана Табидзе. От него требовали оговорить и заклеить Яшвили как матерого врага народа, ускользнувшего от неминуемого наказания путем самоубийства. Посмертное поношение в те годы было нередким. Возможно, это был для Тициана последний шанс остаться в живых. Но он им не воспользовался.

Гиви Андриадзе продолжил:

Лаврентий Павлович вызывает Тициана Табидзе к себе и говорит, что Паоло Яшвили нет в живых и вы должны сказать, что Паоло был шпионом Америки. Ну а Тициан был настолько близок к Паоло, что он от этого отказался и он сказал, что такого я не могу себе позволить, и вышел из его кабинета. После этого опять мама вспоминает, что дедушка Тициан был в очень плохом настроении, он особенно со своими близкими не встречался, потому что он боялся, что за ним следят, и он не хотел навредить своим друзьям. Как мама вспоминает, это был октябрь, Тициан, его супруга Нина Макашвили и Нита – все были дома, и вдруг они слышат шаги по лестнице. Звонок в дверь, и открывает Нита. Заходят люди, которые, кстати, были очень вежливы, и они сказали, что вы должны с нами пойти, Тициан. Его забрали с собой. Вот так ушел дедушка в тридцать седьмом году с этой квартиры, где он жил.

Поэт Паоло Яшвили

Поэт Тициан Табидзе

Пытал Тициана Табидзе известный нам своим садизмом следователь Никита Кримиан. Но и ему пришлось провозиться с поэтом целых два месяца, пока был составлен первый протокол допроса.

Как показал на следствии 1954 года свидетель Арзанов:

У Кримиана был арестованный поэт Тициан Табидзе, которого Кримиан жестоко избивал, требуя признаться, что он был в шпионской и какой-то еще вражеской организации. Тициан Табидзе категорически отказывался, но все же Кримиан сломил его сопротивление, и Табидзе потом целую неделю писал «собственноручные показания».

Истерзанный пытками Табидзе «согласился» со своей принадлежностью к «организации», однако новых имен следствию он не дал. За единственным исключением. Табидзе назвал своим сообщником национального героя Грузии Георгия Саакадзе. Но невежество Кримиана было таково, что он внес это известное всем грузинам имя в протокол. Вероятно, как и многие подследственные, Табидзе надеялся, что такой анекдотичный ляп следователя спасет его на суде. Но участь Табидзе решала «тройка», протоколов допроса она не читала, и 16 декабря 1937 года поэт был расстрелян.

Как мы помним, Лаврентий Берия безрезультатно добивался приглашения в гости от классика грузинской прозы Михаила Джавахишвили. Тогда Лаврентий затаил обиду. Теперь пришло время расплаты. Тем более, вел писатель себя вызывающе. Когда Паоло Яшвили застрелился в здании Союза писателей, на сессии Союза была принята резолюция, осуждающая поступок поэта как антисоветскую провокацию. Джавахишвили не только не поддержал резолюцию, но сказал несколько слов об особом мужестве погибшего поэта. Четыре дня спустя, 26 июля, президиум Союза принял резолюцию об исключении его из Союза писателей. 14 августа 1937 года Джавахишвили был арестован. «Работал» с ним все тот же печально известный следователь Кримиан.

Свидетель Хемчумов в 1954 году показывал:

У меня в памяти осталось два случая, когда Кримиан до полусмерти избил двоих арестованных, один из которых был писатель Джавахишвили, а фамилию другого не помню. Этот второй на следующий день после избиения Кримианом умер. Избивал его Кримиан каким-то крученым жгутом у себя в кабинете...

По некоторым источникам, Берия лично принимал участие в пыточных допросах Михаила Джавахишвили. Писателя расстреляли 30 сентября 1937 года.

В январе 1938 года в Тбилиси состоялся Руставелевский пленум правления Союза советских писателей. Первым делом писатели поздравили Лаврентия Берия с 750-летием Шота Руставели. В выступлении секретаря Союза, поэта Алексея Суркова, подводились итоги «творческой» работы НКВД с грузинскими поэтами:

В последние десятилетия декаденты, пресловутые «Голубые роги» всеми силами старались искривить рост грузинской поэзии. Прикрывая свою шакалью сущность вымученными стихами, эти люди делали все, что делают заурядные шулера и предатели.

Писатель Михаил Джавахишвили

Такой же, как у писателей, разгром произошел и в знаменитом тбилиском Театре Руставели. Арестовали его создателя и главного режиссера Александра Ахметели, всю его семью и нескольких актеров театра. Дело Театра Руставели основано было на показаниях двух артистов – Харавы и Васадзе, которые нарушали дисциплину, пьянствовали во время гастролей и которых Ахметели хотел уволить. Протоколы их допросов нам показали в архиве грузинского МВД. Артисты сообщили, что главный режиссер – грузинский националист и «протаскивает» на сцену явно контрреволюционные пьесы, «использует сцену театра как трибуну проповедования идеи независимой Грузии». Контрреволюционная организация театра, в которую входят режиссер и семеро молодых актеров, связана с националистически настроенными писателями: Михаилом Джавахишвили, Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, Константином Гамсахурдией и Шалвой Дадиани. Надо полагать, эти показания сыграли свою роль в судьбе перечисленных поэтов и писателей.

Харава, в частности, показал на допросе:

В наших постоянных беседах восхваляется Гитлер и другие вожди фашистской Германии. Ахметели провокационно утверждает, что якобы разницы между советской и фашистской системой нет, что фашизм неизбежно

должен победить. При этом он в недопустимо похабной и нецензурной форме клеветает на руководителей партии и правительства.

Васадзе рассказывал, мол, Ахметели говорил о том, что «ему нужен актер, который в любую минуту мог бы с оружием в руках выступить против большевиков».

Все перечисленные в показаниях Харавы и Васадзе работники театра были арестованы и расстреляны. Сами доносчики стали со временем народными артистами СССР, любимцами Сталина. С ними мы еще встретимся на страницах этой книги.

Грузинская творческая интеллигенция всегда помнила и помнит трагедию 1937 года. Неслучайно перестройка по-настоящему началась с фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние», где прообразом главного отрицательного героя послужил Лаврентий Берия.

Гиви Андриадзе, внук поэта Тициана Табидзе, рассказал нам:

Очень многих жен писателей они арестовали, ссылали – кого в Сибирь, кого в разные места, а вот бабушка спаслась, почему – мы не знаем. Это была интеллигенция, которая встречалась с русскими писателями, которая дружила с Борисом Пастернаком, с Сергеем Есениным, с Маяковским – они все время приходили в эту квартиру и они сидели вот за этим круглым столом, проводили время. Как видно, Лаврентий Павлович не хотел, чтобы в городе были бы вот такие умные люди, интеллигентные, знающие – он их всех уничтожил. Так же, как Михаила Джавахишвили, Сандро Ахметели, Евгения Микеладзе, Тициана Табидзе – это очень большой список.

Грузинские писатели с Борисом Пастернаком

Знаете, бабушке все время говорили, что, вот, мы видели Тициана в Сибири – как будто его переселили туда, и она до последнего все время ждала его, она писала даже письма: Лаврентий Павлович, помогите, спасите, моего супруга возвратите мне. Но потом, как нам сообщили, оказывается, по дороге в Рустави – там такое местечко есть, куда брали этих людей и расстреливали.

Все время существовал этот страх, человек ждал, когда за ним зайдут и убьют. Я знаю, что, если Берии понравилась бы какая-то женщина, он уничтожал супруга и с этой женщиной начинал жить. Такое мне рассказывали.

Я не думаю, чтоб кто-то Берия особенно ценил бы или любил бы, потому что он, кроме плохого, ничего не сделал. У меня такое впечатление. Потому что строил и строил – это жизнь шла, но так, как людей расстреливали и вот так убивали, и неизвестно где хоронили – это же что-то страшное. Здорового человека, Тициану было сорок два года, он был в расцвете сил, писал стихи – и так покончили с ним.

Манана Андриадзе, супруга внука поэта Тициана Табидзе:

Это трагедия не только семьи Табидзе, это трагедия всей Грузии, и трудно найти семью, интеллигентную семью Грузии, которая бы не пережила это на собственном примере. Та потеря, которую понесла семья Тициана Табидзе, – это действительно огромная потеря для Грузии была, потому что это была личность, которая украшала общество, это был человек, который создал те отношения, о которых мы сейчас вспоминаем с сожалением и восторгом. Ту дружбу, которая действительно существовала между нами, между Россией и Грузией. Со всеми гостями, которые приезжали сюда и которых Тициан Табидзе знакомил с грузинской литературой, грузинской поэзией, культурой. Вместе с Тицианом пострадали очень многие люди, которые ничего общего не имели с поэзией. Коснулась эта трагедия и семей просто интеллигентных, которые учились за границей, например. И это была их вина. Которые общались с какими-то выдающимися людьми – это тоже была их вина.

Я помню все то, что мне рассказывала моя свекровь Нита Табидзе, и она это вспоминала всегда без злобы. Это было очень интересно, потому что это был человек не озлобленный от того, что у нее в тринадцать лет увели отца Тициана Табидзе, ни за что ни про что расстреляли. Она об этом вспоминала всегда, знаете, с такой ясной грустью, можно сказать. Потому что для нее отец всегда оставался живым в ее сердце, и она гордилась им.

И я помню те слова, которые Нита очень часто повторяла, как отец с ней прощался. Нита первой услышала звонок ночью в тридцать седьмом году, она вышла, открыла дверь, зашли незнакомые люди, они все поставили вверх дном и забрали отца. И когда отец уходил – он молча уходил, он ни с кем не прощался, ничего не говорил. И вот в дверях буквально он обернулся, посмотрел на Ниту и сказал: я ухожу, и знай одно – тебе никогда не придется краснеть за своего отца, ты будешь смело смотреть людям в глаза. И она действительно это пронесла через всю свою жизнь, потому что если Тициан был гордостью грузинской литературы, то Нита была необыкновенным человеком – она украшала всю нашу жизнь в Тбилиси. Она была человек, который мог создать замечательную атмосферу для других людей. Очень добрая, отзывчивая, она очень бережно, очень трепетно пронесла через всю жизнь все взаимоотношения, которые были у голуборожцев, в том числе у Тициана Табидзе, у Паоло Яшвили, и она старалась все это донести до нас, до следующего поколения.

А у меня пример такой: расстреляли родителей моего отца – дедушку и бабушку – и до самого того времени, когда доступ был закрыт к тем документам, папа был уверен, что его мама скончалась в ссылке от болезни. И вот почти в шестьдесят лет он узнал, что мать его была расстреляна здесь. Так что мы этого не знали, все были уверены, что этих людей действительно увозили в ссылку.

Нина Асатиани, внучка поэта Тициана Табидзе, рассказала нам в Тбилиси в квартире, где жил поэт:

Эти часы остановились как раз в три часа ночи, в час, когда забрали Тициана Табидзе. После этого они так и остановлены на этом времени, на три часа ночи. В тридцать седьмом году, когда Тициана не стало, Пастернак из Москвы прислал телеграмму: «Тициана нету – у меня вырезали сердце. Я бы не жил, но теперь у меня две семьи – моя и Ваша. Я должен жить». Вы представляете, что значило в то время прислать такую телеграмму! Тут боялись даже заходить в дом врага народа, в то время это было просто очень страшно. Пастернак не побоялся этого и через всю страну из Москвы прислал такую телеграмму. После этого он все время, каждую неделю присылал письма, и Нина рассказывала, что его письма, его почерк был похож... как будто ласточки прилетали – вот такой у него был почерк.

В сорок пятом году был юбилей Бараташвили⁴. Нина Макашвили помогала Пастернаку, делала подстрочники, пересылала, и вот он приехал на этот юбилей. Когда его встретили, он сказал: я не пойду никуда, если вы меня не поведете в семью Тициана. Он пришел, а Нина была в то время в очень плохом настроении, она лежала, плакала и вдруг услышала родной такой голос: Нина, Нина, я приехал! Она выглянула в окно и видит, что Пастернак стоит такой счастливый: я приехал к тебе! И он поднялся и сказал Нине, что не пойдет ни в коем случае на юбилей Бараташвили, если она не пойдет вместе с ним. В то время, вы представляете, это был первый ее выход в Союз писателей. Тогда Тициан не был еще реабилитирован, и она не могла выходить в общество. Он повел ее в зал, посадил. Потом, когда уже со сцены читал переводы, он обращался к ней и спрашивал: Нина, какое стихотворение ты хочешь, чтобы я прочитал? И как бы это была первая реабилитация Тициана. После этого он очень часто приезжал, и Нина со своей дочкой проводила зиму у них в Переделкино. Это была какая-то необыкновенная дружба. Он говорил, что письмо Тициана Пастернак все время брал с собой во все поездки и клал под подушку, чтобы ему снились прекрасные сны. Он все время об этом говорил.

Когда Борису Пастернаку присудили Нобелевскую премию и в Москве началась эта кампания против него, Нина, конечно, поехала к нему, и она была вместе с ним в Переделкино в то очень страшное время. И Нина все время говорила: это не я не испугалась, это он не пугался никогда и был около меня все сложные годы, какие я провела в Грузии.

В пятьдесят девятом году он приехал в Грузию, когда ему сказали, что он должен уехать из страны. Тут с ним уже гуляли друзья Нины – и Медея Джапаридзе, и Резо Табукашвили, знаменитые наши. Медея была необыкновенная актриса, и Резо Табукашвили, ее супруг, писатель и режиссер, они гуляли вместе и вот однажды рассказывают такую историю, что они были в Светицховели во Мцхетах и там остановился автобус – какая-то экскурсия была – и молодой человек, увидев Пастернака, прибежал к нему и сказал: неужели это вы, Пастернак?! И он сказал: это совсем не я. Настолько он был напуган в то время. И когда он ходил по улицам, он все

⁴ Николай (Николоз) Мелитонович Бараташвили (1817–1845), выдающийся грузинский поэт-романтик. Б. Пастернак перевел на русский язык серию его стихов.

время оборачивался и смотрел, кто идет сзади него, и останавливался и пускал вперед этого человека.

И еще интересная тоже такая деталь. Когда он в последний раз уезжал из Тбилиси, его провожали, Пастернак поднялся в поезд и посмотрел оттуда и сказал: Ниночка, поищи меня у себя дома, я там остался – вот это были его последние слова, сказанные в Грузии. Потом уже, когда ему было очень плохо, Нина поехала к нему в Переделкино и на ее руках он скончался, на ее и Зинаиды Николаевны. И потом все время семья Пастернака помогала нашей семье. Когда они получали какие-то деньги за Нобелевскую премию, они присылали нам эти деньги, даже в самое ужасное время для нас. Они все время были около нас.

Инга Джибути, внучка Папулии Орджоникидзе, рассказала нам:

Сталин, говорят, любил очень наших певцов. Когда в 37 году была декада в Москве, Сталин, у него ложа своя была, он присутствовал на всех этих грузинских спектаклях. И очень интересно, что тогда был в нашем театре имени Руставели Сандро Ахметели, знаменитый режиссер на весь мир. И его тоже арестовали, потому что он ненавидел Берию и он назвал его подонком. Он сказал, ты что вмешиваешься в мои дела, что ты понимаешь в театре? Берия пришел, начал там командовать, а Сандро Ахметели был, знаете, таким открытым, очень талантливый человек, и его тоже расстреляли. И несколько артистов из его труппы.

Все Берию очень боялись и не хотели ему попасть на глаза. До того пока он не поедет на работу, ставни обычно были закрыты, как только он садился в машину и уезжал на работу, тогда соседи начинали открывать ставни и смотреть на улицу. А напротив нашего дома жила очень знаменитая семья инженера Владимира Джикии, у которого была очень красивая жена. И Берии захотелось иметь такую любовницу. Арестовал этого Владимира Джикию и расстрелял, а потом подлез к этой женщине. Ее в итоге выселили отсюда, она была в ссылке, и когда она вернулась – она уже была хоть красивая, но уже разбитая.

Да, что-то Берия строил, что-то он делал, но если ты уничтожаешь людей, для кого ты строишь? Если всю знать, элиту Грузии уничтожишь, что же остается, и для кого ты это делаешь? Это никогда никому нельзя прощать. Столько крови.

Глава 6. Провинциал в Москве

Безусловно, Лаврентий Берия был прожженным карьеристом и, конечно же, подумывал о продолжении карьеры в Москве. С 1936 года шансы на это увеличивались буквально каждый месяц, потому что огромное количество важных административных постов освобождалось в связи с арестами. Ежовская чистка НКВД от «дзержинцев», бывших подчиненных Генриха Ягоды, демонстрировала, что служба в органах крайне опасна. Как говаривал Сталин, у чекиста есть только два пути: на повышение или к стенке. К тому же вся биография Берии показывает, что больше всего он тяготел к хозяйственной работе. Еще молодым многообещающим чекистом просил разрешить ему получить высшее образование в инженерной сфере. Берия страстно стремился занять пост первого секретаря Закавказской парторганизации еще и потому, что это давало гораздо большие возможности для самореализации, чем служба в НКВД. Но кадровые вопросы на таком уровне в СССР решал один человек, и противиться ему было невозможно.

Первопрестольная

С января 1938 года большинство историков замечают первые признаки сталинских сомнений, стоит ли продолжать Большой террор в прежних объемах. Об этом свидетельствует прежде всего речь Маленкова на январском пленуме 1938 года, где он говорит о бездушном отношении некоторых парторганизаций к исключениям из партии. Как все понимали, исключение из партии обычно влекло арест. Соответствующее решение принял и пленум. Все партийные организации и органы НКВД отчитались о том, как усиливают свою душевность и разборчивость по отношению к партийцам.

Тем не менее, в 1938 году у НКВД оставалось много нерешенных задач, поставленных Сталиным: организация третьего большого процесса, окончание «национальных операций», чистки армии, НКВД, наркоматов. В результате террор только усиливался. Судя по количеству упоминаний в газетах, публикаций стихов и песен, посвященных наркому НКВД, Николай Ежов находился в фаворе у вождя. Но 8 апреля 1938 года Ежова неожиданно назначают по совместительству наркомом водного транспорта.

Ежов с энтузиазмом занялся наведением порядка на реках и каналах, используя обычные свои методы, но вскоре почувствовал неладное.

13 июня 1938 года в Японию бежал начальник Дальневосточного управления НКВД Г. С. Люшков. Он был человеком Ежова, и тот, зная, что Люшкова, возможно, арестуют, предупредил его. Они договорились, что если Люшков получит от Ежова телеграмму любого содержания, то арест неизбежен и следует застрелиться. Кроме того, Ежов скрыл от ЦК показания на Люшкова, которые дали еще в 1937 году бывший нарком внутренних дел Закавказья Тите Лордкипанидзе, начальник контрразведывательного управления НКВД СССР Лев Миронов и сам Генрих Ягода. Он не только скрыл эти показания, но и поручил своему заместителю Михаилу Фриновскому передпросить Ягоду и добиться от него признания ложности данных показаний. Ежов лично заставил отказаться от таких же показаний Миронова.

16 апреля в Москву вызвали заместителя Люшкова Моисея Когана и тут же арестовали. Вслед за этим Николай Иванович дал Люшкову обещанную телеграмму о назначении его в центральный аппарат НКВД. Однако Люшков, вместо того чтобы честно застрелиться, в сопровождении группы чекистов выехал на границу с Маньчжурией. Там он попросил оставить его одного, потому что ему предстоит секретная встреча с советским резидентом. В Советский Союз Люшков не вернулся – вскоре стало известно, что он устроился на службу в японскую контрразведку.

Ежов понял, что такого провала ему не простят. Он побоялся сразу доложить Сталину о происшедшем. Лишь через несколько дней отправился к вождю в компании Фриновского. В результате была устроена очередная массовая чистка Дальнего Востока, в ходе которой был арестован маршал Блюхер. Но это наркому не помогло.

Биограф Николая Ежова историк Никита Петров приводит несколько фактов, свидетельствующих о падении к 1938 году авторитета Ежова даже среди высшей партийной номенклатуры. О Ежове в беседе со случайным собеседником презрительно отзывается председатель Госплана Николай Вознесенский. Абсолютно послушный Клим Ворошилов не боится предупредить своего заместителя Ивана Федько, что, если он попадет в руки Ежова, его «заставят написать на себя всякую небылицу». По свидетельству начальника НКВД Украины Александра Успенского, начальник секретариата НКВД Исаак Шапиро сказал ему, что у Ежова большие неприятности, в ЦК ему не доверяют, скоро на его место придет другой человек, и надо срочно заметать следы – быстро расстрелять порядка 1000 человек, которые могут дать компрометирующие показания на Ежова и его окружение.

В тот же день Успенский был на даче Ежова. Там начальник УНКВД по Ленинградской области Михаил Литвин сказал ему: «Нужно прятать концы в воду, нужно в срочном порядке закончить все следственные дела, чтобы нельзя было разобраться. Если не удастся все скрыть, придется перестреляться. Если я увижу, что дела плохи, застрелюсь». В результате Успенский решил бежать, имитируя самоубийство, оставив предсмертную записку «Ищите меня в Днепре». А Литвин в ожидании ареста и правда застрелился.

14 июля бежит в США резидент НКВД в Испании Александр Орлов. А Ежов снова медлит доложить об этом Сталину. Он судорожно начинает затирать следы. В июле-августе расстреляна большая группа уже арестованных чекистов, в свое время выдвинутых на руководящие должности самим Ежовым.

22 августа 1938 года первым заместителем Николая Ежова (этот пост прежде занимал Михаил Фриновский) назначается Лаврентий Берия. Существуют свидетельства, что замену Ежову Сталин искал уже давно. Еще в 1936 году он приглядывался к Нестору Лакобе, к Валерию Чкалову и Анастасу Микояну. Решающий разговор с Лаврентием Берией произошел, вероятно, в начале августа, когда тот присутствовал на сессии Верховного Совета СССР. В день своего назначения Берия был принят Ежовым и отправился в Тбилиси улаживать дела.

Такое выдвижение Берии вполне логично. В Советском Союзе было всего два партийных руководителя высокого ранга с богатым чекистским прошлым – Мир Джафар Багиров и Лаврентий Берия. Вождь Грузии был во всех смыслах предпочтительнее. Более образован, написал книгу, высоко ценимую Сталиным, проявил себя как блестящий хозяйственный руководитель и, наконец, не рассуждая и без сантиментов, уничтожил множество земляков и врагов генсека. Сталину больше не нужны были фанатики коммунистической идеи, теоретики. Нужны были послушные, квалифицированные исполнители типа Маленкова, Жданова, Хрущева. Лаврентий был из этого ряда.

К осени 1938 года Сталин пришел к выводу, что Большой террор свои задачи выполнил, аресты и расстрелы по приказу № 1 закончились, оставалось довести до конца некоторые национальные операции. Во главе НКВД нужен не фанатик, а человек взвешенный, который не будет пороть горячку.

Впрочем, дальнейшее продвижение Берии на пост наркома НКВД поначалу не выглядело несомненным. Сам Николай Ежов сменил Генриха Ягоду, минуя стадию заместительства. В августе 1938-го Ежов оставался на своем посту, более того, о недоверии к нему знали очень немногие. На поверхности это был все тот же железный прославленный нарком. Остались свидетельства Никиты Хрущева, Серго и Нины Берии о том, что Лаврентий Павлович был не в восторге от такого назначения и не хотел переезжать из Тбилиси в Москву.

О том же писал в 1953 году близкий Берии Меркулов:

Берия, вероятно, был недоволен своим назначением в конце августа 1938 года к Ежову заместителем наркома внутренних дел СССР. Берия рассчитывал на перевод в Москву на работу, но, видимо, не думал, что ему придется работать в НКВД, да еще заместителем Ежова. Прямо он об этом не говорил, но это чувствовалось из его отдельных замечаний.

Понять недовольство Берии нетрудно. Кроме потенциальной опасности, которую представляла работа в НКВД, его назначали с явным понижением. Из главы образцовой республики – в заместители наркома. Вообще говоря, такое назначение могло быть преддверием ареста. Сталин любил подобные оперативные комбинации.

Однако у вождя были все же другие планы. Все больше опускавшегося алкоголика, истерика и садиста Ежова держать на столь важном посту было опасно. Берия, видимо, поначалу должен был играть роль некоего политического комиссара в НКВД, не давать Ежову замечать следы, выведать лично преданные ему кадры, разноухать секреты. Решающее значение опреде-

лялось уверенностью Сталина, что Берия и Ежов не сговорятся за его спиной. Уже довольно долго он был в курсе их сложных взаимоотношений.

Конфликт с Ежовым

Николай Иванович Ежов начал рассматривать Берия в качестве своего потенциального конкурента, вероятно, еще в 1937 году. Некоторые историки именно с Ежовым связывают скандальную публикацию в газете «Правда», направленную против Лаврентия Павловича.

На памятном X съезде компартии Грузии в мае 1937 года Берия докладывал:

Несмотря на то, что в последние годы было переизбрано от четверти до трети секретарей партийных комитетов, это не коснулось секретарей райкомов, горкомов или обкомов. Надо действовать умно, чтобы вражеские преступления не вели к нашим перегибам. Единообразное отношение к бывшим национал-уклонистам и даже троцкистам, многие из которых честно поменяли свою позицию, может только ухудшить борьбу с настоящими троцкистами, врагами, шпионами.

Это заявление немедленно вызвало критику в газете «Правда», в статье корреспондента Мезенина, от 22 мая 1937 года. Центральный партийный орган в резком безапелляционном тоне обвинял парторганизацию Грузии в полном отсутствии самокритики. В качестве примера приводился глава Абхазии Алексей Аргба, недавно назначенный на свой пост выдвиженец Берии. Корреспондент отмечал, что грузинской партийной организации свойственна тенденция сваливать все свои ошибки на предыдущих лидеров, которые давно уже сняты со своих постов. И это вместо того, чтобы исправлять ныне существующие недочеты. Вместо самокритики у всех выступающих – только безудержные похвалы руководству грузинской компартии, сопровождаемые овациями. «Правда» писала, что на съезде «раздавалось немало аллилуйских речей». Заканчивался материал довольно грозно: «Возникает законный вопрос – во всех ли партийных организациях Грузии правильно поняли решение пленума ЦК ВКПб? Если поняли, то где практические выводы и почему так много ненужных парадных торжественных речей? Не есть ли это повторение резко осужденных партией телячьих восторгов и благодушия! Нужно избавиться от праздной, вредной, никому не нужной шумихи».

Такая статья в центральной печати могла предвещать самые тяжелые последствия, вплоть до полного разгрома руководства республиканской парторганизации. Поэтому Лаврентий Берия немедленно отреагировал. 27 мая он отправил письмо Сталину, которое мы нашли в архиве ЦК компартии Грузии. Лаврентий писал:

Такой критики, которая вскрывала бы действительные недочеты, помогала бы исправлению этих недочетов, нет в корреспонденции тов. Мезенина.

Берия объясняет случившееся инструкциями, которые корреспондент получил в редакции «Правды». Редакция требовала написать статью порезче, а затем, получив материал корреспондента, сделала ее еще более критической. Заканчивает свое послание Берия решительно:

Эту неправильную и несоответствующую действительности корреспонденцию нельзя расценивать иначе как попытку дискредитировать работу Десятого съезда коммунистической партии (большевиков) Грузии.

Берия не называет имен, но намекает на некие влиятельные московские силы, которые пытаются его дискредитировать. Вскоре после этого Берия приехал в Москву, чтобы доложить обстановку Сталину лично. Он уверил вождя, что репрессии продолжатся. Действительно, вскоре после его возвращения аресты партийного руководства вышли на новый уровень. 5 июня в «Правде» публикуется статья Берии, суммирующая итоги X съезда компартии Грузии. Забавно, что он употребляет те самые выражения, которые в прошлой статье критиковались как типичные самовосхваления. Разумно было бы считать, что неприятности, которые могли вот-вот произойти в карьере Берии, неслучайны.

10 января 1938 года неожиданно, без объявления причин, был отправлен в отставку старый сослуживец и подчиненный Берии нарком внутренних дел Азербайджана Емельян Сумбаатов (впоследствии Берия вернет его на работу.) В личном фонде Ежова сохранились доклад В. П. Черепневой о положении в Грузинской партийной организации, самоуправстве Берии, Деканозова и других, о преследовании с их стороны; доклад директора павильона субтропических культур на Всесоюзной сельхозвыставке М. Ф. Сафронова о методах руководства Берии, Деканозова и др.

По распоряжению Николая Ежова майор госбезопасности Александр Журбенко затребовал в Центральном государственном архиве Октябрьской революции дела из фонда меньшевистского правительства Грузии с упоминаниями Берии.

Существует миф о том, что Ежов даже дал санкцию на арест Берии, который должен был произвести нарком НКВД Грузии Сергей Гоглидзе. Однако тот успел предупредить своего шефа, который срочно вылетел в Москву и сумел оправдаться перед Сталиным. Как справедливо пишет Н. Петров, «в этом рассказе не учтена малость – без ведома Сталина Ежов не стал бы ничего предпринимать против члена ЦК, а уж тем более подписывать ордер на его арест».

Но нет дыма без огня. Очевидно, Ежов собирал компромат на Берию, а кто мог лучше справиться с этой задачей, чем нарком НКВД Грузии? Как логически следует из последующей судьбы Сергея Арсеньевича, он Берию не сдал, а наоборот, скорее всего, доложил ему о поручении Ежова.

Немалые надежды Ежов возлагал на скандал, развернувшийся еще в 1936 году вокруг авторства книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

Среди авторов бериевской книги был высланный в 1926 году из Ленинграда участник зиновьевской оппозиции историк партии Семен Ефимович Фраерман, публиковавшийся под псевдонимом Сеф. В 1935 году, когда книга Берии получила всесоюзную славу, стала основополагающим партийным документом, Семену стало обидно, что его заслуги отмечены не были. Он имел глупость рассказывать об этом налево и направо. В результате гостившая в Тифлисе бдительная московская коммунистка, инструктор ЦК ВКП(б) Г. Штернберг, 10 апреля 1936 года написала заявление в комитет партийного контроля о беседах, которые имели место в Тифлисе с Сефом и его супругой Любовью Янушевской, где утверждала, что «супруги Сеф и Янушевская в беседе с ней жаловались, что в действительности эту книгу написал не Берия, а Сеф. Считаю, что Сеф, сохранивший себя в рядах нашей партии, до настоящего времени продолжает свою гнусную работу и клеветает на одного из учеников т. Сталина т. Берию».

Позднее, в сентябре 1936 года, Штернберг описала дальнейшее развитие событий:

По приезде в Москву в беседе с т. Райской М. Я., членом партии с 1918 года... о книге т. Берии, она мне также сказала, что книга т. Берии – это результат работы Сефа. Эту антипартийную болтовню мне удалось узнать из двух источников в Тифлисе и Москве, и для меня совершенно ясно, что эти разговоры значительно шире.

Бдительная Штернберг на этом не успокоилась и продолжала в Москве бить во все колокола, поставив в известность о клеветнических разговорах инструктора ОРПО ЦК ВКП(б) Шацкую. Которая, в свою очередь, написала заявление на имя члена партколлегии по Закавказью Кудрявцева:

По твоей просьбе сообщаю все, что знаю о разговоре т.т. Сефа и Штернберг, Янушевской и Штернберг. В марте или апреле этого года ко мне на работу в ЦК зашла т. Штернберг, член ВКП(б), бывший инструктор ОРПО ЦК ВКП(б), и в разговоре заявила мне, что считает возмутительными разговоры Янушевской и Сефа о том, что книгу тов. Берии будто бы готовил Сеф. Тут же Штернберг сказала, что Сеф бывший оппозиционер (я лично

т. Сефа не знаю и никогда его не видела). Я посоветовала т. Штернберг написать об этом в Закрайком и, будучи сама в Тифлисе, вспомнила свой разговор со Штернберг и спросила тебя, получено ли какое-нибудь заявление крайкомом. Ты ответил отрицательно, а затем через несколько дней после моего возвращения в Москву получила от тебя телеграмму с извещением, что Сеф категорически все отрицает, и ты просишь меня написать, что я и делаю.

В результате в августе-сентябре 1936 года партколлегия КПК по Закавказью разбирала дело об «антипартийной болтовне» Сефа и Янушевской. Болтуны были примерно наказаны. Но пошла цепная реакция. Другой автор доклада Эрик Бедия, занимавший пост директора института Маркса – Энгельса в Тифлисе, возмутился утверждениями Сефа и тоже начал болтать лишнее. Как нам известно из заявления Карло Орагвелидзе, работавшего заведующим отделом ЦК партии Грузии:

На квартире у меня в 1936 году в связи с болтовней Сефа о том, что он писал доклад Л. Берии, Э. Бедия заявил, что не Сеф, а он сам, Бедия, сделал этот доклад, который прочитал Л. Берия.

В итоге все приложившие руку к написанию книги, включая еще одного соавтора старого большевика Малакию Торошелидзе, – все, кроме Всеволода Меркулова, будут расстреляны. Главным обвинением для них станет связь с Мамией Орахелашвили.

Инцидент, связанный с обвинениями Берии в плагиате, не прошел мимо секретаря ЦК Николая Ежова. До того как он стал наркомом внутренних дел, Ежов отвечал за руководящие партийные кадры и уже тогда, в 1936 году, затребовал к себе документы, касающиеся скандала вокруг авторства книги. Хотя официально партия осудила болтунов, никогда не было известно, как повернется дело.

В апреле 1937 года Семен Сеф был арестован и находился под следствием в Москве, где подтвердил свои слова о плагиате Берии и дал показания о контрреволюционных настроениях бериевца Степана Мамулова. О показаниях Сефа Ежову сообщил Михаил Фриновский, который вообще относился к Лаврентию отрицательно. С 1928 по 1930 год он служил председателем ГПУ Азербайджана, и вот что писал в своем письме Николай Ежов:

...Первое время я думал, что это просто известная ведомственная ревность, поскольку ГрузЧК не всегда соблюдал служебную субординацию. Фриновский, например, мне очень часто говорил: все, кто работал когда-либо в Закавказье, обязательно пройдут по каким-нибудь показаниям в Грузии, липуют там дела.

Вероятно, по наущению Фриновского Ежов и поднял дело Сефа. Показательно, что Сеф, который работал в наркомате легкой промышленности Грузии, был арестован в Москве и долгое время провел в застенках. Видимо, Ежов держал Сефа как возможную козырную карту в игре против Берии. Его расстреляли только 29 августа 1938 года, именно когда «подчищали хвосты» в связи с назначением Берии. В мае 1939 года следственное дело Сефа было затребовано правой рукой Берии Богданом Кобуловым и с тех пор числится утраченным.

У Ежова к 1938 году были причины бояться мести Берии. По тогдашнему положению вещей Лаврентий был проконсулом Закавказья. Считалось недопустимым арестовывать его подчиненных без его разрешения. В покаянном письме Сталину Ежов писал, что Берия «не простит, что Буду Мдивани „раскололи“ в Москве, а не в Тифлисе, не простит разгрома Армении, поскольку это не по его инициативе, не простит Магабели, не простит Горячева».

В этих словах много неожиданного. Считалось, что за страшной кровавой чисткой армянской парторганизации стоит Лаврентий Берия. Между тем слова Ежова неслучайны. Традиция обвинять Берию во всех кровавых преступлениях, особенно в Закавказье, идет с 1953

года. Распространена, например, точка зрения, что Берия лично вызвал в 1936 году в Тбилиси первого секретаря компартии Армении Агаси Ханджяна, в результате чего 9 июля тот застрелился. В 1955 году, после проверки специальной комиссии Главной военной прокуратуры, выяснилось, что Ханджян застрелился в кабинете Берии. Об этом якобы свидетельствовал ответственный партийный работник Иван Коротков, который к 1955 году уже умер. Тем не менее, некая Иванова утверждала, что Коротков, с которым она вместе работала в Тбилиси, услышав два выстрела из кабинета Берии, ворвался туда и увидел Лаврентия и окровавленное тело Ханджяна. После он даже нарисовал карандашом картину – труп первого секретаря армянской компартии на ковре в кабинете Берии. Надо заметить, что потом этот Коротков устроился на должность деректора Музея изобразительных искусств им. Пушкина. Во время подготовки знаменитого секретного доклада Никиты Хрущева на XX съезде партии в 1956 году ЦК получил записку заместителя председателя КПК Т. П. Комарова, в которой, со ссылкой на несколько свидетелей, почти все к этому моменту уже умерли, утверждалось, что Ханджян был убит Лаврентием Павловичем, после чего грузинские чекисты инсценировали самоубийство. Между тем известный историк Борис Соколов убедительно доказывает, что у Ханджяна было много причин для самоубийства. Он работал в Ленинграде при Зиновьеве, и вызов в Тбилиси в преддверии громкого процесса Зиновьева – Каменева вполне обоснованно мог воспринять как завтрашний арест. У Берии не было никакой нужды лично убивать и без того обреченного человека, тем более в своем кабинете.

Еще одним свидетельством борьбы Ежова с Берией Борис Соколов считает арест Василия Жужунавы, чекиста, делавшего успешную карьеру при покровительстве Берии. Жужунава был снят с должности наркома внутренних дел Абхазии Ежовым в декабре 1937 года, но исключен из партии и арестован только в июле 1938-го. Дело в том, что Жужунава был выдвиженец Берии, работал с ним еще в Азербайджане и назначен в Абхазию после смерти Лакобы для чистки лакобовской номенклатуры. И вполне возможно, что целых полгода Берия пытался спасти своего сослуживца. Однако тот все же был арестован и подвергнут пыткам в Тбилиси именно в тот момент, когда противостояние Берии и Ежова перешло в открытую фазу. Дальнейшая судьба Василия Георгиевича нам неизвестна, нет ни приговора, ни справки о смерти. Вполне возможно, что Жужунаву выпустили из тюрьмы по бериевской амнистии, когда конфликт с Ежовым окончательно разрешился.

Упомянутый Ежовым в письме некий Горячев – вероятно, тот самый член КПК по Закавказью, который разбирал «антипартийную болтовню» Сефа и, соответственно, также много знал о скандале вокруг плагиата и был арестован без ведома Берии.

О том, что у Буду Мдивани была очная ставка в Москве в присутствии Ежова, мы уже писали в пятой главе. Действительно ли старика «раскололи» московские следователи или дело решили многомесячные пытки в Тбилиси, остается непонятным. Возможно, Ежов просто приписал себе эту заслугу. В любом случае из письма становится ясно, что этапирование и допросы Мдивани в Москве вызвали недовольство Берии.

Опасения Николая Ивановича были абсолютно обоснованны. Берия с первых шагов в наркомате начал вести себя как власть имеющий, и вскоре Ежов понял, что его песенка спета. Он горько запил, в наркомате почти не показывался, предавался беспорядочным половым связям с лицами обеих полов. Более того, Ежов вел пьяные разговоры в присутствии случайных людей о необходимости убить Берию, и даже самого Сталина.

Обсуждались два плана. Вызвать Берию на конспиративную квартиру для встречи с важным агентом в присутствии Ежова. Далее напасть на квартиру группой чекистов под видом врагов народа, застрелить Берию и легко ранить Ежова.

Второй план, о котором Ежов болтал с ответственным за охрану первых лиц государства Израилем Дагиным и бывшим заместителем Михаилом Фриновским, заходил куда дальше.

7 ноября 1938 года во время праздничной демонстрации задумывалось устроить беспорядки на Красной площади и под шумок застрелить Сталина и Молотова.

Между тем Берия постепенно и неуклонно подминал наркомат под себя. 8 октября 1938 года Политбюро создает комиссию для подготовки проекта постановления о «новом порядке проведения арестов, о прокурорском надзоре и о ведении следствия». Комиссию формально возглавляет Ежов, но ее ядром становятся Берия, Маленков и Вышинский. 17 ноября постановление комиссии было утверждено Политбюро. В постановлении содержалась резкая критика деятельности НКВД, сообщалось, что враги народа и шпионы, внедрившиеся в органы, запутывали следственные дела, извращали советские законы, производили массовые необоснованные аресты, спасая от разгрома своих сообщников. Также ликвидировались «тройки», прекращались массовые операции, усиливался прокурорский надзор за НКВД.

29 октября 1938 года Берия по совместительству становится начальником ключевого Главного управления государственной безопасности НКВД. С конца октября начинаются массовые аресты «ежовцев», в том числе арестованы Дагин, Шапиро и Журбенко, собиравший материалы на Лаврентия Павловича.

19 ноября в кремлевском кабинете Сталина рассматривалось заявление о нарушениях в НКВД, поданное начальником Ивановского управления Виктором Журавлевым. Заявление было инспирировано Берией, который специально встречался с Журавлевым. Чекист утверждал, что в НКВД продолжают работать враги народа Радзивиловский и Литвин. Старший майор госбезопасности Александр Радзивиловский был предшественником Журавлева в Иваново, а Михаил Литвин руководил Ленинградским управлением НКВД. Еще 12 ноября Литвин был вызван Берией в Москву. В тот же день ему позвонил Ежов и намекнул, что в столице его не ждет ничего хорошего. Литвин немедленно застрелился. На его место был назначен правая рука Берии Сергей Гоглидзе. Радзивиловский 13 ноября был арестован. 14 ноября подался в бега глава НКВД Украины Александр Успенский, предупрежденный Ежовым об опасности.

Николай Ежов

Фрагмент полосы газеты «Заря Востока» от 8 декабря 1938 года

19 ноября в кабинете Сталина судьба Ежова решилась окончательно. Ему предъявили показания Дагина о плане покушения на руководителей партии и обвинения в засорении следственных органов шпионами. После заседания Ежов подал заявление об отставке. 23 ноября в том же кабинете Сталин последний раз виделся с Ежовым в присутствии Молотова и Ворошилова. 25 ноября вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении наркомом внутренних дел Лаврентия Берии.

Бериевцы

Уже в конце 1938 года в НКВД началась большая чистка. Всего за 1939 год из органов уволили 7372 человека, почти четверть общего состава. А из руководящих работников убрали 62 %. Центральный аппарат обновился больше чем на половину. В него было принято 3460 человек. В основном это люди, никогда не работавшие в органах. Их набирали среди партийных и комсомольских работников, красноармейцев и пограничников. Это обновление и предыдущая ежовская чистка привели к тому, что лишь половина руководящих работников имела стаж работы более шести лет. Подавляющее большинство чекистов 1939 года молоды, три четверти из них моложе тридцати пяти лет. Значительно уменьшилось число имевших только начальное образование – те в основном были участниками революции и Гражданской войны, расстрелянными в 1937–1938 годах. Теперь половина чекистов имела среднее или даже высшее образование. Резко сократилось количество поляков, латышей и особенно евреев. Теперь в центральном аппарате НКВД русских, украинцев и белорусов был 91 %. Доля выходцев с Кавказа на первый взгляд незначительна – всего 65 человек, около 2 %. Но большинство из них принадлежали к одному клану.

В результате двух чисток в НКВД – ежовской и бериевской – большая часть руководства органами была репрессирована. Как и в других случаях чистки номенклатуры, уничтожали целые кланы. Например, выходцев с Северного Кавказа и Украины. Как известно, Сталин выступал категорически против образования земляческих кланов среди номенклатурных работников. Тем не менее, для Лаврентия Берии было сделано исключение. Возможно, оно было связано со срочностью возложенных на него задач. Других кандидатов, кроме бериевских, в распоряжении Политбюро не было. Приведем список самых известных бериевцев.

Илларион Гагуа – с 1921 года в ЧК Грузии, последняя должность на Кавказе – начальник управления НКВД Южной Осетии. С ноября 1938 года – заместитель начальника управления охраны Главного управления госбезопасности НКВД СССР, затем заместитель коменданта Московского Кремля.

Михаил Гвишиани – с 1928 года в ГПУ Грузии. В 1938-м заместитель председателя тбилисского горисполкома, затем начальник УНКВД Приморского края.

Сергей Гоглидзе – с 1923 года в ЧК Грузии, последняя должность на Кавказе – нарком внутренних дел Грузии. С 1938 года начальник УНКВД Ленинградской области.

Владимир Деканозов – товарищ Лаврентия Берии по Баку. В Азербайджанской и Грузинской ЧК с 1921 по 1932 год. С приходом Берии к руководству Закавказьем переведен на партийную и советскую работу. В 1938 году – начальник Госплана Грузии. С декабря 1938 года начальник 5-го отдела Главного управления госбезопасности. С 1939 года заместитель наркома иностранных дел.

Владимир Закарая – с 1922 года в ЧК Грузии. С 1938-го – нарком внутренних дел Аджарии.

Андрей Зодылава – с 1924 года в ЧК Грузии. С 1938-го – замнаркома внутренних дел Грузии.

Варлам Какучая – с 1930 года в ГПУ Грузии, в 1938 году – первый секретарь Потийского горкома компартии Грузии. С конца 1938-го – помощник начальника следственной части НКВД СССР.

Григорий Каранадзе – с 1929 года в ГПУ Грузии. В 1937-м первый секретарь Сигнахского райкома, с 1938-го нарком госбезопасности Крымской АССР.

Амаяк Кобулов – с 1927 года в ГПУ Грузии. В 1938 году – и.о. наркома внутренних дел Абхазии. С 1938-го первый заместитель наркома внутренних дел Украины.

Богдан Кобулов – с 1922 года в ЧК Грузии. В 1938 году заместитель наркома внутренних дел Грузии. С декабря 1938-го начальник следственной части НКВД СССР.

Александр Кочлашвили – до 1939 года на партийной работе Грузии, последняя партийная должность на Кавказе – заведующий транспортным отделом ЦК компартии Грузии. С 1939 года нарком внутренних дел Аджарии.

Михаил Кукутария – с 1921 года в ЧК Грузии. В 1938 году – начальник Каспийского райотдела НКВД Грузии, затем нарком внутренних дел Абхазии.

Борис Людвигов – в 1938 году заведующий особым сектором ЦК компартии Грузии. Затем заместитель начальника секретариата НКВД СССР.

Степан Мамулов – с 1922 года на партийной работе в Грузии. С 1939 года начальник секретариата НКВД СССР.

Всеволод Меркулов – с 1921 года в ЧК Грузии. В 1938-м заведующий промышленно-транспортным отделом ЦК компартии Грузии. Затем первый заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник государственного управления госбезопасности НКВД СССР.

Соломон Мильштейн – с 1922 года в ЧК Грузии. В 1938 году – третий секретарь Тбилисского горкома компартии Грузии. С 1938 года начальник следственного отдела НКВД СССР.

Авксентий Рапава – с 1924 года в ЧК Грузии. В 1938 году – председатель правительства Абхазии. Затем нарком внутренних дел Грузии.

Алексей Саджая – с 1921 года в ЧК Грузии. В 1938 году первый секретарь аджарского обкома компартии Грузии, затем нарком внутренних дел Узбекистана.

Рафаэль Саркисов – в органах НКВД с 1932 года. С 1935 года личный водитель Берии. С 1938-го начальник его личной охраны.

Ювельян Сумбатов (Топуридзе) – с 1920 года в ЧК Азербайджана. В 1938-м в резерве НКВД СССР, затем начальник административно-хозяйственного управления НКВД СССР.

Лаврентий Цанава – с 1921 года в ЧК Грузии. В 1938 году начальник «Колхидстроая», затем нарком внутренних дел Белоруссии.

Шалва Церетели – с 1922 года в ЧК Грузии. В 1938 году – глава грузинской милиции, затем начальник оперативного спецотдела НКВД СССР.

Петр Шария – в 1938 году заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК компартии Грузии. Затем начальник секретариата НКВД СССР.

Список этот неполный. Берия привез с собой в Москву и назначил на ключевые должности в НКВД и партаппарат еще больше своих людей. Но часть из них пришлось вернуть на прежнее место. Как свидетельствовал приближенный Берии Меркулов:

Приехало из Грузии так много работников, что позже Берии пришлось часть из них откомандировать обратно, так как, кажется, товарищ Сталин обратил на это внимание.

Даже противники Берии замечали, что Берия всегда хорошо разбирался в кадрах. Вскоре он приблизил к себе и некоторых чекистов, работавших при Ежове. На месте остался Василий Блохин – главный палач НКВД. Из УНКВД Азербайджана в наркомы внутренних дел Туркменской ССР был переведен Тимофей Борщев. Бурную карьеру при Берии сделали северокавказцы Лев Влодзимирский, известный своим садизмом следователь, и Павел Федотов – начальник 7-го отделения секретно-политического отдела НКВД СССР. Павел Мешик, бывший при Ежове оперуполномоченным, стал начальником следственной части главного экономического управления, а затем наркомом госбезопасности Украины. При Берии делают быструю карьеру два будущих министра. Из армии пришел в НКВД Иван Серов, вскоре возглавивший милицию. С партийной работы – Сергей Круглов, ставший замом наркома НКВД по кадрам.

По словам Меркулова, самым близким человеком для Берии в Москве стал Богдан Кобулов. Но и остальных своих товарищей он не забывал. Достаточно сказать, что в роковом для

Лаврентия 1953 году многие бериевские выдвиженцы будут собраны в теневое «правительство Берии».

Отношение к кадрам у Лаврентия Берии было не таким, как у Сталина и позже Хрущева. Те, кто попадал в его орбиту и заслуживал доверия, пользовались его покровительством в течение долгих лет. Раз попав в этот круг, уйти из него было почти невозможно. Своих Берия, что называется, не сдавал. Эти люди, с большинством из которых сорокалетний Берия к 1938 году был знаком около двадцати лет, входили в его большую семью и двигались вместе с ним. Они понимали друг друга с полуслова, знали, как угодить своему шефу, умели держать язык за зубами. Берия дал многим из них уменьшительно-ласкательные прозвища. Меркулова называл «Меркулыч», Кобулова – «Кобулыч» и т. д. Серова ласково обзывал «мелким бабником». Впрочем, и ненавистного Ежова среди своих Лаврентий называл «Ежиком».

В обмен на полную лояльность и преданность Берия берег и покрывал свои кадры. С одной стороны, все коллеги-чекисты, а особенно начальники, которые когда-либо ему перечили в 1920–1930 годы, были не без его участия уничтожены в эпоху Большого террора: и Михаил Окуджава и Ефрем Кванталиани, и Иван Павлуновский, и Станислав Реденс, и Тите Лордкипанидзе. В то же время из своих Берии не удалось защитить только упоминавшегося выше Василия Жужунаву, его предшественника на посту наркома внутренних дел Абхазии Владимира Ампара (впрочем, он скорее человек Лакобы, чем Берии) и Германа Джинджолию, наркома внутренних дел Аджарской АССР (речь шла о поголовном уничтожении всего руководства автономии).

Между тем такие бериевцы, как Всеволод Меркулов, Богдан Кобулов, Михаил Гвишиани, Сергей Гоглидзе, Шалва Церетели, занимавшие достаточно крупные должности и при Ягоде, и при Ежове, работай они в другой республике, имели все шансы получить свою пулю в затылок. Так что структура бериевской клики, как называли ее позже, действительно выглядела наподобие клана итальянской мафии в Чикаго 1930-х годов. Малейший промах карается смертью, послушание щедро поощряется, «своим» и их семьям полагается защита, гарантируется полная безнаказанность, в нарушение всех, даже чекистских норм. Членам «ордена» обеспечивается блестящая карьера.

Лаврентий Берия, Всеволод Меркулов, Богдан Кобулов (сидит)

Кавказская сплоченная команда являла не только сильные стороны. Многих, особенно в партийных органах, преобладание выходцев с Кавказа среди окружения Берии раздражало. Впрочем, сам Лаврентий это прекрасно понимал. Возглавив НКВД, своим первым заместителем он назначил Всеволода Меркулова. Меркулов так позже писал о главной причине своего назначения:

Сейчас мне совершенно ясно, что Берия выдвинул меня на эту должность, главным образом, только потому, что я был единственным русским из его окружения. Он понимал, что назначить первым заместителем Кобулова или Деканозова он не может. Такие кандидатуры не будут приняты. Оставалась одна моя кандидатура.

Верность Берии своим старым подчиненным позже сыграет со всеми ними злую шутку. Бериевцы были безоговорочно связаны со своим шефом, как вассалы с князем. В результате, когда Берия придет к высшей власти, у него окажется очень небольшой кадровый резерв: все те же грузинские чекисты те, кто работал с ним в годы войны и в атомном проекте. Маленков, бывший главный кадровик ЦК, и Хрущев, руководивший Украиной и Москвой, прошедший войну со Сталинградским фронтом, имели гораздо более широкий кадровый круг. Круг бериевцев был относительно узок, всем известен и тем проще было его ликвидировать. С падением шефа все они были обречены.

Бериевский поток

Задача Лаврентия Берии, поставленная перед ним Сталиным, заключалась в «нормализации» террора. Ежовщину можно сравнить с ковровыми бомбардировками, а бериевщину с бомбардировками точечными. Прежде всего Берия произвел ревизию работы своих предшественников. Общая идея Большого террора не подвергалась сомнению. Ни одна из ежовских массовых операций не была публично осуждена или отменена. Не отменялись и пытки. Более того, знаменитое распоряжение Сталина в июле 1937 года о методах физического воздействия было заменено специальной шифротелеграммой от 10 января 1939 года, официально разрешившей проведение пыток в отдельных случаях. В ней говорилось:

ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение и при том в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманные методы допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике.

Тем не менее, действительно серьезные послабления вскоре почувствовались. Приказом от 17 ноября 1938 года были отменены «массовые операции». Не приведенные в исполнение приговоры «троек» отменялись. Арестованные выходили на свободу. Было запрещено произвольное продление сроков ссылки или лагерного заключения, практиковавшиеся руководством лагерей и местных управлений НКВД. Резко уменьшался контингент, подсудный Особому совещанию при НКВД СССР. Для ареста и заведения следственного дела теперь необходима была санкция прокуратуры. Контроль прокуратуры и партийных органов над чекистами стал гораздо интенсивнее.

В 1939 году было освобождено из лагерей 223 600 человек. В 1940 году на свободу в порядке реабилитации вышли 16 448 человек. Прокуратурой и руководством НКВД был проведен целый ряд проверок. Выяснились чудовищные факты. В Белозерске Вологодской области приговоренных к смертной казни заключенных пьяные палачи рубили топорами и потом хвалились, что «рубили человеческое тело как репу». Невинных людей московская милиция, используя подставных свидетелей, приговаривала «тройками» к расстрелу, чтобы повысить показатели работы. Выявлены массовые нарушения законности. В Кировском облсуде в I квартале 1939 года прекращено и возвращено на доследование 34,5 % дел, 7,5 % лиц, преданных суду, оправданы. Соответствующие цифры для Ленинградского облсуда – 32 и 29,4 %. В Иваново – 28,3 и 32,5 %. В Новосибирске – 56 и 9,6 %.

Прокуратура в массовом порядке рассматривала жалобы на несправедливые приговоры. В Карелии пересмотрели 407 приговоров «троек», 133 человека освобождены из лагерей. Некоторое потепление, проявление человечности проявлялись у самих правоохранителей. Обычной практикой Большого террора являлось извещение родственников расстрелянных, что они не погибли, а осуждены на десять лет без права переписки. В связи с чем прокурор

Новосибирской области А. В. Захаров писал в обком: «Я считаю, что дальше нельзя обманывать родственников осужденных и этим заставлять их без конца жаловаться и бесполезно наводить справки. Должны быть реабилитированы семьи расстрелянных. Было бы преступно продолжать издевательство над этими семьями, убеждать их в том, что арестованные их родственники осуждены правильно, что они заключены в лагерь».

Палачи, следователи и даже те, кто писал доносы при Берии, неожиданно сами попали в зону риска. 31 января 1939 года Берия приказал арестовать тринадцать сотрудников дорожно-транспортного отдела НКВД Московско-Киевской железной дороги за бесосновательные репрессии против железнодорожников. 5 февраля 1939 года за это же была арестована группа особистов Балтийского флота.

Начиная с 1939 года, политических дел стало на порядок меньше. За 1939 год по обвинению в контрреволюционных преступлениях были приговорены к высшей мере наказания 2600 человек, за 1940 год – 1600. За два года Большого террора (1937–1938), для сравнения, расстреляли 680 000 человек. Улучшились условия содержания в тюрьмах, подследственным разрешили пользоваться в камерах настольными играми и книгами, установили правила свидания с родственниками и передачи посылок.

Доктор исторических наук В. Земсков приводит такие цифры бериевской оттепели:

Всего за 1939 год из ГУЛАГа было освобождено 327 400 человек (223 600 – из лагерей и 103 800 – из колоний), но в данном случае эти цифры мало о чем говорят, так как нет указаний о том, каков среди них был процент досрочно освобожденных и реабилитированных «врагов народа». Нам известно, что 1 января 1941 года на Колыме находилось 34 000 освобожденных лагерников, из них 3000 (8,8 %) полностью реабилитированных.

Гораздо больший процент освобожденных среди тех, кто не успел получить приговор, а находился в предварительном заключении до ноября 1938 года. Историк Олег Мозохин приводит точные данные по этой категории. На 1 января 1939 года числилось подследственных – 149 426 человек, освобождены по прекращенным в процессе следствия делам – 83 151 человек, освобождены прокуратурой и оправданы судами 25 575 человек. В 1939-м – первой половине 1941 года освободили 142 432 человека в ходе следствия и суда. Общее число попавших под первую бериевскую «амнистию», выпущенных на волю подследственных и заключенных ГУЛАга, составляет 270 000–290 000 человек.

Освободили, в частности, пятьдесят человек высшего состава, в их числе будущие командармы: К. К. Рокоссовский, А. В. Горбатов, К. Н. Галицкий, Ф. Ф. Жмаченко, К. П. Подлас, Ф. А. Пархоменко, В. Д. Цветаев, К. А. Юшкевич. Вышли из следственных тюрем Ольга Берггольц, знаменитые физики Лев Ландау, Моисей Корец, Юрий Румер, авиаконструктор Владимир Петляков.

Предвоенная чистка

Уже при проведении национальных операций 1937–1938 годов, к которым Берия имел лишь опосредованное отношение (поляков, финнов, немцев в Грузии было немного), проявляется намерение Сталина репрессировать представителей всех народов, чьи национальные государства находятся за пределами СССР. Еще более ярко эта национальная линия проявила себя после начала Второй мировой войны. В результате советско-германского договора о ненападении 1939 года СССР обеспечил возможность присоединения новых территорий. В 1939–1940 годах в Советский Союз вошли Карельский перешеек, республики Прибалтики, Западные Украина и Белоруссия, Северная Буковина и Бессарабия.

Эти территории не прошли тех политически-карательных кампаний, которые уже осуществились в СССР. Там следовало установить однопартийную систему, уничтожить, чаще всего физически, капиталистов и помещиков, провести раскулачивание, взять под контроль церковные организации и ограничить их влияние. Словом, обеспечить полную покорность.

1 декабря 1937 года во всей стране закрыли финские, эстонские, латышские, немецкие, греческие школы, на их базе создали русские. Прекратилось издание литературы, учебников и периодики на финском, немецком, эстонском языках. 23 июня 1940 года принято постановление Совнаркома СССР «О выселении инонациональностей из Мурманска и Мурманской области». Берия требовал в кратчайший срок выселить из района Мурманска в Алтайский край 8716 человек.

Высылки из Прибалтики начались 14 мая 1941 года. Большинство прибалтов выслали за три дня – 14, 15, 16 июня. Из Литвы выселили 10 000 человек, из Эстонии 6000, из Латвии – 10 000. В большинстве они все состояли на оперативном учете органов НКВД – сотрудники старого государственного аппарата, правоохранители, члены буржуазных политических партий, представители крупной буржуазии, репатрианты из Германии и Польши, уголовный элемент и проститутки. Высылки сопровождалась арестами. Например, в Латвии в июне 1941 года было арестовано 6000 человек.

Параллельно шли еще более жестокие чистки в Молдавии (выслано 23 000 человек), Западной Украине (10 000 человек), Западной Белоруссии (28 000 человек). Отправляли в основном целыми семьями на север и в Сибирь. С собой можно было взять вещи весом не свыше 100 килограммов на каждого члена семьи. Впрочем, 15 июня 1941 года Лаврентию Берии пришлось дать указание: «Имеются сведения о том, что в ряде мест у выселяемых отбираются бытовые ценности (часы, портсигары, кольца и пр.). Напоминаем, что изъятию подлежат только оружие, валюта, золото и серебро в слитках и контрреволюционная литература».

Чистку Финляндии провести не удалось. Предусмотрительные финны в полном составе бежали с Карельского перешейка в незанятые советскими войсками финские земли.

Не говоря о жестокости и бессудности этих высылки, они привели к прямо противоположному результату вместо ожидаемого. Даже Йозеф Геббельс в конце 1940 года, когда стало ясно, что Прибалтика войдет в состав СССР, пророчески заметил:

Конечно, жаль отдавать старые немецкие земли. Мы почти 600 лет правили там железом и кровью. Так что латыши и эстонцы нас возненавидели. Но дайте им прожить год при большевиках, и они будут встречать нас цветами.

Именно так в итоге и случилось. Между тем высылаемые не представляли особой угрозы. А немцы вовсе не собирались давать оккупированным республикам не только независимости, но даже и автономии.

Когда в 1941 году Красная армия вынуждена была стремительно отступать на Украине и в Западной Белоруссии, практически все политические заключенные в тюрьмах были рас-

стреляны. Так, в городке Дрогобыч было расстреляно 110 человек, в Станиславе – 1000, в Тернополе – 700. Начальник тюрьмы города Глубокое в Белоруссии Приемышев собственным решением казнил 600 человек. В результате немцы использовали это в своих пропагандистских целях. Они открыли тюрьмы для публичного посещения, и родственники заключенных могли убедиться в зверствах большевиков. Украинская повстанческая армия наполнилась кадрами не в последнюю очередь под этими впечатлениями.

Из всех репрессированных народов перед войной больше всего пострадали поляки. Их выслали из Западных Украины и Белоруссии, арестовывали, расстреливали. 135 000 поляков отправили в ссылку. Горше всех сложилась судьба польских офицеров, взятых в плен Красной армией осенью 1939 года. Подробности Катынского расстрела хорошо известны. Остановимся лишь на той роли, которую сыграл в судьбе 22 000 польских офицеров Лаврентий Берия.

В 1939 году офицеры, полицейские и чиновники были отделены от рядовых и помещены в восемь специальных лагерей. Главными из них были лагеря в Козельске, Старобельске и Осташкове. Естественно, что подавляющее большинство этих заключенных относились к своим тюремщикам, советской власти и в целом к России резко отрицательно. В феврале 1940 года руководитель лагерей Петр Супруненко предложил «разгрузить» эти места заключения, отправив узников на Колыму и Камчатку сроком на восемь лет, оформив приговоры через Особое совещание. Думается, что такая инициатива была проявлена с ведома и согласия его непосредственного начальника Лаврентия Берии. Но где-то в конце февраля – начале марта это предложение было отклонено. Если следовать людоедской этике советского руководства, резоны в таком решении были. Основная масса заключенных ГУЛага к тому времени, за исключением уголовников, были абсолютно невинные люди, не склонные к сопротивлению. Тех, кто пытался сопротивляться – троцкистов, – поголовно расстреляли в 1937 году. Появление хорошо организованных, мотивированных, готовых к сопротивлению и профессионально владеющих оружием узников могло нарушить баланс в сталинских лагерях. Напомним, в частности, что появление после войны в лагерях «власовцев», «бендеровцев», «лесных братьев» и бывших советских военнопленных фронтовиков привело к множеству массовых восстаний и подорвало существующий порядок.

Конечно, были доводы оставить поляков в живых. Сталин, скорее всего, понимал, что воевать придется с Германией, а не с Англией и Францией. На этот случай иметь у себя под боком резерв для возможного образования антигитлеровской польской армии представлялось возможным. К этому времени уже был печальный опыт Финской войны, когда из-за «финской» операции и почти поголовного уничтожения финских коммунистов-эмигрантов не удалось создать даже финский стрелковый корпус для правительства Куусинена.

Решение о расстреле пленных польских офицеров было принято Политбюро 5 марта 1940 года. Понятно, что принципиально решить такой вопрос мог только один человек – Сталин. Тем не менее, в поведении Берии можно заметить нечто странное. Проект постановления о расстреле подписан всеми членами и кандидатами Политбюро, включая Берию. Согласно ему Берия должен был войти в состав «тройки», утверждавшей смертные приговоры полякам вместе с А. Вышинским и В. Меркуловым. Однако первоначально стоявшая в тексте постановления от 5 марта 1940 года фамилия Берии была вычеркнута и вместо него вписан Богдан Кобулов.

Серго Берия утверждал, что отец выступал против катынской казни:

Правда такова. За расстрел польских офицеров... единогласно проголосовали Сталин, Ворошилов, Молотов, Микоян, Каганович, Калинин, словом, вся партийная верхушка. Особенно настаивали на этом Ворошилов и Жданов. Единственным человеком из кремлевского руководства, выступившим совершенно открыто против этой подлости, стал отец. Свою позицию на заседании Политбюро он объяснил так:

– Война неизбежна. Польский офицерский корпус – потенциальный союзник в борьбе с Гитлером. Так или иначе, мы войдем в Польшу, и, конечно же, польская армия должна оказаться в будущей войне на нашей стороне.

Реакцию партийной верхушки предположить нетрудно – отец за строптивость едва не лишился должности. Жданов прямо заявил: «Тогда я могу встать во главе органов!» Но и это не заставило отца подписать смертный приговор польским офицерам. Хотя, безусловно, всем было понятно, что особое мнение одного человека уже ничего изменить не может – поляки были обречены.

Отцу приказали в недельный срок передать пленных польских офицеров Красной Армии, а саму экзекуцию было поручено провести руководству Наркомата обороны. Допускаю, что какие-то подразделения из состава конвойных частей все же привлекли, но расстреливала поляков, как это ни горько признать, Красная Армия. Это та правда, которую тщательно скрывают и по сей день...

Так случилось, что отец – случай беспрецедентный в сталинском окружении! – демонстративно отказался поддержать преступное решение большинства, и Сталин ему это простил.

Катынь. Расстрелянные польские офицеры

Вполне возможно, что в основе такого смелого утверждения лежат какие-то семейные разговоры. Известно, скажем, что Лаврентий Павлович очень плохо относился к Андрею Жданову, поэтому приписываемое Жданову желание подсадить Берию вполне правдоподобно. При этом совершенно невероятно выглядит утверждение, что расстреливали поляков солдаты Красной армии. Операцией руководил капитан госбезопасности Василий Блохин, за образцовое выполнение этого задания ставший майором. Представить себе, что Лаврентий мог уцелеть, выступая против всего Политбюро, невозможно. Однако помимо мнения любящего сына об особой позиции Берии по польскому вопросу говорят и известные историки. Так, исследовавший этот вопрос Борис Соколов пишет:

Думаю, что Берия действительно был против казни поляков и мог попросить Сталина, чтобы его имя было вычеркнуто из числа тех, от лица которых были вынесены смертные приговоры.

Представляется, что катынский расстрел даже с точки зрения кровавой практики НКВД выделяется своей алогичностью и жестокостью. Это скорее практика Гитлера, чем Сталина. Казнить огромную массу людей по одной причине – принадлежность к офицерскому составу польской армии. Так потом не будут поступать даже по отношению к офицерам СС. Как известно, правду о Катыни будут скрывать и антисталинец Никита Хрущев, и последующие советские руководители. Даже Горбачев отрицал катынское преступление до 1990 года. Предусмотрительный прагматичный Берия очень хорошо все это чувствовал и попытался, как мог, дистанцироваться от Катынского расстрела.

Завершая дела Ежова

Первой задачей Берии были репрессии против ежовцев. Из высших руководителей НКВД за 5 месяцев было арестовано 97 человек. Больше, чем Ежов арестовал за два года бывших подчиненных Ягоды. Вероятно, особенно приятно Берии было подписывать приказ об аресте своего бывшего шефа и свояка Сталина Станислава Реденса, занимавшего пост наркома внутренних дел Казахстана. Чекистов чистили так бойко, что в какой-то момент органы начали терять управление из-за нехватки руководящих кадров.

Хуже всего дело обстояло во внешней разведке. В октябре 1938 года был арестован ее руководитель Залман Пассов. 2 ноября посадили руководителя агентурной сети среди русских эмигрантов Сергея Шпигельгласа, организовавшего знаменитое похищение из Парижа Миллера и Кутепова. Исполняющим обязанности начальника внешней разведки назначили Павла Судоплатова, тогда еще совсем молодого чекиста, прославившегося убийством главы украинских националистов Евгения Коновальца. В декабре 1938 года начальником внешней разведки стал бериевец Владимир Деканозов. Но и он продержался недолго. В 1939 году Деканозов был назначен первым заместителем министра иностранных дел, а затем послом в Германии. 12 мая 1939 года начальником внешней разведки утвердили Павла Фитина, пришедшего в НКВД за год до назначения, по партийному набору. У него не было никакого разведывательного опыта. Растерянный Фитин докладывал Лаврентию Берии:

К началу 1939 года почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи.

Ежовские и бериевские репрессии опустошили большинство резидентур. В начале 1939 года в Берлине было всего два оперативных работника, один из которых не говорил по-немецки.

Тем не менее, под руководством Павла Фитина и фактически Лаврентия Берии, внешняя разведка сумела сделать то, что не удалось ни Ягоде, ни Ежову – убить Льва Троцкого.

С января 1937 года, когда Троцкий вместе с женой и внуком получил убежище в Мексике, в его окружение пытались внедрить агентов НКВД. Руководил операцией Сергей Шпигельглас. В начале 1938 года в секретариат Троцкого была внедрена испанка Мария де Лас Эрос Африка, завербованная еще во время гражданской войны в Испании. С июля 1938 года под боком у Троцкого устроились Иосиф Григулевич и Витторио Видали. Тогда же в Мексике оказались и будущие убийцы – Каридад Меркадер и ее сын Рамон.

27 декабря 1938 года бежавший в США резидент НКВД в Испании Александр Орлов предупредил Троцкого о готовящемся покушении. О письме Орлова стало известно Сталину. Операцию по убийству Троцкого пришлось заморозить. Сергей Шпигельглас был арестован и через полтора года расстрелян.

Автор знаменитых мемуаров Павел Судоплатов в это время находился на грани исключения из партии и ареста. Неожиданно в начале февраля 1939 года его вызвал к себе Лаврентий Берия, и они отправились на прием к Иосифу Сталину. Генсек провел среди чекистов довольно длинную политинформацию. В частности, он сказал:

В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена. Троцкий должен быть устранен в течение года.

Новую группу боевиков поручалось возглавить имевшему опыт закордонной работы Судоплатову. Сталин сказал: «Докладывайте непосредственно товарищу Берии, и никому больше. Но помните, вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас».

Для руководства операцией на месте в Мексику был направлен опытный разведчик Наум Эйтингон, случайно выживший во время чисток. Вместе с Судоплатовым был разработан план оперативных мероприятий по делу «Утка», одобренный Сталиным в августе 1939-го. Судоплатов также съездил в Мексику для контроля на месте.

Первое покушение было предпринято 24 мая 1940 года двадцатью террористами, подъехавшими к вилле Троцкого на четырех автомашинах. Советские агенты выпустили около двухсот пуль, но ни Троцкого, ни его родственников даже не ранили. Берия был взбешен. Его и Судоплатова вызвали к Сталину на ближнюю дачу. Вождь, в отличие от Берии, не был в ярости и спокойно предложил продолжить операцию с теми же руководителями.

Внедренный в окружение Троцкого Рамон Меркадер понравился Льву Давыдовичу и стал регулярно бывать у него на вилле. 20 августа 1940 года он нанес бывшему председателю Реввоенсовета смертельное ранение широким концом спрятанного под плащом ледоруба. На следующий день Троцкий скончался.

24 августа в газете «Правда» вышла ликующая статья «Смерть международного шпиона». Согласно этой публикации, Советский Союз не имел к убийству никакого отношения, а погиб Троцкий в результате внутренних раздоров. «Правда» писала: «Покушавшийся назвал себя Жан Морган Вандендрайн и принадлежит к числу последователей и ближайших людей Троцкого». Участники операции были награждены орденами. Рамон Меркадер получил двадцать лет тюрьмы – максимальное наказание по мексиканским законам.

В целом, интенсивность репрессий при Берии в бытность его главой НКВД резко снизилась. Следствие 1953 года особое внимание уделяло судьбе маршала Василия Блюхера, замученного до смерти в Сухановской тюрьме, когда Берия еще был первым замом Ежова. Но совершенно очевидно, что Берия не имел никакого отношения к аресту и следствию, которое находилось в руках ежовцев. Судьба Блюхера была predeterminedена и так. Тотальная чистка Дальнего Востока и Особой Дальневосточной армии, несомненно, дала множество показаний на маршала от арестованных его подчиненных. Наконец, неудачная операция на озере Хасан в июле-августе 1938 года, взбесившая Сталина. По его мнению, операция вскрыла «огромные недостатки в состоянии Дальневосточного фронта». Блюхера среди прочего обвинили в том, что он «не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа».

В приказе народного комиссара обороны Союза ССР от 4 сентября 1938 года ясно слышатся сталинские интонации:

...Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского правительства и приказов Наркома т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1 августа с.г. при разговоре по прямому проводу тт. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером т. Сталин вынужден был задать ему вопрос: «Скажите, т. Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами. Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно...».

Этим приказом маршал Блюхер был отстранен от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта, так что судьба его была предreshена без всякого участия Берии.

Важную роль играл Лаврентий Берия в хорошо изученной истории гибели Исаака Бабеля, Михаила Кольцова и Всеволода Мейерхольда. В отличие от Берии, Сталин уничтожал деятелей культуры очень выборочно, с оглядкой. Из писателей первого ряда кроме Исаака Бабеля репрессиям подвергся только Осип Мандельштам. Но и здесь не все так просто. «Детский» срок 5 лет могли, не разобравшись, навесить Мандельштаму сотрудники Калининского НКВД, чистившие область от социально-опасного элемента, к которому поет по тогдашней логике, конечно, принадлежал. Ни Борис Пастернак, ни Анна Ахматова, ни Марина Цветаева, ни Михаил Булгаков, ни Михаил Зощенко, при всех гонениях, репрессиям не подверглись. Быть известным писателем в 1937 году выходило гораздо безопаснее, чем быть известным чекистом.

У писателей существовали две основные тактики поведения по отношению к советской власти: беззаветное служение или самоизоляция. Максим Горький, Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Самуил Маршак, Валентин Катаев, Илья Сельвинский, Всеволод Иванов, Илья Эренбург избирались в президиумы, встречались со Сталиным, писали романы на «нужные» темы. Между тем Борис Пастернак зарабатывал на жизнь переводами, Анна Ахматова – пушкинистикой, Даниил Хармс и Николай Агнивцев – детскими стихами, Михаил Булгаков – написанием либретто и инсценировками классики, Евгений Шварц писал пьесы для детей.

Первые считали, что, максимально демонстрируя свою преданность советской власти, они гарантируют себе благополучие. Действительно, им давали сталинские премии, дачи в Переделкино, издавали собрания сочинений. Но близость к власти была и опасна. Среди тех, кого арестовали в 1937 году, – почти все вожди РАППа, скорее политические функционеры, нежели писатели.

Немало было и тех, кто, сотрудничая со сталинской властью формально, совершая обязательные ритуальные шаги, взамен на лояльность получали некую творческую свободу. Конечно, чем дальше, тем сложнее это становилось. Но, тем не менее, успешно в эти годы работали Юрий Тынянов, Вениамин Каверин, Аркадий Гайдар, Юрий Герман, Михаил Зощенко. А в еще более страшное для культуры послевоенное время писали Виктор Некрасов, Вера Панова, Ольга Берггольц. Для этих писателей определенная отдаленность от власти скорее гарантировала их безопасность, нежели наоборот.

Печальная судьба Исаака Бабеля, Всеволода Мейерхольда и Михаила Кольцова подробно описана их биографами. Как вспоминала жена Исаака Бабеля Антонина Пирожкова, 13 мая 1938 года писателю позвонил Александр Фадеев.

Как живете, Исаак Эммануилович? А «хозяин» вами интересуется. Просил меня позвонить вам. Не нужно ли чего? Может быть, вы хотите куда-нибудь поехать? Может быть, куда-нибудь вас откомандировать? Может быть, за границу съездите? А почему, интересуется хозяин, книг новых нет? Все ли у вас в порядке? Может быть, что-нибудь нужно? Так вы скажите.

Антонина Пирожкова вспоминала:

Когда Бабель повесил трубку, он сказал: «Не очень мне нравится этот звонок». Дважды я слышала нечто подобное от него: первый раз он сказал это свое «не нравится» по поводу назначения Берии.

У Исаака Эммануиловича были основания бояться именно Берии, потому что тот уже вовсю занимался чисткой окружения Ежова. Бабель практически входил в семейный круг бывшего наркома НКВД. С женой Ежова Евгенией он познакомился еще в 1927 году в Берлине. Она была типичная светская дама, к тому же в духе времени широко практиковавшая свободную любовь. Среди ее приятелей и любовников было множество писателей, журналистов, политических деятелей. По показаниям самого Ежова, у Бабеля с Евгенией очевидно был роман и Николай Иванович даже устраивал скандалы, обнаружив письма писателя. Исаака Бабеля всегда притягивали маргинальные личности – налетчики, погромщики, проститутки. И, конечно,

кровавый монстр Николай Ежов ему был страшно интересен как писателю. По словам Ильи Эренбурга, Бабель, посещая чету Ежовых, понимал, что это опасно, но ему хотелось, как он говорил, «разгадать загадку».

Возможно, ему казалось, что знакомство с Николаем Ежовым и его женой Евгенией является некоторой страховкой. Известно, что Ежов действительно не давал ходу некоторым доносам на писателя. Например, агент зафиксировал, что после первого большого процесса Бабель сказал: «Мне очень жаль расстрелянных, потому что это были настоящие люди. Я считаю, что это не борьба контрреволюционеров, а борьба со Сталиным на основе личных отношений». Но донос не прошел.

Страхи Бабеля не были напрасны. Ежова арестовали 10 апреля 1939 года, а Бабеля 15 мая. Исаака Эммануиловича пытали, заставили признаться в связях с троцкистами и в шпионаже в пользу Франции. Согласно его показаниям, он принадлежал к антисоветской организации, в которую входили, кроме него, Юрий Олеша, Валентин Катаев, Соломон Михоэлс, Илья Эренбург, Леонид Леонов, Всеволод Иванов, Михаил Кольцов, Всеволод Мейерхольд, Григорий Александров, Сергей Эйзенштейн, Леонид Утесов.

После окончания следствия Бабель написал Сталину:

Я не виновен. Шпионом не был. Никогда ни одного действия не допускал против Советского Союза. В своих показаниях навел на себя клевет. Себя и других оговорил по принуждению.

27 января 1940 года «тройка» приговорил Бабеля к расстрелу, и на следующий день он был казнен.

Дело Бабеля связывают с делом знаменитого журналиста Михаила Кольцова. По существу он был партийным работником, выполнял поручения Коминтерна и внешней разведки, редактировал журнал «Огонек», избирался депутатом Верховного Совета. Во время гражданской войны в Испании под прикрытием статуса корреспондента «Правды» фактически выполнял распоряжения НКВД. Так же как и Бабель, Кольцов был хорошо знаком с женой Ежова.

Кольцова арестовали самым первым, еще при Ежове, в ночь с 12 на 13 января 1938 года. Он тоже не выдержал пыток и дал показания примерно на тот же круг лиц, которых оговорил и Исаак Бабель. Разумеется, дал показания и на самого Бабеля. 1 февраля 1940 года Кольцова расстреляли.

Позже всех, 20 июля 1939 года, был арестован великий театральный режиссер Всеволод Мейерхольд. Старика подвергали страшным мучениям, заставляя признаться в участии в троцкистской организации Бабеля – Кольцова и в шпионаже в пользу Японии. Следствие по делу Мейерхольда вел новый кровавый подручный Берии Борис Родос, считавшийся в Москве лучшим «колольщиком». Именно он допрашивал и пытал таких важных арестантов, как С. В. Косиор, П. П. Постышев, А. В. Косарев, В. Я. Чубарь, К. А. Мерецков. И то, что в этом ряду оказались Бабель и Мейерхольд, свидетельствует о том, какое большое значение придавали Сталин и Берия их делам.

Перед смертью Мейерхольд написал письмо Молотову:

Меня здесь били – больного шестидесятишестилетнего старика. Клади на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой) и по местам от колен до верхних частей ног. И в следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что, казалось, на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной, меня били по лицу размахами с высоты... следовательно все время твердил,

угрожая: «Не будешь писать (то есть сочинять, значит!?), будем бить опять, оставим нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного окровавленного искромсанного тела». И я все подписывал до 16 ноября 1939 г. Я отказываюсь от своих показаний, как выбитых из меня, и умоляю Вас, главу Правительства, спасите меня, верните мне свободу. Я люблю мою Родину и отдам ей все мои силы последних годов моей жизни.

Слева: Исаак Бабель. Справа: ордер на арест Бабеля

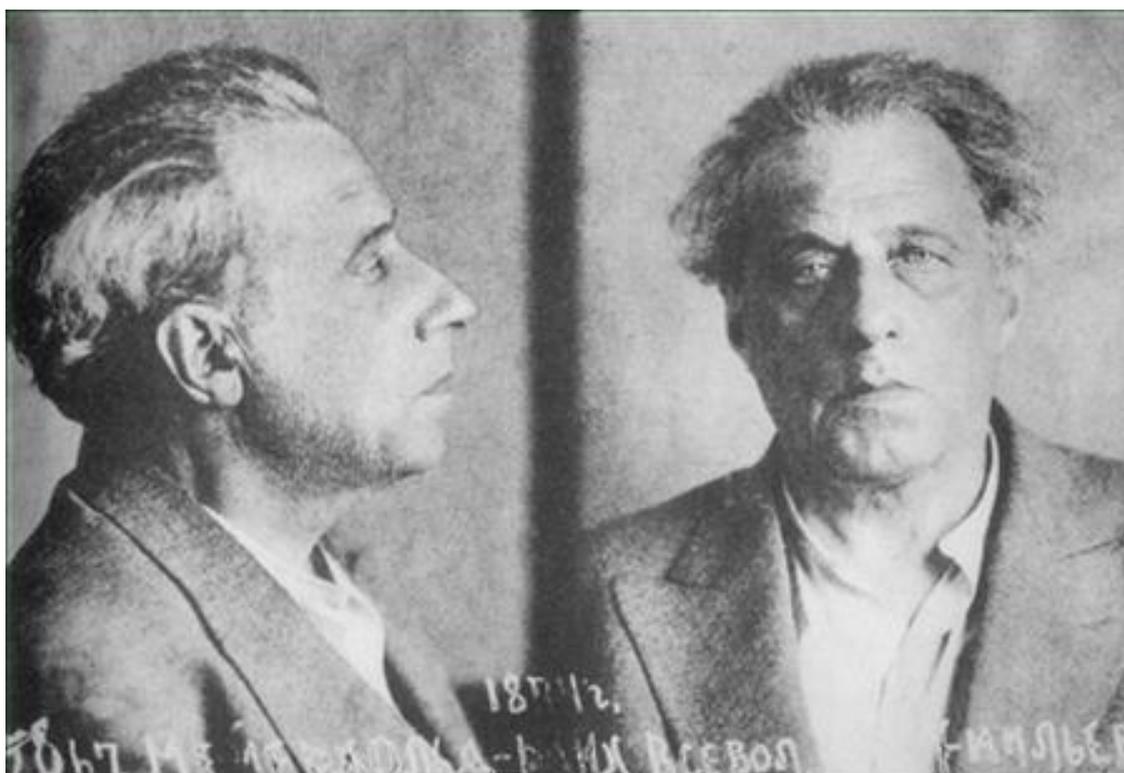

Фото из следственного дела Всеволода Мейерхольда

Фото из следственного дела Михаила Кольцова

Это страшное письмо не возымело никакого действия. Заседание Военной коллегии Верховного суда СССР 1 февраля 1940 года приговорило режиссера к расстрелу. 2 февраля приговор был приведен в исполнение.

Скорее всего, замышлялся большой процесс над творческой интеллигенцией. Но, как известно, этого не произошло. В 1930-е годы бывали похожие ситуации. В Ленинграде арестовали большую группу писателей по делу Николая Тихонова. Бенедикт Лившиц был расстрелян, Николай Заболоцкий и некоторые другие оказались в лагере, а сам Тихонов продолжал оставаться одним из вождей советской литературы. В Смоленске НКВД работал над делом Александра Твардовского, арестовали многих из его окружения, но сам Твардовский благополучно уехал в Москву и продолжал оставаться живым классиком советской литературы.

Можно выдвинуть такую гипотезу. В 1939 году происходит поворот в советской внешней политике и идеологии. Для борьбы с фашизмом, участия в направляемых из Москвы антифашистских конгрессах, привлечения на сторону СССР западной интеллигенции нужны были деятели типа Михаила Кольцова, Исаака Бабеля, Всеволода Мейерхольда, но после заключения договора с гитлеровской Германией надобность в них отпала.

В апреле 1939 года с поста наркома иностранных дел был снят Максим Литвинов, человек, с которым ассоциировалась политика по созданию широкого антифашистского фронта с участием социал-демократии и некоммунистической западной интеллигенции. Существуют многочисленные показания, что именно в это время Максима Литвинова хотели репрессировать. Именно тогда Берия лично вместе с Кобуловым пытал заведующего отделом печати наркомата иностранных дел Евгения Гнедина, чтобы получить показания на Литвинова.

Но затем от ареста Литвинова отказались. Скорее всего, по той же причине, по которой Бабеля, Кольцова, Мейерхольда не вывели на открытый процесс. Слишком известные люди, слишком много будет ненужного шума. По свидетельству переводчика Сталина Валентина Бережкова, Анастас Микоян рассказывал ему, что группа Судоплатова под руководством

Берия планировала убить Литвинова в подстроеной автокатастрофе. Об этом же свидетельствовал и Никита Хрущев.

Сам Берия в августе 1953 года показал:

Мною Церетели намечался на работу в специальную группу, которую возглавлял Судоплатов, для осуществления специальных заданий, т. е. избиений, тайного изъятия лиц... В эту группу привлечены были мной особо доверенные лица. Так, например, имелось в виду применить такую меру, как уничтожение Литвинова, Капицы. В отношении режиссера Каплера намечалось крепко избить его.

Вениамин Гульст показал на допросе в 1953 году:

Весной 1940 года Берия приказал мне вызвать мою машину и подать ее к первому подъезду НКВД. В машину сели Берия, его шофер Борис Сергеев и я. Берия приказал ехать на дачу Литвинова, она была в 30 километрах от Москвы. Дачу Литвинова я показал Берии, и он предложил ехать обратно. Когда мы отъехали километров 5, на крутом повороте Берия вылез из машины и сказал мне, что надо подготовить диверсионный акт против Литвинова. Когда машина Литвинова будет возвращаться из города на дачу, из-за поворота навстречу должна выйти грузовая автомашина, за рулем которой должен был сидеть я, а в помощь мне придается Сергеев. Необходимость такого диверсионного акта Берия мотивировал полученным якобы указанием одного из руководителей партии и правительства. Через несколько дней Берия меня вызвал вторично, сообщил, что необходимость диверсионного акта отпала, и приказал молчать и никому не говорить о его задании.

Что же касается гибели трех известных деятелей культуры, полностью разгадать замысел Сталина невозможно. Очевидно, дело было не в творчестве. Мейерхольд всегда был готов поставить любой идеологически нужный спектакль, Михаил Кольцов и вовсе был верный солдат партии. Исаак Бабель в 1930-е годы зарабатывал на жизнь написанием довольно проходных киносценариев, забросив прозу. У каждого причины ареста были индивидуальные: близость к врагу народа Ежову и постоянные путешествия за границу у Исаака Бабеля, партийно-разведывательные тайны, о которых был осведомлен Михаил Кольцов, тесная связь в 1920-х с Троцким у Мейерхольда. Кроме того, все трое плохо держали язык за зубами, их высказывания из года в год документировались агентами госбезопасности. Совершенно очевидно, Сталин перебирал разные варианты действий. А когда ничего из задуманного оказалось не нужно, решил, что называется, «рубить концы».

В отличие от Сталина, Берия вряд ли понимал значение писателей в общей идеологической конструкции государства. Ему были ближе инженеры, ученые, конструкторы. Время покажет, что такая позиция оказалась недалновидной. Статусная художественная интеллигенция отнесется в 1953 году к падению Берии почти единодушно восторженно.

Ликвидаторы

С назначением Лаврентия Берии на пост наркома НКВД время больших показательных процессов закончилось. Карали без лишнего шума, порою тайно. Специальная группа под руководством Шалвы Церетели в деле Максима Литвинова не понадобилась. Зато по распоряжению Берии тайные ликвидаторы убрали трех известных людей.

В 1930 году прославленный полководец Гражданской войны, начальник Главного артиллерийского управления РККА Григорий Кулик попал в любовный переплет. Примерный семьянин без памяти влюбился на курорте в красавицу Киру Симонич. Страсть захватила обоих, они бросают свои семьи с детьми и становятся супругами.

Дочь Кулика вспоминала:

Кира была не просто красивая, а очень красивая. И еще у нее была та самая изюминка, которая даже некрасивую женщину делает привлекательной. Мужчин как магнитом притягивала: артисты, писатели, музыканты... Ей это нравилось, любила быть в центре внимания.

Пока муж разъезжал по полигонам, его жена не скучала. Как известно из сводок НКВД, одним из любовников Киры Ивановны был профессор консерватории режиссер Борис Мордвинов. При этом положение ее мужа после чисток 1937–1938 года только укрепилось. Он воевал под Царицыным в 1918 году вместе со Сталиным и оставался одним из трех маршалов Советского Союза наряду с Ворошиловым и Буденным. На его дне рождения в 1939 году присутствовал сам Сталин.

Знаменитый тенор Иван Козловский вспоминал:

Я сидел за пианино в соседней со столовой комнате и напевал Сталину шуточные песенки. Вдруг вошла в эту комнату Кира Ивановна и прямо к Сталину. И начинает с ним так говорить, как будто они давние знакомые. Я краем уха слышал, что Кира говорила о своем брате Сергее, бывшем офицере белой армии. Он в то время находился где-то в лагерях. Кира очень настойчиво просила Сталина помочь спасти ее брата.

Такой разговор не мог не вызвать у Сталина оторопь. У хранителя важнейших военных секретов жена оказалась дворянкой, графиней, сестрой белого офицера. К тому же среди ее знакомых было много иностранцев.

В 1950 году Кулик на суде показал:

Однажды меня вызвал Сталин и сказал, что имеются сведения о том, что моя жена связана с итальянцами, и предложил мне с ней разойтись.

Но Кулик не только не развелся с женой, но привел ее на первомайский прием в Кремле в 1940 году. Видимо, это стало последней каплей. 5 мая в 11 часов дня Кира Симонич вышла из дома для визита к стоматологу и больше не возвращалась. Кулик тут же обратился к Берии. Но Лаврентий сказал, что ничего не знает. Киру Симонич объявили во всесоюзный розыск.

О том, как это было, показал в 1953 году бывший заместитель начальника первого спецотдела НКВД Аркадий Герцовский:

Бывш[ий] начальник следчасти УГБ НКВД СССР Влодзимирский пришел ко мне и принес материалы для объявления розыска внезапно исчезнувшей жены маршала Кулика – Симонич-Кулик, по национальности сербки, находившейся в каком-то родстве с б[ывшим] послом Югославии в СССР. Влодзимирский просил немедленно объявить розыск, для чего был составлен план розыска, утвержденный б[ывшим] заместителем НКВД

СССР Меркуловым. Розыск был объявлен по телеграфу, при этом были даны шифровки во все органы и размножены фотокарточки разыскиваемой.

Через день или два меня вызвал Берия. У него в кабинете были Кулик и кто-то еще из сотрудников НКВД. Я показал Берии шифротелеграмму, разосланную для розыска, размноженные для рассылки фотокарточки, и Берия, обратившись к Кулику, сказал ему: «Видишь, мы приняли все меры к ее розыску».

После этого ни Берия, ни Меркулов, ни Влодзимирский результатами розыска не интересовались, хотя органы были обязаны каждые три дня доносить о ходе розыска.

Сам факт объявления розыска на Симонич через 1-й спецотдел, без привлечения к активному агентурному розыску оперативных аппаратов, свидетельствовал о формальности самого розыска, и у меня сложилось впечатление, что все это делалось только для успокоения Кулика.

Розыск не дал никаких результатов. Жена маршала пропала бесследно. Впрочем, Григорий Иванович переживал недолго. Уже через четыре месяца он женился на восемнадцатилетней однокласснице своей дочери от первого брака.

В декабре 1953 года Лаврентий Берия рассказал следователям:

Я получил небольшую сводку о Кулик. Вернее, я попросил, чтобы мне дали о ней сводку. Получив сводку, я показал ее. Мне было приказано изъять Кулик-Симонич, и так, чтобы никто об этом не знал. Получив такое указание, я вызвал Меркулова и Влодзимирского и поручил произвести операцию. Они выполнили мое поручение.

Понятно, что «изъять» жену Кулика мог приказать только сам Сталин.

Подробности этой встречи с Берией рассказали в своих показаниях ее участники. Лев Влодзимирский поведал:

Меня вызвали в кабинет Берии. Там находился Меркулов и еще кто-то. Берия дал указание Меркулову создать опергруппу из 3–4 человек под руководством Гульста и произвести секретный арест жены Кулика. Я был участником этой группы. Меркулов разработал план, как устроить засаду. Он предложил жену Кулика снять секретно. Ордера на арест жены Кулика не было.

Вениамин Гульст показал, что Берия ему прямо заявил:

Кишки выну, кожу сдеру, язык отрежу, если кому-нибудь скажешь то, о чем услышишь. Надо украсть жену Кулика, в помощь даю Церетели и Влодзимирского. Но надо украсть так, чтобы она была одна.

Подробности проведения операции содержатся в показаниях Льва Влодзимирского:

Согласно намеченному плану, задержание гражданки Кулик должно было быть произведено на улице, без огласки. Для этого были выделены 1 или 2 легковых автомашины, и в них дежурила вся группа. Засада была установлена недалеко от дома, в котором находилась квартира Кулика. На второй или на третий день, когда гр[аждан]ка Кулик вышла из дома одна и пошла по пустынному переулку, она была нами задержана и доставлена во двор здания НКВД СССР. С ней тогда остались сотрудники 3-го спецотдела НКВД СССР, а я ушел.

Дальнейший ход событий понятен из показаний Всеволода Меркулова:

По указанию Берии мной был разработан план ареста Симонич-Кулик, устроена засада. Я выезжал проверять, как идет выполнение операции, на место. Кулик-Симонич я допрашивал вместе с Берией. Правильнее сказать, допрашивал ее Берия, а я вел запись протокола. Никаких показаний о своей шпионской работе она не дала и была нами завербована в качестве агента.

Возвращать жену маршала никто не собирался. Ее посадили в Сухановскую тюрьму, видимо, в ожидании дальнейших распоряжений. Скорее всего, даже не пытались выяснить ее возможные шпионские связи, чтобы не допускать к общению с Кирой лишних людей. Симонич-Кулик оказалась своеобразной советской «железной маской». Но не настолько важной, чтобы держать ее в заточении годами. Не была бы она женой маршала, «тройка» скоро определила бы ее судьбу. Но, видимо, Сталин не хотел огорчать Григория Ивановича и пятнать прославленного маршала. В результате было принято решение расстрелять Киру Симонич-Кулик втихую.

Богдан Кобулов показывал в 1953 году:

...Примерно через месяц или полтора после негласного ареста жены маршала меня вызвал Берия и сказал, что имеется указание «инстанции» о ликвидации Симонич-Кулик. Но сделать это нужно таким образом, чтобы, кроме Влодзимирского, об этом никто не знал. Тут же Берия вызвал Влодзимирского и проинструктировал его, как надо это сделать: «Поедете с Мироновым в Сухановку и возьмете там женщину, которую надо привезти сюда, во внутреннюю тюрьму, и здесь ликвидировать. Для того чтобы она при транспортировке не крикнула и чтобы никто из надзирателей не услышал ее крика, скажите ей, что вы везете ее для освобождения. Да и вообще лучше, если никто лица ее не увидит – обмотайте ей голову платком». Тут же Берия позвонил начальнику Сухановской тюрьмы, что приедет за «той самой» арестованной Влодзимирский, и вы ее ему отдайте. В ожидании приведения в исполнение его распоряжения о расстреле Симонич-Кулик Берия очень нервничал, считая, что дело затягивается, и поручил мне проверить причину задержки. Однако когда я прибыл, Влодзимирский и Блохин мне доложили, что задание выполнено.

Исполнитель приговора Блохин описал дело так:

...Симонич-Кулик я не знаю по фамилии. Такой никогда не слышал. Могу, вместе с тем, рассказать следующее. Меня вызвал заместитель наркома Кобулов и сказал, что начальник следственной части Влодзимирский привезет ко мне женщину, которую надо расстрелять. При этом Кобулов запретил мне спрашивать эту женщину о чем-либо, а сразу же после доставки ее расстрелять. В тот же день Влодзимирский вместе с начальником внутренней тюрьмы Мироновым привел ко мне женщину и сказал, что это ее надо расстрелять. Я выполнил указание Кобулова и ее расстрелял. Кто была эта женщина, я не знаю. Никаких документов на эту женщину ни Кобулов, ни Влодзимирский не представили, и точно так же и я о произведенном расстреле никаких документов не составлял. Насколько я помню, кроме Влодзимирского и Миронова, при этом расстреле никто не присутствовал...

Еще один теракт, осуществленный бериевскими ликвидаторами, – убийство полпреда СССР в Китае Ивана Луганца-Орельского (Бовкуна) и его жены. Это был старый революционер, в прошлом украинский эсер, член РКП(б) с 1920 года. С 1921-го служил в ЧК. В 1936 году отправлен вице-консулом СССР в Урумчи вместе с женой, шифровальщицей Ниной Угапник.

После ареста органами НКВД посла СССР в Китае Дмитрия Богомолова назначен полпредом СССР в Китае, но уже в марте 1939-го отозван в Москву, посажен в Сухановскую тюрьму. Луганец-Орельский признался в организации антисоветского заговора, в котором участвовали чекисты полковник М. Ганин и полковник Н. Тарабарин – резиденты НКВД в Китае. В результате было принято решение уничтожить Бовкуна и его супругу тайно, с тем чтобы не вспугнуть заговорщиков в Китае.

Ответственным за ликвидацию Берия назначил Богдана Кобулова. Исполнителями стали Лев Влодзимирский, Шалва Церетели и Александр Миронов. Старшим в группе был Церетели. Берия объяснил им задачу: убийство следовало произвести так, чтобы смерть Бовкуна и его супруги выглядела как автокатастрофа на грузинской горной дороге. К поезду Москва – Цхалтубо был прицеплен салон-вагон, где находились пятеро – трое палачей и две жертвы. 8 июля 1939 года Влодзимирский деревянным молотком убил Нину Угапник, а Церетели нанес удар Бовкуну. После чего полпреда задушил Миронов. На ближайшей станции была подана автомашина, в которую погрузили тела, завернутые в специальные мешки. Нарком внутренних дел Грузии Авксентий Рапава инсценировал автомобильную катастрофу.

Как показал на следствии в 1953 году Шалва Церетели:

...Мне известно, что тела убитых были похоронены где-то по указанию Рапавы, но потом было получено указание из Москвы похоронить этих лиц с почестями. Тогда тела были выкопаны, положены в хорошие гробы и вновь похоронены, но уже гласно.

Действительно, 15 июля 1939 года чета дипломатов была торжественно похоронена на Нововерийском кладбище в Тбилиси. Ничего не подозревавших советских резидентов удалось заманить в СССР. 28 января 1940 года расстреляли Михаила Ганина, а на следующий день Николая Тарабарина. Участники ликвидации были награждены орденами.

Благодаря следствию 1953 года мы подробно знаем еще об одном деле, которое расследовалось НКВД, а потом и МГБ под руководством Лаврентия Берии. Нашему герою вменялись в вину арест и расстрел нескольких невинных людей с целью получить от них показания на супругу Вячеслава Молотова Полину Жемчужину. По иронии судьбы в том же 1953 году, но чуть ранее, Полину Жемчужину по инициативе Лаврентия Берии первой из сталинских заключенных освободят и с почестями доставят в Москву мужу, министру иностранных дел СССР.

Еще весной 1937 года НКВД арестовал Юлию Вениаминовну Каннель, принадлежавшую к семье знаменитого московского врача, связанного с большевиками, Вениамина Каннеля. Жена доктора Александра Юлиановна в 1932 году служила главврачом в Кремлевской больнице. Ранним утром 9 ноября 1932 года ее вызвали в квартиру Сталина вместе с двумя другими врачами Кремлевской больницы – Дмитрием Плетневым и Александром Левиным. Сталин потребовал от них подписать свидетельство о смерти своей жены Надежды Аллилуевой, в котором будет сказано, что она умерла от гнойного аппендицита. Все трое отказались это делать. Врачи не могли не заметить огнестрельное ранение в левый висок, при том что покойная не была левшой. Что наводило на мысль: происшедшее было не самоубийство, а убийство. В тот же день Александра Каннель случайно встретилась со своими приятельницами, Полиной Жемчужиной и Ольгой Каменевой, и рассказала им об истинной причине смерти Надежды Аллилуевой.

В 1935 году Александра Каннель была снята с должности главврача Кремлевской больницы, а в 1936-м она внезапно заболела гнойным менингитом и через два дня умерла. В том же году были арестованы Дмитрий Плетнев и Александр Левин. Тогда же арестовали Льва Каменева. Вскоре состоялся первый большой московский процесс, где Каменев, Плетнев и Левин были приговорены к смертной казни. Жена Каменева Ольга была выслана из Москвы еще в 1935 году, но после процесса ее снова арестовали и больше из тюрьмы она не вышла. По-види-

тому, не выдержав истязаний, она дала показания об услышанном от Александры Каннель про смерть жены Сталина.

Весной 1937 года арестовали старшую дочь Александры Каннель Юлию. Ее муж, председатель «Землетреста» Михаил Герчиков, приятель Николая Ежова, сумел добиться ее освобождения. Но осенью 1937 года самого Герчикова расстреляли, а в 1938 году, когда Берия уже был в силе, Юлию Каннель снова арестовали. В 1990-е годы родственники Каннель получили возможность ознакомиться с ее делом. Выяснилось, что целью следствия было подтверждение следующей конструкции: Александра Каннель, резидент польской и французской разведок, втянула в свою деятельность дочь, зятя и жену Молотова Полину Жемчужину. Юлию Каннель допрашивали в пыточной Сухановской тюрьмы, причем несколько допросов проводил сам Лаврентий Берия. Ее отправили в лагерь и затем расстреляли 16 октября 1941 года.

В 1939 году арестовали младшую сестру Юлии Каннель Надежду. Началась разработка дела под кодовым названием «Змеиное гнездо». Основная цель – получение показаний на Полину Жемчужину. По этому делу были арестованы также начальник одного из управлений наркомпищепрома Слезберг и директор Института косметики и гигиены Белахов. Всех их подвергли чудовищным пыткам. Надежду Каннель принудительно заставили сделать аборт (она была беременна). О подробностях ведения следствия стало известно из заявлений Ильи Белахова:

С первого же дня моего ареста меня нещадно избивали по 3–4 раза в день и даже в выходные дни. Избивали резиновыми палками, били по половым частям. Я терял сознание. Прижигали меня горящими папиросами, обливали водой, приводили в чувства и снова били. Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали... Избивая, от меня требовали, чтобы я сознался в том, что я сожительствова с гр. Жемчужиной и что я шпион. Я не мог оклеветать женщину, ибо это ложь... Шпионской деятельностью я никогда не занимался. Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя Наркома, что я себя в этом признаю виновным, а факты мне они сами подскажут. На такую подлость я идти не мог. Тогда меня отвезли в Сухановскую тюрьму и избивали до полусмерти. В бессознательном состоянии на носилках отправили в камеру.

В 1953 году Богдан Кобулов показал:

Я нанес Белахову несколько ударов по указанию Берии в его кабинете, после того как Белахов стал категорически отрицать свою причастность к антисоветской работе.

Вот что показал один из следователей по делу Белахова Визель:

Берия в присутствии меня, Кобулова и Зубова приказал Белахову лечь на пол, спустив брюки, и кивнул головой Кобулову. Кобулов при нас избил арестованного резиновой палкой, которую держал в руках во время допроса.

17 октября 1941 года Белахов и Слезберг были расстреляны без суда, по распоряжению Лаврентия Берии.

Так или иначе, показания против Жемчужиной были получены. Однако в 1939 году Вячеслав Молотов становится министром иностранных дел, и Сталин, видимо, счел несвоевременным арестовывать его жену. Следствие по делу Жемчужиной возобновилось уже в 1949 году, но руководил им уже не Берия, а Абакумов.

Генсек очень не любил оставлять свидетелей, особенно связанных с его личной жизнью. Смерть Надежды Аллилуевой сделала его еще более подозрительным и жестоким. Всякий, кто знал лишнее и болтал об этом, – был обречен. И даже родственники не стали исключением.

Расстреляны были свояк Сталина Станислав Реденс, брат первой жены Алексей Сванидзе, сослана невестка Юлия Джугашвили, арестована золовка Анна Реденс (Аллилуева), сошедшая в тюрьме с ума. Таинственной смертью умер в 1938 году Павел Аллилуев, брат второй жены Сталина.

Дело о военном заговоре 1941 года

До сих пор таинственны обстоятельства так называемого второго военного заговора. С приходом Берии из тюрем были выпущены Рокоссовский, Горбатов и еще ряд арестованных популярных военачальников. Однако следствие 1953 года ставило Берии в вину волну арестов и расстрелов военных в 1941 году.

Действительно, массовое избиение комсостава Красной армии имело место, особенно оно затронуло авиацию. 9 апреля 1941 года было принято постановление ЦК об авариях и катастрофах в авиации Красной армии. А 15 мая 1941 года произошло роковое событие, которое окончательно решило судьбы многих авиационных военачальников. В Москве среди бела дня приземлился немецкий военно-транспортный самолет «Юнкерс-52». Он беспрепятственно пролетел по маршруту Кёнигсберг – Белосток – Минск – Смоленск – Москва и закончил полет в районе московского стадиона «Динамо». Начались массовые аресты руководителей ВВС военных округов. По существу советская авиация накануне войны была обезглавлена.

Арестовали, например, начальника Главного управления противовоздушной обороны генерал-полковника Г. Штерна, наркома обороны СССР, героя Халкин-Гола, помощника начальника Генерального штаба по авиации, дважды героя Советского Союза генерал-лейтенанта Я. Смушкевича, заместителя наркома обороны героя Советского Союза генерал-лейтенанта П. Рычагова, командующего войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковника А. Локтионова, начальника Военно-воздушной академии Ф. Арженухина, начальника Разведывательного управления РККА героя Советского Союза И. Проскурова и многих других. Все они будут расстреляны в том же году, уже после начала войны.

Очевидно, что объективных причин для такой волны арестов не было. Аварийность советских ВВС была примерно такой же, как в авиации Англии, Франции, Германии. В 1941 году самолеты люфтваффе сотни раз нарушали государственную границу СССР в условиях бездействия нашего ПВО. Летчики и зенитчики твердо знали, что Сталин требует не реагировать на провокации, дабы не давать повод для военного конфликта. В отношении Сталина к военной авиации вообще было нечто иррациональное. Послевоенные репрессии в 1948 году также начались с «дела авиаторов».

Но кроме того, в июне 1941 года арестовали видных военных деятелей: народного комиссара вооружения СССР Б. Ванникова, его заместителя И. Мирзаханова и заместителя народного комиссара обороны СССР по боевой подготовке генерала армии К. Мерецкова. Следствие по делу Ванникова и Мирзаханова шло по линии вредительства в производстве артиллерийских орудий. Сам Борис Ванников, старинный приятель Лаврентия Берии еще по Бакинскому техническому училищу, считал, что за его арестом стоят начальник Главного артиллерийского управления Григорий Кулик и секретарь ЦК Андрей Жданов (с которым Берия постоянно враждовал).

Кирилл Мерецков, скорее всего, арестовали, чтобы свалить на него страшные поражения первых дней войны. До января 1941 года он был начальником Генерального штаба СССР, и органы пытались доказать, что поражения Красной армии связаны с его вредительством в Генштабе. Показания на Мерецкова копились в НКВД с 1937 года, и следствие шло по накапанной колее выявления военного заговора, руководимого еще Тухачевским.

Даже по стандартам тогдашней Сухановской тюрьмы допросы были зверские, допрашивал знакомый нам следователь Борис Родос. Выдавший виды Лаврентий Берия на допросе в 1953 году показал:

В отношении Мерецкова, Ванникова и других применялись беспощадные избиения, это была настоящая мясорубка, и таким путем вымогались клеветнические показания.

Такая откровенность Лаврентия объясняется одним – лично он не чувствовал за собой никакой вины в этом деле. 3 февраля 1941-го указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД был разделен на два самостоятельных органа: НКВД и наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ). НКГБ занимался борьбой с врагами народа, внешней разведкой и контрразведкой. Возглавил госбезопасность бывший первый заместитель Берии Всеволод Меркулов. А Лаврентию Павловичу, наркому внутренних дел, стали подведомственны Главное управление лагерей, милиция, пограничники и пожарники. Таким образом, к следствию по делу военных он не имел уже никакого отношения.

А так как Всеволод Меркулов с первых же дней падения своего бывшего шефа в 1953 году принялся писать обличающие письма, а потом и давать показания против Берии, Лаврентий Павлович в ответ с удовольствием рассказывал о бесчинствах своего бывшего зама.

Позиция Берии в расследовании этого дела была тем более прочной, что как раз его стараниями трое арестованных были выпущены на свободу. Об этом сквозь зубы признавался даже сам Меркулов. На допросе он рассказал:

Я не знаю, какую роль сыграл Берия в деле освобождения из-под стражи арестованных Мерецкова и Ванникова, так как ни он сам, ни кто-либо другой мне об этом не говорили. Но у меня тогда сложилось впечатление, что он сыграл в этом какую-то положительную роль. Не помню, когда у меня был разговор с Кобуловым, в котором я высказал удовлетворение по поводу положительной роли в этом деле Берии. Я сказал Кобулову, что Берия помог мне тогда выйти из трудного положения в связи с моими сомнениями в правильности дела Ванникова, Мерецкова и других.

Меркулов на следствии не зря упоминает о своих сомнениях, изображая душевные муки и частичную потерю памяти. Нам представляется, что громкое дело военных со столь высокопоставленными подследственными объясняется его желанием выслужиться на новой должности. И ради этого он распорядился применять самые жестокие пытки. В 1953 году это дело военных сыграло с ним злую шутку. Из обвинителя он сам внезапно стал обвиняемым. И как мог изображал из себя случайно попавшего в органы наивного интеллигента.

Речь Меркулова временами напоминает детский лепет. О следствии и подследственных он рассказывает так:

Действительно их показания в отношении себя и других были вымышленными, и я сам с ужасом стал замечать, что в результате применения битья к арестованным получают вымышленные показания, в результате чего могут быть произведены необоснованные аресты невиновных людей. Мне это стало особенно ясным, когда я увидел, что число арестованных растет. Я не знал, как выйти из создавшегося положения, но, к счастью, вскоре по указанию инстанции были освобождены Мирзаханов, Ванников и Мерецков, и после этого битье арестованных и дальнейшие аресты по их показаниям прекратились.

Борис Ванников так вспоминал обстоятельства своего ареста и внезапного освобождения:

В первых числах июня 1941 года, за две с половиной недели до начала Великой Отечественной войны, я был отстранен с поста Наркома вооружения СССР и арестован. А спустя менее месяца после нападения гитлеровской Германии на нашу страну мне в тюремную одиночку было передано указание И. В. Сталина письменно изложить свои соображения относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшихся военных действий.

Обстановка на фронте мне была неизвестна. Конечно, составленную мною при таких обстоятельствах записку нельзя считать полноценной. Она могла быть значительно лучше, если бы я располагал нужной информацией.

Так или иначе, записка, над которой я работал несколько дней, была передана И. В. Сталину. Я увидел ее у него в руках, когда меня привезли к нему прямо из тюрьмы. Многие места оказались подчеркнутыми красным карандашом, и это показало мне, что записка была внимательно прочитана. В присутствии В. М. Молотова и Г. М. Маленкова Сталин сказал мне:

– Ваша записка – прекрасный документ для работы наркомата вооружения. Мы передадим ее для руководства наркомвооружения.

В ходе дальнейшей беседы он заметил:

– Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали.

Почему Сталин убрал Берия с его поста – говорить трудно. Скорее всего, он не хотел, чтобы вся власть над правоохранительными органами сосредотачивалась в руках одного человека, тем более такого талантливого и хитрого, как Лаврентий Берия. С другой стороны, вождь не мог не заметить тягу Берии к руководству хозяйственными отраслями, особенно ценную накануне приближающейся войны. К этому времени ГУЛаг стал одним из крупнейших производственных наркоматов. В его состав входили Главное управление аэродромного строительства, цветная металлургия и ее центр – Норильск, большая часть лесозаготовок, строительство ГЭС, Волго-Балта, портов, железных и шоссейных дорог, горно-металлургические предприятия (в том числе Воркута и Ухта), промышленное строительство, золотодобыча и многое другое. Неслучайно 3 февраля 1941 года, в день разделения НКВД, Лаврентий Берия был назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР.

В 1939 году Берия стал кандидатом в члены Политбюро, 30 января 1941 года он получил звание генерального комиссара госбезопасности, соответствующее званию маршала Советского Союза.

Глава 7. Нарком на войне

После разделения наркомата внутренних дел на две части власть и влияние Лаврентия Берии, на первый взгляд, заметно уменьшились. Разведка, контрразведка, следствие, надзор над армией, агентурная сеть перешли в новое ведомство – Наркомат государственной безопасности, который возглавил бериевский протеже Всеволод Меркулов. Берия остался в Наркомате внутренних дел, включавшем в себя систему ГУЛага, внутренние войска, пограничников, милицию и пожарную охрану.

Кроме того, заместителем Берии становится Виктор Абакумов, человек, никогда не входивший в команду Лаврентия и явно поставленный с тем, чтобы надзирать за наркомом и уравновешивать его власть. За деятельностью правоохранителей присматривал и секретарь ЦК Лев Мехлис. Впрочем, реально положение Лаврентия Берии только укрепляется. С 22 марта 1939 года – он кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). 30 января 1941 года Л. П. Берии было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности. 3 февраля 1941 года он был назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР, курировал работу НКВД, НКГБ, наркоматов лесной и нефтяной промышленности, цветных металлов, речного флота. Лаврентий Берия становится членом и неформального узкого сталинского руководства, в которое входят его сверстники Андрей Жданов, Георгий Маленков, Никита Хрущев и Николай Вознесенский. Роль же старых товарищей вождя – Лазаря Кагановича, Вячеслава Молотова, Клим Ворошилова, Анастаса Микояна – соответственно падает.

Начало Великой Отечественной

В ночь на 22 июня 1941 года Сталин, информированный о внезапном нападении немцев, отправился с ближней дачи в Кремль. Между 4 и 5 утра⁵ началось экстренное заседание высшего руководства. Первыми прибыли Молотов, Берия, Жуков и Мехлис. В ходе этого совещания было получено известие о том, что гитлеровская Германия объявила войну СССР. В Кремль вызвали вождя Коминтерна Георгия Димитрова, наркома ВМФ адмирала Кузнецова, маршала Кулика и наркома путей сообщения Лазаря Кагановича. Материалы секретариата Сталина показывают, что в течение этого дня присутствующие то покидали кабинет вождя, то возвращались в него. Чаще всего заходил Лаврентий Берия – три раза. Он раньше всех оказался у Сталина и позже всех ушел.

25 июня именно ему вождь поручил сверхсекретную миссию: прозондировать возможность переговоров о сепаратном мире с Германией, в результате произошла знаменитая встреча Павла Судоплатова с послом Болгарии в ресторане «Арагви».

В течение первых дней войны Сталин пребывал в уверенности, что владеет ситуацией в стране и в армии. Вся глубина катастрофы была осознана им 28 июня, после того как немцы захватили Минск и окружили 400 000 красноармейцев и командиров.

Утром 28 июня произошла знаменитая размолвка Сталина и Жукова в Кремле. Генеральный секретарь пытался разнести Жукова за сдачу Минска. На что Георгий Константинович потребовал не вмешиваться и дать возможность военным заниматься своей работой – руководить войсками. Берия выступил агрессивным союзником Сталина, он прямо спросил Жукова: «Мы вам мешаем? Мы ведь тоже имеем право отдавать приказы». Жуков почти сыронизировал: «Если вы думаете, что можете, отдавайте». Берия ответил уклончиво, но как настоящий коммунист: «Если партия прикажет, то будем». Конфликт закончился истерикой Жукова, он буквально рыдал. Сталин резюмировал заседание знаменитой фразой; «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали». После чего вождь уехал на дачу и отключил телефон.

В Кремль на следующий день он не явился. Ни на какие звонки в течение двух дней не отвечал. Как позже стало известно, Сталин находился в полной прострации и даже спал в одежде. Руководству, оставшемуся в Москве, было непонятно, кто будет отдавать приказы. Первый заместитель Сталина по правительству Николай Вознесенский отказался это делать.

Именно Берия нашел выход из положения. Он стал инициатором создания будущего ГКО (Государственного комитета обороны) – узкого военного руководства во главе со Сталиным, которое сосредоточило всю власть в своих руках. Предложение Лаврентия поддержали Молотов, Маленков и Ворошилов. После этого решения было созвано Политбюро. Молотов сообщил о самоизоляции Сталина. Микоян добавил, что, даже если вождь временно не способен к руководству, само его имя является мощной силой для мобилизации населения. Тут серьезную ошибку, возможно стоившую ему через девять лет жизни, совершил Николай Вознесенский. Он обратился к Молотову: «Вячеслав, иди впереди, мы за тобой пойдем». Вячеслав Михайлович, как опытный царедворец, столь смелый призыв проигнорировал. Он сообщил, что у товарища Берии есть предложение о создании ГКО. И все решили с этим предложением отправиться к Сталину.

Анастас Микоян вспоминал:

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в Малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: «Зачем пришли?» Вид у него был настороженный, какой-

⁵ Первые бомбы были сброшены у Кронштадтского рейда в 3:05.

то странный. Не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений, он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный комитет обороны. «Кто во главе?» – спросил Сталин. Молотов ответил, что во главе он – Сталин. Тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. Тогда Берия сказал, что надо назначить 5 членов Комитета Государственной обороны. «Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я». Сталин предложил пополнить пятерку Микояном и Вознесенским. Берия неожиданно возразил. Мол, Микоян и Вознесенский нужны правительству. Хотя Вознесенский оспорил мнение Лаврентия Павловича, вышло так, как он предлагал. В ГКО осталось пять человек.

Тут же, на даче, были распределены роли. Не вошедшие в члены ГКО Микоян и Вознесенский стали его уполномоченными. Анастас Микоян был назначен уполномоченным ГКО по продовольствию, вещевому довольствию и горючему. За производство вооружений и боеприпасов отвечал Вознесенский. Молотов – за танки, Маленков – за авиацию. Берия – за поддержание порядка в тылу и борьбу с дезертирством. А Ворошилова отправили защищать Ленинград.

Историки справедливо считают события конца июня 1941 года торжеством двух сорокалетних – Маленкова и Берии. До этого момента они не были широко известны в стране и за рубежом, никто извне кремлевской верхушки не рассматривал их как членов высшего руководства страной. Молотов и Ворошилов очевидно теряли политическое влияние. Вознесенского не ввели в состав ГКО. Жданов оставался в Ленинграде. Хрущев отступал с войсками на Украине. В годы войны положение «двойки» Маленков – Берия будет только усиливаться.

Любопытно, что ту же схему Лаврентий Павлович и Георгий Максимилианович используют в марте 1953 года, договорившись за спинами остального руководства о распределении между собой властных полномочий после смерти вождя.

31 июля 1941 года НКВД и НКГБ снова сливаются вместе. Всеволод Меркулов становится первым заместителем наркома, а объединенный наркомат возглавляет Лаврентий Берия. Среди задач наркомата есть и чисто военные. В распоряжении Берии внутренние войска, лагерная охрана, пограничники, части особого назначения, партизаны. Кроме того, в качестве члена ГКО Берия курирует ряд отраслей оборонной промышленности. Прежде всего наркомат вооружения (нарком Дмитрий Устинов), а позже и танкостроение (нарком Исаак Зальцман). С 4 февраля 1942 года на Л. П. Берия были возложены обязанности по контролю производства самолетов, моторов, вооружения и минометов, формированию авиаполков и их переброску на фронт. 8 декабря 1942 года Л. П. Берия стал контролировать наркоматы угольной промышленности и путей сообщения. В мае 1944 года Берия был назначен заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро. В задачи Оперативного бюро входило наблюдение за работой всех наркоматов оборонной промышленности, железнодорожного и водного транспорта, черной и цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, бумажно-целлюлозной, электротехнической промышленности, электростанций.

Отныне подчиненные Берии заключенные лагерей занимаются в основном работами, связанными с обороной. Строят стратегические дороги Свияжск – Ульяновск и Саратов – Сталинград, Челябинский металлургический завод, аэродромы в Тамбовской и Смоленской областях, нефтепровод Махачкала – Астрахань – Саратов, Северо-Печорскую железную дорогу, добывают уголь на Воркуте и нефть в Ухте, рубят лес на европейском севере и в Сибири, добывают

золото на Колыме, строят и реконструируют автомобильные дороги, обслуживают металлургические заводы в Актюбинске, Череповце, Норильске, Николаевске-на-Амуре.

За один 1941 год ГУЛаг передал в армию 420 000 заключенных.

Ситуация в лагерях была катастрофически тяжелой. За 1942 год во всех лагерях умерли 351 000 человек, то есть каждый четвертый. Поредевшие ряды ээков пополнялись новыми «контингентами» – немецкими военнопленными, репатриантами, интернированными немцами. К началу 1946 года общее число военнопленных превысило 1 800 000 человек.

Критически важной в 1941–1942 годах становится карательная функция НКВД по поддержанию дисциплины в армии. 17 июля 1941 года было образовано Управление особых отделов Народного комиссариата внутренних дел СССР, которое надзидало над армией и флотом. Приказом НКВД СССР от 19 июля 1941 года при особых отделах сформированы отдельные стрелковые взводы, роты, батальоны, укомплектованные личным составом. 12 сентября 1942 года в каждой стрелковой дивизии были организованы заградительные отряды из расчета одна рота на полк. Их задача – «приостановка бегства одержимых паникой военнослужащих, ликвидация инициаторов паники и бегства, поддержка честных боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством». Задача, поставленная перед Берией, заключалась в том, чтобы карательные меры родной советской власти не давали красноармейцу выбора. Если он боится быть убитым врагом, его уничтожит НКВД.

Органы НКВД занимаются и фильтрацией сотен тысяч вышедших из плена окруженцев. С 1943 года эти задачи, все еще курировавшиеся Берией, стали обязанностью нового органа, знаменитого СМЕРШа, перешедшего от госбезопасности в ведение Народного комиссариата обороны СССР. Руководил СМЕРШем недавний заместитель Берии Абакумов.

Полководец Берия

23 июля 1942 года немецкая группа армий «А» начала наступление на Кавказ. Ее целью были выход к нефтяным месторождениям Баку, захват Закавказья, дальнейшее соединение с африканским корпусом Роммеля.

Через пять дней после начала наступления немцы переправились на левый берег Дона, начали стремительно продвигаться в глубь Кубанских степей.

Командование Закавказского фронта считало, что перевалы Главного Кавказского хребта непроходимы для войск. Но в начале августа немцы доказывают обратное. 6 августа гитлеровская армия захватила Армавир, 9 августа – Майкоп, 12 августа – Краснодар, 31 августа – Анапу, 11 сентября войска вермахта вошли в Новороссийск. На юге противник захватил Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию и 29 сентября взял Малогбек в Ингушетии. Нацистский флаг был поднят над Эльбрусом, немцы подошли к Клухорскому перевалу, захватили Марухские и Санчурские перевалы через Главный Кавказский хребет. Не встречая никакого сопротивления, горные егеря из дивизии «Эдельвейс» по Военно-Сухумской дороге проходят перевал и двигаются к Сухуми. Навстречу егерям бросают пехоту и курсантов военных училищ, никогда не воевавших в горах. Ценой огромных потерь немцев удается приостановить.

Одним из участников этих боев был курсант пехотного училища Александр Тария, за освобождение стратегически важного села Псху его наградили медалью «За отвагу». Он рассказал нам в Сухуми:

Когда мы шли на Псху, там есть такой перевал – Ачхо называется. Там парня привели пленного и представили нам, чтоб мы видели воочию немцев. Он три дня ничего не кушал и ничего не говорил. И один из наших ребят немножко немецким владел и говорит: ты расскажи, где ты был, почему сюда пришел, зачем ты здесь, кто тебя послал? Что нужно было? Скажи.

«Дайте закурить». Ну, папиросу дали, сразу чувствовалось, что он некурящий, закашлялся и начал задыхаться, начал кашлять, выбросил. Моя мама, говорит, под Берлином живет. Не убивайте, оставьте, она ждет меня. А мы сказали, что мы не собираемся убивать.

Они были подготовлены очень. Здесь очень много было румынов, итальянцев. Это же вся Европа. Европейская армия была же собрана. Они были специально подготовлены для войны на Кавказе. Две дивизии здесь воевали с нами.

Они очень часто меняли позиции, потому что знали всю местность. А мы где сидим, там и сидим, – сюда боялись, обрыв; сюда – обрыв. Они знали – куда. Вот здесь, скажем, пулеметчик стреляет, да? Мы видим, мы хотим или окружить, или подойти, подползти, а он уже совсем в другом месте. Или направо, или налево, вот так менялись они, а мы прямо шли.

Конечно, у них все было. Сухой спирт зажигали, и можно ставить чайник, и кипит. А у нас ждем, когда кто еду принесет, или на семечках мы жили практически. Мы даже и не знали, как воевать. Ну, конечно, если его увидишь, противника, надо стрелять. А как мы воевали там, очень сложно! Тем более когда на Санчарский перевал, когда больше метра снег выпал, уже некуда было, ни вперед, ни назад. Сидели мы смотрели утром, как немцы там бегают. А мы внизу сидим, нас потом перебросили. Со мной были из Гудаутского района девять человек, ни один не вернулся, кроме меня. Все они погибли.

Положение было критическим. Таким же в это время оно оказалось под Сталинградом. Сталин принимает решение отправить двух самых энергичных членов ГКО, Берия и Маленкова, исправить ситуацию. Маленков летит в Сталинград, а Берия 21 августа 1942 года прибывает в Тбилиси. С ним вместе в столицу Грузии прилетели его первый заместитель по НКВД Всеволод Меркулов, еще один заместитель Иван Серов, Богдан Кобулов, генерал-майор внутренних войск Иван Петров, группа офицеров Генштаба во главе с начальником Оперуправления Генштаба генерал-лейтенантом Павлом Болдыным. Командующим вновь образованной Северной группы Закавказья был назначен замнаркома внутренних дел по войскам генерал-лейтенант Иван Масленников. Берия пробыл в Закавказье почти месяц, в Москву вернулся 17 сентября.

Вместе с Лаврентием Берией в одном самолете прибыл и специалист по диверсиям знаменитый Павел Судоплатов. В своей книге он вспоминал:

В августе 1942 года Берия и Меркулов (при этом разговоре присутствовал также Маленков) поручили мне экипировать всего за двадцать четыре часа 150 альпинистов для ведения боевых действий на Кавказе. Как только альпинисты были готовы к выполнению боевого задания, Берия приказал мне вместе с ним и Меркуловым несколькими транспортными самолетами вылететь из Москвы на Кавказ. Перелет был очень долгий. В Тбилиси мы летели через Среднюю Азию на «С-47», самолетах, полученных из Америки по ленд-лизу. Наши операции должны были остановить продвижение немецких войск на Кавказ накануне решающего сражения под Сталинградом. Первую посадку мы сделали в Красноводске, затем в Баку, где полковник Штеменко, начальник кавказского направления Оперативного управления Генштаба, доложил об обстановке. Было решено, что наше специальное подразделение попытается блокировать горные дороги и остановить продвижение частей отборных альпийских стрелков противника.

Сразу после нас в Тбилиси прибыла группа опытных партизанских командиров и десантников, руководимая одним из моих заместителей, полковником Михаилом Орловым. Они не дали немцам вторгнуться в Кабардино-Балкарию и нанесли им тяжелые потери перед началом готовящегося наступления. В то же время альпинисты взорвали цистерны с нефтью и уничтожили находившиеся в горах моторизованные части немецкой пехоты.

Война в горах имеет свою специфику. Кто сумел забраться выше, тот и побеждает. Гитлеровские горные егеря, по преимуществу австрийцы и баварцы, выросшие в Альпах, имели огромный боевой опыт в высокогорье и превосходные навыки скалолазания. У них великолепное профессиональное снаряжение. Некоторые из них под видом туристов-альпинистов еще до войны побывали на Кавказе и хорошо знали местность. К тому же нашлось немало проводников из местных, недовольных советской властью горцев. Горных стрелков в Красной армии не хватает. По всем фронтам ищут бывших альпинистов. Берия формирует из них 12 горнострелковых отрядов, отлично экипированных и вооруженных.

В одном из таких спецподразделений служил знаменитый альпинист, заслуженный тренер России Михаил Бобров. Он рассказал нам:

Я прибыл на Кавказ в качестве старшего инструктора альпинизма пятого горнострелкового отряда в звании лейтенант. Немцы подошли уже вплотную к Кавказу, уже взяли Ростов, бои идут в предгорьях Северного Кавказа. Сталин издал приказ сформировать отдельные горнострелковые отряды, двенадцать горнострелковых отрядов, в каждом отряде примерно около пятисот человек – это была большая сила, почти за пять тысяч человек.

И формировать эти отряды альпинистами, а поскольку все были на фронте, поэтому встал вопрос, где искать альпинистов. Отозвали со всех фронтов, флотов, флотилий... подключили местных жителей, хороших охотников, пастухов, знающих эти горы, ну и в том числе альпинистов. Среди грузин было много хороших альпинистов, среди сванов. Вот такие отряды были сформированы, и я оказался в центре Сванетии, где самые сложные перевалы, в качестве старшего инструктора военного альпинизма. Наши воинские части, которые вели заградительные бои на Северном Кавказе, конечно, не были подготовлены к высокогорью.

Бои-то шли на отметках три с половиной, четыре с половиной тысячи метров в условиях гипоксии, кислородного голодания. Об этой войне мало кто знает. Вот эта книга, которую я написал, «Фронт над облаками», – там более менее все раскрывается. Там было очень тяжело. Это была война зимой сорок первого – сорок третьего годов, и поэтому больше, наверное, гибли от лавин, чем от пуль и снарядов. Лавины сметали всех: немцев и нас – и поэтому была война особенная. И здесь те, кто прекрасно разбирался в технике альпинизма, кто умел особенно зимой ходить в горах, тот и побеждал. Мы этому и обучали солдат, бойцов, сержантов, офицеров, которые были сформированы в эти горнострелковые отряды.

Обучение это шло прямо в период боевых действий. Опыт боев, он доставался кровью. Ну и надо прямо сказать, что потом мы оказались просто прекрасными горными стрелками, не уступали этой горнострелковой дивизии «Эдельвейс», хотя история этой «Эдельвейс» очень давняя, с пятнадцатого года идет. Эта дивизия создана была из баварцев. Люди, которые прошли через Мюнхенский альпинистский клуб, и каждый молодой человек, который побывал уже в альпинистском лагере, считал за честь надеть на себя мундир горного стрелка. И действительно, это была подготовленная дивизия. Дивизия в военное время – десять-одиннадцать тысяч человек, а здесь двадцать две тысячи человек было в этой дивизии.

Они первыми проникли через перевалы Кавказского хребта, и уже 15 августа они вышли на перевал Клухор, и через Клухорский перевал стали спускаться в Закавказье. А в штабе сорок шестой армии узнали об этом только 16 августа вечером. Они проникли через Санчарский перевал, через Марухский перевал, дальше Клухорского перевала уже прошли в Сванетию, в Закавказье, в Грузию где-то километров двадцать пять. На Санчарском – двенадцать, на Марухском – около восьми или около десяти километров, поэтому были жестокие бои, чтобы их туда опять поднять, на перевалы, и оттуда сбросить в Северный Кавказ.

И подготовка наших бойцов, горнострелков, она шла очень ускоренно, на высоком уровне. Была создана школа военного альпинизма, горнолыжного дела. Она вначале находилась под Тбилиси, а потом ее перевели в Бакуриани, где был известный горнолыжный центр, где люди осваивали горнолыжную технику. Потому что, кроме альпинизма, надо было еще стоять на лыжах очень прилично.

Вы спускаетесь на лыжах на большой скорости, а надо вести огонь, ориентироваться, не попасть в своих товарищей. Если вы упали на снег, да еще и с рюкзаком, все, вы – живая цель, вас расстреляют моментально. Поэтому действительно, люди были готовы очень прилично. Короче говоря, выстояли, научили бойцов, вытаскивали из лавин.

А вообще, война в горах, она совершенно не похожа на войну в долинах. Тут надо забыть о флангах, о тыле, о фронте, тут самое главное – знать, кто под тобой и кто над тобой. Вот это – основная задача. Если ты выше всех, ты – хозяин боя, поэтому все стремились занимать доминирующие вершины. Кроме того, я уже сказал, лавины уносили много человеческих жизней, и, кроме того, были страшные ураганные ветры. Надо было уметь закопаться в снег. Надо было пережить где-то бурю.

Малейшее ранение в высокогорье, где-то от трех с половиной тысяч метров до четырех с половиной, пяти тысяч метров – это большая беда. Ранение-то незначительное, с таким ранением на равнине солдат и сержант продолжают бой, а здесь никак кровь не сворачивается, бинтуй не бинтуй – ничего не получается, и поэтому потеря крови большая приводит к несчастью, человек уходит из жизни. Простуда – это тоже была невероятная вещь. Малейшая ангина, грипп приводили к тому, что люди умирали. В общем, приспособиться к горной войне могли только специалисты высокого класса, асы-альпинисты.

А бои шли на перевалах Кавказа, я отвечал конкретно сам за перевалы Бичо, Ахсу, Дангусарун, Верхний и Нижний Цада, перевал Семи и Местийский перевал. Головой отвечал за это, и поэтому бои там шли небольшими подразделениями – от отделения до взвода, полтора взвода, и уходили туда, наверх, на семь, на десять дней – такой вахтовый метод был, знаете, вахтовые бои. Возвращались ребята обмороженные, усталые, грязные, губы опухшие, потому что пищу готовить было не на чем, вместе со снегом концентрат перемешивали, все это сложно было, очень. Десять дней отдыха в Сванетии, причем размещались в сванских домах в основном. Как они принимали нас? Прекрасно. И снова через десять дней в бой.

Много погибало, конечно, все-таки лавины – это была белая смерть. Страшная была война. Ну, выстояли, и надо прямо сказать, что потом нас немцы же называли «грюне тойфельд» – зеленые черти, потому что у нас были такие зеленые костюмы пошитые, спортивные с диагональю. Когда были где-нибудь в Баку, в Тбилиси там, в Кутаиси, все подходили и спрашивали: «Вы кто? Англичане? Американцы?» Очень здорово были одеты. И потом, надо прямо сказать, наши отряды экипировались здорово. Был хороший спортивный инвентарь, причем все это делалось на Арсенальном заводе в Тбилиси: карабины, кошки, крючья, ледорубы, прекрасные веревки, палатки – все было сделано для того, чтобы специалист горной войны воевал, можно сказать, в комфортных условиях.

Немцы на Кавказе

Съемочная группа вблизи Кодорского ущелья, Абхазия

Мы знали многих немцев, которые дрались в этой горнострелковой дивизии, по именам, по фамилиям, потому что до войны они побывали вместе с нами в альпинистских лагерях. Они приезжали и хорошо знали эти уже районы. Они вернулись в Германию, имея хорошие кроки, схемы, карты, и очень быстро ориентировались, и вышли на центральные перевалы.

Паники не было, а нервозность была в том плане, что отступление было приличное все-таки. Например, я хорошо знаю, как отступала по Баксанскому ущелью наша армия. Там отступала 242-я горнострелковая дивизия, отступала 63-я кавалерийская дивизия, 392-я стрелковая грузинская дивизия, причем они участвовали в боях страшных на Северном Кавказе. Например, в 392-й стрелковой дивизии было восемь героев Советского Союза, бойцы опытные. Но когда пришли в горы, люди растерялись. Вы понимаете, горы надо уважать так же, как и море уважаешь. Если ты не моряк, как ты там можешь вести бой?

И поэтому отступали люди, уходили не по основному направлению, в этом случае выручало местное население – говорили, где нужно идти, а уходили в боковые ущелья, попадали в ледопады, попадали в скалы, гибли, сыпались. И вы понимаете, ведь ледопад и ледник выносит до сих пор трупы людей, что немцев, что наших. Поэтому, когда стабилизировался фронт, с Закавказья плотно встали бойцы, которых мы обучили, да еще пять примерно тысяч наших бойцов, специальных горных стрелков. Вот тут как-то фронт стабилизировался, и мы немножко успокоились, и уже сами стали уходить в тылы к немцам, нарушать коммуникации, притаскивать языков, взрывать их штабы и дороги. И они поняли, что они столкнулись с приличной силой, но все это давалось, как я уже сказал, кровью.

Берия, пользуясь своим высоким положением, активно лоббировал интересы фронта. В личном послании А. Микояну, курировавшему в ГКО продовольственное снабжение армии, Берия просил улучшить пайки войск на перевалах, включить в них сгущенку и шоколад. По его распоряжению Главное управление связи РККА выделило на перевалы 110 дополнительных радиостанций, а Главное артиллерийское управление организовало сопровождение всех транспортов ответственными работниками НКВД.

Группа специалистов Генштаба, прибывшая с наркомом, провела проверку готовности обороны армий Закавказского и Северокавказского фронтов, начала формирование новых 58-й армии и сводного кавалерийского корпуса.

Со своих должностей были сняты начальник штаба фронта генерал-майор Субботин, начальник тыла фронта генерал-майор Ищенко, начальник разведотдела фронта полковник Симаков, командующие 9-й, 46-й, 47-й армиями генералы Марцинкевич, Сергацков, Котов. 31 августа Ставка приняла решение об объединении Северокавказского и Закавказского фронтов. Следовало назначить командующего объединенным фронтом и его заместителя. Сталин предложил кандидатуры С. Буденного и И. Тюленева. Берия написал Сталину: «Командующим... считаю целесообразным назначить т. Тюленева, который отдает работе все и при всех его недостатках, по моему мнению, более отвечает этому назначению, чем т. Буденный», чей авторитет «значительно пал, не говоря уже о том, что вследствие своей малограмотности он безусловно провалит дело». Это предложение было утверждено.

Берия, по обыкновению, чиховстил командиров. Например, о генерале Марцинкевиче отзывался так: «командир он весьма ограниченный, безынициативный... безусловно случайно оказавшийся командармом, при докладе явно врал». Генерал Субботин – «плохой организатор, рассеянный, имеющий слабую память». Командующего 46-й армией В. Сергацкова, по некоторым сведениям, Берия и вовсе избил – самолично.

На Военно-Осетинской и Военно-Грузинской дорогах начались работы по подготовке обрушения скал, разрушению дорог и их затоплению. Вдоль этих дорог строилась система узлов обороны, опорных пунктов, дотов и дзотов, окопов и противотанковых рвов. Формировались специальные отряды, которые выдвигались на возможные направления обходного маневра. Подрывались тропы, которые не прикрывались войсками.

Военный совет фронта своей директивой оформил решение Берии о создании особых оборонительных районов в Грозном, Махачкале, Орджоникидзе (Владикавказе), Дербенте, в районе Сухуми. Они готовились к обороне силами внутренних войск, которым запрещалось отступать «без особого на то распоряжения наркома внутренних дел Союза ССР». В тылу Северной группы войск было сосредоточено пять дивизий внутренних войск – Грозненская, Орджоникидзевская, Махачкалинская, 11-я (Нальчик) и 19-я (Гудермес). Всего же в предгорных районах имелось до 80 000 человек войск НКВД.

Участник битвы за Кавказ Михаил Бобров рассказал нам:

Во-первых, были созданы три азербайджанские дивизии национальные, три армянские дивизии и три грузинские дивизии. Четвертая дивизия была наполовину русская, наполовину грузинская. Дрались они отчаянно все, особенно грузины. Здорово дрались. Если вы были в Закавказье после войны, вот попробовали бы проехать по всем селениям. Проезжаете – памятник со всеми перечислениями погибших на фронте. Кончается селение, следующее селение – памятник. Это – православные люди, отчаянные, смелые. Я там выучил грузинский, сванский языки, потому что мне надо было командовать. Многие крестьяне плохо говорят по-русски. Сваны не все хорошо владели русским языком, но они владели грузинским, а у них еще свой этнос: говорят по-свански, письменности нет.

Они себя доказали бойцами, ведь сваны – очень смелый народ, очень преданный. Если он в тебе встретил друга, если он в тебе встретил надежного человека, он для тебя все сделает, разобьется в любом случае. Он тебя спасет. Из лавин меня вытащил сван, кровь мне отдавали сваны. В домах нас принимали после десятидневного пребывания в боях на перевалах Кавказа, принимали сваны, обстирывали, кормили. Понимаете, это был настоящий такой кавказский интернационал, где было очень много национальностей. В нашем горнострелковом отряде были не только грузины, не только сваны, там были осетины, там были армяне, греки, турки – все наши советские люди. Были те же чеченцы, ингуши, но это был родной дом. Люди все были прекрасные.

Что такое горнострелковая дивизия Красной армии? Ну, это были панамки, это были ботинки с трикони, это были веревки, ледорубы – вот все горнострелковое обеспечение. Пушки, немножко приспособленные для того, чтобы их тащить в горы. Все остальное было как в обычной стрелковой дивизии.

У немцев было настолько портативное вооружение, минометы, пушки, пулеметы, которые разбирались, их легко было тащить, и собирали моментально в считанные минуты, и устанавливали на определенных участках для обстрела, чего у нас не было. У нас все, знаете, тащили на веревках, как Суворовский переход через Альпы, все это было так. И только в боях понемножку мы соображали, что надо делать.

У них были прекрасные винтовки снайперские. Ведь война в горах с автоматом – это ни к чему хорошему не приводит. Пулемет – хуже винтовки, потому что автомат – это оружие ближнего боя: ходы сообщений, лестничные клетки, уличные бои. А когда ты противника видишь за пятьсот, за четыреста метров он подходит, потом раз – ушел за какой-то скрытой складкой местности, за террасу, потом раз – оказался крупным планом. Подпустил близко его – уже будет поздно. Поэтому снайперская винтовка – мы охотились за этими «скрипочками». У нас было их мало. Охотились вот за немцами-снайперами с тем, чтобы иметь эту винтовку. И ты уже на дальних подходах

потихонечку шелкаешь, убираешь немцев. Правда, на СВТ на самозарядные винтовки пытались ставить прицелы – не очень хорошо получалось. Даже простая трехлинейная винтовка у сванов им была дороже, чем автомат или карабин. Они били на пятьсот, на шестьсот метров знаете как? Бахали так, что удивлялись. Очень меткие стрелки, блестящие.

Поэтому потихонечку-потихонечку постигали, что нам нужно для вооружения, какая экипировка. Мы были прекрасно одеты, прекрасный спортивный инвентарь, нас снабдили прекрасными горными лыжами. У нас было хорошее альпинистское оборудование. По ленд-лизу шло через Иран кое-что из оборудования к нам сюда. Питание было хорошее. На перевалах Кавказа горнострелковые наши отряды хорошо кормили. Ребята работали добросовестно, и потом, это был один сильный кулак, маленькие подразделения.

Горный стрелок – это, как вам скажу, он, по умению воевать в этих складках местности, драться, быстро соображать, ориентироваться, он, пожалуй, стоит пяти бойцов. А офицер, если он командует этим подразделением, пожалуй, ротой, так вот он может вполне командовать на равнине батальоном, а то и полком. Это особые люди, понимаете? Это правда особые люди. Отбор у них в эти части шел очень серьезный.

Фирменный почерк Берии как полководца более всего проявился в стремлении подчинить полевые войска командирам НКВД. Особенно это выразилось в создании Оперативной группы по обороне перевалов при Закавказье. Командующим стал генерал-майор НКВД И. Петров, прибывший из Москвы. Штаб группы также полностью комплектовался командирами НКВД. Таким образом, Берия создал промежуточную инстанцию между штабами Закавказья и 46-й армии. Интересно, что новый штаб разместился не в горах, а там же, где и штаб фронта, – в Тбилиси.

Заместитель начальника штаба группы полковник М. Романов так объяснял замысел Берии:

Мы объединяем специально выделенных снабженцев и хозяйственников, войска и управления НКВД. Тесная связь и полное взаимодействие с ЦК КП(б) Грузии и Совнаркомом Грузии; все вопросы по снабжению и проведению решений командования как можно быстрее проходят через нас. Эта структура помогает нам объединять все силы и средства.

Оперативная группа была не единственным параллельным органом управления, придуманным Лаврентием Павловичем. Огромными полномочиями обладал Кобулов и его «штаб НКВД по обороне Кавказа», которому было поручено общее курирование обороны Кавказского хребта и деятельности особых оборонительных районов. Он подчинялся лично наркому внутренних дел. В распоряжение Кобулова прибыли из Москвы до тридцати старших офицеров НКВД. Они использовались на должностях командиров дивизий, начальников оперативных направлений и оперативно-чекистских групп. Последние имели в своем составе по десять-пятнадцать работников и предназначались «для несения разведывательной службы и обороны перевалов». При этом начальники оперативно-чекистских групп нередко вмешивались в работу войсковых командиров.

Северной группой войск руководил протеже Берии генерал-лейтенант И. Масленников, который вел себя откровенно вызывающе. В 1953 году, в подготовленной по просьбе следствия по делу Берии специальной записке Генштаба говорилось, что генерал Масленников, «несомненно, пользуясь покровительством Берии, нередко игнорировал указания командующего фронтом». Что подтверждается и другими документами.

В специальной депеше генералу Масленникову 24 сентября 1942 года Тюленев указывал:

Как командование, так и штаб группы в силу каких-то причин считают совсем необязательным для себя докладывать Военному совету, штабу фронта о своих мероприятиях. Больше того, производя важнейшие перегруппировки войск, штаб группы, ссылаясь на прямые указания командующего группой, отказывается доносить в штаб фронта о передвижении и задачах дивизий...

Однако генерал Масленников по-прежнему напрямую общался с Москвой, игнорируя штаб фронта. В документах, направлявшихся по нескольким адресам – Сталину, Берии, Тюленеву, – имя последнего иногда просто вычеркивалось. Столь вопиющее нарушение субординации долго сходило Масленникову с рук. Пока 11 декабря 1942 года в дело не вмешался лично Сталин, который приказал генералу Масленникову «прекратить пререкания с Тюленевым и выполнять его директивы».

Сам Берия увлеченно участвовал в оперативном руководстве войсками (в связи с чем приказы формулировались довольно необычно: «Товарищ Берия и командующий фронтом приказали...»), хотя степень его полководческих талантов оценить трудно. Сохранившиеся указания Берии Военному совету фронта не блещут оригинальностью военной мысли:

Еще раз обращаю ваше внимание на тщательное наблюдение перевалов. Учтите, что это нужно сделать быстро, притом перекрыть перевалы надо не в одном, а в нескольких местах, обеспечив взаимную связь и взаимодействие между всеми звеньями обороны и также обеспечить хорошую разведку.

Придуманные и созданные Берией новые руководящие войсками органы по сути дублировали армейские штабы, усиливали неразбериху и удлинляли цепочку прохождения документов. Штаб Опергруппы, находившийся в Тбилиси, не имел постоянной связи с войсками и плохо владел обстановкой. Важнейшие решения Берия часто согласовывал со своими ставленниками келейно, в обход командования фронтом, что не могло не вредить слаженности и оперативности руководства войсками.

С другой стороны, появление такого крупного государственного деятеля на фронте в самый острый момент сражения, безусловно, взбодрило высшие военные, советские и партийные инстанции. Несомненно, огромную работу Берия проделал по сплочению фронтового тыла и мобилизации ресурсов Закавказья, он как мог способствовал быстрому прохождению вопросов Закфронта через Ставку.

При этом Лаврентий Павлович, каким бы грозным ни казался, не прибегал к массовым репрессиям комсостава. Командиры, снятые со своих должностей по инициативе представителя ГКО, как правило, продолжали фронтовую службу на менее ответственных участках. Понося их последними словами, Берия не прибегал к политическим обвинениям, что грозило бы офицерам самыми печальными последствиями.

Так или иначе, ко времени отъезда Берии в Москву оборона Кавказа обрела некоторую устойчивость, хотя тяжелые бои на перевалах велись до конца сентября – начала октября, когда немецкие войска окончательно выдохлись. Кавказские перевалы удалось надежно закрыть. Немецкое наступление было остановлено на всех направлениях. Главная цель летней кампании – бакинская нефть – для Гитлера оказалась недостижимой.

Участник битвы за Кавказ Михаил Бобров рассказал нам:

Берия прибыл в конце августа. Он был у нас в сорок шестой армии и проехал Сванетию в сторону Кухорского перевала. Конечно, там были бои, еще шли отступления, потому что немцы вышли на Кухорский перевал, нужно было их вышибать оттуда, и была угроза прорыва немцев в Закавказье. А ведь надо сказать, что мы с оглядкой дрались, сзади на турецкой границе стояло

двадцать шесть турецких дивизий. Ослабили укрепрайон, оттуда тоже взяли дивизии. Когда Берия прибыл, увидел такое положение, он начал наводить порядки в сорок шестой армии – там некоторые офицеры были расстреляны, а он представлял Ставку Верховного главнокомандования, и был снят генерал Сергацков, умнейший, толковый человек. И вот эта чехарда, она шла примерно в течение полутора – двух месяцев, смена людей.

Но потом стабилизировалось как-то все нормально, видимо, стало известно в Ставке, что он ведет такую политику, которая мешала стабилизировать фронт. Нужно было как-то успокоить армейских людей, настроить их на оборонительные бои. Оттуда Берию быстро убрали.

Там была пограничная дивизия одна, одна дивизия НКВД отступала, тоже уходила через перевалы. А потом, когда закончились бои на перевалах Кавказа, осталась часть немцев там, сваны, балкарцы и другие стали пошаливать на перевалах. Были бандиты, и этим тоже занимались со стороны Грузии, со стороны Сухуми, где было, по-моему, два полка НКВД, которые вот приводили в порядок землю Верхней Сванетии.

Этими вопросами занимался такой Бокучава, начальник Абхазского НКВД. Кстати, очень интересный человек, большой патриот России, смелый человек, отчаянный человек, и звали его Шалва Илларионович Бокучава. Ну, это были самые тяжелые годы.

А если честно говорить, то в этой борьбе нам помог Сталинград. Как раз остановка немцев под Сталинградом. Все сводилось к тому, если бы мы проиграли сражение под Сталинградом, Турция вступила бы в войну, все эти двадцать шесть дивизий, они стали бы нас давить со стороны Закавказья, с перевалов бы спустились немцы и, конечно, они прорвались бы. Ведь стремление еще было такое – пробиться не только к марганцу, не только к молибдену, к вольфраму, которые находились в горных районах, а ведь они еще рвались к чеченской нефти, к бакинской нефти. У них ведь тоже дело было не очень хорошо с горючим. Героическая Красная Армия доказала свою силу, остановила их под Сталинградом, здесь они были вынуждены тоже отступать. И так, соседствуя с двумя колоссальными фронтами, мы их все-таки выбросили с Северного Кавказа и из района Дона, Донца, Волги.

Пожалуй, ни один другой представитель Ставки не вмешивался в сугубо военные дела так, как это делал на Кавказе Лаврентий Берия. По существу он заставил военных подчиняться НКВД. И в армии этого унижения ему не забыли и не простили..

Мятежи и депортации

Немало кавказцев воспринимали немцев как освободителей, боеспособность национальных частей в составе Красной армии часто была низкой, уровень дезертирства – высоким. «Карачай, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия – не горские национальности подлежат перерегистрации; горцев не перерегистрировать и не призывать» – такова была инструкция Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии.

В составе вермахта были сформированы специальные части из народов Северного Кавказа и Закавказья. Видимо, в планы Гитлера входило предоставление народам Кавказа некоей национальной автономии. Это необычно. Другим народам СССР немцы не доверяли создавать национальные вооруженные формирования под руководством своих собственных офицеров. Весной 1942 года немцами на фронт были направлены два полностью экипированных и обученных грузинских батальона (795-й и 796-й) общей численностью свыше 2000 солдат и офицеров. В ноябре – декабре 1941 года Гитлер отдал распоряжение о формировании Кавказско-магометанского национального легиона, состоящего из азербайджанцев и дагестанцев. Число азербайджанцев в составе войск вермахта доходило до 40 000 человек, 30 декабря 1941 года был подписан приказ о формировании Армянского легиона в составе вермахта.

Наиболее сильные антисоветские настроения традиционно существовали в Чечено-Ингушетии. Кроме стихийных бунтов, вспыхивавших в республике, действовала и повстанческая организация Хасана Исраилова, поэта и журналиста. В январе 1940 года Исраилов организовал восстание против советской власти в Шатойском районе. 28 января 1942 года он создал во Владикавказе «Особую партию кавказских братьев» с целью воссоздания существовавшей в Гражданскую войну Горской республики – «свободной братской Федеративной республики государств братских народов Кавказа по мандату Германской империи».

Другой вождь чеченцев, Майрбек Шерипов, организовал в ноябре 1941 года «Чечено-горскую национал-социалистическую подпольную организацию». В августе 1942 года Шерипов поднял восстание в Итум-Калинском и Шатоевском районах. Немецкий унтер-офицер Рекерт, заброшенный в Чечню во главе диверсионной группы, завербовал до 400 человек и поднял в октябре 1942 года восстание в Веденском и Чеберлоевском районах. Завербовано было и несколько сотрудников правоохранительных органов, в том числе на уровне начальников райотделов.

В Чечне происходило массовое уклонение от мобилизации в Советскую армию. Бросили работу и бежали в горы 80 человек членов ВКП(б), в том числе шестнадцать руководителей райкомов ВКП(б), восемь руководящих работников райисполкомов и четырнадцать председателей колхозов.

В конце августа Берия создает Управление по охране тыла Северной группы войск Кавказского фронта, призванное задерживать уклонявшихся от воинской службы, дезертиров, вести операции по ликвидации антисоветских партизанских отрядов и диверсантов, действовавших на территории Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. 17 648 человек были задержаны, 7488 – убиты. Также арестовали 12 000 нарушителей прифронтного режима и 9406 человек, бежавших с оборонных работ.

После освобождения Кавказа решено было приступить к окончательному решению северокавказского вопроса. И хотя инициатива депортации принадлежала, видимо, Иосифу Сталину, не обошлось и без самостоятельных шагов Берии – признанного специалиста по Кавказу. Он же явился главным исполнителем указов о переселении народов.

К 1943 году у НКВД уже был опыт депортаций. В 1935-м из приграничных районов начали выселять ингерманландцев. В сентябре 1937 года 172 000 корейцев выселены из при-

граничных районов Дальнего Востока в необжитые целинные районы Средней Азии (в основном Узбекистан и Казахстан). 65 000 поляков отправили в 1939 году из Западной Украины в Казахстан. Наконец, 28 августа 1941 года 367 000 немцев было депортировано из Поволжья.

На Кавказе Берия начал с карачаевцев. 12 октября 1943 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении карачаевцев из Карачаевской автономной области в Казахскую и Киргизскую Республики «в связи с тем, что в период оккупации многие карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и брошенных немцами агентов, оказывая им активную помощь». 2 ноября 1943 года в Казахстан и Киргизию были депортированы 69 267 карачаевцев.

27 декабря 1943 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР и о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. В операции по выселению калмыцкого населения, получившей кодовое название «Улусы», участвовали 2975 офицеров НКВД, а также 3-й мотострелковый полк НКВД. Руководство за ходом операцией осуществлял начальник УНКВД по Ивановской области генерал-майор Михаил Маркеев. В ходе операции было сформировано 46 эшелонов, которыми было вывезено 93 139 человек.

31 января 1944 года принято постановление ГКО СССР № 5073 об упразднении Чечено-Ингушской АССР и депортации ее населения в Среднюю Азию и Казахстан «за пособничество фашистским захватчикам». Из состава ЧИАССР в Дагестанскую АССР переданы четыре района, в Северо-Осетинскую АССР – один район, на остальной территории образована Грозненская область.

29 января 1944 года Лаврентий Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». 20 февраля Берия, вместе с И. А. Серовым, Б. З. Кобуловым и С. С. Мамуловым, прибыл в Грозный и лично руководил операцией, куда под видом «учений в горной местности» была переброшена армия в составе 100 000 человек, включая 18 000 офицеров и до 19 000 оперативных работников НКВД, НКГБ и СМЕРШ. 21 февраля он издал приказ по НКВД о депортации чечено-ингушского населения.

Берия докладывал Сталину:

Было доложено председателю СНК Чечено-Ингушской АССР Молаеву о решении правительства о выселении чеченцев и ингушей и о мотивах, которые легли в основу этого решения.

Молаев после моего сообщения прослезился, но взял себя в руки и обещал выполнить все задания, которые ему будут даны в связи с выселением. Затем в Грозном вместе с ним были намечены и созваны 9 руководящих работников из чеченцев и ингушей, которым и было объявлено о ходе выселения чеченцев и ингушей и причинах выселения. 40 республиканских партийных и советских работников из чеченцев и ингушей нами прикреплены к 24 районам с задачей подобрать из местного актива по каждому населенному пункту 2–3 человека для агитации.

Была проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии высшими духовными лицами Б. Арсановым, А.-Г. Яндаровым и А. Гайсумовым, они призывались оказать помощь через мулл и других местных авторитетов.

Депортация и отправка эшелонов в пункты назначения началась 23 февраля 1944 года в 2 часа ночи и завершилась 9 марта. Операция стартовала по кодовому слову «Пантера», которое было передано по радио.

В одном из селений были убиты три человека, в том числе восьмилетний мальчик, в другом – «пять женщин-старух», в третьем – «по неуточненным данным», войска НКВД совершили «самочинный расстрел больных и калек до 60 человек». А с селением Хайбах операцию осуществить полностью не удалось, оно было высокогорное, и чекисты не успевали доставить людей к поездам. Поэтому генерал Михаил Гвешiani, который командовал там, приказал согнать людей в скотный двор и поджечь его. Были сожжены заживо 700 человек. Генерал Гвешiani, так же как и остальные участники операции, был награжден боевыми орденами. Лаврентий Берия стал кавалером полководческого ордена Суворова I степени.

Было отправлено 180 эшелонов с 493 269 чеченцами и ингушами. По официальным данным, в ходе операции были убиты 780 человек, арестовано 2016 «антисоветского элемента», изъято более 20 000 единиц огнестрельного оружия, в том числе 4868 винтовок, 479 пулеметов и автоматов. Скрыться в горах сумели 6544 человека.

24 февраля 1944 года Берия предложил Сталину выселить балкарцев, а 26 февраля он издал приказ по НКВД «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения». За день до этого Берия, Серов и Кобулов провели встречу с секретарем Кабардино-Балкарского обкома партии Зубером Кумеховым. Ему сообщили о намерении выселить балкарцев, а их земли передать Грузии, чтобы та могла иметь оборонительный рубеж на северных склонах Большого Кавказа. 5 марта вышло постановление ГКО о выселении из КБ АССР, а 8–9 марта началась операция. 11 марта Берия доложил Сталину, что «балкарцев выселено 37 103 человека».

Берия являлся инициатором депортации крымских татар. 10 мая 1944 года Лаврентий обратился с письменным предложением об этом к Сталину. Поводом стали «предательские действия крымских татар против советского народа». 29 мая 1944-го Берия написал И. В. Сталину письмо о целесообразности депортации болгар, греков и армян из Крыма.

24 июля 1944 года Берия рапортовал Сталину о необходимости очищения территории Грузии:

НКВД СССР считает целесообразным переселить из Ахалцихского, Ахалкалакского, Адигенского, Аспиндзского, Богдановского районов, некоторых сельсоветов Аджарской АССР – 16 700 хозяйств турок, курдов, хемшинов. На протяжении ряда лет значительная часть этого населения, связанная с жителями приграничных районов Турции родственными связями, отношениями, проявляет эмиграционные настроения, занимается контрабандой и служит для турецких разведывательных органов источником вербовки шпионских элементов и насаждения бандитских групп... Мероприятия согласованы с ЦК КП(б) Грузии и СНК Грузинской ССР.

Депортацией, по приказу Берии, руководили А. Кобулов и грузинские наркомы госбезопасности Рапава и внутренних дел Каранадзе, а для ее осуществления выделялось всего лишь 4000 оперативных сотрудников НКВД.

Депортация народов была мерой не только жестокой, но и не вполне логичной. Конечно, среди горцев, крымских татар и калмыков существовало определенное число коллаборационистов. Но выселяли всех поголовно, включая женщин, стариков и детей. При этом коренные народы союзных республик выселяли очень выборочно. Пострадали и народы, которые вовсе не были оккупированы и не могли совершить предательства. В чем провинились, например, проживавшие в Грузии турки-месхитинцы или понтийские греки и курды? Думается, что во всяком случае на Кавказе личная роль Берии в решении судеб народов была очень велика. Воз-

можно, здесь не обошлось без грузинского национализма. В любом случае из Грузии выселяли и азербайджанцев, дискриминировали абхазов и южноосетинцев. Вероятно, этим Лаврентий Павлович старался повысить свою популярность среди населения и руководства Грузинской ССР.

Польша

Летом 1944 года Советская армия вошла в соприкосновение с многочисленными сражавшимися с немцами и украинскими националистами отрядами польской армии Крайовой. Сталин всегда был подозрителен по отношению к полякам. Поэтому Лаврентий Берия внимательнейшим образом следил за отрядами польских партизан и почти ежедневно рапортовал Сталину. 29 июня 1944 года Берия посылает вождю список «польских банд», действующих в Западной Белоруссии.

Эти банды, – писал он, – живут по законам довоенной Польши и поддерживают постоянные отношения с военными кругами правительства Польши в изгнании, размещающегося в Лондоне. У поляков в Западной Белоруссии под ружьем от 10 до 20 тысяч человек.

Берия считает, что относиться к ним надо с подозрением, как к возможным врагам. Министр внутренних дел сообщает также, что «банды» собираются предпринять решительное наступление против немцев. Это было совершенной правдой. Польские повстанцы готовились к операции «Буря» – серии восстаний в городах, целью которых было их освобождение еще до прихода Красной армии.

Наряду с Варшавским планировались, в частности, восстания в Вильнюсе и Львове. Лаврентий Павлович был прав и в том отношении, что координация деятельности отдельных отрядов шла из Лондона и что отдельные части армии Крайовой, часто изолированные в лесах, тем не менее ощущали себя частью Войска Польского. Они не оставляли надежды на то, что после окончания войны Польша вернется к границам 1939 года.

Если в этой части сообщение Берии соответствует реальности, то дальнейшее является во многом ложью, соответствующей ожиданиям Сталина. Лаврентий пишет, что армия Крайова – это буржуазно-дворянская сила, поддерживающая тесную связь с нацистами, что поляки убивают советских партизан и коммунистов. Особенно большие подозрения вызывает у Берии командующий армией Крайовой в Восточной Польше полковник Александр Кржижановский, известный под кличкой Волк. Этот командир, по словам Берии, прибыл на территорию Белоруссии из Варшавы и вступил в контакт с командованием 3-го Белорусского фронта генерала Черняховского, предлагая операцию по совместному освобождению Вильнюса. Лаврентий считает, что эти планы следует отвергнуть: поляки все еще считают, что Вильнюс это их город и тем самым дезориентируют его население, создают впечатление, что город освободил от немцев не Советский Союз, а Польша.

Надо сказать, что в определенном отношении Берия был прав. Понятно, что польские партизаны не испытывали к Красной армии никакой особой любви и действовали на территории, откуда с 1939 по 1941 год были высланы под руководством Берии около полумиллиона поляков. Те, кто остался, слышали о Катынском расстреле. Большинство считали Вильнюс польским городом Вильно. Они грабили немецкие военные склады при отступлении вермахта, добывая себе оружие, чтобы в момент между уходом немцев и приходом Красной армии атаковать и взять под свой контроль максимум территорий.

Конечно, неправильно было представлять польских повстанцев союзниками или агентами немцев, как это делал Берия. Полковник Волк партизанил против немцев с 1939 года. Никто из польских офицеров не получал от вышестоящего начальства приказов вступать в военное столкновение с Красной армией. Но Берию и советское командование выводила из себя идея братства по оружию с какими-то малопонятными «белополяками».

Командующий 1-м Белорусским фронтом Константин Рокоссовский в июле 1944 года докладывал с изумлением о встрече с польским «партизаном» (кавычки Рокоссовского), кото-

рый претендовал на то, чтобы они беседовали на равных, как командующий дивизии с командующим фронтом, и пытался координировать с Рокоссовским деятельность своего отряда. Другие советские командиры рассказывали, что поляки сумели спасти нескольких американских летчиков со сбитых немцами самолетов. В ответ на требования нашей армии выдать их в распоряжение соответствующих органов поляки ответили категорическим отказом. Сообщивший об этом советский полковник пребывал в глубоком недоумении – никакие они не партизаны, это польские части, подчиняющиеся эмигрантскому правительству. На самом деле поляки могли быть представлены и так и эдак, что не укладывалось в голове советского военнослужащего.

В середине июля все попытки поляков договориться о сотрудничестве были отвергнуты и СССР стал относиться к армии Крайовой как к врагу. Берия пишет Сталину, что 12 000 чекистов были направлены, чтобы осуществить необходимые мероприятия против поляков, начали зачистку территории от антисоветского элемента. Командовал этим войском Иван Серов, специалист по этническим чисткам. Он пригласил полковника Волка на встречу, разоружил его и арестовал.

К 20 июля были арестованы 6000 польских партизан. Почти всех их выманили из лесов обещаниями предоставить оружие и снаряжение и ввести в состав новых польско-советских дивизий. Действительно, некоторым из партизан предлагали вступить в польскую дивизию имени Тадеуша Костюшко, ставшую ядром польской коммунистической армии. Большинство отказалось.

Когда Советская армия перешла польскую границу, образованную после аннексии СССР Западных Белоруссии и Украины, ее отношение к повстанцам не поменялось. Апогеем этих взаимоотношений стало Варшавское восстание. Выступление польских повстанцев было жестоко подавлено немцами, а Красная армия не пришла полякам на помощь. Само восстание 1 ноября 1944 года Берия описывает как антисоветскую деятельность повстанческой белопольской бандитской группировки. Памятуя об особой позиции Лаврентия Павловича по вопросу о Катынском расстреле, трудно заподозрить его в каких-то личных антипольских настроениях. Он, как всегда без раздумий, осуществлял политику Сталина и делал это расторопно, жестко и умело.

Глава 8. Атомная бомба

Работа Лаврентия Берии в годы войны была многообразна. Руководство производством вооружений, участие в военных действиях, система ГУЛага, создание спецчастей НКВД, разведка на оккупированных территориях, борьба с диверсантами в тылу, высылка народов Кавказа и Крыма, подавление повстанческого движения в Прибалтике и на Украине. Но самая известная часть его биографии в военное и послевоенное время связана с созданием советского ядерного оружия. Этой эпопее посвящено множество воспоминаний и книг у нас и за границей. Поэтому мы коснемся преимущественно тех эпизодов, которые авторам и редакторам фильма (Екатерина Видре, Евгений Мороз, Дмитрий Журавлев) удалось обсудить лично с учеными и сотрудниками разведки.

Представленные ниже материалы стали основой еще для нескольких отдельных фильмов. Вероятно, великих открытий мы не сделали, но узнали массу примечательных уникальных деталей этой знаменитой истории. Мы разговаривали с еще живыми участниками Атомного проекта, разведчиками, историками, учеными-физиками и людьми, которые хорошо их знали. Наша группа побывала в главном центре Атомного проекта – сегодня закрытом городе Сарове (ранее Арзамас-16), в некогда секретном физическом институте под Сухуми, на урановых рудниках в Саксонии, в Берлинском институте, где осуществлялась немецкая ядерная программа, в Радиевом институте имени В. Г. Хлопина в Санкт-Петербурге, в знаменитом Курчатовском институте и Пресс-бюро Службы внешней разведки в Москве. Эта глава в немалой степени построена на эксклюзивных интервью, которые нам удалось записать в 2008–2014 годах.

Взгляд из Лондона

День 25 сентября 1941 года лейтенанту госбезопасности Владимиру Барковскому запомнился на всю жизнь. Уже полгода он работал разведчиком под прикрытием должности атташе по культуре советского посольства в Лондоне. Через его руки прошли сотни страниц секретных документов, содержащих научные и технические разработки. Но материалы, которые принес в тот вечер резидент Анатолий Горский, не имели себе подобных. Их передал участник знаменитой Кембриджской пятерки Дональд Маклин. Едва ли сотня человек во всем мире в тот момент могла компетентно разобраться в этой информации. В руках Владимира Барковского оказался доклад британского уранового комитета. Шестьдесят страниц схем, формул, аналитических выкладок. Многие термины начисто отсутствовали даже в научных словарях. Как бы то ни было, к утру молодой разведчик написал и отправил аналитическую справку в Москву. Конечно, он и представить не мог, какую роль этот доклад сыграет в его судьбе и судьбах множества людей.

С этого момента началась одна из самых знаменитых операций советской разведки под кодовым названием «Энормоз». В переводе с английского – нечто огромное, невероятное, чудовищное. Действительно, речь шла о судьбе цивилизации.

Проект урановой бомбы был широко известен еще до войны. И Сталин, и Гитлер были осведомлены о фантазиях физиков, но всерьез их не воспринимали. В СССР атомный проект даже не начинался. Гитлер фанатично верил в новинки военной техники и не жалел на них сил и средств. Германские конструкторы первыми создали кумулятивный снаряд, базуку, реактивный самолет, крылатую ракету и баллистическую ракету ФАУ-2.

Разведчик Владимир Барковский

У Германии имелось все, чтобы приступить к производству атомной бомбы: уран из бельгийского Конго, тяжелая вода из Норвегии, передовая техника и выдающиеся ученые. В 1939 году организовано Урановое общество – 22 научных учреждения объединяются, чтобы разработать оружие массового уничтожения. Однако Гитлер не верил в возможность скорого создания супербомбы и немецкий атомный проект не получил должного масштаба. Но немецкие физики все же так близко подошли к «абсолютному оружию», что это обеспокоило англичан. Тем более, что Гитлер все время твердил о чудо-оружии, которое уничтожит Британию. Он имел в виду прежде всего баллистическую ракету ФАУ-2. Но англичане и американцы решили, что речь идет о ядерной бомбе, и начали активные разработки в этой области.

Опасения союзников вовсе не были беспочвенны. Вот что нам рассказал об этом племянник одного из руководителей советского атомного проекта академика А. П. Александрова ученый-физик Евгений Александров:

Не так давно опубликованы были материалы в журнале английском, из которых следовало, что по опубликованным за границей материалам КГБ немцы продвинулись к атомной бомбе несравненно ближе, чем об этом говорилось. И в этих материалах даже говорилось, что они делали первые испытания, вспышка была и произошло массовое облучение русских пленных и большое количество смертей там было, радиационный ожог. Никакого

сильного взрыва не произошло, они до этого не дошли. Но вообще немецкие ученые, которых вывезли в Америку, они создавали для американцев такую версию, что, дескать, они саботировали развитие атомного оружия при Гитлере и потому далеко не продвинулись.

Немецкие ученые, которых непрерывно прослушивали и записывали, они между собой и вели такие разговоры, наговаривали на микрофоны такую версию, что, дескать, они всегда были противниками атомной бомбы и их усилиями эта работа была саботирована в Германии. Это была неправда. Они выглядели все такими овцами, эти самые немецкие ученые у себя, а на самом деле они очень близко подошли к атомной бомбе.

Нобелевский лауреат, академик Жорес Алферов рассказал нам:

Вернер Гейзенберг был руководителем немецкой программы, и я не уверен в том, что по каким-то моральным принципам он завалил, скажем, немецкий атомный проект. Ничего подобного, просто он великий теоретик, принцип неопределенности Гейзенберга, он очень молодым человеком получил Нобелевскую премию, но он не понял, как нужно делать атомную бомбу и поэтому завал немецкой атомной программы был скорее связан не с желанием помешать Гитлеру иметь атомное оружие. Скорее все-таки с тем, что они не были уверены, что можно сделать атомную бомбу за короткий срок. Поэтому и Шпеер, который был руководителем Министерства вооружений и отвечал за эти дела тоже, не придал проекту в Германии приоритет номер один. Раз не поняли, что можно сделать быстро, значит, это не приоритет в блицкриге, вся концепция войны у Гитлера – блицкриг. Он прекрасно понимал, что затяжная война – все, труба, он проигрывает.

Я и литературой интересовался, и со многими участниками в свое время беседовал, была идея того, что бомбу можно сделать за два, два с половиной года. Она принадлежит Рудольфу Пайерсу и Фришу, которые работали в Великобритании, немцы, уехавшие в Великобританию. И лидером атомного проекта поначалу была Великобритания. И идея была, что можно успеть и применить это ужасное оружие в войну и что оно может спасти Британию. Идея эта, конечно, сыграла очень большую роль. И для Великобритании, и для Соединенных Штатов Америки атомный проект был, безусловно, огромным патриотическим делом, потому что они не знали, как дела обстоят в Германии, и данные говорили о том, что атомный проект в Германии идет. И поэтому нельзя допустить, чтобы Гитлер получил это оружие раньше.

Известный немецкий историк, автор книги «Бомба Гитлера» Райнер Карлш, рассказал нам:

Мы не должны забывать, что вермахт захватил Францию и Бельгию, которые считались крупными урановыми странами. Так что у Германии были лучшие предпосылки. И, несмотря на все это, до большого технического проекта так и не дошло. Тому много различных причин. Главная причина, что Урановый союз – это объединение для ученых, которые занимаются атомным проектом, – не имел центрального органа. То есть не было центра. В Берлине был институт физики, и в других городах и землях были институты поменьше, которые занимались этим, но не было центра. И правящая верхушка Уранового союза – Вернер Айзенберг, Отто Хаген – они бросили не все силы на этот проект.

Решающая ситуация произошла летом 1942 года, когда в Берлине сотрудники уранового клуба встретились с представителями правительства. И тогда министр обороны Альберт Шпеер спросил Айзенберга: «Г-н профессор, какая сумма вам необходима?». Айзенберг ответил: «50 тысяч марок». Это смешная сумма. И тогда министр сказал: «Все понятно. У этого проекта мало шансов быть реализованным до конца войны». Это означало, что он не хотел возвращаться к этой теме, что он считает, что время атомного проекта придет много позже. Потом были попытки у других групп, которые сотрудничали с СС, создать атомную бомбу. Но чего не хватало, так это большой индустриальной структуры и производства расщепляющих материалов.

Первоначально главный центр атомных исследований американцев и англичан располагался в Великобритании, и советская разведка поставляла из Лондона самые актуальные и подробные сведения о создании союзниками ядерного оружия.

Информацию, которую подготовил лейтенант Владимир Барковский, в Москве ждали уже давно. Еще в 1940 году начальник отделения научно-технической разведки НКВД Леонид Квасников обратил внимание на таинственное исчезновение из зарубежных научных журналов всяких упоминаний о работах по использованию энергии атома в военных целях. А значит, эта информация стала секретной. Он направил в резидентуры НКВД в США, Англии и Германии ориентировки к получению сведений о возможных исследованиях в этих странах по созданию атомного оружия.

Однако первые доклады лондонской резидентуры об атомных разработках в Центре будто не замечались. К октябрю 1941-го немцы уже взяли Киев, осадили блокадным кольцом Ленинград, рвались к Москве. Промышленность эвакуирована на восток и едва работала. Страна была на грани катастрофы. В этих условиях тратить силы и средства на мифическую урановую бомбу казалось безрассудным. Лаврентий Берия подозревал в лондонском донесении дезинформацию и даже не доложил о нем Сталину.

Когда немцев уже отбросили от Москвы, в марте 1942-го Берия обращается к Сталину с запиской: скопилось множество разведанных о разработке нового оружия. Лаврентий предлагает мобилизовать ученых на оценку разведанных и создать научный центр по урановой проблеме. К тому времени это был не единственный сигнал. Физик Георгий Флеров забрасывал Академию наук и Кремль письмами, в которых пророчески предупреждал о грядущей опасности, если атомное оружие окажется в руках врагов:

...В военной технике произойдет самая настоящая революция. Результаты будут настолько огромны, что не будет времени решать, кто виноват в том, что у нас в Союзе забросили эту работу.

В Кремле поняли: призрак ядерной катастрофы обретает реальные черты. В результате Сталин подписывает постановление правительства об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Руководителем назначается Молотов. Берия – его заместитель. Он поставляет развединформацию. В Москве создана секретная Лаборатория № 2 во главе с Игорем Курчатовым.

Комплекс Курчатовского института (знаменитый «курчатник») в Москве мы посетили во время нашей кинокомандировки. Видели первый советский атомный реактор, который и сейчас работает в интересах науки. На территории института расположен дом-музей Игоря Курчатова. Рядом с ним та самая скамейка, которая запечатлена на знаменитой фотографии Курчатова с Сахаровым. Сам коттедж по тем временам – жилище роскошное, но сейчас дача любого районного прокурора или бизнесмена средней руки выглядит гораздо богаче.

Один из работников этой Лаборатории, участник Атомного проекта физик Вадим Дикарев (в момент записи интервью – начальник отдела ядерной безопасности Института ядерных реакторов) рассказал нам:

В тридцатых годах было уже сделано достаточно открытий и было ясно, что в процессе деления ядер урана выделяется огромное количество энергии. В то время в Европе была очень беспокойная обстановка, все воевали друг с другом и подумывали, как использовать это явление в военных целях. Во многих странах стали над этим работать. И у нас развивались эти работы. Начинать развиваться сначала просто физические работы в Ленинграде, в физико-техническом институте, которым руководил Абрам Федорович Иоффе. Этот человек в моем понимании является просто образцом учителя. Все его ученики впоследствии стали академиками. Это редчайший случай. Ну и мне довелось присутствовать при разговоре Курчатова по телефону с Иоффе. Они так шутили друг с другом. Курчатов очень почтительно говорил с Абрамом Федоровичем, и тот, по всей видимости, так же и с Курчатовым говорил. Но когда у нас началась война, все эти работы были прекращены. Мы занимались только неотложными делами. Курчатов и Анатолий Петрович Александров, который тоже учился в этом институте, в Севастополе занимались такой прагматичной работой – размагничивание кораблей, борьбой с немецкими магнитными минами. А с 1942 года начали думать о том, как организовать эту работу. Была сформулирована так называемая урановая проблема. Это по сути дела наша национальная программа создания ядерного оружия. Во главе ее был поставлен Игорь Васильевич Курчатов. Организационно это называлось Лабораторией измерительных приборов Академии наук, потому что ничего другого у нас не было. И вот на территории, теперешней территории курчатовского института, это раньше была окраина Москвы за окружной железной дорогой, начались эксперименты.

Москва. Киногруппа у Курчатовского института

Саров. Здание первого атомного реактора

Дом-музей И. Курчатова

Андрей Сахаров и Игорь Курчатов

Академик Жорес Алферов:

Ведь когда Ганн и Штрасман открыли деление урана, это конец 38-го года, наступило всеобщее возбуждение во всем мире. Еще не напал Гитлер

на Польшу, еще не было Второй мировой войны, но уже к войне все шло, но уже стало ясно, что это, с одной стороны, источник энергии, а с другой стороны, это бомба. Поэтому все взволновались на эту тему и работ стало публиковаться очень много. Открытие Флерова и Петержака спонтанного деления урана послали, по-моему, чуть ли не телеграммой в «Физлеб летерс» их работу. В это время, пока еще не наступило эпохи секретности в ядерной физике и, несмотря на то, что где-то с начала 30-х годов международное сотрудничество у нас упало, тем не менее советская физика была отрядом мирового научного сообщества, и активно очень. Мы, конечно, понесли огромный урон, это разгром Харьковского физтеха, где ядерная физика очень успешно развивалась. Там работал такой замечательный немецкий физик Фрикс Холтерманс, человек с трагической судьбой, который, кстати, предвидел и создание лазера, и даже водородной бомбы. Мы его арестовали, а потом передали в гестапо, и Харьковский физтех был разгромлен, от него просто ничего не осталось. Ландау спасся, потому что Капица забрал его в Москву. И это был удар по нашей ядерной физике. Школа ядерной физики в Советском Союзе была уже очень сильная. И, безусловно, не зря основной вклад в создание атомного оружия внесли бывшие сотрудники ленинградского физтеха. Из шести трижды героев Социалистического Труда, получивших эти звезды за создание ядерного или термоядерного оружия, пять – питомцы Ленинградского физико-технического института. И только Андрей Дмитриевич Сахаров, питомец ФИАНа, шестой. В этом, как говорится, видна роль и школа Абрама Федоровича Иоффе, который сам не занимался ядерной физикой. Но он на очень ранней стадии оценил значение этих исследований. Отдел ядерных исследований в физико-техническом институте Абрамом Федоровичем был создан в тридцать втором году. И он назначил себя руководителем, а Курчатова первым заместителем. Руководителем он назначил себя, чтобы придать этим работам соответствующий масштаб в институте, а затем отошел в сторону. Игорь Васильевич ведь до этого тоже не занимался ядерной физикой. Он уже сделал себе имя в физике благодаря открытию сегнетоэлектричества и написал книгу, которая имела большую популярность и вес, а было ему всего двадцать девять лет. Но он возбудился этим делом очень. Ведь Манхэттенский проект и наш советский атомный проект, это не только физика. Это создание новых технологий и создание новых отраслей промышленности.

Когда Игорь Курчатов познакомился с донесениями советской разведки, он написал о них такой отзыв:

Получение этого материала имеет громадное, неопределимое значение для нашей науки.

Оценка Курчатова означала не только признание работы Владимира Барковского и его товарищей. Разведчикам придется еще интенсивней заняться атомной тематикой, расширяя агентурный круг. Сегодня трудно представить, но многие западные ученые охотно и безвозмездно шли на сотрудничество с советской разведкой.

Из донесения Владимира Барковского в Центр:

Источник работает с нами охотно, но отвергает малейшие намеки на материальную помощь. Он попросил нас раз и навсегда отказаться от побуждений подобного рода.

Академик Жорес Алферов рассказал нам:

В это время еще идейная сторона была жива среди многих представителей творческой интеллигенции, и не только творческой интеллигенции. И Клаус Фукс передавал СССР атомные секреты, поскольку Клаус Фукс был немецкий коммунист, он эмигрировал из фашистской Германии в Великобританию, а потом переехал работать в Соединенные Штаты Америки, и для него это был патриотический долг. Он считал, что нельзя допускать монополии американской в ядерном оружии.

Клаус Фукс – известный немецкий физик. В 1933 году эмигрировал в Англию, с 1941-го работал на советскую разведку. Два года был в США в Лос-Аламосе по приглашению Оппенгеймера. В 1950-м его вычислили английские спецслужбы, он был осужден на четырнадцать лет за шпионаж, но вышел на свободу, отсидев девять. Уехал в ГДР, где возглавил Институт ядерной физики. По своим убеждениям он был коммунистом. Но дело было не только в левых взглядах.

Ученые-физики лучше других понимали, какой чудовищной силой будет наделено создаваемое ими ядерное оружие. Оно предназначено не для поля боя, а для массового уничтожения. Если атомная бомба окажется только у одной страны, что сможет удержать ее от соблазна проявить свое могущество? И тогда неизбежны миллионы невинных жертв.

Ученый-физик Клаус Фукс после ареста

Ученые, в отличие от разведчика Барковского, не проходили спецпредметов, преподаваемых в разведшколах. Они не умели обнаруживать слежку и скрываться от погони, не владели правилами конспирации. А главное их отличие от большинства советских разведчиков, которые находились под дипломатическим прикрытием, в том, что они реально рисковали свободой и жизнью. Эти бескорыстные отважные люди вызывали и вызывают глубочайшее уваже-

ние. Так, Владимир Барковский в разговорах много лет спустя называл их не «агентами» или «источниками», а – друзьями.

Ученик Владимира Барковского, ветеран Службы внешней разведки Анатолий Максимов, рассказал нам:

Он говорил – «друзья», «святые люди». Это высокая степень оценки того источника, который жертвует очень многим. Разведчик меньше жертвует собой, чем источник. И отношение Владимира Борисовича Барковского к источникам своим, когда он находился в Лондоне (а он практически находился на фронте, постоянные бомбежки), – он говорил, я обязан, я же помню, что я военный, мне деваться некуда, я должен пойти навстречу. А почему они во время налета не отсиживались в бомбоубежищах, а шли, рисковали, и были случаи, когда один из источников даже был серьезно ранен. Поэтому они были люди долга, а люди долга уже святые.

С Владимиром Борисовичем у меня произошла первая близкая встреча, это связано было с тем, что однажды в коридоре разговор зашел у нас о Розенбергах, и он услышал это и, видимо, выбрал меня как самого молодого и неопытного, зазвал к себе в кабинет и вначале строго, а потом очень серьезно объяснил, почему эти люди святые.

Он читал лекции у нас в Краснознаменном институте (ныне Академия внешней разведки) по самой главной теме, возглавлял секцию на кафедре основной нашей дисциплины, непосредственно которая была связана с работой с источниками. И он в своих лекциях обязательно затрагивал вопрос о взаимоотношении, об отношении к источнику, о взаимоотношениях источника с разведчиком, взаимоотношениях разведчиков между собой, потому что возникали и конфликтные ситуации по разным причинам. Вот эта триада взаимоотношений – она была в поле его зрения. Написал он этику разведывательной деятельности, я не могу говорить, как там написано, потому что это закрытая тематика, но суть, которую я уловил из всего того, что он передал мне – в частности, высочайшее доверие и между источником и разведчиком, и доверие величайшее разведчиков между собой. Потому что руководитель видит все глазами разведчика, который эту работу делает. А раз он видит глазами разведчика, то доверие должно быть самое высочайшее. И он приводит примеры, как его Горский Анатолий обучал, когда он допустил ошибку, но честно доложил, а мог бы скрыть. Но мысли не возникло такой. Горский оценил, не просто оценил, а он сказал: конечно, я в Москву не буду писать, это первый такой промах, но то, что ты доложил, это укрепляет наши отношения. Наша задача найти отношения, устроить отношения с любыми, с самыми невероятными людьми, с характерами и тому прочее.

Тонкостями взаимоотношений разведчика и его источников поделился с нами также ветеран Службы внешней разведки Виталий Коротков:

Для того чтобы установить контакт, нужно достаточно хорошо понимать другого человека, его интересы, его увлечения. И если сможешь так сыграть свою роль, что он увидит в тебе человека близкого ему по интересам, по духу, он захочет с тобой встретиться второй раз, третий раз. Поделиться с тобой своими интересами, ты с ним своими. При каждом практически контакте ты ищешь то, что может этого человека заинтересовать. Чем ты можешь привлечь его к себе. Без этого развить контакт невозможно, тем более что если ты работаешь с позиции прикрытия. Это может быть для твоего

контакта на территории какой-то страны не то, что опасно, но многие подходят предвзято к контактам с иностранцами, с гражданами другой страны, тем более социалистической на Западе.

Естественно, ты в первую очередь должен думать о том, как бы этого источника, этого человека сохранить подольше. Как расширить его возможности, чтобы он мог больше давать для нас информации, более интересной секретной информации. И, естественно, ты стремишься делать все для того, чтобы обезопасить этот контакт с ним, эту связь с ним. Обезопасить его жизнь и жизнь его семьи. И, наверно, люди это понимают, чувствуют это. Ты стараешься ему помочь не только в этом. Ты стараешься убедить его в том, что интересы твоей страны и геополитика, они... совпадают с задачами сохранения мира и добрых отношений между вашими странами. Ну, и постоянно идет, это нельзя назвать воспитательной работой. Но по сути своей это воспитание. Укрепление этого человека в его позициях, стремлении помочь не только тебе. Надо стараться перевести даже чисто материальные отношения на идеологическую близость, на политическую близость, это очень важно. Это одна из задач разведчика. Это тоже сближает людей. Может, не очень часто, но это иногда перерастает в настоящую дружбу, в настоящие дружеские отношения. Я в работе со всеми своими контактами и со своими знакомыми старался держать себя так, чтобы во мне видели интересного человека, с которым интересно, и нужно даже поддерживать контакт. И многие мои контакты переросли в тесные дружеские отношения, которые продолжались десятки лет.

Один из главных источников Владимира Барковского по атомным секретам был британский физик, имя которого до сих пор не раскрыто. Он добывал материалы, не только касающиеся его тематики, но и документы из сейфов своих коллег и начальников. Для этого ученый сделал отпечатки ключей и принес их Барковскому. Однако изготовить ключи в Лондоне не так просто. Заказать в городской мастерской рискованно. Посылать отпечатки в Москву – терять бесценное время. Но Барковский нашел выход. В свое время, до службы в разведке, он три года работал на заводе и стал слесарем шестого разряда. Разведчик собственноручно вырезал дубликаты ключей. И они идеально подошли к сейфам. Друг Барковского продолжал поставлять ценнейшие материалы даже тогда, когда в 1943 году основной центр ядерных исследований переместился в Соединенные Штаты.

Американский Манхэттенский проект был окружен невиданной доселе завесой секретности. Ученые заперты под охраной в закрытых атомных объектах, расположенных в пустынной местности. Проникнуть в них советским разведчикам было практически невозможно. Каждый отдел исследователей занимался только своей проблематикой, не зная, что делают соседи. Из 150 000 сотрудников Манхэттенского проекта полной информацией о нем владели лишь человек десять-двенадцать. Об атомных разработках не знали даже в Объединенном комитете начальников штабов и Госдепартаменте США. Однако советская разведка получала обширные и подробные сведения из первых рук. И по сей день нам неизвестны все имена тех, кто сотрудничал с НКВД. Только часть из них была раскрыта американской и британской контрразведками, некоторые поплатились свободой и даже жизнью за выдачу ядерных секретов. Были и те, кто остался нерасшифрованным, например источник в Лондоне, работавший с Владимиром Барковским.

Разведчики обычно не рассчитывают на награды и общественное признание. Но порою бывают исключения. 15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны звание Героя России было присвоено разведчикам-атомщикам Леониду Квасникову, Анатолию Яцкову, Леонтине Коэн, Алек-

сандру Феклисову и Владимиру Барковскому. Годом раньше это же звание было присвоено их коллеге Морису Коэну.

Владимир Барковский очень любил американскую и британскую музыку времен своей молодости. Будучи уже пожилым человеком, вечерами ставил старые пластинки, привезенные во множестве из командировок, и подолгу их слушал. Возможно, Владимир Барковский вспоминал в эти минуты своих далеких друзей, которые, рискуя жизнью, служили идее атомного паритета.

На пороге атомной эры

Весной 1945 года кажется, что советский атомный проект почти не отстает от американского. Ученые получают подробные сведения о зарубежных исследованиях, также ставят опыты, ищут пути решения проблем. Сколько могут продолжаться эти поиски, неясно, да это и не так важно. Война заканчивается Великой Победой.

В США в это время уже готовятся к первым испытаниям атомной бомбы. Одновременно в Германии работает секретная американская миссия «Алсос». Двигаясь с наступающими англо-американскими войсками, группа разведчиков и ученых разыскивает следы немецкого атомного проекта.

В апреле 1945 года в немецком городке Эхинген оказывается отряд американского ядерного спецназа, они ищут главного специалиста по атомному немецкому проекту Гейзенберга, но Гейзенберга дома нет. За два дня до прихода американцев он на велосипеде уехал в Баварию. Документы немецкой ядерной программы запакованы в бидон, а бидон спущен в отхожую яму около дома профессора. Американцы роются в дерьме, находят бидон, и оказывается, что их усилия и неприятный труд приносят успех – главные секреты ядерной программы Германии в руках американцев.

Атомные секреты рейха для американцев уже не имеют значения. Они ушли куда дальше немцев и почти уже сделали свою бомбу. Главная задача миссии «Алсос» – не допустить, чтобы эти секреты достались Советскому Союзу. Любой ценой нужно сохранить монополию на атомное оружие. Американцы уничтожают немецкие лаборатории и заводы, вывозят ядерное сырье и ученых. Немецких физиков прячут на военной базе под Лондоном.

Известный немецкий историк, автор книги «Бомба Гитлера», Райнер Карлш рассказал нам:

Ни один великий немецкий физик не попал в Америку. Они были в британском поместье, где были британские секретные службы. Их отвезли в это поместье, чтобы они не попали в руки к советским или французским войскам. В число этих ученых входил и Айзенберг, один из самых известных знаменитых немецких физиков, который тоже занимался ураном, и некоторые другие. Они не поехали в США, их туда не отвезли, в них там не было нужды. Там не доверяли этим немецким ученым. Они хотели только воспрепятствовать тому, чтобы те оказались в руках у других союзников. Американский военный представитель для американского атомного проекта генерал Лесли Гровс хотел даже завести судебный процесс против этих ученых, чтобы их изолировали, чтобы они на как можно больший срок исчезли из поля зрения.

Из записки Генри Ловенхаупта, советника научного отдела внешней разведки США:

Мы молниеносно захватили ученых и материалы не только из своих оккупационных зон, но и из зон, отходивших по договоренности Франции и СССР, впереди наступающих армий. Разбомбили с воздуха завод компании Ауэр в будущей советской зоне, производивший металлический уран.

Но, как ни старались американцы, кое-что досталось и русским. 23 марта 1945 года на совещании в кабинете Сталина Лаврентий Берия выступает с инициативой, чтобы специальные отряды «отправились в Германию на поиски новинок немецкой научной технологии и ее создателей». В Германию едет половина курчатовской лаборатории, сорок ученых, переодетых в офицерскую форму. Среди них крупнейшие советские ядерные физики: Кикоин, Харитон,

Флеров, Зильдович. Они должны отыскать немецких ядерщиков, за которыми по пятам идут американцы.

Американские аналитики уверены: немецкие ученые и конструкторы – главная угроза монополии США на атомное оружие. Без посторонней помощи русские смогут сделать атомную бомбу очень нескоро, лет через десять-пятнадцать. Страна разорена войной, техническое отставание от Запада огромное. Множество талантливых советских ученых стали жертвами репрессий.

Из записки Генри Ловенхаупта, советника научного отдела внешней разведки США:

Американская метла не домела всех ученых-ядерщиков. Важные немецкие спецы попали в СССР. Перед американской и британской разведкой встали задачи проследить за начинающимся советским атомным проектом.

Из немецких лабораторий в Советский Союз вывозили все: приборы, оборудование, станки, переключатели, провода – все до последней гайки. И главное, что нужно было вывезти, – это даже не инструменты, а тех, кто умел на них работать, то есть участников немецкого ядерного проекта. И тогда на стенах берлинских домов появляются объявления: «Все мужчины должны явиться на разборку разрушенных домов и захоронение трупов. Освобождение получают только те, у кого есть ученые степени и кто зарегистрировался в комендатуре». Так немецкие участники работ над созданием ядерного оружия оказываются в руках советских комендатур. Кого-то высылают на работы в Советский Союз насильно, но есть много таких, кто не против поработать на Востоке.

Когда советская делегация прибывает в лабораторию фон Ардене, крупнейшего изобретателя, ее члены неожиданно видят, что перед домом вывешен приветственный лозунг на русском языке «Добро пожаловать в Берлин!» Арденне выбирает советскую атомную программу. И так поступает не только он.

Авторы на съемках в Берлине

Вот что нам рассказал об этом профессор Клаус Тиссен, сын Петера Адольфа Тиссена, возглавлявшего Институт физической химии и электрохимии Общества Кайзера Вильгельма, одну из ведущих научных организаций атомного проекта нацистской Германии:

Немногие из ведущих известных ученых-естествоиспытателей решили остаться в Берлине. Самое позднее с конца февраля – начала марта 1945-го было каждому совершенно понятно, что Советский Союз, Красная армия займет весь Берлин. Большинство ученых хотели сбежать на Запад в будущие английские и американские зоны оккупации. Только Густав Герц, Фольмер, Бриль, мой отец – Петер Адольф Тиссен и Манфред фон Арденне решили остаться в Берлине и позднее работать на русских. Совершенно сознательно они договорились еще до окончания войны, перед взятием Берлина, что тот, с кем первым Красная армия установит контакт, тот поедет с упомянутыми другими и найдет всех остальных. К моему отцу случайно пришли первому. И таким образом, мой отец на танке и, как выяснилось позднее, с известным советским физиком-химиком из Москвы, который носил униформу самого главного, поехали в Лихтерфельде, в часть Берлина к Манфреду фон Арденне. И таким образом Манфред Арденне установил контакт с русскими офицерами и учеными, которые хотели по возможности привлечь немецких ведущих ученых и сотрудников института для работы в Советском Союзе. И подобным образом получилось с Польшманом и Герцем. Кстати, мой отец отправился в Москву только спустя месяцы, после того как уже существовали английская, американская и французская зоны оккупации в Берлине. Теоретически, так как существовала такая возможность, он мог отправиться в американскую зону оккупации. Мои родители и брат с сестрой жили в американской части 14 дней до отправления в Москву. Я был английским военнопленным и был к тому времени далеко.

Немецкие физики Манфред фон Арденне и Густав Герц, решившие работать на Советский Союз

Мой отец считал, что заниматься наукой в американской зоне оккупации было по-настоящему невозможно. Также ученые считали, что мы должны создать ядерное равновесие. Если одна сила или полюс этого поляризованного мира имеет атомную бомбу, тогда это может быть опасно для всего человечества. Если она есть у обеих сторон, то вероятность того, что она когда-либо будет применена, практически равна нулю. И это оказалось действительно так.

На принадлежность к нацистской партии НКВД не обращал никакого внимания. Им было совершенно все равно, был кто-то членом партии или нет. Они должны были заниматься наукой, а не политикой. Например, мой отец был членом нацистской партии, Герц, Арденне, Польшман не были членами нацистской партии, но таковыми были некоторые сотрудники институтов. На это никто не обращал никакого внимания.

Что касается моего отца, было совершенно понятно еще за 14 дней, перед тем как он должен был вылететь с коллегами и их семьями в Москву, было известно, что они вылетают вместе, почти все. Таким образом, мой отец послал одного из своих сотрудников на машине в английскую зону оккупации, где я тем временем был отпущен из английского плена с пропуском от генерала Горбатова (это был комендант советской оккупационной зоны в Берлине в октябре 1945 г.) с письмом, чтобы я мог приехать в Берлин в сопровождении. Англичане должны были меня пропустить.

Увидеться еще раз с теми, кто улетал в Москву. Или улететь вместе, или вернуться обратно в Вестфалию. У меня был выбор. И во второй половине октября мы вместе – моя семья, мои родители, мой брат, сестра и я – и многие сотрудники с семьями полетели в Москву на самолете «Дуглас». Мы провели в Москве прекрасно время в Опалихе, в доме отдыха. Тогда было очень много снега в октябре 1945 года. Все было заснежено, и нас очень вкусно кормили. До этого годами мы не получали нормальной еды, а тогда шоколад, сыр, колбасу. Это также было причиной, почему я поехал вместе с родителями.

Под руководством Молотова Советский атомный проект продвигается вяло. Недовольный неразворотливостью начальства, Курчатов все чаще обращается напрямую к Сталину. «Я для Сталина, – жалуется И. Курчатов, – как назойливая муха: не даю ему покоя своим мелочным жужжанием». Курчатов понимает: при Молотове атомный проект утонет в бюрократических проволочках. Ученый пишет критическое письмо Сталину и неожиданно получает

мощного союзника в лице Лаврентия Берии. Берия в атомном проекте видит шанс заняться большим важным делом, к чему, как мы знаем, он всегда был расположен.

Специальный комитет

24 июля 1945 года, в конце первой недели Потсдамской конференции, Трумэн отозвал Сталина для конфиденциального разговора. Черчилль наблюдал за этой парой, он знал, что Трумэн собирается рассказать генералиссимусу о том, что американцы взорвали первую атомную бомбу в штате Нью-Мексико. И Черчилль, и Трумэн заметили, что Сталин вообще никак не прореагировал. Он был настроен благодушно, сказал: «Ну, что ж, у вас появилось новое оружие, которое ускорит победу над Японией». Сталин заранее знал об американской атомной бомбе. Он постоянно думал об этой проблеме. Но он, что называется, умел держать лицо.

Еще до разговора с Трумэном об американских испытаниях атомной бомбы Сталину лично доложил Берия. Сталин пришел в ярость: «Почему они нас опередили? Когда у нас будет своя бомба?» Впрочем, тогда еще никто не представлял в полной мере всю мощь нового оружия и серьезность грядущей опасности.

Момент истины наступает 6 и 9 августа 1945 года, когда американские самолеты сбрасывают атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. В считанные минуты города превращаются в огненную пустыню, от людей рядом с эпицентром взрыва остаются лишь тени. С выживших в этом кошмаре лохмотьями сползает кожа. Через считанные недели многие мучительно умирают от лучевой болезни. Жертвы двух бомб исчисляются сотнями тысяч. Только тогда становится ясно, какое чудовищное оружие рождено в секретных лабораториях Манхэттенского проекта.

Физик-атомщик Вадим Дикарев рассказал нам:

Наше руководство и в лице Сталина недооценивало возможности этого оружия. Считалось, что эта бомба против там огромного количества танкового вооружения, она ничего не сделает. А когда спохватились, пришлось наверстывать.

Но народу было не очень много. Даже вот данные отдела кадров показывают, что до 45-го года недооценивали значение этих работ, потому что и народ не очень брали. Только потом стали принимать на работу. Это один из характерных показателей.

Академик Жорес Алферов поведал нам:

Наш советский атомный проект с февраля 1943 года, когда было принято первое решение и создана отдельная уже лаборатория номер два, и до августа 1945-го – это был некий эксперимент и поддержание оживления экспериментальных работ в этой области. Масштаб нашему советскому атомному проекту был дан 20 августа 1945 года. И стимулом для того, чтобы придать этот масштаб, были бомбежки Хиросимы. Аламагордо еще ладно, испытания. Когда взорвали бомбу в Хиросиме, Сталин понял, что все, за что боролась страна, и все плоды великой победы уйдут и страна окажется в мировом масштабе на обочине, и ничего из плодов победы нам не достанется, и что атомное оружие – это уже не только огромное оружие, это огромное политическое оружие, и мы окажемся на обочине. И тогда понадобилось всего 14 дней, с 6 по 20 августа, чтобы подготовить известное постановление ГКО о создании спецкомитета, где председателем был определен Лаврентий Павлович, до этого работами руководил Молотов. В спецкомитет вошел Курчатов, вошел сначала и Капица. И этим людям Сталин сказал, средств жалеть не нужно, это первостепенная задача.

Известный писатель и ученый-физик Арсений Березин так объяснил нам, почему именно Лаврентий Берия оказался во главе Спецкомитета:

Как бы то ни было, но мы жили в полицейском государстве, это могло быть хорошее полицейское государство или плохое полицейское государство, но это было четкое полицейское государство со всеми его атрибутами. И, может быть, самое развитое, самое совершенное полицейское государство последних столетий. В полицейском государстве большие государственные проблемы решались также полицейскими методами. Та структура, которая была сделана, осуществлена, она явилась совершенно оптимальной для решения задачи атомного оружия. Если бы мы предоставили ученым самим решать эту проблему! Дали бы, скажем, Капице, который фигурировал в качестве одного из руководителей потенциальных, или Алиханову или еще кому-нибудь, Абраму Федоровичу Иоффе, может быть, эту проблему. Эта проблема была бы либо никогда не решена, либо решалась бы в течение долгих десятилетий. Академия наук была не способна это все поднять, они могли бы провести какие-то исследования, решения, но у Академии наук не хватало ни политической, ни государственной, ни экономической возможности, ни воли, и она ничего бы не сделала. Были бы какие-то такие подходы, решения, рекомендации, дальше которых ничего бы не случилось. Нужна была мощная организующая воля. Кто имел этот опыт?

Конечно, НКВД имел этот опыт, потому что они строили и Беломорканал, с этого они, собственно говоря, начали, эти гигантские стройки коммунизма, и Волго-Донской канал, и все эти ГЭС были построены под руководством НКВД. Норильский комбинат тот же самый, и все это было построено в довольно быстрые сроки. Я не говорю о тех жертвах, о тех потерях, которые были тогда понесены народом, но это все было сделано достаточно организованно, достаточно быстро по срокам. И Лаврентий Берия все эти вопросы хорошо знал и умел этим всем управлять. Руководство настаивало на том, что бомба должна быть построена в самые кратчайшие сроки и в этом есть свой резон, потому что все прекрасно помнили, весь народ и даже молодые люди, моего возраста, мы все находились под стрессом этих воспоминаний, военных воспоминаний. Где бы мы ни были, на фронте, за линией фронта, в городах, в Москве, в Ленинграде, мы все ощущали этот позор, этот ужас, эту невероятную злобу беспомощности, когда на нас бросали бомбы, когда нас бомбили в поездах, когда мы были абсолютно беспомощны. Мы ощущали эту жуткую ненависть по отношению к тем, кто кидал на нас бомбы, и злобу по отношению к тем, кто не мог нас защитить.

Мы оказались позорно преданными и беспомощными, несмотря на все эти бравадные песни «Если завтра война» и «Наш бронепоезд стоит на запасном пути», а где он стоит – никто не знал, потому что его не было и наши «сталинские соколы» не реяли вверху, и мы остались совершенно беспомощными. Второй раз этого было бы уже не перенести в национальном масштабе. И это чувство, оно оказалось гораздо сильнее любых других ощущений. Это чувство, оно всех как-то охватывало и все ощущали это по-разному, но каждый довольно сильно на своем уровне.

И поэтому когда возникла такая проблема, то не надо было особенных усилий со стороны военного аппарата или полицейского аппарата давить на людей, на их психику, потому что это уже было внутри. И полицейский аппарат, в частности, вся та структура, которая была организована или

поручена Берии, они, наоборот, как-то пытались себя слегка адаптировать к этой новой реальности, потому что перед ними были ни зэки, ни армия заключенных, где каждый был бессловесный и каждый был взаимозаменяемый.

Это была группа людей, каждый из которых представлял собой совершенно уникальную ценность интеллектуальную, и с ними надо было как-то по-другому обращаться. И как ученые адаптировали себя к этому полицейскому аппарату, так и полицейский аппарат пытался адаптировать себя тоже. В процессе этого взаимодействия ученые научились общаться с государственной машиной, а государственная машина, подавляя свои стремления подавлять и брать за горло, научилась обращаться более вежливо, более деликатно и более уважительно к ученому сословию.

Надо сказать, что, конечно, первым, кто был в этом направлении нашим знаменем, нашим в смысле всего научного сообщества, это был Капица, который сделал совершенно невозможное. Когда Берия захотел с ним встретиться и позвал Капицу к себе, то Капица сказал «нет, если я вам нужен, то приезжайте ко мне», и Берия сам приехал к Капице. Этого никто не мог бы себе позволить в то время, это мог только Петр Леонидович. Такой пример, который вдохновил остальных, что с ними, оказывается, можно разговаривать, с ними, оказывается, можно настаивать на своих решениях и доказывать свою правоту. И, скажем, Курчатову запрещалось беседовать с государственными чиновниками, даже высшего ранга, например, с министром финансов, ему говорилось, что его время слишком драгоценно для того, чтобы он куда-то ездил там, в министерство, что-то там выколачивал. Министры должны приезжать по первому слову Курчатова.

И как-то министр Гарбузов, тогда всесильный министр финансов, просидел, Курчатова где-то около часа ожидая, пока его Курчатов примет, и спрашивал, а кто же у него такой находится, что он, министр, высший финансовый деятель государства, должен его ожидать. Ему сказали, там у него аспирант сидит. Какой еще аспирант? Ну, говорят, у него бывший аспирант, это Сахаров у него сидит, и они обсуждают важную проблему. Это была такая новая реальность, с которой столкнулся государственный аппарат, когда нужно было где-то отступить и нужно было где-то подавить в себе начальственный рык и адаптировать себя по отношению к ученым.

Однако взаимоотношения начальников и ученых не всегда складываются гладко. Далеко не все в восторге от администрирования Берии и других высоких начальников. 3 октября 1945 года великий физик Петр Леонидович Капица пишет Сталину письмо, в котором просит позволить ему выйти из атомного проекта из-за «недопустимого» отношения Берии к ученым. Сталин на письмо не отвечает. Капица снова пишет Сталину 25 ноября 45 года:

Товарищи Берия, Маленков и Вознесенский – ведут себя в Спецкомитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипач дает тон всему оркестру. У товарища Берии основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо... Берии... нужно работать, а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле – это не значит руководить проблемой... У меня с Берией совсем ничего не получается. Его отношение к ученым мне совсем не по нутру. Быть слепым

исполнителем я не могу, так как я уже вырос из этого положения. Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему все это сказал, да увидеться с ним очень хлопотно.

В результате осенью 1945 года Капицу отстраняют от атомного проекта.

Академик Жорес Алферов:

Капица не смог сработаться с Берией. Я, вообще говоря, очень высоко ценю Петра Леонидовича Капицу. Капица у нас патриарх, и это человек необычайной смелости личной, человеческой, и он же писал Сталину, почему он отказывается работать в Спецкомитете, потому что дирижер должен знать, по крайней мере, ноты, а как Берия может дирижировать, если ничего не знает в физике? Но нужно понимать следующую вещь. Во-первых, Петр Леонидович не был знаком с разведанными и не знал, что мы уже в целом знали о бомбе. Во-вторых, Петр Леонидович никогда не занимался ядерной физикой, он считал, что нам нужно развивать свой проект, идти своей дорогой, но он не знал этой дороги. Поэтому апеллируя к его же словам, что дирижер должен знать ноты, в том, что касается ядерной физики, ноты тот же Курчатов знал гораздо лучше Капицы. Капица уже не был очень молодым, ему уже было пятьдесят лет, а Курчатов на девять лет его моложе. Игорь Васильевич уже с 32-го года только о ядерной физике и думал, это было его.

Как рассказывают, в 1946 году Берия просил у Сталина разрешение на арест Капицы, но Сталин отказал: «Я его тебе сниму, но ты его не трогай». Капицу в августе 1946-го действительно сняли с поста директора института. Началась опала Петра Леонидовича, которая продлилась девять лет. Он переселился на свою академическую дачу на Николиной Горе, там организовал свою домашнюю лабораторию и продолжал заниматься наукой. Вместо него директором «Капичника» решили назначить академика Анатолия Александрова. Он оказался в непростом положении.

Вот что нам рассказал об этом племянник академика А. П. Александрова Евгений Александров:

Когда Александров переехал в Москву, Анатолий Петрович, то как раз в это время решался вопрос о руководстве уранового проекта и был снят Капица, в результате постоянного противостояния с Берией; говорят, не выражал Берии достаточно почтения. Его там довольно мягко устранили, и институт физических проблем остался без директора. И вот тогда Анатолия Петровича было решено сделать директором этого института. Это привело к такой фронде академии наук, которая очень почитала Капицу, и считалось, что никто не может сесть на его место, что он должен демонстрировать бойкот этому решению. А Анатолий Петрович прекрасно знал, с кем имеет дело, и ни о каком бойкоте речи не шло, было ясно, что кончится очень просто. Тем более что он знал за собой такие грехи, что не до шуток. К слову, он довольно быстро согласился, хотя по этому поводу имеются всякие легенды, что он якобы пришел на прием к Берии сильно пьяным. И объяснил, что он не может брать на себя директорство, потому что он вообще-то алкоголик и мало ли что разболтает. Берия ему не поверил, обнюхал его и сказал, что в следующий раз, когда будете поливаться водкой, действуйте аккуратнее.

Дядя подтверждал это, он всегда это рассказывал, но я просто слышал разные варианты, и какая история из них является совсем истинной – сказать сейчас трудно. Дядя не говорил, что он поливал себя водкой. Он говорил,

что тяпнул и пришел на прием и стал отказываться, потому что ему, конечно, и не хотелось этого делать и он становился руководителем института вполне незнакомой ему тематики, но это было руководящее партийное назначение.

Словом, он был назначен на директорство этого института и попал в опалу со стороны старых академиков, которые считали, что он предал солидарность академическую. Ну, потом это постепенно рассосалось. И вот когда он попал в руководство этого института, то он в основном стал продолжать просто то, чем занимался институт. В частности, институт давно занимался тем, чтобы получить тяжелый водород за счет перегонки жидкого обычного водорода, в котором тяжелый водород всегда присутствует в качестве небольшой примеси. Капица построил завод, и этот завод взорвался со страшной силой с большими жертвами. Все эти заводы строились, конечно, за Уралом, кто там работал – можно только догадываться, но так или иначе первым делом Анатолий Петрович стал заниматься разбирательством, почему произошел этот взрыв. И они довольно быстро докопались, в чем дело. Речь шла о том, что водород нужно дополнительно очень сильно чистить от примесей кислорода, потому что этот кислород в процессе сжижения водорода нарастал ледяными такими наледями. Эти наледи трескались и при этом возникала искра, и там водород с кислородом давали ужасную взрывчатую смесь. Словом, они это все разобрали и предложили новый проект строительства завода. И вот проект этого завода поступил на стол к Берии. И Анатолия Петровича тогда пригласили. Но Берия вел себя всегда крайне надменно, он ни с кем не разговаривал, там были отдельные столы, где сидело и начальство, и сидели приглашенные. Анатолий Петрович сидел среди приглашенных. Берия читал эти бумаги и говорил: вот Александров собирается строить завод, а Александров знает, что предыдущий завод взорвался? За него начальник отвечает: да, знает. И Александров знает, что если завод взорвется, то он пойдет туда, куда Макар телят гоняет? Тогда Александров со своего места говорит – да, знает. Александров своей подписи не снимает. Не снимает? Строить. Подписано Берией, на этом все кончалось, вся экспертиза.

Я помню, что в дальнейшем дядя даже с некоторым восхищением описывал эту историю. Хотя он прекрасно знал, каким злодеем был Берия, но такая способность принимать решения, которая ставит под топор всех участников и заставляет их быть абсолютно ответственными в этот момент, ему казалась очень хорошей, потому что в дальнейшем были безумные долгие согласования, которые, как правило, мало к чему приводили.

Я помню, мне еще рассказывали такую историю. Берия приехал на какой-то из заводов уральских. Его принимает директор на гнущихся ногах, берет у него пальто. И говорит: «Позвольте, Лаврентий Палыч, я вас повешу. Тот говорит: дурак, я тебя сам повешу!»

Помимо Л. П. Берии в состав Специального комитета при ГОКО СССР вошли Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, В. А. Махнев, М. Г. Первухин. Берия тут же придает работам над атомным проектам американский размах. Если в начале 1945 года в Курчатовской лаборатории работало около сотни человек, включая водителей, техников и машинисток, то в конце года атомный проект превращается в гигантский наркомат, где заняты десятки тысяч людей.

Еще более активизируется разведка. Игорь Курчатов был очень талантливым физиком, но коллеги недоумевали, когда в 1945–1946 годах он начал работать так, как шесть лауреатов

Нобелевской премии одновременно: они только подумают, а у него уже есть решение. А все дело в том, что Курчатов единственный читал все донесения советской научно-технической разведки.

Племянник академика А. П. Александрова Евгений Александров рассказал нам:

Наши люди делали атомную бомбу исключительно по калькам американского проекта. Более того, как только они пытались отклониться, они были творческие люди и постоянно придумывали что-то лучше, их категорически пресекал на этом Берия и вообще вся эта верхушка руководящая. Это был, несомненно, приказ Сталина. Никакой самостоятельности. Как сказано, так и делать. И Корнфельд рассказывал такой любопытный эпизод. Дело в том, что читать эти донесения разведки, донесения Фукса и всей Кембриджской пятерки, поначалу давали только Курчатову, а потом он выхлопотал разрешение еще кому-то из своих сотрудников, просто он не справлялся с этим чтением. Будь он и семи пядей во лбу, разбираться в этой инженерной и научной кухне было чрезвычайно трудно. Поэтому у него была очень странная такая миссия, он должен был все это прочитать, а потом ставить задачи перед своими людьми, при этом он выступал как такой вот пророк Саваоф, который знает, куда надо вести. И это его, в общем, не радовало, он был человеком, насколько я понимаю, честным, правдивым и очень преданным делу.

И вот Корнфельд рассказывал, что он как-то принес ему график зависимости сечения поглощения нейтронами какого-то конструктивного материала. Я не помню, о чем тогда шла речь, то ли о боре как замедлителе, или о кадмии, а может, это цирконий был. Приносят готовый график Курчатову, Курчатов смотрит и говорит: что-то мне не нравится этот график, проверьте вот эту часть, как-то не так, по-моему, должно это идти. Значит, идут, проверяют все это, тяжелая работа, через два дня снова приносят график. Тот опять хмурится, а потом прижимает палец к губам и без звука ведет его в комнату за своим кабинетом. Такая подсобочка, где у него чай пьют и там же у него сейф. Открывает этот сейф, достает график, показывает ему, давая понять, что не просто знает, а точно знает. По-моему, это прекрасно характеризует Курчатова как человека.

Однако, несмотря на высшую степень секретности, тайны неисповедимым образом просачиваются за заборы секретных объектов. Например, в пивнушки по соседству с московским Физтехом.

Евгений Александров поведал нам:

Я приходил в десятилетнем возрасте вынимать отца из пивной. И вот мы сидим с отцом, и вдруг раздается громкий гонг в соседнем корпусе Физтеха, один из забулдыг ставит кружку и говорит: «Это чего?», а другой говорит: «Да, это нам заключенные атомные бомбы делают за забором». Это при всей бешеной секретности. Отец страшно смеялся, потому что забулдыга был недалек от истины.

Роль разведки в советском атомном проекте была чрезвычайно высока. Документы, чертежи, полученные из-за рубежа, ускорили и удешевили работы. Но бомбу предстояло создать не только на бумаге. Академик Жорес Алферов рассказал нам:

Манхэттенский проект и наш советский атомный проект, это не только физика. Это создание новых технологий и создание новых отраслей промышленности.

И когда у нас стали говорить на эту тему, ах, без разведки ничего бы не было и наши просто все скопировали и все прочее, я привожу обычно такой пример, который показывает, вообще говоря, и возможности нашей физики, и возможности государства. В 1942 году впереди всех в атомных исследованиях была Великобритания, но поскольку война и ее территория просто бомбится немцами, то Черчилль с Рузвельтом договорились, что британские ученые, большая группа, в том числе такие выдающиеся физики, как Паэлс, Фриш, Олифант, Фукс, переехали в Соединенные Штаты Америки и участвовали в Манхэттенском проекте практически на всех основных его участках. И они к 1946 году, когда уже были испытания в Аламагордо, и бомбежка Хиросимы, и бомбежка Нагасаки, располагали всеми данными. В 1946 году американцы их выдворили обратно в Великобританию, вы нам больше не нужны. В 1947-м британское правительство приняло решение, что нужно иметь свою атомную бомбу, и работам по британскому атомному проекту был придан соответствующий гигантский размах с соответствующим финансированием. У нас это случилось в 1945 году, потому что шла война, возможности крайне ограниченные. И вот с 20 августа 1945 года, а первые испытания были 29 августа 1949-го, за четыре года мы практически решили все научно-технические проблемы и создали новую современную отрасль промышленности. Четыре года. Британское правительство приняло решение в 47 году придать такой же гигантский масштаб. Они знали все. Девятнадцать ведущих физиков Великобритании, вернувшихся в Великобританию, знали о Манхэттенском проекте гораздо больше, чем то, что мы получили от Фукса и от разведчиков. Располагая полной информацией, Великобритании потребовалось пять лет (испытания британской атомной бомбы случились в 1952 году), чтоб пройти эту дорогу. Так что здесь очень много факторов.

Спецкомитет наделен чрезвычайными полномочиями. Но и задача перед ним сложнейшая: в кратчайшие сроки создать в обескровленной войной стране новые, несуществующие отрасли промышленности, добыть урановое сырье и мобилизовать весь научно-технический потенциал страны.

Академик Жорес Алферов:

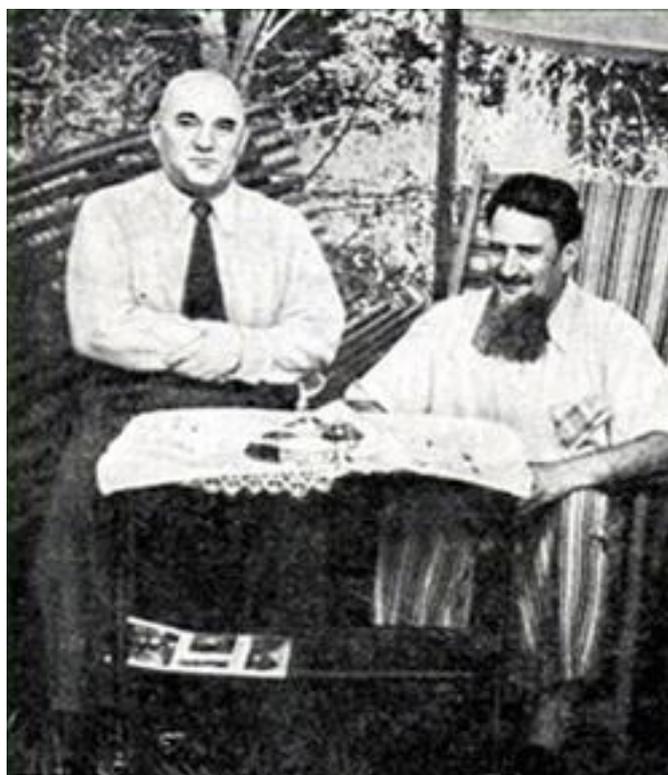
Нужно было сделать все, простите. Нужно было разработать методы разделения изотопов урана 235. Не думали тогда о газодиффузионном методе, из разведки узнали и пошли по нему, притормозив предложенный немецким физиком, работавшим у нас еще до войны, Ланге, центрифужный метод. А потом Кикоин, которого сначала бросили на газовую диффузию, Кикоин потом центрифужный метод развил так, что кикоинские центрифуги – это образец вообще современного производства для разделения изотопов, уже не только урана и многих других. Нужно было построить реактор, нужно было выполнить огромный объем химических исследований, нужно было изучить свойства плутония, который получали в микрограммах на циклотроне. Это были блестящие люди по уровню, по классу, как физики, физхимики. В Питере огромный вклад в бомбу внес Радиевый институт, это Ратнер, Старик и Никитин. В Комарово есть три атомные дачи, подаренные им за бомбу. А директору Хлопину, у него была уже дача в Комарово, ему подарили на

Каменном острове дом для этого дела. Эти люди, они были и патриоты, и высочайшего класса квалифицированные люди, и, вместе с тем, приносили во всю работу элементы порядочности и научного сотрудничества.

Через несколько дней после создания Специального комитета при ГОКО СССР организуется Первое главное управление при СНК СССР (ПГУ). В его составе – крупные руководители промышленности и НКВД. Все работы ПГУ контролирует Спецкомитет. ПГУ – прадед современного Минатома. Во главе ПГУ ставится Борис Ванников.

Академик Жорес Алферов:

Еще не забывайте про Бориса Львовича Ванникова, заместителем Курчатова был Ванников, а Ванников это человек, это инженер, окончивший Бауманку, но он был нарком боеприпасов в войну. Известная история, он был до Устинова наркомом вооружения, Устинов его сменил, а Ванникова посадили. А потом Сталину потребовался для чего-то Ванников, он попросил, чтоб его доставили. И Ванникова с Лубянки привезли в ватнике. Сталин сказал: вы что это так, товарищ Ванников, выглядите? А он говорит, я из тюрьмы. И Сталин будто бы сказал – нашел время сидеть, дурак. И Борис Львович Ванников, он был инженер, он руководитель был, нарком вооружения, нарком боеприпасов. В войну наркомат боеприпасов курировал Берия, все производство боеприпасов. И он знал тогда Ванникова хорошо, как организовавшего все производство боеприпасов в стране во время войны, и он его и привлек. И Ванников, конечно, они с Курчатовым очень быстро подружились. С Лаврентий Палычем были другие отношения, а с Ванниковым это были настоящие друзья, которые все обсуждали и делали. И опыт Ванникова взаимодействия с начальством был гораздо богаче, чем опыт Игорь Васильевича.

Борис Ванников и Игорь Курчатов

Атомный проект теперь не только дело ученых Лаборатории № 2. В разных точках страны создаются закрытые города, строятся промышленные гиганты, разворачиваются масштабные поиски урановых месторождений.

Начальник отдела ядерной безопасности Института ядерных реакторов Вадим Дикарев рассказал нам:

Для создания бомбы используются два элемента. Либо уран 235-й, который делится, из него можно сконструировать бомбу. Либо плутоний 239-й, элемент, который не существовал в природе в естественном виде. И, соответственно, шли двумя путями, либо выделение урана 235-го из естественного урана, а урана 235-го в естественном уране ноль семь процента. Либо получение нового элемента плутония. Выделение урана 235-го из урана – это тяжелая задача. Она решается методом разделения изотопов, либо вот диффузионным, как мы говорим сейчас, либо электромагнитным, но это страшная тяжелая задача. Для того чтоб наработать количество 235-го приблизительно на одну бомбу, требовалась наша вся электроэнергетика от Байкала до Владивостока. Поэтому наиболее легкий путь, конечно, когда плутоний химически отделяется от урана. Это другие элементы химические, другие процессы. Для того чтобы получить плутоний, нужен ядерный реактор. Мы говорим – это промышленный реактор. Это реактор для получения плутония. Вот здесь, на нашей территории, решались все задачи. И разделение изотопов, и модель создания реактора здесь апробировалась.

Было тогда уже ясно, что нужно использовать уран и как замедлитель графит. В принципе можно уран и тяжелую воду, но в стране в условиях войны тяжелой воды не было. Это в скандинавских странах было, в Соединенных Штатах. У нас был графит. Значит, нам нужно было графит и уран. Чтоб создать этот реактор разумных размеров с минимальными количествами урана, нужно было организовать зону, где были совершенно чистые материалы. Вот здесь первая задача и научная – изобретение новой методики получения графита. Графит был, какой в карандашах. В электродах. Там полно примесей.

Благодаря усилиям нашего института, и Курчатова в том числе, был создан графит на подмосковном заводе, который по своей чистоте до сих пор не превзойден. В этом графите на миллион атомов графита только один атом примеси. Такого графита нигде в мире нет. Ну, сейчас такой графит уже не нужен, потому что полно 235-го и уже используется не естественный уран, а обогащенный. А вот для первого реактора был нужен чистый графит. Когда наладили производство графита, одновременно наладили производство урана, добычу, плавку и производство. На станках его тогда первые блоки обтачивали.

Главное была уверенность, что цепную реакцию можно сделать. Раз был пущен первый американский реактор. И, конечно, те ориентиры, которые были, ну какие-то доставлялись сюда материалы. Иногда бесполезные, они через меня тоже проходили. Ну, мы ж понимали, что те, кто добывал эти материалы, они не были специалистами в той области. Но, безусловно, были материалы полезные, это помогло ускорить создание.

Немецкий уран для советской бомбы

На разработку новых технологий нужны годы, которых у Берии нет. Зато есть покоренная Германия, которая должна служить советской атомной программе. Первая проблема, которую Берия должен решить в кратчайшие сроки, – обеспечить атомный проект ураном. В Советском Союзе на него не было спроса, и геологи всерьез месторождениями не занимались. Несколько тонн удалось вывезти из Германии. Но это капля в море. Курчатов требует 100 тонн чистого урана для одного только промышленного атомного реактора. Добыть уран негде. У США монополия на богатую урановую руду.

Из секретного доклада ЦРУ:

Отсутствие в СССР богатой урановой руды – главный фактор отставания Москвы в атомной отрасли. Чтобы уран не попал в руки Советам, под контроль взяты все источники богатой урановой руды вне Соединенных Штатов. Запрещена продажа оборудования, которое могло бы использоваться для производства чистого урана. Советский ядерный джин загнан в бутылку.

В СССР разведаны небольшие месторождения урана в Средней Азии, и советские геологи активно ищут на территории страны новые залежи столь незаменимого минерала.

Профессор Гавриил Грушевой был одним из первооткрывателей новых месторождений для советского атомного проекта. Он рассказал нам:

Геология вся и уран был сконцентрирован в Комитете по делам геологии, который возглавлял Илья Ильич Малышев. Это был очаровательный человек, это был последний, наверное, умный из наших министров, которого я видел в своей жизни. И внутри его подразделения начали создаваться все подразделения, которых было достаточно много, но не все они так успешно работали. В сорок третьем году отец у меня работал заместителем рудного отдела Комитета по делам геологии, это свинец, цинк, молибден. Его пригласили к Антропову. Петр Яковлевич Антропов в войну был заместителем председателя Комитета обороны, то есть заместителем Сталина, и как только создали этот Спецкомитет, он сразу возглавил вопрос уранового сырья. Все геологи крутились вокруг Петра Яковлевича. Его горная геологическая секция, она по существу вела все работы по урану, начиная с сорок пятого года.

Когда все это сформировалось, выяснилось, что у нас почти ничего нет. Месторождения у нас были в основном все радиевые в Средней Азии, все остальное – это была мелочь по существу. Прежде всего ферганские, одно в Южном Казахстане, они все были пущены в ход. Геологи вскрывали старые выработки, и оттуда на мулах и на тачках рабочие вывозили эти самые руды, и если раньше выбирали, где больше берут радия, то сейчас тащили все подряд, и все складировали и вывозили до ближайшего места, где может подвезти машина, и все это было в очень небольших количествах. Это все были килограммы, ну сотня килограмм, но даже не тонны.

Теперь какой вклад был наших геологов и что происходило. В сорок третьем году моего отца привозили к Петру Яковлевичу Антропову, они были в страшном испуге. Он ехал к заместителю министра МВД. Отец увидел меня и сказал: слушай, ты вот сейчас поступаешь в нефтяной институт, а я еду, и если я не вернусь, то на тебя падают две сестры и мать, то есть он не был уверен, что он вернется. Сказали им, что мы вас приглашаем на работу, но это то ли

приглашаем, то ли не выпускаем. А кто туда входит, тот оттуда, как правило, не выходит, те годы все мы помним.

Их принял Антропов, был очень любезен, мне дали на вас положительную характеристику, я вас приглашаю руководителями, посты мощные потом мы с вами согласуем, материальная сторона тут не важна, нам нужны такие специалисты, как вы. Я прошу вас это обдумать и в ближайший день, завтра, дать ответ. Но здесь произошло то, что характеризует ту эпоху, которую, конечно, полезно всем знать. Раздался звонок, ему доложили, что горит цех где-то на Урале военный. И он начал выходить из себя – связать меня с ним, его связывают, он ему кричит – завтра ты приедешь и доложишь мне, и бросает трубку. Дальше вызывают какого-то заместителя. Антропов вскакивает, открывает стол, вытаскивает пистолет и начинает стучать по стеклу на столе, стучит по нему и кричит этому: доставить сюда, ко мне не пускать, допросить, убрать. И после этого тыкает пистолетом в стол. Стекло трескается и расходится во все стороны. Он приходит в себя, смотрит на испуганных ученых, говорит: извините, погорячился, я вас жду завтра, можете быть свободны. Они выходят, и с одним из них случается несчастье, какое бывает в таких случаях.

Первые бомбы наши начинались из мелочей, в которых мы тоже принимали участие. В сорок седьмом году я начал осваивать с Вознесенским Тувинскую республику. Центр Азии, там, в Кызыле, на почтамте стоит столб – центр евразийского континента. Сейчас, правда, пытаются оспорить, но тем не менее столб там стоит. Мы двинулись на Уватайское железоурановое месторождение. Рядом с Монголией, до границы всего двадцать километров, находится мелкое месторождение, оно не оказалось промышленным, и там мы начали работать. И сразу вышли на большую руду, она была очень богатая, это была вторичная руда, желтого цвета, и мы сразу начали проходить глубокие шурфы и каналы. И в этих канавах, у самой поверхности, всего на расстоянии метра от поверхности, мы видели эти самые вещи. И была у нас истинный, настоящий геолог Иванова Зоя Алексеевна, которая каждое утро шла туда, сидела в этих канавах и документировала. И полное непонимание тогда, что такое радиоактивность, оно привело к таким вещам. Мы говорили, что долго не сидите там. Нет, Зоя Алексеевна вышла на богатые участки руды. Это целые проценты руды, это очень много. И высокая активность. В результате в один прекрасный вечер мы сидим, спустились ужинать, Зою Алексеевну нет. Вознесенский говорит мне, а где твоя красавица, я говорю, как это так? Женская палатка, мужская палатка, смотрим – нигде нет. Я бегу в темноте вверх и нахожу ее без сознания в канаве. Канава глубокая, до двух метров, я не могу ее поднять. Если б она как-то помогала, шевелилась, а так вот лежавшее тело, которое я вытянуть не могу. Я вынужден был вылезти наружу, срезать ремни с ее рюкзака, который у нее за спиной, и своего, связать, взять ее под мышки и вытаскивать ее стоя наверху. Наверху я вылил на нее воду, и она пришла в себя. Вот так начиналось понимание. Радиоактивное заражение наших женщин героических. Все те, кто сидели на руде, они все уже давно ушли. Ушли от разных болезней. Зоя Алексеевна ушла на пенсию через несколько лет. И потом в один прекрасный день ее племянница позвонила, знаете, говорит, Зоя умерла. Вот вам жизнь человека, истового геолога.

А теперь что с рудой делалось. Складировали это все. Выбирали отдельно богатые участки, с радиометром, уже появился первый радиометр. Первая

шкала слабенькая там, до ста пятидесяти, вторая до пятисот и третья, когда уже настоящая руда. На третьей шкале это все откладывалось и складывалось в ящички небольшие, посылочные скажем. Соберется несколько ящичков, уже звонят, вперед, и эти ящички на машинах через перевал сначала на базу, на берегу Енисея, потом в Кызыл и на самолете вылетал он туда. Вот таким образом, возможно, что у первой атомной бомбы в том числе один грамм в ней наш.

Первое месторождение, которое было открыто в сорок девятом, – это минеральные воды, это курорт, между Пятигорском и Кисловодском, рядом с Пятигорском. Когда самолет садится на аэродром, то видна эта горка, с которой мы получили прилично, разрабатывалось оно до самых последних лет. Потом Украина, Первомайская, Златовещенская, точно это был сорок девятый год, но они уже не на поверхности лежали, там надо было проходить глубокие шахты. Следующее был Курдай в Казахстане, Южном, потом Северная Туркмения в пятьдесят втором. И рыбы знаменитые на Каспии с ураном. Массовый замор рыб и на них насасывался уран. Это месторождение разрабатывалось и до сегодняшнего дня. Казахи его разрабатывают. Вот четыре месторождения, и все.

Когда мы начинали, мы вынуждены были спать в землянках, потом, когда правительство увидело, что наконец пошла большая руда, туда срочно были брошены все деньги нашей страны. Туда проложили железную дорогу, туда проложили асфальт, построили огромный комбинат Навоинский перерабатывающий. Потом повезло, и в Кызылкуме нашли крупнейшее в мире месторождение золота. И поэтому ныне сидящий царь узбекский, он каждый месяц вывозит на запад самолет с золотом, ну и соответствующее количество урана продается и тоже вывозится. Добираться туда через барханы до Кучкудука надо было сутки, если вам повезет, на машине повышенной проходимости. Если это машина обычная, то вы могли сидеть в барханах и ждать, когда подойдет тягач и вас вытащит. Конечно, здесь платили большие деньги. Отец у меня был начальником отдела металлургии в институте, самого большого отдела, 25 лет, он получал тогда, была ставка доктора, профессора, заведующего, пятьсот рублей, потом пять тысяч, ну и так далее. У меня зарплата была молодого кандидата наук двести. Но я ехал в поле, там начиналась накрутка, полевые, безводные, высокогорные. Если круглогодично у нас станция была организована, то я получал 6 тысяч, я больше отца получал. И, подработав сезон, я мог осенью в первые годы в сорок седьмом, сорок девятом, до пятидесят четвертого года я зарабатывал в сезон по сорок тысяч рублей. Я мог в один год купить три «Волги» или пять «Москвичей». Сейчас мне, ведущему ученому страны, нужно на «Волгу» эту самую Газ-2410 работать три года или четыре.

Основные богатые природные месторождения урана лежат вне зоны влияния Советского Союза. Это – бельгийское Конго и Канада. В Болгарии есть урановые рудники, правда очень бедные, в Чехословакии то же самое. И, в конце концов, уран находят в Саксонии. Здесь издавна существовали серебряные рудники, потом их забросили. На месте рудников появились SPA, где лечились радоновыми водами. Радон – естественный спутник урана. На это обратил внимание доктор геолого-минералогических наук Никифоров, он отправляется в сорок шестом году в Саксонию и Тюрингию, открывает месторождения урана, которые становятся критически важными для советского ядерного проекта.

Немецкий историк, автор книги «Бомба Гитлера» Райнер Карлш рассказал нам в Берлине:

Проблема урана для советского атомного проекта – была огромной сложностью. До конца войны едва ли было достойное упоминания урановое месторождение. В Киргизии и Казахстане были открытые небольшие месторождения, но этого было недостаточно. Берия получал сообщения, что еще 10 лет нужно для того, чтобы в Казахстане все это было разработано так, как нужно. Специалисты сообщали Берии, что много урановых месторождений есть за границей Советского Союза. И уран искали везде, где проходили советские войска. В Корее, в Китае, в Болгарии, в Румынии, в Словакии и, конечно, в Германии.

Самое важное из них, это знали из литературы и из истории, находилось в Рудных горах, и тогда советские геологи и секретные службы сконцентрировались на том, чтобы найти эти месторождения и начать разрабатывать.

После того как в июле 1945 года Соединенные Штаты отвели свои войска из Тюрингии и Саксонии, эта территория отошла, согласно Ялтинским соглашениям, к советской зоне оккупации Союзом. Геологи провели изыскания в Рудных горах и обнаружили легкообогатимые запасы урана. Было принято решение построить здесь в условиях строжайшей секретности предприятие по добыче урана для советского атомного проекта. Оно получило наименование «Висмут», по названию химического элемента, добываемого издавна в Рудных горах. Первым директором предприятия «Висмут» был назначен генерал-майор госбезопасности Михаил Мальцев, бывший начальник Воркуты.

Немецкий историк, автор книги «Бомба Гитлера» Райнер Карлш рассказал нам:

«Висмут» был основан в 1947 году и до 1953 года работал как советское предприятие. То есть на 100 % собственность Советского государства. Все расходы несла на себе Саксония и потом ГДР, так как «Висмут» считался репарацией. Немецкий военный долг должен был выплачиваться в том числе и урановыми поставками.

Условия работы в «Висмуте» первые два месяца были очень тяжелыми. Потому что Третьего Рейха не существовало, немцы проиграли войну, начались голод и безработица. И пришлось начинать горное производство как в средневековье. С самым примитивным оборудованием, с недостаточной техникой, с десятками тысяч по принуждению пришедших сюда рабочих.

Потом немецкие профсоюзы пожаловались, и советский генеральный директор, генерал Мальцев, написал письмо в советский профсоюз. Письмо предназначалось Молотову и Берии. И Берия внес улучшения, так как ему нужен был этот уран. Был найден компромисс. Немцы начали лучше работать и за это получали от советского руководства хорошие условия для жизни и для работы: отпуск, страховку, высокие зарплаты. Таким образом, «Висмут» превратился в совершенно особенное предприятие в 50-е годы. С одной стороны, давление тоталитарной системы, с другой – предприятие, которое платило хорошую зарплату. Такой удивительный процесс, которого не было больше нигде в мире.

Здесь работали все слои населения: бывшие профессора, водители, солдаты, было много женщин. Сильнее всех страдали в послевоенное время женщины, им тоже было нечего есть. Все слои, все люди пришли в «Висмут». Во-первых, по принуждению, так как они были обязаны работать. Позже

они уже шли добровольно, потому что «Висмут» хорошо платил. Особенно лучшим работникам, кто оставался там и выдерживал эти тяжелые условия труда. У них была хорошо мотивированная, хорошо оплачиваемая постоянная работа. И если вы сегодня спросите у бывших рабочих, они будут вам рассказывать с восторгом, будут хвалить, так как это было особенное предприятие.

Во время нашей кинокомандировки мы побывали в поселении Бад-Шлема в Саксонии, которое входит в состав района Рудные горы. Бад-Шлема, как и еще сто двадцать соседних городов, находился в подчинении Берии. Когда-то 200 000 немцев работали на здешних шахтах, 7000 советских специалистов, всех их охраняли пять полков МВД.

Поселение находится в живописной местности, в окружении гор и альпийских лугов. Среди аккуратных, но не претендующих на роскошь немецких сельских домиков выделяется монументальностью здание типичной сталинской архитектуры. Когда-то здесь находилась советская администрация, которая руководила добычей урана. Сегодня это городская ратуша.

Все прочие достопримечательности связаны с шахтерским трудом. Вышка старой деревянной шахты под номером 15, на площади пара вагонеток в обрамлении металлической арки со скрещенными молотками и надписью «Glück auf» – традиционное шахтерское приветствие, которое переводится – «Счастливо вернуться наверх!». И наконец «Museum Uranbergbau» – музей добычи урана. В нем собраны инструменты, оборудование и рабочая одежда горняков, здесь множество фотографий, позволяющих заглянуть в прошлое.

Бад-Шлема, Саксония, Городская ратуша, раньше здесь располагалась советская администрация

Вышка старой шахты, Бад-Шлема

Лев Лурье на фоне арки с традиционным шахтерским приветствием, Бад-Шлема

Впрочем, благодаря неутомимой поисковой деятельности нашего редактора Серафимы Гавриловой мы снимали интервью с ветеранами «Висмута», рабочими, трудившимися на урановых рудниках в послевоенное время. Эти пожилые люди были в высшей степени доброжелательны к русским документалистам и охотно поделились воспоминаниями молодости.

Вернер Нойберт:

Я был переселенцем. Я переселился из Чехии, из Судетской области. У меня чешское происхождение. В 1944 году нас оттуда выгнали, и я приехал сюда. И после того как я поработал на одном машиностроительном предприятии, я в 1947 году перешел в «Висмут». Так как, в первую очередь, мне там платили больше и там были перспективы роста. И перспективы развития для тяжелых машин были в шахтах «Висмута». А другие производства сворачивали.

Это была хорошая техническая работа. Я был машинным механиком. Полгода я там ремонтировал компрессоры и дизельные моторы, которые ломались, потом меня отправили учиться на техника. И потом я вернулся обратно, чтобы работать там дальше. Я сам работал с примерно сотней русских людей. Так как я работал с техникой, очищающей руду и бурильной. И осматривал ее перед тем, как ее продавали в Россию. И это я делал все 40 лет. Я могу отметить только хорошие отношения русских и немцев, потому что у меня не было никакого представления о радиофизике. И русские люди, которые приехали из Ленинграда, из Москвы, из Института Курчатова, из Армении, они уже изучали эту область. Они уже все знали. И потом, позже, немецкое акционерное общество «Висмут» переделали в Первое Акционерное общество, и тогда нам перешли фабрики, основанные благодаря этим специалистам.

Генеральные директора менялись. То немецкий, то русский. Но последний генеральный директор был немецким. Когда русский министр иностранных дел Молотов приехал в Йохансгеоргиенштадт и совершил обзорную поездку по шахте, он встретил группу из чешских и немецких сторон, я тоже в этом участвовал. Он смотрел, как работают чешская и немецкая стороны. Он произвел впечатление делового человека. Он не был высокомерным, не показывал своего превосходства и ненависти по отношению к немецким шахтерам. Тогда был еще русский руководитель объекта. Он должен был гарантировать, что шахтеры хорошо работают и выполняют план. И я работал здесь 41 год. С ураном, который каждую неделю отправлялся в Брест и оттуда в Новосибирск или в Электросталь-2.

Кто тогда работал на «Висмуте»? Ну, это были люди, которые страдали от голода, которые хотели получать дополнительную пайку еды, которые хотели каждый день есть горячий обед. А все это было на шахте. На других производствах этого не было. Когда мы хотели пойти пообедать из шахты, мы могли пойти в столовую или на кухню и там поесть. И еще была карточка, по которой можно было купить хлеб, молоко и творог. И сигареты еще.

Гитлер, начав войну с Россией, по большому счету страну и похоронил. После войны было принято решение о деиндустриализации. Промышленные предприятия, которые работали на Гитлера, разбирались. Сталелитейные заводы, текстильные заводы и др. И поэтому рабочих мест больше не было. А потом появился «Висмут». В 1945 или 1946 году. Здесь были старые шахты, и предприятию нужны были опытные люди, которые могли обращаться с моторами, компрессорами и электрическими машинами. И те, кто в этой области обучались, те туда шли, и те, кто не имел профессии вообще или имел другую профессию, те тоже шли туда, потому что там нужны были руки. Люди должны были оттаскивать взорванные камни, потом эти камни грузили

на вагонетки и вывозили наверх. Потом в них искали руду. Из грязи, которая лежит вокруг, нужно было выделить маленький кусочек урана.

Три или четыре года нужно было изучать радиохимию. И к этому человек тоже должен был быть способным. Я думаю, примерно 1 миллион человек работал в «Висмуте». Ну, когда я начинал, было 500 тысяч человек, но это много раз все менялось. Старые уходили, новые приходили.

Были и несчастные случаи, но по большей части технического характера. В первые годы на шахте два или три года было сухое бурение. Это значит, что бурильная машина просверливала дыру в камне, потом туда закладывалась взрывчатка, и все взрывалось. Но такое бурение проходило только в сухой породе. И с 1947 года поступил приказ от руководства «Висмута», что должно быть бурение сырой породы. И кто не занимается сырым бурением, тот получал выговор или не получал премию за месяц. И эта перемена возникла после того, как было выяснено, что при сухом бурении камень расщепляется и вредные частицы породы, кварц и гранит, попадают в легкие и это вызывает легочные заболевания, силикоз и другие.

В «Висмуте» каждый день давали обед. С самого первого дня. Поэтому мы не могли прогуливать работу. Кто не пришел вовремя на шахту, тот не получил свою еду. А с пайкой ты всегда переживаешь день.

Готтхард Бретшнайдер:

Я родился здесь и учился. В 1949 году окончил учебу. Я устроился на работу в «Висмут», потому что там было много денег и, прежде всего, очень много еды. Много продуктов. Там были самые лучшие условия. Вот поэтому я пошел в «Висмут». У меня были только мать и бабушка. Нужно было о них заботиться. Отец к тому времени уже умер. Поэтому это было выгодно, что я пошел работать в «Висмут». Я там зарабатывал довольно много денег. И у нас был вполне высокий уровень жизни тогда. Мы работали в три смены. По ночам не работали. Так что условия были достаточно сносные.

Пакет Сталина – это было нечто особенное. Это была награда для людей, которые перевыполняли норму на 180 %, иначе пакет было не получить. Он был придуман для людей, которые достигали таких результатов. Но вообще-то были хорошие продуктовые нормы. Для шахтеров, для тех, кто работал на самых тяжелых участках, они были более значительные. Они получали больше еды: больше хлеба, больше масла, больше сахара, больше мяса, больше молока, чем все рядовое население.

Добывали уран в основном немцы. Но некоторые были беженцами из Чехии или Польши. Их оттуда выгнали, и здесь они пытались начать новую жизнь. Многие приходили из района Рудных гор. Со временем сюда подтягивались местные жители.

Тогда люди почти ничего не знали о Лаврентии Берии. Кто он такой? Что он из себя представляет? Но мы знали, что он отвечает за АО «Висмут» и за то, чтобы мы быстрее выполняли план, для того чтобы завоевать преимущество в атомном споре с американцами. Конечно, мы знали, что уран нужен для создания атомной бомбы. Но какие выводы из этого мы могли сделать? Официальной информации об этом не было ни в прессе, ни на радио. Нам говорили только так, в простых беседах. Мы толком и не знали, что уран может вредить здоровью, если много его паров вдыхать. Тогда мы всего этого не знали, нам этого не говорили. Но я не пострадал нисколько. Я ничего не знаю о

жертвах на урановых работах. Были жертвы в Рудных горах, но это было давно, в Средние века. Вроде в XV веке.

Гюнтер Фишер:

Я пришел в «Висмут» в 1952 году совершенно добровольно. Я родился в Чехии, переселился в Германию в 1942 году с семьей. Я родился в многодетной семье. Нас было 13 детей. Мы часто голодали. Мой брат к тому времени уже работал в «Висмуте», и я тоже попал туда через него. В первую очередь, там были лучшие условия. Об остальном мы узнали уже позже. Тогда мы никакого представления о горах не имели. Я не знал, что меня ждет, и усердно работал в шахте. Я 31 год там проработал. И только намного позже я узнал, что это опасно. О Мальцеве я могу сказать немного. Я пришел в 1952 году, тогда у нас были русские постовые на входе. И на производстве тоже всегда были русские постовые. Там, где была взрывчатка, тоже были русские. Мы общались с ними, но ничего плохого я о них сказать не могу. Я могу сказать только хорошее о нашей совместной работе. У нас был старший геолог, он был советский гражданин. Он работал с самого начала. Но, в принципе, особо много мы не пересекались. Кроме хорошего, я ничего не могу сказать.

У нас были лучшие условия, чем у других. У нас были продуктовые карточки, у нас еще были дополнительные поощрения за выполнение плана. И в этом, наверное, была причина того, что у нас не было забастовки. Даже если бы мы и хотели что-то такое организовать, у нас были русские посты и русские военные. Это создавало определенную атмосферу. Лучше вести себя спокойно... Но я не помню ничего плохого. У нас не было особых причин для забастовки.

Рудольф Дейнеке:

В 1947 году мне было 15 лет, я жил в Рудных горах. Там не было работы и есть было нечего. И тут появился «Висмут». У моей матери там был знакомый старший штейгер (мастер по рудным работам). Он работал в одной из шахт «Висмута». И так он устроил меня в «Висмут». Нас было несколько молодых людей по 15, 16 и 17 лет. Еще в «Висмуте» работало несколько молодых девушек. И я там работал с 1947 года. Это была очень тяжелая работа. Но так как мы были тогда очень молодыми людьми, эта работа для нас казалась легкой.

Первые два года, которые я проработал на этой шахте, у нас не было русского руководства. У нас был немецкий руководитель шахты, который раньше был начальником предприятия. И у нас на шахте был пункт расположения охранной роты Красной армии. А солдаты были такими же мальчиками, как и мы. Немного старше. И я могу сказать, что каждые четыре недели солдаты получали свою еду. Крынку молока, продукты. И когда они за две недели все это съедали, они приходили к нам. В принципе, они были тоже стеснены в средствах, но мы умудрялись проворачивать сделки с ними. Они брали с собой лампы. У нас не было света в Рудных горах. А мы им приносили яблоки, еще фрукты, и они все это забирали, цап-царап, до свидания! Такое было время...

Потом у меня была одна история с русским руководителем проекта. Он мне очень помог, этот человек. Старший лейтенант. Вы хотите знать имя? Я еще помню, его звали Полянский. Он прекрасно говорил по-немецки. У меня после моего 17-го дня рождения была одна пропущенная без уважительных

причин смена. Мне тогда было важнее отметить день рождения с друзьями, чем пойти на работу. Ведь в 17 лет человек думает по-другому, не так, как в 70, правда? Если бы не эта пропущенная смена, я получил бы материал на костюм, премию и пакет Сталина. Вы знаете, что такое пакет Сталина? Пакет Сталина – это такой пакет с едой. Там продукты питания: лапша, или рис, или макароны, мука, сахар, масло. Все это было в этом пакете Сталина. Это все было упаковано и давалось за хорошие результаты. Ведь ни продуктов, ни материалов не было тогда. А зимы были более суровые, чем сейчас. У нас на семью было одно старое одеяло. Теперь об этом можно спокойно говорить. Такое было время.

Получить кусок ткани – это было тогда большое достижение. И вот я пришел к руководителю объекта с заявлением принять эту пропущенную смену. Там был такой маленький кусочек бумаги, и там было написано, что я пропустил смену. И он по-немецки приписал там: выдать пакет Сталина, простить пропущенную смену. И с этой бумажкой я получил премию. Вот такой он был, Полянский. Вот такими были контакты с русскими. Не особо имя Берии слышали. Только позже читал о нем. Кое-что стало известно в 1953 году. После смерти Сталина.

17 июня 1953 года, когда случились выступления в Берлине, Дрездене и других городах против того порядка, когда была всеобщая забастовка, я уже тогда работал штейгером. Я работал во вторую смену. С 15 до 22 часов. И все рабочие должны были уже быть здесь к началу смены. И те, которые отработали смену, и те, которые заступают. Они мне должны были докладывать об особенностях, на которые нужно обратить внимание. И когда я пришел тогда осматривать пункты своей работы, никого не было на месте. Я не знал, начали ли люди смену, и побежал к первому попавшемуся телефону. Я позвонил в службу шахты, и мне сразу сказали, как только я набрал номер, что в шахте остались один техник, два электрика, два плотника, все другие люди ушли. В семь часов уехали на автобусах в разных направлениях, независимо от движения поездов и трамваев. Мне сказали, что сейчас беспорядки.

У нас в «Висмуте» мы не почувствовали особо этих беспорядков, но надо понимать, что так как в соседних областях эти беспорядки были, то протестовать начали все, в том числе и у нас. Поэтому у нас поставили шлагбаум. Люди, которые жили в области, должны были предъявлять удостоверение. Иначе никого не пускали. Чужаки не могли пройти.

Позже, когда я уже был дома, где-то около 8 часов, подъехал легковой автомобиль. Из него вышло два человека, они зашли ко мне, представились. Я сказал, кто я, и они обязали меня одеться и идти с ними в шахту. Это было руководство шахты. Мы получали задание контролировать определенные области внутри шахты. А уже на следующий день мы стали работать нормально, в две смены. 18 июня все и закончилось.

«Висмут» – это название для прикрытия. Когда открыли эту организацию, она была чисто русская. Русское предприятие, основанное Москвой. Чтобы ввести мир в заблуждение и не говорить об урановых месторождениях, употребляли термин «Висмут». Никто толком не знал, что там вырабатывают.

В Атомном проекте у Лаврентия Берии появился опыт руководства фактически независимым государством. Например, в Саксонии практически не действовала Социалистическая единая партия Германии, здесь менеджеры были и из числа бывших антифашистов, и из числа

бывших нацистов. Главное – квалификация. Здесь не работали заключенные. Шахтеры хорошо стимулировались. Результаты были великолепными, гораздо лучшими, чем в лагерях. В 1946 году здесь добыли 1,5 тонны урановой руды, а в 1950-м – 1200 тонн.

Всего в период с 1947 по 1990 год «Висмут» выработал 230 000 тонн руды, это предприятие стало ведущим для советской военной индустрии. «Висмут» оказался третьим в мире по величине урановым рудником.

У самого Черного моря

Немецкие ученые, вывезенные в СССР, панически боялись, что их пошлют в Сибирь. Поэтому фон Арденне страшно обрадовался, когда его пригласил к себе Лаврентий Берия и предложил три места локации: Москва, Крым или Абхазия. Фон Арденне выбрал Абхазию. Берии это было с руки, здесь у него дача, и немцы будут под присмотром. В предместьях Сухими – в Агудзерах и в Синопе – основали два секретных института. Они расположились в зданиях бывших санаториев, окруженных роскошными парками. Институт в Синопе получил название «Институт А», по имени фон Арденне, а второй, в Агудзерах, институт «Г» – для Густава Герца.

Густав Герц – лауреат Нобелевской премии 1925 года, крупнейший немецкий физик, руководивший всеми научными исследованиями фирмы «Сименс». На советском атомном проекте его заработная плата – 10 000 рублей при средней в Союзе в это время – пятьсот. Специальный самолет доставлял дефицитные продукты из Москвы. Режим был относительно свободным.

Клаус Тиссен, сын знаменитого ученого Петера Адольфа Тиссена, с которым он вместе жил в Абхазии и участвовал в советском атомном проекте, рассказал нам о сухумской жизни немецких специалистов:

Манфред фон Арденне сказал, что он попросил Берия во время первой встречи в Москве летом 1945 года, что ему хотелось бы в Крым или на Кавказ. Другая версия, к которой я склоняюсь, скорее всего, в том, что Берии хотелось, чтобы институт был вблизи его родины. Местом его рождения является маленькая деревенька, полчаса езды от Сухуми. Мерхеули называется. Мне кажется, что он хотел сделать что-то вроде памятника себе и прежде всего иметь возможность 2–3 раза в год служебных командировок на свою родину. Скорее всего, это было причиной. Институт, в котором мы были, располагался прямо на краю Сухуми, прямо на пляже.

Между пляжем на Черном море и институтом пролегла только железная дорога от Сухуми в Тифлис. И прекрасный парк, со времен царя. Это был большой санаторий, который в 30-х годах был построен для стахановцев. Прекрасное здание. В середине холмов, которые были увешаны мандариновыми деревьями и виноградной лозой, нам казался он раем и таким оставался все время.

А другой институт располагался примерно в 8–10 километрах подальше на восток, тоже прямо на Черном море вблизи города Дранда. Но он был не такой современный. По-настоящему красивое здание, сохранившееся, вероятно, еще с царских времен. Директором этого института был Манфред фон Арденне, некоторые называли его Арденне, так, как писалось, но правильно произносится Арден без «е». Директор другого института был Густав Герц, лауреат Нобелевской премии. В институте Ардена были три области, независимые друг от друга. Одна область, которой он руководил сам, где происходило расщепление урана на изотопы урана 235 при помощи так называемого масс-спектрографа, сильными магнитами, которые он пытался разработать еще в Берлине.

Манфред Арденне взял с собой беременную жену, у него было тогда два ребенка: дочь и старший сын. Один ребенок родился в Сухуми. Конечно, были некоторые, которые взяли с собой возлюбленных. Таким образом, они хотели расстаться со своими законными женами, уехав далеко в Советский Союз. Они

надеялись начать все с начала. Но они заблуждались, так как некоторые жены приезжали впоследствии и иногда возникали сложные ситуации. В широком смысле этого слова, можно было взять с собой тех, кого хотелось, друзей, родственников. Но нужно было понимать, что всех их требовалось суметь прокормить, или они должны были работать.

В нашей семье была следующая ситуация: моя сестра была химиком-технологом, завершившим образование, она могла сразу начать работать. Я был абитуриент и тоже мог сразу приступить в качестве лаборанта и работал, интенсивно учился на месте. Говоря другими словами, я поехал как преемник отца.

Конечно, очень быстро, после того как мы приехали в 1946 году, наш институт был обнесен забором. И, конечно, объект нам разрешено было покидать только при наличии удостоверения и в сопровождении офицера МГБ, позднее КГБ. Поездки в Сухуми на рынок за свежими овощами или фруктами или походы в рестораны сопровождались также людьми из госбезопасности. Конечно, мы могли туда спокойно пойти, но с сопровождением.

Мы находились на территории закрытого объекта, и поэтому внутри объекта охраны почти не было, мы могли свободно перемещаться. Снаружи был забор, по сторонам стояли круглые сутки постовые. За домом Арденне была натянута колючая проволока, и в местах, которые были не совсем хорошо видимые, делали обходы. С моим отцом и братом мы ездили как-то в Боржом на неделю. С нами был шофер, очень приятный человек, он был особенно рад, когда пил много водки, и с нами был офицер. Он сопровождал нас на каждом шагу, где мы только ни были.

Вообще это было, конечно, гротескно. Когда я ехал в Москву, мы ехали в поезде, в купе был я и офицер, а напротив совершенно нормальные граждане, и в соседних купе было тоже нормальное население. В конце вагона стояли самовары, где можно было взять чай. От Сухуми до Москвы длинный путь. И, конечно, когда ты как иностранец сидишь с офицером и другие смотрят, я говорил, что я латыш – до того момента как я однажды в поезде действительно не встретил латыша и он, конечно, хотел со мной поговорить по-латышски. Мне стало ужасно неудобно. И тогда каждый заметил, что я вообще не знал по-латышски ни одного слова.

В области моего отца разрабатывались диафрагмы для диффузного способа разделения урана 235. Марка Штернберга, который был ранее директором в «Siemens», разработала метод газовых центрифуг. Конечно, еще с самого начала у нас были десятки немецких сотрудников. Были привезены десятки военнопленных специалистов, все химики, физики, механики. Это были полностью закрытые миры, которые функционировали как город.

Нас с самого начала немного удивляло то, что по отношению к нам было абсолютное доверие. Ни один из наших начальников, ни один их офицеров КГБ, никто из коллег, никто из них не был по отношению к нам подозрительным или недоверчивым, что мы могли бы устроить какие-то саботаж или могли бы работать не так, как полагается. Мы не были вынуждены, определенно нет, нами руководило честолюбие работать зачастую действительно день и ночь, чтобы добиться как можно больше результатов. Является ли это типичным для ученых, все равно, на кого они работают, работать добросовестно? Этого я не знаю. В любом случае

доверие мы оправдали. Тогда это была одна из интереснейших задач, которая вообще существовала в мире. Тогда еще не было ни транзисторов, ни микроэлектроники. Интереснейшая область изучения была ядерная энергия с конечной задачей применять ее в мирных целях, также для атомных электростанций.

В первые месяцы из русских там находились в основном повара и рабочие, те, кто следил за территорией, советские граждане. Вскоре прибыли 2–3 супружеские пары, ученые – как в наш институт, в так называемый Синоп, так и в Агудзеры. Затем каждый год прибывало все больше и больше выпускников советских вузов, которые работали вместе с нами, с которыми с самого начала складывались хорошие отношения, и они развивались только в лучшую сторону.

Моими прямыми непосредственными начальниками была пара из Москвы Виктор и Мария Гусевы, выпускники Московского университета, он, к сожалению, пятнадцать лет назад уже умер, но с его вдовой я до сих пор в дружеских отношениях. Я посещаю ее, когда бываю в Москве. У нас были с ними превосходные отношения. Когда мой отец в 1951 году получил Сталинскую премию первой степени, в этой команде работало еще 3 человека: двое русских и один немец. Они вместе с моим отцом получили премию. Это были абсолютно смешанные коллективы, с самого начала не было никаких диссонансов.

Личные связи не приветствовались, конечно, это шло от советской стороны. Может быть, мы предполагали, что НКВД внимательно следило за тем, кто приходил, чтобы кадровые документы были в абсолютном порядке. Но мы никогда не имели ощущения, что люди НКВД или наши сотрудники когда-либо следили за нами. В том-то и своеобразие, что, несмотря на то, что институты принадлежали НКВД, слежка оставалась, по меньшей мере, незамеченной. Мы позднее замечали, что тот или иной немец работал на КГБ. Например, заметили, что из лагеря военнопленных прибыл парикмахер, мы потом узнали, что он был доносчик. Мы ничего особенного не замечали. Но среди ученых были замечательные отношения.

Клаус Тиссен – один из немногих участников советского атомного проекта, доживших до наших дней, видел героя нашей книги Лаврентия Берия. Тиссен рассказал нам:

Конечно, мы о Берии слышали уже давно, еще во время войны. Мы знали, что он самый опасный человек в Советском Союзе и оставался таковым до самой смерти. Он приезжал много раз в Сухуми, я сам его видел там два раза. Мы стояли тогда в коридоре, когда он приехал, он создавал неприятное впечатление. На нем был серый пуловер с воротником-стойкой, он выглядел как сова со своим неподвижным лицом, со своим пенсне. Но он не производил впечатление человека, который собирается арестовать людей или послать в Сибирь в лагерь. Этого не случалось. Но, несмотря на это, он был всегда нам неприятен. Он приходил в сопровождении адъютанта, большого, высокого. Тот выглядел очень симпатичным. Он выглядел по-другому, не так, как Берия, ухоженным, немного как денди. Я маленький лаборант, мне не нужно было сидеть за одним столом, когда они что-то обсуждали, мы быстро исчезали в лабораторию.

Мы соприкасались с ним, только когда он приходил и устраивал совет, и то с ним были советские ученые. Например, Емельянов, о котором мы

очень хорошего мнения. Он был впоследствии долгие годы в органах власти по атомной энергии в Вене. С ним находились ведущие ученые. Курчатов, о котором мы с самого начала знали много. Выдающиеся люди. И мы совершенно не могли заметить, что Берия может, а что нет. Он был тем, кто заботился о том, чтобы все функционировало, чтобы машина была всегда «на ходу». У него был доступ ко всему. У нас складывалось впечатление, что функции Берии заключались не в преследовании людей, а в заботе о том, чтобы все было.

Если нам нужны болты определенного диаметра, определенной длины, определенного качества, тогда для поисков подключали аппарат Берии, который делал все, чтобы найти соответственно нужные болты во всем мире, в советской оккупационной зоне, либо в Сибири, либо Чехословакии. Так что болты привозили на следующий же день специальным самолетом. Я могу предположить, что у Берии была задача, чтобы все функционировало, поскольку у него была неограниченная власть организовать все тотчас же. И только поэтому проект по созданию бомб мог действительно функционировать.

Курчатов и все остальные могли сделать это только тогда, когда весь аппарат находится в их распоряжении. Это проект такой величины, как Манхэттен-проект, «Аполло» или «Союз». Все это проекты, руководство которых осуществляли военные. Мне кажется, у России не было тогда никакого другого выбора, кроме как назначить на данный пост Берию. По моему мнению, Берия был двуликим человеком. Одно лицо, которое он показывал по отношению к нам, а другое – лицо аппарата репрессий. Если так подумать, многие выдающиеся советские инженеры годами отдавали свои силы, несмотря на то, что они работали в так называемых «шарашках». Например, Королев, он отдавал все свои силы, и работал при этом в лагере. Вот такая своеобразная ситуация. Берия был ужасный тип, но он решал задачу.

Как мы не раз отмечали, Лаврентий Павлович был в душе человеком глубоко аполитичным, никогда не увлекался коммунистической теорией и идеологической трескотней. Более того, по свидетельству подчиненных, не раз называл партийные собрания пустой тратой времени, а их участников бездельниками. Теперь, когда в его распоряжении оказалось автономное и закрытое «государство в государстве», Берия установил в нем свои порядки. Здесь все должны были заниматься исключительно делом, а коммунистическая партия оказалась на задворках. Особенно это касалось немецких специалистов.

Клаус Тиссен продолжил свой рассказ:

Важно, что с самого начала немцы не занимались политикой ни в какой мере. Например, примерно в 1947 году у нас не было достаточно стеклодувов. К нам приехал стеклодув из Тюрингии. У него был значок Социалистическая единая партия, т. е. он был практически членом коммунистической партии. Но ему было официально сказано, комендант сказал, чтоб он снял этот значок. Он хотел открыть коммунистические группы. Но ему указали, что нет, никакой политической деятельности, т. е. ни один немец не занимался политикой. Коммунистическая партия с самого начала до самого конца была у нас запрещена, и хорошо, что так.

Они хотели, чтобы не было споров между коммунистами и некоммунистами, социал-демократами и еще кем-нибудь. Мы были оставлены в покое. Я помню летом, я был два раза недалеко от Москвы, в городе

Озеры. Там была дача НКВД. Она находилась в очень красивом месте на Можайском шоссе. Это была дача Ягоды, которого потом казнили, его последователя Ежова, которого тоже потом казнили. И во время войны дачу занимал Национальный комитет «Свободная Германия». Они потом уехали. Летом дача была полна немецкими коллегами, которые работали в Москве в Курчатовском институте. Они проводили лето в Озерах, и там были книги на немецком языке от Национального комитета «Свободная Германия» – Маркс, Энгельс, Ленин. Толстые, толстые книги, полное собрание сочинений. Никто их, конечно, не читал среди немцев, но их использовали для маленьких детей из семьи Рихтер, им подкладывали на стулья тома Ленина или Сталина, чтобы они могли достать до тарелки. Макс Фольмер, известный физик-ядерщик, сделал замечание: «Теперь Томас Рихтер по-настоящему марксист».

Никто никого не наказывал за то, что мы эти книги не только не читали, но и использовали как подушки для детей. Вероятно, Берия издал указание, руки прочь от этого. Если кто-то начнет заниматься политикой, будет плохо! Это было, конечно, как остров.

Конечно, Берия боялись, а кто его не боялся! Но была целая группа немцев, которая с самого начала работала на него, и наоборот, они узнали его как приятного человека. Если вы читали книгу Николауса Риле «Десять лет работы в золотой клетке». В клетке, но в «золотой».

Академик Жорес Алферов хорошо знал Николауса Риле и рассказал нам о своих встречах с ним:

Моим очень хорошим знакомым был замечательный немецкий физик Николай Васильевич Риле, его иногда называют Николаус Риле, но он Николай Василич на самом деле. Я даже, между прочим, написал про него очерк небольшой. Мы с ним познакомились в феврале 1966 года в Мюнхене. Я был в научной командировке в ФРГ, и в программе моей было посещение мюнхенской технише хохшуде, ныне Технического университета, лаборатории Риле, потому что он был широко известен в нашей среде как автор классических работ по люминесценции. И поскольку люминесценция был предмет моих исследований в полупроводниках, то в программу своей командировки я включил посещение лаборатории Риле, побывал у него.

И он позвал нас, а я был с другим нашим еще сотрудником, к себе в загородный дом и стал рассказывать о своем участии в атомном проекте. Мы приехали в 11 утра к нему, а уехали в час ночи. Настолько увлекательно было. Я потом с ним встречался еще на международных конференциях. И у нас была такая приязнь друг к другу, и он мне очень много рассказывал. Почему он Николай Василич? Он родился в Петербурге. Его отец Вильгельм, ставший Василием, был работник на фирме «Сименс-Шуккерт», один из ведущих. Он женился на православной, на дочери очень известного врача в Петербурге по фамилии Коган, но принявшего православие, и отец его тоже принял православие. Он был крещен во Владимирском соборе, отец его стал Василием, и он Николай Васильевич Риль. Он у нас жил до 1921-го года. Он учился у нас на электромеханическом факультете Политехнического института и в 1921-м году уехал в Германию. Он отказался от профессорства в Берлине и пошел работать на фирму, которая занималась люминесцентными материалами, и Николаю Васильевичу Риле принадлежит в мире первый патент люминесцентных ламп, который он передал фирме «Оскар». Во время

войны он блестящий физик и материаловед, прежде всего он занимался очисткой металлического урана в немецком атомном проекте. В 1945-м году, как он вспоминал и рассказывал, к нему пришли два полковника. Полковники были Георгий Николаевич Флеров и Лев Андреевич Арцимович.

В Германии, в которой только что закончилась война, разговаривать со штатскими никто бы не стал, поэтому почти все становились полковниками. Им давали полковничью форму, потом это все отбиралось. Пришли два полковника Флеров и Арцимович и сказали, что нам нужно побеседовать. И пригласили его на следующий день в Берлин на дискуссию. И, как позже писал Николай Васильевич Риль в своих воспоминаниях, дискуссия затянулась на десять лет.

Я у него много раз спрашивал, Николай Васильич, а скажите мне, вас в плен взяли и заставили или вы добровольно поехали работать и участвовать в нашем атомном проекте? Николай Васильич мне отвечал всегда одинаково: «я работал по контракту». Николай Васильич внес очень существенный вклад в создание нашей атомной бомбы. Он занимался очисткой металлического урана. Работал в городе Электросталь. Встречался и общался очень много с Берией. Всего где-то принимало участие в нашем атомном проекте триста немецких специалистов. Когда успешно испытали атомную бомбу, было большое награждение. Лауреатами Сталинской премии стали фон Арденне, Тиссен, Штейнбек. А Героя Социалистического Труда получил только Николай Васильевич Риль, и он не только получил Героя Социалистического Труда, он получил автомобиль, он получил ковер-самолет. Ковер-самолет – это значит право бесплатного проезда для него самого, жены и несовершеннолетних детей до совершеннолетия по всей территории Советского Союза воздушным, железнодорожным и пароходным транспортом первого класса или в каютах «люкс» и так далее. И он получил дом в Москве в личную собственность и дачу в Жуковке.

Дом в Москве он получил недалеко от Курчатовского института, и позже в этом доме жил Анатолий Петрович Александров, когда Риль уехал. И как-то у Анатолия Петровича вечером мы обсуждали разные проблемы, и Анатолий Петрович сказал про Рилья: «Ну, Жорес, конечно, он был пленным», потом еще подумал немного и добавил, «но он был свободным, а мы были пленными». Николай Васильевич Риль о своем участии в атомном проекте рассказывал очень много. У него много ярких событий в жизни, его работы 35-го, 38-го годов по люминесценции стали классическими, и он сделал себе мировое имя на этом деле. Но для него 10 лет в СССР и участие в атомном проекте были самыми дорогими и самыми интересными.

Он написал книгу «Десять лет в золотой клетке». По нашим оценкам, участников проекта, если бы не было Рилья, мы бы, наверно, взорвали бомбу месяца на три позже. Риль считал, что, если бы не было его, мы б взорвали на полгода, может быть, на год позже. Он, кстати говоря, высоко ценил Лаврентия Палыча. Он говорил, что Лаврентий Палыч был блестящий организатор и блестящий администратор, и вообще ему можно было и возражать, и приводить доводы, и он был готов к этому. Готов слушать. Но, говорит, конечно, мы его безумно боялись, мы же знали, что он такое. В это время Берия не был министром внутренних дел, он был зампредсовмина, председатель спецкомитета. Просто возможности были у него, в том числе и в этом ведомстве.

Риль очень высоко оценивал работу Аврама Павловича Завенягина, который курировал немецких специалистов. А долго не получалось результатов, и однажды Аврам Павлович сказал Рилю, что вы знаете, я уже больше не могу вас защищать. Идет время, а результатов нет, начинают думать, что немцы саботируют. Тогда, говорит, я сделал следующую вещь, и больше никогда таких доводов не приводил. Мы привезли из Германии, он сказал, много материалов, некоего оборудования, которое захватили, в том числе резину для форвакуумных насосов, и резина эта кончилась. А для проекта атомного поручили делать шланги для форвакуумных насосов «Красному треугольнику», который, вообще-то, галоши делал, и они сделали так, что сечение было похоже на поросычий хвостик, а не нормальное круглое внутреннее. И я отрезал, говорит, кусочек этого шланга и принес Завенягину. Говорит, посмотрите, что нам дают. Тот забрал. Позже Риль узнал, что директор «Красного треугольника» получил срок. И я, говорит, понял, дальше, если у нас что не получалось, я никогда не сваливал на других, я всегда говорил, мы виноваты, мы в чем-то не разобрались.

А с Берией он рассказывал замечательный свой разговор, когда бомба была взорвана, и Риль получил Сталинскую премию первой степени и ковер-самолет, дачу и прочее, и все великолепно. А у Берии был всегда любимый вопрос – что вам мешает работать? И когда он очередной раз задал этот вопрос, я сказал: «Вы, Лаврентий Палыч». Он сказал: «Почему?» И я, говорит, тогда ему объяснил: «Я абсолютно понимаю, что такой проект, как атомный проект Советского Союза, атомный проект Манхэттенский, это сугубо секретные проекты и нужно соблюдать максимальную секретность, чтобы не знали не то что конкретных вещей, что получено там-то и там-то, но чтобы не знали вообще, что он делается. Но мы, когда мы сделали что-то и дальше мы передаем наш металлический уран очищенный, а до этого мы пользовались работами предварительными, мы должны знать целый ряд работ, выполнявшихся до нас, и мы должны рассказывать целый ряд вещей в последующем. Это повысит эффективность нашей работы. Слишком много построили вы закрытых перегородок, и они уже мешают работать. Лаврентий Палыч, выслушав его, сказал: „Хорошо, напишите ваши предложения“.» Я написал, и 90 процентов их было принято. Вот он показал, что встречался с Берией неоднократно и его как организатора и администратора очень высоко ценил.

Педантичным и аккуратным немцам поначалу было сложно работать в советских условиях, но постепенно они привыкли и натренировали русский персонал. Немцы справляли Пасху и Рождество, выпивали со своими русскими сотрудниками лабораторный спирт. Танцевали с местными девушками на танцплощадке. Первыми словами, которым они научились, были: «давай-давай», «на здоровье» и «заложить за воротник».

Клаус Тиссен рассказал нам о веселых сторонах жизни немцев в Абхазии:

С самого начала мы много праздновали, и было достаточно всего: вино, шампанское, водка, пиво. Пиво было очень плохое. Мы не могли его пить.

Мы, например, праздновали Рождество 1945 года, наше первое Рождество после войны. Это был большой праздник, коллеги отца сделали так называемый рождественский немецкий напиток Фоерцангенболе (Feuerzangenbowle), поставили рождественскую елку и стеклодувы сделали рождественские шары, и я тогда получил первые уроки и начал делать

первые шары. Мои первые шары я сделал в декабре сорок пятого года. Они наполнялись серебряным кристаллогидратом, а потом их встряхивали и они становились серебряными. Это тот же самый метод, по которому сейчас делают термосы. Каждая семья имела по одному шару серебряному. Потом мы принесли через двор с гор дерево, которое чем-то напоминало елку. Тогда их не было в округе. Мы пели рождественские гимны. Рождественский пирог, рождественское жаркое.

Мой непосредственный начальник, тогда доктор Бернгард, готовил жареного гуся, и был забавный случай. Он хотел, чтоб гусь жарился сам по себе, когда он спал. Он приготовил гуся и поставил часы, и, когда он думал, что гусь уже готов, он сделал так, что произошло короткое замыкание, и выбило пробки, и печь была выключена. Можно было спать дальше. Но защитный автомат находился в подъезде, и как раз шел сосед и он заметил, что у них выбило пробки, и включил их. И когда доктор Бернгард проснулся, гусь, конечно же, сгорел.

Мы праздновали все праздники. Например, Пасха 1946 года. Один из военнопленных переоделся в пасхального зайца. Он вышел к детям с корзинкой с шоколадными яйцами, и дети рассказывали ему стихотворения и получали шоколад. Потом мы праздновали карнавал. Все праздники из всех регионов Германии, так как у нас были люди из всех областей Германии. Наши русские коллеги впервые узнали о карнавале. Они так наслаждались этим праздником. Помнят даже сейчас. Военнопленные механики сшили платья для женского балета, выучили балетный номер и станцевали его на сцене. Перед институтом была сцена для праздников. И русские женщины говорили: «О боже мой, что они там делают». Семья Гусевых написала в своей автобиографии, которая вышла в институте Курчатова, в ней есть фотография, которую сделал я, фотография этого мужского балета. Она пишет в этой книге: «О боже мой, что за ужасные ноги у немецких женщин». А потом ей кто-то сказал, что это мужчины, переодетые в женщин.

Мы, конечно, праздновали Первое мая. И, конечно, День Октябрьской Революции. Эти праздники ввели советские коллеги, т. е. мы имели в два раза больше праздников. Все немецкие и советские праздники. Конечно, такие праздники, как Рождество, Пасха и день рождения, праздновали в семейном кругу, а не в обществе.

Мой двадцать первый день рождения. Он считался моим совершеннолетием. Тогда в Германии в двадцать один год становились взрослыми. Конечно, сейчас раньше взрослеют. Это был большой праздник на балконе до утра, а на следующий день в час дня мы пошли на пляж. Мы вышли из объекта через улицу, мы перешли через железнодорожные пути, затем с одеялами легли на пляже и спали. Мы имели жизнь, на которую нельзя пожаловаться, много работали, много праздновали, мало думали о будущем, так как мы боялись о нем думать. Поэтому так все хорошо и вышло.

Владимир Волков, бывший техник в институте «А», рассказал нам в Абхазии о своей работе с немцами на атомном проекте:

Сперва я в ремонтной группе работал, а потом перешел в слесаря. Я был комсомольцем тогда. Поручали мне, чтоб приглядывали за немцами. Но я говорю – нет, я не буду. Больше ничего. Немцы скажут что-нибудь выполнить. Пойду, сделаю. Они по-своему говорят. По-немецки. Но представители с ними

были в лаборатории. Они мне по-русски объясняли. Что надо делать было. Вот и все. Они со своим оборудованием приехали. Даже сейчас у нас немецкое оборудование есть. Даже в моем цехе есть это немецкое оборудование.

Если сделал что-то плохо, немец по-своему говорил – шайзен. И выбрасывал в урну. Значит, говно, говорил. Шайзен. Вот так. Плохое – выбрасывай.

Каждый выходной они делали банкет в старой столовой. Я был еще в морской форме. Думаю, пойду, посмотрю. Ну и потанцевал там. Мне говорят – ты особенно не увлекайся. Я говорю – я знаю прекрасно. Как говорится – меньше болтай. Тогда другое время было. А разговаривать с ними... На какую тему? Они все ученые, а я слесарь какой-то. Личные отношения с немцами пресекали. Но одна наша все равно уехала с ними. Уже она в возрасте была немножко. Уехала с немцами. Но пресекали.

Тут много чекистов было. Сопровождающих. Вот, немец идет – идет сопровождающий за ним. Но в зоне института по одному ходили. Прогуливались. А как за зону, туда вышли, уже сопровождающий идет.

Пляж – это специально у них была зона отведена. Даже детям местным на ту территорию не разрешали идти купаться на море. У них целый парк был. Здесь кругом пограничники были. Чекисты. Даже самолетам не разрешали над территорией пролетать. Было секретно.

Реваз Шванчирадзе, профессор Сухумского физико-технического института:

Молодых специалистов сюда набирали из выпускников вузов Москвы, Ленинграда, Харькова, Тбилиси. Я был одним из таких. Я непосредственно общался с немцами в лаборатории. Вначале в лаборатории Герца, потом в лаборатории Риль. После отъезда группы Герца к нам приехал Риль со своими сотрудниками. Там много крупных специалистов было. Если Герц со своей лабораторией в основном работал по разделению изотопов урана методом диффузии, то в лаборатории Герца были в основном металлурги, химики, материаловеды.

Моя работа вначале непосредственно заключалась в испытании разделительных фильтров. Немцы доброжелательно относились к нам. В том числе мой руководитель – доктор Рикерт. Забавный был случай. Меня Риль назначил почему-то, сопляка, организатором научного семинара. Я в первую очередь записал, конечно, немецких специалистов в список докладчиков. Имея в виду, что правительство нас предупреждало максимально взять у них опыт работы и знания. С другой стороны, мне показалось, что и я уважение к ним проявляю. А они посмотрели список и перестали на русском докладывать. Перешли на немецкий язык. Я пошел к тогдашнему замдиректора Кварцхава. А он – нам надо учить языки. Вот чем он отделался.

А они прекрасно владели русским. Лучше меня.

Праздники вместе отмечали. Герц приглашал вместе с немецкими специалистами и советских на свой юбилей. Но там был немножко такой курьезный вопрос. Наши забыли записать в список участников юбилея одного человека. Ну, ему на другой день сказали, что мы забыли одного нужного человека. Тогда он ответил – я уже заказал ужин на определенное число гостей своей жене. То есть нельзя еще одного человека. 8 человек были приглашены советских специалистов. Это был 9-й, которого забыли.

Учились у них дисциплине, порядку. Вот их педантичность, в частности. У Герца возле его дома был небольшой огород. Там выросла здоровенькая дыня. Толстая. Советский мальчик Чичико играл с этой дыней, как с лошадкой. Но в один прекрасный день – нету дыни. Герц, обнаружив это, говорит: Чичико – есть, дыня – есть, Чичико – нет, и дыня нет. То есть были такие смешные какие-то моменты. Но это все он все равно душевно говорил. Не с обидой.

Они часто сидели там в буфете перед столовой. И за парой бутылок пива весь вечер беседовали. Здесь есть в парке остатки танцплощадки, где они танцевали. И с советскими специалистами тоже. Со мной танцевала Хана Лора молодая. Самая красивая из девушек, которая в группе немцев работала. Но были случаи, когда с ними роман заладили советские парни. Доктор Барони из Австрии, он женился на советской женщине, русской. Они так и прожили здесь всю жизнь. И они умерли здесь. Где-то похоронены на кладбище.

Доктор Крюгер меня обучал. Ругался за то, что я плохо говорю по-русски. Мы же по спектроскопии ничего не знали, и доктор Крюгер обучал нас. Трое нас было, советских специалистов. Он один – руководитель по спектральному анализу. Нам удалось его завлечь в соцсоревнование. И одним пунктом записали – обучать нас немецкому языку. Раз согласился он, ну, и старался. Учил нас языку.

Они получали зарплату вдвое примерно больше, чем советские. Обеспечивались довольно хорошо. Ну, жилье давали хорошее.

С бомбой непосредственно мы отношения не имели. Мы имели отношения с разделением изотопов урана различными способами. Здесь центрифугированием занимались. Разделительные фильтры изготовляли. И испытывали их. Первый в Советском Союзе масс-спектрометр построен здесь. Сконструирован и построен доктором Шуце.

Первый в Советском Союзе масс-спектрометр до сих пор хранится в Сухумском физико-техническом институте, который был образован в 1950 году на базе институтов «А» и «Г». Также сохранился двухэтажный особняк Густава Герца, построенный по его собственному плану недалеко от моря. Во время Грузино-абхазской войны дом был разграблен и пустует с выбитыми окнами и облезлыми стенами среди запущенного сада. Но и сейчас не нужно много фантазии, чтобы представить жилище Нобелевского лауреата во всем великолепии среди роскошной субтропической зелени.

Дом, в котором жил физик Густав Герц, близ Сухуми

Клаус Тиссен продолжает свой рассказ:

Советское правительство придавало огромное значение среде, чтобы ведущие ученые, ничем не обремененные, могли оптимально работать. Например, для Штернберга была привезена вся семья, дети и жена. Конечно, на добровольной основе, никто не принуждал.

Что касается военнопленных, это, конечно, другое дело. Но, так или иначе, они тоже прибыли добровольно. Это логично, если физик или химик находится в лагере военнопленных в Сибири, и ему говорят, они могут, если хотят, работать в выдающемся институте и жить лучше. Конечно, они так поступали и прилагали все усилия. Например, живущий на сегодняшний день в Мюнхене разработчик, который работал вместе со Штернбергом над созданием газовых центрифуг урана 235, австриец, прибывший туда как военнопленный, конечно, это было другое, но он тоже отдавал работе все.

В 1946 году в оба института прибыли немецкие военнопленные, которые были учителями, чтобы преподавать немецким детям, неважно, в каком они были возрасте. К нам прибыл очень хороший учитель, его звали Фелькер, он преподавал детям. Я уже был абитуриент, окончивший школу ранее. А мой брат, который меня на 9 лет младше, и дети Арденне, они все у него учились.

Первые годы в обоих институтах были своего рода школы из одного класса, что означало – один учитель на всех учеников с первого до последнего класса, и этого, конечно, не хватало. Позднее, я думаю, где-то в 1948–1949 гг., по прошествии 4–5 лет, все дети ходили в совершенно нормальные советские школы. Моему брату, которому к тому времени, как мы приехали, было 8 или 9 лет, он ходил в школу имени Пушкина в Сухуми, и дети Манфреда

фон Арденне ходили в эту школу. И русские, и грузины, и украинцы, какое тогда было население в Сухуми, и мы никогда не замечали никаких националистических противоречий между отдельными национальностями бывшего Советского Союза.

Я полтора года назад был в Сухуми, сейчас называется снова «Сухум», без «и», я разговаривал с учеником, который долгие годы сидел за одной партией с моим братом. Все происходило нормально, их привозили на школьном автобусе, потом забирали. Они могли также ходить домой пешком. Мне неизвестны вообще никакие проблемы, чтобы они были обособлены как фашисты. Как-то мой брат пришел из школы и рассказал, что ему кто-то кричал вслед: «Немец-немец – колбаса, кислая капуста!» Ну и что здесь такого? Он, конечно, смеялся, тот, который кричал, тоже. Они были друзья!

С самого начала мы получали намного лучшее снабжение по сравнению с нормальным советским гражданином во всей стране. Мы получали вдоволь шоколада, могли закупаться на рынке, на базаре, имели чрезвычайно высокие зарплаты. Половину зарплаты мы могли перевести на лицевой счет в Германию, в восточную или западную часть, позднее ГДР и ФРГ, а именно по курсу 1 старый рубль к 2 немецким восточным или 2 западным маркам, или в соответствующее количество австрийских шиллингов. Я не могу говорить о какой-либо «серебряной» клетке, она была всегда «золотой».

Тем более, в конце войны обеспечение в Германии, конечно, было очень плохим. У меня дела обстояли лучше, так как я служил в Дании солдатом. После войны, кто остался в Германии и Берлине, по-настоящему голодали. В настоящее время это едва можно себе представить. Каждый, кто работал на одном из обоих объектов, Синоп или Агудзеры, мог посылать в Германию каждый месяц посылку на 8 кг с продуктами родственникам. Это были ящички, сделанные своими руками в столярной мастерской, очень симпатичные. Я посылал своим школьным друзьям в Западный Берлин довольно-таки часто с моей зарплаты продовольственные пакеты, как их называли, пайки.

И мы до сих пор говорим об этом на встрече с классом. Когда здесь, в Западном Берлине, была плачевная ситуация, я посылал и молоко, и сахар, и мед, и изюм в ящиках. Они должны были их забирать в Восточном Берлине, в Грюнау на одной вилле. Вилла принадлежала КГБ. Сейчас невозможно себе представить, что мы обеспечивали людей, друзей и родственников продуктами питания из Советского Союза. Но так было.

ЦРУ против Берии

Американская разведка уверена: чтобы проникнуть в тайны советского атомного проекта, необходимо отыскать следы немецких физиков. Они наверняка работают над важнейшими научными задачами. Но как это сделать, если вся страна спрятана за железным занавесом?

Из доклада ЦРУ:

После войны Советский Союз усилил меры безопасности. Традиционные методы сбора разведанных в СССР сегодня неэффективны. Невозможно получать информацию с использованием тайных средств коммуникации, невозможно отправить туристов и путешественников в целевые районы.

Западные спецслужбы вербуют шпионов среди перебежчиков, националистов, врагов советской власти. Самыми хитроумными способами их забрасывают через границу. Но на советской территории деятельность лазутчиков заканчивается удручающе быстро и печально. В СССР тотальный режим секретности. Всех подозрительных немедленно сдавали в органы. Как только советский крестьянин завидел странного человека, имеющего много денег и вещей, которых у советских людей не было, то его немедленно тащили к местному уполномоченному. Самые удачливые шпионы выживали на советской территории дней десять. Далее, как правило, их ждал трибунал и расстрел.

Иностранцев в большую часть населенных пунктов не пускают. Люди при их появлении шарахаются. Их телефоны прослушиваются. Американской разведке приходится пользоваться исключительно открытыми источниками. Но и они дают немало информации. Порой даже секретную лабораторию можно вычислить с помощью телефонного справочника. О закрытых городах атомного проекта узнают, сравнивая реестры населенных пунктов за разные годы. Исчезновение городов из реестра означает, что там началось секретное строительство.

Однако немецкие физики словно растворились в русских просторах. Но если невозможно найти их следы в СССР, быть может, стоит поискать в Германии? Американцы связываются с западно-германскими спецслужбами. Необходимо найти и опросить родственников и близких уехавших немецких физиков. Возможно, они получают письма из СССР. Немецкие коллеги добиваются блестящих результатов. Удивительно, но в числе свобод, которые дозволялись Берией немцам в Сухуми, была возможность отправлять посылки и писать письма в Восточную и даже Западную Германию. Американцам наконец улыбается удача. Западно-германская разведка передает в их руки десятки писем немецких ученых из СССР. Над письмами изрядно потрудились цензура, в них нет географических наименований, но для грамотных аналитиков это бесценный материал.

Из доклада ЦРУ:

Моральный дух немцев очень высок. Они ограничены в передвижениях, зато питание, жилищные и прочие условия намного превосходят те, что были в Германии во время войны. Все оправдывает высокий уровень жизни.

Помимо настроения немцев, американцам удастся выяснить через их письма куда более существенные данные. Из доклада ЦРУ:

Арденне пишет в Германию письмо, где просит прислать ему некие химикаты и инструменты. На основании анализа его просьб делается вывод: возможно, редкоземельные элементы нужны для изучения химических свойств плутония.

Хотя указывать географические объекты в письмах запрещено, и советская цензура бдительно следит за этим, американцы остроумно вычисляют местоположение немцев по косвенным данным. Казалось бы, совершенно невинное письмо немецкого ученого Ринтелена домой:

10 декабря мы получили возможность весь день с утра до вечера заниматься покупкой теплой одежды, ездили на метро и автобусе, посидели в хороших кафе... Вечером снова отправились в путь и 12 декабря прибыли в большой город. Следующим вечером мы проехали еще 5 часов на поезде и 14 декабря приехали сюда, проехав еще 2 часа на автобусе...

Этот текст для американских спецслужб – важный источник развединформации.

Расшифровка письма американскими аналитиками: 10 декабря Ринтелен был в Москве, ибо больше нигде нет метро. Вряд ли он уехал на Восточный Урал, скажем, в Нижний Тагил, тогда он сел бы в Москве на один из утренних поездов на Пермь, чтобы успеть на поезд на Нижний Тагил в 11.50. Таким образом, они ехали не на Северный Урал и «большой город» был Свердловском. Последний дневной поезд отходил из Свердловска на юг в 14.20 и через 5 часов прибывал в Кыштым. Ринтелен переночевал в Свердловске, чтобы сесть на этот поезд. Поэтому методом исключения определили, что пункт назначения, в 20–30 милях от Кыштыма (2 часа на автобусе) на юге Центрального Урала.

Местоположение Ринтелена американцы вычислили абсолютно точно. Это был объект Сунгуль, неподалеку от Кыштыма, где действительно работала группа Борна. Географию перемещений немецких специалистов американская разведка уточняет даже из рассказов о погоде и природных явлениях.

Из аналитической записки ЦРУ:

Госпожа Верена Вебер в письме своей тетушке рассказывает, что они видели 97-процентное солнечное затмение, которое началось в половине пятого и кончилось в половине седьмого. Справившись в Военно-морской обсерватории, установили, что затмение на 97 % в указанное время было в Сухуми. В сочетании с описаниями флоры, ландшафта и климата сделан вывод, что речь идет об окрестностях Сухуми.

Сверяя разные письма, американцы вычисляют целые группы немецких специалистов, работающих вместе. Из доклада ЦРУ:

Путем перехвата и тщательного сравнения писем удалось установить, кто работает в группе Арденне в Сухуми. В нескольких письмах упоминается о случайной гибели маленького мальчика, который играл со спичками. Также сообщается о вспышке скарлатины. Таким образом, выявлены группы немцев, работающих вместе. Данные указывают, что рядом с группой Арденне работает группа Герца.

Сухумские институты – предприятия строгого режима. Все рабочие чертежи ежедневно сдаются на хранение в особые отделы. Но странным образом особы разрешают немцам то, что не дозволено их советским коллегам.

Клаус Тиссен рассказал нам:

Так называемое обеспечение секретности, такой режим отчасти сумасшедший, смехотворный. Принес ли он пользу, мы не знаем. Он был строжайший. Мы должны были каждый вечер листы бумаги, на которых были сделаны чертежи, сдавать в специальном конверте с печатью, каждый лист. Это все собиралось и выдавалось на следующий день. В этом-то и сумасшествие, мы должны были сдавать каждый вечер каждый лист, а на следующей день получали с печатью. Но нам разрешено было фотографировать в

лабораториях, сколько мы хотели, и сдавать пленки нам не нужно было. У меня сохранилось много фотографий, которые я снял. Это было несколько нелогичным. Мы могли сколько угодно писать писем в Германию, даже позднее в ФРГ, везде. Каждое письмо читалось, подвергалось цензуре, это мы знаем, потому что наши друзья и родственники сохранили письма. И на них можно найти зачеркнутые места, где описывалось, что человек жил в Сухуми на Черном море. Место Сухуми нельзя было называть. Не знаю, принесли ли эти тайны какую-то пользу.

Доходило до смешного, каждый на улице в Сухуми знал, где мы работаем, что мы немцы, что мы работаем над условиями создания атомной бомбы и при этом мы должны были хранить молчание. Что уж говорить, если для сыновей Густава Герца и Петера Адольфа Тиссена в Ростове во время нашей учебы был специально приставлен офицер, который там жил 2 года, он получал зарплату, вел жизнь, которую он никогда бы после не смог себе позволить. Он знал совершенно точно, что мы ничего не сделаем, не устроим ни саботажа, не устроим конспиративные встречи с иностранцами. Ему не было необходимости надзирать за нами. Это была своего рода перестраховка.

Были случаи, когда доносили, но не в нашем кругу. Я читал, что некоторым угрожали. Но нам это не привелось испытать. Я знаю два случая. Первый – один военнопленный, который исчез в лагере, и выяснилось, что он дал фальшивые данные и что в начале войны он был летчиком, которого сбили.

И был другой. Он хотел с берега переплыть от военнопленных на турецкий корабль. Он снял одежду на пляже и пошел в воду, он проплыл немного и понял, что все равно не доплывет, и поплыл назад. У его вещей уже стояли солдаты, которые успели все увидеть. И он исчез в лагере для военнопленных, но его потом выпустили. Ему ничего не было, его просто отправили в лагерь, из которого его привезли, т. е. его не расстреляли и не добавили срок. Это было даже странно, военнопленных отправляли обратно в лагерь после того, когда они не были больше нужны, военнопленные механики, электрики. Это был гротеск. Они раньше вернулись домой в Германию, чем те немецкие инженеры и ученые, которые остались в Сухуми. Это все показывает, что страх был не обоснован. Все те, кто работал с нами, все вернулись домой, и некоторые живы еще сейчас.

Слабый режим секретности в сухумских институтах не объяснить беспечностью местных чекистов. Немецкие ученые работают над атомной программой не только в Сухуми. И везде им разрешают писать письма в Германию. По этим письмам американская разведка методично вычисляет расположение ядерных объектов.

Из аналитической записки ЦРУ:

В перехваченном письме говорилось, что группа физика Позе находится в трех часах езды на автобусе от Москвы. Несколько аналитиков отметили в письме тот факт, что члены группы Позе неплохо поплавали в реке и что в тех местах велось строительство. Также в письмах говорилось, что обратные поезда из Москвы «ходят плохо». Изучение карты и расписания поездов убедило в том, что это платформа Обнино, в 15 км к северо-востоку от Малоярославца. Было еще 10 мест в двух с половиной часах от Москвы, но там либо не было реки, либо имелось отличное сообщение с Москвой. По нашему заданию американский военный атташе сфотографировал строительство. Определили, что это ядерный реактор.

Немецкие письма постепенно приподнимают завесу над атомным проектом русских. Операция складывается удачно. Американские аналитики не могут знать, что существуют объекты, где совсем иной уровень секретности. Где запрещено фотографировать, писать письма и звонить по телефону. А выйти за пределы зоны физически невозможно. Колючей проволокой и охраной здесь окружены не отдельные институты и объекты, а целые города и районы, которых больше нет на географических картах. Этим городов нет в расписаниях поездов и самолетов. К ним прокладываются железные дороги. Но они якобы ведут к другим станциям. Аэродромы около этих городов тоже считаются относящимися к другим населенным пунктам.

Так, часть Мордовского заповедника передали в Нижегородскую область. И на картах остался лес. С карт исчез старинный русский город Саров. К 1940-м годам знаменитая Саровская обитель уже была упразднена, на ее месте некоторое время находилась детская колония, а потом завод, который в годы войны изготавливал снаряды для «Катюш». Именно это место было присмотрено людьми Берии для создания здесь столицы атомной империи. Тому было несколько причин: густые леса создают маскировку, город довольно близко от Москвы, в то же время территория не слишком густо заселена, есть железная дорога, и может быть, главное – рядом Мордовские лагеря, которые могут дать десятки тысяч бесплатных подконвойных работников. И в 1946 году в бывшей купеческой гостинице Сарова разворачивается КБ 11 – Центральный научно-исследовательский институт по проектированию атомного оружия. Возникает мощный ядерный центр под названием Арзамас-16 или Москва-300. Секретность здесь несравнима с той, которая существовала в сухумских институтах.

Участница советского атомного проекта Ирина Адамская рассказала нам:

Как попала в Саров? Тогда я первый раз столкнулась с могуществом нашей организации. В Ленинградском университете Центральная комиссия по распределению выпускников работала в главном здании на втором этаже. Вызывали нас по одному. На распределение я шла совершенно спокойно. Вопрос о моем распределении был решен, потому что аспирантуры не многочисленны в те годы были, и поэтому преимущественное право при назначении их имел факультет. И когда меня вызвали, представитель факультета сказал, что я рекомендована в аспирантуру. И вдруг председатель комиссии говорит: «Вы знаете, к сожалению, я вас должен огорчить. На нее претендует Главгорстрой СССР».

Представитель развел руками. Ну, сделать ничего не можем. Так что отсюда нас направлено было в распоряжение Главгорстроя СССР, десять, может быть, двенадцать девушек. С чистыми анкетами. Почему девушек? Потому что все молодые люди с хорошими анкетами были направлены в Военную академию. И через три года стали сухопутными моряками. Все они, как потом это выяснилось много лет спустя, так или иначе были связаны в работе с нашим объектом, с нашими организациями. Нам было предписано 1 августа 1951 года прибыть в Москву по адресу: Спартаковская улица, номер дома, к сожалению, не запомнила. С дисциплиной было строго. Вся группа, которая ехала, как говорилось, после отпуска с разных концов страны, встретила в условленном месте. И мы все вместе направились на Спартаковскую.

Группа поручила мне связаться по указанному телефону и взять на себя организационные обязанности. Увидели мы очень невзрачное здание, двухэтажное, деревянное, знаете, такого грязно-желтого цвета. Вышла из этого здания женщина, дала нам направление в общежитие. На время оформления, неделю оформление длилось, разместили нас в Институте стали. Наконец мы

получили пропуска, и нас пропустили в это здание. На второй этаж. Вот тогда мы впервые прошли мимо часового.

Мы сидели, ждали приема, вызывали группами. В общем, мы сидели настолько притихшие, что почему-то стали шепотом разговаривать. Был обеденный перерыв. Мимо нас прошла группа женщин. Веселые, смеются, разговаривают. Прошли мимо часового, спокойно предъявив пропуска. А мы недоумевали. Как это так, вот можно идти, смеяться, спокойно разговаривать, когда ты работаешь за часовым. Вот это первое такое впечатление. Первая группа получила направление в ЛОМИ, ленинградское отделение математического института.

Вторая группа, было сказано, что она остается на работе в Москве. Наконец дошла очередь до меня. Вместе со мной вошел молодой человек, которого я видела впервые. Сказали, что это выпускник Ленинградского электротехнического института Ярослав Андреев и что мы будем вместе с ним следовать к месту нашей работы. Ну, я немножко растерянно себя чувствовала, а вот Ярослав, он сказал: «Спариваете нас, что ли?». Кадровик совершенно серьезно ответил: «Пока нет, а там видно будет». Ни слова о том, где же находится наше место работы. Потом последовал такой инструктаж. Все, что с этого часа, выйдя отсюда, вы увидите, услышите, обо всем этом вы должны молчать. Писать письма можно будет с места вашей работы, но только о природе и о погоде. А дальше уже совсем таинственно следовало. Завтра вы должны прибыть по адресу Цветной бульвар, двенадцать. Там вы получите указания о дальнейшем пути вашего следования. Там будет написано на двери «овощная база», не обращайтесь внимания, именно в эту дверь вам нужно зайти. Повернете налево, и там вас встретит Иван Иванович Солнцев.

На следующий день все так и происходило. Запомнилось то, что здание было полуподвальное. И знаете, окна буквально вровень были с тротуаром. Солнцева на месте не было. А был молодой человек Пяткин. К сожалению, не запомнила его имени-отчества. Потому что впечатление от встречи с ним очень запомнилось мне. Он, видимо, видя мою растерянность и желая поднять настроение, сказал: «Ну, не огорчайтесь вы, пожалуйста. Ведь вы едете в такое замечательное место. Там же коммунизм в окружении социализма. И потом, это совсем недалеко от Москвы!». А дальше следовали уже ну совсем такого рода детективные указания. Сегодня вечером вещи вы должны собрать незаметно от всех, потому что в общежитии я не одна жила. Завтра утром встать в пять часов, тихонько уйти. Для всех вы должны в буквальном смысле слова исчезнуть. Дальше было сказано, на какой остановке мне сесть в рейсовый автобус, идущий во Внуково, в аэропорт. Там вы подойдете к скульптуре Сталина. Там был большой скульптурный портрет, который стоял в конце зала. Почти до потолка. Остановитесь там. К вам подойдет человек с такими-то приметам. И спросит ваши фамилии. Дальше он вам скажет, куда и что делать. Все так и было. Подошел человек с указанными приметам, спросил фамилию. За ним мы пошли через аэродром. И нас посадили в грузовой самолет. Вместе вот с тем молодым человеком, с которым нас познакомили на Спартаковской. Еще пара, два молодых специалиста, супруги Васильевы, летели сюда. В самолете оказались еще военные, которые сопровождали груз. Опять строгойше проверили пропуска. И мы полетели. Где-то около двух часов летел самолет.

Наконец мы приземлились. Опять военные, опять проверка. Наконец мы на земле. Аэродром представлял собой большую поляну, ровную, без всякого асфальта, травяное поле. И кругом лес. На автобусе служебном, тогда рейсовых автобусов не было, нас привезли в отдел кадров. Отдел кадров расположен был на втором этаже здания, где сейчас находится городской музей. Получаю направление в общежитие. Молодые специалисты, которые приезжали в том году, их в разные места поселка селили. В гостиницы селили. Но вот меня поселили в общежитие квартирному типа, которое находилось в деревянном коттедже. Этот коттедж стоит до сих пор, только там сейчас обычный жилой дом.

Оформление длилось целую неделю. То состояние, которое я испытывала, можно назвать шоковым состоянием. Потому что совершенно непривычно – колючая проволока, везде часовые, колонны заключенных под охраной, и часто с овчарками еще шли. И знаете, ощущение такой полной изолированности от внешнего мира. Было такое чувство, что меня втокнули в клетку, захлопнули дверь, выхода обратного нет. Потому что я уже знала, что выехать с объекта, даже в очередной отпуск, почти невозможно.

Но надо отметить, что атмосфера на работе в то время была удивительно доброжелательной. Все первые годы какое-то осталось впечатление радости от работы. И очень быстро в этом коллективе я почувствовала свою востребованность как специалиста. Вы должны понимать, насколько это важно. И постепенно настроение стало улучшаться. А потом, ведь просто невозможно было не видеть, какие на этом маленьком пятачке, в этом небольшом поселке сосредоточены разного рода специалисты высочайшего уровня, ученые с мировыми именами.

Ведь уже были известны имена широко Николая Николаевича Боголюбова, Игоря Евгеньевича Тамма и Якова Борисовича Зельдовича. Имена ученых, научного руководства и также специалистов всех подразделений, конечно, были засекречены. Но, если ты работаешь вместе с кем-то, естественно, имя становится известно сразу, как только ты приступаешь к работе. Вот почему я эти имена с первых же дней знала.

Потом, невозможно было не ощущать той атмосферы величайшей ответственности за дело, которая царил в то время на объекте. Тот интерес, с которым люди относились к работе. И то нетерпение, которое испытывали физики-теоретики, дожидаясь результатов наших расчетов. Вместе с этим приходило понимание, что здесь решаются какие-то важнейшие государственные проблемы. А потом, несмотря на все эти секретные ограничения, очень быстро ты начинал понимать, что за специзделие выпускает объект. Хотя вслух – боже упаси, это не произносилось. И вот что интересно. Вместе с этим пониманием, может быть, это вас и удивит. Но это вот мое ощущение. Приходило понимание, что эти жесточайшие ограничения, подчас может быть чрезмерные и нелепые, – они необходимы. И это самосознание, может, больше всяких запретов способствовало тому, что в эти первые годы никакая секретная информация с объекта не ушла.

Я еще приведу слова Якова Борисовича Зельдовича, как-то услышанные мной. Он сказал, что вообще в истории науки бывают звездные часы. Появление новых идей, осуществление радикальных прорывов. Именно такие звездные часы в то время переживал наш объект. И поэтому-то понимание

этого способствовало тому, что у меня очень быстро дискомфорт, который я испытывала в первые дни, – полностью исчез.

Помимо заключенных, на работу в закрытые города попадают либо выдающиеся ученые и конструкторы, либо молодые специалисты с идеальной анкетой. Здесь нет случайных людей, но даже дети боятся сказать лишнее слово. В закрытых городах все – государственная тайна.

Борис Альтшулер, сын знаменитого физика Льва Альтшулера, рассказал нам:

Секретность была, конечно, суровая и очень серьезная. Я помню, как для нас произнесение слова Саров, Сатис-речка, это все было табу. Мы знали названия, мы, сидя в этом Сарове на берегу речки, шепотом друг другу их говорили. А уж когда уезжал наружу, категорически никогда ничего нельзя было говорить, это было полное табу.

Был начальник первого отдела, сотрудник госбезопасности, отвечал за секретность. Секретный отчет должны были куда-то передать, и вот в первом отделе секретарша положила его нечаянно не на ту полку. И его не нашли, искали и не нашли. И этот начальник покончил с собой. То есть это было сурово, но вы понимаете, это ведь еще особый отдел, это человек военный практически – и вдруг такой прокол. Он понимал, что с ним будет, другое дело, что потом нашли. Он не знал этого. Пропал сверхсекретный документ. Это для них было абсолютно святое.

Я помню, мама моя однажды спасла отца в такой ситуации своей мудростью. Отец работал со сверхсекретными материалами, там и в конце рабочего дня они должны были сдавать эти материалы в первый отдел. А там им еще выдавали газеты на работе. Отец складывает газеты к себе в портфель, чтобы идти домой. Приходит домой и обнаруживает, что он унес с собой совершенно секретную папку. Его первое побуждение было побежать и сказать. Умная мама говорит: не делай, самоубийство будет. Отец эти материалы положил под подушку, не спал всю ночь, первым пришел на работу, достал и положил в сейф. Потом пошел в первый отдел и сказал, я забыл вам сдать, но я вот положил в сейф. Ну, ему пожурили, но это в сейфе на работе, это не то что вынес. Секретность была, конечно, суровая.

Все время были эти «бух, бух», какие-то взрывы доносились. На самом деле это они делали опыты. Моя мама Марья Порфирьевна была первым взрывником объекта, она из тех, кто взрывал. Это были не ядерные взрывы, это были опыты по обжатию обычным взрывом. Проверка свойств вещества при очень высоких давлениях, потому что это надо знать, потому что, когда делают бомбу, надо, чтобы цепная реакция пошла. Все время взрывы. Конечно, мы спрашивали родителей, что там? Они всегда отвечали, ухмыляясь, пеньки взрывают. Ну, ясно, мы сами видели, что, когда начинается строительство, надо место освободить от леса, а там огромные сосны.

Некоторые детали создания секретного города Арзамас-16 рассказал нам местный житель и специалист по госбезопасности Леонид Коченков:

Режим секретности фактически создавался примерно по образу и подобию американского Манхэттенского проекта. Там тоже он был сильный. Американцы старались сохранить от немцев, потом они признались и от СССР, чтобы работы были засекречены. А мы от американцев, в первую очередь, чтобы американцы не знали, что у нас атомной бомбы нет. Потому что еще в 1947 году Молотов заявил официально, что секрета атомной бомбы нет. И это усилило режим секретности. Было принято решение –

город Саров окружить колючей проволокой. В 1947 году в июне месяце объект был взят под охрану войсками внутренних дел, полк внутренних дел прибыл. Это делалось постепенно, естественно. Чтобы город окружить, 56 километров окружность, нужно время. Два-три года строилась полоса, потому что надо было вырубку делать в лесу, просеки и так далее. А всех жителей не выпускали. Как за зону взяли, только в исключительных случаях. Ученые ездили в командировки в Москву, и то в небольшом количестве. Со всех, кто принимался на объект, брали подробную подписку, что нельзя говорить. А нельзя было говорить практически ничего. Переписка контролировалась военной цензурой. Были даны условные адреса. Продукция, которую должен выпускать КБ-11 объект, она была зашифрована под реактивные двигатели. Это было сделано специально, поскольку Берия курировал не только атомный проект, но и создание реактивной техники, управляемых снарядов. И даже постановление Совета Министров СССР по КБ-11 было создать объект, конструкторское бюро по конструированию реактивных двигателей. Хотя постановление специального комитета, там, конечно, говорилось правильно – по конструированию атомных бомб.

Но решения специального комитета, возглавляемого Берией, они никуда не направлялись. А постановления Совмина направлялись и в другие министерства. Поскольку много министерств других привлекалось к работам по созданию атомной бомбы, то шифровалось не только само изделие – реактивные двигатели, но взрывчатые вещества, как горючее для реактивных двигателей и так далее. Была целая система подобрана. Жителям никому ничего рассказывать было нельзя. Действовал указ об ответственности за разглашение государственной тайны от июня 1947 года. Минимальный за разглашение срок восемь лет. С 46-го по 50-й год за разглашение сведений об объекте было привлечено к уголовной ответственности шесть человек. В основном люди, которые разгласили сведения, будучи за пределами города. Был, например, арестован и посажен секретарь нашего первого директора Зернова. Он, правда, работал в Москве, но поехал в отпуск, его не ограничивали, он в городе не жил. И в отпуске разгласил, чем он занимается. Его посадили.

Вот характерный пример начальник ОКСА, некий Любченко. Он до этого был замдиректора по строительству крупных машиностроительных заводов. Дал подписку. Как начальник ОКСА проводил работу среди подчиненных, что нельзя разглашать. Сам расписывался на всех приказах. Но однажды, будучи в Москве, рассказал, чем он занимается на важном объекте, – все. Восемь лет получил.

А вот среди ученых никого не было, кто бы разгласил. Кто был привлечен к ответственности. Ученые, такие как Зельдович, Сахаров, они потом в воспоминаниях все много писали. Они знали, что дали подписку, и чувствовали ответственность. И никогда – ничего. Журналист Губарев, когда встречался с Зельдовичем уже, когда вроде времена прошли, все никак не мог ничего выпытать его о бомбе, как он работал, как чего. Все тот считал себя обязанным давнишними последствиями. Жители города в строгости были до 53-го года. Были только коллективные выезды на колхозные рынки в Мордовию, в Дивеево на рыбалку, и все. Ну, просто под контролем режимных работников, чтобы никто никуда, никому ничего не проболтался. В 53-м году разрешили выезжать в отпуска. Но полная свобода на выезд и въезд в город

была только предоставлена в 66-м году. Когда выдали уже зональные пропуска, в любое время можно было уезжать. То есть двадцать лет ограничения были.

А на работе это, конечно, было жестко – только с начальниками секретами делиться, ни с кем из посторонних. Отделы, рядом работающие, не должны были знать, чем занимаются соседи. То есть делай свое дело – никому, ничего. Сдал, получил документы, сдай вовремя, не оставлять нигде. Тут, конечно, тоже были репрессии тем, кто нарушали. Например, Сахаров делал доклад на научном совете о своем новом изобретении – взрыволет так называемый. И когда чертежи все снял, положил на окно, задернули шторы, и когда уходили – их забыли в зале. Два дня лежали чертежи за шторами, а потом пришла уборщица убираться и обнаружила. Ну, народ дисциплинированный – доложили в первый отдел и в отделение КГБ, конечно, как положено. Было большое разбирательство, хотели даже заводить уголовное дело. Но в связи с тем, что никто посторонний не ознакомился, ограничились выговорами. Правда, Сахарову выговора не было, а начальнику первого отдела – его вообще сняли, понизили до замначальника отдела.

Ветеран госбезопасности Сергей Жмулев служил в Сарове с 1951 года, вот что он нам рассказал:

До этого я работал начальником Каменск-Уральского городского отдела КГБ Свердловской области. Примерно в августе месяце меня вызвали в управление областное. И стали беседовать, дали заполнить анкету. И сказали, что мы вас планируем перевести на другую работу. Возможно, через некоторое время мы вас пригласим в Москву. Действительно, спустя месяц меня пригласили в Москву. На Лубянку. Работник отдела кадров сказал мне, что мне надо прибыть в проулок Рязанский, там встретят. Меня встретили там. Выписали пропуск. И мы с ним пошли, с подполковником. Пока мы дошли до соответствующих работников, 4 раза проверяли пропуск. На каждом этаже. А иногда на одном этаже несколько раз. После этого со мной беседовал Мешик. Беседовал полковник Смирнов. И ряд других работников беседовали со мной. После этого отправили опять на Урал. Спустя месяц снова меня пригласили. Сказали, что со мной будет беседовать большое начальство. Действительно, меня привели и представили. Генерал Зернов и генерал Александров. Можете ехать и сдавать дела. А сдадите дела, приедете опять сюда в Москву. Я сдал дела. И, наверное, 31 декабря или 30-го я приехал в Москву. Мне дали жетончик, талончик. Причем, действительно, через Цветной бульвар, придете на такой-то поезд, такой-то вагон. Предъявите вот этот жетончик. И вас довезут до места. Я спросил – а долго это ехать? Да нет, недолго. Даже и продуктов себе не взял. А пришлось ехать почти сутки. Подъезжая к месту назначения, поезд остановился. Я посмотрел, он окружен войсками. В вагон пришли с проверкой. Стали проверять все вещи, багаж. Все проверили. Минут через 20–30 поезд тронулся. Приехали на место. Там нас повели в гостиницу. В комнате никого не было. Я один. Назавтра я проснулся, я говорю – а где же покушать-то? А у нас, говорят, столовые в воскресенье не работают. Можете купить на улице хлеб или консервы. А кипяток есть здесь. Вот так я оказался в Сарове. А назавтра – опять анкеты, опять беседа, опять подписки.

Меня назначили начальником головного отдела. Первого отдела. Это руководство всеми секретными органами подразделений. Их у меня было много. Последнее время 30. До 57 года я был начальник отдела этих секретных

органов. А в 57 году меня назначили заместителем директора ядерного центра. В это время начальником центра был генерал Музруков Б. Г. И вот с 57 года по 60-й, по осень 65 года, я был заместителем директора. И руководил всеми режимными службами, которые там существовали у нас. Первый отдел, режимный отдел. Отдел хранения, отдел перевозки. И другие секретные органы.

Адрес у нас был не Саров, не Арзамас. Объект Москва-300. Переписка вся шла Москва-300. Прописаны мы были в Москве по Октябрьскому полю, дом 1. Все прописаны были в одном доме по Октябрьскому полю в Москве. А грузы шли через станцию Шатки. Это каких-нибудь 100 км от объекта. Объект наш был очень большой. 70 км периметр. Это только основной периметр. А еще было 10 внутренних периметров. Внутренних площадок.

Письма не разрешалось писать. Приезжать родственникам не разрешалось. В случае смерти или тяжелых болезней, в виде исключения, разрешалось родителям или детям приехать. При условии, если они проходили по анкетам и о них проведена была проверка. У меня у самого отец умер. И я не мог пригласить его брата из Ленинграда. Телефонных разговоров не было. Не разрешалось. Главным образом, только связь по ВЧ. Служебная связь разрешалась. Но тоже в ограниченном порядке. В 57-м или в 58-м был разрешен телефонный разговор. Но только не с квартир, а с телефонной станции. На телефонную станцию житель города приходил, там предъявлял документ. И ему разрешали вести переговоры.

Вся численность у нас была режимных органов свыше 500 человек. А, кроме того, охраняла и обороняла дивизия, которой я, как заместитель директора КБ, функционально руководил. По обеспечению охраны и обороны объекта. Режимный отдел занимался подбором, изучением кадров. И выдачей пропусков. Установлением соответствующих шифров. Какие шифры давали право прохода того или другого подразделения. Первые отделы занимались учетом, хранением, размножением секретной документации. Отдел хранения, который занимался учетом, хранением всяких изделий. Атомных бомб. Боевых частей ракет. И запасных деталей или узлов. А еще был 7-й отдел, который занимался транспортировкой ядерных материалов. Это основные отделы.

Кроме дивизии, которая наземно охраняла, у нас охранялся и воздух. Особенно после того, когда мы получили данные, что американская разведка примерно знает месторасположение нашего центра. Тогда установили 4 площадки ракет в окружении нашего объекта. Ракеты охраняли и воздушное пространство.

Очень строго было на объектах основных. Ядерных центрах, таких как Саров, как Челябинск. Как Новосибирск. Когда заводы стали строить. Там очень жесткий был режим. А почему там, в Сухуми, так было, кто его знает? Может быть, и отвлечь внимание. Это мне не доходило. Уровень не тот.

Советский Союз сталинского времени – это своеобразная ловушка. Кто сюда попадает, тот обычно отсюда не возвращается. И вдруг в начале 1947-го года Москва делает Вашингтону неожиданный подарок. Четверо немецких ученых не сумели прижиться в советском атомном проекте и их отпускают домой, в Восточную Германию. А немцы тут же бегут на Запад. Их допрашивают американские спецслужбы и получают огромное количество информации: подробные планы сухумских институтов и лабораторий, выясняют даже штатное расписание

сотрудников. Информация из первых рук, из самого центра советского атомного проекта. Кажется, атомных секретов Кремля больше нет.

Из доклада ЦРУ:

Сбежавшие на Запад немцы действительно сообщили ценную информацию. Так, доктор Адольф Кребс рассказал, что немецкими специалистами руководил генерал Завенягин. Сказал, над чем работает в Сухуми Герц. Рассказал про разведку урана в Средней Азии. Про обогащение руды в Электростали. Про работы Фольмера по тяжелой воде, что оказалось чистым сюрпризом.

Немецкие перебежчики – большая удача американских спецслужб. Глубоко запрятанный советский атомный проект приобретает зримые очертания. Теперь можно представить направление и характер работ, сделать точный прогноз – когда русские получат свою атомную бомбу. А от этого зависит вся мировая политика.

США обладали пальмой первенства. А это в условиях холодной войны очень серьезный фактор для того, чтобы при определенных политических условиях, в разгар конфронтации, могло произойти непоправимое. Планы атомных бомбардировок СССР были разработаны, бомбы изготовлены, имелись средства доставки. И одна из посылок этих планов – войну надо начать до того, как у Советского Союза будет потенциал нанесения ответного удара.

К 1949 году американская разведка располагает обширной информацией о советском атомном проекте. Немецкий след вывел на секретные объекты и главных действующих лиц. Кажется, о русской бомбе известно все. 24 августа аналитики составляют очередной прогноз о сроках советской ядерной программы, весьма оптимистичный для Америки. Всего лишь через пять дней они поймут, как жестоко ошибались.

29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне в Казахстане прогремел взрыв первой советской атомной бомбы. Он возвестил о рождении новой ядерной державы и подвел черту под противостоянием ЦРУ и советской контрразведки.

Вышло так, что по мере накопления информации прогнозы ЦРУ о том, когда же у Советов будет бомба, когда они смогут ее испытать, становились все менее точными. И все больше отодвигались. Если первый такой прогноз, рассекреченный из архивов ЦРУ, говорил, что это произойдет в промежутке от 1950 до 1953 года, то следующий прогноз 1947 года отодвигает дату немного дальше и делает ее более туманной. А самый последний прогноз, от 24-го августа 1949 года, полностью бил мимо цели и выходил в середину 50-х годов.

Учитывая, что американские спецслужбы сумели добыть письма германских инженеров и определили, что серьезных разработок не ведется, вполне возможно, что они стали жертвой дезинформационной деятельности советской спецслужбы. Лаврентий Берия попросту обвел их вокруг пальца.

В ЦРУ это поняли слишком поздно, уже после советских испытаний. 31 октября 1949 года на имя президента Гарри Трумэна поступил доклад ЦРУ «Немецкие ученые в Сухуми». В нем американские аналитики делают неутешительные выводы. Из доклада ЦРУ:

Хотя природа исследований, ведущихся в Сухуми, еще до конца неясна, но лаборатория, очевидно, не играет значительной роли в советской атомной программе. Причины для такого вывода:

- недостаточная секретность;
- медленные темпы строительства;
- отсутствие планирования и координации между немцами и русскими специалистами.

Сухуми, несомненно, нельзя рассматривать как главную цель разведки в рамках атомного проекта.

В 1950 году на Запад бежал полковник МГБ, работник Первого главного управления, которому ЦРУ присвоило псевдоним «Икар». Только от него американцы узнали наконец подлинные имена руководителей советского атомного проекта. До этого знали в искаженной немецкой транскрипции. Так, например, заместитель Берии Завенягин в американских докладах именовался «Савинаки». Немецкий след так и не вывел ЦРУ на главных создателей бомбы. Сегодня существует вполне правдоподобная версия, что институты в Сухуми были созданы Берией специально для отвода глаз, чтобы дать ЦРУ ложный след. Конечно, это не совсем так. Немцы занимались важной научной работой, они ускорили создание бомбы на несколько месяцев. Но главную роль в советском атомном проекте играли все же не они, а совсем другие люди.

Неслучайно после успешного испытания советской атомной бомбы немецких ученых, работавших в ядерных центрах, вскоре начали отпускать домой.

Клаус Тиссен:

Мы не знали, вернемся ли мы когда-либо домой, и вернемся ли вообще. И это влияло на настроение, у одного больше, другого меньше. Я быстро с этим смирился, я был молод и мог бы остаться. Старшее поколение хотело обязательно вернуться. Если бы Сталин и Берия были живы, мы бы все равно рано или поздно смогли вернуться домой. Но на смену пришло новое руководство. Сказали, что немцы больше не нужны. Советский Союз без участия немецких ученых все равно бы смог создать атомную бомбу, с немцами просто получилось быстрее. И много советских ученых можно было использовать для других областей благодаря тому, что были и немецкие.

Я думаю, что после того, как была разработана первая водородная бомба, которая была взорвана еще до американцев, с 1952 года все немцы занимались какими-то другими работами. Таким образом, с 1954 года можно было вернуться на родину. Мой отец уехал последним, так как работа, которую он выполнял, была важная. Речь идет о каскадном разделении. После того как уехал мой отец, в Сухуми в институте физики осуществлялись работы, которые уже не представляли никакую тайну. Моего отца в 1952 году перевели в Электросталь, где он работал последующие 4 года.

Кстати, еще раз к вопросу, почему были отпущены домой. Интересно, что каждого немца в отдельности опрашивали, кто, куда хочет вернуться: в ФРГ, ГДР или Австрию? И конечно, многие сказали, что вернутся в ГДР, так как боялись, что вообще не смогут выбраться. Так, большая часть вернулась в ГДР. Но, к большому удивлению, кто сказал ФРГ – был тотчас же отпущен. Например, ближайший сотрудник моего отца Людвиг Циль, который вместе с моим отцом получил премию первой степени. Он сразу сказал, что хочет в Западную Германию, и его отпустили, к большому удивлению всех. Или Циппе – он хотел в Австрию и уехал в Австрию. Те, кто решили уехать в ГДР, сработались с советскими учеными уже так сильно, что они не хотели терять эту силу, возможность. Эту коллективность, которая развивалась годами с советской Академией наук, институтом физической химии, например со Спицыным, они не хотели ее потерять. Поэтому они хотели поехать в ГДР, поскольку были твердо убеждены, что таким образом не смогут потерять превосходные отношения с советскими учеными, так как именно в это время они познакомились с лучшими учеными Советского Союза.

И было не случайно, что Фольмер стал президентом академии в ГДР, когда он вернулся обратно. Герц построил большой институт физики в Лейпциге в университете. Мой отец основал институт физической химии

Академии наук в Восточном Берлине, где я до сих пор работаю. В институте, который основал мой отец, Ангела Меркель защитила свою докторскую работу. Мой отец был к тому времени уже пенсионер.

Один из самых ведущих, кто уехал тогда в ФРГ, был Николаус, или Николай, Риль, но не потому, что он имел что-то против советских коллег. Его жена во что бы то ни стало хотела в Западную Германию. И он оказался в Мюнхенском университете. Мы с ним очень часто встречались, были вместе на конференциях, были очень дружны. У нас с Рилем до конца его жизни были хорошие отношения, не так, как с Барвехтом, с которым мы ничего не хотели иметь общего, который отправился в Америку.

Звучит невероятно, но мы не боялись, что мы попадем в лагерь в Сибири или исчезнем, что нас расстреляют. Я говорю не только о нас, а о моем отце, ведущем немецком физике-ядерщике, который работал над этим проектом. Он никогда не боялся, что будет убит или исчезнет в лагерях. Каждый старался и работал не для того, чтобы выжить, а для того, чтобы иметь успех.

Последним из специалистов вернулся мой отец в декабре 56 года, так как его еще использовали. Я вернулся в 59-м, но это было связано с тем, что я был в аспирантуре в Московском университете. Я познакомился с Иоффе и всеми другими великими учеными из Ленинграда. Я был бы глупцом, если бы вернулся в Германию, имея эту возможность написать мою докторскую работу в ведущем университете. Поэтому я вернулся последним летом 59 года.

Занимаясь атомным проектом, Лаврентий Берия задумал и осуществил, возможно, одну из самых успешных контрразведывательных операций в истории наших спецслужб. Мы не знаем ее названия и рассказали о ней в основном по американским источникам. И из этих источников следует – 4 года, с 1945 по 1949-й, американские спецслужбы, благодаря Берии и его ведомству, получая обширную информацию о работе ведущих немецких физиков в СССР, шли по ложному следу. Они не понимали ни объема, ни темпов работы по созданию советского ядерного оружия. И только в 1949-м, когда над полигоном в Семипалатинске взвился ядерный гриб, они поняли, что проиграли.

Золотая клетка и ее обитатели

Саров и сегодня город-крепость, попасть на его территорию можно только по специальному разрешению. Первое, что встречает гостя, проволочное ограждение в несколько рядов и впечатляющее здание КПП с массивными стальными воротами. В самом городе нашу съемочную группу бдительно сопровождали вежливые люди из местного ФСБ. Попытки самостоятельных прогулок пресекались. Вообще же город выглядит абсолютно обычно, разве что уютнее, чище, спокойнее и зажиточнее среднего российского города таких размеров. Скорее даже напоминает не Россию, а Восточную Европу или Прибалтику.

В Сарове имеются несколько достопримечательностей. Красный дом, где раньше размещалось научное руководство. И два музея – краеведческий и посвященный созданию советского ядерного оружия. Там, прежде всего, привлекает внимание точная копия первой советской атомной бомбы, взорванной в 1949 году в Семипалатинске. Забавно, что ее не разрешают снимать на камеру, хотя в музее можно взять буклет, в котором есть ее фотография. В экспозиции привлекает внимание гигантская ядерная торпеда, которая должна была уничтожить крепость Гибралтар, но в серию так и не пошла. Гуляли мы и по бывшей улице Берии, где в таких же, как у Курчатова, коттеджах жили члены-корреспонденты и академики.

Саров. Типичная жилая застройка

С 1946 года Лаврентий Берия не работал в органах, не имел никакого формального отношения к Министерству внутренних дел и Министерству государственной безопасности. Но страшная чекистская репутация – осталась. Один из своих кабинетов он сознательно обустроил на Лубянке. И такая репутация помогала эффективнее решать служебные вопросы. Рассказывают, что однажды два конструктора не могли придти к единому решению. И попросились на прием к Берии, чтобы он их рассудил. Лаврентий Павлович поступил просто. Он попросил им передать через секретаря: если два коммуниста не могут придти к единому мнению, то значит,

один из них враг. У Берии нет времени разбираться, кто враг. Он дает сутки, чтобы согласовать решение, прежде чем этим займутся органы. Через десять минут оба конструктора пришли к единому решению.

Саров. Музей ядерного оружия

С 1945 года Берия управляет огромной технократической империей, которая живет по своим, не советским, законам. В секретных городах Атомного проекта люди добиваются успехов без всякого партийного руководства. Он создал некую платоновскую республику мудрецов, где всем управляют специалисты, а им подчиняются рабы. В «золотой клетке» далеко не всем жилось «как при коммунизме в окружении социализма».

Борис Альтшулер, сын знаменитого физика Льва Альтшулера, рассказал нам:

Я помню, иду по улице Сарова и кто-то из ребят, которые там живут, в этом монастыре, из местных, он идет в телогрейке на голое тело, мороз минус сорок. У него здесь, помню, красный клин на груди и с ним еще мальчишка лет трех. Больше всего я мечтаю, чтобы он прошел и на меня не обратил внимания. Я знаю, у него или финка, или бритва... это такие нравы, вся страна на самом деле была окрестностью лагеря.

Но что я хочу сказать, мы, конечно, в каком-то смысле были баре. Как отец шутил «бобры», тогда вот была басня Сергея Михалкова. Эти все, живущие в коттеджах, высшая элита – это бобры. Колоссальная сословность. Высший слой – это те, кто жил, как Юрий Борисович Харитон, в совершенно особом, охраняемом коттедже, и несколько таких крупных начальников. Затем шел слой ученых группы номер один, к которой принадлежали мой отец, Юрий Аронович Цукерман, ну и начальство второго уровня. Мы жили в финских

домиках, это был финский поселок, дом с участком на две семьи. Нашим соседом был Шутов, начальник КГБ объекта.

Дальше шел слой инженерно-технических работников, в основном приехавших из Москвы. Они жили в поселке ИТР. Это современные, конечно, деревянные, панельного строительства не было, многоквартирные дома. Была еще гостиница. Потом шел слой ниже, это местные жители, которые тоже работали на производстве, у них свои домики, участки. Потом были люди ниже, освобожденные, которые жили в совершенно страшных условиях, в бараках, но это те, которым уже кончился срок, их с объекта не отпускали. Это по три семьи в одной комнате, за занавесочками вся семейная жизнь. Из таких был Григорий, за которого потом вышла замуж наша няня Дуня. Ее взяли родители из деревни соседней, договорились, она у нас была няней. Такая русская деревенская Дуня, фантастически яркий человек. Она все подедала, она же голодала, я был пару раз в ее доме, там в деревне. У нас действительно называли в Сарове нашу жизнь «пробный коммунизм», где все есть. А там сажали за колоски, им просто нечего было есть, нищета. Известно, люди просто вымирали в каких-то областях в 46 году. Но она была очень яркая, она все подедала и при этом приговаривала: «в русском желудке долото сгниет». Там она потом познакомилась, полюбила с Гришей, потом они поженились и он жил как раз в этих бараках.

И нижний самый слой были заключенные.

Первое главное управление обслуживала целая система лагерей, называвшихся «Строительство», входивших в основном в состав Главпромстроя. «Строительство-90» возводило научно-исследовательские институты в Москве и Подмосковье. «Строительство-247» – научно-исследовательские центры на Южном Урале. «Строительство-304» – завод в Миассе. «Строительство-313» – объекты в Свердловске и области. «Строительство-352» – завод в Электростали. «Строительство-442» – военный городок и заводы в Оптино. «Строительство-505» – объекты в Сарове. Несколько лагерей находились в Средней Азии, на Северном Кавказе и на Украине, где добывали уран.

Всего в лагерях Главпромстроя около 100 000 человек. Политических заключенных и уголовников-рецидивистов обычно в эти зоны не брали. Основной контингент – бытовики, спецпоселенцы, военнопленные.

Специалист по госбезопасности Леонид Коченков рассказал нам в Сарове:

И наш город, и многие другие города Советского Союза, здесь все тяжелые работы делали заключенные. У начальника управления строительства был зам по лагерю. И, конечно, все работы земляные, возведение зданий, все делали заключенные. Статей политических старались не брать. И, естественно, не брали из заключения людей, которые побывали в плену, которые где-то за границей побывали, репатриантов попавшихся. В основном из мордовских лагерей, из окружающих объект десять тысяч заключенных работали. И лагеря существовали до 1957 года. Внутри объекта были три района лагерей, и за пределами объекта тоже. При строительстве широкой колеи железной дороги были за пределами города отдельные лагерные пункты. У нас не было ученых среди заключенных, как в некоторых других лагерях. Старались брать отбывающих наказание за хулиганство, бытовые преступления. Отбор, конечно, какой-то был. Заключенные у нас по сравнению с другими обеспечивались лучше питанием, так же как и жители города. Ну, чтобы не

бегали, и все. Конечно, пока наладили зону, пока построили периметр, побегии были, и с убийствами побегии были.

Борис Альтшулер рассказал нам:

Все строительство вели заключенные, утром, в 6 утра, они колоннами с собаками, с охраной, шли на работу, а часов в 8 вечера возвращались. Они работали и у нас во дворе. Охрана прячется по переулкам, а они строят водопровод. У мамы съели все соленые огурцы из кадушки, ходили через веранду, но мама, естественно, на них не обижалась, наоборот, старалась дать хлеба.

Но там всякие были эпизоды. Помню, иду я из школы к дому, надо переходить наш переулок, и вижу, как из нашей калитки быстро направляется заключенный, размахивая котелком, открывает калитку и идет через переулок, навстречу мне. Там охранник в стороне, с винтовкой. Я слышу только издали крик, вскидывает винтовку и стреляет в этого заключенного. Это попытка побега была. Этот мгновенно убегает за наш дом, срывает свою шапку, чтобы не опознали потом, убегает. Я постоял еще минуту со страха, подождать пока пуля пролетит, ну и пошел домой обедать. Это была будничная жизнь.

Каждая стройка начиналась с очень приятного запаха свежего дерева, доски привозили, строили забор, вышки для охраны. Потом там, уже за забором, появлялись заключенные. Я помню, маленький я был, весна, по моему, это был 47 год, и огромные лужи, я с корабликом играю на нашем переулке. Здесь же зона, идет строительство за ней. Я вдруг ловлю на себе взгляд. Какой-то заключенный, мужчина, смотрит на меня, на мальчика, играющего в кораблики. Вы знаете, я не могу забыть этот взгляд. Их сажали на десять лет, понимаете, это полный отрыв от всего.

Когда начинали строить секретные города, то не задумывались об одной проблеме, а что делать с эками, когда у них закончится срок? Выпускать на волю – невозможно, они секретноносители. И эки по окончании срока накапливались в Сарове как вольные. К 1950 году ситуация стала близка к катастрофической.

Специалист по госбезопасности Леонид Коченков рассказал нам:

Люди, которые два-три года поработали и отбыли срок, их не выпускали. И постепенно накопилось слишком большое количество их, до 3200 человек освобожденных. И, конечно, начали квартиры грабить. Первый директор Зернов ставил вопрос о выселении. Письма Берии писали несколько раз, чтобы освободить поселок от этих нежелательных вольнонаемных. Их брали в строительство, но они работать не хотели. И, в конце концов, где-то лет через пять их выселили на Дальний Восток и в Магадан вольнонаемными. Не хотели отпускать заключенных, чтобы они не разгласили сведения об объекте, который, конечно, был сильно засекречен.

В секретных атомных городах люди работали без партийных накаток, здесь не было даже райкома партии, здесь все было не похоже на окружающий Советский Союз. Берии приходится не только управлять гигантским производством, но и общаться с секретными физиками. Уникальными, незаменимыми специалистами. При этом у многих такие анкетные данные, что им в сталинское время полагалось не на секретном объекте работать, а за Полярным кругом кайлом махать.

Племянник академика А. П. Александрова Евгений Александров поделился с нами:

На самом деле органы очень любили людей, которые имеют скелеты в шкафу, при этом ведь можно хорошо ими управлять. Они ничего не знали об ужасных эпизодах биографии моего дядюшки, а именно знаменитые три креста Георгиевских, которые он успел получить в 16 лет. Они не совсем были Георгиевские, эти кресты были организованы Врангелем, потому что нормальный Георгиевский крест мог бы вручать только Государь-император. А Врангель завел свои кресты, но они имели полный дизайн Георгиевских крестов и выдавались по такому же роду заслуг. Каковы были причины для этих заслуг, так никто и не знает. Дядя никогда об этом не рассказывал, и вообще он никогда ничего не рассказывал. Он всю жизнь этого страшно опасался. Он понимал, что рано или поздно что-то об этом станет известно. Что еще его беспокоило, то, что у него, разумеется, не было диплома об окончании университета. И уже очень поздно, уже в 1980-х годах, он как-то пришел очень мрачный домой и сказал, что под меня, говорит, копают. Начальник первого отдела спрашивает у меня мой аттестат, говорит, а у меня его никогда и не было.

Я помню, что он такой мрачный сидел. Я говорю, у вас такая сейчас железобетонная позиция, что они могут сделать? И тогда он так мстительно улыбнулся, говорит, ну пускай копают, если они что-нибудь раскопают, так усрутся. Он, вообще, никогда не употреблял ненормативной лексики, но иногда такое высказывало.

Главный в Арзамасе-16 – Юлий Борисович Харитон. Анкетные данные его по тем временам – чудовищны. Отец Харитона был в 1922 году вывезен из России на философском пароходе. Обосновался в Риге. В 1940 году, после вступления в Прибалтику советских войск, был арестован и отправлен в лагерь, где и погиб. Мать – актриса. Уехала на гастроли в Германию и не вернулась. Сестра оказалась на оккупированной фашистами территории, что в те времена считалось преступлением. В общем, одного из руководителей Атомного проекта, беспартийного еврея Харитона, любой, даже самый заурядный следователь «ведомства Берии» мог обвинить и в шпионаже, и в предательстве Родины. Не многим лучше анкетные данные у его подчиненных.

При этом физики не только кротко и молчаливо работают. Этим людям дозволяется то, за что в Советском Союзе расстреливают на месте. В апогей гонений на генетиков они открыто говорят, что Лысенко шарлатан, зубоскалят над научными работами товарища Сталина и основами советского строя.

Борис Альтшулер продолжает свой рассказ:

Вот этот прагматизм Берии, конечно, спас моего отца. В 1950 году приехала важная комиссия, я смог недавно впервые прочитать докладную этой комиссии, что говорил Сахаров, что говорил Альтшулер. Ну действительно, вещи удивительные по тем временам. Сахаров сказал, что он не согласен с политикой партии в области биологии, но это сошло с рук, потому что Сахаров был Сахаров уже тогда, в 1950 году, если к Берии ходит на прием.

А когда Альтшулер сказал то же самое, что Лысенко безграмотный, закрутилось дело – тут же отстранение, тут же указание удалить с объекта, ясно с какими последствиями. И вот когда это так закрутилось, Евгений Ароньч Цукерман, друг отца и тоже ядерщик, один из пионеров атомного проекта, он пришел к Завенягину, Абраму Павловичу. В 12 ночи к нему пришел и сказал, что Альтшулера хотят высылать. Утром к нему пришли еще Забабахин и Сахаров, и когда Андрей Дмитрич начал в своем стиле медленно говорить:

«Я пришел поговорить к вам по одному личному делу...». – «Знаю, я уже все знаю, хулиганские выходки Альтшулера».

Игорь Курчатов и Юлий Харитон

Но тем не менее, отцу сказали не выходить на работу. Однако у красной гостиницы в Сарове отец встречает Мешика. Мешик был ближайший сотрудник Берии, отвечавший за атомный проект. И спрашивает отец, наивно, когда я смогу выйти на работу? «Как, вы еще здесь?!». Тем не менее, в этот раз было на каком-то уровне решено притормозить, и он продолжал работать. Тогда отца только вызвали к Борису Львовичу Ванникову и тот стал говорить, что все в ужасе, руководство в ужасе, с таким личным делом отца, вы находитесь на объекте, куда мы даже секретарей обкомов не пускаем, и вы говорите, что вы не согласны с линией партии в биологии и в музыке (про Шостаковича началась кампания), идите работайте. Но при этом отец рассказывал, что у него тут-то хватило ума не возражать и молчать.

Но через год Харитон говорит отцу: «Лев Владимирович, не выходите на работу завтра, мы скажем вашим студентам, что вы заболели». Отец, правда, поехал кататься на лыжах и встретил своих студентов там, но тем не менее, в это время они уже с мамой жгли фотографии, потому что ясно, что ждали самого плохого. И тогда Харитон позвонил Берии и на прямой вопрос: «Он нужен?» ответил: «Нужен очень». Берия положил трубку. И отца не тронули. Прагматик.

В Москве умер Сталин, родители моего друга приходят к знакомым, видят – накрыт стол, какое-то угощение, вино стоит. Они спрашивают, хорошие друзья, близкие, это что, день рождения чей-то? Нет, празднуем смерть тирана. Но это были очень близкие люди. На дне рождения Цукермана Юрия Ароньча в переулке на Пречистенке отец взялся произнести тост. Как

раз закончился Нюрнбергский процесс и повесили нацистов главных. Отец поднимает тост, Лев Владимирович Альтшулер, я счастлив, что дожил до того момента, когда повесили нацистских главарей, я надеюсь дожить до нашего Нюрнбергского процесса. Никто не донес. Смертоубийственно.

В общем, отец по-всякому высказывался. Тот же 46 год, он в Сарове. Там была генеральская столовая, где кормилось начальство. Разговор за обедом, говорят, какое трудное сейчас время 46 год, голод, у нас, говорят, рабочие падают в цехах в обморок от голода на строительстве. Отец кладет так ложку и говорит, покажите мне, где в уставе вашей партии написано, что рабочие должны голодать. Он реагировал как сын просто потомственного социал-демократа, человека, который был героем революции 1905 года, его отец также потом принял Ленина, но это социал-демократия, это рабочие за рабочих. Этот человек, он так весь посерел, медленно довольно поднялся и ушел куда-то в другой конец зала. Ну, разумеется, это было сообщено и опять сошло с рук, потому что атомщики были очень нужны.

Берия прирожденный технократ. Своему сыну Серго он дал высшее техническое образование и устроил в секретное КБ. Хотя сам Лаврентий закончить образование не смог, в любом деле он привык контролировать все, до мельчайших деталей. Однако в Атомном проекте даже это оказалось невозможно. Важнейший этап Атомного проекта – создание ядерного реактора. Он был запущен на территории 2-й лаборатории, в декабре 1946 года. И получил название – Ф-1. Фактически первый.

Участник советского ядерного проекта физик-атомщик Вадим Дикарев рассказал нам в Москве:

Вот стали собирать пятую сферу, как мы называли, наш реактор называется еще пятая сфера. Уже было построено это здание, в этом здании стали собирать. Собирали осторожно, слой за слоем, и проводили измерения, как идет размножение. Идет либо по определенным законам физическим, либо отклоняется. Было мало слоев, набирали еще слой за слоем и когда подошли уже к тому, что вот-вот уже должна цепная реакция осуществиться, то тогда все люди были удалены из этого помещения. Курчатов приехал сюда, и с группой сотрудников они с двух часов начали эти последние эксперименты, т. е. достраивали зону. И в этом реакторе существует способ управления вместе с защитой, это использование поглощающих материалов, кадмиевых стержней, которые вводятся сверху в активную зону в эту построенную сферу. Когда стержень из поглощающего материала вводится, цепная реакция глохнет, потому что нейтроны поглощаются и он поднимается. И на последнем стержне делали зарубочки и поднимали его с великой осторожностью.

И вот, собрав пятьдесят четыре слоя урана с графитом, стали поднимать этот стержень, и в шесть часов вечера 25 декабря 1946 года реактор вышел в критическое состояние. Мы считаем это моментом пуска реактора, по этому поводу были остановлены часы, которые у нас здесь висят. Дальше пошли, конечно, очень интимные работы, потому что проверялись все режимы и все условия пуска. А темпы решения всей этой проблемы, они такие. В 46 году пустили этот реактор, в 48-м уже первый реактор на Урале. Под городом Кыштым, называли в то время Челябинск-40, этот город сейчас открыт. То есть так интенсивно шли работы. Параллельно с тем, что делали здесь эксперименты, там уже рылся котлован. В 49-м уже была испытана первая атомная бомба. В 52-м году Соединенные Штаты взорвали первое водородное

устройство, в в 53-м уже у нас в стране была сброшена первая водородная бомба. Вот такими темпами.

Роль Берии была, конечно, большой как организатора, как помощника очень велика была его роль. Потому что Курчатов с ним общался и Берия помогал. Но я могу вспомнить, уже впоследствии я занимался вопросами физики защиты от излучения, и мы проверяли, тогда же не было никакой литературы, все было засекречено, и мы проверяли различные материалы – как через них проходят нейтроны. Много материалов проверяли, и нам потребовался вольфрам.

Игорь Васильевич попросил меня подготовить проект письма Берии, и я подготовил. Он отправил, и вы знаете, буквально через две-три недели нам был поставлен вольфрам, это было несколько тонн, весь стратегический запас нашей страны. К нам в лабораторию. Мы провели эксперименты и потом вернули. Такой оперативности, такого отклика на запросы я больше не помню.

После пуска первого реактора Берия приехал проконтролировать процессы лично. Курчатов запустил процесс. Участились щелчки репродуктора. Подпрыгнул зайчик на гальванометре. Игорь Васильевич торжествующе сказал – ну, вот, Лаврентий Павлович, принимайте работу. Берия принимал самолеты, они летали. Берия видел, как стреляли танки, и он понимал, что танк готов. Здесь он понял, что он ничего не может проконтролировать.

Физикам можно только доверять и помогать. В конце 1940-х годов началось наступление партийных идеологов на последние ростки вольномыслия. Проходит тотальная чистка творческих союзов, наводится порядок в общественных науках, громят генетиков и кибернетиков. Очередь за физиками. Для этого затевается дискуссия по борьбе с идеализмом в физике.

Академик Жорес Алферов рассказал нам:

Были темные страницы в советской научной истории. На март 1949 года была намечена дискуссия по физике. И председателем оргкомитета по проведению этой дискуссии был Сергей Иванович Вавилов, а его заместителем Абрам Федорович Иоффе. И они не знали, что делать, потому что намечено было разгромить идеализм в физике. И дальше произошла такая история, которую мне рассказывали несколько человек, и все это совпадает, и я не буду абсолютно ручаться за все детали. Главный редактор «Правды» товарищ Поспелов прислал Игорю Васильевичу Курчатову статью философа Максимова, с которой должна была начаться дискуссия по физике. Об этом уже и в прессе писалось – «Квантовая механика и идеализм». И Курчатов собралу себя в кабинете своих друзей и коллег – Зельдовича, Арцимовича и Кикорина – и сказал: что, братцы, будем делать? И, как мне говорили, Яков Борисович сказал, что он видит один вариант – снять вертушку правительственную, набрать Лаврентий Палыча и сказать, что нужно выбирать – либо дискуссия, либо бомба. А это начало 49 года. И они так позвонили и сказали. Тогда Лаврентий Палыч сказал: «Вы что, мне ультиматум ставите?». На что ему ответили – нет, прости господи, никакого ультиматума, но мы бомбу делаем на принципе эквивалентности массы и энергии, мы бомбу делаем с использованием квантовой механики, и если все это идеализм, то бомбу сделать нельзя. И Лаврентий Палыч сказал, что он свяжется с ними.

Много позже Лев Андреич Арцимович рассказывал, что Берия, уже после смерти Сталина, но будучи еще руководителем Спецкомитета, он пригласил после заседания Арцимовича попить кофе. И, выпивая кофе, сказал: а помните, вот было это в 49 году? Да, помню. Я, конечно, пошел к

Сталину и сказал, вот так и так, они говорят там – либо бомба, либо дискуссия. Сталин сказал: нэ надо дискуссий, пусть бомбу делают, расстрелять их мы всегда успеем. Дискуссия была отменена, разгрома физики не произошло. А если бы это произошло, то это был бы ужасный удар по стране, по науке и по морде тоже.

Игорь Васильич Курчатов, его коллеги спасли страну, и у нас не было горячей Третьей мировой войны благодаря советским физикам, благодаря школе Абрама Федоровича Иоффе, благодаря Курчатову и Зельдовичу, Харитону, Щелкину и многим, многим другим. Как-то Анатолий Петрович Александров сказал про Курчатова, что это уникальный человек. Любое, он употребил более крепкое слово, любое дерьмо он заставляет нормально работать.

Участница советского Атомного проекта Ирина Адамская поведала нам о невиданных идеологических свободах, которыми обладали в сталинское время ядерные физики:

Начиналось обсуждение – производственные вопросы. Потом решение, потом разговор переключался на политические темы. Обсуждение шло свободное. Только первый отдел наш боялся, чтобы окна в это время были закрыты, чтоб там, за проволокой, не было слышно. Режимные органы знали прекрасно, что такая свобода мысли среди физиков существует. Но, как сказал мне как-то мой муж, видимо, они считали так – пусть тешатся, если они без этого не могут, без обсуждений политических вопросов, лишь бы хорошо свое дело делали.

У нас обязательно политический семинар был еженедельно. Но в подразделениях во всех, кроме теоретического, были жесткие темы. Нужно проработать постановление ЦК, постановление правительства и т. д. У теоретиков этого не было. У них на семинаре политическом мог ставиться любой вопрос. Тематика их политического семинара не контролировалась партийными органами, и она у них была свободная. Обсуждали то, что хотели обсуждать. А после двадцатого съезда вообще у них некий такой политический клуб был. Заводилой в котором был Андрей Дмитриевич Сахаров. Естественно, что он всегда мог вызвать спор, всегда мог вызвать обсуждения. В общем у физиков – да, была большая свобода по тем временам.

Большой взрыв

На создание бомбы брошены колоссальные ресурсы. Но к намеченному сроку Берия не успевает. Дату испытаний ядерного оружия приходится переносить дважды. Сталин не скрывает раздражения: без сверхоружия Советский Союз не может диктовать свою волю. В 1948 году начался Берлинский кризис. Сталин перекрыл все сухопутные пути к Западному Берлину, и город пришлось снабжать по воздуху. Сталин шел на риск войны не случайно. Он знал, что в 1948 году советские атомщики под руководством Берии обещали сделать для него атомную бомбу. Однако прошел 1948-й, начался 1949-й, а бомбы все не было, и Сталину пришлось отступить. Блокада Берлина была снята. Однако больше прощать Берии он был не намерен.

К 1949 году бомба готова, но ученые не дают гарантий, что ее удастся взорвать. Срок испытаний, 1 марта, снова переносится – на 29 августа. На Семипалатинском полигоне в Казахстане устанавливают 30-метровую стальную башню. На разном расстоянии от нее размещают всевозможную военную технику и животных. На башне крепят и готовят к взрыву само изделие – РДС-1.

Название придумал Берия – «Россия делает сама», или «Реактивный двигатель Сталина». Впрочем, она, как выражался один из разработчиков советского атомного оружия Яков Зельдович, «цельнотянутая» у американцев. Точная копия той бомбы, которая в 1945 году взорвалась над Нагасаки. Остановились на американском варианте из-за надежности. То, что взорвалось в Японии, должно было взорваться и в Казахских степях.

Испытание первой атомной бомбы запланировали на 6 утра 29 августа 1949 года. Лаврентий Берия прибыл на Семипалатинский полигон. Когда до взрыва оставалось полчаса, резко ухудшилась погода. Курчатов принимает решение перенести испытание на один час. Это время прошло в мучительном ожидании. Каждый понимал: от успеха испытаний зависит не только карьера, но и жизнь. В 6.35 включили автоматику подрыва, начался отсчет последних минут. Ровно в 7 часов над полигоном возникла ослепительная вспышка, ярче солнечной.

Саров. Пульт подрыва первой советской атомной бомбы

Вот что рассказал нам свидетель атомных испытаний Степан Микоян:

Страшные впечатления. Страшная картина, конечно. Потом мы же приезжали, там была группа авиаторов, смотрели на разных расстояниях под разными углами, какое воздействие на самолеты. Вот я этим занимался. Мы приезжали сразу после взрыва, если радиационная обстановка позволяла, то работали, все записывали. А если нет, то только на машине проезжали, потом через два-три дня приезжали уже обследовать. Мы были при взрыве где-то на расстоянии 20–25 километров. И вот поле с травой. И видишь, как звуковая волна бежит по полю, кажется, что она не очень быстро бежит, поле-то большое, но трава ложится – это звуковая волна, и вот когда дошла, вот тут удар, а так удара в начале не слышно.

Как подумаешь, что немцы могли это сделать раньше, становится страшно. Говорят, что американцы, когда были единственными обладателями бомбы, думали на нас напасть, я в это не верю. Я вообще очень не люблю антиамериканизм, который у нас с тех пор развился. Они могли в принципе когда-то хотеть напасть, если бы мы уже представляли бы угрозу, т. е. мы готовились напасть, тогда может быть. Ну а наличие бомб охлаждает некоторых. Но в то же время я отношусь к тем людям, которые очень опасаются этих всех разговоров. Вообще, думать об этом нельзя. Ведь атомная бомба это гибель вообще всего. Это страшно, это люди не понимают. Это не оружие, это гибель человечества. Потому что это вещь, которую нельзя будет остановить, цепочка пойдет. Тогда все кончится вообще. Была у нас еще поговорка, что после атомной войны если и будет коммунизм, то только первобытный.

Геологу профессору Гавриилу Грушевому довелось испытать на себе неожиданные последствия от первых советских испытаний:

В сорок девятом году, когда взорвали атомную бомбу нашу, все приборы зашкалило, мы ничего не поняли, естественно, все бросили работу и примчались на перевал кто откуда – и у всех приборы испорчены. Все чинят, все ругаются, ничего сделать нельзя, потом начинается разговор. Наверное, на солнце произошло какое-то извержение, и в том числе радиоактивное. И только через две недели нам сообщают официально, по закрытому каналу, что произведен взрыв атомной бомбы в Семипалатинске. И оттуда в этот день дул страшнейший ветер на восток, он там всегда в центре Азии дует в сторону Китая. Из трехсот шестидесяти пяти дней с запада на восток дует примерно дней триста. И в этот самый день был ураганный ветер, наши не побоялись взорвать. От нас взрыв был в пятистах километрах.

Был прекрасный день солнечный, и мы ничего не чувствовали. Мы купались, мы работали, и только потом мы поняли, что наступило такое времечко нехорошее. Конечно, все были оптимисты, все были молоды, про радиоактивность никто не знал, кроме физиков, которые уже успели наоблучаться в Гатчине, в Питере, в Москве, они уже береглись. А мы, конечно, ничего не понимали в этом деле. И когда я приехал домой в Питер, то меня спросила моя мать – а где ж твои золотые кудри? У тебя, говорит, как-то очень поредело на голове, вот с тех пор то, что у меня есть на голове, то и осталось.

Но этим дело не кончилось. Сразу меня направили в больницу, и всех, кто тогда были под облучением, и начали у меня падать белые кровяные тельца. Критическая доза тогда говорили сорок, у меня было сорок шесть, я лежал месяц в Военно-медицинской академии около Финляндского вокзала. И потом как-то все стало нормализовываться. И с тех пор я ничем не болею. Я облученный, но не до конца.

Я всю жизнь лазаю по подземным выработкам и получаю малую дозу этого облучения, в течение шестидесяти лет, и пока жив-здоров. У меня есть индикатор – левый глаз. Когда я нахожусь в подземных выработках больше часа, у меня начинается такое неприятное ощущение в глазу, тогда я говорю: ребята, перерыв, я вылезаю, посижу полчаса наверху – и обратно.

Берия отвечал за успех головой. То, чего так ждали, за что так волновались, наконец, случилось. И железный Берия был настолько поражен, растроган этим, что бросился к Юлию Борисовичу Харитону, приподнял его и трижды поцеловал. А через четыре года стало известно, что Берия английский шпион и что он осуществлял беспорядочные сексуальные контакты с сотнями женщин. И, наконец, что он был заражен дурной болезнью сифилисом. Физики, как известно, любят подшучивать, и они смеялись, что к Харитону притрагиваться небезопасно, не заразил ли его Лаврентий Павлович во время своего поцелуя.

Но все это будет позже. В августе 1949-го Берия – триумфатор. На участников проекта сыплются сталинские премии, ордена, машины, дачи. Берия лично составляет списки на получение наград. Известный писатель и ученый-физик Арсений Березин рассказал нам:

Много баек о нем ходит, так сказать, бериевские шутки. Считается, что он человек, который обладал известным таким висельным юмором, черным юмором. Известная его шутка о том, что товарищи ученые, так вы попытайтесь, когда что-то не выходило, попытка не пытка. И еще широко известно, действительно имело место, потому что я слышал от разных людей,

о том, что когда устанавливался список людей уже на получение наград после первого испытания и правительство было страшно радо, довольно и список был достаточно подробный, Берия сидел и смотрел. Вот фамилия: что бы ему было, если бы ничего не получилось? Расстрел. Как человек рисковал жизнью, герой – дали ему героя. А этому что было бы? А этому 10 лет. Трудился бы и трудился, 10 лет лесоповала, это Трудовое Красное Знамя. Такой черный юмор, он был популярен, он расходился по народу, и люди рассказывали друг другу.

Борис Альтшулер, сын знаменитого физика Льва Альтшулера, поделился своими воспоминаниями о том триумфальном времени:

Я был совершенно потрясен, это было примерно через месяц или два после успешного испытания атомной бомбы, где Берия целовал Курчатова и Харитона, счастливый. Прихожу домой и не узнаю нашего дома. Весь он заставлен какими-то фантастическими вещами: мотоцикл, радиола, ковры, сервизы. Это сделал отец и Владимир Цукерман, они получили Государственную премию, бешеные деньги. Но получило по постановлению правительства определенное количество лиц – ученых или там руководителей – премию. А они же работали в коллективе, у них были подчиненные, которые вместе работали, они же настоящие социалисты-демократы, как они могли допустить несправедливость? И они на часть этих денег накупили много разных подарков. Сделали собственную премию сотрудникам.

И это все в нашей квартире было сконцентрировано. Потом был целый прием, всех сотрудников собрали, вручали торжественно. А потом Цукермана вызвали в горком партии и сделали огромный втык: какое вы имели право подправлять правительство. Правительство решило, а вы не вмешивайтесь. Был такой эпизод.

В 1953 году советские ученые испытывают первую в мире водородную бомбу, опережают американцев. Знаменитая «слойка» Андрея Сахарова, который за ее изобретение сразу из кандидатов наук стал академиком. Термоядерный взрыв означал, что Советский Союз опережает Америку в производстве оружия массового уничтожения.

Но Лаврентий Берия этот взрыв уже не увидел.

С 1945 года вплоть до своей смерти Лаврентий Берия занимался руководством советской атомной программой. В его деятельности на этом посту он ничем себя не скомпрометировал. Бывшие подчиненные, даже академик Сахаров, вспоминают о нем с уважением и нередко тепло.

Человека во многом рожают обстоятельства. Руководство производственными и физиками-ядерщиками не требовало пыток и расстрелов. Наоборот, необходимо было создать спокойную рабочую обстановку, гармонично сочетать кнут и пряник. Эта деятельность явно доставляла Лаврентию Берии удовольствие. Даже после смерти Сталина, когда он стал министром внутренних дел, интереса к ПГУ он не утратил. Может быть, если в 1920-е годы Берия сумел бы перейти с чекистской работы на хозяйственную, он бы превратился в жесткого красного директора, наркома-хозяйственника, и не было бы столько зверств и смертей... Хотя судьба распорядилась по-другому, но его мечта причудливым образом сбылась. Однако груз пыток, расстрелов и переселений народов всегда будет тяготеть над нашим героем – вечно.

Глава 9. После войны

Своеобразная достопримечательность послевоенной Москвы, то, чем пугали школьников и студенток, – большая черная машина, за задним стеклом угадывается знакомый всем профиль – пенсне и широкополая черная шляпа. Это Лаврентий Берия выехал на вечернюю охоту за девицами. Если кто-нибудь ему понравился, он посылает договариваться с девушкой водителя Надарию или начальника охраны Саркисова. А если те проявляют малодушие, девушка слишком молодая, жалко ее, то Берия им строго говорит: «Ты чекист! И должен выполнять свои служебные обязанности. Что ты мне одолжения делаешь?» И они все-таки идут и договариваются, потому что отказать Берии невозможно.

Члены Политбюро мало читали, зато у каждого из них на даче был домашний кинотеатр. Они смотрели все вышедшие на экран немногочисленные советские фильмы, но чаще – американские. Один из главных героев тогдашнего Голливуда – злодей-гангстер, не лишенный определенного отрицательного обаяния. Вообще с 1930-х годов любимый жанр американцев – нуар, где положительные герои почти не отличаются от отрицательных. Это борьба сильных мужчин, не особенно стесненных этическими принципами, совершенных, как хищные животные. Пусть морально уродливых, но всегда элегантно и стильно одетых. И здесь Берия все более походил на кинематографического злодея.

Бес в ребро?

После войны от старого образа Лаврентия Павловича остается только пенсне. Худощавый, спортивный, одетый в толстовку и кепку молодой чекист остался в прошлом. Берия располстел и стал напоминать огромную сову или выдавшего виды гангстера из голливудского фильма. Широкополая шляпа, щедро скроенный костюм, дорогой галстук с крупным узлом. Среди однообразно невзрачных соратников по Политбюро Берия выглядит как-то вызывающе. И ведет себя так же.

Он удивительным образом сочетает в себе заботливого мужа, примерного отца и грязного развратника.

Пожалуй, ни у одного из членов Политбюро не было такой образцовой семьи.

Берия с женой на даче

Лаврентий Берия в машине с начальником охраны Саркисовым

Съемочная группа в Москве

Журналист Шавлег Гегечкори, внучатый племянник супруги Лаврентия Берии Нины Гегечкори, рассказал нам в Тбилиси:

Мой отец, Александр Гегечкори, внук известного революционера Алексея Гегечкори, учился в Москве уже в послевоенное время и, естественно, он часто заходил к своей тете Нине Гегечкори, которая была супругой Лаврентия Берии. Он общался и с Ниной, и с Лаврентием Берией, и отношения у них были очень хорошие. Уже после возвращения в Тбилиси, когда я родился, отец рассказывал мне разные истории о Лаврентии Берии.

Знаю, что Берия очень любил литературу и искусство. У него был кинозал, где ему показывали фильмы еще до выхода на экраны. Однажды Берии принесли новый фильм о войне, и они с моим отцом вместе смотрели

его. И как обычно бывало в фильмах того времени, Гитлер был показан эдаким сумасшедшим, маньяком. Они посмотрели фильм, он был неплохой, я не помню названия. Берия спросил у отца, что он думает о фильме. Отец ответил, что фильм ему в целом понравился, но ему не нравилось, что Гитлер в нем сумасшедший. Мы что – победили сумасшедшего? Это умаляло нашу победу. И Берия сразу же подхватил эту идею. И он тот час же позвонил режиссеру, они все изменили и через несколько дней принесли новый вариант фильма, который уже очень понравился Берии. И вообще, говорят, что к кино у него было особое отношение, что он очень любил кино. А читать он читал все время. Он очень любил читать.

Он не был скупым человеком. Есть один очень интересный и комичный случай. Из него видно, что Берия не был жадным человеком. Представьте, отцу моему где-то 22 года, он с друзьями был в Москве, и они как-то раз много выпили. Была поздняя ночь, а ему надо было домой, он остановил такси, а водитель ему говорит, что едет в совершенно другую сторону, в автопарк. А отец садится к нему и говорит: «На дачу Берии!» Я всегда, когда вспоминаю эту историю, представляю себе этого таксиста, его лицо. Кто бы отказался от такого? Я прекрасно понимаю его эмоциональное состояние. В общем, он отвез его на дачу, остановил перед домом, а отец ему говорит: «Езжай внутрь». Охрана увидела, что отец в машине, и открыла ему ворота. Они заехали во двор. Когда они подъехали уже к входной двери, из дома вышел адъютант Берии, генерал Левичев. Отец вышел из машины и сказал Левичеву: «Левичев, таксиста накормить, напоить, заплатить и отпустить». Ну, Левичев сказал «Есть!». А отец зашел в дом и уснул. С утра он просыпается и понимает, что его ждет не очень хорошее утро. У Берии было такое правило, нельзя было начинать есть, пока все, кто был дома, не собирались за столом. Они ждали моего отца, а отец все не выходил из комнаты. В конце концов, к нему отправили кого-то сказать, что Берия торопится и пора спускаться. Он спустился, и, как только сел за стол, Нина начала его ругать, говорить, как он мог так напиться. И тут Берия постучал ножом по бутылке и спросил: «Что случилось?». Тетя сказала, что вот он напился, наговорил что-то Левичеву, дал ему приказы. Вдруг Берия позвал Левичева, тот зашел и Берия спросил: «Что он вчера натворил?». Левичев ответил: «Ничего, Лаврентий Павлович, приехал на такси немного подвыпивший, попросил, чтобы я таксиста накормил, напоил, заплатил и отпустил». «Выполнил?» – «Так точно». «Так вот знай, Левичев, когда он в следующий раз приедет на такси выпивший, таксиста накорми, напои, заплати и отпусти».

Это вот вроде мелочь, но мне кажется, что это очень многое говорит о личности Берии. Кроме этого, я еще слышал такой случай от отца... Отец должен был на поезде вернуться в Тбилиси, тогда самолеты реже летали, и тетя дала ему денег на дорогу, а дорога занимала дней пять. Потом и Берия, перед тем как отец поехал на вокзал, достал из кармана пачку тридцатирублевых купюр и сказал ему, чтоб папа хорошо провел время в поезде. Ну, он конечно родственник был, но все же скупой человек не стал бы этого делать.

Насчет любовных походов Берии, насколько я знаю, ничего подобного не было, никаких конфликтов, связанных с этим, не было. Мой отец мне всегда говорил, что это были просто слухи, которые распространялись уже после смерти Лаврентия, чтобы дискредитировать его. Насколько я знаю, и судя по фотографиям, которые я видел, он очень любил свою жену, с

которой у него были очень хорошие, теплые отношения. На фотографиях видно, достаточно на поздних, кстати, с какой они любовью смотрят друг на друга. Это нельзя сыграть, это исключено. С сыном, как я помню от своего отца, у него были очень хорошие и дружеские отношения.

Я не думаю, что Лаврентий Берия был страшно аморальным человеком, он был просто человеком, который попал в политическую ситуацию, попал туда по своей воле, естественно, и делал то, что он считал правильным.

Вот еще один очень интересный момент. Касательно разговоров о его безжалостности и его отношении к закону. Мой отец рассказывал, что его дядя, брат его мамы, совершил какие-то финансовые нарушения, и его арестовали, и отец сказал, что он просто упомянул Берии об этом факте, а реакция была такой: нарушил что-то? Тогда должен быть наказан. Я считаю, что абсолютно правильно, любой нарушитель закона должен быть наказан. То есть момент безжалостного отношения был исключен, ему присудили столько же, сколько любой другой человек получил бы, не было никаких привилегий, связанных с тем, что у него хоть и издавна, но была связь со вторым человеком в государстве. Он отсидел свой срок и потом жил, как обычно.

Мой отец всегда с большой теплотой говорил об этом человеке. Говорил, что у Берии было очень много недостатков, много отрицательных моментов, опять же с точки зрения политики. Мой отец, хоть и был партийным, но он никогда не был коммунистом всем своим сердцем, он всегда говорил, что у него были какие-то серьезные минусы, с точки зрения политики, которую он проводил, но на уровне личного общения отец всегда очень тепло и хорошо о нем вспоминал.

Супруга Лаврентия Павловича Нина Теймуразовна – красивая, доброжелательная, интеллигентная женщина. Она ученица академика Прянишникова, кандидат сельскохозяйственных наук и по-настоящему занимается биологией. Сын Серго воспитан строго, но по-своему буржуазно – немецкая бонна, лучшая в Тбилиси школа. Отец всегда поощрял его интерес к технике. Еще юношей он собрал из запасных частей автомобиль и сам его водил. Во время войны Серго закончил Ленинградскую военную академию связи, сопровождал отца на Закавказский фронт, на конференции в Тегеран и Ялту. Стал специалистом по ракетному оружию. Его жена – внучка Максима Горького, есть дочери Нина и Надежда, сын Сергей. Все свободное время он проводит на родительской даче.

Сын Анастаса Микояна Степан рассказал нам:

Я не видел Берия часто близко, на некотором расстоянии его много раз видел. А близко – это когда я приехал к его сыну Серго на дачу и он тоже там был, и мы за столом сидели и разговаривали. Он участвовал в разговоре, вроде так приветливый даже в какой-то степени. Но какой-то взгляд у него был все-таки немножко неприятный, я запомнил еще тогда. А в разговоре с нами, молодыми, хорошо разговаривал. Ну не то чтоб весело очень, но нормально.

Я знаю, что жену Берии уважали, считали такой приличной, грамотной, умной и порядочной женщиной. И, наверное, он ее любил, я так думаю. Но это не мешало иметь ему очень много других женщин, я читал обвинительное заключение. Кстати, мне отец дал почитать, хотя это секрет был, но он мне дал. Там много других фамилий приведено, много знаменитых людей известных. Я не буду их называть.

Как мы знаем, Нина Теймуразовна и Сергей Лаврентьевич будут арестованы в 1953 году и проявят определенное мужество, отказываясь давать показания против Лаврентия Павловича.

Сын ограничился лишь формальным описанием личных недостатков отца, которые к делу не пришьешь. Враги Берии говорили, что Сергей получил свою докторскую степень и Сталинскую премию благодаря протекции отца. Но и высланный из Москвы, вынужденный сменить фамилию, лишенный всех званий и степеней, Сергей Гегечкори подтверждает свои знания и способности, руководя крупными оборонными проектами.

Сын Анастаса Микояна Степан продолжал:

С Серго у меня потом была еще одна встреча интересная, уже значительно позже. В 1964 году как-то меня пригласил министр радиопромышленности, собирались работу предложить. Я работал в научно-испытательном институте ВВС летчиком-испытателем, начальником управления испытаний истребителей. Они хотели мне предложить руководство институтом испытательным. Меня пригласили к министру, я приехал и пришел в приемную. Мне говорят – подождите.

А потом выходит вдруг оттуда на меня Серго Берия, для меня совершенно неожиданно. Он тут же подходит ко мне, поздоровался, а потом говорит: передай спасибо Анастасу Ивановичу. Я говорю: за что? Мы попросились перейти из Новосибирска в Киев. Он был у министра, получал назначение в Киев. Я ничего не знал, что отец в этом как-то участвовал. Ну вот он поблагодарил. Передай, говорит, спасибо своему отцу.

Лаврентий Павлович начал изменять своей жене еще в Тбилиси. У него был несомненный комплекс Дон-Жуана. Ему важно было не столько качество, сколько количество. Не имело особого значения, кто объект его вожделения – светская дама или проститутка. Долгая связь с тбилисских времен была у Берии с лейтенантом НКВД Вардо Максимелишвили, он взял ее с собой в Москву. Она родила, ребенка отдали в детский дом. Вардо жила в квартире Зинаиды Райх, таинственно и злодейски убитой вдовы расстрелянного Берией Всеволода Мейерхольда.

Репутацией гуляки Лаврентий пользовался и в Москве, когда приезжал в командировки и жил в служебной квартире. Впрочем, каждую субботу он непременно отправлялся на дачу и проводил с женой выходные. В 1942 году терпение Нины Теймуразовны лопнуло. На фронте Берия подхватил сифилис. С тех пор супруги разъехались: она постоянно жила на даче, а он теперь водил женщин прямо в семейный особняк на Малой Никитской, 28.

Ни одной стороне жизни Берии следствие не уделило такого внимания, как его моральному падению. Во-первых – интересно. Во-вторых, тут было что искать. Большинство других обвинений – шпионаж в пользу Англии, участие в переговорах с фашистами о заключении сепаратного мира, связь с грузинским эмигрантским правительством, вредительские действия во времена Великой Отечественной войны – практически бездоказательны.

Правда, было еще обвинение в использовании служебного положения в личных целях. Перед проведением в 1947 году денежной реформы Берия поручил своему помощнику тайно разместить в различных сберкассах значительную денежную сумму – более 40 тыс. рублей. Но такая мелочь никак не тянула даже на серьезный тюремный срок.

Нарушением социалистической законности во времена Большого террора следствие занималось весьма избирательно. Ведь в репрессиях замешано было все тогдашнее руководство. В результате сексуальные эскапады Лаврентия Павловича оставались единственным острым оружием в руках руководства Коммунистической партии и Генеральной прокуратуры. Тем более жертвы похоти Лаврентия давали нужные показания весьма охотно.

Насколько можно судить по материалам следственного дела, Лаврентий занимался поиском новых знакомств с пылом озабоченного подростка. Едва ли не каждый вечер многолетний личный водитель Надария медленно вел его черный «Паккард» по узким московским переулкам. Лаврентий Павлович внимательно высматривал гуляющих дам и девиц.

Сын Анастаса Микояна Степан рассказал нам:

Ездил, смотрел женщин и, если ему нравилась – давал команду – разыскать... Моя жена как-то шла по тротуару, и он ехал мимо – и он ей кивнул, увидел и кивнул ей. Он знал ее, так как мы вместе были на даче. Но это подтверждает, что он разглядывал женщин, идущих по тротуару.

Адъютант Берии полковник Саркисов выходил из «Паккарда» и предлагал понравившейся шефу девушке покататься. Несмотря на все слухи, физическое насилие не применялось. В послевоенной Москве, где мужчина был относительной редкостью, многие дамы охотно соглашались на поездку в шикарной машине со знаменитым и могущественным человеком. Также не отказывались и от роскошного ужина в особняке. Конечно, большинство девушек понимали, зачем их приглашали в особняк. Следствие добивалось и получало у мимолетных подружек Лаврентия показаний об их изнасиловании, но они кажутся не слишком убедительными.

Охотился на женщин Берия и во время пеших прогулок. Саркисов на следствии поделился деталями технологии бериевских знакомств:

Прохаживаясь около своего дома, Берия замечал какую-нибудь заинтересовавшую его женщину. В этом случае он посылал меня, Надарию или сотрудников охраны узнать ее фамилию, имя, адрес или телефон. Я шел вслед за такой женщиной и старался разговориться с ней, с тем чтобы выяснить интересовавшие Берию сведения. При этом я говорил такой женщине, кто ею интересуется, и спрашивал, не хочет ли она что-либо передать. Если мне удавалось установить связь с такой женщиной и необходимые сведения о ее квартире, я докладывал об этом Берии. После чего по его указанию либо сам ездил за ней, либо посылал его машину, предварительно условившись о встрече.

Был еще один неожиданный способ знакомств – по переписке. Берия особенно внимательно изучал приходящую ему корреспонденцию от женщин. Строчки прошений, жалоб и поздравлений будили в нем эротические фантазии. Вот что рассказал об этом Саркисов:

Получая такие письма, Берия нередко поручал мне или Надарии по адресам на конвертах установить интересующих его авторов из числа женщин. Мы ездили к таким женщинам, и, если они оказывались внешне привлекательными, мы докладывали об этом Берии, заводили по его поручению с ними знакомство и затем в зависимости от договоренности привозили их на квартиру Берии или на дачу. Женщины на квартиру к Берии привозились, как правило, на ночь.

Берия рассчитывался со своими гостями заграничным нижним бельем и прочим дефицитным ширпотребом (до него тем же занимался Генрих Ягода). Николай Шаталин на июльском 1953 года пленуме ЦК сообщил, что обнаружил в сейфе в служебном кабинете Берии следующие вещи:

...Дамские спортивные костюмы, дамские кофточки, чулки дамские иностранных фирм – 11 пар, женские комбинации шелковые – 11 пар, дамские шелковые трико – 7 пар, отрезы на дамское платье – 5 отрезков, носовые платки иностранных фирм.

Кроме того, Шаталин упомянул «большое количество предметов мужчины-развратника», не уточнив, к сожалению, что это за предметы. Но важнее нам представляется другая находка чекистов. Шаталин утверждал:

Нами обнаружены многочисленные письма от женщин самого интимного, я бы сказал, пошлого содержания.

Невозможно представить, чтобы подобные письма писали жертвы изнасилования. Дамы, которые осыпали Лаврентия милыми пошлостями, определенно желали продолжения знакомства.

Другим источником пополнения гарема Берии были профессиональные проститутки. Ему привозили девочек по вызову, которые рекомендовали потом и своих подружек. Платил он от 100 до 250 рублей за визит – обычная для тех времен рыночная цена.

Бывали среди подобных бериевских «жертв» и дамы из общества. Саркисов:

Мне известны многочисленные связи Берии со всевозможными случайными женщинами. Берия сожительствовал со студенткой Института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берии, ей сделали аборт. Мне известно, что через некую гражданку С. (разрешите мне фамилию не упоминать) Берия был знаком (в показаниях фамилия сказана) с подругой С., фамилию которой я не помню. Работала она в Доме моделей, впоследствии от Абакумова я слышал, что эта подруга С. была женой военного атташе. Позже, находясь в кабинете Берии, я слышал, как Берия по телефону звонил Абакумову и спрашивал – почему до сих пор не посадили эту женщину.

Дипломат и общественный деятель Валентин Фалин рассказывал нам в Москве:

У нас работала одна из любовниц Берии. По его поручению, или по его указанию, она была принята на работу в качестве секретаря в Комитет информации, и у нее от него был ребенок. Он некоторых девушек и женщин, которые ему нравились, приглашал в свой особняк под видом того, что он хочет им дать секретное разведывательное задание. Потом из этого получалось нечто другое.

В деле Берии содержатся показания замужней женщины, утверждавшей, что Берия ее шантажировал судьбой мужа:

Я пыталась уклониться от его домогательств, просила Берию не трогать меня, но Берия сказал, что здесь философия ни к чему, и овладел мною. Я боялась ему сопротивляться, так как опасалась, что Берия может посадить моего мужа... только подлец может пользоваться зависимым положением жены подчиненного для того, чтобы овладеть ею...

Так же Берия вел себя со знаменитой актрисой Татьяной Окуневской, певицей Натальей Алексеевой. Впрочем, их мемуары нуждаются в дополнительном источниковедческом исследовании. Рассказывать о том, что связь была добровольной, в 1953 году было просто опасно. Скажем, дочь Окуневской считает, что ее мать выдумала историю о Берии.

Подобную историю, со слов своей матери, рассказала нам в Москве искусствовед Мария Б., также не ручаясь за ее достоверность.

Отдельный сюжет – история Вали Дроздовой. Она утверждала, что в 1949 году, когда ей было шестнадцать лет, Рафаэль Саркисов заманил ее в особняк Берии, где Лаврентий Павлович три дня ее насиловал, не отпуская домой. А потом четыре года под угрозой расправы заставлял с ним сожительствовать.

История странная. К моменту ареста Берии Дроздова уже три года жила с Лаврентием Павловичем на даче заместителя министра госбезопасности СССР Бориса Обручникова, он рассказывал о ней сыну Серго и даже собирался официально развестись с Ниной Теймуразовой, чтобы сочетаться с Дроздовой законным браком.

Конечно, поведение Берии было вызывающим и даже патологическим. Но это далеко не единственный случай среди ответственных работников, особенно руководителей спецслужб. Как говорится, работа нервная, необходимо порой расслабляться. И Ягода устраивал оргии у себя на даче, и Ежов спал то с мужчинами, то с женщинами, и у Абакумова было множество любовниц.

«Я Берии не доверяю...»

В мае 2008 года в ходе нашей киноэкспедиции мы побывали в Тбилиси и нам удалось встретиться с бывшим президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе. Как известно, после отставки Эдуард Амвросьевич жил в своей загородной резиденции, неподалеку от грузинской столицы. В момент, когда мы приехали, его дом был заблокирован так называемыми «черными колготками» – страстными сторонниками Звиада Гамсахурдии, смещенного в свое время с поста президента Грузии Эдуардом Шеварднадзе и вскоре таинственно погибшего где-то в лесах Мегрелии. Женщины дружно скандировали: «Шеварднадзе – террорист!» и не хотели пропускать наш микроавтобус, спрашивая, с какого мы канала. Мы честно ответили, что с Пятого. О существовании Пятого российского канала, вещающего из Санкт-Петербурга, фанатички не подозревали, но знали, что такой канал есть на Украине. Они начали стыдить нас, как это мы, журналисты из братской Украины (тогда в Киеве правили Ющенко и Тимошенко), едем в гости к террористу Шеварднадзе. Впрочем, их убедил аргумент о журналистском долге и успокоило наше мнимое украинское происхождение.

Резиденция Шеварднадзе по нынешним российским стандартам представляла собой скромный двухэтажный особнячок, окруженный садом и довольно высокой бетонной стеной. В саду – могильный памятник жене Шеварднадзе – Нанули Ражденовны. Дюжие охранники довольно серьезно досмотрели группу со всей аппаратурой, после провели нас на второй этаж в большую гостиную. Там нас встретили Эдуард Амвросьевич и его секретарь – почтенная дама, подруга покойной жены. Охрана сервировала столик коньяком и фруктами, хозяин был в высшей степени любезен.

Хотя внешне Эдуард Амвросьевич выглядел радушным, мягким человеком, холодные глаза выдавали в нем настоящего политического волка, которого не проведешь. Шеварднадзе знал, о чем мы будем его спрашивать, и большая часть его интервью представляла собой общеизвестные суждения о том, что Берия злодей, хоть и способный. Но был и живой автобиографический рассказ. Эдуард Амвросьевич вспомнил, как в 1951 году он, молодой комсомольский работник из Кутаиси, вместе с молодой женой отдыхал в санатории в Пицунде и услышал удивительную историю о Сталине и Берии.

По словам Шеварднадзе, Иосиф Сталин, отдыхая на Кавказе, любил встречаться с друзьями детства из Гори, простыми людьми, не сделавшими особой карьеры, не имевшими никаких политических амбиций. Время проводили в традиционном грузинском застолье: пили вино, закусывали и пели знаменитые многоголосые песни. В 1950-х годах люди эти были уже немолодые. Как-то раз, кроме земляков, Сталин пригласил двух Народных артистов СССР из Театра Руставели Акакия Хораву и Акакия Васадзе. Как мы помним, это были политически проверенные люди, на основании их показаний расстреляли знаменитого режиссера Александра Ахметели. И вот что произошло во время этой встречи. Эдуард Шеварднадзе рассказал нам:

Когда немножко выпили, Сталин запел и говорит своему другу:

– Второй голос, нужен второй голос.

Друг говорит:

– Сосо, ты же знаешь, что у меня голоса нет уже.

У него был или рак, или что-то с горлом. И этот актер, Васадзе, у него был прекрасный голос, вместе они запели, Васадзе был гуриец.

– Ты, гуриец, молодец! Хорошо поешь! Давай продолжим, – сказал Сталин.

Продолжали, и не это самое главное. На второй день опять собрались в том же составе, кроме Хорава, Хорава поехал на сессию Верховного Совета.

Сталин обиделся. Но потом что случилось: немножко выпили, Сталин встал и вместе со своими друзьями, двумя друзьями, которые были, сидели за столом, пошел в ванну. Это рассказывает Васадзе, он от них все узнал. И пошел Сталин в ванну, открыл кран – значит, Сталин знал, что Берия подслушивает. Открыл кран и говорит им: вопрос Лаврентия решен, это вопрос времени, через некоторое время Лаврентия не станет.

Потом один из них где-то проболтал, и этот слух дошел даже до меня. Я тогда был молодым человеком, работал в комсомоле, отдыхал на Пицунде, и там, рядом, отдыхала известная актриса Медико Анджапаридзе. Медико была родственницей вот этого человека, который все услышал, когда Сталин вошел в ванну. Раз она знала – значит, знали и другие, значит, знал и Берия. И Берия был убежден, что ему долго жить не дадут: или снимут, или что-нибудь случится с ним.

Съемочная группа с Эдуардом Шеварднадзе

Хотя рассказ Шеварднадзе похож на обычную байку, доля истины в нем определенно есть. Тем более, изменившееся в тот период отношение Сталина к Берии подтверждает Светлана Аллилуева, которая вспоминала, «как была поражена словами отца», когда однажды осталась ночевать у жены Берии, а «наутро вдруг позвонил разъяренный отец и, обругав меня нецензурными словами, прокричал: „Сейчас же езжай домой! Я Берии не доверяю“».

Некое охлаждение в отношениях Сталина и Берии наступило вскоре после окончания войны. В 1945 году Сталин впервые после 1936 года уезжает в отпуск на юг. Отдых неожиданно затянулся, что было замечено даже западными дипломатами и встревожило членов Политбюро.

На Кавказе сохранилось несколько сталинских дач. Мы в ходе командировки побывали на двух из них. В Новом Афоне, где когда-то Сталин заметил Берию, что предопределило взлет карьеры Лаврентия. И на озере Рица, где звезда Берии начала закатываться. Дача на озере Рица представляет собой урочище в готическом духе. Она затеряна в предгорьях Большого Кавказского хребта, добраться туда можно по единственной дороге, петляющей вдоль горной

реки. Место идеально подходящее для уединения тирана. После страшного напряжения войны Сталин, вероятно, хотел подвести итоги и обдумать дальнейшие планы. Скорее всего, именно здесь вождь решает прервать союзнические отношения с англосаксами и преумножить свою коммунистическую империю за счет Восточной Европы, Китая, Кореи и Вьетнама. Подготовка ко Второй мировой войне, как мы помним, предшествовала страшная чистка, которая получила название Большого террора. Новая наступательная стратегия, чреватая Третьей мировой, вызывала необходимость острых кадровых решений. В руководящем аппарате нужна была свежая кровь, которая заменит возгордившихся своим вкладом в победу военачальников и партийных деятелей. И такая чистка началась.

Выдержав паузу, еще находясь на отдыхе, Сталин обрушил свой гнев на ближайшего, как казалось, к нему человека и возможного преемника Вячеслава Молотова, обвинив его в низкоклонничестве перед недавними союзниками. Одновременно Сталин решает освободить Берия от поста министра внутренних дел, а его протеже Меркулова от должности министра госбезопасности. Берия просится приехать на дачу, чтобы встретиться лично, объяснить. Но в ответ получает подчеркнута сухую короткую телеграмму: «Не вижу необходимости вашего приезда». Берия в итоге был отправлен в своеобразную почетную ссылку – руководить Атомным проектом. Из этой ссылки, в случае неудачи, он мог бы и не вернуться. Лев Троцкий называл Иосифа Сталина «великим нормировщиком». Вождь как никто другой умел ждать. Лаврентию он не доверял, но его время еще не пришло, на очереди был другой партийный вождь – Андрей Жданов.

«Ленинградское дело»

К концу войны пара Лаврентий Берия и Георгий Маленков набрала огромный политический вес. Но не было большего мастера в деле выстраивания кадровых противовесов, чем Иосиф Сталин. Уже в 1944 году отец народов переводит давнего соперника Берии Андрея Жданова из Ленинграда в Москву, где тот совмещает пост члена Политбюро и секретаря ЦК, выполняет важные внешнеполитические задачи: руководит контрольной союзной комиссией в Финляндии и Коминформом, управляющим мировым коммунистическим движением. К тому же он курирует идеологию.

Андрей Жданов относится к числу безупречных сталинских руководителей, он, пожалуй, самый культурный в этой среде, легко находит нужную цитату из классика русской литературы или Ленина, играет на пианино и баяне. Важное конкурентное преимущество Жданова – он откровенно злоупотребляет алкоголем. Подозрительный Сталин полагает: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Жданов неприменимый участник всех сталинских застолий, балагур, весельчак и не обижается на чужие порой злые шутки, например, когда Берия подкладывает ему на стул помидор. Он и сам шутник и остролов, прозвал толстого бесформенного Маленкова Маланьей – и кличка прижилась.

При всех своих слабостях Жданов отвечал высоким сталинским стандартам. Мог сам написать речь или статью, обладал прекрасной памятью, был отличным исполнителем и неплохим организатором. Известно, что Жданов был одним из главных сторонников сближения с Германией в 1939 году и испытывал нескрываемое сочувствие к победам немецкого оружия над прогнившими западными демократиями. Сталин вспомнил об этом в июне 1941-го и, не желая видеть Андрея Александровича, приказал ему лететь из Сочи, где он находился в отпуске, прямо в Ленинград, минуя Москву.

Андрей Жданов

В конце 1941 года Жданов еще больше настроил против себя вождя. В Ленинград была направлена специальная комиссия, которая раскритиковала ленинградское руководство за беспомощность в управлении городом и войсками. Сталин бомбардировал Жданова оскорбительными телеграммами, требуя невозможного, – прорвать кольцо блокады и вывести из города хотя бы войска Ленинградского военного округа.

Но к концу войны отношение Сталина к Жданову резко поменялось. В это время пошатнулось положение Молотова и Жукова. Получив информацию от сына Василия о неблагополучии в авиационной промышленности, Сталин выводит из секретариата ЦК Георгия Маленкова, курирующего эту отрасль. Когда Берия попытался за него заступиться, Иосиф Виссарионович сказал: «Что вы так тревожитесь об этом имбециле, да он первый вас предаст». Напомним, сам Берия с 1945 года сослан в Атомный проект и уже не министр внутренних дел. Снят с понижением его протеже министр государственной безопасности Всеволод Меркулов.

Жданов же, напротив, небывало возвышается, становится фактически вторым человеком в партии. Ему, кажется, позволено то, что Сталин не позволяет никому. У него в столице есть своя группа приверженцев из земляков, вместе с ним переживших блокаду Ленинграда и обосновавшихся в Москве еще до войны, – Вознесенского и Косыгина.

Вслед за Ждановым в Москву отправились его бывший первый зам Алексей Кузнецов, который получает важнейший пост секретаря ЦК, курирующего правоохранительные органы, в частности МГБ. Председателем Совета Министров РСФСР был назначен еще один выходец

из Смольного Михаил Родионов. Пост министра просвещения СССР достался брату Николая Вознесенского Андрею.

Ленинградцы возглавили Ярославский, Новгородский, Псковский, Мурманский, Крымский и Карело-финский обкомы партии. Им был поручен надзор над компартиями прибалтийских республик. Сын Жданова Юрий заведовал сектором науки ЦК КПСС. Маршал Леонид Говоров, защищавший Ленинград всю войну, – главный инспектор Вооруженных сил СССР. Ждановцы продолжают руководить и собственно Ленинградом.

Особенностью ждановского круга было наличие собственной идеологии, которая соответствовала духу времени и знаменитому сталинскому тосту «за русский народ». По воспоминаниям Никиты Хрущева, сам Андрей Жданов жаловался ему на ущемленное положение РСФСР и русских вообще в составе Союза ССР. Русский народ спас советскую власть, усеяв трупами путь до Берлина, а теперь деревни погибают от голода, бабы впрягаются в плуги, молодежь бежит в город.

В отличие от всех других союзных республик, нет ни компартии Российской Федерации, ни Академии наук России, ни российского союза писателей, нет даже своей столицы. Еще один мотив, близкий всем ленинградцам, тоже восходит к сталинским словам, сказанным на знаменитом параде в ноябре 1941 года о том, что Красную армию вдохновляют на победы в частности знаменитые полководцы старой России, которые в учебниках 1930-х годов выставлялись царскими сатрапами, – Александр Суворов, Михаил Кутузов, Федор Ушаков. Ждановцы считают имперское время частью советского исторического наследия.

Поворот в идеологии, начавшийся еще в конце 1930-х годов не без участия Андрея Жданова, отразился в программных фильмах «Суворов», «Петр Первый», «Александр Невский», «Иван Грозный». В качестве главного произведения русской литературы теперь рассматривают не «Мать» Максима Горького, не «Что делать?» Николая Чернышевского, а «Войну и мир» Льва Толстого.

К концу войны идет ползучая реставрация монархических нравов. Наркоматы становятся министерствами, красные командиры – офицерами. Вводится раздельное обучение в школах, форменная одежда, мундиры для разных ведомств, открываются офицерские собрания, осторожно и частично реабилитируют православие. Эта тенденция особенно сильно воплотилась в Ленинграде, результатом чего стали два сенсационных постановления 1944 года. Тридцати улицам исторического центра возвращались дореволюционные названия. Проспект имени 25 октября снова стал Невским, а улица имени 3 июля – Садовой. Беспрецедентно решение о полном восстановлении практически полностью разрушенных Большого Петергофского и Большого Царскосельского дворцов.

Такое соединение личной и идеологической близости ждановцев не могло не начать тревожить Сталина. Поговаривали, что они не только хотят вернуть столицу России в Ленинград, но между собой любят повторять такую шутку: раньше в Политбюро пахло чесноком (было много евреев), а теперь шашлыком (стало много кавказцев). Эта дурацкая присказка могла быть отнесена не только к Лаврентию Берии и Анастасу Микояну, но и к самому Иосифу Сталину. Антикавказские настроения в годы войны усилились. Было модно упрекать народы Кавказа в том, что они недостаточно охотно сражались с немцами и незаслуженно хорошо живут. Поэтому потенциально подобные шутки могли быть опасны.

Берия умел хранить личные симпатии и антипатии при себе, но Жданова он открыто не любил. Это отношение отражается и в словах его сына, Серго:

Пожалуй, самой одиозной фигурой в сталинском окружении был Жданов. Он ревновал любого человека, который в тот или иной момент был близок Сталину. Как никто другой, он буквально рвался в наследники диктатора. Серый кардинал в окружении Сталина – так, наверное, будет точно. Именно он идеолог массовых репрессий в стране. Он ведь не только

продвинулся на репрессиях, но и намерен был идти в буквальном смысле по трупам и дальше. Страшный человек!

Жданов олицетворял тот тип руководителя, который Берия ненавидел – коммунистический демагог, начетчик, не умеющий дело делать, высокопоставленный образованный болтун. Совсем как те грузинские коммунисты, которых он в свое время с удовольствием пытал и расстреливал.

Историки, особенно в хрущевское время, любили связывать трагедию ленинградских партийцев с интригами Лаврентия Берии и Георгия Маленкова. Несомненно, эта пара относилась к ждановцам с плохо скрываемой ненавистью. Но, конечно, судьбу ленинградцев решал сам Сталин.

Первый сигнал прозвучал уже летом 1946 года, когда в ЦК обсуждалось постановление о состоянии идеологии. Общая тенденция была очевидна. Заканчивалась дружба с Англией и Америкой, начиналась холодная война. Надо было резко пресечь «низкопоклонство перед Западом». Первоначальный замысел партийных идеологов заключался в показательной порке Бориса Пастернака и журнала «Новый мир». Но вдруг неожиданно цели меняются. Вместо «Нового мира» возникают журналы «Звезда» и «Ленинград», Пастернака заменяют Ахматова и Зощенко. Совершенно очевидно, инициатива этой рокировки принадлежала не Андрею Жданову. Многим было известно, что в семье Ждановых любили рассказы Зощенко. Ленинградская парторганизация организовала эвакуацию Ахматовой из блокадного города на самолете и ее возвращение в 1944 году. Она печаталась в «Правде» и толстых журналах, выступала по радио, была окружена подчеркнутым уважением.

Ахматова и Зощенко дворяне и русские патриоты. И удар по ним не укладывается в общую идеологическую тенденцию. Думается, здесь сыграли роль два фактора.

Первый относится лично к Ахматовой – ее встреча с третьим секретарем британского посольства в СССР Исайей Берлиным, который, основываясь на разговоре с поэтессой, сумел правильно определить губительную для коммунистической идеологии тягу общества к русской культуре. Записка Берлина, благодаря знаменитой Кембриджской пятерке, была прочитана Сталиным, и, вероятно, больше всего насторожили его слова о популярности поэзии Ахматовой в офицерской среде. Перед знаменитым постановлением в Кремле прошло специальное заедание, на которое вызвали руководителей ленинградских партийной и писательской организаций. Они, естественно, каялись в идеологических ошибках. А Всеволод Вишневский сказал невпопад, что они больше не будут печатать идеологически чуждых писателей, у них есть много рукописей офицеров-фронтовиков. На что Сталин взвился, возразив, что офицерам платят деньги за то, что они защищают Родину, а не за написание книг.

Второй фактор заключался в желании намекнуть ленинградцам на ошибочность их идеологических устремлений. Сталин вообще любил своеобразный дуплет. В начале человек должен был публично покаяться и осудить все, что ему дорого. Это, как правило, не спасало его от будущей кары. Знаменитый доклад Жданова был по существу самобичеванием. Он рассказывал, как в его вотчине при его статусе идеолога партии были допущены крупнейшие идеологические ошибки. И, конечно, Георгий Маленков и Лаврентий Берия не могли не радоваться унижению своего противника. Но предстоял еще один тур борьбы.

Слева направо: Вознесенский, Маленков, Молотов, Жданов, Берия. 1947

К 1948 году весы начали склоняться в пользу Берии и Маленкова. Из идеологической сферы ждановцев постепенно вытесняют люди Маленкова, руководимые Михаилом Суслым. Резко уменьшается влияние Жданова на руководство международным коммунистическим движением. Гром грянул в апреле 1948-го.

Сын Жданова Юрий Андреевич, молодой заведующий сектором науки ЦК ВКП(б) делает доклад в Политехническом музее на семинаре лекторов обкомов партии «Спорные вопросы современного дарвинизма» о положении дел в советской биологической науке, где осторожно критикует создателя национальной мичуринской биологии Трофима Лысенко. О докладе становится известно Маленкову. Он, вероятно, знал о предубеждении Сталина к «вейсманистам-морганистам», противникам Лысенко ученым-генетикам. Обеспокоенный Лысенко добивается в мае встречи со Сталиным. На ней присутствовал и Андрей Жданов. Вождь целиком встал на сторону Лысенко.

31 мая состоялось расширенное заседание Политбюро, где Сталин сообщил свое мнение о выступлении Жданова-младшего. Особенно ему не понравились такие слова Юрия Андреевича: «Я выражаю здесь не официальную, а только мою личную точку зрения». Это место рукописи лекции Сталин подчеркнул и написал «Ага». У партийного функционера, как известно, не может быть личной точки зрения.

Последовал страшный разнос, причем Сталин прямо сказал, что «виноваты отцы». Имелось в виду, что за выступлением младшего Жданова стоит Жданов-старший. Вождь со свойственным ему коварством поручил Маленкову и Жданову написать сообщение ЦК ВКП(б) «О мичуринском направлении в биологии». Андрей Жданов, как унтер-офицерская вдова, был вынужден снова выпороть самого себя. В сообщении говорится:

Попытка Ю. Жданова в его лекции на тему «Спорные вопросы современного дарвинизма» эклектически примирить два противоположных направления в биологии является ошибочной. Этот доклад противоречит позиции ЦК ВКП(б).

Сообщение это не было опубликовано, но 6 августа 1948 года в «Правде» появилось покаянное письмо Юрия Жданова. 11 августа 1948 года секретариат ЦК ВКП(б) под председательством Маленкова принимает постановление, осудившее Юрия Жданова. По словам младшего

Жданова, «Берия так „утешал“ моего отца (с его слов): „Все это, Андрей, конечно, крайне неприятно, но надо быть выше отцовских чувств“».

Жданов переносил неприятности крайне тяжело. Он забывался только при помощи алкоголя. Но становилось еще хуже. Он обретал репутацию алкоголика среди товарищей по партии и – главное! – в глазах вождя. При том что как ответственный за идеологию обязан был находиться при Сталине, постоянно участвовал в ночных «обедах» на Ближней даче.

Никита Хрущев вспоминал:

Помню (а это было редким явлением), как Сталин иногда покрикивал на него, что не следует пить. Тогда Жданов наливал себе фруктовую воду, когда другие наливали себе спиртные напитки. Полагаю, что если за обедом у Сталина тот его удерживал, то что было дома, где Жданов оставался без такого контроля? Этот порок убил Щербакова и в значительной степени ускорил смерть Жданова.

Алкоголизм ухудшал болезнь сердца, которой страдал Жданов. В 1947 году он прошел курс лечения в Сочи. К успеху это не привело. Стенокардия прогрессировала. Обострение произошло в июле 1948 года. 6 июля Сталин получает просьбу Главного санитарного управления Кремля о предоставлении Андрею Александровичу двухмесячного отпуска в связи с мозговым спазмом, частичным параличом правой части лица и руки, предынфарктным состоянием. Вождь накладывает резолюцию: «Где и как будут лечить?»

10 июля Жданова, «согласно заключению врачей», отправили в двухмесячный отпуск. Как говорил сам Жданов, его «обязали» поехать лечиться в санаторий «Валдай». Как полагают, у него были назначенные Лечсанупром лечащие врачи – доктора Майоров и Карпай. 23 июля, по свидетельству персонала, у него был телефонный разговор со своим подчиненным, заведующим Агитпропом Дмитрием Шепиловым. Разговор оказался неприятен для Жданова, он был крайне возбужден (сам Шепилов в своих воспоминаниях демонстрирует преданность Жданову и об этом телефонном разговоре в посвященной смерти босса главе не упоминает вообще). Ночью у Андрея Александровича случился тяжелый припадок.

25 июля из Москвы прибыли профессора Виноградов, Василенко и Егоров. Консилиум постановил, что имел место острый приступ сердечной астмы. А основной причиной недомогания был назван кардиосклероз. Больному прописали прогулки и массаж. Как указывает исследователь этого вопроса историк Костырченко, врачам положение пациента серьезным не казалось. Софья Карпай уехала в отпуск, а Майоров поручил уход за Ждановым медсестре и увлекся рыбалкой.

7 августа в «Правде» Жданов читает покаянное письмо своего сына, в котором тот, ссылаясь на свою «неопытность» и «незрелость», униженно просил у Сталина прощения. В тот же день была снята последняя перед приведшим к смерти кризисом кардиограмма. Следующую сделали только 28 августа, после припадка и за три дня до смерти.

Консилиум в лице кремлевских профессоров прибывает в «Валдай» 28 августа. Кремлевские врачи пришли к оптимистическим выводам о состоянии его здоровья и сообщили, что недельки через две он может вернуться в Москву. Впрочем, у приехавшей с ними заведующей кабинетом ЭКГ кремлевской больницы Лидии Тимошук особое мнение. Она обследует Жданова и констатирует «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Однако этот диагноз был отвергнут медицинским начальством, а 31 августа Жданов умер от повторного инфаркта. Эта история, как известно, будет через четыре года положена в основание знаменитого дела врачей.

2 сентября 1948 года Андрея Жданова похоронили в кремлевской стене. Маленков и Берия ничуть не грустили. По словам Юрия Жданова:

От Белорусского вокзала по улице Горького к Колонному залу Дома союзов двинулась траурная процессия. Непосредственно за гробом шли родные Андрея Александровича, а также члены руководства партией и страной. Траурная процессия медленно двигалась по улице, и вдруг внезапно я слышу громкий смех. О чем-то оживленно разговаривая с Маленковым, смеялся Берия.

В следственном деле Берии сохранились показания некой гражданки, скорее всего супруги ответственного работника. Она выглянула на балкон посмотреть на процессию в легкомысленном халатике. И увидела живописную и зловещую фигуру Лаврентия Павловича. И вдруг неожиданно он ей подмигнул. Она решила, что это ей показалось. Но через некоторое время в ее квартире раздается телефонный звонок. Она снимает трубку, и ей говорят: «Спуститесь вниз, вас ожидает Лаврентий Павлович Берия!». Дама думает, что это какая-то идиотская шутка. Сбегает вниз, как была, в одном халатике. Видит машину правительственную, черную. На заднем сиденье сидит Берия и говорит: «Поедем, покатаемся?». Она, оцепенев от ужаса, садится на сиденье рядом с Берией и говорит: «Как же так, ведь похороны?!» А он ей говорит: «Когда сталкиваешься с грустным, душа тянется к живому». Понятно, что катания с Берией закончились, как обычно.

Похороны Андрея Жданова

Смерть Жданова оказалась лишь началом конца ленинградской группировки. 15 февраля 1949 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.» с обвинениями, которые казались поначалу малозначительными: организация без разрешения ЦК оптовой ярмарки в Ленинграде, фальсификация счетной комиссии при подведении итогов выборов на партконференции. На самом деле это были первые раскаты приближающейся грозы.

Намеки на истинные причины обрисованы в проекте так и не разосланного закрытого письма ЦК, подписанного, что характерно, Лаврентием Берией и Георгием Маленковым:

...Группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве. Неоднократно обсуждался и подготовлялся вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б) и о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и Союзное Правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других национальных республик за счет русского народа... Предложение бывших ленинградских руководителей Вознесенскому о «шефстве» над Ленинградом, сделанное ему Попковым после смерти Жданова, было не случайным, а вытекало из существа их антипартийных связей. Ответственность за враждебную деятельность ленинградской верхушки ложится и на Жданова А. А.

В июле 1949 года начинаются аресты среди ждановского окружения. Постепенно взяты под стражу около 300 человек, среди которых секретарь ЦК Алексей Кузнецов, председатель Госплана Николай Вознесенский, первый секретарь Ленинградского обкома Петр Попков, председатель правительства РСФСР Михаил Родионов, первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) Николай Соловьев, секретари Ленинградского обкома Яков Капустин, Петр Лазутин, практически вся партийная элита Ленинграда.

Следствие было невероятно жестоким даже по сталинским стандартам. У Алексея Кузнецова при избиениях порвали барабанную перепонку, Николая Соловьева забили на допросе до смерти. Мучения арестованных ленинградцев длились больше года. 29–30 сентября 1950 года в Ленинграде в Доме офицеров состоялся суд. 1 октября 1950 года, спустя час после оглашения приговора, Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин были расстреляны.

Чуть позже состоялись судебные процессы, которые вынесли приговоры остальным лицам, проходившим по «ленинградскому делу». В Москве были расстреляны двадцать человек.

Следствием по делу руководил непосредственно министр госбезопасности Виктор Абакумов. Позже Хрущев обвинил в организации «ленинградского дела» Берию и Маленкова. Представляется, однако, что при всем желании Лаврентий Павлович и Георгий Максимилианович не смогли бы организовать уничтожение своих конкурентов, если бы на то не было воли Сталина. Что касается Абакумова, по всем данным он был достаточно независимой политической фигурой, не входившей ни в одну из группировок, и подчинялся непосредственно Генеральному секретарю. Другое дело, что разгром ленинградцев был, конечно, на руку дуумвирам – Берии и Маленкову.

Обязанность Алексея Кузнецова наблюдать за силовиками отошла к Лаврентию Берии. Ленинградскую парторганизацию возглавил ставленник Маленкова Василий Андрианов. С арестом Вознесенского резко возросла роль Маленкова и Берии в руководстве Советом Министров СССР. Неслучайно им было поручено составить закрытое постановление ЦК ВКП(б) по итогам дела.

В результате событий 1947–1949 годов позиции Лаврентия Берии, казалось бы оттесненного на политическую периферию, значительно усилились. Но как только политический деятель становился слишком сильным, это немедленно вызывало подозрения Иосифа Сталина. Так что Берии было рано радоваться.

«Мегрельское дело»

С марта 1946 года Берия входит в состав сталинской «семерки» членов Политбюро. Этим «ближним кругом» замыкались важнейшие вопросы государственного управления, в том числе: внешняя политика, внешняя торговля, госбезопасность, вооружения, функционирование вооруженных сил. 18 марта он становится членом Политбюро, а на следующий день назначается заместителем председателя Совета Министров СССР. Курировал работу МВД, МГБ и Министерства государственного контроля.

В 1951 году положение Лаврентия Берии внешне выглядит прочным. Испытана атомная бомба, готовится водородная. «Ленинградцы» уничтожены, Ворошилов, Молотов, Микоян в опале, властные полномочия Берии в правительстве как никогда обширны. В 1951 году Сталин поручает ему выступить с докладом в честь годовщины Октябрьской революции. Это знак высочайшей приязни.

Однако незадолго до этого Сталин начинает многоходовую тайную кампанию против Лаврентия Берии. Как это часто бывало у вождя, операция напоминала хватку удава, который медленно, но неумолимо сжимает смертельное кольцо.

Дипломат, историк Валентин Фалин рассказал нам:

Несколько раз Сталин прореживал свое окружение. Можно сказать, систематически. То одного, то другого, но Берия был самым дальновидным и умным человеком. Он вел себя гораздо осторожней и хитрее, чем большинство других. Поэтому он все время подсовывал Сталину информации, как готовится на него покушение, как принятые меры предотвращают всякого такого рода угрозы. И, в конце концов, Сталин впал в полную зависимость от такого рода сигналов. Берия умело очень играл на этих особенностях человека.

Я вам приведу такой эпизод. У нас в комитете информации работал с нами некий Баландин. После смерти Сталина ему было поручено организовать в Волынском, на Ближней даче Сталина, музей Сталина. Баландин, поскольку он работал у нас, приходил советоваться в комитет. Было все восстановлено, как при жизни Сталина, короткие занавески, чтобы видно было, стоит за занавесками человек или нет. Во всех спальнях диваны, поскольку Сталин каждый день спал на разных диванах. Бесконечные осветительные приборы, поскольку он спал только при включенном свете, и всякое прочее. Приехала делегация во главе с Хрущевым. Это уже было после казни Берии. Посмотрел это и сказал: «Любой нормальный человек, который придет в этот дом, подумает, если не скажет, нами 30 лет руководил сумасшедший. Никакого музея!»

Еще эпизод. Почему помимо забора, там три забора было, отделявших дачу от внешнего мира, появился еще один забор, который отделял окна Сталина и те комнаты Сталина уже прямо буквально в нескольких метрах от самого этого здания. Приехал фельдъегерь, привез какой-то пакет Сталину. Не открывали ему дверь, тогда он решил подойти к окну и посмотреть. Сталин встал, посмотрел тоже в окно. Смотрит – следы на снегу. Спрашивает, кто подходил? Охрана говорит – никто. «Следы видите? Кто подходил?» Тогда высказано было подозрение, что подходил фельдъегерь. «Провести МВД расследование, кто такой приезжал, почему подходил к окну» и так далее и доложить. Значит, МВД докладывает, что такой-то, значит, очень честный человек, бывший военный, войну провел всю, никаких к нему претензий нет. Ну, мы ему предлагаем вынести предупреждение, или выговор, отстранить

от работы, чтобы никогда он больше на правительственные дачи не ездил. Сталин сказал: «Я, как и полагал, что МВД с заданием не справится. Поручите расследование этого вопроса МГБ». Провели, расстреляли. И устроили этот забор. Вы знаете, наверно, или слышали, что под конец жизни к Сталину его Светлана могла только по пропуску проходить. Ее визиты согласовывались, как и Василия, лично со Сталиным. Он дает согласие на то, чтобы они приехали или не дает.

Каковы могли быть причины неожиданной сталинской опалы Лаврентия Павловича? Павел Судоплатов выдвигал в своих знаменитых мемуарах неожиданное предположение о том, что неприязнь, вспыхнувшая у Сталина, связана со Светланой Аллилуевой. Второй брак Светланы с Юрием Ждановым, сыном Андрея Александровича, оказался неудачным. Светлана Иосифовна невзлюбила свою свекровь, а мужа считали занудой. Ходили слухи, что брак с Юрием Андреевичем был обречен, потому что Светлана была влюблена в Серго Берия. Что вполне правдоподобно. Серго был необычайно красив, хорошо воспитан, прекрасно образован, еще не женат.

Судоплатов писал:

В то время в правительственных кругах ходили слухи о том, что сын Берии Сергей собирается жениться на Светлане Аллилуевой после ее развода с сыном Жданова. Секретарь Берии Людвиг, рассказавший мне эту историю во Владимирской тюрьме, говорил, что Нина, жена Берии, и сам Берия были решительно против этого брака. Берия знал, что его противники из Политбюро используют этот брак в борьбе за власть, что силы Сталина уже не те, и если Берия свяжет себя со Сталиным семейными узами, то в случае смерти Сталина он будет обречен. Ситуация породила их взаимную неприязнь.

Кроме того, мы помним знаменитое высказывание Сталина о его неприятии всяческой групповщины. Берия еще в 1938 году собрал вокруг себя группу земляков подчиненных. Их положение несколько пошатнулось после ухода Лаврентия Павловича с поста министра внутренних дел, но они по-прежнему занимали важные позиции во властных структурах, прежде всего в МГБ, МВД и в Грузии.

К 1951 году руководство Грузии состояло из второго эшелона бериевских кадров. Первый секретарь ЦК – Кандид Чарквиани в 1938 году при Берии был третьим секретарем ЦК КП(б) Грузинской ССР, председатель Верховного Совета Василий Гогуа служил народным комиссаром коммунального хозяйства, министр внутренних дел Григорий Каранадзе – был первым секретарем Сигнахского райкома КП(б) Грузии. Второй секретарь Михаил Барания был первым секретарем Аджарского областного комитета КП(б) Грузии, министр юстиции Авксентий Рапава – в 1937 году заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР, прокурор Грузии Владимир Шония – бывший прокурор Абхазской АССР.

26 сентября 1951 года Иосиф Сталин, проводивший свой, как позже оказалось, последний в жизни кавказский отпуск в Цхалтубо, принял министра госбезопасности Грузии Николая Рухадзе. Как позже показывал уже бывший министр госбезопасности, в беседе с ним генсек затронул вопрос о преобладании в грузинской партийной верхушке мегрелов, высказал по этому поводу озабоченность и прямо сказал, что мегрельское засилье связано с патронажем Лаврентия Берии.

Генсек неслучайно выбрал в конфиденты именно Рухадзе. Это был один из немногих в Грузии руководителей, имевших неприязненные отношения с Лаврентием Берией. Глава республиканской госбезопасности – известный садист, выделялся своей жестокостью даже в 1937 году, руководя легендарным райотделом в Гаграх. В 1939–1941 годах, уже после отъезда Берии в Москву, он становится начальником следственной части НКВД Грузинской ССР. В

1941–1948-м заместителем народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР и начальником Особого отдела Закавказского фронта. С апреля 1943 по август 1945-го был начальником Управления контрразведки СМЕРШ Закавказского военного округа. В 1948–1952-м министр государственной безопасности Грузинской ССР. Павел Судоплатов писал:

В 1948 году, за четыре года до грузинской чистки, Сталин назначил министром госбезопасности Грузии генерала Рухадзе. Его антибериевские настроения были общеизвестны.

Вождь несомненно был осведомлен о том, что в грузинском руководстве происходит борьба между верхушкой ЦК и МГБ. Рухадзе затеял чистку бериевцев в своем министерстве. Но у обиженных им чекистов нашлись заступники в партийной верхушке. Главным своим врагом Рухадзе считал второго секретаря ЦК Михаила Барамию и стал на него «копать». Барамия отправился в Москву за поддержкой «шефа» Лаврентия Берии. По-видимому, Лаврентий Павлович поддержал второго секретаря, так как Рухадзе оказался проигравшим.

На нем висело огромное количество грехов, включая злоупотребление должностью, мздоимство, пьяную болтовню о партийных тайнах, и дни его во власти, казалось, были сочтены. Поэтому он как никто был заинтересован в перетряске республиканского руководства. Именно поэтому Сталин сделал ставку на Рухадзе. Тот в свою очередь не мог не использовать такой счастливый поворот судьбы. Пришел его звездный час.

Генерал Николай Рухадзе

Разговор о «мегрельском засилье» Сталин затеял не случайно. Целили в «большого мегрела», как называли Лаврентия Берия. Кроме того, мегрелы действительно являлись в течение долгого времени важной частью политической элиты Грузии. Существовал и мегрельский регионализм, так как эта часть грузин имеет собственный язык и по существу является отдельным народом. Тем не менее, заподозрить Лаврентия Берия в некоем особом отношении к своим землякам трудно. Как мы знаем, он, став начальником, даже ни разу не посетил родное село, а среди грузин-бериевцев, взятых им с собой в Москву, мегрелом был только Петр Шария. Будучи главой Закавказья, Берия неоднократно подавлял выступления мегрельских националистов.

Беседа Сталина с Рухадзе стала затравкой дальнейших драматических событий в Грузии. Тема, поднятая Сталиным, – коррупция в этой республике. Начальник охраны вождя генерал Николай Власик передал ему жалобы грузин: в местные вузы невозможно поступить без взятки. Даже при Сталине Грузия действительно выделялась среди других советских республик сильной теневой экономикой, nepoтизмом и взяточничеством. Именно Сталин и Берия сделали республику богатой, деньги в основном находились в деревне и перетекали городским чиновникам. Взятки служили в некотором смысле налогом, которым обкладывались дополнительные доходы грузинских чаеводов и цветоводов. В общественном сознании они не считались большим грехом.

Иосиф Сталин относился к фактам незаконного обогащения номенклатуры избирательно. Будучи человеком прагматичным, он использовал информацию о казнокрадстве номенклатурных работников, чтобы держать их на крючке. Мотивы незаконного обогащения использовались, например, в деле маршала Жукова, хотя другие советские военачальники не менее широко баловались присвоением германских трофеев. И в материалах «ленинградского дела» содержатся обвинения руководителей города в использовании служебного положения в личных целях. А ведь ленинградский обком не был известен особым издоимством. Коррупция в Грузии стала отличным предлогом для перетряски республиканской партийной номенклатуры. Сталин записал в своем блокноте: «Беседа с Рухадзе: нужен специальный орган в МГБ по поимке воров и взяточников из ответственных (верховных и средних) работников».

26 октября 1951 года Рухадзе сообщил Сталину, что органы госбезопасности начали антикоррупционное расследование. 3 ноября Сталин позвонил Рухадзе и распорядился подготовить записку о злоупотреблениях Михаила Барамии, покрывавшего взяточничество бывшего прокурора Сухуми Гвасалии. Расследование Рухадзе показало, что факты такие имели место. А уже 9 ноября 1951 года вышло постановление Политбюро «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамии».

Судя по необычно «разговорному» тексту постановления, его записали под диктовку Сталина:

«Шеф» мингрельцев т. Барамия решил, что допущена «несправедливость» в отношении мингрельцев. Его, оказывается, не интересует, правильно ли вычищены из аппарата госбезопасности Грузии не мингрельцы, скажем, а карталинские работники, кахетские, имеретинские, гурийские, рачинские и т. п., – до этого ему, оказывается, нет дела. Его заинтересовало только одно: почему вычищены мингрельцы Малания и другие. И он затеял борьбу за восстановление мингрельцев в аппарате госбезопасности. Правда, ЦК КП(б) Грузии отклонил его протест. Но т. Барамия не был бы Барамией, если бы он удовлетворился решением ЦК. Он поскакал в Москву, козырял там перед московскими работниками именем ЦК КП(б) Грузии, злоупотреблял доверием московских работников к ЦК КП(б) Грузии и добился-таки того, что восстановил в аппарате госбезопасности Грузии явно негодных работников... члены группы Барамии требовали снятия

т. Рухадзе с поста министра... и обвиняли его во всякого рода уголовных делах...

Ближайшее знакомство с делом показало, что взяточничество в Грузии развито и, несмотря на некоторые меры борьбы, предпринимаемые ЦК КП(б) Грузии, взяточничество не убывает. При этом выяснилось, что борьба ЦК КП(б) Грузии со взяточничеством не дает должного эффекта потому, что внутри ЦК Компартии Грузии, так же как внутри аппарата ЦК и правительства, имеется группа лиц, которая покровительствует взяточникам и старается выручать их всяческими средствами.

Факты говорят, что во главе этой группы стоит второй секретарь ЦК Компартии Грузии т. Барамия. Эта группа состоит из мингрельских националистов. Она ставит своей целью, прежде всего, помощь нарушителям закона из числа мингрельцев, она покровительствует преступникам из мингрельцев, она учит их обойти законы и принимает все меры, вплоть до обмана представителей центральной власти, к тому, чтобы выволочь «своих людей»...

Она преследует еще другую цель – захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате Грузии и выдвинуть на них мингрельцев, при этом они руководствуются не деловыми соображениями, а исключительно соображениями принадлежности мингрельцам. Несомненно, что если антипартийный принцип мингрельского шефства, практикуемый т. Барамией, не получит должного отпора, то появятся новые «шефы» из других провинций Грузии: из Карталии, из Кахетии, из Имеретии, из Гурии, из Рачи, которые тоже захотят шефствовать над «своими» провинциями и покровительствовать там проштрафившимся элементам, чтобы укрепить этим свой авторитет в «массах». И если это случится, Компартия Грузии распадется на ряд провинциальных княжеств, обладающих «реальной» властью, а от ЦК КП(б) Грузии и ее руководства останется лишь пустое место.

В постановлении Политбюро грозно сказано: «шпионско-разведывательная организация Грузии состоит исключительно из мингрельцев».

Мегрельское дело шло по сценарию ленинградского. Казалось бы, не имеющие политического значения нарушения стали первыми камешками надвигающейся лавины. Так же как ленинградцы, которые обвинялись в несанкционированном проведении ярмарки, так и обвинения мегрел в интригах и покровительстве взяточничеству быстро стали политическими.

16 ноября 1951 года по указанию Сталина было принято постановление Политбюро «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов». Согласно ему, в Казахстан было выслано 11 200 человек «повторников», побывавших в тюрьмах и ссылках. Одновременно арестовали тридцать семь руководителей республиканской парторганизации, преимущественно мегрелов, во главе с Барамией. К ноябрю 1951-го по обвинению в «буржуазном национализме» были смещены и арестованы 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов, три секретаря грузинского ЦК, семь из одиннадцати членов бюро ЦК компартии Грузии.

В Москве были арестованы майор госбезопасности Вардо Максимелишвили и ее муж, сотрудник центрального аппарата МГБ СССР Давид Матарадзе. «С Вардо Максимелишвили, – показывал Лаврентий Берия на допросе в 1953 году, – я сожительствовал еще до ее замужества, имел от нее ребенка, который был сдан в детский дом, но после ее замужества я с ней связь прервал».

Среди других арестованных – бывший секретарь Берии, сотрудник МИД СССР Илья Тавадзе, и один из ближайших сотрудников Лаврентия Павловича Петр Шария, фактический автор книги Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». В то

время он был профессором Тбилисского университета. По словам Берии, «Сталин систематически звонил в Тбилиси и требовал отчета о ходе следствия, активизации следственных мероприятий».

К делу подключили следователей-«колольщиков» из Москвы, их курировал первый заместитель министра госбезопасности СССР Сергей Огольцов. Во главе следственной бригады – заместитель начальника следственной части по особо важным делам Виктор Цепков, бывший заместитель министра госбезопасности Украины.

Как сказано в постановлении ЦК КПСС о реабилитации мегрельцев от 1953 года, «... арестованных избивали, надевали на них наручники, подвергали длительному лишению сна и другим средствам принуждения, строго запрещенным советскими законами, требуя от них „признаний“ в шпионско-подрывной работе. При этом следователи провокационно заявляли арестованным, что подобные приемы и методы следствия применяются по прямому заданию ЦК ВКП(б)».

О методах дознания мы можем также узнать из дела самого Рухадзе, которого, по иронии судьбы, позже арестовали как бериевца. В обвинительном заключении говорилось:

Арестованных по делу так называемой мингрело-националистической группы, которое возникло по инициативе Рухадзе, изнуляли путем систематических и продолжительных ночных допросов. Некоторых арестованных по этому делу на допросах избивали и помещали на длительный срок в карцер.

Надо сказать, что большинство заключенных, в том числе Авксентий Рапава, вели себя исключительно мужественно и нужных следствию показаний не дали. Возможно, этим объясняется необычно затянувшееся следствие, продолжавшееся около двух лет. Вплоть до смерти Сталина обвинительное заключение так и не было составлено.

Одновременно с мегрельским делом Николай Рухадзе проводил и другую линию борьбы с Лаврентием Берией. В доме матери Берии в Тбилиси было установлено подслушивающее оборудование. МГБ Грузии разрабатывало операцию по похищению в Париже бывшего министра иностранных дел меньшевистской Грузии Евгения Гегечкори, родного дяди Нины Теймуразовны Берия.

Забавные подробности о бурной деятельности Николая Рухадзе содержатся в воспоминаниях Павла Судоплатова:

Я должен был оценить возможности местной грузинской разведслужбы и помочь им подготовить похищение лидеров грузинских меньшевиков в Париже, родственников жены Берии, Нины Гегечкори. Докладывать я должен был лично Игнатьеву. Мне сообщили, что инициатива по проведению этой операции исходила из Тбилиси, от генерала Рухадзе, и Сталин лично ее одобрил. Рухадзе настаивал на том, чтобы грузинские агенты взяли эту операцию на себя. С этой идеей он прибыл в Москву и пошел на прием к Игнатьеву. Отправляясь обратно в Тбилиси, он пригласил меня лететь вместе с ним. Я предпочел поехать поездом.

То, что я увидел в Тбилиси, меня глубоко потрясло. Единственный способный агент с хорошими связями во Франции, Гигелия, сидел в тюрьме по обвинению в шпионаже и мегрельском национализме. Агентам Рухадзе нельзя было доверять; они даже отказались говорить со мной по-русски. Заместитель Рухадзе, планировавший поехать в Париж, никогда не был за границей. Он был уверен, что если привезет грузинским эмигрантам шашлык и корзину грузинского вина, устроит пирушку в самом знаменитом ресторане Парижа, то завоюет их расположение. Предлагали также послать в Париж делегацию

деятелей культуры, но все понимали, что эти грандиозные планы маскируют желание Рухадзе отправить в Париж свою жену. Она была скромной женщиной и хорошей певицей, но могла представлять в делегации только Тбилисскую консерваторию. О планах мужа она не имела ни малейшего понятия.

Группа следователей из Москвы, занимавшаяся делом мегрелов, между тем радостно сообщила Рухадзе, что они уже почти установили связь между семьей Берии и арестованными националистами. Любительский авантюризм Рухадзе испугал меня, и я поспешил вернуться в Москву, чтобы доложить обо всем Игнатьеву. Он и его первый заместитель Огольцов внимательно выслушали меня, но заметили, что судить об этом деле надо не нам, а «инстанции», так как Рухадзе лично переписывается со Сталиным на грузинском языке.

27 марта 1952 года Политбюро утвердило постановление «Положение дел в компартии Грузии». В нем указывалось:

«Дело с исправлением ошибок и недостатков в работе ЦК КП(б) Грузии идет медленно, со скрипом, неудовлетворительно, и в партийных организациях и среди беспартийных людей Грузии имеет место недовольство медлительностью в действиях ЦК КП(б) Грузии по борьбе за ликвидацию последствий вражеской деятельности группы Барамии... В ходе следствия выяснилось, что... группа... намеревалась захватить власть в Компартии Грузии и подготовить ликвидацию Советской власти в Грузии.»

Со свойственным ему коварством Сталин поручил провести пленум компартии Грузии, посвященный мегрельскому делу и кадровым чисткам, самому Лаврентию Берии. Вспомним, как Жданов в 1946-м вынужден был публично критиковать выпестованную им ленинградскую партийную организацию. Решение послать Берию в Тбилиси могло быть испытанием его верности, но могло стать частью задуманной комбинации по его уничтожению. Так или иначе, Лаврентий Павлович вынужден был рассказывать подчиненным о мегрельских националистах и их связях с иностранными разведками, которые сплошь были его собственными назначенцами. На пленуме Кандид Чарквиани был официально отправлен в отставку, на его место рекомендован недоброжелатель Берии Алексей Мгеладзе, первый секретарь Кутаисского обкома.

После пленума Сталин берет некоторую паузу. Видимо, судьба Берии еще не была решена окончательно. Это было в характере вождя. Вспомним сложную игру, которую Сталин вел с маршалом Жуковым, или то, как он обвинил Микояна и Молотова в шпионаже, оставив их на свободе. Кроме того, неумная активность Николая Рухадзе начала вызывать беспокойство Сталина. Упивавшийся своим неожиданно приобретенным могуществом, Рухадзе сам, по-видимому, мечтал стать руководителем Грузии и был сильно разочарован итогами пленума. Он начал собирать компромат и выбивать показания на нового первого секретаря, протеже Сталина. Преувеличивая свою личную близость к генсеку, Рухадзе послал протоколы допросов непосредственно Сталину.

Вождь был возмущен такой инициативой, когда без его ведома выбивается компрометирующий материал на только что назначенного начальника. Сталин даже не счел нужным отвечать Рухадзе лично, он написал письмо оклеветанному Мгеладзе и членам бюро ЦК компартии Грузии. В письме вождя говорилось:

ЦК ВКП(б) считает, что т. Рухадзе стал на неправильный и непартийный путь, привлекая арестованных в качестве свидетелей против партийных руководителей Грузии [...] Кроме того, следует признать, что т. Рухадзе не имеет права обходить ЦК КП(б) Грузии и правительство Грузии, без ведома которых он послал в ЦК ВКП(б) материалы

против них, поскольку Министерство госбезопасности Грузии, как союзно-республиканское министерство, подчинено не только центру, но и правительству Грузии и ЦК КП(б) Грузии.

Судьба Рухадзе была предрешена. Тем более, у Сталина были и другие основания от него избавиться. Рухадзе повсюду хвастался своей близостью к вождю, разбалтывая государственные секреты. Павел Судоплатов рассказывал:

Рухадзе присутствовал на званом ужине, где, сильно выпив, прихвостнул, что он близок к Сталину и тот давал ему инструкции по проведению диверсий и похищений в Турции и Франции. На ужине также присутствовал министр внутренних дел Грузии Бзиава, мегрел, который на следующий день написал письмо только что назначенному министру госбезопасности Игнатьеву в Москву и в нем сообщил о поведении Рухадзе на ужине. Игнатьев доложил об этом Сталину. Сталин приказал показать это письмо Рухадзе и в его присутствии уничтожить письмо. Игнатьев предупредил Рухадзе, что, хотя тот и пользуется еще расположением Сталина, «нельзя позволять себе распускаться».

Вскоре по приказанию Сталина Рухадзе вызвали в Москву и там арестовали. После смерти вождя на свободу его не выпустили. По иронии судьбы, расстреляли его как бериевца.

Итак, к 1952 году положение Лаврентия Берии оставалось тревожным. Мегрелы сидели в тюрьме, их показания можно было использовать в любой момент. Опасной для Берии была чистка в Министерстве госбезопасности. В октябре 1951 года были арестованы министр госбезопасности Абакумов и его заместители генералы Селивановский и Питовранов, начальник следственной части по особо важным делам генерал Леонов, его заместители полковники Комаров и Лихачев.

Пострадали почти все евреи, занимавшие ответственные посты в центральном аппарате МГБ: заместитель начальника 1-го Главного управления МГБ генерал-лейтенант Белкин, заместитель начальника 2-го Главного управления МГБ генерал-лейтенант Райхман, заместитель начальника Бюро номер 1 МГБ СССР генерал-майор Эйтингон, полковник Андрей Свердлов – сын Якова Свердлова, полковники Анциелович, Палкин, Блиндерман, Шварцман, Броверман и др.

Большинство из арестованных в свое время были тесно связаны с Лаврентием Берией. И не случайно после смерти Сталина их почти всех немедленно выпустили из тюрем и вернули на прежние должности. Но в 1952 году у Берии были серьезные основания думать, что одна из главных причин этих арестов – продолжающийся сбор компромата на него самого. Хотя формально дело было подано как разоблачение сионистской организации в органах госбезопасности.

Продолжалось «дело врачей». Было очевидно, что готовится новый большой процесс. Кто-то из членов Политбюро вполне мог быть связан с «врачами-убийцами». Прежде всего Вячеслав Молотов (его жена Полина Жемчужина была арестована и сослана в Казахстан) и сам Берия.

Итак, над Берией нависла смертельная угроза. Хотя формально его положение оставалось прочным. На XIX съезде партии он выступил с льстивой обращенной к Сталину речью. В отсутствие уже тяжело болевшего вождя оперативное руководство страной осуществлялось четверкой, в которую входили Лаврентий Берия, Георгий Маленков, Никита Хрущев и Николай Булганин. Именно они, как известно, присутствовали на последнем «обеде» у Сталина в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года.

Глава 10. 112 дней Лаврентия Берии

Новый, 1953-й, год не обещал партийной верхушке ничего хорошего. Состав новоизбранного на XIX съезде Президиума ЦК, так теперь стало называться Политбюро, был увеличен по численности в три раза. Вместо девяти полных членов и двух кандидатов стало, соответственно, двадцать пять и одиннадцать. Заматерелые в интригах представители «узкого руководства» понимали, что это неспроста: предстоит большая чистка. Шестнадцать малоизвестных новых членов Президиума должны будут вскоре заменить испытанные старые кадры. Так в 1930-е на смену ленинской гвардии пришли Маленков, Хрущев, Булганин, Жданов, Вознесенский и сам Берия.

Отстранение «стариков» от власти уже началось. Сталин вывел из руководящего ядра Ворошилова, Молотова, Микояна и Кагановича. Над тремя из них – Ворошиловым, Молотовым, Микояном – сгустились тучи. Близилась к завершению «дело врачей» и «мегрельское дело». Полным ходом меняли кадры в органах госбезопасности.

Международная обстановка была напряжена до предела. Шла война в Корее и генерал Макартур уже предлагал Эйзенхауэру применить ядерную бомбу против коммунистического Китая. Советская разведка готовилась убить маршала Тито. При тогдашнем преимуществе американской авиации над советской любому, в том числе и члену Политбюро, погибнуть в результате применения атомного оружия было гораздо проще, чем в Великую Отечественную.

С 1927 года всякая внутривнутрипартийная оппозиция была обречена на провал, а ее вожди ждали аресты и уничтожение. Противостоять Сталину было невозможно. Любое разномыслие он пресекал на корню. Квартиры всех членов Президиума ЦК прослушивались. Каждая их неформальная встреча вызывала подозрения. Сопротивляться бесполезно. Однако история делает неожиданный поворот, как в хорошем триллере.

«Я убрал его очень вовремя...»

28 февраля 1953 года вечером в Кремле руководство страны смотрит кино. Затем, уже ближе к ночи, Сталин вместе с Хрущевым, Маленковым, Берией и Булганиным отправляется «обедать» на Ближнюю дачу. Пьют молодое грузинское вино – маджари. К пяти утра гости разъезжаются. Сталин через начальника охраны генерала Ивана Хрусталева передает сотрудникам дачи: те могут идти спать, и просит его не беспокоить.

В 11 утра 1 марта охрана начинает нервничать. Обычно хозяин к этому времени уже на ногах. В то же утро в доме погашен свет, а вмонтированные датчики не фиксируют никакого движения внутри. Прикрепленные к Сталину охранники Старостин и Лозгачев проявляют беспокойство, но в дом зайти не решаются. Начальник охраны Иван Хрусталев – ушел и не появляется.

Между тем, около шести вечера, по словам охранников, в большой столовой, кажется, зажегся свет. Они решают: Сталин поднялся и скоро их вызовет. Но вызова не происходит. Лозгачев и Старостин парализованы страхом и прямым указанием «не беспокоить».

В пол-одиннадцатого вечера Петр Лозгачев входит-таки к Сталину и видит его лежащим на полу возле письменного стола в малой столовой. Рядом газета «Правда». На столе початая бутылка боржоми и стакан. Сталин парализован, он обмочился. Его бездвижное тело переносят на диван в большой зал. Сколько часов Сталин лежал на полу без помощи – непонятно.

Обнаружив Сталина, охрана немедленно сообщает о случившемся главе МГБ Игнатьеву, а тот Берии и Маленкову. Примерно через тридцать минут в 11 вечера перезвонил Берия и сказал Лозгачеву: «О болезни товарища Сталина никому не говорить и не звонить».

Только в 3 часа ночи 2 марта на даче появляются Берия с Маленковым. Берия, посмотрев на Сталина, сказал: «Лозгачев, что ты панику наводишь! Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Его не тревожь и нас не беспокой!» О состоянии Сталина Берия и Маленков сообщают Хрущеву и Булганину. В 8.30 на дачу прибыл Хрущев. И только в 9 утра 2 марта появились врачи.

В мире о болезни Сталина узнали только 4 марта. Правительственное сообщение о его болезни прозвучало по радио и было опубликовано в газетах:

В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве и в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания.

В этом сообщении две очевидных попытки фальсификации произошедших событий. Место происшествия: Кремль вместо дачи. И пропажа из истории болезни и биографии Сталина целого дня 1 марта. Эта ложь, на которую пошли политики и врачи, свидетельствует о понимании, что день бездействия выглядит убийственным. А это значит, что и другим «официальным» сообщениям доверять нельзя.

5 марта в 21.5 °Сталин умирает. Его агонию наблюдают врачи, соратники и дочь Светлана. Предсмертный жест – палец в небо. Перед смертью – кровавая рвота. Консилиум окончательно устанавливает причину смерти – инсульт. При тогдашних методах лечения диагноз был изначально неблагоприятным; даже если бы Сталин выжил, было мало шансов на то, что он избавится от паралича правой части тела и потери речи. И, тем ни менее, он оставался бы жить. А живой, пусть и парализованный, Сталин оставался мощным политическим игроком (вспомним значение больного Ленина в 1921–1924 годах).

Между тем, создается впечатление, что участь тирана была известна его ближайшему окружению заранее. Об этом свидетельствует наглое заявление Берии охране «Не тревожить товарища Сталина», странное бездействие членов Политбюро, поздний вызов врачей. В обстановке начала 1953 года, когда полным ходом шло следствие по делу врачей-убийц, каждый из подчиненных вождя должен был понимать меру своей ответственности за преступное неказание ему врачебной помощи.

Удивляет и необычайная смелость членов Политбюро, дважды собравшихся 2 марта без разрешения Сталина в его кремлевском кабинете. Это было, когда врачи, наконец, приехали на Ближнюю дачу, а прогноз болезни Сталина был еще не до конца ясен. Только утром 3 марта врачи сообщили, что, по их мнению, смерть вождя неизбежна. Сам по себе инсульт, при таком раскладе, стал неожиданностью для членов Президиума ЦК. Но они быстро поняли: положение Сталина критическое, если не безнадежное. И, оттянув почти на сутки врачебную помощь, они, прежде всего Берия и Маленков, предрешили быструю агонию и смерть вождя.

Принимать самостоятельные решения, делить между собой власть, демонстративно пренебрегать лечением вождя возможно только в одном случае, если верхушка партии была абсолютно уверена: Сталину не жить. Так, может быть, они сами убили вождя?

Об убийстве сразу заговорил Василий Сталин. Ссылаясь на «старых большевиков», А. Авторханов пишет:

Вечером 28 февраля 1953 г., поговорив со Сталиным по деловым вопросам и изрядно выпив, Маленков, Хрущев и Булганин уезжают довольно рано, но не домой, а в Кремль. Берия, как это часто бывало, остается под предлогом согласования со Сталиным некоторых своих мероприятий. Вот теперь на сцене появляется новое лицо: по одному варианту – мужчина, адъютант Берии, а по другому – женщина, его сотрудница. Сообщив Сталину, что имеются убийственные данные против Хрущева в связи с «делом врачей», Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время «лечения» Сталина в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точных дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно.

Таков рассказ старых большевиков. При этом невольно вспоминается то место из книги Аллилуевой, где сказано несколько слов о какой-то таинственной женщине-враче у постели умирающего Сталина:

Молодые врачи ошалело озирались вокруг... Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, – где я ее видела? Мы кивнули друг другу, но не разговаривали.

Сторонники теории заговора и убийства Сталина указывают на ряд событий, свидетельствующих о желании заговорщиков изолировать Сталина, ослабить его охрану. В мае 1952 года был снят с должности, а 15 декабря 1952 года арестован Николай Власик, многолетний начальник охраны вождя. В 1953 году был обвинен в потере важных государственных документов и отстранен от работы глава секретариата Сталина Александр Поскребышев. 17 февраля 1953 года газета «Известия» сообщила, что «безвременно» умер генерал-майор Петр Евдокимович Косынкин, руководитель комендатуры Кремля, ответственный за безопасность Сталина после смещения Власика.

С начала 1990-х появляются исследования, основанные на интервью с дожившими до того времени охранниками Ближней дачи. Наиболее полная и разумная версия возможной

гибели Сталина, основанная на этих материалах, содержится в книге Эдварда Радзинского «Сталин». Он обратил внимание на странное распоряжение полковника Ивана Хрусталева, отправившего спать всех охранников. Радзинский пишет:

Мы никогда не узнаем, что же произошло ночью в запертых комнатах Хозяина. Но есть только два варианта происшедшего: или Хозяин обезумел и действительно отдал приказ всем спать, по удивительному совпадению той же ночью с ним случился удар... или Хрусталеву было кем-то приказано уложить спать своих подчиненных, чтобы остаться наедине с Хозяином – ему, или кому-то еще неизвестному.

Иван Хрусталев был, судя по всему, последним человеком, видевшим Сталина на ногах. И сложно не признать странным, что этот последний и единственный собеседник покойного первым из множества людей, окружавших Сталина, встретился с ним на том свете. Спустя всего пару недель...

После того как в научный оборот были введены отрывки из истории болезни Сталина и воспоминания А. Мясникова, принимавшего участие в лечении Иосифа Виссарионовича, вышла совместная работа американского историка Джонатана Брента и российского – Владимира Наумова, где они утверждают: Иосиф Сталин был отравлен препаратом варфарином (или его аналогом дикумарином). Его могли подсыпать в стакан Сталину во время ужина 28 февраля. Он мог находиться в початой бутылке боржоми, которая стояла на рабочем столе Сталина. При этом в официальном перечне препаратов, использовавшихся для лечения Сталина, его нет.

Есть исследователи, считающие, что использован был не варфарин, а гепарин, который мог быть введен внутривенно, внутримышечно или путем ингаляции. Осложнения при введении гепарина соответствуют наблюдавшимся у Сталина (кровоотечения в желудочно-кишечном или мочевом тракте). Гепарин действует очень быстро и быстро выводится из организма.

Некоторые медики видят картину внезапной болезни и смерти Сталина полностью соответствующей отравлению препаратами на основе курарина. Курарин в малых дозах применяется в хирургии. Но не дай бог, если кто-то перепутает его с другим препаратом или повторит дозу – двигательный паралич, расслабление мимической мускулатуры и мышц глотки, мышц шеи и конечностей, нарушение проницаемости сосудистых стенок и разрушение клеток крови обеспечено.

Яды широко применялись (и применяются) в практике чекистов. На Лубянке существовала специальная лаборатория, которой руководил Георгий Майрановский, испытывавший яды на несчастных заключенных. В списке полтора десятка наименований, от неорганических соединений мышьяка и таллия, цианистых калия и натрия до сложных органических веществ: колхицина, дигитоксина, аконитина, стрихнина и природного яда – кураре.

Ядом кураре МГБ в ходе «спецопераций» убивало людей, чья смерть официально фиксировалась как «умер от сердечной недостаточности». Уже после смерти Сталина агент КГБ Богдан Стишинский убил из пистолета, стрелявшего синильной кислотой, руководителей украинских националистов Степана Бандеру и Льва Ребета. После выстрела у жертв останавливается сердце; их смерть поначалу сочли естественной.

Итак, в распоряжении заговорщиков (если заговор существовал) имелись средства для того, чтобы устранить Сталина так, чтобы создавалась иллюзия естественной смерти. У них был очевидный мотив для убийства вождя. Вызывает сильнейшее подозрение поведение руководителей партии с того момента, когда у Сталина началась смертельная болезнь. Такое впечатление, что они изначально знали: вождь умрет. Каждый сделанный ими шаг, в случае выздоровления Иосифа Виссарионовича, предполагал их мучительное уничтожение. Но они почему-то не боялись.

Наконец, первые же шаги коллективного руководства после смерти и похорон руководителя партии и государства означали обдуманную, решительную и планомерную ревизию его политического курса, как бывает при всех переворотах. Кто же явился инициатором этого заговора? По мнению большинства свидетелей и историков – Лаврентий Берия.

Двое оставивших мемуары членов Политбюро удивлялись тому, как откровенно плохо он относился к Сталину еще при жизни последнего. Анастас Микоян:

После войны Берия несколько раз еще при жизни Сталина в присутствии Маленкова и меня, а иногда и Хрущева, высказывал острые, резкие критические замечания в адрес Сталина. Я рассматривал это как попытку спровоцировать нас, выпытать наши настроения, чтобы потом использовать для доклада Сталину. Поэтому я такие разговоры с ним не поддерживал, не доверяя, зная, на что он был способен. Но все-таки тогда я особых подвохов в отношении себя лично не видел. Тем более что в узком кругу с Маленковым и Хрущевым он говорил, что «надо защищать Молотова, что Сталин с ним расправится, а он еще нужен партии». Это меня удивляло, но, видимо, он тогда говорил искренне.

Никита Хрущев:

Берия все резче и резче проявлял в узком кругу лиц неуважение к Сталину. Более откровенные разговоры он вел с Маленковым, но случалось, и в моем присутствии. Иной раз он выражался очень оскорбительно в адрес Сталина. Признаюсь, меня это настораживало. Такие выпады против Сталина со стороны Берии я рассматривал как провокацию, как желание втянуть меня в эти антисталинские разговоры с тем, чтобы потом выдать меня Сталину как антисоветского человека и «врага народа». Я уже видел раньше вероломство Берии и поэтому слушал, ушей не затыкал, но никогда не ввязывался в такие разговоры и никогда не поддерживал их. Несмотря на это, Берия продолжал в том же духе. Он был более чем уверен, что ему ничто не угрожает. Он, конечно, понимал, что я неспособен сыграть роль доносчика. К тому же я знал, что Сталин и Берия значительно ближе, чем Сталин и Хрущев. Милые бранятся – только тешатся.

У опального Молотова в 1949 году была арестована жена Полина Жемчужина. Переводчик Сталина Валентин Бережков пишет:

Молотов рассказывал, что, когда встречал в кремлевском коридоре Берию, тот, поравнявшись, шептал ему на ухо: «Полина еще жива»...

В том, что отец его мог организовать убийство вождя, фактически признавался Серго Берия:

В 1952 году мой отец уже понимал, что терять ему нечего... Мой отец не был ни трусом, ни бараном, послушно идущим на бойню. Я не исключаю, что он мог что-то замышлять... Для этого в органах у него всегда были свои люди... Кроме того, у него была своя разведывательная служба, которая не зависела ни от какой существующей структуры.

Именно Берия велел охране не беспокоиться, когда она обнаружила неподвижного и беспомощного Сталина на полу кунцевской дачи. Такое впечатление, что он изначально знал, что конец близок, по крайней мере ему было трудно скрыть радость от того, что вождь умирает.

Хрущев вспоминал:

Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать! Интересно, впрочем, что, как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол.

Об этом свидетельствует и Светлана Аллилуева:

Только один человек вел себя почти неприлично – это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были – честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного – отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания, или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть «самым верным, самым преданным» – каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал... А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталеv! Машину!».

Эта фраза – как бы рубеж, отделяющая одно время от другого. Хрусталеv, это начальник охраны Сталина, он Берии не подчиняется. И, отдавая приказание, Берия показывает, кто в доме хозяин. «Хрусталеv, машину!» – это как слова Палена, сказанные Александру I после убийства его отца Павла: «Ваше Величество, довольно ребячиться, идите царствовать», или как фраза матроса Железняка Учредительному собранию: «Караул устал – хочет спать». Началась другая эпоха, эпоха Берии.

Георгий Жуков видел Лаврентия Берия на Пленуме ЦК, который происходил во время агонии Иосифа Сталина:

При внимательном наблюдении, хотя его глаза и были прикрыты очками, все же в них можно было рассмотреть хищность и холодную жестокость. Всем своим видом и развязанностью он, видимо, старался подчеркнуть и дать понять: хватит, мол, сталинских порядков, натерпелись при Сталине, теперь у нас все будет по-иному.

После смерти Сталина Берия испытывал чувство эйфории. Вот что писал уже подследственный Всеволод Меркулов Никите Хрущеву в сентябре 1953 года:

Накануне похорон товарища Сталина Берия неожиданно позвонил мне на квартиру (что он не делал уже лет восемь), расспросил о здоровье и просил приехать к нему в Кремль. У него в кабинете я нашел Мамулова, Людвигова, Ордынцева, позже пришел т. Поспелов. Оказывается, надо было принять участие в редактировании уже подготовленной речи Берии на похоронах товарища Сталина. Во время нашей общей работы над речью, что продолжалось часов 8, я обратил внимание на настроение Берии. Берия был весел, шутил и смеялся, казался окрыленным чем-то.

Ну, а вскоре Лаврентий Павлович откровенно признался, что это именно он организовал убийство Иосифа Сталина. Вячеслав Молотов дважды рассказывал об этом поэту Феликсу Чуеву, а потом повторил то же самое публицисту Владимиру Карпову:

1 мая 1953 года Берия на трибуне Мавзолея очень значительно сказал мне, но так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков: «Я всех вас спас... Я убрал его очень вовремя».

В обоих случаях – убийство или неоказание помощи – кто-то из четырех последних посетителей Сталина должен был взять на себя инициативу. Подробности биографий всех четырех персонажей – Берии, Хрущева, Маленкова, Булганина – хорошо известны.

Булганин был слабым, ведомым человеком, считался сначала сталинским, затем хрущевским холуем. В Министерстве обороны у него не было настоящей поддержки, боевые генералы и маршалы Николая Булганина откровенно презирали.

Георгий Маленков, человек влиятельный, наследник Сталина «первой очереди», долгие годы руководил партийным аппаратом, ему обязаны своей карьерой многие чиновники, в частности тогдашний министр госбезопасности С. Д. Игнатьев. Именно Маленков мог сыграть решающую роль в падении последней стены, охранявшей Сталина, – аресте лично преданных вождю Поскребышева и Власика. Однако все, что вспоминали о Маленкове его товарищи по ЦК, свидетельствует – Георгий Максимилианович был несамостоятельным человеком и вряд ли мог стать инициатором убийства Сталина. Вспомним, как легко и непринужденно в 1955-м, а после в 1957 году с Маленковым «разобрался» его бывший друг Никита Хрущев.

Современным сталинистам, которые много пишут о Берии, не хотелось бы видеть его руководителем заговора против «отца и учителя». Поэтому они выдвигают на первый план Никиту Хрущева – ревизиониста и разоблачителя Сталина. Никита Сергеевич действительно отличался коварством и отвагой. Недаром через год после смерти Сталина он фактически стал руководителем СССР. С личными отношениями он в политике не считался и был абсолютно безжалостным – расправился почти со всеми своими союзниками: Берией, Маленковым, Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем, Жуковым. Думается, однако, что в устранении Сталина Хрущев мог играть только вторую скрипку. У него, недавно появившегося после большого перерыва в Москве, не было в столице достаточно своих кадров, чтобы действовать самостоятельно.

Реконструировать заговор против Сталина легче всего по аналогии заговора против Берии, детали которого нам известны. Инициатором и движителем здесь явился Хрущев, который заручился сначала поддержкой Молотова, а затем – Маленкова. Остальные руководители страны, видя силу противников Берии, к ним присоединились. Вероятнее всего и в случае со Сталиным заговорщики действовали по подобному сценарию. Только роль Хрущева сыграл тогда Берия.

Несмотря на то, что с 1946 года Лаврентий Павлович не имел прямых связей с правоохранительными органами, у него оставалось огромное количество близких знакомых и бывших подчиненных и в МГБ, и в МВД. Первым заместителем министра госбезопасности служил Сергей Гоглидзе, в Первом главном управлении с Берией работал генерал-лейтенант НКВД Павел Мешик, руководителем активных операций был Павел Судоплатов, заместитель министра внутренних дел – Степан Мамулов, замминистра МВД по войскам – Иван Масленников, начальник управления МГБ Куйбышевской области – Михаил Гвишиани. Посты не самые высокие, но достаточные для того, чтобы получить квалифицированную помощь в области токсикологии и чтобы найти своих людей в охране Сталина.

Кроме того, Берия был самым наглым, бессовестным и циничным в партийном руководстве. Все кругом так или иначе были ему обязаны. Он почти не скрывал своего отрицательного отношения к Сталину. И наконец, его положение к 1953 году было самым уязвимым. Поэтому, думается, инициатором произошедшего на Ближней даче был именно Берия.

Но не только он. Все отмечают необычайную близость, которая установилась весной 1953 года между Хрущевым, Маленковым и Берией, которые всюду, где можно, появлялись вместе.

Любопытно и то, что, казалось бы, очевидное и не раз проверенное в советских традициях обвинение в убийстве Сталина на следствии Берии даже не предъявлялось. Более того, в своих многословных воспоминаниях Никита Хрущев тщательно избегает описания обстоятельств и причин смерти вождя. Характерно, что единственный из тогдашнего руководства, прямо обвинивший Берию в смерти Сталина, был не принимавший участия в заговоре Вячеслав Молотов. Скорее всего, тайна смерти вождя так и не будет до конца раскрыта. Однако, выражаясь языком дореволюционного суда, Лаврентий Берия остается «в сильном подозрении».

Невероятная лесть начальнику, заканчивающаяся рано или поздно жестокой расправой над ним, как бы близки они ни были – отличительная особенность политического почерка Берии. Так он вел себя в Грузинском ЧК с Ефимом

Кванталиани, руководителем компартии Грузии Мамией Орахелашвили, вождем Абхазии Нестором Лакобой, с человеком, в честь которого он назвал своего сына, – Серго Орджоникидзе, со своим приятелем и предшественником на должности наркома НКВД Николаем Ежовым.

Видимо, что-то сидело внутри Лаврентия такое, что Зигмунд Фрейд характеризует как эдипов комплекс. Всякое покровительство, необходимость льстить и подчиняться вызывает нарастающее раздражение и жажду мести. Отношение Берии к Сталину вполне вписывается в этот патологический комплекс. Даже современники замечали нарастающую отчужденность Лаврентия от своего благодетеля. Первое, что он сделает, придя к власти, начнет решительно менять установленную предшественником систему. Подобное было в конце XVIII века, когда Екатерину II сменил ненавидящий ее сын Павел I.

Слева направо: Анастас Микоян, Никита Хрущев, Иосиф Сталин, Георгий Маленков, Лаврентий Берия, Вячеслав Молотов

Георгий Маленков и Лаврентий Берия

Маленков и Берия выносят гроб с телом Сталина

Советы без коммунистов

В новом коллективном руководстве страной Берия абсолютный лидер. Но он считает, что не может занять место Сталина. В стране, победившей фашизм, сильны настроения русского национализма, еще один грузин на троне вызовет ропот. На главную должность председателя правительства Берия выдвигает своего приятеля и союзника Маленкова, у которого два бесценных качества – он русский и совершенно лишен политической воли. Берия рассчитывал управлять страной, даже если формально Маленков числился бы первым человеком в государстве.

9 марта 1953 года – похороны Сталина, на трибуне Мавзолея коллективное руководство, три речи. Первая Маленкова, вторая Берии, третья Молотова. Стране и миру становится понятно: Берия – человек номер два в Кремле. Но тем, кто находился на трибуне мавзолея, ясно и другое. Берия не просто второй, это второй, который мнит себя первым. Скоро он будет засыпать своих товарищей по президиуму смелыми записками, проводить реформы и рассылать членам ЦК материалы, компрометирующие Сталина.

Вот как вспоминал похороны Сталина Константин Симонов:

Берия, грузно распирающий широкими плечами стоящих с ним рядом, в пальто, закутанный в какой-то шарф, закрывающий подбородок, в шляпе, надвинутой по самое пенсне, шляпа широкополая, вид мрачно-целеустремленный, не похож ни на кого другого из стоящих на Мавзолее. Больше всего похож на главаря какой-нибудь тайной мафии из не существовавших тогда, появившихся намного позже кинокартин... Чем инициативнее он вел себя, чем больше выдвигал предложений, чем больше спекулировал на общем нежелании возникновения внутренних конфликтов, тем успешнее он добивался того, что укрепляло его позиции и расширяло его возможности захвата власти, к которому он готовился...

Берия становится первым заместителем главы правительства Маленкова и министром внутренних дел (Министерство государственной безопасности было упразднено). Однако инициативы Берии очень скоро выходят за рамки МВД.

Лаврентий Берия не был теоретиком. Его идеология проявляла себя в действиях. И нам кажется, что направление этих действий выработалось еще в Баку. Лаврентию Павловичу даже со времен пылкой юности были абсолютно не интересны идеологические химеры. Он с одинаковой эффективностью мог служить конторе Нобеля, меньшевистскому Бакинскому совету, азербайджанской контрразведке или большевистской ЧК. Вся его работа в Грузии очень конкретна. Грузинские большевики не зря чувствовали в нем беспартийного и беспринципного прагматика. И его борьба с ними действительно в некотором смысле была классовый борьбой. По тогдашней терминологии, он был скорее «спец», попутчик. Конечно, он вынужден был маскироваться, изображать из себя твердокаменного большевика в общении со своими покровителями.

Берии повезло именно потому, что Сталину были нужны именно такие люди – управляемые, но эффективные «менеджеры», которые в то же время не лезли в теорию. Потому что теоретик в ВКП(б) на самом деле мог быть только один – сам Иосиф Виссарионович. И когда Сталин по всей стране, а Берия в Грузии, с удовольствием уничтожали старых коммунистов, они шли в одном направлении, но с разной мотивацией. Сталину не нужны были конкуренты, умники, интеллектуалы, постоянно ему противоречащие. А Берия считал идеологов абсолютно бессмысленной частью правящей системы. Не случайно главным составителем его речей был сын царского жандарма, «белый» по духу Всеволод Меркулов. Полагаем, что Шалву Церетели

или Богдана Кобулова тоже нельзя назвать убежденными коммунистами. Уже в Грузии, а потом в Москве Лаврентий Берия делает ставку на специалистов.

На допросе от 13 июля 1953 года сын Берии Сергей рассказал о высказывании отца, которое прекрасно характеризует его мировоззрение:

В конце 1952 года, по возвращении из командировки, я в числе других работников был в кабинете у Берии Л. П. в Кремле. Во время обсуждения одного из вопросов стала обсуждаться одна кандидатура, и в процессе обсуждения кто-то сказал, что этот человек (чья кандидатура обсуждалась) работает не за страх, а за совесть. Берия Л. П. серьезно заметил, что «нет людей, работающих за совесть, все работают только за страх». Меня это высказывание Берии Л. П. настолько поразило, что я на том же совещании сказал ему: «Как же так, ведь советские люди работают из-за убеждений, из-за совести». На это Берия Л. П. мне сказал, что я не знаю жизни.

На самом деле, система стимулирования в бериевских учреждениях от каторжных зон ГУЛага до привилегированных закрытых городов Атомного проекта была куда более сложной. С одной стороны, шаг в сторону, побег – конвой стреляет без предупреждения, с другой – высокая производительность труда, особая квалификация влечет увеличение пайка, улучшение условий содержания, а иногда гарантирует огромные зарплаты и сталинские премии. В любом случае, Берия не верил в силу партийной накладки. В лагерях, шарашках, в Сухуми и Сарове партийная работа, как мы знаем, не велась.

Можно предполагать, что эволюция советской системы при Берии шла бы в сторону ограничения роли коммунистической партии за счет передачи полномочий хозяйственным органам. Такая тенденция была перед смертью и у Сталина. Еще на XIX съезде он ликвидировал в партии единоначалие. Должность Генерального секретаря была упразднена, а секретарей ЦК стало десять человек, без всякого председателя, формального руководителя. Правда, Никиту Хрущева освободили от должности первого секретаря Московского обкома, он стал членом Политбюро, работавшим только в секретариате. То есть он был очевидным, но неформальным лидером партии. Сталин руководил страной, будучи главой правительства, как в свое время Ленин. И после смерти вождя глава правительства рассматривался всеми фактическим главой страны.

Взгляды Лаврентия Берии на партию ярче всего проявились в его репликах во время беседы руководителей СССР с Матиашем Ракоши и другими венгерскими коммунистами. Берия поносил венгров за неэффективную хозяйственную политику, развитие тяжелой промышленности в ущерб легкой и сельскому хозяйству и требовал, чтобы венгерская компартия не лезла в экономику, а сосредоточилась на своей главной задаче – пропаганде.

Вот что отмечал в докладной записке управляющий Советом Министров Михаил Помазнев:

Берия нетерпимо относился к партийным и общественным органам, работникам и мероприятиям. Он культивировал неуважение к аппарату ЦК, участие в общественных мероприятиях считал бездельем. Когда приходилось присутствовать на парткоме, на собрании или заседании и в это время был звонок от Берии, всегда был скандал. Он много раз говорил, что это могут допускать лишь бездельники.

Антипартийные настроения Лаврентия Павловича не могли быть незамеченными его товарищами по Президиуму ЦК. На июльском пленуме 1953 года они незаслуженно обвиняли Берию во многих грехах, но суть его мировоззрения чувствовали верно.

Никита Хрущев:

Он исключает руководящую роль партии, сводит ее роль на первых порах к кадрам, а по существу партию сводит на положение пропаганды. Он вносил сознание, что роль партии отошла на второй план, а когда он укрепитя, тогда совсем ее уничтожит.

Вячеслав Молотов:

Он держал курс от социализма на капитализм. Берия – классовый враг. Какие силы могли поддержать вонючего клопа Берия? Этот человек дышит не нашим духом, он чужой в нашей партии, он другого корня, он чужой человек.

Каким бы стал СССР, будь Берия единоличным руководителем? Это видно по шагам, которые были предприняты им в короткий период весны – начала лета 1953 года.

Карательным органам запрещалось применять пытки. Началась реабилитация политических осужденных или находящихся под следствием по наиболее одиозным делам. На свободе оказались подсудимые по «авиационному делу», по «делу врачей», по «мегрельскому делу». Были реабилитированы маршал артиллерии Н. Яковлев и другие осужденные по «делу артиллеристов». Посмертно реабилитировали Михаила Кагановича, брата Лазаря. Вышла из тюрьмы жена Молотова Полина Жемчужина. Шло расследование убийства Соломона Михоэлса. Надо заметить, что ни один из реабилитированных не был жертвой самого Берии. Можно полагать, что процесс реабилитации продолжался бы и дальше в том направлении, которое позже было подхвачено Хрущевым на знаменитом XX съезде.

Берия многое сделал для смягчения полицейского режима в стране. В записке от 13 мая 1953 года он пишет:

Если взглянуть на карту СССР, то можно видеть, что вся страна пестрит режимными городами и различными запретными зонами, где запрещено проживать гражданам, имеющим судимость и отбывшим наказание. При существующем положении граждане, отбывшие наказание в местах заключения и ссылки и искупившие тем самым свою вину перед обществом, продолжают испытывать лишения и обречены на мытарства.

Берия предлагал резко уменьшить ограничения для отбывших наказание. 20 мая 1953 года представленный Лаврентием Берией проект был оформлен решением Совета Министров СССР.

Берия, как многолетний глава ГУЛага, хорошо знает, что два с половиной миллиона заключенных работают в убыток стране и создают угрозу бунта. Он руководил ГУЛагом и Атомным проектом и понимает разницу между рабским и свободным трудом. Лагеря предлагается вывести из системы Министерства внутренних дел и передать в Министерство юстиции. По предложению Лаврентия Павловича провели знаменитую «бериевскую» амнистию. Под амнистию попали осужденные на срок до 5 лет, отбывавшие срок за должностные и хозяйственные преступления, женщины, имеющие детей до десяти лет, беременные, несовершеннолетние, пожилые и больные, страдающие неизлечимым недугом. На свободу выходят 1 241 000 человек. Большинству заключенных срок отбывания наказания сократили вдвое. Пересмотрен Уголовный кодекс в сторону смягчения наказаний за хозяйственные и должностные преступления. По этим статьям уголовная ответственность заменялась на административную.

Думается, Лаврентий Берия руководствовался не «милостью к падшим», а чисто прагматическими соображениями. Он хорошо знал, что лагерная система в экономическом отношении себя не оправдывает. Те массы людей, которые сидели за прогулы, опоздания на работу, за сбор колосков, не представляли общественной опасности. Разворот на либерализацию уголовного законодательства будет продолжен и после низвержения Берии.

По инициативе Лаврентия Павловича были закрыты наиболее одиозные сталинские хозяйственные проекты, рассчитанные на дармовой труд миллионов заключенных. Отменено строительство Главного Туркменского канала, канала Волга – Урал, Волго-Балта, ГЭС на Дону; железных дорог Салехард – Игарка и более мелких, тоннеля между Приморьем и Сахалином, ряда автомобильных дорог и промышленных предприятий. На всем этом удалось сэкономить 49 миллиардов рублей. Немалая сумма для страны, которая залечивает раны после войны. Из МВД исключили строительные главки, в том числе такие гиганты, как «Дальстрой», «Спецстрой» и «Гидропроект».

Эта установка на экономию бюджетных средств тоже будет поначалу продолжена Никитой Хрущевым – сокращение армии, отказ от линкоров, замена заключенных «комсомольцами-добровольцами».

Гораздо более радикальными были предложения в сфере национальной и внешней политики. Берия знает, что на Западной Украине и в Прибалтике идет настоящая гражданская война. В Литве репрессирован каждый десятый, но сопротивление продолжается. Берия критикует политику русификации и предлагает опираться на национальные кадры.

У Лаврентия Берии опыт руководства крупной республиканской партийной организацией. Сначала он руководил всем Закавказьем, а потом Грузией. В Грузии, например, он не организовывал большой индустриализации, а опирался на быстрые реки, которые приносили энергию, на марганец, на уголь. А главные силы потратил на сельское хозяйство. И он знал, что каждый разумный республиканский руководитель на своем месте, опираясь на свои национальные кадры, решит народно-хозяйственные задачи республики намного лучше, чем человек из Москвы.

Он поручает республиканским органам внутренних дел собрать информацию о национальном составе и кадровой политике в Западной Украине, Белоруссии и Прибалтике. Вот что выяснилось, например, в Литве:

В аппарате ЦК КП Литвы из 15 заведующих отделами всего 7 литовцев; в Каунасском обкоме партии из 11 заведующих отделами и секторами – 2 литовца; в Каунасском горкоме партии из 8 заведующих отделами – 1 литовец; в Вильнюсском обкоме партии из 16 заведующих отделами и секторами – 3 литовца; в Шауляйском обкоме партии из 8 заведующих отделами литовцев всего 2 человека. По Министерству совхозов Литовской ССР из 92 директоров совхозов литовцев только 27 чел.; по Министерству сельского хозяйства из 132 директоров МТС – 53 литовца и из 117 начальников политотделов МТС – 68 литовцев. В партийных органах республики, как правило, вторыми секретарями партийных комитетов состоят русские работники. Естественно, что при таком положении литовские товарищи не чувствуют в полной мере возложенной на них ответственности. Делопроизводство как в республиканских, так в районных партийных органах Литовской ССР, как правило, ведется на русском языке.

Инспектировать Литву Берия послал генерал-лейтенанта госбезопасности Николая Сазыкина. Как жаловался первый секретарь компартии Литвы А. Ю. Снечук, «этот Сазыкин был в Литве два раза, но в ЦК не зашел и ЦК не знал даже, что он был в Литве. Был инкогнито».

По итогам поездок Берия вызвал к себе руководителей МВД республики. Заместитель министра внутренних дел Мартавичюс вспоминал:

Берия обругал нас самой низкопробной бранью. Обрушился руганью с угрозами. Приказал переделать записку о положении дел в Литве, раздув состояние действующего националистического подполья.

В мае 1953 года МВД удалось арестовать командующего литовским подпольем Йонаса Жемайтиса, которого доставили в Москву, где с ним разговаривал сам Лаврентий Павлович, безуспешно предлагая найти компромисс (подобный план Берия вынашивал и по отношению к Украине). По инициативе Берии были приняты постановления Президиума ЦК КПСС «О положении в Литовской ССР» и «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР».

За Украину Берия взялся особенно серьезно. Туда были отправлены генерал-лейтенант Павел Мешик, бывший заместитель начальника Первого главного управления при Совете Министров (Атомного проекта), который стал министром внутренних дел Украины. Сам он коренной украинец, родился в Конотопе и отлично владел украинским языком. Его первым заместителем стал давний бериевец генерал-лейтенант госбезопасности Соломон Мильштейн.

Новые руководители произвели тотальную чистку чекистских кадров Украины, прежде всего в западных областях. Мешик ошеломил руководство республики, выступив на пленуме ЦК по-украински. Он дерзко посоветовал первому секретарю ЦК КПУ Мельникову учить украинский язык. Еще он рекомендовал партийным работникам слушать западные радиостанции: «Слушать „Голос Америки“ и Би-Би-Си – отнюдь не криминал, я и сам их слушаю». Или поражал партчиновников, заявляя: «...С удовольствием изучаю „Историю Украины“ Грушевского».

Кстати, прекратить глушить «вражеские голоса» предлагал и сам Берия. По словам первого секретаря Литовской ССР Снечкуса, «он, видите ли, готовит предложения прекратить вообще эту забивку, которая теперь существует».

Кроме того, Мешик потребовал от секретаря Киевского обкома П. Е. Шелеста вернуть «одолженный» для охоты катер пожарного надзора. Не дал первому секретарю Львовского обкома КПУ З. Т. Сердюку забрать себе дом из ведомственного детсада МВД, поставив вокруг свою охрану.

Большинство партийных чиновников Украины были хрущевскими людьми, и они жаловались Никите Сергеевичу, что Мешик заменяет партийные органы областными управлениями МВД. Позже именно действия бериевцев на Украине станут одними из основных обвинений Лаврентия Павловича в попытке захвата власти.

Но главное, что сделали Мешик и Мильштейн по указанию Берии – начали менять методы борьбы с бандеровским подпольем. От массовых высылки, арестов и военных операций МВД переходит к чисто чекистским методам: агентурной работе, радиограм, проверке лидеров УПА, созданию собственных центров руководства повстанческим движением. Предпринимались активные попытки переговоров с лидерами подполья с целью найти приемлемый компромисс для замирения Западной Украины. Начались тайные переговоры с главой униатской церкви И. Слипом по нормализации отношений с Ватиканом и легализации Греко-католической церкви на Западной Украине. По приказу Л. Берии в Москву привезли руководителя разведки УПА Василия Охримовича, через которого чекисты пытались выйти на националистическое подполье, чтобы убедить в нецелесообразности дальнейшей борьбы. С этой самой целью в тогдашнюю столицу СССР из сибирской ссылки привезли сестер Степана Бандеры, из Владимирской тюрьмы – президента Верховного Украинского совета освобождения Кирилла Осьмака.

Суть бериевских предложений сводится к тому, чтобы на этих территориях, где действовали партизаны-националисты, а карательные органы проводили массовые аресты и высылки, создать альтернативу для национально ориентированных молодых людей. Они, как это случилось в Грузии, должны иметь возможность карьерного роста и получения образования. Следует добиться того, чтобы высшие партийные и государственные должности занимали уроженцы самих республик, чтобы делопроизводство велось на коренном языке и чтобы все чиновники этот язык знали. Следовало провести «коренизацию» правоохранительных органов. Берия

даже предложил в каждой республике ввести свои ордена. При этом необходима ротация кадров на союзном уровне, чтобы национальные кадры ощущали СССР своей страной, дающей огромные возможности продвижения по службе.

Предложения Берии в области национальной политики в большинстве своем так и не были осуществлены. За первыми секретарями республиканских компартий, а они, как правило, принадлежали к «коренной нации», внимательно наблюдали вторые секретари, присланные из Москвы. Ротация кадров постепенно становилась все менее интенсивной. Национальные языки выдавливались на периферию, делопроизводство велось преимущественно на русском языке. Неясно, смогли бы бериевские начинания спасти Советский Союз от развала. Очевидно другое: подмеченные им недостатки этому развалу способствовали. Местный национализм питался засильем русского языка. Национальные партийные кадры приобретали характер кланов и воспринимали Москву как назойливого и ненужного контролера.

Но кое-что из инициатив Берии было использовано последующими руководителями страны. В прибалтийских республиках был введен гораздо более мягкий идеологический режим, чем в СССР в целом. Сохраняя мечту о былой независимости, прибалты вполне вписались в советскую систему. Так, по количеству коммунистов на душу населения среди всех народов Советского Союза на первом месте были эстонцы. Республики Прибалтики, наряду с Грузией, всегда были наиболее зажиточными, лидировали по количеству автомобилей, сложной бытовой техники на душу населения. К середине 1950-х годов подполье на Западной Украине и в Прибалтике перестало существовать. Более мягкая постсталинская практика оказалась эффективнее, чем террор.

Лаврентий Берия предлагал увеличить самостоятельность не только республиканских компартий, но и руководства социалистических стран. Со сталинского времени там существовала практика «советников» – людей из СССР, надзиравших за работой министерств и отраслевых отделов ЦК. Это вызывало раздражение не только населения, но и местной номенклатуры. Партийные работники старались следовать всем извещениям идеологической и экономической политики СССР. Как мы помним, Берия разругал венгерских коммунистов за чрезмерную индустриализацию.

Лаврентий Павлович единственный в Политбюро видел ядерные испытания. Он понимает, что сталинская внешняя политика неизбежно ведет к атомной катастрофе. Берия добивается переговоров о перемирии в Корейской войне, выступает за объединение Западной и Восточной Германии.

В последние годы жизни Сталина отношения СССР с Югославией находились на грани войны. Советскому разведчику Иосифу Григулевичу было поручено подготовить убийство Тито. Новое коллективное руководство единодушно хотело снять напряжение в отношениях с Югославией. Но Берия, опережая события, в тайне от других членов Президиума, составил письмо своему югославскому коллеге Ранковичу. Это послание изымут после ареста Берии и обыска в его кабинете. Его зачитает Георгий Маленков на июльском пленуме:

Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берии, который хорошо помнит Вас. Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам строго конфиденциально, что он и его друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран.

В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито, и если Вы и товарищ Тито разделяете эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц. Встречу можно было бы провести в Москве, но если вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде.

Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно.

По поводу этого письма Молотов на пленуме сказал:

Мы хотим нормализации отношений и мы письменно сформулировали в ЦК, как мы относимся к Югославии в настоящее время. Ясно, что если в лоб не удалось, мы решили взять другим. Надо установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами: послы, обмен телеграммами, деловые встречи и прочее...

А это что такое? Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берия, информировать товарища Тито и т. д. Первое, что мы должны для себя сказать: Берия – агент, классовый враг.

Конечно, позиция Молотова противоречила точке зрения и других членов Президиума, прежде всего Хрущева. Он считал Тито товарищем и много раз будет встречаться с руководителем Югославии.

До строительства Берлинской стены из Восточной Германии в Западную шел постоянный поток перебежчиков. По словам Вячеслава Молотова, «из Восточной Германии за два с четвертью года бежало полмиллиона человек». Недовольство населения, грозившее вылиться в восстание, было настолько очевидно, что советское руководство вызвало к себе вождей ГДР Вальтера Ульбрихта и Вильгельма Пика и приказало им умерить темпы индустриализации и коллективизации. Лаврентий Павлович лично неоднократно бывал в Германии, как мы уже писали, там располагался «Висмут» – крупнейшее предприятие по добыче урана для советской атомной программы, и знал положение дел лучше остальных членов коллективного руководства.

Предложения Берии по Германии были куда более радикальные, чем у его товарищей по Президиуму ЦК. Он хотел объединить Германию, вывести оттуда и западные войска, и советские. И создать нейтральное буферное дружественное государство вроде Финляндии и Австрии. Если бы план Берии был принят, это резко снизило бы напряжение в отношениях с Западом, и все те плоды сотрудничества с Германией, которые СССР стал получать с 1970-х годов, появились бы раньше. Не надо было бы строить Берлинскую стену и держать в ГДР Западную группу войск.

Интересно, что столь радикальная идея, возможно, впервые возникла даже не у Берии, а у Сталина. Осведомленный руководитель разведки Павел Судоплатов в своей книге писал:

В 1951 году Сталин предложил идею создания единой Германии с учетом интересов Советского Союза. Игнатьев еще до смерти Сталина утвердил специальный зондажный вопросник наших спецслужб за рубежом по этой проблеме. Перед самым Первомаям 1953 года Берия поручил мне подготовить секретные разведывательные мероприятия для зондирования возможности воссоединения Германии. Он сказал мне, что нейтральная объединенная Германия с коалиционным правительством укрепит наше положение в мире... Это означало бы уступки с нашей стороны, но проблема могла быть решена путем выплаты нам компенсации. Берия предупредил меня, что этот план является сверхсекретным, и аппарат Молотова, как и все Министерство иностранных дел, подключится к делу лишь на втором этапе, когда начнутся переговоры. Но Берия сказал: нам вообще не нужна постоянно нестабильная социалистическая Германия, существование которой целиком зависит от поддержки Советского Союза.

Молотов резко возражал, и вскоре была создана комиссия в составе Берии, Маленкова и Молотова для выработки политической

линии по германскому вопросу. Комиссия должна была подготовить условия соглашения объединения Германии с учетом продления на 10 лет срока выплаты репараций в виде оборудования для восстановления промышленности и строительства автомобильных и железных дорог в СССР, что позволило бы нам решить транспортные проблемы и в случае войны быстро перебрасывать войска в Европу. Репарации составляли примерно 10 миллиардов долларов.

Существует мнение, что начинание Берии спровоцировало восстание в Берлине 17 июня 1953 года и что якобы Лаврентий Павлович был послан в Германию исправлять свои ошибки. Это абсолютно не соответствует действительности. Инициатива Берии была сугубо секретна. Раскол в руководстве ГДР произошел после критики Ульбрихта из Кремля. И наконец, Берия не был во время восстания в Берлине. Разбираться с бунтующими немцами туда послали Богдана Кобулова.

Внешняя политика – прерогатива Молотова, оборона – Булганина, а Берия дает своему аппарату приказ собирать материалы об обороноспособности, в частности очень конкретно: способны ли наши вооруженные силы противостоять американским? Он подыскивает себе в секретариат и в помощники специалистов по сельскому хозяйству. Но ведь есть кому, кроме него, в Президиуме ЦК заниматься сельским хозяйством...

Берия задумывает не одну радикальную реформу. За короткие сроки он начинает колоссальную перестройку на много лет вперед. Берия гораздо решительнее Хрущева и Горбачева. Он верит не в партийные догмы, а в здравый смысл, действует, как всегда, рационально и не замечает, что рушит основы сталинской системы. Он больше технократ, чем политик, и не понимает, что своими действиями подписывает себе смертный приговор. Что товарищи по Президиуму, испугавшись, кстати небезосновательно, за свою власть и власть партии, его останавливают.

Невероятная активность Берии пугает его соратников по коллективному руководству. Они не хотят быть пешками в чужой игре. Более того, Берия откровенно хамит, поучает своих коллег, часто даже в присутствии подчиненных. Свидетелем таких разговоров стал Павел Судоплатов. Он вспоминал:

В апреле 1953 года в поведении Берии я стал замечать некоторые перемены: разговаривая по телефону в моем присутствии (а иногда и еще нескольких старших офицеров госбезопасности) с Маленковым, Булганиным и Хрущевым, он открыто критиковал членов Президиума ЦК партии, обращался к ним фамильярно, на «ты». Однажды, зайдя в кабинет к Берии, я услышал, как он спорит по телефону с Хрущевым: послушай, ты сам просил меня найти способ ликвидировать Бандеру, а сейчас ваш ЦК препятствует назначению в МВД компетентных работников, профессионалов по борьбе с национализмом. Развязный тон Берии в общении с Хрущевым озадачивал меня: ведь раньше он никогда не позволял себе такую вольность, когда рядом были его подчиненные.

Берия устраивает публичные выволочки министрам и секретарям парторганизаций, над которыми формально не имеет власти. Ведет себя как глава государства. Решительно все, выступавшие на июльском пленуме 1953 года, жаловались на хамство Лаврентия Павловича.

Климент Ворошилов:

Берия при жизни товарища Сталина был нахален, груб, высокомерен, нагл, стремился всюду и везде показать свое превосходство перед другими, не считался с человеческим самолюбием и достоинством. Товарищ Зверев (министр финансов. – *Авт.*) на меня смотрит и думает: правду я говорю. Сколько он ему говорил всяких мерзостей, гадостей. Нет ни одного товарища

из тех, которые здесь присутствуют, из членов правительства, будет ли это бывший министр или теперешний, которому бы Берия не наговорил самых дерзких, самых наглых и ничем не вызываемых со стороны этого товарища гадостей, оскорблений, указывал бог знает на какие мерзости, ни с чем несообразные. Только бы обидеть, унижить человека.

Министр транспортного машиностроения Вячеслав Малышев:

Нам было больно, я прямо скажу, зачастую было обидно и больно видеть, как Берия грубо обрывал, третировал не только нас, министров, – мы уже с этим делом смирились, – а руководящих деятелей нашей партии и правительства. Было просто обидно, например, за товарища Ворошилова. Я помню, как Климент Ефремович докладывал по уставу Объединенного добровольного общества. Берия грубо обрывает, оскорбляет. Ну, просто сидишь, и всего тебя скребет.

Управляющий Советом Министров Михаил Помазнев приводил такие детали:

Было сказано: «если будет лезть к моему аппарату, руки отрубим». В грубой резкой форме заявил, что выгоним, и никто не поможет.

Заместитель Берии по Атомному проекту Авраамий Завенягин:

С самого начала бросалось в глаза главное качество Берии – это презрение к людям. Он презирал весь советский народ, презирал партию, презирал руководителей партии. И в этом презрении оказался слепцом, он считал за простаков членов Президиума ЦК, которых он может в любой момент взять в кулак и изолировать. А оказался сам простаком, слепым бараном...

Для Берии не было ничего святого. Каждый работник имел у него эпитет, которых у него был запас. Он не мог назвать, что называется, ни одного человека, которого бы уважал. Много раз приходил на память знаменитый Собакевич, у которого во всем городе не оказалось ни одного порядочного человека, был один порядочный человек – прокурор, да и тот свинья. Так и у Берии – не было людей, которые заслужили бы уважение, к которым он сам мог бы относиться по-человечески.

Министр черной металлургии Иван Тевосян:

Берия пытался держать министров в страхе божием. Бесконечные окрики, угрозы снять с работы, объявить выговор, отдать под суд – вот набор слов в его выступлениях в адрес министров.

Министр нефтяной промышленности Николай Байбаков:

Зная Берию по совместной работе более 10 лет, я не помню случая, чтобы какой-нибудь разговор по телефону или при личной встрече проходил в спокойных тонах. Как правило, он любил выражаться нецензурными словами, оскорблял словами вроде таких: «переломаю ноги», «переломаю ребра», «посажу в тюрьму», «пойдешь в лагерь», «свалю с вышки, на которую ты забрался» и так далее.

Таковыми запомнили министры методы работы «лучшего менеджера XX века».

Удивительно, что такой опытный политик, как Берия, за короткий срок допустил столько грубых ошибок. Даже Сталин никогда не позволял себе так открыто хамить подчиненным, как это делал Лаврентий Павлович. Нахрапистость министра внутренних дел и оскорбляла,

и пугала членов Президиума ЦК. Им казалось, что Берия, наконец, перейдет от угроз к действиям. Воспоминания о сталинском терроре были еще очень свежи, и оказаться на Лубянке никому не хотелось.

При этом поведение Берии в значительной степени было построено на блефе. Он действительно пытался противопоставить аппарат МВД аппарату ЦК, но силы здесь были явно не равны. Карательные органы под руководством Абакумова и Игнатьева были в значительной степени освобождены от бериевских кадров. Часть соратников Берии до марта 1953 года сидела в тюрьме, часть работала в других ведомствах. Управлять страной, опираясь на Деканозова, Людвигова, Ордынцева, Меркулова, братьев Кобуловых и еще десяток человек, было безумием.

Маленков и Хрущев строили свой кадровый резерв десятилетиями. У Хрущева хорошие отношения с руководством Украины, Москвы, с военачальниками. Маленкову были обязаны большинство первых секретарей обкомов, многие министры. А вот Берия доверял только друзьям юности, тем, кого он взял с собой из Тбилиси, и очень немногим московским знакомым. И все это были кавказцы. Известно, что время от времени Берия в телефонных разговорах переходил на грузинский язык в присутствии подчиненных. А при росте русского национализма и антикавказских настроений это представлялось небезопасным.

При Брежневе в ходу было выражение «бережное отношение к кадрам». Сталин уничтожил всех своих действительных и мнимых врагов, но тех, кто был ему предан, холил и лелеял. Это были не только старые партийные товарищи, выходцы из Первой конной, но и выдвиженцы времен великого перелома, молодые наркомы времен Великой Отечественной войны и комсомольцы 1940-х. При всей своей жестокости вождь умел быть любезным, обаятельным, заботливым.

Даже своих будущих жертв он мог убедить в своей дружелюбии, так что они умирали с именем Сталина на устах, думая, что не он виновен в их трагической участи. Сталин почти не допускал личных оскорблений и унижений.

Все это за него выполняли такие, как Берия. Берия привык быть дубинкой, но его терпели, пока эта дубинка была в руках вождя. Теперь столь дерзкое хамское поведение выглядело совершенно неоправданным. Все это не могло не раздражать основную часть аппарата. Как показали дальнейшие события, ни в одном ведомстве у Лаврентия не было крепких позиций. Два его заместителя по МВД Иван Серов и Сергей Круглов встанут на сторону заговорщиков. Среди его сторонников не оказалось ни одного военачальника, министра, члена Президиума ЦК, руководителя республиканской парторганизации (может быть, за исключением Багирова). Берия в 1953 году казался страшнее, чем был на самом деле.

Лазарь Каганович вспоминал:

На другой день после смерти Сталина, когда еще Сталин лежал в Колонном зале, он начал свергать мертвого Сталина, он стал мутить, пакостить, то рассказывал, что Сталин говорил про тебя то-то, про другого то-то, то говорил, что Сталин и против него, Берии, шел. Он нам, группе людей, говорил: «Сталин не знал, что если бы он меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание».

Дальнейшие события показали: когда дело действительно дошло до ареста, восставать никто даже не пытался.

Июньский путч

Инициатором заговора против Лаврентия Берии явился Никита Хрущев. Может быть, он, «последний коммунист» – как назвал его в знаменитой перестроечной статье Анатолий Стреляный, – лучше других понимал, что Берия хочет выдавить партию на обочину. Во всяком случае, он утверждал, что предупреждал Николая Булганина об опасности, исходящей от Берии, еще на даче Сталина, когда они вместе дежурили у постели умирающего вождя.

Никита Хрущев был человеком отважным, резким, безжалостным. Это он доказал всей своей дальнейшей биографией – докладом на XX съезде, решительной чисткой Президиума ЦК от сталинских кадров, Кубинским и Берлинским кризисами. С другой стороны, он как никто владел искусством мимикрии. Его считали недалеким дурачком, таким деревенским «Миколой» (так его любил называть Сталин).

Первым Никита Хрущев завербовал министра обороны Николая Булганина – давнего своего сослуживца и конфидента. Тот был запуган Берией, грозившим уволить его за то, что он не поддержал бериевского предложения по германскому вопросу. Молотов был больше всех раздражен бериевскими инициативами, с ним у Никиты Сергеевича проблем не возникло.

Дипломат и историк Валентин Фалин рассказал нам:

В Политбюро в тогдашнем Берию поддерживал только Маленков практически. Из-за вовлеченности и того и другого в ленинградскую авантюру. Все остальные были против. Молотов был против, поскольку Берия на него нападал. Против был Микоян. В связи с тем, что сын Микояна был женат на дочери Кузнецова. Можем перебрать всех остальных членов Политбюро тогдашних, и окажется, что практически тех, кто по-настоящему мог как-то сомкнуться с Берией в Политбюро, тогда не было. И, конечно, Хрущев тоже ушлый был человек. Я его наблюдал с ближайшего расстояния с 61-го по 63-й год, писал все речи по германским делам, все послания Кеннеди писал для него, и записки ему по многим вопросам, связанным с Германией, готовил. Поэтому я его наблюдал буквально, как вас сейчас, во всех его прелестях и во всех его сильных и слабых сторонах. Это очень был ушлый человек.

Ключевое значение имела позиция осторожничающего Маленкова. Хрущев начинает его вербовать, играет на самолюбии: «Все видят, что Берия тобой помыкает, а ведь ты – глава правительства»... Рискованные переговоры неожиданно увенчались успехом. Чтобы получить абсолютную власть, Маленков соглашается выступить против Берии.

Очень скоро Маленкову припомнят «ленинградское дело» и дружбу с Берией. С выступления против Берии начнется его собственное падение. Но пока Маленков – важнейшая фигура заговора. Именно он должен заманить своего старого друга в ловушку.

Надо сказать, что риск проиграть у «хрущевцев» был: Микоян и Ворошилов отказались участвовать в заговоре, боялись провокации. Остальных членов Президиума, за исключением Михаила Первухина, в известность решили не ставить: вдруг проболтаются?

Берия мог рассчитывать на подчиненные ему внутренние войска – ввести в Москву две дивизии. МВД подчинялась и охрана Кремля. Московским военным округом командовал генерал-полковник Павел Артемьев. С 1938-го он подчиненный Берии – командир отдельной дивизии НКВД, начальник Управления оперативных войск НКВД СССР.

Хрущев опирался на военных. 25 июня рано утром он вызвал к себе командующего войсками Московского района ПВО генерал-полковника Кирилла Москаленко, с которым вместе воевал на Украине, под Сталинградом, на Курской дуге. Никита Сергеевич попросил Москаленко подобрать несколько человек, которых он лично знает и которым доверяет, для

исполнения специального задания партии. О самом задании ничего сказано не было. Москаленко выбрал первого заместителя командующего войсками Московского военного округа генерал-лейтенанта П. Батицкого, начальника штаба Московского округа ПВО генерал-майора А. Баксова, адъютанта Москаленко подполковника В. Юферева. Тут же им перезвонил Булганин и попросил завтра утром зайти в Министерство обороны.

Военные прибыли (Хрущев просил их захватить с собой личное оружие) в кабинет Николая Булганина в день переворота, 26 июня 1953 года, в девять утра. Только здесь маршал Булганин рассказал им о задании – арестовать Берию. Возражений это не вызвало.

День 26 июня Лаврентий Берия провел в Совмине. Сначала решал вопросы, подписывал бумаги, и в два часа должно было состояться совещание у Маленкова по сельскому хозяйству. Вопрос был «не его». Зато вечером Лаврентия ждало свидание сразу с двумя девушками одновременно. И не знал Лаврентий, не знали его заместители, что в Кремль уже въезжают машины министра обороны Булганина и маршала Жукова, где спрятались заговорщики.

Степан Микоян, сын Анастаса Микояна, рассказал нам:

Отец рассказывал – я, правда, в других источниках этого не видел, – что поскольку нельзя было в Кремль въезжать с оружием, то они посадили в свои машины каждый одного из трех этих генералов Батицкого, Москаленко и других. Посадили в свои машины. С моим отцом ехал, кажется, Москаленко. Поскольку их машины не досматривают, так их провели с оружием. И они были в комнате соседней с залом заседания, там ждали, пока Хрущев не нажал на звонок. Когда Хрущев сказал: «Нам еще надо обсудить вопрос с Лаврентием Павловичем Берией», тот совершенно не ожидал, какой вопрос. «Есть к вам претензии». «Мне надо подготовиться, давайте в следующий раз соберемся». «Нет, – говорит, – сейчас». Нажал кнопку, вошли они и арестовали.

В 16.30 в кабинет Кремля, где собрались члены Президиума ЦК, вошли военные. Берия был схвачен; с этого времени начался отсчет времени до его казни.

Но такого исхода не ожидали тогда ни он, ни большинство партийной элиты. Во всяком случае, в сохранившемся наброске выступления Маленкова на заседании Президиума ЦК написано:

Пост министра внутренних дел у товарища Берии – он с этого поста контролирует партию и правительство. Это чревато большими опасностями, если вовремя, теперь же, не поправить... МВД – пост дать другому... От поста зама председателя Совета Министров СССР – освободить, назначить заместителем министра нефтяной промышленности.

Это предложение поддержал и Анастас Микоян.

Палач под следствием

Из бункера штаба Московского военного округа, где он оказался, Берия пишет письма своим бывшим соратникам. Он надеется на снисхождение, как те, кто писали в свое время письма ему, главе Грузии, наркому внутренних дел.

Неужели член Президиума ЦК не заслуживает того, чтобы его дело тщательно разобрали, предъявили обвинение, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Почему делать так, как сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении члена ЦК и своего товарища после 5 суток отсидки в подвале казнить его. Во имя памяти Ленина и Сталина прошу, умоляю вмешаться и незамедлительно вмешаться, и вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен, верный ваш друг и товарищ, верный член нашей партии.

Подозрения, которые он высказывает в письме «товарищам», что его казнят без суда, оказались напрасными. Конечно, суд над ним будет предвзятым, но в том, что следствие и суд состоялись, сомнений нет. Некоторые публицисты, вслед за Серго Берией, утверждают, что Лаврентия Павловича убили то ли при аресте, то ли вскоре после него. Но тогда следует считать все хранящиеся в архиве и опубликованные протоколы допросов Берии искусной подделкой. Зачем было прибегать к столь изощренной и трудоемкой фальсификации – непонятно. Кроме того, существует множество воспоминаний людей, видевших Берию во время следствия и суда. Невозможно поверить, что все они врут. Ведь многие рассказывали об этом уже в годы перестройки, когда бояться было уже нечего. Версия о двойнике Берии выглядит фантастической.

Лаврентий напоминает в своих письмах «дорогим товарищам», как спасал он их от гнева Сталина, как много и плодотворно они работали вместе. Берия кается в своей чрезмерной активности и просит сохранить ему жизнь. Лаврентий Павлович, как в грузинском застолье, каждому произносит отдельный красивый тост.

Маленкову:

У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться, и всегда для дела получалось лучше. Я видел в лице тебя старшего, опытного партийного деятеля большого масштаба, талантливого, энергичного и неутомимого, прекрасного друга и товарища, я никогда не забуду твою роль в отношении меня в ряде случаев, и особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии. И когда не стало товарища Сталина, я, не задумываясь, назвал тебя, так же как и другие товарищи, Председателем Правительства, и что считал и считаю это единственно правильным.

Молотову:

Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение к Вам. Я не раз говорил, тот, кто ссорит Молотова со Сталиным, тот совершает чудовищное преступление перед нашей Страной и нашей Партией.

Ворошилову:

Клемент Ефремович! С т. Маленковым Г. М. очень часто говорили между собой и другими товарищами о предложении т. Сталину назначить

Вас председателем Президиума Верховного Совета, и только теперь было это проведено.

Хрущеву:

Никита Сергеевич! Мы всегда были большими друзьями, я всегда гордился тем, что ты прекрасный большевик и прекрасный товарищ, и я не раз тебе об этом говорил, когда удавалось об этом говорить, говорил и [товарищу Сталину]. Твоим отношением я всегда дорожил.

Булганину:

Никогда и нигде я тебе плохого не делал. Помогал честно и как мог, т. Маленков Г. М. и я не раз о тебе говорили Сталину, как о прекрасном товарище и большевике.

Кагановичу и Микояну:

Всегда видел с вашей стороны принципиальные отношения, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог.

ности Берии». Из самого названия доклада понятно, что пост замминистра последнему уже не светит и судьба его трагически предрешена.

Собственно материалов, которые бы изобличали эту антипартийную, а особенно антигосударственную деятельность, у выступавших нет. И поэтому они просто ругают Берию обидными словами. Кто-то говорит – он хамелеон. Другой – это мерзавец. Андреев назвал Берию контрреволюционным фашистским заговорщиком, просто обругал, но идею подхватили. Можно сказать, что обвинительное заключение рождается в Большом Кремлевском дворце еще до начала следственных действий.

После ареста Берии, как это водилось со времен Сталина, арестовали и всех его родственников. Жена Нина Теймуразовна и сын Серго полтора года сидели в Бутырках. У них добивались показаний на Лаврентия Павловича. И хотя Нина Теймуразовна прекрасно знала о преступлениях Берии, знала о том, что он ей не верен, она единственная из всех, кого допрашивали, единственная среди друзей, среди членов семьи не дала на него никаких компрометирующих показаний, кроме свидетельства о том, что в 1942 году Берия болел сифилисом и с тех пор они не жили как муж и жена. Она повторяла, что не верит, чтобы он мог совершить какое-либо преступление.

В бункере штаба Московского военного округа не было специальных тюремных помещений, для содержания Берии приспособили одну из комнат бункера. Принесли сюда армейскую постель, тумбочку, стол, стул, письменные принадлежности, которые потом убрали, посуду. Единственный человек, с которым он общался, – майор Хижняк. Он был ему и официантом, и парикмахером, и ординарцем, и собеседником. И Берия жаловался Хижняку на то, что следствие не интересуется истина, на то, что суд наверняка будет несправедливым, просил передать весточку на волю, впал в отчаяние и, в конце концов, написал на стене: «Они хотят меня убить».

Наша съемочная группа побывала в штабе Московского военного округа на Софийской набережной. В центре огромного четырехугольного двора – покрытый травой холм. Это и есть тот самый бункер, в котором почти полгода содержался Лаврентий Берия. За железной дверью бетонная лестница, уводящая нас глубоко под землю. Снова железные двери, коридор, ведущий к комнате без окон, в которой содержался Берия. Там сейчас военные постарались воссоздать обстановку бериевской темницы. Солдатская железная кровать, деревянный табурет, тумбочка, кружка. Такой своеобразный музей Лаврентия Берии. Других, впрочем, не существует.

С июля по октябрь 1953 года почти каждый день из бункера под конвоем выводят Лаврентия Берию. Его ведут в здание штаба на второй этаж, где его допрашивают. В штабе, конечно, догадываются о том, что за узник сидит в бункере. Хотя окна первого этажа специально замазаны краской, в ней делают дырочки, для того чтобы посмотреть на страшного Берию. Следствие продолжается до осени. Допросы ведет генеральный прокурор СССР Роман Руденко. Он – креатура Хрущева, а с Берией у него отношения особые. В 1937–1938 годах он, будучи прокурором на Донбассе и входя в «тройку» по Сталинской (ныне Донецкой) области, осудил десятки тысяч невинных людей. В 1940 году, «за нарушения социалистической законности» во время Большого террора Руденко был снят по представлению Берии с поста прокурора Сталинской области и отправлен в Москву на курсы. На весь мир Руденко прославился тем, что представлял СССР на Нюрнбергском процессе. Гораздо менее известна его роль в судопроизводстве над руководством польского подполья, которое было предательски вывезено с родины и осуждено в Москве на казни или длительные тюремные сроки.

Одновременно с Лаврентием Берией арестовано несколько десятков его бывших сослуживцев. Все они дают обширные показания против шефа, именно на этих показаниях строится тактика следствия. Благодаря Лаврентию Павловичу в стране были отменены пытки – возможно, это спасло его самого от мучений.

В поединке со следователями прокуратуры на допросах Берия вел себя стойко, последовательно и мужественно. Большую часть обвинений он отметал. Шпионаж в пользу мусаватистской и британской разведки он отрицал решительно, а никакой серьезной доказательной базы обвинение не нашло. Что касается нарушений социалистической законности, применения пыток, убийств, Берия ссылаясь на приказы Сталина. Для всей руководящей верхушки эта тема была слишком скользкой, потому что Сталин сумел так или иначе связать круговой порукой все партийное руководство. Каждый на партийном олимпе принимал участие в репрессиях.

Единственное, что Лаврентий Павлович не отрицал, – моральное разложение, понимая, что к уголовному делу это не пришьешь. При этом он утверждал, что все дамы вступали с ним в связь добровольно. Что же касается Вали Дроздовой, то в момент их знакомства ей было шестнадцать лет и статью за соращение несовершеннолетних Берии было не предъявить. Более того, она не один год жила с ним постоянно, имела от него ребенка и Лаврентий Павлович всерьез собирался узаконить с ней отношения. Из этого очевидно, что обвинение в изнасиловании тоже несостоятельно.

Бункер штаба Московского ВО

Камера, в которой содержался Лаврентий Берия

Генеральный прокурор СССР Роман Руденко

Обличительные заявления и показания Валентины Дроздовой и ее матери, вероятнее всего, вызваны страхом и продиктованы самими следователями. Осыпанные материальными благами Лаврентия Павловича, они боялись потерять то, что имели, и оказаться под следствием, как многие другие близкие Берии люди. Берия факт изнасилования, разумеется, всячески отрицал.

С 18 по 23 декабря 1953 года в здании штаба Московского военного округа Берия предстал перед специальной коллегией Верховного суда СССР. Вместе с ним на скамье подсудимых оказались обвиненные вместе с Берией в заговоре против советской власти Всеволод Меркулов, Владимир Деканозов, Богдан Кобулов, Сергей Гоглидзе, Павел Мешик, Лев Влодзимирский. Председательствовал на специальной коллегии маршал Иван Конев, все члены коллегии были проверенные люди, включая члена Президиума ЦК Николая Шверника, генерала Кирилла Москаленко, секретаря Московского обкома партии Николая Михайлова.

Из восьми членов коллегии только двое обладали юридическим образованием – председатель Московского городского суда Леонид Громов и первый заместитель председателя Верховного суда СССР Евгений Зельдин. На судебном заседании не было ни прокурора, ни защитника. Всех подсудимых приговорили к смертной казни через расстрел.

Казнь Берии происходила все в том же бункере. На той самой бетонной лестнице, ведущей на поверхность. Отвечать за приготовления к экзекуции должен был майор Хижняк. Солдаты под его руководством сколотили деревянный щит, чтобы не было рикошета. (Сегодня этот щит воссоздан.) Вбили туда металлическое кольцо. Берии завязали руки за спиной и привязали к кольцу. После чего Хижняк, который раньше не участвовал в казнях, начал завязывать Берии глаза полотенцем. Генерал-полковник Павел Батицкий, присутствовавший при казни, сказал: «Ну-ка перестань это делать, пусть смотрит своими глазами!»...

При расстреле Берии, кроме Батицкого, присутствовали генеральный прокурор Руденко, генерал Москаленко и два партийных работника – Шверник и Михайлов. Они стояли на площадке над лестницей, ведущей в бункер. Потом Батицкий спустился на пару ступенек ниже, вынул парабеллум и выстрелил Берии прямо в переносицу. Тело обмякло. Развязали веревки, приготовили брезент и стали заворачивать в него труп. А майор Хижняк не выдержал и упал в обморок.

Валентин Фалин, дипломат и историк, рассказал нам:

Я знаю от очевидца, кто его вел на расстрел, он говорил: «Да что ж вы делаете?!? Я же подарил Советскому Союзу атомную бомбу! Я сделал атомное оружие!». Шел, его под руки держали, у него ноги уже не шли.

Никто не знает, где точно похоронен Лаврентий Берия. Скорее всего, на участке невосребованных прахов Донского кладбища. Здесь хоронили расстрелянных на Лубянке и в Лефортово.

Место расстрела Лаврентия Берии

Те, кто убил Берию, немедленно начали воплощать в жизнь то, за что они его расстреляли. Через два года улучшились отношения с Югославией. Через три года, на XX съезде партии, развенчали культ личности Сталина. Начали назначать руководителями союзных республик представителей коренной национальности. И даже, наконец-то, в 1989 году объединили Германию. Однако имя Берии было вычеркнуто из всех книг и учебников.

В истории советской цивилизации Берия – один из самых эффективных руководителей. Недаром говорили, что при нем Атомный проект работал, как швейцарские часы. За те 112 дней, что он фактически руководил государством, им были осуществлены или задуманы реформы, которые опережали свое время, но были осуществлены после его смерти. Процесс над Берией на самом деле принес двойную пользу руководству страны: соратники Берии свалили на него все свои грехи, а его идеи приписали себе и воспользовались ими возможно лучше.

Вполне вероятно, если бы Берии удалось удержаться у власти, коммунистическая система эволюционировала бы в сторону авторитаризма – к уменьшению роли идеологии, некоторому расширению личных свобод при отсутствии политических. Это было бы государство, единолично управляемое диктатором, опирающимся на тайную полицию и технократов. То есть Советский Союз пошел бы по тому пути, по которому через двадцать лет при Дэн Сяопине пошел коммунистический Китай.

Но нам представляется, что шансов стать во главе СССР у Берии было немного. Демонстративное презрение к партийной работе и идеологическим догмам делало его чуждым в коммунистической номенклатуре, тем десяткам тысяч «винтиков», благодаря которым работала советская система. Хрущев, а особенно Брежнев, были им куда роднее. Берия же оставался «человеком со стороны», опасным инородцем с чрезмерными амбициями. К тому же вплоть до 1970-х годов идеи социального равенства и построения справедливого общества были популярны во всех слоях общества, что позволяло коммунистическому руководству очень успешно манипулировать массами. Массам же в те времена был нужен скорее пламенный вождь (на худой случай Хрущев), нежели холодный прагматик.

Руины родового дома Лаврентия Берии в Мерхеули

На останках дома Берии в родном ему Мерхеули – тишина. Сюда не ходят туристы, здесь не собираются внуки и правнуки, тут не возлагают цветы. На Кавказе никто не произносит его имя хоть с какой-нибудь долей теплоты, благодарности. Между тем, это человек, который создал советскую атомную бомбу, защитил Кавказские перевалы от фашистов, первый пытался реформировать советскую систему после смерти Сталина. Видимо, перевесило другое. Перевесила память о концентрационных лагерях, о тюрьмах, о расстрелах и пытках 1937 года, о Катынском лесе, о сотнях тысяч загубленных невинных жизней, о миллионах разрушенных семей, о коварстве и жестокости нашего героя. Вся жизнь Лаврентия Берии, по сути, иллюстрация к известной библейской притче: вступить в сделку с дьяволом и обмануть его – невозможно. Других погубишь и сам сгинешь во тьме.

Избранная литература

- Абхазский архив. XX век. Выпуск 1 / сост. С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. – М., 2002.
- Авторханов А. Г.* Загадка смерти Сталина: заговор Берия. – 5-е изд. – Frankfurt/Main, 1986.
- Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. – М., 1989.
- Андреев Г.* История СГАО «Висмут». Уран для Мира. – М., 2013.
- Андрюшин И. А., Чернышёв А. К., Юдин Ю. А.* Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. – Саров, 2003.
- Безугольный А. Ю.* «Товарищ Берия и командующий фронтом приказали...»: Участие Л. Берии в руководстве обороной Кавказа в августе-сентябре 1942 г. // Военно-исторический архив. – 2002. – № 3. – С. 68–96.
- Безугольный А. Ю.* Участие высших государственных деятелей СССР в обороне Кавказа // Битва за Кавказ. Материалы Международной научной конференции 24–25 октября 2002 г. – Владикавказ, 2003.
- Берия: конец карьеры / отв. ред. В. Ф. Некрасов. – М., 1991.
- Берия Л. П.* К вопросу об истории большевистской организации в Закавказье. – М., 1935.
- Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В. Хаустов. – М., 2003.
- Дело о паритетном комитете антисовпартий Грузии. – Тифлис, 1925.
- Енукидзе А.* Наши нелегальные типографии в Закавказье. – М., 1925.
- Жертвы политического террора в СССР / Междунар. о-во «Мемориал» и др.; рук. проекта Я. З. Рачинский. – М., 2007. – 1 CD + 1 бр.
- Исмаилов Э. Р.* Азербайджан 1953–1956: Первые годы «оттепели». – Баку, 2006.
- Исмаилов Э. Р.* Власть и народ: послевоенный сталинизм в Азербайджане: 1945–1953. – Баку, 2003.
- История сталинского ГУЛага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. – М., 2004.
- Катынь. Март 1940 – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни / отв. составитель Н. С. Лебедева. – М., 2001.
- К истории мирного использования атомной энергии в СССР. 1944–1951: Документы и материалы: Сб. док. / Сост. Л. И. Кудинова, А. В. Щегельский. – Обнинск, 1994.
- Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1999.
- Лебедева Н. С., Петросова Н. А., Воицкий Б.* и др. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / под ред. Р. Г. Пихои, А. Гейштора, отв. ред. Г. И. Резниченко. – М., 1999.
- Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991 / сост. Н. В. Петров, А. И. Кокурин. – М., 2012.
- Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова. – М., 2003.
- Мацкевич Ю.* Катынь: пер. с польск. С. Крыжицкого. – Лондон, 1988.
- Мой отец Лаврентий Берия. Сын за отца отвечает. – М., 2013.
- Мясников А., Чазов Е.* Я лечил Сталина: из секретных архивов СССР. – М., 2011.
- Наумов Л. А.* Сталин и НКВД. – М., 2010.
- Петров Н. В., Скоржин К. В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник / О-во «Мемориал» и др.; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. – М., 1999.
- Петров Н. В., Кокурин А. И.* ГУЛАг: Главное управление лагерей. 1918–1960. – М., 2000.

- Петров Н. В., Кокурин А. И.* Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003.
- Петров Н. В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005.
- Петров Н. В., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008.
- Петров Н. В.* Кто руководил органами Госбезопасности. 1941–1954 гг. Справочник. – М., 2010.
- Петров Н. В.* По сценарию Сталина. Роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. – М., 2011.
- Петров Н. В.* Палачи. Они выполняли заказы Сталина. – М., 2011.
- Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945–1985. – М., 2007.
- Пихоя Р.* СССР. История Великой Империи. Под знаком Сталина. – М.; Л., 2009.
- Политбюро и дело Берия. Сборник документов / под общ. ред. О. Б. Мозохина. – М., 2012.
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. – М., 2003.
- Полян П. М.* Не по своей воле.: История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001.
- Радзинский Э.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Сталин. – М., 1998.
- Самсонова В.* Дочь Сталина. – М., 1998.
- Семин В. П.* На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). – М., 2008.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справ. / О-во «Мемориал»; Гос. архив РФ; сост. М. Б. Смирнов; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. – М., 1998.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / РГАСПИ. – М., 2001.
- Судоплатов А. П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Кн. 1 и 2. – М., 1998.
- Судоплатов П.* Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. – М., 2005.
- Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М., 1996.
- Судоплатов П.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М., 2005.
- Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М., 1997.
- Торчинов В. А., Леонтьев А. М.* Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. – СПб., 2000.
- Хлевнюк О.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996.
- Хлевнюк О.* Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 30-е годы. – М., 1993.
- Хлевнюк О.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010.
- Хлевнюк О.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. – М., 2011.
- Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. – М., 1999.
- ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933. – М., 2005.
- Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. – М., 1991.